

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

1351

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

І Ю Л Ъ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о
Памеховская улица, соб. домъ.

1890.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. ТРИ БОНЦА. (Уральская летопись). Часть III, гл. III—XII; часть IV, гл. I—VII. <i>Продолжение</i> .—Д. Сибириа (Д. Н. Мамма).	1
II. БЕЗЪ ДОГМАТА. Современный романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть II. <i>Продолжение</i>	91
III. СТИХОТВОРЕНИЕ.—В. Л. Величко	129
IV. МУЖИЦКАЯ «КАЛГОТА». (Разсказъ).—И. А. Салова.	131
V. ИРЛАНДЯ СОРОБЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ. Романъ миссъ Анни Керк. Гл. XXX—XXXV. <i>Продолжение</i> .—Переводъ В. М. Р.	146
VI. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Д. С. Меремковскаго.	188
VII. УЧЕНИЕ О ФОНДѢ РАБОЧЕЙ ПЛАТЫ.—М. Я. Герценштейна.	1
VIII. БЪ ВОПРОСУ О БИБЛИОТЕКАХЪ ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.—В. А. Мрандѣвскаго	28
IX. ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ. <i>Продолжение</i> .—М. А. А.	42
X. ОЧЕРКИ БЫТА НАСЕЛЕНІЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.—Н. М. Астырева.	66
XI. ЭВОЛЮЦІЯ ИДЕЙ-СИЛЪ.—В. А. Гольцева	80
XII. ВЪ ЧЕМЪ ИСТОЧНИКЪ НЕПРЕХОДЯЩИХЪ ДОСТОИНСТВЪ ДРЕВНЕ-ЭЛЛИНСКИХЪ КЛАССИКОВЪ.—Ө. Г. Мищенко.	90
XIII. РАБЛЭ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ. (<i>Paul Stapfer: «Rabelais, son génie, son oeuvre»</i>).—А. В. П-вой	108

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII

МОСКВА.

—
1890.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/89

AP50
R875
v. 11:7
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ТРИ БОНДА. (Уральская летопись). Часть III, гл. III—XII; часть IV, гл. I—VII. <i>Продолжение</i> .—Д. Сибиряка (Д. Н. Мамина).	1
II. БЕЗЪ ДОГМАТА. Современный романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть II. <i>Продолжение</i> . . .	91
III. СТИХОТВОРЕНИЕ.—В. Л. Величко.	129
IV. МУЖИЦКАЯ «БАЛГОТА». (Разсказъ).—И. А. Салова . . .	131
V. ИРЛАНДІЯ СОРОБЪ ЛѢТЬ НАЗАДЪ. Романъ миссъ ^{Анни} Бэри. Гл. XXX—XXXV. <i>Продолжение</i> . — Переводъ В. М. Р.	146
VI. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Д. С. Мерешковскаго.	188
VII. УЧЕНІЕ О ФОНДѢ РАБОЧЕЙ ПЛАТЫ.—М. Я. Герценштейна. . .	1
VIII. БЪ ВОПРОСУ О БИБЛИОТЕКАХЪ ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.—В. А. Крадѣевскаго.	28
IX. ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ. <i>Продолжение</i> .—М. А. А.	42
X. ОЧЕРКИ БЫТА НАСЕЛЕНІЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. — Н. М. Астырева	66
XI. ЭВОЛЮЦІЯ ИДЕЙ-СИЛЪ.—В. А. Гольцева	80
XII. БЪ ЧЕМЪ ИСТОЧНИКЪ НЕПРЕХОДЯЩИХЪ ДОСТОИНСТВЪ ДРЕВНЕ-ЭЛЛИНСКИХЪ КЛАССИКОВЪ.—Ф. Г. Мищенко . . .	90
XIII. РАВЛЭ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ. (<i>Paul Stapfer: «Rabelais, son génie, son oeuvre»</i>).—А. В. П-вой	108

852201

	<i>Стр.</i>
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— В. А. Г.	131
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Географическія новости.— В. М. Михайловскаго.	139
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Сессія IV международнаго тюремнаго конгресса въ Петербургѣ. — Новое «положеніе» о земскихъ учрежденіяхъ.—{Состоявшіяся измѣненія въ росписаніи уроковъ въ гимназіяхъ.—}25-тилѣтіе взятія Ташкента.— Открытіе памятника Готлебену на «Братской могилѣ». — Рѣшеніе вопроса о коммерческомъ портѣ въ Феодосіи.—Освобожденіе севастопольскихъ домовладѣльцевъ отъ поземельнаго сбора.	165
XVII. Н. Д. ХВОЦИНСКАЯ—В. КРЕСТОВСКИЙ-ПСЕВДОНИМЪ. (Библиографическій очеркъ).—Я.	191
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.— Публицистика.— Политическая экономія, финансы и статистика. — Юридическія книги. — Языкованіе и этнографія. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Дѣтскія книги и учебники. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>іюнь</i> . — «Русскій Вѣстникъ», <i>апрѣль—май</i> . — «Віевская Старина», <i>ноябрь 1889 г.—май 1890 г.</i>	295

ТРИ КОНЦА *).

(Уральская летопись).

(Посвящается М. Я. А—вой).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

III.

На займкѣ Основы привѣтливо свѣтился огонекъ. Она стояла на самомъ берегу р. Березайки, какъ разъ напротивъ мѣднаго рудника Крутяша, а за ней зеленою стѣной поднимался настоящій лѣсъ. Отбившись отъ кореннаго жила, займка Основы оживляла пустынный правый берегъ, а теперь, когда все кругомъ было покрыто снѣговымъ покровомъ, единственный огонекъ въ ея огнѣ точно согрѣвалъ окружающую мглу. Зимой изъ Бержацкаго конца на займку дорога шла черезъ Крутяшъ, но теперь Березайка еще не замерзла, а лубочныя пошевни Таисьи должны были объѣхать заводскою плотиною, повернуть мимо заводской конторы и такимъ образомъ уже попасть на правый берегъ. Небольшая пѣгая лошадка бойко летѣла по только что укатанной дорогѣ. Правила сама Таисья умѣлою рукой, и пѣгашка знала ея голосъ и весело взмахивала завѣсистую гривой.

— Охъ, горе душамъ нашимъ! — вздыхала Таисья, понукая пѣгашку.

Рядомъ съ ней сидѣла Аграфена, одѣтая по-зимнему, въ наголь-ный тулупъ. Она замерла отъ страха и все прислушивалась, нѣтъ ли погони.

— Матушка... смертынька... — шептала она, когда назади слышался какой-нибудь стукъ.

— Это на фабрикѣ, милушка... Да и брательникамъ сейчасъ не до тебя: женъ своихъ увѣчать. Совсѣмъ озвѣрѣли... И меня Спирька-то въ шею чуть не вытолкали! Вотъ управятся съ бабами,

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

тогда тебя бросятся искать по заводу и въ первую голову ко мнѣ налетятъ... Ну, да у меня съ ними еще свой разговоръ будетъ. Не бойся, Грунюшка... Видывали и не такую страсть!

Когда пошевни подъѣхали къ заимкѣ, на встрѣчу бросились двѣ большихъ сѣрыхъ собаки, походившихъ на волковъ. На ихъ отчаянный лай и рычанье въ огнѣ показалась голова самого хозяина.

— Кто крещеный?—спросилъ онъ.

— Свои, Аника Пароенычъ, — коротко отвѣтила Таисья, не выйдя изъ пошевней. — Отопри-ка намъ поскорѣе ворота, родимый мой... Дѣльце есть до тебя небольшое.

— А я тебя и не призналъ какъ будто, Таисьюшка... Што больно ускорила? Лысань, цыцъ!... Буфта... у, живорѣзы!...

Старикъ самъ отворилъ ворота и пошевни въѣхали на большой, крытый по - раскольниковъ, темный дворъ. Заимка Основы была выстроена вродѣ деревянной крѣпости, и ворота были всегда заперты, а собаки никому не давали проходу даже днемъ. Широкая пятистѣнная изба незамѣтно переходила въ другія пристройки, изъ которыхъ образовался крѣпкій деревянный четырехугольникъ. Тутъ были и конюшни, и амбары, и кладовыя, и какія-то таинственныя влѣтушки, какъ во всѣхъ раскольниковыхъ постройкахъ. Вся эта хозяйственная городьба пряталась подъ сплошною деревянною крышей.

Завидѣвъ незнакомую женщину, закрывавшуюся тулупомъ, Основа ушелъ въ свою переднюю избу, а Таисья провела Аграфену въ заднюю половину, гдѣ была какъ у себя дома. Немного погодя пришелъ самъ Основа съ фонаремъ въ рукѣ. Оглядѣвъ гостью, онъ не подалъ и вида, что узналъ ее.

— На перепутьи завернули, — объясняла Таисья уклончиво. — Мнѣ бы съ тобой словечкомъ перемолвиться, Аника Пароенычъ. Вишь, такое дѣло доспѣло, што надо въ Заболотье проѣхать... Какъ теперъ болотами-то: поди, еще не промерзли?

— Чистое не промерзло, а ежели съ Самосадки въ курени повернуть, такъ можно его и объѣхать.

— Слыхали, а бывать этою дорогою не доводилось.

Аграфена сидѣла у стола, повернувшись къ разговаривавшимъ спиной. Она точно вся онѣмѣла.

— Такъ я вотъ что тебѣ скажу, родимый мой, — уже шепотомъ преговорила Таисья Основѣ, — изъ огня я выхватила дѣвку, а теперь лиха бѣда схорониться отъ братьевниковъ... Ночью мы будемъ на Самосадкѣ, а къ утру, къ свѣту, я должна, значить, во-

ротиться сюда, чтобы на меня никакой замѣтки отъ братьяниковъ не вышло. Такъ ты сейчасъ же этого инока Кирилла вышли на Самосадку: повремени этакъ часокъ-другой, да и отправь его...

— Понимаемъ...

— Только и всего. А съ Самосади ужь какъ-нибудь...

— И это понимаемъ, Таисьюшка... Тоже и у насъ бывали рога въ торгу. На исправу везешь дѣвушку?

— Около того...

— Ну, твое дѣло, а я этого Кирилла живою рукой подмахну. Своего парня ужь пошлю на рыжкѣ.

— Ужь послужи, Аника Парѣнычъ, сосчитаемся...

Опять распахнулись ворота заимки и пошевни Таисьи стрѣлой полетѣли прямо въ лѣсъ. Нужно было сдѣлать версть пять околицы, чтобы выѣхать на мостъ черезъ р. Березайку и поцасть на большую дорогу въ Самосадку. Пѣгашка стояла безъ дѣла недѣли двѣ и теперь летѣла стрѣлой. Могутная была лошадка, точно сколоченная, и не кормя дѣлала версть по сту. Во всякой дорогѣ бывала. Таисья молчала, изрѣдка посматривая на свою спутницу, которая не шевелилась, какъ мертвая.

— Грунюшка, ужь ты жива ли?—спросила Таисья, когда пошевни покатались по широкой самосадской дорогѣ.

— Жива, матушка...

Голось Аграфены вдругъ дрогнуль и она завсхлипывала.

— О чемъ ты, милушка?

— Матушка, родимая, не поѣду я съ этимъ Кирилломъ... Своего страму не оберешься, а про Кирилла-то што говорить: дѣвушникъ онъ. Дорогой-то онъ въ лѣсу и ни вѣсть што со мной сдѣлаетъ...

Закрывъ лицо руками, Аграфена горько зарыдала.

— Вотъ вы всѣ такія...—заворчала Таисья.— Вы гуляете, а я расхлебывай ваше-то горе. Да еще вы же и топорщитесь: «не хочу съ Кирилломъ». Было бы изъ чего выбирать, милушка... Старца испугалась, а Макарки поганого не было страшно?... Весь Кержацкій конецъ осрамила... Неслыханное дѣло, чтобы наши кержанги съ мочеганами вязались...

Долго выговаривала Таисья несчастной дѣвушкѣ, пока та не перестала плакать и не проговорила:

— Матушка, какъ ты накажешь: вся твоя...

— Такъ-то лучше будетъ, милушка! Нашими бабьими слезами рѣки бы прошли, кабы имъ вѣра была...

У Таисьи не разъ у самой закипали слезы, но она сдерживала

свою бабью жалость, чтобы еще больше не «разхмѣлить» дѣвку. Тогда она говорила съ ней суровымъ тономъ, и Аграфена глотала слезы, инстинктивно подчиняясь чужой волѣ. Таисья теперь думала о томъ, какъ бы благополучно миновать куренную повертку, которая выходила на самосадскую дорогу въ половинѣ, — попадутся куренные, какъ разъ узнаютъ по пѣгашкѣ и расскажутъ братьникамъ. Какъ на грѣхъ, и ночь выяснѣла. Снѣгъ пересталъ идти и морозъ крѣпчалъ. Дорога была скатертью, и Таисья все понукала свою бойкую лошадку. Лѣсъ кругомъ дороги вырубленъ и видно далеко впередъ. Въ одномъ мѣстѣ Таисья совсѣмъ напугалась, когда увидѣла впереди нѣсколько возовъ. Но, къ счастью, это были не куренные, а порожняки транспортные, возившіе на Самосадку желѣзо, а оттуда возвращавшіеся съ рудой. Транспортные въ Ключевскомъ заводѣ были все чужіе и мало знали Таисью. Когда проѣхали, наконецъ, повертку, Таисья вздохнула свободнѣе: половина бѣды избылась сама собой. Теперь пѣгашка бѣжала уже своею обыкновенною рысью, и Таисья скоро забыла о ней. Аграфена тупо смотрѣла по сторонамъ и совсѣмъ не узнавала дороги, на которой бывала только лѣтомъ: и лѣсу точно меньше, и незнакомые объѣзды болотами, и знакомыхъ горъ совсѣмъ не видать.

Двадцать верстъ промелькнули незамѣтно, и когда пошевні Таисьи покатались по Самосадкѣ, въ избушкахъ еще тамъ и сямъ мелькали огоньки, — значить, было всего около девяти часовъ вечера. Пѣгашка сама подворотила къ груздевскому дому — дорога знакомая, а овса у Груздева не съѣсть.

— Самого Самойла Евтихыча нѣту... — заявилъ караульщикъ.

Это было на руку Таисѣ: однимъ глазомъ меньше, да и пошутить любилъ Самойло Евтихычъ, а ей теперь совсѣмъ не до шутокъ. Дома оставалась одна Анеиса Егоровна, которая и приняла Таисью съ обычнымъ почетомъ. Хорошо было въ груздевскомъ домѣ лѣтомъ, а зимой еще лучше: тепло, уютно, крѣпко.

— Ты насъ въ горницы не води, — предупредила Таисья хозяйку, — не велики гости... Только обогрѣться завернули, да обождать самую малость.

Анеиса Егоровна привыкла къ такимъ таинственнымъ появленіямъ Таисьи и безъ слова провела ее въ свѣтелку наверхъ, гдѣ лѣтомъ привязана была Оленка. Хозяйка мелькомъ взглянула на Аграфену и, какъ Основа, сдѣлала видъ, что не узнала ее.

— Озябли мы, родимая, — говорила Таисья, чтобы отвлечь вниманіе Анеисы Егоровны. — Женское дѣло: скудельный сосудъ...

— Чайку разъ напьетесь?...

— Грѣшна, родимая, въ дорогѣ испиваю, да вотъ и товарка-то моя отъ стужи слова вымолвить не можетъ...

— Такъ я ужъ сюда самоварчикъ-то, Таисьюшка, велю принести... Оно способнѣе, потому какъ совсѣмъ на усторонѣ. Самойло-то Евтихычъ еще третьева дни угналъ въ Мурмось. Подряды у него тамъ на постройку коломеногъ.

Аграфену оставили въ свѣтелкѣ одну, а Таисья спустилась съ хозяйкой внизъ и уже тамъ въ короткихъ словахъ обсказала свое дѣло. Анюса Егоровна только покачивала въ тактъ головой и жалостливо приговаривала: «Ахъ, какой грѣхъ случился... И дѣвка-то жакая, а вотъ попуталъ врагъ, То-то лицо знакомое: съ перваго раза узнала. Да такой другой красавицы и съ огнемъ не сыщешь по всѣмъ заводамъ...» Когда рѣчь дошла до ожидаемаго старца Кирилла, который долженъ былъ увести Аграфену въ скиты, Анюса Егоровна только всплеснула руками.

— А какъ же Енафа-то?—проговорила она.

— Ихнее дѣло, матушка, Анюса Егоровна,—кратко отвѣтила Таисья, опуская глаза.— Не намъ судить ихнія скитскія дѣла... Да и дѣваться Аграфенѣ некуда, а тамъ, все-таки, исправу приметъ. За свой грѣхъ-то муку получать... И сама бы я ее свезла, да никакъ обернуться нельзя: первое дѣло, брательники на меня накинутся, а второе—ущитить надо снохъ ихнихъ. Какъ даве принялись ихъ полоскать—одна страсть... Не знаю, застану ихъ живыми, аль нѣтъ. Бабеногъ-то тоже надо пожалѣть...

Когда Таисья принесла самоваръ въ свѣтелку, Аграфена отрицательно покачала головой:

— Не буду я, матушка, чаи эти пить, не обычна,—прошптала она.

— Ну, милушка, теперь ужъ твоя часть такая: какъ велеть,— строго отвѣтила Таисья, поджимая губы,—она любила испить чайку.— Не умѣла своей волей жить, такъ надо умѣть слушаться.

Аграфенѣ случилось пить чай всего раза три, и она не понимала въ немъ никакого вкуса. Но теперь приходилось глотать горячую воду, чтобы не обидѣть Таисью. Попавъ съ мороза въ теплую комнату, Аграфена вся разгорѣлась, какъ макъ цвѣтъ, и Таисья невольно залюбовалась на нее: то ли не дѣвка, то ли не писаная красавица: брови дугой, глаза съ повологой, шея какъ выточенная, грудь лебяжья, такихъ, кажется, и не бывало въ скитахъ. У Таисьи даже захолонуло на душѣ, какъ она вспомнила про инокъ Кирилла да про старицу Енафу.

Не успѣли онѣ кончить чай, какъ въ ворота уже послышался

осторожный стукъ: это былъ самъ смиренный Кирилль... Онъ даже не вошелъ въ домъ, чтобы не терять напрасно времени. Основа далъ ему охотничьи сани на высокихъ конылахъ, въ которыхъ самъ ѣздилъ по лѣсу за оленями. Рыжая лошадь дымила отъ по-та, но это ничего не значило: оставалось сдѣлать всего версть семьдесятъ. Таисья сама помогала Аграфенѣ «оболокаться» въ до-рогу, и ея руки тряслись отъ волненія. Дѣвушка покорно дѣлала все, что ей приказывали,—она опять вся застыла.

— Около Крещенья прїѣду тебя провѣдать,—шепнула Таисья, благословляя ее на прощанье.—Съ Богомъ, касатушка!

Аграфена плохо помнила, какъ она вышла изъ груздевскаго до-ма, какъ сѣла въ сани рядомъ съ Кирилломъ и какъ исчезла изъ глазъ Самосадка. Таисья выбѣжала провожать ее за ворота въ од-номъ сарафанѣ и стояла все время, пока сани спускались къ рѣкѣ, объѣхали караванную контору и по льду мелькнули черною точкой на ту сторону, гдѣ уползала въ лѣсъ змѣей лѣсная глухая дорож-ка. Рѣка Каменка покрывалась льдомъ раньше бойкой Березайки. Са-ни уже скрылись въ лѣсу, а Таисья все стояла за воротами и не чувствовала ледениваго холода, пока сама Анеиса Егоровна не увела ее въ горницы.

— Что ты студишься, Таисьюшка?—усовѣщевала она ее.— Статочное ли это дѣло тебѣ по морозу бѣгать!

Таисья взглянула на нее непонимающими глазами и горько раз-рыдалась. Заплакала и Анеиса Егоровна, понимавшая горе своей гостьи.

— Въ самому сердцу прилась она мнѣ, горюшка,—плакала Таисья, качая головой.—Точно вотъ она моя родная дочь... Все терпѣла, все скрывалась я, Анеиса Егоровна, а вотъ теперь про-рвало... Кабы можно, такъ на себя бы, кажется, взяла весь Агра-фенинъ грѣхъ!... Видѣла, какъ этотъ проклятушій Кирилль зѣнки-то свои пряталъ: у, волкъ! Съѣдятъ они тамъ дѣвку въ скитахъ съ своею-то Енафой!...

IV.

Первое чувство, которое охватило Аграфену, когда сани пере-ѣхали на другую сторону Каменки и быстро скрылись въ лѣсу, по-ходило на то, какое испытываетъ тонущій человѣкъ. Сидѣнье у са-ней было узкое, такъ что на поворотахъ, чтобы сохранить равно-вѣсїе, инокъ Кирилль всѣмъ корпусомъ наваливался на Аграфену.

— Сиди крѣпче!—сердито крикнулъ онъ въ одномъ мѣстѣ, ког-да сани перепрыгнули черезъ валежину, и она чуть не вылетѣла.

Лошадь быстро шла вперед своею машистою рысью и только прыгала ушами, когда гдѣ-нибудь около дороги попадалъ подозрительный пенъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще, и деревья поднимали свои мохнатыя вершины выше и выше. Это былъ настоящій дремучій ельникъ, выстилавшій горы на протяженіи сотенъ верстъ. Здѣсь и снѣгу выпало больше, и подъ его тяжестью сильно гнулись боковыя вѣтви, протянувшіяся мягкими зелеными лапами къ узкому просвѣту дороги. Мерцавшее звѣздами небо мелькало только разорванными клочьями и полосками, а то сани катились подъ навѣсомъ вѣтвей, точно по темному корридору. Дѣвушку больше всего пугала мертвая тишина, которая стояла кругомъ. Ни звука, ни движенія, точно все умерло. Смиранный инокъ Кириллъ тоже упорно молчалъ и только время отъ времени угнетенно вздыхалъ, точно его что давило. Что у него было на умѣ? Аграфена боялась на него взглянуть. Она слыхала, что до скитовъ отъ Самосадки считаютъ верстъ семьдесятъ, но эта мѣра какъ-то совсѣмъ не укладывалась въ ея головѣ, потому что дальше Самосадки ей не случалось бывать. Она знала только одно, что ее завезутъ на край свѣта, откуда не выберешься. Не ее первую увозятъ такъ-то въ скиты на исправу, только изъ увезенныхъ туда дѣвушекъ рѣдко кто вернулся: увезутъ и точно въ воду канетъ. Аграфена начала думать о себѣ, какъ о заживо похороненной, и страшная тоска давила ее. Что-то теперь дѣлается со снохами? Что Таисья? Мастерина хоть и бранила ее, но Аграфена чувствовала всегда, что она ее любитъ... Добрая она, Таисья. По пути дѣвушка вспомнила темную исторію, какъ Таисью тоже возили въ скиты на исправу. Это было давно, лѣтъ тридцать назадъ, и на Блючевскомъ про Таисьянъ грѣхъ могли рассказать только старики. Сама Аграфена знала объ этомъ изъ пятаго въ десятое, да и тому, что слыхала, плохо вѣрила. Теперь ей вдругъ сдѣлалось жаль Таисьи, и это невольное чувство заглушало ея собственное горе. Да и она сама, Аграфена, будетъ такою же мастерицей, когда состарится, а пока будетъ проживать въ скитахъ черничкой. Закрывъ глаза, она видѣла уже себя въ темномъ, полумонашескомъ одѣяніи, въ темномъ платкѣ на головѣ, съ восковымъ лицомъ и опущенными dolu глазами... Господи, какъ страшно!...

— Ты чего это реवेशь?—огрызнулся старецъ Кириллъ, когда послышались сдержанныя рыданія. — Выкинь дурь изъ головы... И въ скитахъ люди живутъ не хуже тебя.

Аграфена даже вздрогнула: она не слыхала своихъ слезъ. Старецъ Кириллъ, чтобы сорвать злость, нѣсколько разъ ударилъ

хлыстомъ ни въ чемъ неповиннаго рыжка. Дорога повернула на поддень и начала забирать все круче и круче, минуя большія горы, которыя тѣснили ее все сильнѣе съ каждымъ шагомъ впередъ. Прежняго дремучаго лѣса уже не было. Онъ замѣтно рѣдѣлъ, особенно по горамъ, гдѣ деревья съ полуночной стороны были совсѣмъ голыя, — вѣтеръ студеный ихъ донималъ. Холодно Аграфенѣ, — холодно не отъ холода, а отъ того, что боится она пошевелиться и все тѣло отерпло отъ сидѣнья. И мысли совсѣмъ путаются въ головѣ, а дремота такъ и подмываетъ; взяла да легла бы прямо въ снѣгъ и уснула тутъ на вѣки вѣчныя. Горе истомило ее... Бѣгутъ сани, стучить конское копыто о мерзлую землю, мелькаютъ по сторонамъ хмуряя деревья, и слышитъ Аграфена ласковый старушечій голосъ, который такъ любовно наговариваетъ надъ самымъ ея ухомъ: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, масляна головушка, шелкова бородушка, выгляни въ окошечко»... Это баушка Степанида сказку рассказываетъ ребятамъ, а сама Аграфена совсѣмъ еще маленькая дѣвчонка. Сонно жужжить веретено въ рукахъ у баушки Степаниды, а сказка такъ и льется... Сидитъ пѣтушокъ у окошечка, а хитрая лиса его подманиваетъ. Долго пѣтушокъ не сдается лисѣ, а потомъ и повѣрилъ... «Ухватила его лиса поперекъ живота и поволокла... Несетъ его черезъ горы высокія, несетъ черезъ рѣки быстрыя, черезъ лѣса дремучіе, принесла къ избушкѣ и говоритъ: «я тебѣ съѣмъ, пѣтушокъ». Страшно Аграфенѣ, захватило у нея духъ, и она проснулась... Лошадь стоитъ, а она сидитъ въ саняхъ одна. Аграфена даже вскрикнула отъ страха, но смиренный инокъ Кириллъ былъ тутъ, — онъ ходилъ по дорогѣ и высматривалъ что-то въ снѣгу. Ужь не заплутались ли они въ лѣсу, да ночь глядя?

— Повертка къ Чистому болоту выпала, — объяснилъ онъ, нерѣшительно подходя къ санямъ. — Ночью-то, пожалуй, болото и не переѣхать... которыя огна еще не застыли, такъ въ нихъ попасть можно. Тутъ сейчасъ будетъ старый курень Бастрыгъ, а на немъ есть избушка, — въ ней, видно, и заночуемъ. Тоже и лошадь затомилась: тронхъ везетъ...

— Я не буду ночевать въ лѣсу съ тобой!... — смѣло отвѣтила Аграфена.

— Што такъ? — засмѣялся себѣ въ бороду старецъ.

— А такъ... Вѣдь, болотомъ и днемъ не проѣхать, все равно черезъ Талый курень придется. Мы у могилки о. Спиридона сейчасъ...

— Ишь, дошлая!... А, все-таки, ты дура, Аграфена: на Талый-

то мы придемъ къ утру, а тамъ мочегане робить: днемъ-то и тебя, и меня узнаютъ. Говорю: лошадь пристала...

— Все-таки, не поѣду... Матушка Таисья наказывала черезъ Талый ѣхать.

— И матушка Таисья дура.

Старець Кирилль походилъ около лошади, поправилъ черезсѣдельникъ, сѣлъ въ сани и свернулъ на Бастрыкъ. Аграфена схватила у него возжи и повернула лошадь на дорогу къ Талому. Это была отчаянная попытка, но старецъ схватилъ ее своею желѣзною рукой прямо за горло, опрокинулъ навзничь, и сани полетѣли по едва замѣтной тропѣ къ Бастрыку.

— Што ты дѣлаешь, отчаянный? — крикнула Аграфена, напрасно стараясь вырвать возжи.

— А вотъ это самое...

Что она могла подѣлать одна въ лѣсу съ сильнымъ мужикомъ? Лошадь бывала по этой тропѣ и шла впередъ, какъ по наѣзжанной дорогѣ. Былъ всего одинъ слѣдъ, да и тотъ замело вчерашнимъ снѣгомъ. Смиранный инокъ Кирилль улыбался себѣ въ бороду и все поглядывалъ съ боку на притихшую Аграфену: ишь, какая быстрая дѣвка выискалась... Лѣсъ скоро совсѣмъ порѣдѣлъ, и начался голый березникъ: это и былъ заросшій старый курень Бастрыкъ. Онъ тянулся широкимъ уваломъ версты на восемь. На немъ работалъ еще отецъ Петра Елисеича, жигаль Елѣска.

— Вотъ мы и дома, — самодовольно проговорилъ инокъ Кирилль, свертывая съ тропы налѣво подъ гору. — Ишь, какое удобное мѣстечко жигали выбрали.

Взмыленная лошадь остановилась у вросшей въ землю старой лѣсной избушки, засыпанной молодымъ снѣгомъ. Только чернѣла дырой растворенная дверь. Инокъ Кирилль, не торопясь, вылѣзъ изъ саней, привернулъ лошадь возжей къ оглоблѣ и полѣзъ въ избушку. Аграфена оставалась въ саняхъ и видѣла, какъ въ избушкѣ желтымъ пятномъ затеплился огонекъ. Запасливый инокъ усилъ захватить изъ Таисьиной избы сальную свѣчу и теперь засвѣтилъ ее. Въ избушкѣ съ лѣта, видимо, никто не бывалъ. Двери, очагъ изъ камней и у задней стѣны нары изъ еловыхъ плахъ были цѣлы, значить, можно было и заночевать въ лучшемъ видѣ. Отставъ снѣгъ около входа и притворивъ дверку, чтобы не задуло огонь, старецъ съ топоромъ въ рукѣ отправился за дровами. Аграфена упрямо сидѣла въ саняхъ. Скоро въ березникѣ звонко застучалъ топоръ, — это старецъ выискалъ сухое дерево и умѣлою рукой свалилъ его. Аграфена все сидѣла, прислушиваясь къ работѣ. Черезъ

десять минутъ Кириллъ приволокъ цѣлую березу и принялся ее рубить. Отъ работы онъ сейчасъ же согрѣлся и снялъ верхній бараній тулупъ. Аграфена видѣла только его широкія плечи и бойко взлетавшій топоръ, игравшій въ привычныхъ рукахъ. Скоро избушка освѣтилась яркимъ пламенемъ разложеннаго на очагѣ костра изъ сухаго дерева, а густой дымъ повалилъ прямо въ дверь. Иннокъ слазилъ на крышу, ототкнулъ заутанную дымовую дыру и приперъ дверь. Потомъ онъ отпрегъ лошадь и поставилъ ее выстанваться къ избушкѣ, прикрывъ сверху своею шубой. На Аграфену онъ все время не обращалъ никакого вниманія и только уже потомъ, когда совсѣмъ управился, вышелъ изъ избушки и проговорилъ:

— Ну, ты, недотрога-царевна, долго еще будешь мерзнуть? Иди, погрѣйся...

Аграфена колебалась выйти изъ саней, но потомъ на нее напала какая-то отчаянная рѣшимость: все равно пропадать... Засиженные ноги едва шевелились, и она съ трудомъ дошла до избушки, точно шла на костыляхъ. Отъ движенія у ней дѣлалась боль въ суставахъ, а спину такъ и ложило. За то какъ хорошо было въ избушкѣ, гдѣ теперь весело трещалъ живой огонь. Дымъ, крутившійся столбомъ, уходилъ въ дыру на крышѣ, но часть его оставалась въ избушкѣ и страшно ѣла глаза. Старецъ Кириллъ присѣлъ на корточкахъ къ огню и опять не обращалъ никакого вниманія на свою спутницу. Онъ согрѣлъ руки, распоясался, добылъ изъ саней походную кожаную суму и, отпивъ изъ горлышка водки, проговорилъ добродушно:

— Ты бы поѣла, Аграфена... Я таки прихватилъ у матушки Таисьи краюшку хлѣбца да рѣдочки,—наша скитская ѣда. Зато щаетъ дорогой-то...

— Не хочу...

Старецъ Кириллъ точно не слышалъ отвѣта и аппетитно принялся уписывать свою краюшку. Маленькая бутылочка хранилась въ глубокомъ карманѣ скитскаго кафтана, и онъ прикладывался къ ней еще раза два, а потомъ широко вздохнулъ, перекрестился, икнулъ и сонно началъ зѣвать. Аграфена все сидѣла на нарахъ, какъ была, въ тулупѣ, и чувствовала, какъ согрѣвается у ней каждая косточка. Тепло такъ и разливалось по тѣлу, и опять началъ клонить предательскій сонъ. Ёсть она не хотѣла, а заснуть боялась. Снять тулупъ она тоже не хотѣла, точно ея дѣвчья беззащитность въ немъ была безопаснѣе. Ее даже прошибъ потъ. Кириллъ спряталъ свою суму, еще перекрестился и вышелъ изъ из-

бушки. На небѣ уже легла предутренняя отбѣль, и звѣзды начали меркнуть.

— Бичиги на закатѣ стоятъ,—проговорилъ онъ вслухъ, разглядывая три звѣзды на юго-западной сторонѣ неба,—а Ичиги надъ головой,—скоро ободняется.

Ичиги—созвѣздіе Большой Медвѣдицы; Бичиги—три звѣзды, которыя видны бывають въ этой сторонѣ только зимой. Съ вечера Бичиги поднимаются на юго-востокѣ, а къ утру «западаютъ» на юго-западѣ. По нимъ опредѣляютъ время длинной сѣверной ночи.

Вернувшись въ избу и подкинувъ свѣжихъ дровъ, иногъ Кириллъ разостлалъ на нарахъ свою шубу и завалился спать. Онъ сейчасъ же захрапѣлъ, какъ зарѣзанный. Аграфена все сидѣла въ своемъ тулупѣ и слушала, какъ у дверей лошадь жуеть сѣно. Укладываясь спать, Кириллъ задулъ свѣчу и теперь избушку освѣщала только очагъ. Когда догорять дрова, опять будетъ темно, и Аграфена со страхомъ думала о томъ моментѣ, когда останется въ темнотѣ со старцемъ съ глазу на глазъ. Пока она подсѣла къ огню и поправляла головешки. Она и боялась Кирилла, и еще больше боялась повѣрить ему. Пока онъ не трогаетъ ее, а, все-таки, кто его знаетъ, чтó у него на умѣ. Когда огонь догорѣлъ, и дровъ больше не осталось, Аграфена вышла изъ избушки. Небо было какое-то блое,—занимался короткій зимній день. Отогрѣвшись въ избушкѣ, она улеглась въ сани и сейчасъ же заснула убитымъ молодымъ сномъ,—тѣмъ сномъ, который не знаетъ грѣзъ.

— Эй, вставай, голубушка!...—толкала ее кто-то въ бокъ.

Аграфена вскочила. Кругомъ было темно, и она съ удивленіемъ оглядывалась кругомъ, не понимая, гдѣ она и что съ ней. Лошадь была запряжена, и старецъ Кириллъ стоялъ около нея въ своемъ тулупѣ, совсѣмъ готовый въ путь. Съ большимъ трудомъ дѣвушка припомнила, гдѣ она, и только удивлялась, что кругомъ темно.

— Цѣльный день проспала, Аграфенушка,—объяснилъ Кириллъ.—А я тебя пожалѣлъ будить-то... Больно ужъ сладко спала. Тоже измаялась, да и дѣло твое молодое... Доходилъ я до Чистаго болота: нѣту намъ проѣзда. Придется повернуть на Талый... Ну, да ночное дѣло, проѣдемъ какъ-нибудь мимо куренныхъ.

Аграфена стояла передъ нимъ точно въ туманѣ и плохо понимала, чтó онъ говоритъ. Неужели она проспала цѣлый день?... А старецъ ее пожалѣлъ... Когда она садилась въ сани, онъ молча сунулъ ей большой ломоть ржаного хлѣба. Она, дѣйствительно, страшно хотѣла ѣсть и теперь повиновалась угощавшему ее Кириллу.

За день лошадь совсѣмъ отдохнула, и сани бойко полетѣли обратно, къ могилѣ о. Спиридона, а отъ нея свернули на дорогу къ Талому. Небо обложили низкія зимнія облака, и опять началъ падать мягкій снѣжокъ... Это было на руку бѣглецамъ. Скоро показался и Талый, т. е. свѣжіе пеньки, кучи куренныхъ дровъ-долготья, и гдѣ-то въ чащѣ мелькнулъ огонекъ. Старецъ Кириллъ молча добылъ откуда-то мужицкую ушастую шапку и велѣлъ Аграфенѣ надѣть ее.

— Да вотъ возьми рукавицу, да рукавицей рожу и натри,— совѣтовалъ онъ.— Нарочно даве сажей ее намазаль... И будешь, какъ заправскій мужикъ. Бабы насъ куренные-то не признали...

Аграфена вымазала лицо себѣ сажей, сняла платокъ съ головы и надѣла шапку. Она чувствовала теперь искреннюю благодарность къ догадливому пустынножителю, который впередъ запасъ все, что нужно.

V.

Бурень состоялъ изъ нѣсколькихъ землянокъ, вродѣ той, въ какой Кириллъ ночевалъ сегодня на Бастрыкѣ. Между землянками стояли загородни и навѣсы для лошадей. Разная куренная снасть, сбруя и топоры лежали на открытомъ воздухѣ, потому что здѣсь и украсть было некому. Охотничьи сани смиреннаго заболотскаго инока остановились передъ одной изъ такихъ землянокъ.

— Ты посиди, Ефимъ, а я схожу погрѣться,—разсчитанно громкимъ голосомъ проговорилъ Кириллъ, обращаясь къ Аграфенѣ.

Буренные собаки накинулись на него цѣлою стаей, а на ихъ лай изъ землянокъ показались любопытныя головы.

— Мосей здѣсь?—спрашивалъ инокъ, входя въ землянку.— Съ Самосадки поклонъ привезъ, родимые мои... Бабы больно соскучились и нагазывали кланяться.

— Ишь какой выискался охотникъ до бабъ,— отвѣтилъ съ полатаей голосъ Мосея.— Куда опять поволокся, спасеная душа?

Появленіе Кирилла вызвало дружный смѣхъ въ землянкѣ, и человекъ шесть мужиковъ и парней окружили его. Инокъ отшучивался, какъ умѣлъ, разыгрывая балагура. Одинъ Мосей отмалчивался и поглядывалъ на Кирилла не совсѣмъ дружелюбно.

— Погрѣться завернулъ...—объяснялъ Кириллъ, похлопывая рукавицами.

— Оставайся ночевать, коли озябъ.

— Тороплюсь, родимые мои...

— Обь Енафѣ соскучился?—спросилъ кто-то, и опять послышался дружный смѣхъ.—Она тебѣ вторую дочь привезла... Этимъ скитскимъ не житье, а масляница!...

— Чего вы зубы-то скалите, оморошныи? — озлился Кирилль.—Мало ли народу по скитамъ душу спасаетъ...

— Знаемъ мы ваше спасенье: больше около бабъ...

— Вотъ ты и осудилъ меня, а какъ въ писаніи сказано: «Ты кто еси судій чуждему рабу: своему Господеву стоишь или падаешь...» Такъ-то, родимые мои! Осудить-то легко, а того вы не подумали, что къ мірянину приставленъ всего одинъ бѣсъ, къ полу—семь бѣсовъ, а къ чернецу—всѣ четырнадцать. Согрѣли бы вы меня лучше водочкой, чѣмъ непутевыя рѣчи заводить про наше иноческое житіе.

— Какая у насъ водка...

Побалагуривъ съ четверть часа и выспросивъ, кто выѣхалъ нынче въ курень, — больше робили самосадскіе, да ключевляне изъ Бержацкаго конца, а мочеганъ не было ни одной души, — Кирилль вышелъ изъ избы.

— А это кто съ тобой ѣдетъ?—спросилъ Мосей, вышедшій проводить его.

— А такъ... одинъ человекъ...—услончиво отвѣтилъ инокъ, неторопливо усаживаясь въ сани.—Ну-ка, Ефимушко, трогай... Прощай, Мосей. Завертывай ужъ какъ-нибудь къ намъ въ гости.

— Самое это наше дѣло по гостямъ ѣздить, — отвѣтилъ Мосей, подозрительно оглядывая Аграфену.

Куренныя собаки проводили сани отчаяннымъ лаемъ, а смиренный заболотскій инокъ сердито отплюнулся, когда курень остался назади. Только и народецъ, эти куренные... Всегда на смѣхъ подымутъ: увязла имъ костью въ горлѣ эта Енафа. А не заѣхать нельзя, потому сейчасъ учнутъ доискиваться, каковъ человекъ черезъ курень проѣхалъ, да куда, да зачѣмъ. Только вотъ другой дороги въ скиты нѣтъ... Диви бы мочегане на смѣхъ подымали, а то свои же кержаки галятъся. Когда это неприятное чувство улеглось, Кирилль обратился къ Аграфенѣ:

— Дураками оказали себя куренные-то: за мужика тебя приняли... Такъ и будь мужикомъ, а то еще скитскіе встрѣнутся, да будутъ допытываться... Охъ, грѣхи наши тяжскіе!... А Мосей-то такъ волкомъ и глядитъ: сердитуется онъ на меня не знамо за што. Родной братъ вашему-то приващигу Петру Елисенчу...

До скита Енафы оставалось еще версть тридцать. Дорога опять превратилась въ маленькую тропу, на которой даже и слѣда не бы-

ло, но иногда Кирилл проѣхалъ бы всю эту «пустыню» съ завязанными глазами: было похожено и поѣзжено по ней по разнымъ скитскимъ дѣламъ. Выспавшаяся Аграфена чувствовала себя бодрѣе вчерашняго и не боялась Кирилла. Да и скиты близко, а тамъ проживаетъ много раскольниковыхъ «матерей»: въ случаѣ чего, онѣ ушитаютъ отъ Кирилла. Удивляло Аграфену и то, что чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ рѣже становился лѣсъ. Если стояли тонкія да чахлая, совсѣмъ не такія, какъ на Самосадкѣ. Дѣло въ томъ, что они ѣхали по самому перевалу, на значительной высотѣ. Горы дѣлались все выше, и тропа извивалась между ними, какъ змѣя. Спускаясь въ одномъ мѣстѣ съ увала, Кирилл указалъ рукой влѣво и проговорилъ:

— Тутъ тебѣ будетъ Святое озеро, куда ходятъ въ Успеневъ день...

— Въ Успеневъ-то день ходятъ на Крестовые острова...

— Ну, они на Святомъ озерѣ и есть, Крестовые-то... Три старца на нихъ спасались: Пахомій-постникъ, да другой старецъ Пафнутій-болящій, да третій старецъ Порфирій-страстотерпецъ, во ушилицѣ отъ никоніанъ раны и напрасную смерть пріавшій. Вотъ къ нимъ на могилку народъ и ходитъ... Подъ Петровъ день къ отцу Спиридону на могилку идутъ, а въ Успенье—на Крестовые. А тутъ вотъ, подадимся малымъ дѣломъ, выступитъ гора Нудиха, а въ ней пещера схимника Паисія. Тоже угодное мѣсто...

Этотъ благочестивый разговоръ подѣйствовалъ на Аграфену самымъ успокоивающимъ образомъ. Она ѣхала теперь по мѣстамъ, гдѣ спасались свои раскольники-старцы и угодники, слава о которыхъ прошла далеко. Изъ Москвы пріѣзжаютъ на Крестовые острова. Прежде тамъ скиты стояли, да разорены никоніанами. Иногда Кириллъ рассказывалъ ей про схоронившуюся по скитамъ свою раскольничью святыню, про тихую скитскую жизнь и въ заключеніе запѣлъ длинный раскольничій стихъ:

«Прекрасная мати пустыня!
Отъ суетнаго міра прими мя...
Любозная, не изжени мя.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Поставлю въ тебѣ малу хижу,
Полезная въ ней азъ увижу.
Потщися къ тебѣ убѣжати,
Владыку Христа подражати».

Длинная дорога скороталась въ этихъ разговорахъ и пѣніи незамѣтно. Аграфена успѣла привыкнуть къ своему спутнику и даже

испугалась, когда онъ, указывая на темнѣвшую впереди гору Нудиху, проговорилъ:

— Какъ ее пройдемъ, тутъ тебѣ сейчасъ будетъ поворотка въ скитъ матери Пульхеріи. Великая она у насъ постница... А къ Енафѣ подальше пройдемъ, на рѣчку, значить, Мокрушу. Пульхерія-то останется у насъ вправѣ.

Ночь была сегодня темная, настоящая волчья, какъ говорятъ охотники, и видѣли хорошо только узкіе глазки старца Кирилла. Подъѣзжая къ повороткѣ къ скиту Пульхеріи, онъ только угнетенно вздохнулъ. Дороги оставалось всего верстѣ восемь. Горы смѣнялись широкими высохавшими болотами, на которыхъ росла кривая болотная береза да сосна-жарлица. Лошадь точно почувала близость жилья и прибавила ходу. Когда они проѣзжали мимо небольшой лѣсистой горки, инокъ Кириллъ, запинаясь и подбирая слова, проговорилъ:

— Ты вотъ что, Аграфенушка... ги... ты, значить, съ Енафой-то поосторожнѣй, особливо насчетъ ѣды. Какъ разъ еще окормить чѣмъ ни-на-есть... Она ѣкъ-ту ужъ стравила одну слѣпую дѣушку изъ Мурмоса. Я ее вотъ такъ же на исправу привозилъ... По-нашему, по-скитскому, слѣпыми прозываются дѣушки, которыя вродѣ тебя. А красивая была... Такъ въ лѣсу и похоронили сердешную. Наши скитскія матери тоже всякія бываютъ... Чѣмъ съ тобою ласковѣе будетъ Енафа, тѣмъ больше ты ее опасайся. Змѣя она подкодная, применько сказать...

— Зачѣмъ же Енафа стравила ее?—удивлялась Аграфена.

— А такъ, по бабьей своей глупости... Было бы сказано, а тамъ ужъ сама догадывайся, зачѣмъ вашу сестру травятъ свои же бабы.

Чѣмъ ближе былъ скитъ Енафы, тѣмъ инокъ Кириллъ дѣлался безпокойнѣе. Онъ часто вздыхалъ и вслухъ творилъ молитву. Когда вдали, точно подъ землей, нерѣшительно взлаяла собака, онъ опять сердито отплюнулся. Учужала, проклятая! Мимо скита Енафы можно было проѣхать среди бѣлаго дня и не замѣтить его,—такъ онъ ловко спрятанъ въ еловомъ лѣсу у подножья Мохнатенькой горки. На лай собаки мелькнулъ въ лѣсу слабый огонекъ, и только по нему Аграфена догадалась, что они пріѣхали. Ни дороги, ни слѣда, а стоитъ въ лѣсу старая изба, крытая драньемъ,—вотъ и весь скитъ. Немного поодаль заданн къ ней стояла другая такая же изба. Въ первой жила сама мать Енафы, а во второй—двѣ ея дочери.

— Господи Ісусе Христе, помилуй насъ!—смиренно помолитвовался инокъ Кириллъ подъ окномъ первой избы.

— Аминь!—отвѣтилъ женскій голосъ.

Избы стояли безъ дворовъ: съ улицы прямо ступай на крыльцо. Поставлены онѣ были по-старинному: срубы высокіе, коньки врытые, оконца маленькія. Скоро вышла и сама мать Енафа, приземистая и толстая старуха. Она остановилась на крыльцѣ и молча смотрѣла на сани.

— Долго ты шатался на Блючевскомъ,—проговорила она, наконецъ, когда Кирилль подошелъ къ крыльцу.— Не бойсь, у Таисьи все проклажался? Сладко она васъ прикармливаетъ, безпутныхъ.

Иногъ Кирилль только замоталъ головой, и мать Енафа умолкла.

— Привезъ я тебѣ, мать Енафа, новую трудницу...—заговорилъ Кирилль, набираясь храбрости.—Ослѣпла, значить, въ мірѣ... Таисья послала... Такъ возжелала исправу принять у тебя.

Аграфена давно вылѣзла изъ саней и ждала, когда мать Енафа ее позоветъ. Она забыла снять шапку и опомнилась только тогда, когда мать Енафа, взглядывшись въ нее, проговорила:

— Это еще что за полумужичье?... Иди-ка сюды, умница, погляжу я на тебя поближе-то!

Смущенный Кирилль, сбиваясь въ словахъ, объяснялъ, какъ они должны были проѣзжать черезъ Талый, и скрылъ про ночевку на Бастрыйѣ. Енафа не слушала его, а сама такъ и впилась своими большими черными глазами въ новую трудницу. Она, конечно, сразу поняла, какую жарь-птицу послала ей Таисья.

— Ну, идите въ избу...—сурово пригласила она.

Изба была высокая и темная отъ сажи: свѣчи въ скиту замигались только по празднигамъ, а по буднямъ горѣла березовая лучина, какъ было и теперь. Свѣтецъ съ лучиной стоялъ у стола. На полатахъ кто-то храпѣлъ. Войдя въ избу, Аграфена повалилась въ ноги матери Енафѣ и проговорила положенный началъ:

— Прости, матушка, благослови, матушка!...

— Богъ тебя простить, Богъ благословить...

— А на полатахъ-то кто у тебя спрятанъ?—спрашивалъ Кирилль, прислушиваясь къ доносившемуся съ полатей храпу.

— Бродяжка одинъ изъ Краснаго-Яру...—спокойно отвѣтила Енафа.

Она была въ одномъ косоклинномъ сарафанѣ изъ домашняго ситяго холста; рубашка была тоже изъ холста, только бѣлая. У окна стояли красна съ начатою новиндой. Аграфенѣ было совѣстно теперь за свой заводскій ситцевый сарафанъ и ситцевую рубаху, и она стыдливо вытирала свое раскрасѣвшееся лицо. Мать Енафа пыт-

ливо посмотрѣла на нее и на смиреннаго Кирилла и только сжала губы.

— Щеголиха...—прошиптѣла она, поправляя трещающую въ свѣтцѣ лучину. — Чьихъ ты будешь, умница? Гушциныхъ?... Слышала про брательниковъ, какже! У Самойла-то Евтихыча тоже брательникъ обережнымъ служить, Матвѣемъ звать?.. Видала.

Это вліятельное родство значительно смягчило мать Енафу, и она, позѣвывая, проговорила почти ласково:

— Вотъ што, щеголиха: ложись-ка ты спать, а утро вечера мудренѣе. Вотъ тутъ на лавочку приляжь...

Но спать Аграфенѣ не пришлось, потому что въ избу вошли двѣ высокія дѣвки и прямо уставились на нее. Обѣ высокія, обѣ рябыя, обѣ въ сарафанахъ изъ синяго холста.

— Чего не видали-то? — накинулась на нихъ мать Енафа. — Лбы-то перекрестите, оглашешныя... Ѳедосья, Агулина, ступайте домой: нечего вамъ здѣсь дѣлать.

Дѣвки переглянулись между собой, посмотрѣли на смущеннаго инока Кирилла и прыснули со смѣху.

— А гостинца привезъ? — обратилась къ Кириллу старшая Ѳедосья.

— Потомъ привезетъ, — отвѣтила за него мать Енафа. — Вотъ новую трудницу съ Мурмоса вывезъ.

— Похоже на то, мамынька, — отвѣтила младшая Агулина, съ завистью оглядывая Аграфену. — Прямо сказать: монашка.

Дѣвки зашептались между собой, а бѣдную Аграфену бросило въ жаръ отъ ихъ нахальныхъ взглядовъ. На шумъ голосовъ съ полатей свѣсилась чья-то стриженная голова и тоже уставилась на Аграфену. Давеча старецъ Кириллъ сврылъ свою ночевку на Бастрыгѣ, а теперь мать Енафа скрыла отъ дочерей, что Аграфена изъ Блючевского. Шелъ круговой обманъ... Дѣвки потолкались въ избѣ и выбѣжали съ хохотомъ.

Мать Енафа раскинула шелковую пелену передъ ніотомъ, затеплила передъ нимъ толстую восковую свѣчу изъ бѣлаго воска и, разложивъ на столѣ толстую кожаную книгу, принялась читать акафистъ Похвалѣ Богородицѣ; поклоны отеладывались по лѣстовкѣ и съ подрушникомъ.

Такъ началось для Аграфены скитское «трудничество».

VI.

По первопутку вернулись изъ орды ходоки. Хохлацкій и Туляцкій концы затихли въ ожиданіи событій. Ходоки отдохнули, схо-

дили въ баню, а потомъ явились въ кабакъ къ Рачителяхъ. Обступилъ ихъ народъ, всё ждуть, что сважутъ старики, а они переминаются да другъ на друга поглядываютъ.

— Ну, что, старики, какъ орда?—спрашивали нетерпѣливые.

Опять переминаются ходоки,—ни тому, ни другому не хочется говорить первымъ. А народъ такъ и льнетъ къ нимъ, потому всякому любопытно знать, что они принесли съ собой.

— Хорошо въ ордѣ, этово-тово,—проговорилъ, наконецъ, первымъ Тить Горбатый.

— Одобряешь, дѣдушка?

— Земля овчина—овчиной, травы ковыльня, врѣпкія, укдось—на десятину по сту копень, скотина кормная, — нахваливалъ Тить. — Одно названіе, што будто орда. У тамошнихъ крестьянъ вакой обычай, этово - тово: жнитво, а жнутъ не часто: тутъ кустикъ пшенички оставить, и въ другомъ мѣстѣ кустикъ, и въ третьемъ кустикъ. «Для чего вы, говорю я, не чисто жнете?»— «А это, говорятъ, мы Николѣ на бородку оставляемъ, дѣдушка. Пойдутъ по пашнѣ за нами вдовы да сироты и подберутъ кустики»... Вотъ какая тамъ сторона! Хлѣба ржаного совсѣмъ и въ заводѣ нѣтъ, а все пшеничный...

Расхваливаетъ Тить орду, руками машетъ, а старый Боваль молчитъ и только трубочку свою посасываетъ.

— Ну, а ты, Дорохъ, что намъ скажешь? — пристають свои хохлы къ Бовалою.

— Що я вамъ кажу?—тянетъ Боваль точно сквозь сонъ.— А то я вамъ кажу, братики, што свать гвалтуетъ понапрасну... Пусто бы этой ордѣ было! Вотъ што я вамъ кажу... Бо ка-зна-що! Чи вода була-бъ, чи лѣсъ булъ, чи добри люди: ничегесенько!... А ну ее, орду, къ нечистому... Пранцеватый народъ въ ордѣ.

— Да, вѣдь, ты самъ же хвалилъ все время орду, этово-тово,—накинулся на него Тить,—а теперъ другое говоришь...

— Балакали, свать, а янъ набігло на думку, такъ зовсѣмъ другое и вѣйшло... Оце велико лихо твоя орда!

Ходоки упорно стояли каждый на своемъ, и это подняло на ноги оба мочеганскихъ конца. Въ спорахъ и препирательствахъ сторонниковъ и противниковъ орды принялъ дѣятельное участіе даже Бержацкій конецъ, насколько онъ былъ причастенъ кабаку Рачителяхи. Ходокамъ дѣлали очныя ставки, вызывали въ волость, уговаривали, но они продолжали рознить. Особенно неистовствовалъ Тить, такъ и наступавшій на Бовалю.

— Одченись къ нечистому! — ругался Коваль. — Базавь: не пойду у твою орду. Оттагь!..

Туляки стояли за своего ходока, особенно Дъянь Поперешный, а хохлы отмалчивались или глухо роптали. Нѣсколько разъ въ кабажѣ дѣло доходило до драки, а ходоки все стояли на своемъ. Вездѣ по избамъ, какъ говорила Домнушка, точно капусту рубили, — такая шла свара и несогласіе.

— Выведу въ орду всю свою семью, а вы какъ знаете, этово-тово, — повторялъ Тить.

— А я останусь! — повторялъ Коваль. — Нѣхай ей пусто будеть, твоей ордѣ!

Сколько ни бились старички съ ходоками, но такъ ничего и не могли съ ними подѣлать. Рѣшено было свести ихъ къ попу и къ прикащику, чтобы они хоть тамъ повинились и сказали настоящее. Не довѣряя ни попу, ни прикащику, старички улучили минуту, когда ночь прошелъ въ господскій домъ, и повели ходоковъ туда же. Пусть вмѣстѣ говорятъ, тогда будетъ видно, кто говорить правду, а кто обманываетъ. Ходоки, когда пришли въ господскій домъ, имѣли видъ подсудимыхъ. Въ виду важности дѣла, Петръ Елисеичъ позвалъ всѣхъ въ залу. О. Сергѣй сидѣлъ на диванѣ, а Петръ Елисеичъ ходилъ по комнатѣ, размахивая платкомъ. Старички подтачивали ходоковъ, чтобы тѣ начинали, но ходоки только переминались, какъ лошади въ станкѣ у кузницы.

— Пусть Коваль говорить на-перво, этово-тово, — заявлялъ Тить. — Отъ него вся смуть пошла.

— А чо-жь я буду говорить, свать? — упирался Коваль. — Лучше-жь послушаемъ твои выкрутасы, бо ты кашу заварилъ... А ну, свать, тоби попереду говорить, а мы послушаемъ, що изъ того выйде.

Нечего дѣлать, пришлось первому говорить Титу: переупрямилъ его хитрый хохоль.

— Все мы обсмотрѣли, все обследовали и въ ордѣ, и въ козакахъ, и въ степѣ, — заговорилъ Тить. — «Глянешься, говорю, свать?» А свать хвалить... И землю хвалить, и народъ хвалить, и ужь мѣстечко мы обыскали, этово-тово, штобы свой выселокъ поставить. Только идемъ это мы назадъ, а свать все орду нахваливаетъ... Ну, все у насъ согласно. Только, этово-тово, стали мы совсѣмъ къ дому подходить, почестъ у самой поскотины, а свать и говорить: «Я, свать, этово-тово, въ орду не пойду!» И пошелъ хаять: воды нѣтъ, лѣсу нѣтъ, народъ живетъ нехорошій... Теперь къ вамъ пришли, штобы вы урезонили свата, потому какъ онъ со-

всѣмъ неправильныя слова говорить и во всемъ въ отворъ пошелъ... Отъ него, этово-тово, вся смута!

— Ну, а ты что скажешь, Дорохъ? — спрашивалъ Петръ Елисеичъ.

— А то и кажу, що останусь здѣсь... Пусть свать иде у эту пранцеватую орду!

— Нужно какъ-нибудь помириться, старички, — совѣтовалъ Петръ Елисеичъ. — Не такое это дѣло, чтобы вздорить.

— Да я-то врагъ, што ли, самому себѣ? — кричалъ Тить, ударяя себя въ грудь кулакомъ. — На свои глаза свидѣтелей не надо... Въ первую голову всю свою семью выведу въ орду. Все у меня есть, этово-тово, всѣмъ отъ Господа Бога доволенъ, а въ ордѣ лучше... Наша заводская копѣйка дешевая, Петръ Елисеичъ, а хрестьянская двухвершиновымъ гвоздемъ приколочена. Все свое въ хрестьянахъ: и хлѣбъ, и харчъ, и обуй, и одѣжа... Мнѣ-то немного надо, о молодыхъ стараюсь...

Маленькое, сморщенное лицо у Горбатаго дышало непреодолимою энергiей, и въ каждомъ словѣ слышалось твердое убѣжденiе. Ходоки долго спорили и опять ни до чего не dospорились.

— Треба еще жинокъ да парубковъ спросить, може вони и не захочуть твоего-то хлѣба, свать! — кричалъ охрипшимъ голосомъ Боваль. — Оттакъ!...

— И спрашивай бабъ да робятъ, коли своего ума не стало, — отвѣчалъ Тить. — Разѣ это порядокъ, штобы съ бабами въ этакомъ дѣлѣ вязаться? Бабій-то умъ какъ коромысло: и криво, и зарубисто, и на два конца...

О. Сергѣй тоже предлагалъ ходокамъ помириться, но ему вѣрили еще меньше, чѣмъ прикацигу. Прикацигъ жалованье изъ конторы получаетъ, а попъ голодомъ насидится, когда оба мочеганскихъ конца уйдуть въ орду.

Домнушка и Батря слушали этотъ разговоръ изъ столовой и обѣ были на сторонѣ стараго Боваля, а Тить совсѣмъ сбѣился со своею ордой.

— Уведеть онъ въ эту орду весь Туляцкiй конецъ, — собогъзнавала Домнушка, качая головой. — Старухи-то за него тоже, беззубыя, а бабенки, которыя помоложе, такъ теперь же всѣ слезьми изошли... Легкое мѣсто свазать, въ орду наклася!

— А пусть попытають эту самую орду, — смѣялся дома старый Боваль, покуривая трубку. — Пусть ихъ... Тамъ и хаты изъ соломы да изъ березовыхъ прутьевъ понадѣланы. Возьмутъ солому, помажутъ глиной — вотъ тебѣ и хата готова.

Старая Ганна была совершенно счастлива, что Коваль уперся. Она про себя молила Бога, чтобы туляки поскорѣе уѣзжали въ орду, а впереди всѣхъ уѣзжали бы Горбатые. Тогда свадьба Федорки разстроилась бы сама собой. Материнское сердце старой хохлушки такъ и прыгало отъ радости, что она разсватаетъ Федорку и выдастъ ее замужъ куда-нибудь въ Хохлацкій конецъ. Пусть за своего хохла выходитъ, а въ большихъ туляцкихъ семьяхъ снохъ со свѣту сживаютъ свекрови да золовки. Ганна особенно часто ласкала теперь свою писанку Федорку и совсѣмъ не бранилась, когда старый Коваль возвращался изъ кабака пьяный.

— А то промятуца, тая орда!—выкрикивалъ Коваль, пѣтухою расхаживая по своей хатѣ.—Замордовалъ свать, а того не знае, що отъ хорошаго життя тягнется на худое... Такъ говорю, старя?

— А то якъ же, Дорохъ? Почиплялись за орду, якъ дурни.

Хитрый Коваль пользовался случаемъ и каждый вечеръ «ползъ до шинка», чтобы выпить трохи горілки и «погвалтувати» съ добрыми людьми. Одна сноха Лукерья ходила съ надутымъ лицомъ и сердитовала на стариковъ. Ея туляцкая семья собиралась уходить въ орду, и бѣдную бабу тянуло за ними. Лукерья выплакивала свое горе гдѣ-нибудь въ уголкѣ, скрываясь отъ всѣхъ. Добродушному Терешкѣ-козаку теперь особенно доставалось отъ тулянки-жены и онъ спасался отъ нея тоже въ шинокъ, гдѣ гарцовалъ батько Дорохъ.

— Вѣдмедица эта самая Лукерка!—сѣялся старый Коваль, разглаживая свои сивые козацкіе «вусы».—А ты, Терешка, не трожь ее, нехай баба продурится: на то вона баба и есть.

Гуляка Терешка побаивался сердитой жены-тулянки и только почесывалъ затылокъ. Въ Лукерья нѣсколько разъ на перепутьи заворачивала Домнушка и еще сильнѣе разстроила бабенку своими наговорами, соболѣзнованіемъ и причитаньемъ, хотя, въ то же время, ругала, на чемъ свѣтъ стоитъ, сбѣсившагося свекра Тита.

— Тебѣ-то легко, Домнушка,—жалились другія горбатовскія снохи.—Ты вотъ, какъ блоха, попрыгиваешь, а каково намъ... Хоть бы ты замолвила словечко нашему Титу,—тоже, вѣдь, и ты снохой ему приходишься.

— И сважу!—храбрилась Домнушка.—Безпремѣнно скажу, потому и Петръ Елисеичъ не одобряетъ эту самую орду... Самое, слышь, проваленное мѣсто. Прямо-то мужикамъ онъ ничего не оказываетъ, а съ попомъ разговариваютъ... и Самойло Евтихычъ тоже не согласенъ насчетъ орды...

— Поговори ты, Домнушка!—упрашивали снохи.—Съ тебя, съ солдатки, взять нечего.

Разбитная Домнушка, дѣйствительно, посылнулася было поговорить съ Титомъ, но старикъ зарычалъ на нее какъ звѣрь и даже кинулся съ кулаками, такъ что Домнушка едва спаслась позорнымъ бѣгствомъ.

— Я вотъ тебѣ, разстройщица!—оралъ Тить, выбѣгая на улицу за Домнушкой съ палкой.

Но черемуховая палка Тита, вмѣсто нагулянной на господскихъ харчахъ жирной спины Домнушки, угодила опять на Макара. Дѣло въ томъ, что до послѣдняго часа Макаръ ни слова не говорилъ отцу, а когда Тить велѣлъ бабамъ мало за малымъ собирать разный хозяйственный скарбъ, онъ пришелъ въ переднюю избу къ отцу и заявилъ при всѣхъ:

— А я, батюшка, въ твою орду не поѣду.

— Что-о?

— Не поѣду, говорю... Ты меня не спрашивалъ, когда на-клялся увѣзжать, а я не согласенъ.

— Да ты, атово-тово, съ кѣмъ разговариваешь-то, Макарко? Въ умѣ ли ты, атово-тово?...

— Изъ твоей воли не выхожу, а въ орду, все-таки, не поѣду. Мнѣ и здѣсь хорошо.

Произошла горячая семейная сцена, и черемуховая палка врѣзалась въ могучее Макаркино тѣло. Старикъ до того разстервенился, что даже вступилась за сына сама Палагея. Того гляди, изувѣчитъ сбѣсившійся старикъ Макара.

— Твоя воля, а въ орду не пойду!—повторялъ Макаръ, покорно валяясь на полу.

— Я тебя породилъ, собаку, я тебя и убью!—оралъ Тить въ бѣшенствѣ.

Сорвавъ сердце на Макаркиной спинѣ, Тить невольно раздумался, зачѣмъ онъ такъ лютуетъ. Большакъ Федоръ слова ему не сказалъ,—въ орду, такъ въ орду,—Фролъ тоже, а послѣдышъ Пашка еще малъ, чтобы съ отцомъ разговаривать. Самъ-третьей выѣдетъ онъ въ орду, да еще парень подростокъ въ запасъ,—хоть какое хозяйство управлять можно. А Макарка пусть пропадаетъ въ Блючевскомъ, ежели умнѣе отца захотѣлъ быть. О двухъ остальныхъ сыновьяхъ Тить совсѣмъ какъ-то и не думалъ: солдатъ Артемъ, мужъ Домнушки, отрѣзанный ломотъ, а учитель Агашъ давно отбился отъ мужицкой работы. Раздумавшись дальше, Тить пришелъ къ мысли, что Макаръ-то, пожалуй, и правъ: первое дѣло, живеть

онъ теперь на доходахъ—дѣсообъѣздчикамъ контора жалованье положила, а потомъ изба за нимъ же останется, покосы и всякое прочее... Всего съ собой не увезешь, а когда Артемъ выйдетъ изъ службы, вмѣстѣ и будутъ жить въ отцовскомъ дворѣ.

«Оно, этово-тово, правильное дѣло говорить Макарь-то»,—раздумывалъ Титъ, хотя, съ другой стороны, Макарку, все-таки, слѣдовало поучить.

VII.

Таинственное исчезновеніе Аграфены и скандалъ съ дворомъ братьевъ Гушиныхъ какъ-то совсѣмъ были заслонены готовившимся переселеніемъ мочеганъ. И въ кабакѣ, и въ волости, и на базарѣ, и на фабрикѣ только и разговоръ было, что о вздорившихъ ходахъ. Не думала о переселеніи въ орду только такая безпомощная голь, какъ семья Окулка, перебивавшаяся кое-какъ въ покосившейся избушкѣ на краю Туляцкаго конца. Появленіе Окулка и его работа на покосѣ точно подразнила эту бѣдность. Когда съ другими разбойниками Окулка явился съ повинной къ Лукѣ Назарычу, ихъ всѣхъ сейчасъ же засадили въ волость, а потомъ немедленно отправили въ Верхотурье въ острогъ. Старая Мавра опять осталась съ глазу на глазъ съ своею непокрытою бѣдностью, Наташка, попрежнему, въ четыре часа утра уходила на фабрику, въ одиннадцать прибѣгала пообѣдать, а въ двѣнадцать опять уходила, чтобы вернуться только къ семи, когда коморникъ Слѣпень отдавалъ шабашъ. За эту работу Наташка получала 15 копѣекъ и этихъ денегъ едва хватало на хлѣбъ. Поднятая въ Туляцкомъ концѣ суматоха точно дѣлала семью сидѣвшаго въ острогѣ Окулка еще бѣднѣе.

— Богатые-то всѣ въ орду уѣдутъ, а мы съ кержаками и останемся,—жаловалась Мавра.—Хоть бы Господь смерть послалъ. И безъ того жизни не радъ.

Сборы переселенцевъ являлись обидой: какіе ни-на-есть, а, все-таки, свои туляки-то. А какъ уѣдутъ, тутъ съ голоду помирай... Теперь, все-таки, Мавра кое-какъ изворачивалась: тамъ займешь, въ другомъ мѣстѣ перехватить, въ третьемъ попросить. Какъ-то Федоръ Горбатый въ праздникъ цѣлый возъ хворосту привезъ, а потомъ ворота поправилъ. Наташка, попрежнему, не жаловалась, а только молчала, а старая Мавра боялась именно этого молчанія.

— Што ты все молчишь, Наташка?—спрашивала она дочь.—Точно пень березовый.

— О чемъ говорить-то, мамынька?—сердито отвѣчала Наташка.—Замаялась я, вотъ што... Поясницу ломить. Вонъ ступни *) новыя надо покупать, варежки износились.

— Ну, ты у меня смотри: знаемъ мы, какъ у дѣвокъ поясницы болятъ... Дурите больше съ парнями-то!... Вонъ я какъ-то Анисью прикащицу видѣла: сарафанъ кумачный, станушка съ кумачнымъ подзоромъ, платокъ на головѣ кумачный, ботинки козловые... Поумиѣе, видно, васъ, дурь...

— И пусть будетъ умнѣе.

Старая, поглупѣвшая отъ голода и болѣзней Мавра пилила несчастную Наташку походя и въ утѣшеніе себѣ думала о томъ, что вотъ выпустятъ Окулка изъ острога и тогда все будетъ другое. Онъ и дровецъ навозить, и избенку починить, и за хлѣбомъ по сосѣдямъ не придется бѣгать... Не бойсь, этакой могутный мужикъ безъ работы не останется. Въ послѣднее время Мавра придумала не со-всѣмъ хорошее средство добывать деньги на хлѣбъ: отправится къ Рачителихъ и начнетъ расписывать ей свою бѣдность. Не любила кабатчица вѣчно канючившую старуху, но слушаетъ-слушаетъ и пожалѣетъ: то хлѣба дастъ, то деньгами ссудить, а сама только вздохнетъ. Мавра, конечно, знала о несчастной любви Рачителихи и по-своему эксплуатировала эту привязанность. За то когда узнала Наташка объ этомъ, у нихъ вышла крупная ссора.

— Умирать, што ли, съ голоду?—кричала обозленная Мавра.

— Послѣднее это дѣло!—кричала Наташка.—Хуже чѣмъ по міру идти. Изъ-за Окулка же страшили на весь заводъ Рачителиху и ты же къ ней идешь за деньгами.

— Ну, и не пойду... Помирайте всѣ голодомъ! Одинъ конецъ.

— Вѣдь, не померли, слава Богу, и не помереть раньше смерти.

Обойденная со всѣхъ сторонъ отчаянною нуждой, Наташка часто думала о томъ, что вотъ есть же богатѣя семьи, гдѣ робятъ одни мужики, а бабы остаются только для разной домашности. Она завидовала отецнимъ дочерямъ, которыя никакого горя въ дѣвкахъ не знаютъ, а потомъ выскочатъ замужъ и опять попадутъ на хорошее житье. А вотъ ей, Наташкѣ, ни откуда и ничего, да еще мать корми... Вонъ у Ковалей засиротѣла внучка Катря, такъ сейчасъ въ господскій домъ ее опредѣлили на легкое житье, потому у богатыхъ вездѣ рука. Живетъ эта Катря въ свѣтлѣ да въ теплѣ и никакого горя не знаетъ, а она, Наташка, муку мученическую на проклятой фабрикѣ принимаетъ. Мужики одни чего стоятъ: прохо-

*) Ступни—башмаки.

ду не даютъ—тотъ щипнеть, другой облапнеть, третій нехорошимъ словомъ обзоветъ. Хоть бы часъ такъ-то прожить, какъ другія дѣвки. Единственнымъ утѣшеніемъ для Наташки оставался примѣръ другихъ поденницъ, которыя околачивались вмѣстѣ съ ней на фабрикѣ. Ни отъ кого-то она добраго слова не слыхивала, кромѣ солдатки Аннушки Чеботаревой, которая всегда сама такая веселая.

— Перестань ты думать-то напрасно, — уговаривала ее Аннушка гдѣ-нибудь въ уголкѣ, когда онѣ отдыхали. — Думай не думай, а наша женская часть всѣмъ одна..: Вонъ Аграфена Гущина изъ какой семьи-то была, а и то свихнулась. Насъ съ тобой и Богъ простить... Намедни мнѣ машинистъ Бузьмичъ што говорилъ про тебя: «славная, грить, эта Наташка». Такъ и сказалъ. Славный парень, одно слово: чистякъ. Въ празднигъ съ тросточкой по базару ходить, шляпа на ѣмъ пуховая...

— Переставь ты, Аннушка: стыда у тебя нѣтъ совсѣмъ.

— А ежели Бузьмичъ не по сердцу, такъ уставщикъ Борнило чѣмъ плохъ? Бонешно, онъ старовать, а старый-то еще способѣе въ другой разъ... Закидывалъ мнѣ про тебя словечко намедни и Борнило, да ужъ я молчу.

— Отстань, смола!

Наташка, однако, крѣпилась изъ послѣдняго, крѣпилась, можетъ быть, потому, что изъ гордости не хотѣла поддаться дешево-му соблазну. Въ ней и пристають потому, что она бѣдная и защититься ей не кѣмъ. Раньше она боялась и избѣгала Аннушки, а теперь какъ-то подружилась съ ней. Вѣдь, не съѣсть же она ее, въ самомъ дѣлѣ, ежели у ней и на умѣ нѣтъ ничего худаго, какъ у другихъ фабричныхъ дѣвокъ. Съ ней, по крайности, можно и поговорить, и посовѣтоваться,—Аннушка все на свѣтѣ знала. Такъ вопросъ о Тараскѣ оставался долго открытымъ: Наташка еще лѣтомъ рѣшила помѣстить его въ рудобойцы,—все-таки, гривенникъ заработать, какъ другіе парнишки. Но, съ другой стороны, ей было до-смерти жаль мальчика, эту послѣднюю надежду и будущую опору семьи. Да и одежки у Тараска никакой нѣтъ, а работа на открытомъ воздухѣ, и зимой парнишка заколѣетъ. Сколько ни крѣпилась Наташка, а пришлось и Тараска свести на фабрику. Это было проклятое утро, когда, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ уставщикомъ Борниломъ, дозорнымъ Полуэхтомъ и записчикомъ поденныхъ работъ, Наташка повела, наконецъ, брата на работу. Въ первые же дни мальчикъ такъ отмахалъ себѣ руки, что не могъ идти на работу. У Наташки надрывалось сердце, когда приходилось раннимъ утромъ будить Тараска. Мальчикъ какъ-то захирѣлъ

и вставалъ со слезами и руганью. Приходилось ждать, когда онъ одѣнется и поѣстъ, и Наташка изъ-за него опаздывала на фабрику. Когда въ темнотѣ Наташка бѣжала почти бѣгомъ по Туляцкому концу и по пути стучалась въ окошко избы Чеботаревыхъ, чтобы идти на работу вмѣстѣ съ Аннушкой, солдатики уже не было дома и Наташка получала выговоры на фабрикѣ отъ уставщика. Все-таки, заработанные Тараскомъ гривенники являлись большимъ подспорьемъ для семьи. Когда выпалъ снѣгъ, Тараску не въ чемъ было идти на работу, и онъ остался дома. Въ это же время кентора отказала во всемъ въ выдачѣ дароваго хлѣба изъ заводскихъ магазиновъ, какъ это дѣлалось раньше, когда шелъ хлѣбный провіантъ на каждую крѣпостную душу.

«Вотъ когда наша смерть пришла», — въ ужасѣ думала Наташка.

Гдѣ же взять и шубу, и пимы, и зимнюю шапку, и теплыя варежки Тараску? Отнятый казенный хлѣбъ привелъ Мавру въ молчаливое отчаяніе. Вотъ въ такую минуту Наташка и обратилась за совѣтомъ къ Аннушкѣ, какъ избыть бѣду. Аннушка всегда жалѣла Наташку и долго качала головой, а потомъ и придумала.

— А Бузьмичъ-то на што? — проговорила она, раскинувъ своимъ бабьимъ умомъ. — Уждь я ему поговорю... Онъ въ мѣховомъ корпусѣ сейчасъ ходитъ, вотъ бы въ самый разъ туды Тараска опредѣлить. Сидѣлъ бы парнишка въ теплѣ и одѣжи никакой не нужно, и вся работа съ маслѣнкой около машины походить, да паклей ржавчину оттереть... Говорю: въ самый разъ.

— Такъ ужь ты поговори, Аннушка; съ Бузьмичомъ-то...

— Извѣстно, поговорю... Была у него промашка супротивъ меня, — ну, да Богъ съ нимъ: я не завистлива на этакихъ-то хахалей.

Благодаря переговорамъ Аннушки и ея старымъ любовнымъ счетамъ съ машинистомъ, Тараска попалъ въ механическій корпусъ на легкую ребячью работу. Мавра опять вздохнула свободнѣе: призракъ голодной смерти на время отступилъ отъ ея избушки. Все-таки, въ выписку Тараска рубль серебра принесетъ, а это, говорятъ, цѣлый пудъ муки.

— Ну, мальчуга, дѣйствуй, — покрикивалъ Бузьмичъ, молодой и бойкій машинистъ. — Да смотри у меня — въ машину головой не лѣзь.

Рядомъ съ мѣховымъ корпусомъ строили помѣщеніе для первой паровой машины. Раньше воды хватало на всю фабрику, а теперь и прудъ обмелѣлъ, и плотина обветшала, — пришлось ставить паровую машину. Для фабрики это обстоятельство являлось цѣ-

льмъ событіемъ: въ Мурманскѣ цѣлыхъ двѣ паровыхъ машины работали, а на Ключевскомъ одна вода. У Кузьмича съ паровою машиной были соединены свои расчеты: онъ перейдетъ на паровую машину и тогда будетъ ужь настоящимъ машинистомъ. Корпусъ былъ заложенъ съ начала осени, а по первому снѣжку изъ Мурманска привезли готовую машину и паровикъ. Докладывали фундаментъ подъ машину и печь для паровика уже въ тепломъ корпусѣ, а къ Рождеству пустили въ ходъ и машину. Кузьмичъ торжествовалъ, когда, вмѣсто крѣпостнаго колокола, весело загудѣлъ его свистокъ. Теперь всѣ работы на фабрикѣ шли по свисту. Старые мастера нарочно заворачивали къ Кузьмичу, чтобы посмотреть на мудреную штуку, и сейчасъ окрестили паровую машину «кобылой».

— Ничего, хорошая скотинка, только ужь больно много дровъ жреть, — похваливали они хитрую выдумку.

Тараско перешелъ, вмѣстѣ съ Кузьмичомъ, въ паровой корпусъ и его должность называлась «ходить у крантовъ». Новая работа была совсѣмъ легкая и Тараско въ холода оставался даже ночевать въ паровомъ корпусѣ, а ѣсть приносила ему Наташка. Она частенько заворачивала «къ машинѣ» и весело балагурила съ Кузьмичомъ, пока Тараско опрастывалъ какой-нибудь бурачокъ со щами изъ толстой крупы съ сметанною забѣлой.

— Заворачивай когда погрѣться, — приглашалъ ее Кузьмичъ. — Все въ теплѣ посидишь.

Наташкѣ и самой нравилось у Кузьмича, но она стѣснялась своей дровосушной сажи. Сравнительно съ ней Кузьмичъ смотрѣлъ щеголемъ, хотя его бѣлая холщевая курточка и была перемазана всевозможнымъ машиннымъ составомъ, вродѣ ворвани и смазочныхъ маселъ. Онъ заигрывалъ съ Наташкой, когда въ машинной никого не было, но не лѣзъ съ нахальствомъ другихъ мужиковъ. Эта деликатность машиниста много подкупила Наташку.

— Какая-то ты несообразная, — шутилъ Кузьмичъ, подсаживаясь къ Наташкѣ плечомъ къ плечу. — Не укушу, не бойсь. Хопъ, возловы ботинки подарю? Не глянется? Ну, тогда кумачный платокъ...

Наташка отрицательно качала головой: не то у ней было на умѣ, а такіе платки да ботинки служили вывѣской загулявшихъ дѣвокъ.

— Посмѣяться тебѣ охота надо мной, — отвѣчала задумчиво Наташка. — Вѣдь, есть кому платки-то дарить, а меня оставь. И то сиротство зашло... Знаю я ваши-то платки. Съ ними одного сраму не разхлебаешь...

— Ну, вотъ, пошла околесную городить,—ворчалъ Бузьмичъ. Хотя Наташка и отбивалась кулаками отъ машинныхъ любезностей Бузьмича, но, все-таки, завертывала въ корпусъ провѣдать Тараска и погрѣться. Ее тянуло сюда даровое тепло. Когда Бузьмичъ былъ занятъ работой, она молча слѣдила за нимъ глазами. Нечего сказать, парень чистякъ и всякое дѣло у него кипитъ. Въ уголкѣ у Бузьмича былъ прилаженъ слесарный станокъ, и онъ, болтая съ Наташкой, ловко работалъ у ней на глазахъ разнымъ инструментомъ. «Не женится онъ на простой дѣвкѣ,—соображала съ грустью Наташка,—возьметъ себѣ жену изъ служительскаго дому»... А, можетъ быть, и не такой, какъ другіе. Глаза у Бузьмича были добрые и онъ всегда такой веселый. Наташка знала про него только то, что Бузьмичъ родомъ изъ Мурмоса и выросъ тоже въ сиротствѣ, какъ и она.

Посѣщеніемъ Наташки новой машинной наступилъ неожиданный конецъ. Незадолго передъ Рождествомъ вышла она на работу, какъ всегда. Свистокъ уже прогудѣлъ въ третій разъ и она съ Аннушкой бѣжала на фабрику почти бѣгомъ. Спускаясь съ плотины по деревянной лѣстницѣ, она издали замѣтила какое-то необыкновенное движеніе. Изъ доменнаго корпуса пробѣжалъ безъ шапки Никитичъ, потомъ мелькнула долговязая фигура Полуэхта, и около новой машинной сбѣжалась цѣлая толпа, которая молча разступилась, когда пришли Наташка съ Аннушкой. У Наташки все похолодѣло внутри отъ какого-то предчувствія. Ее больно толкнулъ фельдшеръ Хитровъ, сбѣжавшій съ ватой въ рукахъ.

— Неладно, Наташка,—шепнула ей кержанка Марька.—Брательника твоего паромъ сварило...

Утромъ, когда Бузьмичъ выпускалъ паръ, онъ съ просонья совсѣмъ не замѣтилъ спавшаго подъ краномъ Тараска и выпустилъ струю горячаго пара на него. Сейчасъ слышался только дѣтскій прерывавшійся крикъ, и, ворвавшись въ корпусъ, Наташка видѣла только широкую спину фельдшера, который накладывалъ вату прямо на обваренное лицо кричавшаго Тараска. Собственно лица не было, а былъ сплошной пузырь... Тараска положили на чью-то шубу, вынесли на рукахъ изъ корпуса и отправили въ заводскую больницу.

VIII.

Домнушна была огорчена, хотя никто не зналъ, кто и чѣмъ могъ ее обидѣть. Вучеръ Семка только успѣвалъ въ кухнѣ поѣсть и сейчасъ же скрывался, козачокъ Тишка и глазъ не показывалъ.

Оставались на прежнемъ положеніи горничная Батря да старый караульщикъ Антипъ,—первой никакъ нельзя было миновать кухни, а второму не было никуда другой дороги, какъ отъ своей караулки до господской кухни. Ржавшая и метавшая Домнушка теперь оказывала старику замѣтное предпочтеніе и подкидывала ему при случаѣ кое-какіе объѣдки. Домнушка управляется около своей печи, а старый Антипъ сидитъ у порога и смотритъ. Когда наверху послышатся тяжелые шаги Батри, которая сейчасъ ходила не босая, а въ новыхъ ступняхъ, Домнушка принималась сердито ворчать:

— Совсѣмъ истварились нынѣшнія дѣвки, применько сказать.

— Это точно... это ты вѣрно, Домнушка,—какъ эхо откликался Антипъ.

Когда Батря спускалась въ кухню, Домнушка стороной непременно сводила разговоръ на Аграфену Гущину, о которой доходили самые невѣроятные слухи.

— Родила она, слышь, въ скитѣ-то,—сообщала Домнушка.—Мертвеньяго выкинула... Охъ, грѣхъ тяжкій!... А другіе опять сказываютъ, что живымъ ребеночкомъ разродилась.

— А сама виновата,—подтигивалъ Антипъ.—Ежели которая дѣвка себя не соблюдаетъ, такъ ее на части живую разрѣзать... Вотъ это какое дѣло!... Завсегда дѣвка должна себя соблюдать, на то и званье у ней такое: дѣвка.

— Аглаидой теперь перекрестили Аграфену-то,—продолжала Домнушка свою мысль.—Тоже и придумаютъ... Уждъ теперь загуляеть со старцами ихними. Одинова нашей-то сестрѣ ошибиться, а тутъ мужичишки, какъ бѣсы, къ тебѣ пристануть... Тьфу!...

Батря краснѣла, молчала и поскорѣе старалась улизнуть наверхъ, а Домнушка только бачала головой. Съ барышней Домнушка тоже обращалась какъ-то сурово и постоянно ворчала на нее. Чуть маленькія ножки Нюрочки покажутся на лѣстницѣ, какъ Домнушка сейчасъ же и оговоритъ ее:

— Не твое это дѣло, барышня, наши мужицкіе разговоры слушать... Иди-ка къ себѣ въ комнату да читай въ свою книжку.

Нюрочкѣ дѣлалось совѣстно за свое любопытство, и она скрывалась, хотя ее такъ и тянуло въ кухню, къ живымъ людямъ. Петръ Елисенчъ половину дня проводилъ на фабрикѣ, и Нюрочка ужасно скучала въ это время, потому что оставалась въ домѣ одна, съ глазу на глазъ все съ тою же Катрей. Сидоръ Барпычъ окончательно переселился въ сарайную, а его комнату временно

занимала Катря. Веселая хохлушка тоже замѣтно измѣнилась, и Нюрочка нѣсколько разъ заставляла ее въ слезахъ.

— Это тебя опять Домнушка бранила?—спрашивала Нюрочка.

— Змѣя она подколодная, вотъ что!—плакала Катря.—Поѣдомъ съѣла, проходу не даетъ... И чѣмъ только я помѣшала ей?

Разъ, когда Петръ Елисеичъ пришелъ изъ завода, Нюрочка не утерпѣла и пожаловалась на Домнушку.

— Въ чѣмъ дѣло? Что такое случилось, крошка?—разсѣянно спрашивалъ Петръ Елисеичъ. — Домнушка васъ обижаетъ? Ахъ, да...

Петръ Елисеичъ неожиданно смутился, помахалъ платкомъ и торопливо ушелъ въ свой кабинетъ, а Нюрочка такъ и осталась съ раскрытымъ ртомъ отъ изумленія. Вообще, что-то случилось, а что—Нюрочка не понимала, и никто ей не могъ ничего объяснить. Ей показалось только, что отецъ точно испугался, когда она пожаловалась на Домнушку.

Разъ, когда днемъ Катря опять ходила съ заплаканными глазами, Петръ Елисеичъ, уложивъ Нюрочку спать, позвалъ Домнушку къ себѣ къ кабинетъ. Нюрочка слышала только, какъ плотно захлопнулась дверь отцовскаго кабинета, а потомъ послышался въ немъ настоящій крикъ,—кричалъ отецъ и кричала Домнушка. Потомъ отецъ уговаривалъ въ чемъ-то Домнушку, а она, все-таки, кричала и голосила, какъ настоящая баба.

— Богу отвѣтите за сироту, Петръ Елисеичъ! — доносился звонкій голосъ Домнушки черезъ запертыя двери.—Другіе-то побоятся вамъ сказать, а я вся тутъ... Нечего съ меня взять, съ солдатки! Дочь у васъ растетъ, большая будетъ, вамъ же стыдно... Этакой страхъ въ дому. Безпремѣнно этого варнака Тишку въ три шеи. Обновленно, Катря—глухая дѣвка и больше ничего, а вы хозяинъ въ дому и отвѣтите за нее.

— Да я-то при чемъ тутъ, Домнушка?

— А кто же хозяинъ въ дому?... Глядѣть тошнѣхонько.

Вообще происходило что-то непонятное, странное, и Нюрочка даже заплакала, зарывшись съ головой подъ свое одѣяло. Отецъ нѣсколько дней ходилъ грустный и ничего не говорилъ съ ней, а потомъ опять все пошло по-старому. Нюрочка теперь уже начала учиться, и въ ея комнатѣ стоялъ особенный столъ съ ея книжками и тетрадками. Занимался съ ней по вечерамъ самъ Петръ Елисеичъ,—придетъ съ фабрики, отобѣдаетъ, отдохнетъ, напьется чаю и скажетъ Нюрочкѣ:

— О чемъ мы съ тобой говорили въ прошлый разъ?

— О Кювье, папа...

Занимался съ дочерью Петръ Елисеичъ по-своему. Выучилась читать и писать она шути. Дальше слѣдовала ариѳметика, французскій языкъ и священная исторія. Ариѳметику и французскій языкъ Нюрочка не любила и только ждала съ нетерпѣнiемъ, когда отецъ начнетъ ей что-нибудь рассказывать. Онъ выбиралъ біографіи великихъ ученыхъ и рассказывалъ ей, какъ они жили, какъ они учились, какъ работали. Это былъ лучший методъ, дѣйствовавшій на дѣтскую душу неотразимо. Была еще любимая книжка у Нюрочки, — это всеобщая исторія Ляме-Флери, которую она уже читала одна.

— Папа, вѣдь, и они были маленькими: Кювье, Бюффонъ, Лапласъ, Вишн? — спрашивала Нюрочка задумчиво.

— Да, крошка.

— Изъ нынѣшнихъ дѣтей тоже будутъ и Кювье, и Бюффонъ?

— Дай Богъ.

Нюрочка задумывалась и говорила послѣ длинной паузы:

— Какъ имъ было трудно, папа, бѣдненькимъ... Такіе маленькіе и ужъ сколько знали.

— Это не обыкновенные люди, крошка, и для нихъ все легко, что намъ съ тобой покажется труднымъ.

Воодушевившись, Петръ Елисеичъ рассказывалъ о большихъ европейскихъ городахъ, о музеяхъ, о разныхъ чудесахъ техники и вообще о томъ, какъ живутъ другіе люди. Эти рассказы уносили Нюрочку въ какой-то волшебный міръ, и она каждый разъ рѣшала про себя, что какъ только вырастетъ большая, сейчасъ же уѣдетъ въ Парижъ или въ Америку. Слушая эту дѣтскую болтовню, Петръ Елисеичъ какъ-то грустно улыбался и молча гладилъ бѣлокурую Нюрочкину головку.

— Ты уѣдешь, а я-то какъ же буду? — спрашивалъ онъ.

— И тебя, папа, возьму съ собой... Вмѣстѣ поѣдемъ.

Выросшая среди большихъ Нюрочка и говорила, какъ большіе. Въ куклы она не любила играть.

Изъ постороннихъ въ господскомъ домѣ являлись только пріѣзжавшіе по дѣламъ изъ Мурмоса заводскіе служащіе, исправникъ Иванъ Семенычъ и Самойло Евтихычъ изъ Самосадки. Мурмосскіе служащіе для Нюрочки оставались чужими людьми, а двое послѣднихъ были уже своими. Иванъ Семенычъ баловалъ ее и часто игралъ въ медвѣдя, т.-е. устранивалъ себя изъ стульевъ берлогу, садился тамъ на корточки и начиналъ «урчать», а Нюрочка бѣгала кругомъ и хохотала до слезъ. Какъ неисправимый хохоль, Иванъ

Семенычъ говорилъ «вѣдметъ», вмѣсто медвѣдь. Съ Груздевыми сношенія были чаще, и Самойло Евтихычъ каждый разъ привозилъ Нюрочкѣ разные гостинцы: то кулу, то игрушку, то просто разныхъ сластей.

Разъ утромъ, когда Нюрочка сидѣла въ своей комнатѣ за книжками, въ ея комнату неслышными шагами вошла Анюса Егоровна и, поддравшись, обняла сзади.

— Угадай, кто?—спрашивала она, закрывая Нюрочкѣ глаза ладонями.

— Это вы, Анюса Егоровна...

Нюрочкѣ больше всего удивительнымъ показалось то, что она совсѣмъ не слыхала, какъ пріѣхала гостя и какъ вошла въ комнаты. Потому у нихъ никогда не бывали гостями женщины.

— Въ гости къ тебѣ пріѣхала, —объясняла Анюса Егоровна. — Ну, какъ ты поживаешь здѣсь? Не скучаешь?

— Нѣтъ.

Анюса Егоровна отнеслась съ какимъ-то болѣзненнымъ участіемъ къ Нюрочкѣ и до послѣдней мелочи осмотрѣла всю ея комнату, а потомъ и весь домъ. Спустившись въ кухню, она и тамъ произвела самую строгую ревизію. Домнушка замѣтно смутилась, —она привыкла хозяйничать въ свою голову, а Петръ Елисеичъ въ ея хухонныя дѣла не вмѣшивался. Анюса Егоровна отыскала зеленныя пятна на мѣдныхъ кострюляхъ, кое-гдѣ грязь, кое-гдѣ пылъ, велѣла выжить таракановъ, привольно гулявшихъ по запечью, и нѣсколько разъ покачала головой, когда Домнушка по пальцамъ пересчитывала выходившую провизію.

— Многоножка, голубушка, многоножка для двоихъ-то, —повторяла Анюса Егоровна и опять качала головой.

— Да, вѣдь, у насъ пріѣздъ, Анюса Егоровна, — оправдывалась Домнушка. — Съ Мурмоса постоянно гонять.

— Знаю, знаю, милая...

На Батрю Анюса Егоровна не обратила никакого вниманія и точно не замѣчала ея. Въ залѣ она велѣла переставить мебель, въ столовой накрыла столикъ по-новому, въ Нюрочкиной комнатѣ постлали коверъ, —однимъ словомъ, произведена была маленькая революція, а гостя все ходила изъ комнаты въ комнату своими неслышными шагами и находила новые безперядки. Когда вернулся съ фабрики Петръ Елисеичъ, онъ замѣтно смутился.

— Чѣмъ я васъ буду угощать, Анюса Егоровна? — спрашивалъ онъ. — Живу старымъ вдовцомъ и совсѣмъ мохомъ обросъ...

Послѣ обѣда Анюса Егоровна ушла въ кабинетъ къ Петру Ели-

сечу и здѣсь между ними произошелъ какой-то таинственный разговоръ въ полголоса. Нюрочкѣ было вѣрно уйти въ свою комнату. О чемъ они говорили тамъ и почему ей нельзя было слушать?— удивлялась Нюрочка. Вообще, поведение гости имѣло какой-то таинственный характеръ, начинавшій пугать Нюрочку. По смущеннымъ лицамъ прислуги дѣвочка замѣтила, что у нихъ въ домѣ вообще что-то неладно, не такъ, какъ прежде.

Послѣ этой таинственной бесѣды Анюса Егоровна велѣла Нюрочкѣ одѣваться.

— Въ гости поѣдемъ, — объявила она съ строгою ласковостью.

Бучеръ Семка отвезъ ихъ въ Бержацкій конецъ въ избушку Таисьи. Получерничка всполошилась и не знала, куда усадить дорогихъ гостей и чѣмъ ихъ угостить. Анюса Егоровна держала себя съ приличною важностью, а Нюрочкѣ показалось ужасно скучно, когда гости и хозяйка заговорили между собой въ полголоса и Анюса Егоровна опять качала головой, а Таисья поглядывала на Нюрочку своими печальными глазами съ скрытою любовью. Нюрочка поняла только, что они все время говорили только про какую-то Аграфену, а потомъ еще про какую-то женщину, которую слѣдовало непременно выгнать изъ дому. Должно быть, это была очень нехорошая женщина, если и Анюса Егоровна, и Таисья говорили о ней съ такою злобой.

— Хоть бы ты, Таисьюшка, когда заглянула, — пеняла Анюса Егоровна. — Все же женскій глазъ, а то смотрѣть-то тошнѣхонько. И *та* постыдилась бы чужаго-то человѣка... Величка ли дѣвочка, а тутъ... охъ, и говорить-то такъ нехорошо!...

Нюрочка чуть не заснула отъ этихъ непонятныхъ разговоровъ и была рада, когда онѣ поѣхали, наконецъ, домой. Дорогой Анюса Егоровна крѣпко обняла Нюрочку и ласково поцѣловала.

— Ахъ, ты, моя дѣвочка, дѣвочка... — шептала она со слезами на глазахъ.

Ужинъ прошелъ очень скучно. Петръ Елисеичъ больше молчалъ и старался не смотрѣть на гостью. Она осталась ночевать и расположилась въ комнатѣ Нюрочки. Катря и Домнушка принесли ей кровать изъ бывшей комнаты Сидора Карпыча. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Анюса Егоровна подробно осмотрѣла всѣ коммоды и даже пересчитала Нюрочкино бѣлье.

— А молиться ты умѣешь? — спросила она, надѣвая кофту.

Нюрочка попалась. Молиться ее училъ только о. Сергѣй, а отецъ не обращалъ на это никакого вниманія.

— Ну-на, сложи крестъ, — заставляла Анюса Егоровна. —

Нѣтъ, не ладно, милая: это не нашъ крестъ... Нужно молиться большимъ крестомъ, вотъ такъ.

Анеиса Егоровна сложила Нюрочкины пальчики въ двуперстіе и заставила молиться вмѣстѣ съ собой, отбивая поклоны по лѣстовкѣ, которую называла «Христовою лѣсенкой». Потомъ она сама уложила Нюрочку, посидѣла у ней на кровати, перекрестила на ночь нѣсколько разъ и велѣла спать. Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то особенно тепло, и она подумала о своей матери, которую помнила какъ во снѣ.

— Ты спи, а я посижу около тебя... — шептала Анеиса Егоровна, лаская тонкое дѣтское тѣльце своею мягкой женскою рукой. — Закрой глазки и спи.

Богда утромъ Нюрочка проснулась, Анеисы Егоровны уже не было — она уѣхала въ Самосадку такъ же незамѣтно, какъ приѣхала, точно тѣнь, оставивъ послѣ себя неиспытанное еще Нюрочкой тепло. Нюрочка вдругъ полюбила эту Анеису Егоровну и ей страшно захотѣлось броситься ей на шею, обнимать ее и цѣловать.

Батра была переведена въ сарайную, а Сидоръ Барпычъ опять поселился въ своей комнатѣ рядомъ съ Нюрочкой. Тишина приходила нѣсколько разъ въ кабинетъ къ Петру Елисеичу и получала головомойку: Петръ Елисеичъ усовѣщевалъ его, кричалъ и даже топалъ ногами.

IX.

У Петра Елисеича дѣла было по горло. Дѣятельность завода переживала переходное время. Отъ дароваго крѣпостнаго труда нужно было перейти къ платному, а сообразно съ этимъ требовались нововведенія, измѣненія и вообще крупныя реформы всего производства. Время шло, а пока еще въ этомъ направленіи ничего не было извѣстно. Опять тормазила петербургская контора, потому что весь вопросъ сводился на деньги; заводовладѣльцы привыкли только получать съ заводовъ милліонныя дивиденды и рѣшительно ничего не вкладывали въ дѣло отъ себя. Не существовало даже обратнаго капитала для заводскихъ операцій, а о запасномъ не было и помину. Конечно, такъ нельзя было идти дальше, что понималъ даже Дува Назарычъ. Старикъ сердился на Мухина за его выходку на Мѣдномъ рудникѣ, но смирилъ себя и обратился къ нему съ заказомъ составить докладную записку по поводу необходимыхъ реформъ заводаго дѣла, сообразно съ требованіями и условіями новаго положенія. Изъ крѣпостныхъ управителей Мухинъ являлся

единственнымъ меловѣкомъ, на котораго возможно было возложить такое порученіе. Петръ Елисеичъ былъ радъ этой работѣ и съ головою зарылся въ заводскія книги, чтобы представить полную картину заводскаго хозяйства, а потомъ тѣ реформы, какія необходимо было сдѣлать въ виду измѣнившихся условій. Вотъ когда пригодились хоть отчасти тѣ знанія, которыя были приобрѣтены Мухинимъ за границей, хотя за сорокъ лѣтъ много воды утекло и заводская крупная промышленность за это время успѣла шагнуть далеко. Вся Европа успѣла перестроиться изъ конца въ конецъ, а желѣзныя дороги покрыли ее живою сѣтью. Пережѣстались нѣкоторые бойкіе промышленные центры, выдвинулись далеко впередъ новыя отрасли труда и создались не существовавшіе сношенія, обороты и грандіозныя предпріятія, о какихъ не омѣли мечтать даже самыя смѣлыя умы. Тамъ широко волной катилась настоящая жизнь, о которой Петръ Елисеичъ зналъ только изъ газетъ и по книгамъ. На этомъ чужомъ фонѣ собственное крѣпостное убожество выступало съ особенною яркостью и если когда можно было его исправить, то именно теперь. Петръ Елисеичъ всею душой вѣрилъ въ это открывавшееся будущее, для котораго стоило поработать.

Надъ своею работою онъ просидѣлъ всѣ праздники и успокоился только тогда, когда объемистая рукопись отправлена была, наконецъ, въ Мурманскъ. За этимъ дѣломъ Петръ Елисеичъ совсѣмъ забылъ окружающихъ и даже о томъ, что въ послѣднее время отравляло ему жизнь. Кончивъ работу, онъ, къ удивленію, пережилъ тяжелое настроеніе: не съ кѣмъ было подѣлиться своими мыслями. Нюрочка была еще мала, а свои заводскіе слушаніе изъ крѣпостныхъ не поняли бы его. Это сознаніе своего одиночества проснулось съ новою силой. Оставался Груздевъ, съ которымъ Петра Елисеича связывало землячество, но и тотъ показывался въ Блючевскомъ заводѣ рѣдко и вѣчно торопился по своимъ безконечнымъ дѣламъ. Петру Елисеичу казалось, что какъ будто старый другъ избѣгалъ его. Онъ встаетъ припоминалъ таинственный визитъ Анны Егоровны и только морщился отъ внутренней душевной боли. Въ сущности, онъ очень любилъ эту простую и добрую женщину, но зачѣмъ она вмѣшивается въ чужія дѣла? Какъ казалось Петру Елисеичу, именно со времени этого визита Нюрочка измѣнилась въ отношеніяхъ къ нему и время отъ времени такъ пытливо смотритъ на него, точно не рѣшается спросить что-то. Между отцомъ и дочерью легла первая житейская тѣнь.

Груздевъ пріѣхалъ передъ масляницей и остановился въ господскомъ домѣ. Петръ Елисеичъ обрадовался ему, какъ дорогому

гостью, потому что могъ съ нимъ отвести душу. Онъ вытаскилъ черновыя посланнаго проекта и торопливо принялся объяснять суть дѣла, приводя выдержки изъ посланной рукописи. Груздевъ слушалъ его со вниманіемъ заинтересованнаго человѣка.

— Вѣдь, все правда, да? — спрашивалъ Петръ Елисеичъ, размахивая черновой. — Вотъ когда привелось сказать имъ все... Меня беспокоитъ только одно. Конечно, въ прежнемъ видѣ дѣло оставаться не можетъ, но введеніе реформъ на заграничный манеръ связано съ нѣкоторыми практическими неудобствами. Напримѣръ, я проектирую печь Сименса. Прекрасная вещь сама по себѣ, потому что не потребуется праявляющейся нынче сушки дровъ, а потому и дровъ потребуется вдвое меньше, потому что въ дѣло пойдет и хворостъ, и щены, и разный хламъ. Теперь мы тратимъ около 15 тысячъ кубическихъ сажень дровъ, а тогда потребуется всего 5 тысячъ. Теперь съ сушкой дрова намъ обходятся около 8 р. сажень, а тогда будетъ стоять сажень сырыхъ дровъ всего 4 рубля. Вѣдь, отлично, потому что получается громадное сбереженіе. А, между тѣмъ, выходитъ такая штука: 150 дроворубовъ при 200 лошадахъ останутся безъ дѣла, да около 60 человѣкъ поденщицъ-дровосушекъ. Онѣ, эти дровосушки, вышли на работу послѣ воли первыми, и первыми же должны остаться безъ работы. У меня это просто на совѣсти. И такъ въ каждой статьѣ. Чтобы не сдѣлать такой переходъ слишкомъ рѣзкимъ, необходимо расширить производство и ввести новыя работы, какъ, напримѣръ, добываніе торфа. Но когда еще и что будетъ, а придется начать съ сокращенія старыхъ работъ. Меня эта мысль просто убиваетъ. Положимъ, въ Европѣ давно все машина дѣлаетъ, а мы еще должны переживать этотъ болѣзненный переходъ отъ ручнаго труда къ машинному производству. Другой примѣръ: кричное производство... Вѣдь, это наша слава и гордость, кричное полосовое желѣзо лучше прокатаннаго въ машинѣ, а, между тѣмъ, мы должны его закрыть, какъ невыгодную статью. Лучшіе мастера останутся безъ дѣла...

— Что будешь дѣлать... — вздыхалъ Груздевъ. — Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе жить становится, а какъ будутъ жить наши дѣти — страшно подумать. Бстати, вотъ что... Проектъ-то у тебя написанъ и бойко, и основательно, все на своемъ мѣстѣ, а только напрасно ты не показалъ мнѣ его раньше.

— А что?

— Не ладно маленько, Петръ Елисеичъ... Ты ужъ меня извини, а я тебѣ пряменько скажу: не ладно. Видишь, какая штука выхо-

дѣль: старое-то дѣло ты все охаялъ... такъ? Все не ладно выходить по-твоему, такъ?

— Конечно... Можно сказать больше: одно безобразіе у насъ было. Но, вѣдь, я говорю о крѣпостномъ времени.

— Такъ-то оно такъ, а кто твой проектъ читать будетъ? Лука Назарычъ... Крѣпостное право изничтожили, это ты правильно говоришь, а Лука Назарычъ остался... Старухи такъ говорятъ: щука-то умерла, а зубы остались... Смотри, какъ бы тебѣ благодарность изъ Мурмоса кожей наоборотъ не вышла. Одинъ Овсянниковъ чего стоитъ... Они попрежнему гнутъ, чтобы вольнаго-то мужика въ оглобли завести, а ты дровосушекъ да кричныхъ мастеровъ здѣсь жалѣешь. А главная причина: Лука Назарычъ обидится.

— А, вѣдь, ты вѣрно говоришь, — согласился обезкураженный Петръ Елисеичъ. — Какъ это мнѣ самому-то въ голову не пришло? А, впрочемъ, пусть ихъ думаютъ, что хотятъ... Я сказалъ только то, что долженъ былъ сказать. Всю жизнь я молчалъ, Самойло Евтихичъ, а тутъ прорвало... Ну, да теперъ ужъ нечего толковать: дѣло сдѣлано. И я не жалѣю.

Въ свою очередь Груздевъ пріѣхалъ тоже потолковать о своихъ дѣлахъ. По раскольникчѣй привычкѣ, онъ откладывалъ настоящей разговоръ вплоть до ночи и разговорился только послѣ ужина, когда Нюрочка ушла спать, а они остались за столомъ съ глазу на глазъ.

— Надумалъ я одну штуку, Петръ Елисеичъ, — нерѣшительно заговорилъ Груздевъ, поглядывая на хозяина сбоку. — Надумалъ да и страшно какъ-то...

— Именно?

— Думаю переѣхать на житье въ Мурмосъ.

— А какъ же Самосадка?

— Вотъ и я то же самое думаю и ничего придумать не могу. Конечно, въ крѣпостное время можно было и сидѣ въ Самосадкѣ орудовать... А вотъ теперъ почитай и дома не бываю, а все въ разѣздахъ. Ужъ это какая же жизнь... А какъ подумаю, что придется уѣзжать изъ Самосадки, такъ даже сторопъ возьметъ. Не то что жаль наситеннаго мѣста, а такъ... какой-то страхъ.

— Ну, это ужъ вздоръ, Самойло Евтихичъ, — улыбнулся Мухинъ. — Какъ-то даже странно слышать отъ взрослого человѣка: табія дѣтскія вещи... Пристанскихъ старухъ поменьше слушай.

— Да, вѣдь, самъ-то я развѣ не понимаю, Петръ Елисеичъ? Тоже, слава Богу, достаточно видали всякихъ людей и свою темноту видимъ... А какъ подумаю, точно сердце оборвется. Ночью про-

сыпаюсь и все думаю... Развѣ я первый переѣзжаю съ одного мѣста на другое, а вотъ пооди же ты... Стыдно рассказывать-то!

— Сдѣлай такъ: домъ на Самосадкѣ не продавай... Все-таки, въ случаѣ чего, гнѣздо останется.

— Это ты вѣрно...—разсѣянно соглашался Груздевъ.—Дѣлами-то своими я ужь очень раскидался: и кабаки, и лавки съ краснымъ товаромъ, и караванъ, и торговля хлѣбомъ. Однихъ прикащиковъ да цѣловальниковъ больше двадцати человекъ, а за каждымъ нуженъ глазъ... Наше дѣло тоже аховое: не кормя, не поя, ворога не наживешь.

— Мой совѣтъ: переѣзжать. Въ Мурманскѣ будешь жить—до всего близко... Тогда и кабаки можешь бросить. Не люблю я этого дѣла, Самойло Евтихычъ.

— А кто его любить? Самое поганое дѣло... Цѣловальники, и тѣ всѣ разбѣжались бы, если бы ихняя воля. А только дѣло вѣрное, поэтому за него и держимся... Ты думаешь, я много на караванѣ заводскомъ наживу? Иной годъ и изъ кармана уплыветъ, а кабаками и раскроюсь. Ежели Богъ пошлетъ счастья въ Мурманскѣ, тогда и кабаки по боку... Тоже выходитъ причина, чтобы не оставаться на Самосадкѣ. Буда ни кинь, вездѣ выходитъ, что уѣзжать.

Груздевъ сидѣлъ у стола, какъ-то по-старчески опустивъ голову. Его бородатое бойкое лицо было теперь грустно, точно онъ предчувствовалъ какую-то неминуемую бѣду. Впрочемъ, подъ влияниемъ лишней рюмки на него накатывался иногда такой «стихъ», и Петру Елисеичу показалось, что благопріятель именно выпилъ лишнее. Ему и самому было не легко.

— Знаешь, чтѣ я тебѣ скажу,—проговорилъ Петръ Елисеичъ послѣ длинной паузы,—состарелись мы съ тобой, старина... Вотъ и пошли ахи да страхи. Жить не жили, а состарились.

— Вѣрно, родимый мой!—точно обрадовался Груздевъ, что причина его недовольства, наконецъ, нашлась. — Сѣдой волосъ пробивается, а ровно все еще только собираешься жить.

Ночевалъ Груздевъ въ сарайной виѣствѣ съ своимъ осторожнымъ Матюшкой, который днемъ ходилъ въ Бержацкій конецъ провѣдывать братьевниковъ.

— Буда они Аграфену-то дѣвали? — спрашивалъ Груздевъ соннымъ голосомъ, уже лежа въ постели.—Охъ-хо-хо... А дѣвка-то какая была: ломтями рѣжь да ѣшь.

— А кто ее знаетъ, куды она провалилась,—неохотно отвѣчалъ Матюшка, почесывая затылокъ.—Буды больше, какъ не въ свиты... Улимонилъ ее эта Танся, надо полагать.

Матюшка еще разъ почесалъ въ затылкѣ и прибавилъ, глядя по-медвѣжьи въ сторону:

— И што я тебѣ скажу, Самойло Евтихычъ... Мочеганка-то эта самая, вотъ которая при горницахъ у Петра Елисеича... Петръ-то Елисеичъ хоша и старичокъ, а полюбопытствовалъ...

— Молчи, дуракъ! Не наше дѣло.

— Будь онѣ прокляты, эти самыя дѣвки: кто ихъ и придумалъ...—ворчалъ Матюшка, укладываясь спать въ передней.

Матюшка думалъ крайне тяжело, точно камни ворочалъ, но за то разъ попавшая ему въ голову мысль такъ и оставалась въ Матюшкиномъ мозгу, какъ желѣзный клинъ. И теперь онъ лежалъ и все думалъ о мочеганкѣ Батрѣ, которая вышла сейчасъ на одну ступь съ сестрой Аграфеной. Дуры эти дѣвки самыя...

Груздевъ, по обыкновенію, проснулся рано и вскочилъ, какъ встрепанный. Умывшись и положивъ началъ передъ дорожнымъ образкомъ, онъ не уѣхалъ, какъ обыкновенно, не простившись ни съ кѣмъ, а дождался, когда встанетъ Петръ Елисеичъ. Онъ заявился къ нему уже въ дорожной оленьей дохѣ и такомъ же треухѣ и проговорилъ:

— Вотъ что, родимый мой... Забылъ тебѣ вчеръ-то сказать: на Мурмосѣ на тебя все сваливають,—и что мочегане задумали переселиться, и что которые кержаки насчетъ земли начали поговаривать... Такъ ужъ ты тово, родимый мой... береженаго Богъ бережетъ. Имъ бы только свалить на кого-нибудь.

Петръ Елисеичъ только сейчасъ понялъ, зачѣмъ оставался Груздевъ, именно, ему нужно было предупредить его, и онъ сдѣлалъ это въ самую послѣднюю минуту, какъ настоящій закопѣлый самосадскій кержакъ.

Когда Груздевъ уже садился въ свою кашевую, къ нему подбѣжала какая-то женщина и кожомъ повалилась въ ноги.

— Что тебѣ нужно, милая?—спрашивалъ Груздевъ, сморщивъ брови.

— Самойло Евтихычъ, возьми ты себѣ парнишечка,—голосила какая-то дѣвка со слезами на глазахъ.—Бѣднота одолѣла.

— Сколько ему лѣтъ?

— Одиннадцать въ Петровки будетъ.

— Ладно,—коротко отвѣтилъ Груздевъ, обѣлъ въ кашевую и крикнулъ:—Трогай!

Голосившая дѣвка была Наташка. Ее подучила, какъ все сдѣлать, сердобольная Домнушка, бѣгавшая провѣдывать лежавшаго въ лазаретѣ Тараска.

— Ну, слава Богу!—говорила она Натанкѣ.—Сказалъ одно слово Самойло Евтихычъ и будетъ твой Тараско счастливъ на всю жизнь. Пошли ему, Господи, хоть онъ и кержакъ. Не любитъ онъ отказывать, когда его вотъ такъ поперекъ дороги попросятъ.

X.

Разногласіе ходяковъ и споры по этому поводу задержали переселеніе мочеганъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяца на два. Дѣло быстро двинулось впередъ, благодаря совершенно случайному обстоятельству. Главное заводское управленіе въ Мурманскѣ давно косилось на поднятую влючевскими мочеганами смуту, но открытыхъ мѣръ противъ этого движенія пока не принимало никакихъ, ограничиваясь конфиденціальными справками и частными слухами. Но вскорѣ послѣ святаго въ Влючевской заводъ прѣѣхалъ горный исправникъ Иванъ Семенычъ съ секретнымъ порученіемъ остановить движеніе. Предостереженіе Груздева оправдалось: въ Мурманскѣ не довѣряли Петру Елисеичу.

— Что тутъ у васъ дѣлается, душа моя?—спрашивалъ Иванъ Семенычъ, какъ только вошелъ въ кабинетъ къ Петру Елисеичу.—Бунтъ...

— Пока ничего особеннаго, Иванъ Семенычъ, а о бунтѣ не слышалъ. Просто туляки затѣяли переселиться въ Оренбургскую губернію, о чемъ я уже писалъ въ свое время главному заводоуправленію. По моему мнѣнію, явленіе вполне естественное. Вѣдь, они были пригнаны сюда насильно, какъ и хохлы.

— Знаю, знаю, душа моя, а, все-таки, должны быть новоды... Впрочемъ, я долженъ тебя предупредить, ангелъ мой, что я знаю рѣшительно все. Да-съ... Вотъ мы этихъ смутьяновъ и пощупаемъ... хе-хе!

— Если вы все знаете, такъ вамъ же лучше; — сухо отвѣтилъ Петръ Елисеичъ.

Въ господскій домъ для увѣщанія въ тотъ же день были вызваны оба ходока и волостные старички. Съ небольшими измѣненіями повторилась приблизительно та же сцена, какъ и тогда, когда ходоковъ приводили «судиться къ прикащику». Каждый повторялъ свое и каждый стоялъ на своемъ. Особенно въ этомъ случаѣ выдвинулся упрямый Титъ Горбатый.

— Значить, о переселеніи ты думалъ еще раньше, душа моя?—допрашивалъ его Иванъ Семенычъ..

— А кто его знаетъ, ваше высокоблагородіе... Можетъ, и рань-

не думали, — напрасно старался припомнить Тить. — Конечно, этово-тово, думали, а настоящій разговоръ пошелъ быдто съ весны...

— А со стороны никто не подбивалъ васъ? Можетъ быть, письма были... ну, странники тамъ, старушонки разныя?

— Нѣтъ, не упомяну, ваше высокоблагородіе... Такъ, значить, этово-тово, промежду себя толковали.

— Вотъ у тебя домъ, старикъ, все хозяйство, и вдругъ надо будетъ все разорить. Подумалъ ты объ этомъ? Самъ разоришься и другихъ до сумы доведешь... Отъ добра добра не ищутъ.

— Это ты вѣрно... Конечно, какъ не жаль добра: тоже горбомъ, этово-тово, добро-то наживали. А только намъ не способно оставаться-то здѣсь... все купляй... Тамъ, въ ордѣ, сторона вольная, земли сколько хошь... Опять и то сказать, што пригнали насъ сюда безо всего, да, слава Богу, вотъ живы остались. Богъ дастъ, и тамъ управимся.

Это очевидное упрямство старика и какая-то тупость отвѣтовъ навели Ивана Семеныча на мысль, что за нимъ стоитъ кто-нибудь другой, болѣе ловкій. Въ числѣ увѣщаемыхъ старичковъ больше другихъ гадѣлъ Дѣянъ Поперешный, и пронцательное око Ивана Семеныча остановилось на немъ.

— Да это совсѣмъ пустой мужикъ, — объяснялъ Петръ Елисеичъ, когда исправникъ высказалъ ему свои подозрѣнія. — Гдѣ шумъ, тамъ и Дѣянъ... И вличка у него по шерсти: Поперешный.

Иванъ Семенычъ бился съ стариками цѣлыхъ два дня и ничего не могъ добиться. Даже былъ приглашенъ къ содѣйствию о. Сергѣй, увѣщанія и совѣты котораго тоже не повели ни къ чему. Истощивъ весь запасъ своей административной энергіи, Иванъ Семенычъ махнулъ рукой на все.

— А ну ихъ къ чорту, этихъ мочеганъ!... Миѣ бы только полтора года до пенсіи дослужить, а тамъ хоть трава не рости...

Этотъ эпизодъ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія. Дѣло было яснѣе дня. Даже самые нерѣшительные присоединились теперь къ общему теченію. Это былъ захватывающій моментъ, и какая-то стихійная сила толкала впередъ людей самыхъ неподвижныхъ, точно въ половодье, когда выстунившая изъ береговъ вода выворачиваетъ деревья съ корнемъ и уноситъ тяжелые камни. Не могли увлекаться этимъ общимъ движеніемъ только тѣ, кто не могъ ухъать по бѣдности или слабости, какъ увѣчные, старики, бобылки. Волненіе захватило даже фабрику. Заговорили жержаки, поддаваясь общему

настроенію, и по корпусамъ шли не менѣе оживленные разговоры, чѣмъ въ кабаѣ Рачителихи или у волости.

— Дураки вы всѣ!—ругался Никитичъ, перебѣгая изъ корпуса въ корпусъ, какъ угорѣлый.—Вѣрно говорю, родимые мои: дураки... Вѣдь, зря только языками мелете. Пусть мочеганы сами сперва поѣдятъ своего-то хлѣба... Пусть!

— Ишь, судорога!—удивлялись рабочіе, глядя, какъ Никитичъ убивается надъ чужими дѣлами.— Съ исправникомъ снюхался да съ прикащикомъ...

До сихъ поръ ни на фабригѣ, ни въ кабаѣ, нигдѣ не поднималось разговоръ о тѣхъ жестокостяхъ, которыя продѣлывались еще недавно на заводахъ, а теперь все это всплыло, какъ масло на водѣ. Припомнились всѣ неистовства стараго Палача, суровыя наказанія самого Луки Назарыча и другихъ управляющихъ, а изъ-за этихъ воспоминаній поднялась кровавая память дѣда нынѣшняго заводовладѣльца, старика Устюжанинова, который на смерть заколачивалъ людей у себя на глазахъ. Нашлись старики, которые хорошо помнили и шпицрутены, и устюжаниновскіе кнутыя, которыми нещадно били всякую живую заводскую душу. Мало ли по заводамъ у огненной работы бывало всякаго звѣрства... Блючевской заводъ подъ мягкимъ управленіемъ Мухина успѣлъ забыть многое, а о старыхъ жестокостяхъ напоминали только крѣпостные разбойники, да дураки, какъ жертвы своего времени. Даже неугомонный Никитичъ замолкъ, когда поднялись эти разговоры, и скрылся къ себѣ подъ домну. Мочегане, пожалуй, и не застали того, что пережилъ Бержацкій конецъ: имъ достались только крѣпостные цвѣточки.

Туляцкому и Хохлацкому концамъ было не до этихъ разговоръ, потому что всѣ жили въ настоящемъ. Наѣздъ исправника рѣшилъ все дѣло: надо уѣзжать. Первый примѣръ подалъ и здѣсь Дѣянъ Поперешный. Пока другіе говорили да собирались потихоньку у себя дома, онъ взялъ да и продалъ свой покосъ на Соигѣ, самый лучший покосъ во всемъ Туляцкомъ концѣ. Покупателемъ явился Никитичъ. Сдѣлка состоялась, конечно, въ кабаѣ и «руки розняла» сама Рачителиха.

— Миѣ што покосъ!—кричалъ Дѣянъ.— Не съ собой везти... Владай, Никитичъ, твои счастки. Вотъ я каковъ человекъ есть...

Это послужило точно сигналомъ, и туляцкое добро полетѣло: продавали покосы, избы, скотину. Изъ кержачковъ купили избы въ Туляцкомъ концѣ старикъ Основа и братья-третьякъ Гущинъ, а потомъ накнулись хохлы. Туляцкая стройка была вѣршкая, а свои избы у хохловъ были поставлены кое-какъ.

— Пусть хохлы ноживутъ, въ хорошихъ-то избахъ, да насъ добромъ поминаютъ, — говорилъ Дѣянъ.

Нажитое годами добро шло за полцѣны, да и на него покупателей не находилось. Половина избъ оставалась безъ хозяевъ. Бойкая Рачителиха купила за двадцать рублей двѣ избы, — въ одну помѣстила свою мать, старуху Акулину, а въ другую пустила жить мать Окулка съ Наташкой. Всѣхъ переселенцевъ насчитывали за сто дворовъ, а изъ нихъ девяносто въ Туляцкомъ концѣ. Мужики продавали избы и покосы, а бабы зорили разный домашній скарбъ и продавали скотину. Хохлы прохарчилились на избы, а остальное туляцкое добро ушло въ Кержацкій конецъ. Домовитыя кержанки особенно рвали скотину, которая въ общей сутолокѣ точно сбѣсилась, особенно коровы. Тулянки своими руками должны были уводить ревѣвшихъ и упирившихся коровъ въ Кержацкій конецъ. Отъ этой картины общаго разгрома дрогнуло сердце даже у Тита Горбатаго, и у него въ головѣ зашевелилась мысль, ужь ладно ли дѣло затѣялось. Собственно горбатовскій дворъ со всѣмъ горбатовскимъ добромъ уцѣлѣлъ, за исключеніемъ разной куренной снасти, проданной въ Кержацкій конецъ. Макаръ заплатилъ отцу «выходъ», а то, за что не было заплачено, пошло въ часть отсутствовавшего солдата Артема. Упрямый Титъ былъ радъ, что Макаръ остается: горбатовскій дворъ не будетъ пустовать. Основа ужь прицѣнивалась къ нему, но отѣхалъ ни съ чѣмъ.

Зимній мясоѣдъ прошелъ въ этихъ сборахъ незамѣтно. Въ это время обыкновенно въ Туляцкомъ концѣ «играли свадьбы», а нынче только Чеботаревы выдали одну дочь, да и то все дѣло свертѣли на скорую руку, такъ что свадьба походила на пожаръ. Не до свадебъ, когда деньги всѣмъ нужны: переселенцамъ на далекую дорогу, а оставшіеся дома издержались на покупку. Молодые хоть и отпалчивались, но невольно поддавались общему увлеченію. Старик и старуха командовали вполнѣ. Притихли даже тѣ, которые кричали раньше противъ переселенія. Не такое было время, чтобы разговоры разговаривать.

Самое тяжелое положеніе получалось тамъ, гдѣ семьи дѣлились: или выданныя замужъ дочери уѣзжали въ орду, или уѣзжали семьи, а дочери оставались. Такъ было у стараго Ковая, гдѣ сноха Лукерья подняла настоящій бунтъ. Семья, изъ которой она выходила замужъ, уѣзжала, и Лукерья забунтовала. Сначала она все молчала и только плакала потихоньку, а потомъ поднялась на дыбы, «якъ вѣдмедица».

— Лежебоки проклятые, эти хохлы, — ругалась Лукерья съ

своею свекровью Ганной. — Только бы имъ вино треснать... Не бойсь, испугались орды, потому какъ тамъ работы всёшь будетъ.

— Ото цокотуха!—удивлялась Ганна.—Видимъ ущешилась наша баба... Зовсімъ сказылась! *)

— И хохлушки такія же!—не унижалась Лукерья.

Ганна даже заплакала тихонько отъ взбѣсившейся снохи и пожаловалась старому Ковалю:

— Хиба-жь я не твоя жинна, Дорохъ?

— Эге!—отвѣтилъ Коваль.—А це що таке?... То я-жь ее, вѣдмедицу, за уши свубти буду... Геть, ядаца! Чего вона мордуе?... Побачимо, що зъ того выйде?...

Дѣйствительно, когда вся семья была въ сборѣ, старый Коваль подтянулся и строго сказалъ Лукерьѣ:

— Эй, ты, голова зъ ухами... А доки ты будешь тутъ гвалтувати, пранцеватая? Отто гадюка... Терехъ, починяй жинку!

Терешка-козанъ только посмотрѣлъ на отца, — дескать, попробуй-ка самъ зацѣпить проклятую бабу. Чтобы напустить «страховину», Коваль схватился даже за свою черемуховую палку, какъ это дѣлалъ свать Тить. Впрочемъ, Лукерья его предупредила. Она такъ завопила, какъ хохлы и не слыживали, а потомъ выхватила палку у старика и принялась ею колотить мужа.

— Эге! Отто чортова баба!—заоралъ Коваль.—Та я-жь тебя вывертаю, якъ козу къ празднику.

Коваль даже засучилъ рукава, чтобы поучить вѣдмедицу, но въ тотъ же моментъ очутился сначала во дворѣ, а потомъ на улицѣ. «Щось таке було?»—удивился старикъ волухъ. Когда за нимъ громко захлопнулись ворота, Коваль посмотрѣлъ на стоявшаго рядомъ сына Терешку, улыбнулся и проговорилъ:

— Терешка, это ты?

— Я, тату.

— Эге!... А ты не говори, що тебе жинна колотила... Вольно дерется, проклятуца.

По безмолвному соглашенію Ковали отправились прямо къ Рачителяхъ.

— Першь усего выпьемъ чарочку за жинкарочку,—балагурилъ у кабацкой стойки старый Коваль, какъ ни въ чемъ не бывало.—Ну, Дуня, давай намъ трохи горилки, щоби вороги мовчали и сусиди не знали... Тамъ я говорю, Терешка? Отто вѣдмедина!... отто проклятуца!...

*) Сказаться—сойти съ ума.

XI.

На фабрикѣ работа шла своимъ чередомъ. Попржнему, дымились трубы, попрежнему, доменная печь выкидывала по ночамъ огненные снопы и тучи искръ, попрежнему, на плотинѣ въ караулкѣ сидѣлъ старый коморникъ Слѣпень и отдавалъ часы. Впрочемъ, онъ теперь не звонилъ въ свой колоколъ на поденщину или съ поденщины, а за него четыре раза въ день гудѣлъ свистокъ паровой машины.

— Этакое хайло чортово, подумаешь!—ругался каждый разъ Слѣпень, когда раздавался этотъ свистокъ. — Не къ добру онъ востъ.

У старика, цѣлую жизнь просидѣвшаго въ караулкѣ, родилась какая-то ненависть вотъ именно къ этому свистку. Ну, чего онъ востъ, какъ собака? Разъ, когда Слѣпень сладко дремалъ въ своей караулкѣ, натопленной какъ баня, расщелявшаяся деревянная дверь отворилась и, нагнувшись, въ нее вошелъ Морокъ. Единственный заводскій воръ никогда и глазъ не показывалъ на фабрику, а тутъ самъ пришелъ.

— Здравствуй, дѣдушка.

— Здравствуй и ты.

— Пустишь, што ли, на фабрику-то?

— А ступай... Назадъ пойдешь—обещу. Ужъ такой у насъ порядокъ.

— Ну, чортъ съ тобой, обещивай хоть сейчасъ. Я и самъ-то у себя ничего не найду...

— Да чего тебѣ на фабрику-то понадобилось, Морокъ?

— Миѣ? А у меня, дѣдушка, важнѣющее дѣло... Ну, такъ я пойду.

— Ахъ, ты, хрѣтъ тебѣ въ голову, што придумалъ! — удивлялся Слѣпень, когда широкая спина Морока полѣзла обратно въ дверь.

Морокъ уже на половину вылѣзъ, какъ загудѣлъ свистокъ. Онъ точно завязъ въ двери и выругался. Экъ, взвыла собака на свою голову... Плюнувъ, Морокъ влѣзъ обратно въ караулку. Это разсмѣшило даже Слѣпня, который улыбнулся, кажется, первый разъ въ жизни: етакой большой мужикъ, а свистка испугался.

— Што, не любишь *его*?—спросилъ Слѣпень послѣ нѣкоторой паузы, протягивая Мороку берестяную табакерку.

— Свистокъ-то? А я тебѣ вотъ што скажу: лежу я это утрожь, а какъ онъ загудитъ—и шабашъ. Соскочу и не могу больше спать,

хоть зарѣжь. Жилы онъ изъ меня тянуть. Такъ бы вотъ, кажется, горло ему и перервалъ...

— Самая подлая машинка, — согласился Слѣпень, дѣлая ожесточенную понюшку.

Старый Слѣпень походилъ на жука: маленькій, черный, сморщенный. Онъ и зиму, и лѣто ходилъ безъ шапки. Въ караулъ онъ попалъ еще молодымъ, потому что былъ немного тронутый челевѣкъ и ни на какую другую работу не годился. По заводу онъ славился тѣмъ, что умѣлъ заговаривать кровь и зимой послѣ бани купался въ проруби. Теперь рядомъ съ громадною фигурой Мѣрока онъ походилъ совсѣмъ на ребенка и какъ-то совсѣмъ по-ребячьи смотрѣлъ на могучія плечи Мѣрока, на его широкое лицо, большую бороду и громадныя руки. А Мѣрокъ сидѣлъ и что-то думалъ.

— Прощае это дѣло, ваша фабрика, — проговорилъ, наконецъ, Мѣрокъ, слезывая на горѣвшій въ печкѣ огонь. Слѣпень постоянно день и ночь налилъ даровыя заводскія дрова: — Чорту вы всѣ-то работаете...

— Самъ-то ты чортъ деревянный!...

— Самъ-то я? — повторилъ какъ эхо Мѣрокъ, посмотрѣлъ любовно на Слѣпня и засмѣялся. — Миѣ плевать на васъ на всѣхъ... Вотъ какой я самъ-то! Ты, вотъ, какъ дѣнная собака, сидишь въ своей караулѣ, а я на полной своей волѣ гуляю. Ничего, сытъ...

— Сытъ, такъ и убирайся, откуда пришелъ.

— И уйду.

Мѣрокъ нахлобучилъ шапку и вышелъ. Онъ осторожно спустился по деревянной лѣстницѣ внизъ къ доменному корпусу, у котораго на скамеечкѣ сидѣли летухи и формовщики.

— Роба, гли, Мѣрокъ! — раздались удивленные голоса. — Въ приказики пришелъ наниматься.

— Чему обрадѣли, галманы! — огрызнулся Мѣрокъ и зашагалъ дальше.

У Мѣрока знакомыхъ была полна фабрика: одни его били, другихъ онъ самъ билъ. Но онъ не помнилъ ни своего, ни чужаго зла и добродушно раскланивался направо и налево. Между прочимъ, онъ посидѣлъ въ кричномъ корпусѣ и поговорилъ ни о чемъ съ Аеонькой Тулякомъ, дальше по пути завернулъ къ кузнецамъ и заглянулъ въ новый корпусъ, гдѣ пыхтѣла паровая машина.

— Ишь, какого чорта нагородили! — проворчалъ онъ и побрелъ къ пудлинговымъ печамъ.

— Мѣрокъ идетъ!... Мѣрокъ пришелъ! — кричали мальчишки-поденщики, забѣгая впередъ.

Морокъ посидѣлъ съ пудлинговыми и тоже поговорилъ ни о чемъ, какъ съ кузнецами. Около него собиравалась вездѣ цѣлая толпа, ждавшая съ нетерпѣніемъ, какое колѣно Морокъ отколетъ. Не даромъ же онъ пришелъ на фабрику,—не таковскій человѣкъ. Но Морокъ балагурилъ со всѣми—и только.

— Пришелъ поглядѣть, какъ вы около огня мааетесь,—объяснялъ онъ, между прочимъ.—Дураки вы, вотъ што я вамъ скажу...

— Вотъ такъ отвѣсилъ... Ай да Морокъ!

— Бонешно, дураки. Прежде-то одни мужики робили, ну, а потомъ бабъ повели на фабрику, а бабы ребятишекъ... Это какъ, но-вашему? Богачество, не бойсь, принесете домой... Эхъ, вы, галманы, право галманы!

Показавшійся вдали Ястребокъ разогналъ толпу однимъ своимъ появленіемъ. Ястребокъ находился въ хорошемъ настроеніи и поэтому подошелъ прямо къ Мороку.

— А, это ты...

— Я, Палъ Иванычъ... Поглядѣть пришелъ. Давно ужъ на фабрику не бывалъ.

Слѣдовавшій за надзирателемъ, какъ тѣнь, дозорный Палуэхъ Самоварникъ впередъ искривилъ рожу, ожидая даровой потѣхи.

— Мороку сорокъ одно съ висточной!—здоровался Самоварникъ.—Какъ живешь-можешь, родимый мой?

— Живемъ, пока мыши головы не отъѣли, да вашими молитвами, какъ соложенными шестами, подпираемся...

— Мы, вѣдь, съ тобой теперь сусѣди будемъ: изъ окна въ окно заживемъ...

— Ври да не подавись, мотри,—огрызнулся Морокъ, презрительно глядя на Самоварника.

— Вѣрно тебѣ говорю, родимый мой: избу насупротивъ тебя въ Туляцкомъ концѣ нунилъ.

Ястребокъ даже потрепалъ Морока по плечу и замѣтилъ:

— Работать бы тебѣ у обжимочнаго молота съ Пимкой Соболевыми...

— Угорѣлъ я немножко, Палъ Иванычъ, на вашей-то работѣ... Да и спина у меня тово... плохо гнется. У меня, какъ у волка, прямые ребра.

Когда Ястребокъ отошелъ, Морокъ еще посидѣлъ съ рабочими и дождался, когда всѣ разошлись по своимъ дѣламъ. Онъ незамѣтно перешелъ изъ корпуса на дворъ и помѣстился на деревянной лавочкѣ у входа, гдѣ обыкновенно отдыхали послѣ смѣны рабочіе. Ихъ и теперь сидѣло человѣкъ пять,—усталые, потные, изнурен-

ные. Лица у всѣхъ были покрыты яркими красными пятнами; что служило лучшею вывѣской тяжелой огненной работы. Нѣкоторые дремали, опустивъ головы и безсильно свѣсивъ руки съ напружившимися жилами, другіе безучастно смотрѣли куда-нибудь въ одну точку, какъ пришибленные. Имъ было не до Морока, и онъ могъ свободно наблюдать, что дѣлается въ той части фабричнаго двора, гдѣ пестрѣла толпа дровосушекъ - педенщицъ. Уставщикъ Борнило, конечно, былъ тамъ, вызывая градъ шутокъ и задорный смѣхъ. Первыми заводчицами этого веселья являлись, какъ всегда, отпѣтая Марька и солдатка Аннушка.

— Экъ ихъ розняло! — проворчалъ одинъ изъ рабочихъ, сидѣвшихъ рядомъ съ Морокомъ. — А пуще всѣхъ Марьку угibaеть.

— Новенькія есть? — спросилъ Морокъ послѣ длинной паузы.

— Все тѣ же. Вонъ Аннушка привела третьева дни сестру, такъ Борнило и льнетъ. Любопытный, песь...

— Которую сестру-то? — равнодушно спросилъ Морокъ, сплевывая.

— Феклистой звать... Совсѣмъ молоденькая дѣвчонка. Эвонъ съ Форточкой стоитъ въ красномъ платкѣ...

— Какая Форточка?

— А Наташка, сестра Онулка... Раньше-то она больно крѣпилась, ну, а теперь съ машинистомъ... ну, и вышла Форточка.

Морокъ свернулъ изъ сѣрой бумаги «цигарку» и закурилъ.

Гадѣвшая у печей толпа педенщицъ была занята своимъ дѣломъ. Однѣ носили сырыя дрова въ печь и складывали ихъ тамъ, другія разгружали изъ печей уже высохшія дрова. Работа кипѣла и слышался только трескъ летѣвшихъ дождемъ полѣньевъ. Солдатка Аннушка работала вмѣстѣ съ сестрой Феклистой и Наташкой. Эта Феклиста была еще худенькая, не сложившаяся дѣвушка съ бойкими глазами. Она за нѣсколько дней работы исцарапала себѣ всѣ руки и едва двигалась: ломило спину и тѣло. Сырыя дрова были такія тяжелыя, точно камни.

— Чего встала? — кричала на нее Аннушка, когда нужно было поднимать носилки съ дровами.

— Поясница отнялась... — шепотомъ отвѣтила Феклиста.

— У, нѣженка! — ругалась Аннушка. — Ъсть хлѣбъ, такъ умѣешь, а работать, такъ и поясница отнялась. Далась я вамъ одна каторжная!...

— Ну, понесемъ, — предлагала Наташка, привычнымъ жестомъ, легко и свободно поднимая носилки. — Погоди, привыкнетъ и Феклиста.

Аннушка сегодня злилась на всѣхъ, точно предчувствуя ожидавшую ее неприятность. Наташка старалась ее задобрить маленькими услугами, но Аннушка не хотѣла ничего замѣчать. Подвернувшийся подъ руку Борнило получилъ отъ нея такой градъ ругательства, что юркнулъ въ первую пещь, какъ напрогудившій котъ.

— Ужѣ вотъ старухѣ-то твоей скажу!—кричала ему вслѣдъ Аннушка.—Съдой волосъ прошибъ, а онъ за дѣвками увязался... Свои дочери невѣсты.

День сегодня тянулся безъ конца, и Бузьмичъ точно забылъ свой свистокъ. Аннушка уже нѣсколько разъ приставала къ Наташкѣ, чтобы та сбѣгала въ паровой корпусъ и попросила Бузьмича отдать свистокъ.

— Ступай сама,—огрызнулась Наташка.

— Миѣ туда не дорога,—ядовито отвѣтила Аннушка,—а тебѣ по пути.

Наконецъ, загудѣлъ и свистокъ. Поденщицы побросали работу и веселою гурьбой пошли къ выходу. Уставшая и разсерженная Аннушка плелась въ числѣ послѣднихъ, а на лѣстницѣ, по которой поднимались къ Слѣбню, и совсѣмъ отстала. На обязанности Слѣбня было дѣлать осмотръ поденщицъ, и это всегда вызывало громкій хохотъ, визгъ и разные шутки по адресу караульщика. Желѣзо воровали съ фабрики, какъ это было всѣмъ извѣстно, но виновныхъ не находилось. Слѣбень по очереди ощупывалъ каждую поденщицу и отпускалъ. Молодые рабочіе всегда поджидали на верхней площадкѣ этой церемоніи и громко хохотали надъ Слѣбнемъ. Теперь было какъ всегда. Когда поднялась Аннушка, толпа поденщицъ уже была обыскана и, раздѣлившись на двѣ партіи, съ говоромъ расходилась на плотинѣ,—кержанки шли въ свой Кержацкій конецъ, а мочегане въ Туляцкій и Хохлацкій. Слѣбень, прожившій всю жизнь неженатымъ, чувствовалъ себя вечеромъ послѣ осмотра поденщицъ очень северно и поэтому обругалъ запоздавшую Аннушку.

— Проходи, чортова кузла: безъ тебя тошно!—ворчалъ онъ, хлопая дверью сторожки.

Аннушка такъ устала, что не могла даже отвѣтить Слѣбню приличнымъ образомъ, и молча поплелась по плотинѣ. Было еще свѣтло настолько, что не смѣшаешь собаку съ человѣкомъ. Свѣжія осеннія сумерки заставляли ее вздрагивать и прятать руки въ кофту. Когда Аннушка поравнялась съ «бучиломъ», ей попался на встрѣчу какой-то мужикъ и молча схватилъ ее прямо за горло. Она

хотѣла крикнуть, но только замахала руками, какъ упавшая съ просонья курица.

— Што, не бойсь, не узнала... а?—шипѣлъ надъ нею чей-то голосъ.—Сейчасъ задушу... Дохнутъ не дамъ!...

Это былъ Мѳрокъ, котораго Аннушка въ первое мгновеніе не узнала. Онъ затащилъ ее къ сараю у плотинныхъ запоровъ и, прижавъ къ стѣнѣ, больно ударилъ по лицу кулакомъ.

— Это тебѣ въ задатокъ, а потомъ я тебя разорву какъ дохлую кошку.

У Аннушки искры посыпались изъ глазъ, но она не смѣла шевельнуться и только дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ежели еще разъ поведешь Феклисту на фабрику, — говорилъ Мѳрокъ, — такъ я тебя за ноги прямо въ бучило спущу...

Опять ударъ по лицу и Мѳрокъ исчезъ въ сумеркахъ, какъ страшное привидѣніе. Аннушка почувствовала только черезъ полчаса, присѣла на землю и горько заплакала, — кровь у ней бѣжала носомъ, лѣвый глазъ началъ пухнуть. Ее убивала мысль, какъ она завтра покажется на фабрику. Били ее часто и больно, какъ и всѣхъ другихъ пропащихъ бабенокъ, но зачѣмъ же увѣчить человека?... И съ чего Мѳрокъ къ ней привязался? Ни съ того, ни съ сего за Феклисту вздумалъ заступаться... Всѣ били Аннушку, но били ее за ея бабью слабость, а тутъ начали бить за другихъ. Въ груди Аннушки кипѣла теперь смертельная ненависть именно къ этой сестрѣ Феклистѣ.

ХП.

Прошла Пасха, которую туляки справляли съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ евреи, готовившіеся къ бѣгству изъ Египта. Все, что можно продать, было продано, а остальное уложено въ возы. Ждали только, когда просохнетъ немного дорога, чтобы двинуться въ путь. Больше не было ни шуму, ни споровъ, и кабакъ Рачителихи пустовалъ. Оставшіеся въ заводѣ какъ-то притихли и точно стыдились собственной нерѣшительности. Что же, если въ ордѣ устроятся, такъ выѣхать можно и потомъ... Это хорошее настроеніе нарушено было только въ послѣднюю минуту измѣной Дѣяна Понерешнаго, который «сдыгалъ», сказавшись больнымъ. Титъ Горбатый не повѣрилъ этому и самъ пошелъ провѣдать больного. Дѣянь лежалъ на печи подъ шубой и жаловался естественно-слабымъ голосомъ:

— Весь не могу, Титъ... Съ глазу, должно полагать, поприт-

чилось. И покось Никитичу предаль, бабы собрались, а я вотъ и разнемогся.

— Ахъ, ты, грѣхъ какой, этово-тово!—виновато бормоталъ Тить, сконфуженный безстыжимъ враньемъ Дѣяна.—Вѣдь, вотъ прикинется же боль къ человѣку... Ну, этово-тово, ты потомъ, видно, прїѣдешь, Дѣянь.

— Безперемѣнно прїѣду, только сущую бы малость полегчало,—вралъ Дѣянь изъ-подъ шубы.—И то хочу баушку Агулину позвать брюхо править... Покось продалъ, бабы собрались, хозяйство все нарушили,—безперемѣнно прїѣду.

Это вѣроломство Дѣяна огорчило стараго Тита до глубины души; больше всѣхъ Дѣянь шумѣлъ, первый продалъ покось, а какъ пришло уѣзжать—и сдѣгалъ. Даже обругать его по-настоящему было нельзя, чтобы напрасно не мутить другихъ.

— Этакая поперешная душа, этово-тово!—ругался Тить про себя.

Бабы-мочеганки ревя ревяли еще за недѣлю до отъѣзда, а тутъ поднялся настоящій адъ,—ревяли и тѣ, которыя уѣзжали, и тѣ, которыя оставались. Тить поучилъ свою младшую сноху Агаею черемуховою палкой для острастки другимъ бабамъ. Съ вечера приготовленные въ дорогу телѣги были выкачены на улицу, а изъ поднятыхъ кверху оглобелъ выросъ цѣлый лѣсъ. Едва ли кто спалъ въ эту послѣднюю ночь. Раннимъ утромъ бабы успѣли сбѣгать на могильникъ, чтобы проститься съ похороненными родственниками, и успѣли еще разъ наревѣться своими бабьими дешевыми слезами. Тить Горбатый наканунѣ сходилъ къ о. Сергѣю и попросилъ отслужить напутственный молебенъ.

— Доброе дѣло,—согласился о. Сергѣй.—Дай Богъ счастливо устроиться на новомъ мѣстѣ.

Въ восемь часовъ на церкви зазвонилъ большой колоколъ, и оба мочеганскихъ конца сошлись опять на площади, гдѣ объявляли волю. Для такого торжественнаго случая были подняты иконы, которыя изъ церкви выносили благочестивыя старушки-тулянки. Учитель Агапъ, дячокъ Евгеньичъ и фельдшеръ Хитровъ пѣли хоромъ. Пришелъ на молебенъ и Петръ Блисенчъ съ Нюрочкой. Всѣ молились съ торжественнымъ усердіемъ, и опять текли слезы умиленія. О. Сергѣй сказалъ отъѣзжавшимъ свое пастырское напутственное слово и осѣнилъ крестомъ всю «ниву Господню». Закончился молебенъ громкими рыданіями. Особенно плакали старухи, когда стали прощаться съ добрымъ священникомъ, входившимъ въ ихъ старушечью жизнь; онъ давалъ совѣты

и помогала нести до конца тяжелое бремя жизни. Для всякаго у о. Сергѣя находилось доброе, ласковое слово, и старухи молились на него.

— Съ Богомъ, старушки,—повторялъ о. Сергѣй, со слезами на глазахъ благословляя ползавшихъ у его ногъ тулянокъ.

— Батюшка, родной ты нашъ, думали мы, что ты и кости наши похоронишь,—голосили старухи.—Охъ, тяжело, батюшка... Молодые-то жить ѣдутъ въ орду, а мы помирать. Не для себя ѣдемъ.

Прослезился и Петръ Елисеичъ, когда съ нимъ стали прощаться мужики и бабы. Никого онъ не обидѣлъ напрасно,—полкъ стараго Палача при немъ рабочіе «свѣтъ увидѣли». То, что Петръ Елисеичъ не ставилъ себѣ въ заслугу, выплыло теперь наружу въ такой трогательной формѣ. Старый Тить Горбатый даже повалился прикащику въ ноги.

— Не оставь ты, Петръ Елисеичъ, Макарку-то дурака...—просилъ Тить, вытирая непрошенную слезу кулакомъ.—Самъ вижу, что дуракъ... Умнаго-то жаль, Петръ Елисеичъ, а дурака, этово-тово, вдвое.

Бакія-то неизвѣстныя женщины цѣловали теперь Нюрочку, которая тоже плакала, поддаваясь общему настроенію.

О. Сергѣй проводилъ толпу въ Туляцкій конецъ, дождался, когда запрягутъ лошадей, и въ послѣдній разъ благословилъ движущійся обозъ. Пришли проводить многіе изъ Кержацкаго конца, особенно бабы. Тить Горбатый выѣхалъ на смоленой новой телегѣ въ головѣ всего обоза. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ Макаръ, вызвавшійся проводить до Мурмоса. Старикъ сидѣлъ на возу безъ шапки и кланялся на всѣ четыре стороны бѣжавшему за обозомъ народу. День былъ ясный и солнечный. Березы еще не успѣли распуститься, но первая весенняя травка уже высыпала по обогрѣтымъ мѣстамъ. Въ воздухѣ пахло горькимъ ароматомъ набухавшихъ почекъ. По дорогѣ въ Мурмосъ обозъ вытянулся на цѣлую версту.

— Ты, Макаръ, смотри, этово-тово...—повторялъ Тить, оглядываясь постоянно назадъ.—Одинъ остаешься... Самъ большой, самъ маленький. Когда Артемъ выйдетъ изъ солдатъ, такъ ужь не ссорьтесь... Отрѣзанный онъ ломоть, а тоже своя кровь, не выкинешь изъ роду-племени. Не обижай... Вотъ и Агапъ тоже... Водкой онъ зашибаетъ. Также вотъ Татьяна, этово-тово...

Изъ Туляцкаго конца дорога поднималась въ гору. Когда обозъ поднялся, то всѣ возы остановились, чтобы въ послѣдній разъ по-

глядѣть на остававшееся въ ямѣ «жило». Здѣсь провожавшіе простились. Поднялся опять ревъ и причитанья. Бабы ревели до изнеможенія, а, глядя на нихъ, голосили и ребяташки. Титъ Горбатый надѣлъ свою шляпу и двинулся: дальніе проводы—лишнія слезы. За нимъ хвостомъ двинулись остальные телѣги.

— Тятя, смотри-ка, —нерѣшительно проговорилъ Макаръ, указывая впередъ.

Какъ Титъ глянулъ, такъ и остолбенѣлъ: впереди обоза безъ шапки шагаль Терешка-дурачокъ, размахивая лѣвою рукой. У Тита екнуло даже сердце.

— Охъ, плохой знакъ, что Терешка провожаетъ, какъ покойниковъ. Еще увидятъ, пожалуй, съ другихъ возовъ.

Но Макаръ соскочилъ съ телѣги, догнавъ бѣгомъ Терешку и остановилъ.

— А, Иванычъ... —бормоталъ Терешка, глядя на него своими пустыми глазами.—Сорокъ восемь серебромъ Иванычей...

— Буда ты, Терешка? Ступай-ка домой по-добро по-здорову.

— Ступай самъ домой.

Пришлось Макару задержать Терешку силой, причеиъ сумасшедшій полѣзъ драться. Возы было остановились, но Титъ махнулъ шапкой, чтобы не зѣвали. Макаръ держалъ ругавшагося Терешку за руки и, пропустивъ возы, подъ руку повелъ его обратно въ заводъ. Терешка упирался, плевалъ на Макара и все порывался убѣжать за обозомъ.

— Водку пойдемъ пить къ Рачителихѣ, —уговаривалъ его Макаръ.

— Обманешь, Иванычъ.

Такъ и пришлось Макару воротиться. Дома онъ застѣдалъ лошадей и верхомъ уже поѣхалъ догонять ушедшій впередъ обозъ. По дорогѣ онъ нагналъ ѣхавшаго верхомъ стараго Ковалья, который гналъ тоже за обозомъ безъ шапки и безъ сѣдла, болтая длинными ногами.

— Буда торопишься, Дорохъ?—крикнулъ ему Макаръ.

— А до свата...—отвѣтилъ сконфуженно Коваль.—Треба по-балакать.

— Нашелъ время!

Коваль ничего не отвѣтилъ, а только сильнѣе погналъ лошадей. Они догнали обозъ версты за три, когда онъ остановился у моста черезъ Бултыиъ. Здѣсь шли поворотки на покосы.

— Свать, а свать!—кричалъ Коваль, подѣзжая къ возу Тита Горбатаго.

— Чего тебѣ, свать?—отвѣчалъ Титъ.

— Едва я тебя догналъ, ажно упарився.

Титъ молчалъ, глядя впередъ.

— А ягъ же мы будемъ съ тобой, свать?—спросилъ Коваль послѣ нѣкоторой паузы, —посватались, да и разсватались.

— Ужь, видно, такъ, Дорохъ... Не судилъ, видно, Богъ, этово-тово...

Старый Коваль съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пріятеля, покрутилъ головой и проговорилъ:

— Буда же я съ Федоркой дѣнусь, коли вона просватана? Починялась же лихо, тая ваша орда.

Долго стоялъ Коваль на мосту, провожая глазами уходившій обозъ. Ему было обидно, что свать Титъ уѣхалъ и ни разу не обернулся назадъ. Вотъ тебѣ и свать!... Но Титу было не до вѣроломнаго свата, —старикъ не могъ отвязаться отъ мысли о дуракѣ-Терешѣ, который все дѣло испортилъ. И откуда онъ взялся, подумаешь: точно изъ земли выросъ... Идетъ впереди обоза безъ шапки, какъ ходилъ передъ покойниками. Въ душѣ Тита этотъ пустой случай вызвалъ первую тѣнь сомнѣнія: ужь ладно ли они выѣхали?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Осенью, когда земля уже звенѣла подъ колесами, Петръ Елисичъ былъ вызванъ въ Мурманскъ для личныхъ объясненій по поводу того проекта, который былъ составленъ имъ еще зимой. Раньше онъ ѣздилъ въ Мурманскъ одинъ, а теперь взялъ съ собой Нюрочку, потому что тамъ жили Груздевы, и она могла погостить у нихъ. Дальше Самосадки Нюрочка не бывала, и можно представить себѣ ея радость, когда отецъ объявилъ ей о предстоявшей поѣздкѣ. О Мурманскѣ у ней сложилось какое-то фантастическое представленіе, какъ о своего рода чудѣ: это большой, большой городъ, съ каменными домами, громадною фабрикой, блестящими магазинами и вообще рѣдкостями. По крайней мѣрѣ, такъ увѣряли Домнушка и Батря, хотя онѣ и не бывали тамъ.

Передъ отъѣздомъ Нюрочка не спала почти всю ночь и одѣлась по-дорожному ровно въ шесть часовъ утра, когда кругомъ было еще темно. Дѣвочку возмущало, что отецъ вернулся съ фабрики къ семи часамъ, какъ обыкновенно, не торопясь напился чаю и только потомъ велѣлъ закладывать лошадей. Нюрочка все время ходила

въ своей бѣличьей шубкѣ и ни за что не хотѣла раздѣться. Она разсердилась на отца, который ровно на зло ей медлилъ. Даже стѣнные часы, и тѣ точно остановились, а Нюрочка бѣгала смотрѣть на нихъ ровно черезъ пять минутъ. Нѣтъ, они, кажется, никогда не выйдутъ и она никогда не увидитъ Мурмоса съ его чудесами. До десяти часовъ прошла цѣлая вѣчность, и Нюрочка усѣлась въ экипажъ совсѣмъ истомленная, съ недовольнымъ личикомъ. Она даже надулась и не говорила съ отцомъ. Большая лѣтняя повозка, въ которой они въ прошломъ году ѣздили въ Самосадку, весело покати-лась по широкой мурмосской дорогѣ. Дурное настроеніе Нюрочки прошло сейчасъ же, и она съ любопытствомъ смотрѣла по сторонамъ дороги, гдѣ мельгали лѣсъ и покосы. Лѣсу здѣсь было меньше, чѣмъ по дорогѣ въ Самосадку, да и тотъ скоро совсѣмъ кончился, когда дорога вышла на берегъ большого озера Черчежь.

— Папа, это море?

— Озеро Черчежь... А за нимъ Рябиновыя горы. Вонъ синѣютъ.

Осенью озеро ничего красиваго не представляло. Почернѣвшая холодная вода била пѣнившуюся волной въ песчаный берегъ съ жалобнымъ стономъ, дулъ сильный вѣтеръ; низкія сѣрыя облака сползали непрерывною грядой съ Рябиновыхъ горъ. По берегу ходили бѣлыя чайки. Когда экипажъ подѣзжалъ ближе, онѣ поднимались съ жалобнымъ крикомъ и уносились кверху. Вдали отъ берега сторожились утки цѣлыми стаями. Въ осенній перелетъ озеро Черчежь было любимымъ становищемъ для утокъ и гусей, — они здѣсь отдыхали, кормились и летѣли дальше.

— Нюрочка, посмотри, вонъ гуси летять! — указывалъ Петръ Елисеичъ на небо. — Цѣлый косякъ летить.

Нюрочка долго всматривалась, прежде чѣмъ увидѣла колебавшуюся линію черныхъ точекъ. «Неужели гуси такіе маленькіе? Куда они летять? А далеко югъ, папа?... Должно быть, имъ очень холодно». Нюрочка сама начала зябнуть и поэтому съ особеннымъ участіемъ отнеслась къ летѣвшимъ гусямъ. И дорога, и озеро ей не понравились, совсѣмъ не то, что ѣхать въ Самосадку, и она никакъ не могла повѣрить, что лѣтомъ здѣсь очень красиво. Одинъ противный вѣтеръ чего стоить... Дорога отъ озера повернула въ сосновый лѣсъ, а потомъ опять вышла на то же озеро, которому, казалось, не было конца.

— Вонъ тамъ, въ самомъ дальнемъ концѣ озера, видишь, бѣлѣетъ церковь? — объяснялъ Петръ Елисеичъ. — Прямо черезъ озеро будетъ верстъ десять, а объѣздомъ больше пятнадцати.

— Зачѣмъ она стоитъ на водѣ, папа?

— Это только такъ кажется. Церковь далеко отъ воды, на горѣ. Около озера ѣхали, по крайней мѣрѣ, часа полтора, и Нюрочка была рада, когда оно осталось назади и дорога пошла прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ. Высокія сосны стояли дерево къ дереву, какъ желтыя свѣчи. Здѣсь начали попадаться транспоры съ желѣзомъ, которое везли на продажу «въ городъ». Возчики сворачивали съ дороги и снимали шапки. Этотъ соеновый лѣсъ тоже надоѣлъ Нюрочкѣ, — ему не было конца, какъ озеру. Она даже удивилась, когда прямо изъ-за лѣса показалась та самая бѣлая церковь, которую они давеча видѣли черезъ озеро. Боръ подходилъ къ самому заводу зеленою стѣной.

Когда показались первые домики, Нюрочка превратилась вся въ одно вниманіе. Экипажъ покотился очень быстро по широкой улицѣ прямо къ церкви. За церковью открывалась большая площадь съ двумя рядами деревянныхъ лавченокъ по срединѣ. Одною стороною площадь подходила къ законченной кирпичной стѣнѣ фабрики, а съ другой ее окружили каменные дома съ зелеными крышами. Въ одному изъ такихъ домовъ экипажъ и повернулъ, а потомъ съ грохотомъ въѣхалъ на мощный широкий дворъ. На звонъ дорожнаго колокольчика выскочилъ Илюшка Рачитель.

— Пожалуйте, Петръ Елисеичъ! — приглашалъ онъ, помогая вылѣзть изъ экипажа. — Самойло Евтихичъ сейчасъ будутъ... На столъ накрыто.

Илюшка держался совсѣмъ на городскую руку, какъ слѣдуетъ быть купеческому молодцу. Плюсовые шаровары, сапоги бутылками, спинджагъ, красный шарфъ на шеѣ, — при всей молодцовской формѣ.

— Ну, что, привыкъ, Илья? — спрашивалъ Петръ Елисеичъ, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Ничего, слава Богу, Петръ Елисеичъ... Ежели съ умомъ, такъ вездѣ жить можно.

Анѣкса Егоровна встрѣтила гостей въ передней и горячо поцѣловала Нюрочку. Она сейчасъ же повела гостей показывать новый домъ, купленный по случаю за безцѣнокъ. У Нюрочки просто глаза разбѣжались отъ окружавшаго ее великолѣпія. Особенно удивили ее расписанные трафаретомъ потолки. Въ залѣ потолокъ изображалъ все небо: по синему полю были насажены звѣзды изъ сусального золота, а въ срединѣ золотой трехъугольникъ съ лучами. Раньше въ этомъ трехъугольникѣ мѣстнымъ художникомъ было нарисовано «всевидящее око», но Груздевъ велѣлъ его замазать, потому что неловко было заколачивать въ такое око гвоздь для ви-

сѣчей лампы. Вѣнская мебель, ковры, занавѣски на окнахъ, драпировки на дверяхъ, цвѣты, — все это казалось Нюрочкѣ чѣмъ-то волшебнымъ, точно она перенеслась въ сказочный замокъ.

— Отлично, отлично! — какъ-то равнодушно хвалилъ Петръ Елисеичъ, переходя изъ комнаты въ комнату. — А мнѣ на Самосадкѣ больше нравится.

— Нельзя, Петръ Елисеичъ, — съ какою-то грустью въ голосѣ объясняла Анеиса Егоровна. — На людяхъ живемъ... Не доводится быть хуже другихъ. Я-то, пожалуй, и скучаю о Самосадкѣ...

Груздевъ скоро пришелъ и сейчасъ же всѣ сѣли обѣдать. Нюрочка была рада, что Васи не было и она могла дѣлать все, какъ сама хотѣла. За обѣдомъ шелъ дѣловой разговоръ. Петръ Елисеичъ только поморщился, когда узналъ, что вмѣстѣ съ нимъ вызванъ на совѣщаніе и Палачъ. Послѣ обѣда онъ отправился сейчасъ же въ господскій домъ, до котораго было рукой подать. Лука Назарычъ обѣдалъ поздно, и теперь было удобнѣе всего его видѣть.

Господскій домъ стоялъ рядомъ съ фабрикой. Онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды другихъ построекъ своею величиной. Это было трехэтажное зданіе съ колоннами, балконами и террасой. Широкий дворъ, отдѣлявшій его отъ улицы, придавалъ ему видъ какого-то дворца. По сторонамъ двумя крыльями расходились хозяйственные постройки: кухня, людская, кучерская и т. д. Петръ Елисеичъ прошелъ пѣшкомъ, такъ что въ парадной передней не встрѣтилъ никого, — швейцаръ Ариштакъ выскакивалъ обыкновенно на стукъ экипажа, а теперь спалъ въ швейцарской, какъ зарѣзанный. Широкая мраморная лѣстница вела во второй этажъ. Встрѣтивъ по дорогѣ горничную, Петръ Елисеичъ попросилъ ее доложить о себѣ, а самъ остался въ громадной залѣ въ два свѣта, украшенной фамильными портретами Устюжаниновыхъ. Это была настоящая картинная галерея, гдѣ работы лучшихъ иностранныхъ мастеровъ перемѣшались съ работами русскихъ художниковъ, какъ Венеціановъ и Брюловъ. По этимъ портретамъ антропологъ могъ прослѣдить послѣдовательное вырожденіе когда-то крѣпкой мужицкой семьи. Отъ могучихъ основателей фамильныхъ богатствъ шелъ цѣлый рядъ изнѣженныхъ потомковъ.

— Пожалуйте... — пригласила горничная, неслышно входя въ залу. — Лука Назарычъ у себя въ кабинетѣ.

Изъ залы нужно было пройти небольшую пріемную, гдѣ обыкновенно дожидались просители, и потомъ уже слѣдовалъ кабинетъ. Отворивъ тяжелую дубовую дверь, Петръ Елисеичъ былъ непріятно удивленъ: Лука Назарычъ сидѣлъ въ креслѣ у своего письменнаго

стола, а напротивъ него Палачъ. Поздоровавшись живкомъ головы и не подавая руки, старикъ взглядомъ указалъ на стулъ. Такой приемъ расхолодилъ Петра Елисеича сразу, и онъ почувалъ что-то недоброе.

— Читалъ, провѣрялъ и нашелъ... — говорилъ Лука Назарычъ, отыскивая въ кипѣ бумагъ проектъ Мухина. — Да, я нашелъ, что... куда онъ завалился, твой проектъ?

Палачъ сдѣлалъ такое движеніе, точно намѣренъ былъ для удовольствія Луки Назарыча вспорхнуть, но сразу успокоился, когда рукопись отыскалась. Взвѣсивъ на рукѣ объемистую тетрадь, старикъ заговорилъ, обращаясь уже къ Палачу:

— Сущая бѣда эти умники... Всѣхъ насъ въ порошокъ истеръ Петръ-то Елисеичъ, а того не догадался, что я же буду проектъ-то его читать. Умень, да недогадивъ... Какъ онъ насъ всѣхъ тутъ разнесъ: прямо изъ дураковъ въ дураки поставилъ.

— Вы ошибаетесь, Лука Назарычъ, — горячо вступился Мухинъ. — Я никого не обвинялъ, а только указывалъ на желательныя перемѣны... Если ужъ дѣло пошло на то, чтобы обвинять, то виновато было одно крѣпостное право.

— Постой, голубчикъ, твоя рѣчь еще впереди... Крѣпостнаго права не стало, а люди-то, вѣдь, все тѣ же.

Петръ Елисеичъ напрягъ послѣднія силы, чтобы сдержаться и не выйти изъ себя. Онъ зналъ, что теперь все кончено. Оставалось только одно: умереть съ честью. Послѣ рѣзкаго вступленія Лука Назарычъ тоже замѣтно смирился.

— Мы люди необразованные, — говорилъ онъ упавшимъ голосомъ, — учились на мѣдные гроши... Съ насъ и взыскивать нечего. Пусть другіе лучше сдѣлаютъ... Это, вѣдь, на бумагѣ легко разводы разводить. Да...

— Я считаю долгомъ объяснитьсь съ вами откровенно, Лука Назарычъ, — отвѣтилъ Мухинъ. — До сихъ поръ мнѣ приходилось молчать или исполнять чужія приказанія... Я не маленькій и хорошо понимаю, что говорю съ вами въ послѣдній разъ, поэтому и скажу все, что лежитъ на душѣ.

Лука Назарычъ молчалъ и только похлопывалъ одною рукою по ручкѣ кресла. Изрѣдка онъ взглядывалъ на Палача и плотно сжималъ губы. Охваченный волненіемъ, Петръ Елисеичъ ходилъ около стола и порывисто договаривалъ то, чего не успѣлъ высказать въ своей докладной запискѣ. Да, заводское дѣло должно быстро пасть, если не принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Даровой крѣпостной трудъ необходимо замѣнить дешевымъ машиннымъ — это

прежде всего. Затѣмъ сейчасъ же необходимо вводить новыя производствя и усовершенствованія, пользуясь готовымъ уже опытомъ европейскихъ заводовъ. Наконецъ, исходная точка всего— солидарность интересовъ заводовладѣльцевъ и рабочаго населенія. Если будетъ хорошо, то хорошо обѣимъ сторонамъ, какъ и наоборотъ. Живая рабочая сила, подготовленная крѣпостнымъ правомъ, сама по себѣ составляетъ для заводовъ богатство, которымъ остается только воспользоваться. Привыкшему къ заводской работѣ населенію дѣваться некуда, и если бы надѣлать его землей, то это послужило бы вѣрнымъ обезпеченіемъ.

— Такъ, такъ...—повторялъ Лука Назарычъ, покачивая головой.—Вотъ и твой братъ Мосей то же самое говорить. Можетъ, вы съ нимъ дѣствуете за одно... А мочеганъ кто разстраивалъ на Блючевскомъ?

— Вѣроятно, тоже я?—отвѣтилъ вопросомъ Мухинъ.—А что касается брата, Лука Назарычъ, то по меньшей мѣрѣ я считаю страннымъ возлагать отвѣтственность за его поступки на меня... Каждый отвѣчаетъ только за себя.

— Хорошо, хорошо... Мы это еще увидимъ. А что за себя каждый — это ты вѣрно сказалъ. Вотъ у Никона Авдѣича (старикъ ткнулъ на Палача) ни одной души не ушло, а ты ползавода распустилъ.

— Да, вѣдь, нельзя и сравнивать Пеньковку съ мочеганскими концами!—взмолился Мухинъ.—Пеньковка—это разный заводскій сбродъ, который даже своего угла не имѣетъ, а туляки—исконные нахари... Если я чего боюсь, такъ развѣ того, что молодежь не выдержитъ тяжелой крестьянской работы и переселенцы вернутся назадъ. Другими словами, получится цѣлый разрядъ въ конецъ разоренныхъ рабочихъ...

— Ничего, это намъ на руку, — иронизировалъ Лука Назарычъ.—Съ богатыми не умѣли справиться, такъ, можетъ, управимся какъ-нибудь съ разоренными... Кто ихъ гналъ съ завода?

— Это стихійная сила, Лука Назарычъ...

— По нашему: дурь! Да...

II.

Послѣ обѣда Груздевъ прилежъ отдохнуть, а Анеиса Егоровна ушла въ кухню, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ ужину. Нюрочка осталась въ чужомъ домѣ совершенно одна и рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Она походила по комнатамъ, по

смотрѣла во всё окна и кончила тѣмъ, что надѣла свою шубку и вышла на дворъ. Ворота были отворены, и Нюрочка вышла на улицу. Рынокъ, господскій домъ, громадная фабрика, обступившія заводъ со всѣхъ сторонъ лѣсистыя горы,—все ее занимало.

— Берегись, замну!...—крикнулъ надъ ея головой знакомый голосъ.

Нюрочка даже вскрикнула со страха. Это былъ Вася, подѣхавшій верхомъ на гнѣдомъ иноходцѣ. Онъ держался въ сѣдлѣ настоящимъ молодцомъ, надвинувъ черную шапочку изъ мерлушки-варакулки на ухо. Синій бешметъ перехваченъ былъ кавказскимъ серебрянымъ поясомъ.

— Что, испугалась?—весело спрашивалъ Вася, блестя глазами.—Не хочешь ли прокатиться верхомъ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ круто повернулъ лошадь на однихъ заднихъ ногахъ и помчался по площади. Нюрочка еще въ первый разъ въ жизни позавидовала: ей тоже хотѣлось проѣхать верхомъ, какъ Вася. Вернувшись, Вася на полномъ ходу соскочилъ съ лошади, перевернулся кубаремъ и проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— А я у васъ на Блючевскомъ былъ... къ вамъ заходилъ, да не засталъ дома. Отцу нужно было нарочнаго посылать, ну, онъ и послалъ меня.

— Ты одинъ ѣздилъ?

— Конечно, одинъ... Няньку, что ли, мнѣ нужно? Эхъ, ты, плакса!...

Нюрочка разговаривала съ Васей и чувствовала, что нисколько не боится его. Да и онъ въ этотъ годъ выросъ такой большой и не смотрѣлъ уже тѣмъ мальчишкой, который лазалъ съ ней по крышамъ.

— Я тебѣ своихъ голубей покажу, Нюра,—прежнимъ серьезнымъ тономъ заявилъ Вася, но, подумавши, прибавилъ:—Нѣтъ, сначала сбѣгаемъ вонъ туда, гдѣ контора... Тамъ такая штука стоитъ.

Дѣти, взявшись за руки, весело побѣжали къ лавкамъ, а отъ нихъ спустились къ фабрикѣ, перешли зеленый деревянный мостъ и бѣгомъ понеслись въ гору къ заводской конторѣ. Это было громадное каменное зданіе, съ такими же колоннами, какъ и господскій домъ. На площадь оно выступало громадною чугунною лѣстницей,—широкія ступени тянулись во всю ширину зданія.

— Вотъ смотри, какіе у насъ пальчики! — крикнулъ Вася, подбѣгая къ рѣшоткѣ стоявшаго посреди площади памятника.

Это былъ великолѣпный памятникъ, воздвигнутый благодар-

ными наследниками «фундатору» заводовъ, старику Устюжанинову. Центръ занимала высокая бронзовая фигура въ костюмѣ восемнадцатаго вѣка. Ее окружали аллегорическія бронзовыя женщины, изображавшія промышленность, искусство, торговлю и науки. По угламъ сидѣли бронзовыя музы. Памятникъ былъ сдѣланъ въ Италіи еще въ прошломъ столѣтїи.

— Это памятникъ, а не пильщики, — замѣтила Нюрочка, съ любопытствомъ оглядывая необыкновенное сооруженіе.

— Говорятъ тебѣ: пильщики... Одинъ хохоль прїѣхалъ изъ Блючевского ночью, посмотрѣлъ на памятникъ, а потомъ и спрашиваетъ: «зачѣмъ у васъ по ночамъ пильщики робить?»

— Неправда!... Это ты самъ придумалъ...

Вмѣсто отвѣта, Вася схватилъ камень и запустилъ имъ въ вѣднаго заводовладѣльца. Вотъ тебѣ, кивимора!... Нюрочкѣ тоже хотѣлось бросить камнемъ, но она не посмѣла. Ей опять сдѣлалось весело, и съ горы она побѣжала за Васей, разставивъ широко руки, какъ дѣлалъ онъ. На мосту Вася набралъ шлаку и заставилъ ее бросать имъ въ плававшихъ у берега утокъ. Этотъ пестрый стекловидный шлакъ такъ понравился Нюрочкѣ, что она набила имъ полные карманы своей шубки, причемъ порѣзала руку.

— Мнѣ отецъ обѣщалъ купить ружье, — утѣшалъ ее Вася. — А кровь — это пустяки.

Петръ Елисеичъ вернулся изъ господскаго дома темнѣе ночи. Онъ прошелъ прямо въ кабинетъ Груздева и разбудилъ его.

— А, это ты... — бормоталъ Груздевъ съ просоньей. — Ну, что?...

— Ничего...

— Какъ ничего?

— Да такъ... Отъ службы отказали.

— Не можетъ быть!... Пстой, расскажи, какъ было дѣло.

Шагая по комнатѣ, Петръ Елисеичъ передалъ подробно свой разговоръ съ Лукой Назарычемъ. Широкое, бородатое лицо Груздева выражало напряженное вниманіе. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ драповомъ халатѣ и болталъ туфлями.

— Вообще все кончено, — заключилъ свой рассказъ Петръ Елисеичъ. — Тридцать лѣтъ работалъ я на заводахъ и вотъ награда...

— Да, вѣдь, прямо онъ не отказывалъ тебѣ?

— Чего же еще нужно? Я не хочу навязываться съ своими услугами. Да, я въ этомъ случаѣ гордъ... У Луки Назарыча давно намѣченъ и преемникъ мнѣ: Палачъ... Вотъ что обидно, Самойло

Евтихичъ! Назначь кого угодно другому, я ушелъ бы съ спокойнымъ сердцемъ... А то Палачъ!

— Ну, это все равно, по-моему: кто ни попь, тотъ и батька... Эхъ, говорилъ я тебѣ тогда... Помнишь? Все это твой проектъ.

Петръ Елисеичъ весь вспыхнулъ.

— Нѣтъ, я не раскаиваюсь въ этомъ, — отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Каждый порядочный человѣкъ долженъ былъ сдѣлать то же самое.

— Сила соломѣ ломить, Петръ Елисеичъ... Ну, да что сдѣлано, то сдѣлано, и покойниковъ съ кладбища назадъ не носить. Какъ же ты теперь жить-то будешь, голубчикъ?

— Я? А, право, и самъ не знаю... Есть маленькія деньжонки, сколочены про черный день, такъ ихъ буду проѣдать, а потомъ найду гдѣ-нибудь мѣсто на другихъ заводахъ. Земля не глиномъ сошлась...

— Невозможно, Петръ Елисеичъ! — спорилъ Груздевъ, — не такое это дѣло, чтобы новыя мѣста намъ съ тобой разыскивать... Мохомъ мы съ тобой обросли, вотъ главная причина. Знаешь, какъ собака: ее палкой, а она все къ хозяину лѣзетъ...

— Ну, ужь, извини: ты меня плохо знаешь!

— Да ты говоришь только о себѣ сейчасъ, а какъ подумаешь, такъ около себя и другихъ найдешь, о которыхъ тоже нужно подумать. Это ужь всегда такъ... Обидно, несправедливо, а другихъ-то и пожалѣешь. Фабрику свою пожалѣешь...

— Что дѣлать, а я, все-таки, не могу имѣть дѣла съ мерзавцами.

— Да, вѣдь, и Луга-то Назарычъ сегодня здѣсь и великъ, а завтра и нѣтъ его. Все можетъ быть...

Вечеръ прошелъ въ самомъ грустномъ настроеніи. Петръ Елисеичъ все молчалъ, и хозяйка выбивалась изъ силъ, чтобы его утѣшить и развлечь. Особенно хлопотала Анеиса Егоровна. Она точно чувствовала себя въ чемъ-то виноватой.

— Ахъ, какое дѣло!... — повторялъ время отъ времени самъ Груздевъ. — Развѣ такъ можно съ людьми поступать?... Вотъ у меня сколько на службѣ прикащиковъ... Если человѣкъ смышленный и не вороватый, такъ я имъ дорожу. Берегу его, а не то, чтобы, на примѣръ, въ шею.

— Ну, ужь ты расхвастался съ своими прикащиками, — замѣтила Анеиса Егоровна. — Набралъ съ вѣтру разныхъ голышей... Не стало своихъ-то, такъ мочеганъ нахваталъ.

— А что же, околѣвать ему, мальчонкѣ, по-твоему?... Что держакъ, что мочеганинъ — для меня все единственно... Вонъ

Илюшка Рачитель, да онъ кого угодно за поясъ затянетъ! Обстоятельный человѣкъ будетъ...

— Оберуть они тебя, твои-то прикащики,—спорила Анеиса Егоровна.—Больно ужъ дѣлами-то раскидался... За всёми не углядишь.

— Только бы я кого не обобралъ...—смѣялся Груздевъ.—И такъ надо сказать: Богъ далъ, Богъ и взялъ. Роптать не слѣдуетъ.

За ужиномъ, виѣстѣ съ Илюшкой, прислуживалъ и Тараско, братъ Окулка. Мальчикъ сильно похудѣлъ, а на лицѣ у него остались бѣлыя пятна отъ залеченныхъ пузырей. Онъ держался очень робко и, видимо, стѣснялся больше всего своими новыми сапогами.

— Братъ Окулка-то,—объяснилъ Груздевъ гостю, когда Тараско ушелъ въ кухню за жареными.—А мнѣ это все равно: чѣмъ мальчонко виновать? Потому его паромъ обварило на фабрикѣ... Дома холодь да голодь. Ну, какъ его не взять?... Щенять жалѣють, а живаго человѣка какъ не пожалѣть?

— Доброе дѣло,—согласился Петръ Елисеичъ, припоминая исторію Тараска.—По-настоящему, мы должны были его пристроить, да только у насъ такіе порядки, что ничего не разберешь... Бѣда будетъ всёми этимъ сиротамъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ.

Анеиса Егоровна примирилась съ расторопнымъ и смышленнымъ Илюшкой, а въ Тараскѣ она не могла забыть роднаго брата знаменитаго разбойника Окулка. Это было истинное чувство, котораго она не могла подавить въ себѣ, несмотря на всю свою доброту. И мальчикъ былъ кроткій, а, между тѣмъ, Анеиса Егоровна чувствовала къ нему какую-то кровную антипатію и даже вздрагивала, когда онъ неожиданно входилъ въ комнату.

Когда ужинъ кончился, Анеиса Егоровна неожиданно проговорила:

— А что вы думаете, Петръ Елисеичъ, относительно Самосадки?

— Т.-е. какъ «что»?—удивился Мухинъ.

— Да такъ... У насъ тамъ теперь пустоеть весь домъ. Обзаведенье всякое есть, только живи да радуйся... Вотъ бы вамъ туда и переѣхать.

— Въ самомъ дѣлѣ, отличная бы штука была!—согласился Груздевъ съ женой.—Домъ отличный... Живи себѣ.

— Виѣсто караульщика? — отвѣтилъ Мухинъ съ печальною улыбкой.—Спасибо... Нужно будетъ подумать.

— И думать тутъ не о чемъ,—настаивалъ Груздевъ, съ радостью ухватившись за счастливую мысль.—Не чужіе, слава Богу... Сочтемся.

— А какъ старушка-то Василиса Кориловна будетъ рада!— продолжала свою мысль Анеиса Егоровна.— На старости лѣтъ вмѣстѣ бы со всѣми дѣтьми пожила. То же черпнула она горя въ свою долю, а теперь порадуется.

— Нужно серьезно подумать, Анеиса Егоровна,— говорилъ Мухинъ.— А сегодня я въ такомъ настроеніи, что какъ-то ничего не понимаю.

Присутствовавшія за ужиномъ дѣти совсѣмъ не слушали, что говорили большіе. За день они такъ набѣгались, что засыпали сидя. У Нюрочки сладко слипались глаза, и Вася долженъ былъ ее щипать, чтобы она совсѣмъ не уснула. Груздевъ съ гордостью смотрѣлъ на своего молодца наследника, а Анеиса Егоровна потихоньку вздыхала, глядяваясь въ Нюрочку. «Славная дѣвочка, скромная да очестливая», — думала она матерински. Спать она увела Нюрочку въ свою комнату.

Въ домѣ Груздева ложились и вставали рано, какъ онъ привыкъ жить у себя на Самосадѣ. Гости задержали дольше обыкновеннаго. Петру Елисеичу былъ отведенъ кабинетъ хозяина, но онъ почти не ложился спать, еще разъ переживая всю свою жизнь. Вотъ налетѣло горе, и не съ кѣмъ подѣлиться имъ... Нѣтъ ласковой женской руки, которая дѣлаетъ незамѣтнымъ бремя жизни. Участіе Груздевыхъ и ихъ семейная жизнь еще сильнѣе возбуждали въ немъ зарытое въ землю горе. Чужое семейное счастье дѣлало его собственное одиночество еще печальнѣе... Но онъ былъ не одинъ, и это еще сильнѣе беспокоило его. Онъ теперь чувствовалъ то, что было не досказано тою же Анеисой Егоровной.

Петръ Елисеичъ ложился на диванъ и не могъ заснуть. Онъ какъ-то всегда не любилъ Мурманскъ, и вотъ бѣда налетѣла на него именно здѣсь. Но что значить онъ, прогнанный со службы управитель, когда дѣло идетъ, быть можетъ, о тысячахъ людей? Думать о другихъ всегда лучшее утѣшеніе въ своемъ собственномъ горѣ, и Петръ Елисеичъ давно испыталъ это всеисцѣляющее средство. Въ вентиляторъ доносился къ нему шумъ работавшей фабрики. Какъ онъ любилъ это заводское дѣло, которое долженъ оставить неизвѣстно для чего! Между тѣмъ, онъ еще въ силахъ и могъ быть полезнымъ. Мысли въ его головѣ путались, а фантазія вызывала цѣлый рядъ картинъ изъ добраго стараго времени. Господи, сколько было совершено въ томъ же Мурманскѣ ненужныхъ и бессмысленныхъ жестокостей сначала фундаторомъ заводовъ, а потомъ своими крѣпостными управляющими! И для чего все это дѣлалось?... А что дастъ будущее?... Неужели будутъ только повторяться старыя ошибки въ новой формѣ?

III.

Возвращаясь на другой день домой, Петръ Елисеичъ сидѣлъ въ экипажѣ молча: невесело было у него на душѣ. Нюрочка, напротивъ, чувствовала себя прекрасно и даже мурлыкала, какъ котенокъ, какую-то дѣтскую пѣсенку. Разъ она безъ всякой видимой причины расхохоталась.

— Что съ тобой, крошка?—невольно улыбнулся Петръ Елисеичъ.

— Ахъ, папа... какой этотъ Вася смѣшной!... Пильщики...

Задыхаясь отъ новаго прилива смѣха, Нюрочка рассказала анекдотъ, какъ хохолъ принялъ памятникъ Устюжанинову за пильщиковъ. Петръ Елисеичъ тоже смѣялся, поддаваясь этому наивному дѣтскому веселью. Потомъ Нюрочка вдругъ притихла и сдѣлалась грустной.

— Ну, что ты молчишь, дѣточка?—спрашивалъ Петръ Елисеичъ.

— Такъ.

— Это не отвѣтъ... Тебѣ весело было въ Мурманскѣ?

— Очень.

— О чемъ же ты сейчасъ такъ задумалась?

— Такъ... Я думаю вотъ о чемъ, папа: если бы я была мальчикомъ, то...

— То не была бы дѣвочкой, да?

— Нѣтъ, не такъ... Мальчикъ лучше дѣвочки. Воиъ и Домнушка хотъ и бранить Васю, а потомъ говорить: «какой онъ молодецъ». Про меня никто этого не скажетъ, потому что я не умѣю ѣздить верхомъ, а Вася вчера одинъ ѣздилъ.

— Ахъ, ты, моя маленькая женщина!—утѣшалъ ее Петръ Елисеичъ, прижимая бѣлокурую головку къ своему плечу.—Во-первыхъ, нельзя всѣмъ быть мальчиками, а, во-вторыхъ... во-вторыхъ, я тебѣ куплю тоже верховую лошадь.

— Живую лошадь?

— Настоящую лошадь и съ сѣдломъ... Самъ буду съ тобой ѣздить.

— И серебряный поясъ, какъ у Васи?

— Можно и поясъ.

Это обѣщаніе совершенно успокоило Нюрочку, хотя въ глубинѣ ея дѣтской души, все-таки, осталось какое-то неудовлетворенное, нехорошее чувство. Въ дѣвочкѣ съ мучительной болью безсознательно пресыпалась женщина. Вращаясь постоянно въ обществѣ

большихъ, Нюрочка развилась быстрѣ своихъ лѣтъ. Маленькое дѣтское тѣло не успѣвало за быстро работавшею дѣтскою головкой, и въ этомъ разладѣ заключался источникъ ея задумчивости и первыхъ женскихъ капризовъ, какъ было и сейчасъ. Петръ Елисеичъ только тяжело вздохнулъ, чувствуя свою полную безпомощность: дѣвочка вступала въ тотъ формирующій, критическій возрастъ, когда нужна руководящая, любящая женская рука.

Дома Петра Елисеича ждала новая неприятность, о которой онъ и не думалъ. Не успѣлъ онъ войти къ себѣ въ кабинетъ, какъ ворвалась къ нему Домнушка, блѣдная, заплаканная, испуганная. Она едва держалась на ногахъ и въ первое мгновеніе не могла выговорить ни одного слова, а только безнадежно махала руками.

— Что съ тобой, Домнушка?—спросилъ Петръ Елисеичъ.— Что случилось?

— Охъ, смертынька моя пришла, баринъ!—запричитала Домнушка, комоу падая въ ноги барину.— Пришелъ онъ, погубитель-то мой... Батюшки мои свѣты, головушка съ плечъ!...

— Какой погубитель? Говори, пожалуйста, толкомъ.

— Да солдатъ-то мой... Артемъ... Въ куфнѣ сейчасъ сидѣлъ. Я-то ужъ мертвымъ его считала, а онъ и выворотился изъ службы... Пусть зарѣжетъ лучше, а я съ нимъ не пойду!

— Что же я могу сдѣлать, Домнушка?—повторялъ Петръ Елисеичъ, вытирая лицо платкомъ.— Онъ мужъ и ты должна...

— Поговорите вы съ нимъ, баринъ!—голосила Домнушка, ваяясь въ ногахъ и хватая добраго барина за ноги.— И жалованье ему все буду отдавать, только пусть не тревожитъ онъ меня.

Нюрочка слушала причитанье Домнушки и такъ напугалась, что у ней побѣлѣли губы. Бѣжавшая куда-то опрোветью Катря объявила на ходу, что пришелъ «домнушкинъ солдатъ».

— О чемъ же Домнушка такъ плачетъ?—недоумѣвала Нюрочка.

— Ахъ, ничего вы не понимаете, барышня!—грубо отвѣтила Катря,—она въ послѣднее время часто такъ отвѣчала.—Ваше господское дѣло, а наше—мужицкое.

Любопытство Нюрочки было страшно возбуждено, и она, преодолевая страхъ, спустилась на половину лѣстницы въ кухню. Страшный «домнушкинъ солдатъ», дѣйствительно, сидѣлъ на лавкѣ у самой двери и, завидѣвъ ее, приподнялся и поклонился. Онъ не показался ей такимъ страшнымъ, а скорѣе жалкимъ: лицо худое, загорѣлое, рубаха грязная, шинель какая-то рыжая. Рѣшительно ничего страшнаго въ немъ не было. Нюрочка постояла на лѣстницѣ и вернулась. На встрѣчу ей изъ кабинета показался Петръ

Елисеичъ: онъ шелъ въ кухню, объясниться съ солдатомъ и посмотрѣлъ на Нюрочку очень сурово, такъ что она устыдилась своего любопытства и убѣжала къ себѣ въ комнату.

Спустившись въ кухню, Петръ Елисеичъ поздоровался съ солдатомъ, который вытянулся передъ нимъ въ струнку.

— Садись, любезный...

— Можемъ и постоять, вашескородіе.

— Что же, ты хочешь взять у меня кухарку?

— Точно такъ-съ.

— Но, вѣдь, она живетъ на мѣстѣ, зачѣмъ же ее отрывать отъ работы?... Она жалованье получаетъ...

— Много благодарны, Петръ Елисеичъ, за вашу деликатность, а только Домна, все-таки, пусть собирается... Законъ для всѣхъ одинъ.

— Какой законъ?

— А касаемо, то-есть, мужнихъ женъ... Конечно, вашескородіе, она по своей бабьей глупости только напрасно васъ беспокоила, а потомъ привыкнетъ. Одинъ законъ, Петръ Елисеичъ, етели, напримѣръ, баба... Пусть она собирается.

Сколько Петръ Елисеичъ ни уговаривалъ упрямаго солдата, тотъ по-горбатовски стоялъ на своемъ, точно на пень наѣхалъ, какъ выражался Груздевъ. Онъ не горячился и даже не спорилъ, а велъ свою линію съ мягкою настойчивостью.

— Моё дѣло, конечно, сторона, любезный, — проговорилъ Петръ Елисеичъ въ заключеніе, чувствуя, что солдатъ подозрѣваетъ его въ какихъ-то личныхъ расчетахъ. — Но я сказалъ тебѣ, какъ лучше сдѣлать по-моему... Она отвыкла отъ вашей жизни.

— Пустое это дѣло, Петръ Елисеичъ! — съ загадочною улыбкой отвѣтилъ солдатъ. — И разговору-то не стоитъ... Законъ одинъ: жена всегда подвержена мужу вполнѣ... Какой тутъ разговоръ?... Я, вѣдь, не ташу за воротъ сейчасъ... Тоже имѣю понятіе, что вамъ безъ куфарки невозможно. А только этого добра достаточно, куфарокъ: подыщете себѣ другую, а я Домну поворочу ужъ къ себѣ.

Домнушка такъ и не показалась мужу. Солдатъ посидѣлъ еще въ кухнѣ, поговорилъ съ Катрей и Антипомъ, а потомъ побрѣлъ домой. Нюрочка съ нетерпѣніемъ дождалась этого момента и побѣжала сейчасъ же къ Домнушкѣ, которая спряталась въ передней за вѣшалку.

— Солдатъ ушелъ, Домнушка.

Это извѣстіе нисколько не обрадовало Домнушку, и она опять запричитала:

— Придетъ онъ опять, Нюрочка... Охъ, головушка моя сподобная!

Это происшествіе неприятно взволновало Петра Елисеича, и онъ сдѣлалъ выговоръ Домнушкѣ, зачѣмъ она подняла ревъ на цѣлый домъ. Но въ слѣдующую минуту онъ раскаялся въ этой невольной жестокости, и еще разъ почувствовалъ себя тяжело и неприятно, какъ человѣкъ, поступившій несправедливо. Поведеніе Катри тоже его беспокоило. Ему показалось, что она начинаетъ третировать Нюрочку, чего не было раньше. Выждавъ минуту, когда Нюрочки не было въ комнатѣ, онъ сдѣлалъ Катрѣ замѣчаніе.

— Такъ нельзя, Катря,—закончилъ онъ съ невольною ласковостью въ голосѣ.

— А мнѣ все равно...—грубо отвѣтила Катря, не глядя на него.—Раньше усѣмъ угодила, а теперь съ глазъ гоните...

— Никто тебя не гонитъ, съ чего ты взяла?

— Несчастлива я, вотъ что!...

Недоставало только капризовъ Катри для полноты картины. Петръ Елисеичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и громко хлопнулъ дверью, а Катря убѣжала въ кухню къ Домнушкѣ и принялась глосить надъ ней, какъ надъ мертвой.

Петръ Елисеичъ долго шагалъ по кабинету, стараясь приучить себя къ мысли, что онъ гость вотъ въ этихъ стѣнахъ, гдѣ прожилъ лѣтъ пятнадцать. Да, нужно убираться, а куда?... Впрочемъ, въ резервѣ оставалась Самосадка съ груздевскимъ домомъ. Чтобы развлечься, Петръ Елисеичъ сходилъ на фабрику и тамъ нашелъ какіе-то непорядки. Между прочимъ, досталось Никитичу, который никогда не слыхалъ отъ прикащика «худого слова».

— Богъ съ тобой, Петръ Елисеичъ,—пристыженно говорилъ Никитичъ, держа шляпу въ рукахъ.—Напрасно ты меня обидѣлъ.

— Ты со мной разговаривать?...—неожиданно накинулся на него Петръ Елисеичъ.—Я тебѣ покажу... я... я...

Опомнившійся во-время, Петръ Елисеичъ только махнулъ рукой и отправился прямо въ сарайную къ старому другу Сидору Барпычу. Тотъ сидѣлъ за самоваромъ и не выразилъ ни удивленія, ни радости.

— Ну, что, какъ поживаешь?—спрашивалъ Петръ Елисеичъ.—Какъ здоровье? Хорошо?

— Пожалуй.

Петръ Елисеичъ зашагалъ по комнатѣ, перебирая въ умѣ рядъ сдѣланныхъ сегодня несправедливостей. Да, очень хорошъ... Во всемъ придирался, какъ сумасшедшій, точно кто-нибудь виновать

въ его личныхъ неудачахъ. Пересиливъ себя, Петръ Елисеичъ старался принять свой обыкновенный добродушный видъ.

— Вотъ что, Сидоръ Барпычъ...—заговорилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.—Мнѣ отказали отъ мѣста... Поѣдешь со мной жить на Самосадку?

— Пожалуй.

Петръ Елисеичъ съ какимъ-то отчаяніемъ посмотрѣлъ на застывшее лицо своего единственнаго друга и замолчалъ. До сихъ поръ онъ считалъ его несчастнымъ, а сейчасъ невольно завидовалъ этому безумному спокойствію. Самъ онъ такъ усталъ и измучился.

Вечеромъ, когда Нюрочка пришла прощаться, Петръ Елисеичъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ.

— Нюрочка, нужно собираться: мы переѣдемъ жить въ Самосадку,—проговорилъ онъ, стараясь по лицу дѣвочки угадать произведенное его словами впечатлѣніе.—Это не скоро еще будетъ, но необходимо все приготовить.

Нюрочка осталась совершенно равнодушна къ этому извѣстію, что удивило Петра Елисеича.

— Ты слышала, о чемъ мы говорили вчера за ужиномъ?—спросилъ онъ.

— Да... Мы будемъ жить у Самойла Евтихыча,—отчетливо отвѣтила Нюрочка.

— Не у Самойла Евтихыча, а только въ его домъ... Можетъ быть, тебѣ не хочется переѣзжать въ Самосадку?

— Нѣтъ, я хочу... Тамъ баушка Василиса... лѣсъ...

У Нюрочки что-то было на умѣ, что ее занимало больше, чѣмъ предстоявшій переѣздъ въ Самосадку. На прощанье она не выдержала и проговорила:

— Папа, солдатъ будетъ очень бить Домнушку?

Сразу Петръ Елисеичъ не нашелся, что ей отвѣтить.

— Это не наше дѣло...—заговорилъ онъ послѣ непріятной паузы.—Да и тебѣ пора спать. Ты вотъ бѣгаешь постоянно въ кухню и слушаешь все, что тамъ говорятъ. Знаешь, что я этого не люблю. Въ кухню болтаютъ разныя глупости, а ты ихъ повтораешь.

Выдастся же этакій денекъ!... Петръ Елисеичъ никогда не сердился на Нюрочку, а тутъ былъ даже радъ, когда она ушла въ свою комнату.

Можно себѣ представить удивленіе Нигитича, когда послѣ двѣнадцати часовъ ночи онъ увидалъ проходившаго мимо его корпуса Петра Елисеича. Онъ даже протеръ себѣ глаза: ужъ не бланжить

ли, грѣшнымъ дѣломъ? Нѣтъ, онъ, Петръ Елисеичъ... Утромъ рано онъ приходилъ на фабрику каждый день, а ночью не любилъ ходить, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, какъ пожаръ или другое какое-нибудь несчастіе. Петръ Елисеичъ обошелъ всѣ корпуса, осмотрѣлъ всѣ работы и завернулъ подъ домну къ Никитичу.

— Ну, что, Никитичъ, обидѣлъ я тебя давеча?—заговорилъ онъ ласково.

— Што ты, Петръ Елисеичъ?... Не всякое лыко въ строку, родимый мой. Взбѣлся ты на меня даве, это точно, а только я-то жухомъ не веду... Много насъ, хошь кого вышибуть изъ терпѣнія. Вотъ хозяйка у меня посерживается малымъ дѣломъ: утромъ-половикъ выкинула... Нездоровится ей...

IV.

Послѣ отъѣзда переселенцевъ въ горбатовскомъ дворѣ стоялъ настоящій кромѣшный адъ. Макарь все время пировалъ, билъ жену, разгонялъ ребятишекъ по сосѣдямъ и вообще держалъ себя звѣрь-звѣремъ, благо остался въ дому одинъ и никого не боялся.

— Манарушка, да ты Бога-то побойся, — усѣвѣщивали его сосѣди. — Ты Бога-то попомни, Макарушка... Онъ найдетъ, Богъ-отъ!

— Мой домъ, моя жена... кто мнѣ смѣеть указывать?—оралъ Макарь, накидываясь на непростенныхъ совѣтниковъ. — Расшибу въ крохи!...

Такия благочестивыя рѣчи сосѣдей производили немедленное дѣйствіе: изъ горбатовскаго двора шли отчаянные вопли избиваемой на смерть Татьяны. Разстервенившійся Макарь хотѣлъ показывать всѣмъ, что онъ можетъ «учить жену», какъ хочетъ. Это священное право мужа обезоруживало всѣхъ, и только бабы-сосѣдки бѣгали посмотреть, какъ Макарь на смерть увѣчить жену. Чаще всего онъ привязывалъ ее къ столбу, какъ лошадь, и билъ кнудомъ, пока не уставалъ самъ. Сначала Татьяна ревѣла благимъ матомъ, а потомъ затихала, и только слышно было, какъ свищетъ кнудъ по обезсилѣвшему тѣлу. Однимъ словомъ, Макарь изводилъ постыльную жену по всѣмъ правиламъ искусства, и никто не рѣшался вмѣшаться въ его семейную жизнь. Сама Татьяна никуда не показывалась и бродила по дому, какъ тѣнь. И безъ того некрасивая, она теперь превратилась въ скелетъ, обтянутый кожей. Бъ мужу-звѣрю она относилась съ паническимъ ужасомъ и только тряслась, когда онъ входилъ въ избу.

— Совсѣмъ мужикъ рѣшился ума, — толковали сосѣдки по сво-

нить заугольямъ.—А все еѣ та, змѣя-то, Аграфена, испортила... Юди, напоила его какимъ-нибудь приворотнымъ зельемъ, вотъ онъ и озвѣрѣлъ. Бержанки на это дошлыя, анаемы... Извела мужика, а сама улепетнула въ скиты грѣхъ хоронить. Разорвать бы ее на мелкія части...

У самой Татьяны ни откуда и никакой «заступы» не было, и она съ тупою покорностью ждала неизбежнаго конца, т.-е. когда Макаръ уходить ее на смерть. Не одинъ разъ онъ вытаскивалъ ее изъ избы за волосы, какъ мертвую, но, полежавъ на морозѣ, она опять отходила. Татьянѣ было такъ тяжело, что она сама молила Бога о своей смерти: она всѣмъ мѣшала, и когда ее не будетъ, Макаръ женится на другой и заживетъ, какъ слѣдуетъ хорошему мужику. Вотъ только жаль ребятишекъ, и мысль о нихъ каждый разъ варомъ обливала оступѣвшее материнское сердце: какъ-то они будутъ жить у мачихи?... Сама Татьяна выросла въ сиротствѣ и хорошо знала, каково дѣтямъ безъ матери. Она любила думать о себѣ, какъ о мертвой: лежитъ она, раба Божія Татьяна, въ сосновомъ гробу, скрестивъ на груди отработавшія руки, тихо и мирно лежитъ, и одинъ Богъ видитъ ея материнскую душу. «Раба Божія Татьяна, покаяйся и дай отвѣтъ»,—слышится ей голосъ. Ахъ, какъ страшно, но, вѣдь, не одна она будетъ давать этотъ отвѣтъ Богу, а и тѣ, которые прожили счастливо до смерти, и которые грѣшили до гробовой доски, и которые просто ни свѣту, ни радости не видѣли, а принимали одну муку мученическую... Нѣтъ, хорошо въ могилѣ: никто не тронетъ.

Макаръ думалъ свое: только бы извести Татьяну, а тамъ бы ужъ у него руки развязаны. Отыщеть онъ Аграфену на днѣ морскомъ, и будетъ она хозяйкой у него въ домѣ. Тупая ненависть охватывала Макара, когда онъ видѣлъ жену, и не разъ у него мелькала въ головѣ мысль покончить съ ней разомъ, хотя отъ этого его удерживалъ страхъ наказанія. Объ Аграфенѣ онъ зналъ, что она въ скитахъ, и все порывался туда, но не пускала служба. Брательники Гуццины въ свою очередь добирались до него и разъ совсѣмъ поймали было въ кабакъ, да спасибо подвернулся Морокъ и выручили. Макаръ теперь не боялся никого и пошелъ бы прямо на поль.

Появленіе «домнушенина солдата» повернуло все въ горбатовскомъ дворѣ вверхъ дномъ. Братья встрѣтились очень не весело, какъ соперники на отцовское добро. До открытой вражды дѣло не доходило, но и хорошаго ничего не было.

— Не разсоримся, Макаръ, ежели, напримѣръ, съ уиомъ...—

объяснять «домнушкинъ солдатъ» съ обычною своею таинственностью. — Мѣста двоимъ хватить достаточно: ты въ передней избѣ живи, а въ задней. Родитель-то у насъ запасливый старичокъ...

— Да, вѣдь, я ему полный выходъ заплатилъ! — спорилъ Макарь. — Это какъ по-твоему? Полтараста цалковыхъ заплачено...

— А гдѣ моя часть, Макарь?

— На то была родительская воля, Артемъ...

— А за кого я въ службѣ-то отдувался, этого тебѣ родитель-то не обсказывалъ? Весьма даже напрасно... Теперь что же, по твоему-то, я по міру долженъ идти, по заугольямъ шататься? Нѣтъ, я къ этому не подверженъ... Ежели што, такъ пусть міръ насъ разсудить, а покедова я и такъ съ женой поживу.

— Я тебя и не гоню, а только, какъ, значить, родительская воля.

До открытаго раздора дѣло, все-таки, не дошло, благодаря увертливости и разнымъ наговорамъ Артема. Онъ точно заворожилъ брата. Такъ прошло съ недѣлю, а потомъ солдатъ привелъ вечеромъ и жену. Домнушка явилась ни жива, ни мертва: лица на ней не было. Дорогой Артемъ маленько ее поучилъ для острастки, а потомъ велѣлъ истопить баню и еще разъ поучилъ. На этотъ разъ отъ науки у Домнушки искры изъ глазъ посыпались, но она укрѣпилась и не голосила, какъ другія «ученыя бабы». Видимо, это понравилось Артему, и, сорвавъ сердце, онъ успокоился: не онъ первый, не онъ послѣдній. Другимъ обстоятельствомъ, подкупившимъ его, былъ сундукъ Домнушки, до верху набитый разнымъ бабьимъ добромъ. Солдатъ внимательно перебралъ всѣ ея сарафаны, платки, верхнюю одежду и строго наказалъ беречь это добро. Домнушка сама отдала ему всѣ деньги, какія у ней были припрятаны про черный день. Это ужъ окончательно понравилось солдату, и онъ нѣсколько разъ съ особеннымъ вниманіемъ пересчиталъ всѣ гроши, которыхъ оказалось ни мало, ни много, а цѣлыхъ 13 р. 28 к.

— Што хорошо, то хорошо, — замѣтилъ Артемъ, пряча деньги въ особый сундучокъ, который привезъ съ собой изъ службы. — Денежка — первое дѣло.

Эта жадность мужа нѣсколько ободрила Домнушку: на деньги позарился, такъ, значить, можно его по маленьку и къ рукамъ прибрать. Но это было мимолетное чувство, которое заслонялось сейчасъ же другимъ, именно тѣмъ инстинктивнымъ страхомъ, какой испытываютъ только животныя.

Домнушка сразу похудѣла, сдѣлалась молчаливой и ходила, какъ въ воду опущенная. Да и дѣлать-то ей было нечего: самой

съ мужемъ много ли нужно? Ни настоящаго хозяйства, ни скотины, ни заботы, какъ есть ничего. Отвыкла Домнушка отъ мужицкой жизни и по цѣлымъ часамъ сидѣла съ своей избушкой неподвижно, какъ пришибленная. Сидитъ Домнушка и все думаетъ, думаетъ; думаетъ... Топно ей сдѣлается, горько, а слезъ нѣтъ. И солдату топно на нее глядѣть, но онъ вѣршился, потому что бывалый и привычный ко всему человѣкъ. Изъ разговоровъ и поведенія мужа Домнушка убѣдилась, что онъ знаетъ рѣшительно все какъ про нее, такъ и про брата Макара, только молчитъ до поры до времени. Что-то такое свое держалъ на умѣ этотъ солдатъ, и Домнушка еще сильнѣе начинала его бояться, — чѣмъ онъ ласковѣе съ ней, тѣмъ ей страшнѣе.

«Зарѣжетъ онъ меня когда-нибудь, — думала она каждый вечеръ, укладываясь спать подъ одну шубу съ мужемъ. — Безпремѣнно зарѣжетъ...»

Всего больше удивило Домнушку, какъ мужъ подобрался къ брату Макару. Ссориться открыто онъ, видимо, не желалъ, а показать свою силу, все-таки, надо. Когда Макаръ бывалъ дома, солдатъ шелъ въ его избу и стороной заводилъ какой-нибудь общій хозяйственный разговоръ. Послѣ этого маленькаго вступленія онъ уже прямо обращался къ снохѣ Татьянѣ:

— Чтой-то, Татьяна Ивановна, вы такъ себя на работѣ убиваете?... Вѣдь, краше въ гробъ кладутъ. Да... А работы не передѣлаешь... Да.

Сидитъ и наговариваетъ, а самъ трубочку свою носогрѣйку посасываетъ, какъ слѣдуетъ быть настоящему солдату. Сначала такое вниманіе до смерти напугало забитую сноху, не слыхавшую въ горбатовской семьѣ ни одного ласковаго слова, а солдатъ навличиваетъ ее еще по отчеству. И какой же дошлый этотъ Артемъ, нарочно при Макарьѣ свое уваженіе Татьянѣ показываетъ.

— Конечно, родителей укорять не приходится, — тянетъ солдатъ, не обращаясь собственно ни къ кому. — Богъ за это накажетъ... А только на моихъ памятяхъ это было, Татьяна Ивановна, какъ вы весь нашъ домъ горбомъ воротили. За то васъ и въ домъ къ намъ взяли изъ бѣдной семьи, какъ лошадь двушильная бываетъ. Да-съ... Что же, Богъ труды любить, даже это и по нашей солдатской части, а потрудится человѣкъ — его и побережь надо. Скотину, и ту жалѣютъ... Такъ я говорю, Макарь?

Макарь не зналъ, куда ему дѣваться отъ этихъ солдатскихъ разговоровъ, и только моргалъ заплывшими отъ пьянства глазами. Главное, очень ужъ сладко умѣлъ говорить Артемъ... Совѣстно

стало Макару, что онъ еще недавно въ гробъ заколачивалъ безотвѣтную жену, а солдатъ все свое: и худая-то она, Татьяна Ивановна, и одѣвается не по достатку, и тяжело-то ей весь дождь воротить. Сама Татьяна чувствовала тоже, что испытываетъ околѣнѣвшій на холодѣ человѣкъ, когда попадаетъ прямо съ мороза въ теплую комнату. Въ горбатовскомъ дому точно стало вдругъ свѣтлѣе, и Татьяна въ первый разъ вздохнула свободно. Душегубецъ Макаръ теперь не смѣлъ пошевелить жены пальцемъ. Нашелся же такой человѣкъ, который заступился и за нее, Татьяну, и какъ все это ловко у солдата вышло: ни шуму, ни драки, какъ въ другихъ семьяхъ, а тихонько да легонько. Домнушка, не замѣчавшая раньше забитой снохи, точно въ первый разъ увидѣла ее и даже удивилась, что вотъ эта самая Татьяна Ивановна точно такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе.

— Ты, Домна, помогай Татьянѣ-то Ивановнѣ,—наговаривалъ ей солдатъ тоже при Макарь.—Ты вотъ и въ чужихъ людяхъ жила, а свой женскій видъ не потеряла. Ну, тамъ по хозяйству подсобляй, за ребятишками пригляди и всякое прочее: рука руку моетъ... Тебѣ-то въ охотку будетъ поработать, а Татьяна Ивановна, глядишь, и переведетъ духъ. Ты ужъ старайся, потому какъ въ нашемъ дому работы Татьяны Ивановны и не считаешь... Такъ, вѣдь, я говорю, Макарь?

Домнушкѣ очень понравилось, какъ умненько и ловко мужъ донимаетъ Макара, и ей даже сдѣлалось совѣстно, что сама она никогда пальца не разогнула для Татьяны. По праздникамъ Артемъ позволялъ ей сходить въ господскій домъ и къ Рачителяхъ. Здѣсь, конечно, Домнушка успѣвала рассказать все, что съ ней происходило за недѣлю, а Рачителиха только поначивала головой.

— Ну, и человѣкъ! — повторила она, когда Домнушка передала исторію съ Татьяной.—Точно онъ съ того свѣту объявился... Такихъ-то у насъ ровно еще не бывало. А гдѣ онъ робить будетъ?

— Не знаю я ничего, Дунюшка... Не говорить онъ со мной объ этомъ, а сама спрашивать боюсь. Съ Татьяной онъ больше разговоры-то свои разговариваетъ...

— Оказія, бабонька!... А не спроста онъ, твой-то солдатъ, Домнушка...

— Знамо дѣло, не спроста... Боюсь я его до смерти.

— Ужъ выкинетъ какую-нибудь штуку... И чѣмъ, подумаешь, взялъ: тихостью. Другіе тамъ кулаками да горломъ, а онъ тишиной донимаетъ. Можетъ, на фабрику погнать?

— Не знаю, Дунюшка, ничего не знаю... Вездѣ ходить, все смотреть, а дѣлать пока ничего не дѣлаетъ.

— Можетъ, денегъ изъ службы много вынесъ?

— Нѣтъ, особенныхъ денегъ не видать, а на прожитокъ хватаетъ, пока што.

Про себя Рачителиха отъ души жалѣла Домнушку: тяжело ей, бѣдной... Съ полной - то волюшки да прямо въ лапы къ этакому темному мужику попала, а бабенка простая. Изъ-за простоты своей и мужнино ученье теперъ принимаетъ.

Солдатъ продолжалъ свое «поведеніе» и съ другими. Со всѣми онъ свой человѣкъ, а съ каждымъ порознь свое обхожденіе. Въ первое же воскресенье зашелъ въ церковь и на клиросѣ дьячку Евгеньичу подпѣвалъ всю службу, послѣ обѣдни подошелъ къ о. Сергѣю подъ благословеніе, а изъ церкви отправился на базаръ. Потолкавшись на народѣ, онъ не забылъ и волость — тамъ съ волостными старичками покалякалъ. Изъ волости прошелъ въ кабакъ къ Рачителихѣ и перекинулся съ ней двумя-тремя словечками. Изъ кабака отправился въ гости къ брату Агапу, а по пути завернулъ провѣдать баушку Акулину. Однимъ словомъ, солдатъ сразу зарекомендовалъ себя за «человѣка съ поведеніемъ».

О переселенцахъ не было ни слуху, ни духу, точно они съвозъ землю провалились. Единственное извѣстіе привезли прїѣзжашіе передъ Рождествомъ мужики съ хлѣбомъ, — они сами были изъ орды и слышали, что весной прошелъ обозъ съ переселенцами и ушелъ куда-то «на линію».

V.

Полуэхтъ Самоварникъ теперь жилъ напротивъ Мѣрока, — онъ купилъ себѣ избу у Банусива. Изба была новая, пятистѣнная и досталась Самоварнику почти даромъ. Эта дешевка имѣла только одно неудобство, именно, съ перваго появленія Самоварника въ Туляцкомъ концѣ Мѣрокъ возненавидѣлъ его отчаяннымъ образомъ и не давалъ прохода. Только Самоварникъ покажется на улицѣ, а Мѣрокъ ужъ кричитъ ему изъ окна:

— Эй, ты, чужая ўзна!... Заходи ко мнѣ чай пить... Ужд мнѣ надо будетъ одно словечко сказать.

Полуэхтъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, и Мѣрокъ провожалъ его отборными ругательствами до поворота за уголъ. По зимамъ Мѣрокъ рѣшительно ничего не дѣлалъ и поѣтому преслѣдовалъ своего врага на каждомъ шагѣ. Выведенный изъ терпѣнія Самоварникъ

нѣсколько разъ бѣгалъ жаловаться въ волость, но тамъ ему старикъ Основа отвѣтилъ поговоркой, что «не купи домъ — купи сосѣда». Всего обиднѣе было то, что за Мѳорока стоялъ весь Туляцкій конецъ. По праздникамъ Самоварникъ старался совсѣмъ не выходить на улицу, а въ будни пробирался на фабрику-задами. Но и эта уловка не помогла. Мѳорокъ каждый день выходилъ на мостъ черезъ Бултымъ и терпѣливо ждалъ, когда мимо него пойдетъ съ фабрики или на фабрику Самоварникъ и вообще преслѣдовалъ его по пятамъ. Собиралась цѣлая толпа, чтобы посмотрѣть, какъ Мѳорокъ будетъ «страмить» дозорнаго.

— Полуэхту Меркулычу сорокъ одно съ висточкой, — говорилъ Мѳорокъ, встрѣчая безъ шапки своего заклятаго врага. — Сапожки со скрипомъ у Полуэхта Меркулыча, головка напоменжана, а самъ онъ расповаженный... Пустой колосъ голову вверху носить.

— Отстань, смола горючая! — ругался Самоварникъ.

Доведенный до отчаянія Полуэхтъ попробовалъ даже подкупить Мѳорока и разъ, когда тотъ поджидалъ его на мосту, подошелъ прямо къ нему и проговорилъ съ напускною развязностью:

— А што, сусѣдъ, разъ завернемъ отседа къ Рачителихъ?... Выпили бы, родимый мой...

Сначала Мѳорокъ какъ будто оторопѣлъ, — онъ не ожидалъ такого выверта. Но потомъ сообразилъ и, показывая свой кулакъ, отвѣтилъ:

— У меня ужъ для тебя и закуска припасена... Пойдемъ. Тебѣ котораго ребра не жаль?

Ненависть Мѳорока объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ подозрѣвалъ Самоварника въ шашняхъ съ Феклистой, работавшей на фабригѣ. Это была совсѣмъ некрасивая и такая худенькая дѣвушка, у которой душа едва держалась въ тѣлѣ, но она какъ-то пришлась по сердцу Мѳороку, и онъ слѣдилъ за ней издали. Съ этою Феклистой онъ не сказалъ никогда ни одного слова и даже старался не встрѣчаться съ ней, но за нее онъ чуть не задушилъ солдатку Аннушку только потому, что не терялъ надежды задушить ее въ свое время.

Положеніе Самоварника получалось критическое: человекъ купилъ себѣ домъ и вдругъ ни проходу, ни проѣзду. Ничего не оставалось, какъ вернуться въ свой Кержацкій конецъ на общее посидѣнціе. Единственнымъ союзникомъ Самоварника являлся синельникъ Митричъ, тощій и чахоточный вятчанинъ, появившійся въ Блужевскомъ заводѣ уже послѣ воли. Этотъ Митричъ одинаково былъ чужимъ для всѣхъ трехъ концовъ и держалъ сторону Само-

варника только потому, что жилъ у него на квартирѣ. Пользы отъ Митрича не могло и быть. Въ самый разгаръ этой борьбы Самоварника съ Мѳрокомъ явился на выручку «домнушкинъ солдатъ». Онъ познакомился съ Полуэхтомъ гдѣ-то на базарѣ, а потомъ завернулъ по пути къ нему въ избу.

— Одолѣлъ меня Мѳрокъ, — жаловался Полуэхтъ. — Хоть сейчасъ избу продавать... Прямо сказать: изва.

Артемъ только качалъ головой въ знакъ своего сочувствія.

— Ядовитый мужичонко, — поддакивалъ онъ Самоварнику. — А промежду прочимъ и такъ сказать: собака лаетъ — вѣтеръ носить. Надо его будеть немного укоротить.

— Родимый мой, заставь вѣчно Бога молить!... Поѣдомъ съѣлъ... Вотъ, спроси Митрича.

— Укрѣтимъ, Полуэхтъ Меркулычъ, только оно не вдругъ, а этакъ полегоньку... Шелковый будеть.

Когда Мѳрокъ увидѣлъ, какъ Артемъ заведъ «канпанію» съ Самоварникомъ, то закипѣлъ страшною яростью и, выскочивъ на улицу, заоралъ:

— Эй, солдатъ, кислая шерсть, чаю захотѣлъ?... Завели канпанію, нечего сказать: одинъ двухъорловый, а другой совсѣмъ темная кофѣйка. Уждь который котораго обуесть на обѣ ноги... Ахъ, черти деревянные, что придумали!... На одной бы веревкѣ васъ удавить обоихъ: вотъ вамъ какая канпанія слѣдуетъ...

— Ахъ, озорникъ, озорникъ! — удивлялся «домнушкинъ солдатъ». — Этакая пасть, подумаешь, а?

Вмѣстѣ съ Самоварникомъ солдатъ пробрался на фабрику и осмотрѣлъ все съ такимъ вниманіемъ, точно собирался ее, по меньшей мѣрѣ, купить. Съ фабрики онъ отправился на Крутяшъ.

— Давно собираюсь роденьку свою навѣстить, — объяснялъ онъ Самоварнику. — Бъ Никону Авдѣичу, значить... Не чужой онъ мнѣ, ежели разобрать. Своимъ приходится.

Эта смѣлость солдата забраться въ гости къ самому Палачу изумила даже Самоварника: ловокъ солдатъ. Да еще какъ говорить-то: не чужой мнѣ, говорить, Никонъ Авдѣичъ. Нечего сказать, нашелъ большую родню — свояка.

Дѣйствительно, Артемъ отправился на Жѣдный рудникъ и забрался прямо къ Анисьѣ въ качествѣ родственника. Сначала эта отчаянная бабенка испугалась неожиданнаго гостя, а потомъ онъ ей понравился и своею обходительностью, и вообще всѣмъ поведеніемъ.

— Все-то у васъ есть, Анисья Трофимовна, — умиленно гово-

рять солдатъ. — Не какъ другія прочія бабы, которыя отъ одной своей простоты гинуть... У каждаго своя линия. Вотъ моя Домна... Бто Богу не грѣшень, а я не рошцу: и хороша—моя, и худа—моя... Законъ-то для всѣхъ одинъ.

— Ужь ты не взыскивай съ нея очень-то, — умасливала его Анисья. — Одна у насъ, у бабъ, слабость. Около тебя-то опять челоуѣкомъ будетъ.

— Это вы правильно, Анисья Трофимовна... По маленьку. Живемъ, прямо сказать, въ темнотѣ. Народъ отъ пня, и никакого понятія...

Палачъ отнесся очень благосклонно къ «своаяку» и даже велѣлъ Анисьѣ подать гостю стаканъ водки.

— Не потребляю, Никонъ Авдѣичъ, — отвѣтилъ Артемъ. — Можно такъ сказать, что даже совсѣмъ презираю это самое вино.

— Какой же ты послѣ этого солдатъ? — удивлялся Палачъ. — Эхъ, служба, служба, плохо дѣло...

— И прежде не имѣлъ я этого малодушія, Никонъ Авдѣичъ, а теперь ужъ привыкать поздно.

Особенно любилъ Артемъ ходить по базару въ праздники; какъ изъ церкви, такъ прямо и на базаръ до самаго вечера. Съ тѣмъ поговорить, съ другимъ, съ третьимъ; въ одной лавкѣ посидить, перейти въ другую и вездѣ свой разговоръ. Базаръ на Ключевскомъ былъ маленькій, всего лавокъ пять; въ одной старшій сынъ Основы сидѣлъ съ мукой, овсомъ и разнымъ харчомъ, въ другой торговала разною мелочью старуха Никитишна, въ третьей хромой и кривой Желтухинъ продавалъ разный крестьянскій товаръ: чепмени, азамы, опояскы, конскую сбрую, пряники, медъ, деготь, веревки, гвозди, варенье и т. д. Двѣ лучшихъ лавки принадлежали Груздеву, одна съ краснымъ товаромъ, другая съ галантереей. Передъ Рождествомъ въ лавку съ краснымъ товаромъ Груздевъ посадилъ торговать Илюшку Рачителя: не великъ паренекъ, а сноровистъ. Повѣрять его пріѣзжалъ каждую субботу старшій прикащикъ изъ Мурманоса, а иногда самъ Груздевъ, имѣвшій обыкновеніе набѣзжать невзначай.

По праздникамъ лавка съ краснымъ товаромъ осаждалась обыкновенно бабами, такъ что Илюшка едва успѣвалъ съ ними поправляться. Особенно доставалось ему отъ поденщицъ-щеголихъ. Солдатъ обыкновенно усаживался гдѣ-нибудь у прилавка и смотрѣлъ, какъ бабы тащили Илюшкѣ послѣдніе гроши.

— Эхъ, бить-то васъ некому, умницы! — обругаетъ еяъ иной

разъ, когда придется не второпежь отъ бабьей глупости. — Принесла деньги, а унесла тряпки...

— Ты самъ купи да подари, а потомъ и кори, — ругались бабы. — Чего на чужое-то добро зариться? Женѣ бы вотъ на сарафанъ купить.

Илюшка вообще былъ сердитый малый и косился на солдата, который безъ дѣла только мѣсто просиживаетъ, да другимъ мѣшатель. Гнать его изъ лавки тоже не приходилось, ну, и пусть сидитъ, чортъ съ нимъ!... Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе беспокоили эти посѣщенія Илюшку. Онъ начиналъ сердиться, какъ котенокъ, завидѣвшій собаку.

— Трудненько тебѣ, Илюша, — ласково говорить солдатъ. — Ростомъ-то еще не дошелъ маненько...

— Не твоя забота, — огрызается Илюшка. — Шея бы ты, куда тебѣ надо, а то напрасно только глаза добрымъ людямъ мозолишь.

— Ишь ты, какой приткой! — удивляется солдатъ. — Мѣста пожалѣлъ.

Въ какихъ-нибудь два года Илюшка сдѣлался неузнаваемъ — выросъ, поздоровѣлъ, выправился. Только дѣтское лицо было серьезно не по годамъ, и на немъ лежала какая-то тѣнь. По вечерамъ онъ частенько завертывалъ провѣдать мать въ кабакъ, — самъ онъ жилъ на отдѣльной квартирѣ, потому что у матери и безъ него негдѣ было кошку за хвостъ повернуть. Первымъ дѣломъ Илюшка подарилъ матери платокъ, и это вниманіе прошибло Рачителиху. Звѣрь Илюшка точно переродился, и материнское сердце оттаяло. Да и всѣ другіе не нахвалились, начиная съ самого Груздева: очень ужъ ловкій да расторопный мальчуганъ. Большому за нимъ не угнаться. Рачителиха чувствовала, что сынъ жалѣетъ ее и что въ его задумчивыхъ не по-дѣтски глазахъ для нея свѣтится конецъ ея каторжной жизни. Не вѣкъ же и ей за кабацкою стойкой мыкаться.

Разъ вечеромъ Илюшка пришелъ къ матери совсѣмъ угрюмый и такой неласковый, что это встревожило Рачителиху.

— Ужь ты здоровъ ли? — спросила она.

— Ничего, слава Богу...

Помолчавъ немного, Илюшка, между прочимъ, сказалъ:

— Солдатъ меня этотъ одолѣлъ... Придетъ, вытаращитъ глаза и сидитъ.

— Ну, и пусть сидитъ... Онъ, вѣдь, вездѣ экъ-ту ходитъ, да высматриваетъ. Вчерашній день потерялъ...

— Нѣтъ, мамынька, не то: не просто онъ обхаживаетъ насъ всѣхъ.

— Чумной каной-то!... Дуракомъ не назовешь, а и къ умнымъ тоже не присталь.

Илюшка только улыбнулся и замолчалъ.

— Мамынька, што я тебѣ скажу, — проговорилъ онъ послѣ длинной паузы, — вѣдь, солдатъ-то, помани мое слово, или тебя, или меня по шеѣ... Вѣрно тебѣ говорю!

— Н-но-о?!

— Вѣрно тебѣ говорю... Вотъ погляди, какъ онъ въ кабагъ цаловальникомъ сядетъ.

— Да не песь ли? — изумилась Рачителиха. — А, вѣдь, ты правильно сказалъ: быть ему въ цаловальникахъ... Теперь все обнюхаль, все осмотрѣль, ну, и за стойку. А только какъ же я-то?

— Ты-то?... Ты такъ и останешься, а Груздевъ, навѣрное, другой кабагъ откроетъ... У тебя мочеганы наши, а у солдата Бержацкій конецъ да Пеньковка. Не бойсь, не ошибется Самойло-то Евтихычъ...

VI.

Извѣстiе, что на его мѣсто управителемъ назначенъ Палачъ, для Петра Елисеича было страшнымъ ударомъ. Онъ могъ помириться съ потерей мѣста, съ собственнымъ изгнанiемъ и, вообще, съ чѣмъ угодно, но это было выше его силъ.

— Имъ нужны кроводiйцы, а не управители! — кричалъ онъ, когда въ Ключевской заводъ прiѣхалъ исправникъ Иванъ Семенычъ. — Они погубятъ все дѣло, и тогда самъ Лука Назарычъ полетитъ съ своего мѣста... Вотъ посмотрите, что такъ будетъ!

— А ну ихъ! — равнодушно соглашался исправникъ. — Я самъ бросаю свою собачью службу, только дотянуть бы до пенсiи... Надоѣло.

Иванъ Семенычъ вообще принялъ самое живое участiе въ судьбѣ Мухина и даже помогалъ Нюрочкѣ укладываться.

— Я къ тебѣ въ гости на Самосадку прiѣду, писанка, — шутилъ онъ съ дѣвочкой. — Лѣтомъ будемъ въ лѣсъ по грибы ходить... да?

Предварительно Петръ Елисеичъ съѣздилъ на Самосадку, чтобы тамъ приготовить все, а потомъ уже начались серьезные сборы. Домнушка какъ-то выпросилась у своего солдата и прiѣжала въ

господскій домъ помогать «собираться». Она горько оплакивала уѣзжавшихъ на Самосадку, точно провожала ихъ на смерть. Изъ прежней прислуги у Мухина оставалась одна Катря, попрежнему, «на горничномъ положеніи». Тишка поступалъ «въ молодцы» къ Груздеву. Таисья, конечно, была тоже на мѣстѣ дѣйствія и управлялась вмѣстѣ съ Домнушкой.

Сборы на Самосадку вообще приняли грустный характеръ. Петръ Елисеичъ не былъ суевѣрнымъ челоуѣкомъ, но его начали тѣснить какія-то грустныя предчувствія. Чтò онъ высидитъ тамъ, на Самосадкѣ, а затѣмъ, что ждетъ бѣдную Нюрочку въ этой медвѣжьей глуши? Единственнымъ утѣшеніемъ служило то, что все это дѣлается только «пока», а тамъ будетъ видно. Изъ заводскихъ служащихъ всѣхъ лучше отнесся къ Петру Елисеичу старый рудничный надзиратель Ефимъ Андреичъ. Старикъ выказалъ искреннее участіе и, качая головой, говорилъ:

— Теперь молодымъ ходъ, Петръ Елисеичъ, а насъ, стариковъ, на подножный кормъ погонять всѣхъ... Значитъ, другаго не заслужили. Только я такъ думаю, Петръ Елисеичъ, что и безъ насъ тоже дѣло не обойдется. Помудрятъ малымъ дѣломъ, а потомъ насъ же за оба бока и ухватятъ.

Брѣвкій былъ старикъ Ефимъ Андреичъ и не любилъ жаловаться на свою судьбу, а тутъ не утерпѣлъ. Онъ даже прослезился, прощаясь съ Петромъ Елисеичемъ.

Обозъ съ имуществомъ былъ посланъ впередъ, а за нимъ отправлена въ особомъ экипажѣ Катря вмѣстѣ съ Сидоромъ Барпычемъ. Петръ Елисеичъ уѣхалъ съ Нюрочкой. Передъ отъѣздомъ онъ даже не зашелъ на фабрику проститься съ рабочими: это было выше его силъ. Изъ дворни господскаго дома остался на своемъ мѣстѣ только одинъ старикъ-сторожъ Антипъ. У Палача былъ свой штатъ дворни, и «прикащица» Анисья еще раньше похвалялась, что «изъ мухинскихъ» никого въ господскомъ домѣ не оставитъ.

Груздевскій домъ на Самосадкѣ былъ жарко натопленъ въ ожиданіи новыхъ хозяевъ. Онъ стоялъ пустымъ всего около года и не успѣлъ еще принять тотъ нежилой видъ, которымъ отличаются всѣ такіе дома. Нюрочка была въ восторгѣ, главнымъ образомъ, отъ двухъ свѣтелокъ, гдѣ лѣтомъ такъ хорошо. Сбѣжалась вся пристань поглазѣть на бывшаго прикащика. Въ комнатахъ набралось столько всевозможной родни, что повернуться было негдѣ. Не пришла только сама Василиса Корниловна, — идравная старуха сама ждала перваго визита. Вся эта суматоха произвела на Нюрочку какое-то опьяняющее впечатлѣніе, точно она переселилась въ какой-

то новый миръ. Да и бояться ей теперь было некого: разбойники Вася былъ далеко—въ Мурманскѣ.

— Нюрочка, ты теперь большая дѣвочка,—заговорилъ Петръ Елисеичъ, когда вечеромъ они остались вдвоемъ;—будь хозяйкой.

— А что значить, папа, быть хозяйкой?

— Гм... Домнушки у насъ нѣтъ, Тишки тоже. Остается одна Катря... Кто-нибудь долженъ смотрѣть за порядкомъ въ дѣлѣ. Понимаешь?

— Какъ Анеиса Егоровна, папа?

— Ну, да.

Нюрочка задумалась, а потомъ разрѣшила все недоразумѣнія:

— Папа, мнѣ нужно спать такой же фартукъ, какъ у Анеисы Егоровны.

Первое время хлопоты по устройству въ новомъ мѣстѣ заняли всѣхъ. Даже Катря, и та «уходилась» съ разными хозяйственными хлопотами. У ней была своя отдѣльная комната, гдѣ раньше жила Анеиса Егоровна. Кухаркой поступила въ грузевскій домъ сердитая старуха Потапиха, жившая раньше у Груздева. Однимъ словомъ, все устроилось помаленьку, и Петръ Елисеичъ съ какимъ-то страхомъ ждалъ наступленія того роковаго момента, когда будетъ поставленъ послѣдній стулъ, и вообще нечего будетъ дѣлать. Впрочемъ, оставалась еще въ запасъ пристанская родня, съ которою приходилось теперь поневолѣ дружить,—ко всѣмъ нужно сходить въ гости и всѣхъ принять. Эти церемоніи заняли немало времени. Бабушка Василиса встрѣтила переселенцевъ очень миролюбиво, какъ и братъ Егоръ. Старуха сильно перемогалась и по-раскольничьи готовилась къ смерти. Лицо у ней сдѣлалось совсѣмъ бѣлое, какъ воскъ; только глаза, попрежнему, смотрѣли неприступно-строго. Это мертвое лицо точно свѣтлѣло какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ только въ присутствіи Нюрочки.

— Ахъ, ты, моя басурманочка, — ласково шептала старуха, приглаживая своею сухою, дрожавшею рукой бѣлокурую головку Нюрочки.— Не любишь баушку Василису?

Когда ей дѣлалось особенно тяжело, старуха посылала за басурманочкой и сейчасъ же успокоивалась. Нюрочка не любила только, когда бабушка упорно и долго смотрѣла на нее своими строгими глазами,—въ этомъ взглядѣ выливался послѣдній остатокъ силъ бабушки Василисы.

Петръ Елисеичъ при переѣздѣ на Самосадку обратилъ особенное вниманіе на бібліотеку, которую сейчасъ и приводилъ въ порядокъ съ особенною любовью, точно онъ послѣ труднаго и опасна-

во путешествіи попалъ въ общество старыхъ хорошихъ знакомыхъ. Да, это были старые, неизмѣнные друзья. Въ послѣдніе года онъ какъ-то поотсталъ отъ занятій и теперь могъ съ лихвой наверстать разрозставшіеся пробѣлы. Большинство книгъ были иностранныя, преимущественно французскія и англійскія. Особенно любилъ Петръ Елисеичъ англійскую спеціальную литературу, гдѣ каждый вопросъ разрабатывался съ такою солидною роскошью, какъ лучшіе предметы англійскаго производства. По горнозаводскому дѣлу здѣсь оставалось только пользоваться уже готовыми результатами феноменально дорогихъ опытовъ. Примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ производства являлось дѣломъ несложнымъ. Въ воображеніи Петра Елисеича рисовались грандіозныя картины, захватывавшія духъ своею смѣлостью. Для выполненія ихъ подъ руками было рѣшительно все: громадная заводская площадь, привыкшая къ заводскому дѣлу рабочая сила, уже существующія фабрики и, вообще, цѣлый строй жизни, сложившейся еще подъ давленіемъ крѣпостнаго режима. И вдругъ все это свѣтлое будущее, обогатившее бы и заводовладѣльца, и заводское населеніе, заслонено сейчасъ одною фигурой крѣпостнаго управляющаго Луки Назарыча.

VI.

Въ великое говѣнье Василиса Ёрниловна совсѣмъ разнемогалась. Она уже больше не вставала и говорила съ трудомъ: лѣвая половина тѣла вся отнялась. Желтая, какъ скитскій воскъ, старуха лежала на лавкѣ и съ умиленнымъ терпѣніемъ ждала смерти. Послѣдняя любовь угасавшей жизни теперь сосредоточивалась на жигалѣ Мосей и маленькой Нюрочкѣ. Старуха потребовала, чтобы Мосей выѣхалъ съ своего куреня и дожидался ея смерти. О другихъ дѣтяхъ, какъ Петръ Елисеичъ и Егоръ, она даже не вспоминала. Когда Петръ Елисеичъ пригласилъ изъ Блючевского завода фельдшера Хитрова, Василиса Ёрниловна съ трудомъ проговорила:

— Отъ смерти лѣкарства нѣтъ... Смертынька моя пришла. Пошлите въ свѣты за Енафой... Хочу принять послѣднюю исправу.

Пришлось исполнить эту послѣднюю волю умирающей все тому же Петру Елисеичу. Въ Заболотье былъ наряженъ братъ Егоръ. Его возвращенія ждали съ особеннымъ нетерпѣніемъ, точно онъ могъ привести съ собой чудо исцѣленія. Нюрочка успѣла привыкнуть къ бабушкѣ и даже ночевала у ней въ избѣ. Егоръ вернулся только черезъ три дня. Это было ночью, когда вся Самосадка спала мертвымъ сномъ, и только теплился огонекъ въ избѣ Егора. Двои

сани проѣхали прямо въ груздевскій докъ. Рано утромъ, когда Ню-рочка сидѣла у бабушки, въ избу вошла мать Енафа въ сопровож-деніи инока Кирилла. Василиса Карниловна облегченно вздохнула: будетъ кому похоронить ее по древлему благочестію.

— Ну, што, баушка?—грубо спрашивала мать Енафа, оста-навливаясь передъ больной.—Помирать собралась?

— Завтра помру, матушка,—кратко отвѣтила старуха, соби-рая послѣднія силы.—Спасибо; што не забыла.

— Другъ о дружкѣ должны заботиться, а Богъ обо всёхъ.

Больная тяжело заметалась и закрыла глаза. Инокъ Кириллъ неподвижно стоялъ у двери, опутивъ глаза въ землю.

— Желаю принять иночество,—шептала больная, оправляясь отъ забытья.

Мать Енафа и инокъ Кириллъ положили «началь» передъ обра-зами и раскланялись на всё четыре стороны, хотя въ избѣ, кромѣ больной, оставалась одна Нюрочка. Потомъ мать Енафа перевер-нула больную внизъ лицомъ и покрыла шелковою пеленой съ на-шитымъ на ней изъ желтаго позумента большимъ восьминочечнымъ раскольничьимъ крестомъ.

— Теперь читай: «Ослаби, остави, прости, Боже, согрѣшенія моя вольная и невольная»,—грубо приказывала мать Енафа.

Больная только слабо стонала, а читать за нее долженъ былъ инокъ Кириллъ. Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось страшно, и она убѣжа-ла домой. Бстати, тамъ ее уже искали: пріѣхалъ изъ Мурмоса Са-мойло Евтихычъ и мастерица Танся.

— Ой, какая ты большая выросла!—удивлялся Груздевъ, лас-ново поглядывая на Нюрочку.—Вотъ и хозяйка въ дому, Петръ Елисеичъ!

Груздевъ пріѣхалъ по дѣлу: время шло къ отправкѣ весенняго каравана, и нужно было осмотрѣть строившіяся на берегу барки. Петръ Елисеичъ, пожалуй, былъ и не радъ гостямъ, хотя и любилъ Груздева за его добрый характеръ.

— Вотъ и съ старушкой кстати прощусь,—говорилъ зачаемъ Груздевъ съ грустью въ голосѣ.—Борень была, а не женщина... Когда я еще босикомъ бѣгалъ по пристани, такъ она частенько на-чалали меня... То за вихры поймаешь, то подзатыльника хорошаго дастъ. Охъ, жизнь наша, Петръ Елисеичъ... Сколько не живи, а все помирать предется. Говори мнѣ спасибо, Петръ Елисеичъ, что я тогда тебя помирилъ съ матерью. Помнишь? Ежели и помретъ старушка, все же однимъ грѣхомъ у тебя меньше. Мать—первое дѣло...

Петръ Елисеичъ больше молчалъ. Онъ впередъ былъ разстреленъ быстро близившеюся развязкой. Его огорчало больше всего то, что онъ не чувствовалъ того, что должна была бы вызвать смерть любимой женщины. Мать оставалась для него чужою, какъ отвлеченная идея или представленіе. Онъ напрасно отыскивалъ въ своей душѣ то теплое и дѣтски-чистое чувство, которое является синонимомъ жизни. Именно этого чувства и не было. Неужели впоследствии такъ же отнесется къ нему и Нюрочка? Нѣтъ, это ужасно... Жизнь являлась какою-то колоссальною бессмыслицей, и душу охватывала щемящая пустота.

Вечеромъ Петръ Елисеичъ отправился къ матери вмѣстѣ съ Нюрочкой. Груздевъ былъ уже тамъ. Больная лежала передъ образами вся въ черномъ. До десятка желтыхъ восковыхъ свѣчъ тускло горѣли передъ мѣднымъ распятіемъ и старинными складнями. Дымъ ладона заволакивалъ все, а мать Енафа все помахивала кащей *) , изъ которой дымъ тагъ и валилъ. Первое, что поразило Нюрочку, это удивительно пріятный женскій голосъ, который, казалось, наполнялъ всю избу вмѣстѣ съ ладномъ. Читала какая-то незнакомая старица вся въ черномъ и съ черною шапочкой на головѣ. Около нея стояла съ лѣстовкой въ рукѣ мастерица Таисья и откладывала поклонъ за поклономъ. А женскій голосъ все читалъ и читалъ звенящимъ раскольникимъ распѣвомъ. Нюрочку вдругъ охватило еще не испытанное ей чувство благоговѣнія. Когда мастерица Таисья подала ей лѣстовку и ситцевый подрушникъ, дѣвочка принялась откладывать земные поклоны и креститься, повторяя каждое движеніе Таисьи. Ей казалось, что она сама возносится куда-то кверху вмѣстѣ съ кадилымъ дымомъ, а звенѣвшій молодой голосъ звалъ ее въ невѣдомую даль. Когда читавшая инокиня оглянулась зачѣмъ-то къ Таисьѣ, Нюрочкѣ показалось, что она видитъ ангела: изъ темной рамы «иночества» на нее глянуло блѣдное лицо неземной красоты. Сѣрые большіе глаза скользнули по ней, и этотъ случайный взглядъ навсегда запаалъ въ дѣтскую душу. Нюрочкѣ страстно захотѣлось подойти къ удивительной инокинѣ и поцѣловать край ея темной рясы. Она все время безконечной раскольничьей службы стояла, какъ очарованная, и все смотрѣла на читавшую инокиню.

— Кто это инокиня, которая читала?—спрашивала Нюрочка, когда мастерица Таисья повела ее домой.

— Какая это инокиня,—неохотно отвѣтила Таисья, шагая по

*) *Кащей*—кадилница съ деревянною ручкой.

узенькой тропочкѣ, пробитой въ сугробахъ снѣга прямо подь окнами.—Инокѣ не такія бываютъ.

— А кто же она?

— Послушница Аглада... Она съ матерью Енафой прѣѣхала изъ Заболотья. Уставщицей у нихъ въ скитахъ будетъ... А зачѣмъ ты спрашиваешь?

— Такъ.

Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось больно: зачѣмъ Таисья такъ говорить о черномъ ангелѣ, котораго ей хотѣлось цѣловать?

Цѣлую ночь не спали ни въ груздевскомъ домѣ, ни въ избѣ Егора,—всѣ томились ожиданіемъ, когда «отойдетъ» Василиса Корниловна. Петръ Елисеичъ, конечно, былъ противъ разныхъ церемоній, какія продѣлывались надъ умирающей наѣхавшею скитскою братіей, но что подѣлаешь съ невѣжественною родней, когда старуха сама потребовала «иночества», а передъ этимъ еще должно было совершиться «скитское покаяніе», соборованіе масломъ и т. д. Единственнымъ разумнымъ человѣкомъ являлась мастерица Таисья, и черезъ нее Петръ Елисеичъ дѣлалъ напрасную попытку уговорить остальныхъ, но все это было бесполезно.

— Сама матушка Василиса Корниловна пожелала,—съ обычнымъ смиреніемъ отвѣчала Таисья.—Ея воля, Петръ Елисеичъ, голубчикъ.

— Она больная женщина, и другіе должны позаботиться объ ея спокойствіи.

Таисья терпѣливо выслушивала выговоры и ворчанье Петра Елисеича и не возражала ему. Это было лучшее средство поставить на своемъ, какъ она дѣлала всегда. Собственно говоря, Петръ Елисеичъ всегда былъ радъ ее видѣть у себя, и теперь въ особенности,—Таисья вездѣ являлась желанною гостей.

Такъ прошла вся ночь. Таисья то и дѣло уходила справляться въ избу Егора, какъ здоровье бабушки Василисы. Петръ Елисеичъ дремалъ въ креслѣ у себя въ кабинетѣ. Подъ самое утро Таисья тихонько разбудила его.

— Отходить Василиса Корниловна, — шепотомъ объявила она.—Вся затишала, а это ужъ къ смерти.

Какъ Петръ Елисеичъ ни былъ подготовленъ къ такому исходу, но эти слова ударили его, точно обухомъ. У него даже руки тряслись, когда онъ торопливо одѣвался въ передней.

— Не нужно ли чего-нибудь?—спрашивалъ онъ.

— Охъ, ничего не нужно, родимый мой... Все здѣсь останется, одна душенька отойдетъ.

Въ избѣ Егора собралась въ послѣдній разъ вся семья жигали Елески: Петръ Елисеичъ, Мосей и Егоръ. Больная лежала на старомъ мѣстѣ. Когда Петръ Елисеичъ вошелъ въ избу, она открыла глаза, обвела всѣхъ и слабо поморщилась. Одна Таисья поняла это движеніе и сейчасъ же побѣжала за Нюрочкой. Дѣвочку привели сонную; она почти не сознавала, чтѣ дѣлается вокругъ. Ее заставили подойти къ бабушкѣ. Сухая старушечья рука легла на ея бѣлокурую головку, но силы уже оставляли бабушку Василису, и она только жалобно посмотрѣла кругомъ. Таисья взяла ея здоровую правую руку, сложила большимъ крестомъ и благословила ея плакавшую маленькую басурманку.

— Живите... живи... Богомъ...—бормотали высохшія губы больной.

Въ избѣ воцарилась мертвая тишина, и мать Енафа подала знакъ Аглаидѣ читать отходную. При сѣромъ свѣтѣ занимавшагося мартовскаго утра, глядѣвшаго въ маленькія оконца избы Елески Жигали, старая Василиса Борниловна, наконецъ, «отошла»... У Петра Елисеича точно что оборвалось въ груди, и онъ глухо зарыдалъ. Что-то такое несправедливое и жестокое пронеслось надъ избушкой Елески Жигали, чтѣ отравляло жизнь всѣмъ, начиная вотъ съ этой покойницы. Да, онъ самъ, Петръ Елисеичъ, былъ несправедливъ къ ней, къ матери, потому что несправедлива была вся жизнь... Его поразило больше всего ничтожный фактъ: когда Аглаида стала читать отходную, Таисья быстро сунула подъ голову умиравшей заранѣе приготовленный камень. Такъ требуетъ раскольничій обычай. Каждый уноситъ съ собой въ могилу такіе камни.

Похороны заняли цѣлыхъ три дня. Надъ покойницей читали попеременно Аглаида и Таисья. Гробъ былъ сдѣланъ колодой, а не досчатый. Покойницу обули въ лапти, какъ того требовалъ обычай, хотя въ Самосадкѣ въ лаптяхъ никто не ходилъ, спеленали по савану широкою холстиной и положили на столъ въ переднемъ углу. По обычаю, надъ женщиной читали только женщины, а инокъ Кириллъ привезенъ былъ только для исполненія чина погребенія. Нюрочка хотя и плакала, но только потому, что плакали другіе. Въ избу къ покойницѣ она бѣгала, чтобы поговорить съ послушницею Аглаидой, съ которою успѣла познакомиться въ день бабушкиной смерти. Эта послушница производила на дѣвочку неотразимое впечатлѣніе своею застывшею красотою и чуднымъ голосомъ. Нюрочка нарочно плакала, чтобы слышать утѣшенія и ласковыя слова Аглаиды. Обыкновенно Аглаида уводила Нюрочку за занавѣ-

вѣску къ печкѣ, усаживала въ уголокъ на лавку или къ себѣ на колѣни и говорила ласковымъ шепотомъ одно и то же:

— Сорокъ дѣнь и сорокъ ночей будетъ летать баушкина душенька надъ своимъ домомъ и будетъ она плакать... Горько будетъ она плакать, а мы будемъ молиться. Всѣ мертвыя души такъ-то летаютъ надъ своими избами. А въ Радуницу ты возьмешь красное яичко и пойдешь христосоваться къ баушкѣ на могилку: въ Радуницу всѣ покойнички радуются. Отъ великаго четверга страстныя седмицы до Вознесенья всѣ мертвыя душеньки въ свѣтломъ мѣстѣ летаютъ, а отъ Вознесенья до великаго четверга утомляются въ темномъ. Только у нихъ и радости, когда за нихъ на землѣ кто помолится... На дѣтяхъ никакого грѣха нѣтъ, вотъ ихняя молитва и доходнѣе къ Богу, чѣмъ наша. Только ты молись большимъ крестомъ, да съ лѣстовкой...

— Я буду вмѣстѣ съ тобой молиться,—отвѣчала Нюрочка, стараясь прижаться всѣмъ тѣломъ къ ласковой послушницѣ.

— Я скоро уѣду...—печально говорила Аглаида и молча гладила Нюрочку своею мягкою бѣлою рукой.

— А я скажу пацѣ, чтобы онъ тебя не отпускалъ...

— Нельзя, родная моя.

Въ Нюрочкѣ проснулось какое-то страстное чувство къ красивой послушницѣ, какъ это бываетъ съ дѣвочками въ переходномъ возрастѣ, и она ходила за ней, какъ тѣнь. Зачѣмъ на ней все черное? Зачѣмъ глаза у ней такіе печальные? Зачѣмъ на нее ворчять походя эта сердитая Енафа? Десятки подобныхъ вопросовъ носились въ головѣ Нюрочки и не получали отвѣта.

Эта быстро вспыхнувшая дѣтская страсть исчезла съ такою же скоростью, какъ и возникла. Въ день похоронъ, когда Нюрочка одна пошла изъ дому, она увидѣла, какъ у воротъ груздевскаго дома, прислонившись къ веревѣ, стоялъ груздевскій оберужной Матюшка Гуцинь, а около него какая-то женщина. Дѣвочка инстинктивно оглянулась и замѣтила въ первую минуту, что женщина о чемъ-то плачетъ. Уже подходя къ бабушкиной избѣ, Нюрочка догадалась, что эта плакавшая женщина была послушница Аглаида. Это открытіе взволновало дѣвочку до слезъ: ея чернѣйшій ангелъ, ея любовь—и какой-нибудь Матюшка. Нюрочку оскорбило то, что сестра Аглаида разговариваетъ съ мужикомъ, а всѣ мужики пьютъ водку и ругаются нехорошими словами.

«Нѣтъ, она нехорошая»,—думала Нюрочка съ горечью во время похоронъ и старалась не смотрѣть на сестру Аглаиду.

Во главѣ похоронной церемоніи стоялъ инокъ Кирилль, обла-

ченый въ темную рясу и иноческую шапочку. Онъ говорилъ возгласы и благословлялъ покойницу въ далекий путь, изъ котораго нѣтъ возврата. Вся Самосадка сбѣжалась провожать бабушку Василису на свой раскольничій «могильникъ», гдѣ лежали дѣды и прадѣды. Бабы подняли такой ужасный вой и такъ запричитали, что даже у Петра Елисеича повернулось сердце. Груздевъ тоже присутствовалъ на похоронахъ, — онъ остался лишній день изъ уваженія къ другу. Вся Самосадка шла за колодой бабушки Василисы. День былъ пасмурный и падалъ мягкій снѣжокъ. Въ воздухѣ несло похоронное пѣніе, — пѣли скитницы, мать Енафа и Аглаида, а имъ подтягивалъ инокъ Кирилль. Мастерца Таисья не могла пѣть отъ душившихъ ее слезъ.

Старый раскольничій могильникъ расположился на высокому берегу Каменки бобровою шапкой изъ мохнатыхъ елей, пихтъ и кедровъ. Надъ каждою могилой стоялъ деревянный голубецъ съ деревяннымъ восьмиконечнымъ крестомъ. Нюрочку удивило, какая маленькая могила была вырыта для бабушки Василисы, а потомъ ей сдѣлалось страшно, когда мерзлая земля застучала о гробовую крышку и бабы неистово запричитали. Съ могильника вернулись опять въ избу Егора, гдѣ и справили поминальный столъ. Всѣмъ верховодила Таисья. Скитскіе обѣдали за отдѣльнымъ столомъ и ѣли каждый изъ своей чашки. Когда послѣ похоронныхъ блиновъ пропѣта была послѣдняя вѣчная память, Петръ Елисеичъ отправилъ Нюрочку домой. Провожать ее вызвалась Аглаида, потому что Таисья управлялась съ гостями. Сначала онѣ шли молча и, только уже подходя къ груздевскому дому, Аглаида проговорила:

— Аннушка, ты сердисься на меня?

Нюрочка въ первую минуту смутилась и посмотрѣла на Аглаиду злыми глазами, а потомъ бросилась къ ней на шею и громко зарыдала. Когда Аглаида узнала, въ чемъ дѣло, она опустила глаза и сказала:

— Да, вѣдь, это мой родной братъ, Аннушка... Я изъ гуцинской семьи. Можеть, помнишь, года два тому назадъ виѣсть ѣхали на Самосадку къ Троицѣ? Я съ братьями на одной телѣгѣ ѣхала... Въ мирѣ-то меня Аграфеной звали.

Дѣйствительно, Нюрочка все припомнила, даже ту фразу, которую тогда кучеръ Семка сказалъ Аграфенѣ: «Ты, Аграфена, куды телять-то повезла?» Нюрочка тогда весело смѣялась. Это объясненіе съ Аглаидой успокоило ее, но прежняго восторженнаго чувства къ послушницѣ не осталось и слѣда: оно было разбито. Теперь передъ ней была самая обыкновенная женщина, а не черный ангелъ.

За поминальнымъ обѣдомъ Груздевъ выпилъ лишнюю рюмку и вернулся домой слегка на-веселѣ. Сейчасъ послѣ обѣда онъ долженъ былъ отправиться въ обратный путь. Переодѣваясь по-дорожному, онъ весело ухмылялся и бормоталъ себѣ въ бороду:

— Ну, и бабы только... ахъ, хитрыя!

— А что?—полюбопытствовалъ Петръ Елисеичъ, заинтересованный этимъ совсѣмъ непохороннымъ настроеніемъ своего друга.

— Нѣтъ, онъ, братъ, унюхаютъ все и такъ сдѣлаютъ, что самъ себя не узнаешь... Ты думаешь, я самъ на пристань пріѣхалъ?... Какъ бы не такъ!... Вышло-то оно, пожалуй, такъ, что и самъ, а надѣлѣ нужно было сестрѣ Аглаидѣ повидаться съ брательникомъ Матюшкой. Да... Святая-то душа, Таисья, у насъ въ Мурманскѣ гостила, ну, и подвела всю механику. Изъ Заболотья везуть Аглаиду, а я везу Матюшку. Ну, и бабы!... Мнѣ-то все равно, когда ни ѣхать, а только онѣ-то хитры больно... Даже и хорошо вышло, што баушку Василису проводилъ до могилки. Анѣиса Егоровна похвалить...

Совсѣмъ одѣтый Груздевъ на прощанье спросилъ хозяина:

— Ну, а ты самъ-то какъ о своей головѣ понимаешь?

— Ничего пока не понимаю, а живу на старыя крохи.

— Это не резонъ, милый ты мой... Прохарчишься, и все тутъ. Да... А ты лучше, знаешь, что сдѣлай... Отдавай мнѣ деньги-то, я ихъ оберну раза три-четыре въ годъ, а процентъ пополамъ. Глядишь, и набѣжить тысячка другая. На Самосадкѣ-то не прожить... Я для тебя говорю, а ты подумай хорошенько. Мнѣ-то все равно, тебѣ платить или кому другому.

— Хорошо, я подумаю.

Про черный день у Петра Елисеича было накоплено тысячь двѣнадцать, но онѣ давали ему очень немного. Онъ не умѣлъ купить выгодныхъ бумагъ, а чтобы продать свои бумаги и купить новыя—пришлось бы потерять очень много на комиссіонныхъ расходахъ и на разницѣ курса. Предложеніе Груздева пришлось ему по душѣ. Онъ довѣрялся ему вполне. Если что его и смущало, такъ это груздевскіе кабаки. Но, вѣдь, можно уговориться, чтобы онъ его деньги пустилъ въ оборотъ по другимъ операціямъ, какъ та же хлѣбная торговля.

— Ну, святая душа, смотри, уговоръ дороже денегъ: битый не-битаго везетъ,—весело шутилъ Груздевъ, усаживаясь въ свою кибитку съ Таисьей.—Не я тебя возилъ, а ты меня...

— Перестань ты, Самойло Евтихычъ, шутки свои шутить,—ворчала Таисья.—Ты вотъ: хи-хи, а бѣсъ у тебя за спиной: ха-ха!

Д! Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЕЗЪ ДОГМАТА *).

Современный романъ

Генриха Сенкевича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

26 мая.

Сегодня я увѣдомилъ Снятынскаго, что рѣшительно намѣреваюсь перевезти въ Варшаву отцовскія собранія. Отъ него это извѣстіе, несомнѣнно, перейдетъ въ разныя газеты, которыя не преминутъ возвести мое намѣреніе до степени гражданскаго подвига. Анелька невольно сравнитъ меня съ Бромицкимъ, и это сравненіе послужитъ мнѣ въ пользу. Отправилъ я также телеграмму, чтобы мнѣ какъ можно скорѣе, отдѣльною посылкой, выслали головку Сасоферато.

Во время завтрака я, нарочно при другихъ, сказалъ Анелькѣ, что отецъ отказалъ ей эту картину по завѣщанію. Анелька смутилась; она догадалась, что отецъ въ то время видѣлъ въ ней будущую невѣстку. Въ дѣйствительности, въ завѣщаніи ея имя не упомянуто; тамъ сказано только: «Голову Мадонны (Мѣ такой-то) назначаю своей будущей невѣсткѣ». Но поэтому-то я и хотѣлъ отдать ее Анелькѣ. А пока одного намека на статью завѣщанія было довольно, чтобы возбудить въ насъ цѣлый рой воспоминаній. Я нарочно направилъ мысль Анельки къ тѣмъ прошлымъ временамъ, когда она любила меня и могла любить спокойно. Я знаю, что отъ того времени въ ея сердцѣ осталось и много горечи, и много сожалѣнія ко мнѣ. Иначе и быть не могло. Я совершенно погибъ бы въ ея глазахъ, еслибъ не моя послѣдняя просьба, переданная при посредствѣ Снятынскаго. Это обстоятельство сильно смягчаетъ мои вины. Думая объ этомъ, Анелька должна считать, что я хотѣлъ все исправить,

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

что я любилъ ее, страдалъ, что ваялся и наясъ до сихъ поръ, что если мы теперь несчастны, то и она виновата въ томъ. Подобныя мысли должны заставить ее простить мои грѣхи, жалѣть о прошломъ и упиваться картинами счастья, которое наполняло бы нашу жизнь, еслибъ не мои вины и не ея суровость.

И сейчасъ я замѣтилъ по ея лицу, что она боится этихъ упонительныхъ видѣній и хочетъ разсѣять ихъ разговоромъ о чемъ-нибудь постороннемъ. Тетушка теперь такъ забила голову приближающимися скачками на правительственный призъ и ожидаемымъ торжествомъ нашего «Naughty-boy», что не можетъ думать ни о чемъ другомъ. Анелька начала разговаривать о скачкахъ, но говорила такъ разсѣянно и задала нѣсколько такихъ необычайныхъ вопросовъ, что огорченная тетушка перебила ее:

— Мое дитя, я вижу, что о скачкахъ ты не имѣешь ни малѣйшаго понятія.

Своими глазами я сказалъ ей: «Знаю, что въ эту минуту ты хочешь только заглушить говорящій въ тебѣ голосъ», и она поняла меня такъ хорошо, какъ будто я выразилъ свою мысль словами. Я почти увѣренъ, что она такъ же поглощена нашею тайной, какъ и я. Идея о любви внѣ брака уже привита къ ея душѣ, живетъ въ ней и не покидаетъ ее ни на минуту. Анелька должна съ ней жить и сжиться. Въ такихъ условіяхъ, сердце женщины, даже любящей мужа, должно отвернуться отъ него. Капля воды долбитъ камень. Если Анелька хоть немного любитъ меня, если любитъ только наше прошлое, то она должна быть моею. Я не могу думать объ этомъ спокойно, — предчувствіе близкаго счастья подавляетъ меня.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на берегу моря находятся движущіеся пески. Для путника, разъ онъ вступилъ на нихъ, нѣтъ спасенія. По временамъ мнѣ сдается, что моя любовь сходна съ этими песками. Я привлекаю на нихъ Анельку и самъ погружаюсь въ нихъ все глубже и глубже.

Пусть такъ, но только бы виѣсть съ нею!

28 мая.

Тетушка теперь проводить по шести, по семи часовъ въ день въ Бужанахъ, на фольваркѣ, въ полумили отъ Плохова, гдѣ тратитъ время на восхищеніе Naughty-boy'емъ и на надзоръ за англичаниномъ Смитомъ, который тренируетъ лошадей. И я былъ тамъ вчера. Naughty-boy, дѣйствительно, лошадь много обѣщающій, но мнѣ-то что за дѣло до нея! Разныя дѣла призываютъ меня въ городъ, но мнѣ не хочется покидать Плоховъ. Пани Целина чувствуетъ себя хуже. Молодой Хвастовскій считаетъ это ухудше-

ніе временнымъ, но, тѣмъ не менѣе, приказалъ не оставлять болъную одну, развлекать ее, а то бѣдная женщина начинаетъ думать объ утратѣ милаго Глухова и еще болѣе разстроиваетъ свои нервы. Я ухаживаю за ней почти съ сыновнею заботливостью, чтобы заслужить признательность Анельки и заставить ее смотрѣть на меня какъ на самаго близкаго человѣка. Я теперь не питаю никакого непріязненнаго чувства къ пани Целинѣ: она ужь очень несчастна, и, притомъ, я начинаю любить всѣхъ родныхъ Анельки, — всѣхъ, кромѣ одного! Вчера и сегодня я провелъ нѣсколько часовъ у больной, вмѣстѣ съ Анелькой и Хвостовскимъ. Мы много читали и разговаривали. Пани Целина не спитъ ночью, а такъ какъ докторъ не даетъ ей хлораля, то она засыпаетъ днемъ, послѣ длинной бесѣды, и просыпается только тогда, когда наступаетъ тишина. Поэтому мы, не обращая вниманія на нее, продолжаемъ читать и разговаривать. Такъ было и сегодня. Не будь здѣсь доктора, я могъ бы вполне свободно разговаривать съ Анелькой. Газеты принесли извѣстіе объ окончаніи бракоразводнаго дѣла прекрасной пани Борецкой. Вся Варшава сильно интересуется этимъ дѣломъ, въ особенности тетушка, — она въ дальнемъ родствѣ съ Борецкимъ. Я нашелъ нужнымъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы внушить Анелькѣ понятія, которыя ей были чужды до сихъ поръ.

— Тетушка, — сказалъ я тономъ глубокаго убѣжденія, — несправедливо осуждаетъ поведеніе пани Борецкой. По моему мнѣнію, она поступаетъ какъ умная и правдивая женщина. Человѣческая воля кончается тамъ, гдѣ начинается любовь, — даже и тетушка должна согласиться съ этимъ. Если пани Борецкая любитъ другаго, то ей не остается ничего, какъ разстаться съ мужемъ. Я знаю, что сказала бы тетушка и что ты, вѣроятно, думаешь въ эту минуту: ты думаешь, что у нея остаются обязанности, — вѣдь, да?

— Я думаю, что и ты придерживаешься того же мнѣнія, — отвѣтила Анелька.

— Несомнѣнно. Вопросъ только въ томъ, что именно обязана она дѣлать.

Не понимаю, чего ради молодой врачъ заявилъ, что онъ не признаетъ свободной воли. Впрочемъ, онъ ограничился только однимъ этимъ заявленіемъ и сталъ внимательно слушать меня. Ему нравилась смѣлость моихъ воззрѣній.

Уловивъ удивленный взглядъ Анельки, я продолжалъ:

— Что можетъ быть болѣе дико и болѣе противно природѣ, чѣмъ требованіе отъ человѣка пожертвовать любимымъ существомъ для нелюбимаго? Различныя вѣронсповѣданія могутъ сильно

разниться другъ отъ друга, но этика у нихъ у всѣхъ одинакова; супружество же, по этой этикѣ, должно быть основано на любви. Да и что оно такое на самомъ дѣлѣ? Или нѣчто несокрушимое и дѣйствительно святое, если оно основывается на такомъ фундаментѣ, или, въ противномъ случаѣ, несогласный съ религіей и моралью контрактъ, который долженъ быть уничтоженъ. Иначе говоря, обязанности женщины вытекаютъ изъ чувства, а не изъ ряда болѣе или менѣе торжественныхъ обрядовъ. Я говорю это потому, что принадлежу къ числу людей, цѣнящихъ суть вещи выше ея формы. Я знаю, что слово «вѣроломство»—слово страшное. Но не думайте, что женщина дѣлается вѣроломной только съ момента, когда покинетъ мужа. Она сдѣлалась вѣроломной вполнѣ, совершенно, уже въ ту минуту, когда почувствовала, что ея любовь къ мужу перестала существовать. Все дальнѣйшее—это только вопросъ ея способности мыслить и поступать логически, ея отваги и ея сердца, которое или умѣетъ, или не умѣетъ любить. Пани Борецкая любила человѣка, для котораго теперь разводится, раньше, чѣмъ вышла за теперешняго своего мужа, и не отдала ему своей руки только вслѣдствіе недоразумѣнія, вслѣдствіе того, что сочла равнодушіемъ порывъ его ревности. Это была ея главная ошибка; но если она теперь хочетъ исправить эту ошибку, если она поняла, что незаконно жертвовать любимымъ человѣкомъ для нелюбимаго, если она перенесла свои обязанности на другую сторону, въ противность общественному мнѣнію, то лишь ханжи или люди, ослѣпленные предразсудками, могутъ осуждать ея чувства.

Въ моихъ словахъ было столько же лжи, сколько и правды. Конечно, тетюшка ни за что въ свѣтѣ не согласится съ теоріей, что воля кончается тамъ, гдѣ начинается любовь, но сказалъ я это нарочно, чтобы внушить это Анелькѣ какъ безспорную правду. Я зналъ, что пани Борецкая особа легкомысленная, по поводу которой не стоить выдвигать тяжелыхъ орудій логики, а исторію о ея первой любви выдумалъ для болѣе полной аналогіи съ моимъ положеніемъ. За то я былъ вполнѣ искрененъ въ томъ, что говорилъ о правахъ и обязанностяхъ, вытекающихъ изъ чувства. Очень можетъ быть, что я не поддерживалъ бы такъ горячо эту теорію, еслибъ она не представляла мнѣ такихъ удобствъ; но человѣкъ всегда субъективенъ, и въ особенности человѣкъ, который усомнился во всѣхъ объективныхъ истинахъ. Я говорилъ за себя и былъ бы очень глупъ, еслибъ сталъ говорить противъ себя. Я разчитывалъ, что, вводя Анельку въ кругъ подобныхъ понятій, я ускоряю желанную для меня эволюцію въ ея душѣ,—они могутъ придать ей больше

снѣлости и дать возможность оправдаться въ своихъ глазахъ. Принимая во вниманіе ея впечатлительность, я допускалъ, что она хоть отчасти восприметъ мое внушеніе. И дѣйствительно, она понимала меня хорошо; я видѣлъ ясно, какъ каждое мое слово играло на ея нервахъ, точно на струнахъ. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, на щекахъ ея все ярче и ярче выступали розовыя пятна; а когда я кончилъ, она сказала:

— Оправдать все можно, но когда дѣлаешь дурное дѣло, совѣсть всегда скажетъ: не хорошо; дурно, и ни чѣмъ не дастъ себя убѣдить.

Молодой Хвастовскій, вѣроятно, думалъ въ это время о недостаточности философскаго образованія Анельки, а я, признаюсь, въ первый разъ испытывалъ такое чувство, какое испытываетъ человѣкъ, который во время фехтованья наткнется концомъ шпаги на стѣну. Отвѣтъ Анельки своею простотой и догматичностью обратилъ въ ничто всѣ мои выводы. Ибо если положеніе, что воля кончается тамъ, гдѣ начинается любовь, можетъ, въ концѣ-концовъ, подлежать сомнѣнію, то совершенно несомнѣнно, что гдѣ начинается догматъ, тамъ кончаются всѣ разсужденія. Женщины вообще, а польки въ особенности, до тѣхъ поръ соглашаются съ логикой, пока она не представится имъ опасной. Когда они увидятъ опасность, то скрываются за укрѣпленіе простыхъ вѣрованій и прописной морали, которое можетъ разрушить только одно чувство, потому что разумъ передъ нимъ безсиленъ. Въ этомъ ихъ слабость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сила; мышленіе ихъ не обладаетъ могуществомъ мышленія мужчинъ, за то святость, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ быть совершенной. Дьяволъ можетъ довести женщину до паденія только тогда, если влюбить ее въ кого-нибудь, а путемъ логики съ ней ничего не подѣлаетъ, хотя бы правда всецѣло была на его сторонѣ.

Мною начала овладѣвать полная апатія. Я подумалъ, что всякое зданіе, съ какимъ бы трудомъ и искусствомъ я ни воздвигалъ его, Анелька разрушитъ однимъ крикомъ: «не хорошо! совѣсть съ этимъ не соглашается!» Притомъ, я долженъ соблюдать величайшую осторожность, чтобы не напугать ее чрезмѣрною свободой своихъ воззрѣній, которыя я стараюсь привить къ ней, и не вооружить ее противъ себя.

И, все-таки, я не могу отказать отъ такого приѣма. Онъ не будетъ играть главной роли въ покореніи души Анельки,—правда; но можетъ играть побочную и ускорить развязку. Мои усилія не привели бы ни къ чему лишь въ томъ случаѣ, если она меня не

любить. Это была бы страшная ошибка, но развязка, все-таки, должна была бы наступить.

80 мал.

Сегодняшній день весь отравленъ для меня,—Анелъга опять получила письмо отъ Бромницкаго. Я слышалъ, какъ она говорила теткѣ, что онъ самъ не знаетъ, когда прїѣдетъ: можетъ быть, скоро, можетъ быть, черезъ два мѣсяца. Я даже представить себѣ не могу, какъ стану выносить его присутствіе рядомъ съ Анелъгой; по временамъ мнѣ кажется, что совсѣмъ не вынесу этого и рассчитываю только на счастливое стеченіе обстоятельствъ, которыя могутъ задержать его прїѣздъ. Хвастовскій говоритъ, что пани Целинѣ нужно ѣхать въ Гаштейнъ, какъ только ея силы немного поправятся. Это такъ далеко отъ Багу, что Бромницкій, пожалуй, испугается ѣхать. А я поѣду, какъ Богъ святъ, поѣду! Какая счастливая мысль пришла Хвастовскому, счастливая и для меня, и для пани Целины, которой гаштейнскія купанья могутъ возвратитъ здоровье. Я тоже измученъ, я жажду горнаго воздуха и еще болѣе жажду быть вмѣстѣ съ Анелъгой. Завтра ѣду въ Варшаву и телеграфирую въ купальное управленіе, чтобы нашли квартиру для меня и для дамъ. Если все будетъ занято, я готовъ купить цѣлую виллу. Когда пани Целина говорила о хлопотахъ и затрудненіяхъ, которыя должны обрушиться на Анелъгу, я сказалъ: «Положитесь на меня»,—потомъ обратился къ Анелъгѣ и прибавилъ тихо: «Я устрою все, какъ для своей матери». Я видѣлъ, что пани Целина, которая начинаетъ все меньше и меньше вѣрить въ милліоны Бромницкаго, опасается, что я поведу дѣло на широкую ногу, и рѣшилъ показать имъ фигтивный контрактъ, а главную часть издержекъ взять на себя. Понятно, до сихъ поръ я не говорилъ дамамъ, что собираюсь вмѣстѣ съ ними ѣхать въ Гаштейнъ. Я поведу это дѣло такъ искусно, что тетушка сама предложитъ мнѣ это, причемъ въ ея головѣ не возникнетъ и тѣни подозрѣнія. Я почти убѣжденъ, что когда буду совѣтоваться съ ней относительно моего лѣтняго мѣстопробыванія, она скажетъ мнѣ: «Поѣзжай съ Целиной и Анелъгой; и тебѣ, и имъ будетъ веселѣе». Знаю, что это испугаетъ Анелъгу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обрадуетъ. Можетъ быть, ей придетъ въ голову стихъ изъ Кордіана: «Ты вездѣ, надо мной, вокругъ меня и во мнѣ!» Дѣйствительно, моя любовь опоясала ее заклатымъ кругомъ; она окружаетъ ее, вѣчно напоминаетъ о себѣ, вкрадывается въ ея сердце подъ видомъ братской заботливости о ней, о ея матери, подъ видомъ услугъ, отвергнуть которыя она не

можетъ безъ того, чтобы не открыть глаза матери и тѣмъ самымъ еще болѣе ухудшить ея положеніе.

Съ утра до вечера Анелька слышитъ похвалы мнѣ; тетка, какъ и всегда, ослѣплена мною; молодой Хвостовскій, желая во всемъ блескѣ показать безпристрастіе, на которое способны люди его лагера, утверждаетъ, что я составляю исключеніе изъ своей «гнилой» сферы; я покорила себѣ даже пани Целину. Я выказываю столько сердца въ обращеніи съ ней, что она теперь любитъ меня,—невольно, можетъ быть, но любить и въ глубинѣ сердца жалѣетъ, что я не сдѣлался мужемъ Анельки. Все, окружающее Анельку, и люди, и природа, немолчно говорятъ ей о любви.

А ты, любовь моя, въ состояніи ли ты противустоять этимъ силамъ? Когда же ты придешь ко мнѣ и скажешь: «Я не могу больше, —возьми меня, потому что я люблю тебя!»

Варшава, 31 мая.

Пани Ловицкая, одна изъ здѣшнихъ филантропокъ, просила Клару дать концертъ въ пользу ея учрежденія. Клара отказала, подѣ предлогомъ, что занимается теперь большимъ музыкальнымъ сочиненіемъ, требующимъ полнаго сосредоточенія. Однако, къ письму, представляющему образецъ вѣжливаго отказа, была приложена сумма, равная сбору съ ея перваго концерта. Легко понять, какое впечатлѣніе произвело это въ Варшавѣ. Газеты взапуски начали до небесъ превозносить артистку и ея великодушіе. Естественно, въ репортерскихъ замѣткахъ состояніе отца Клары (онъ, дѣйствительно, человекъ очень богатый) выросло втрое. Не знаю, откуда въ обществѣ пошли слухи, что Клара выходитъ за меня замужъ. Можетъ быть, поводъ къ этому подала наша старинная дружба и утроенные милліоны. Я сначала немного разозлился, но, подумавъ, рѣшилъ не противорѣчить сплетнямъ: онѣ ставили мои отношенія къ Анелькѣ за границу всякихъ подозрѣній.

Когда я былъ лѣтомъ на утреннемъ приѣмѣ у Клары, пани Корецкая первая приблизилась ко мнѣ съ весьма ядовитой миной и, въ присутствіи нѣсколькихъ человекъ изъ музыкальнаго міра и нашего high life, сказала, не понижая голоса:

— Кузень, кто это въ мифологіи не могъ устоять противъ пѣнія сирены?

— Никто не устоялъ, кузина, —отвѣтилъ я, —кромя Одиссея, да и тотъ устоялъ только потому, что приказалъ себя привязать къ мачтѣ.

— А вы были менѣе предусмотрительны?

Присутствующіе прикусали губы и ожидали моего отвѣта.

— Иногда и это не помогает, — сказалъ я. — Вы лучше всёхъ знаете, что любовь разрываетъ всё связи.

Пани Борецкая смѣшалась, несмотря на всю свою самоувѣренность, а я одержалъ одну изъ тѣхъ небольшихъ побѣдъ, рассказъ о которыхъ въ салонахъ всегда сопровождается прибавкою' послловицы: «нашла коса на камень».

Говорятъ ли люди, нѣтъ ли, что я женюсь на Бларѣ, — мнѣ все равно, а въ силу уже извѣстныхъ соображеній я даже предпочитаю, чтобъ говорили. Не ожидалъ я только одного, что мой визитъ къ Бларѣ кончится такъ неприятно. Когда всё разошлись и остались только мы съ Снятыньскимъ, Блара начала намъ играть свой только что оконченный концертъ. Музыка была великоблпная, мы не находили достаточныхъ похвалъ и только попросили повторить послѣднюю часть. Блара повторила и вдругъ обратилась къ намъ:

— Это прощанье, потому что все на свѣтѣ кончается прощаньемъ.

— Не хотите ли вы сказать этимъ, что думаете покинуть насъ? — спросилъ Снятыньскій.

— Не дальше, какъ черезъ десять дней, я должна быть во Франкфуртѣ, — отвѣтила Блара.

Тутъ Снятыньскій повернулъ голову въ мою сторону.

— Что ты скажешь на это, ты, который въ Плошовѣ обольщалъ насъ надеждой, что м-лле Гильсть навсегда останется съ нами?

— Я и еще разъ повторю, что воспоминаніе о м-лле Гильсть не покинетъ насъ никогда.

— Я и сама такъ поняла, — съ наивною грустью отвѣтила Блара.

Меня разбирала злость на самого себя, на Снятыньскаго, на Блару. Я не столь пустъ, не столь глупъ, чтобы меня болѣе всего радовала каждая побѣда, мысль же о томъ, что Блара въ дѣйствительности можетъ любить меня и питать неосуществимыя надежды, наполнила мое сердце горечью. Я зналъ, что она питаетъ ко мнѣ какое-то неопредѣленное чувство, которое при извѣстныхъ условіяхъ могло бы очень сильно развиться, но не думалъ, чтобы это чувство смѣло чего-то желать и на что-то надѣяться. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что вся исторія объ отъѣздѣ — ничто иное, какъ пробный шаръ, и я принялъ ее какъ возможно болѣе равнодушно. Любовь, такая, какъ моя любовь къ Анельгѣ, должна научить человѣка состраданію, но теперь грусть Блары и ея предполагаемый отъѣздъ не только не взволновали меня, но показались мнѣ обиднымъ и нахальнымъ насиліемъ.

Почему? Вовсе не изъ родовыхъ предрасудковъ. Я далеку отъ возрѣній подобнаго рода. Сначала я самъ не могъ отдать себѣ отчета въ этою дѣлѣ, но теперь объясняю это странное явленіе моею привязанностью къ Анелькѣ, — привязанностью глубокой и бессознательной. Миѣ кажется, что всякая женщина, желающая заставить мое сердце хоть минуту биться сильнѣе, тѣмъ самымъ посягаетъ на собственность Анельки. Подобное объясненіе удовлетворяетъ меня. Безъ сомнѣнія, я дружески прощусь съ Бларой, когда она будетъ сидѣть въ вагонѣ, но это преждевременное извѣщеніе объ отъѣздѣ пришлось миѣ не по вкусу. Ахъ, только одной Анелькѣ безнаказанно дозволяется терзать мои нервы! Никогда я не глядѣлъ на Блару такъ недружелюбно и такъ критически, какъ въ эту минуту. Въ первый разъ я замѣтилъ, что ея массивная фигура, румянецъ ея щекъ, голубые, черезъ-чуръ выпуклые глаза и губы цвѣта вишни, — однимъ словомъ, вся ея красота напоминаетъ безвкусную картину, изображающую гаремную гурію или, что еще хуже, олеографію гостиниой второразряднаго отеля. Я вышелъ отъ нея въ сквернѣйшемъ расположеніи духа и отправился прямо въ книжный магазинъ выбирать книги для Анельки.

Вотъ уже съ недѣлю я думаю, что бы дать ей читать. Миѣ не хотѣлось пренебрегать этимъ средствомъ, хотя, по правдѣ сказать, я не возлагалъ на него большихъ надеждъ, такъ какъ оно дѣйствуетъ очень медленно. Я замѣтилъ, что для нашихъ женщинъ, у которыхъ много фантазіи и мало темперамента, книжка всегда остается чѣмъ-то лежащимъ внѣ дѣйствительности. Ни одной изъ нихъ и въ голову не придетъ, чтобы понятія, почерпнутыя изъ книги, могли быть приложимы къ ея личной жизни. Я увѣренъ, что если бы какой-нибудь великій и славный писатель усиливался доказать Анелькѣ, что, напримѣръ, чистота души и мысли въ женщинѣ не только излишество, но съ точки зрѣнія морали — просто грѣхъ, и если бы какимъ-нибудь чудомъ доказалъ это, Анелькѣ казалось бы, что это правило можетъ относиться ко всему свѣту, за исключеніемъ ея особы.

Самое большее, на что я могу рассчитывать, такъ это на то, что книжки освоятъ Анельку съ большимъ либерализмомъ мысли и чувства. Собственно говоря, больше я ничего и не желаю. Я ее люблю всею душой, желаю, чтобы она раздѣляла мое чувство, ищу для этого средства и не оставляю безъ вниманія ничего, — вотъ и все. Я не обманываю себя никогда и говорю открыто: я желаю довести Анельку до того, чтобы она пожертвовала миѣ своимъ мужемъ, но не хочу ее ни испортить, ни развратить. Пусть

мнѣ никто не говоритъ, что одно исключаетъ другое, и что это софизмъ; во мнѣ и такъ сидитъ скептическій дьяволъ, который надѣдаетъ мнѣ и шепчетъ въ ухо каждую минуту: «Ты составляешь теорію для себя; путь вѣроломства, вмѣстѣ съ тѣмъ, путь къ нравственной порчѣ; если бы тебѣ было выгодно, ты составилъ бы другую теорію». Вотъ въ чемъ муза! Но я отвѣчаю такъ: «Въ теоріяхъ противоположныхъ я могъ бы точно также усомниться; я обдумываю то, что можетъ стать въ защиту моей любви, — это мое естественное право. Другое, еще болѣе великое естественное право — любовь. Бываютъ чувства плоскія, дюжинныя, но бываютъ высокія и недоступныя толпѣ. Женщина, которая повинуется голосу великаго чувства, не утрачиваетъ благородства души, хотя бы была замужемъ. Такую-то великую, исключительную любовь я хочу пробудить въ сердцѣ Анельки и поэтому могу сказать, что не хочу ее ни развращать, ни портить».

Наконецъ, это саморазсматриваніе не приводитъ ни къ чему. Даже еслибъ у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что я дѣлаю дурно, еслибъ я не могъ дать ни одного побѣдоноснаго отвѣта моему бѣсенку, я и тогда не пересталъ бы любить и пошелъ бы за влекущею меня силой, то-есть продолжалъ бы поступать такъ, какъ приказывало бы мнѣ живое чувство, а не отрывочныя разсужденія. Истинное несчастье людей съ аналитическимъ устройствомъ ума составляетъ то, что, не вѣря въ результаты анализа, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуютъ вѣчную потребность изслѣдовать каждое свое душевное движеніе. Такъ же и со мной. Съ нѣкотораго времени меня мучитъ вопросъ, какимъ образомъ творится то, что я, весь поглощенный чувствомъ, могу быть вѣчно на-сторожѣ, такъ обдумываю каждый шагъ, приближающій меня къ цѣли, такъ отдаю себѣ отчетъ во всѣхъ мелочахъ, какъ будто все это дѣлаетъ за меня кто-то другой?

Вотъ что я могу отвѣтить на это. Прежде всего, современный человѣкъ всегда отдѣляетъ извѣстную часть своей души для наблюденія за оставшеюся частью. Кромѣ того, вся эта дѣятельность чувства, полная расчетовъ, соображеній, различныхъ тонкостей, холодная на видъ, стоитъ въ прямой зависимости отъ температуры этого чувства. Чѣмъ оно горячѣе, тѣмъ къ болѣе трудной работѣ понуждается холодный разумъ. Повторяю еще разъ, что любовь неправильно представляютъ съ завязанными глазами. Она не подавляетъ разума, какъ не подавляетъ біенія сердца или дыханія, — она только побѣждаетъ его. Разумъ въ это время становится ея первымъ совѣтникомъ и орудіемъ завоеванія; иначе говоря, онъ ста-

новится Агриппой цезаря Августа. Онъ держитъ всѣ силы на-готовѣ, онъ предводительствуетъ войсками, онъ одерживаетъ побѣды, онъ усаживаетъ своего владыку на триумфальную колесницу, онъ воздвигаетъ, наконецъ, не Пантеонъ, какъ историческій Агриппа, а Монотеонъ, въ которомъ на колѣнахъ служить единственному божеству цезаря. Въ микрокосмѣ, который называется человѣкомъ, роль разума даже больше роли главнокомандующаго, — онъ до безконечности отражаетъ сознание всего окружающаго и самого себя, какъ система соотвѣтственно расположенныхъ зеркалъ до безконечности отражаетъ данный предметъ.

1 іюня.

Вчера получилъ письмо изъ Гаштейна. Квартира для пани Целины и Анельки нанята. Я послалъ имъ это извѣстіе вмѣстѣ съ пачкой романовъ Жоржъ Занда и Бальзака. Сегодня воскресенье, первый день скачекъ. Тетушка пріѣхала изъ Плохова и остановилась у меня. Она всецѣло занята скачками. Но наши лошади, Naughty-boy и Аврора (онъ уже два дня пребываютъ въ моей конюшнѣ, вмѣстѣ съ Смитомъ и жокеемъ Джэкомъ Гусъ), скачутъ только въ слѣдующій четвергъ, значить, сегодняшній день интересуетъ тетущку только платонически. За то трудно описать, чтó у насъ дѣлается. Конюшни мои обратились въ крѣпости. Тетущкѣ кажется, что жокеи другихъ коннозаводчиковъ дрожать при одной мысли о Naughty-boy и готовы на всѣ средства, чтобы сдѣлать его неспособнымъ къ скачкѣ. Вслѣдствіе этого, въ каждомъ разношикѣ апельсинѣ, въ каждомъ шарманшикѣ она видитъ передѣлаго непріятеля, проградывающагося на нашъ дворъ съ злыми намѣреніями. Швейцаръ у воротъ и сторожъ получили строжайшія предписанія осматривать всякаго входящаго. Въ конюшнѣ стража еще бдительнѣе. Тренеръ Смитъ, какъ настоящій англичанинъ, сохраняетъ хладнокровіе, но несчастный Джэкъ Гусъ (онъ родомъ изъ Буржанъ, а его имя буквальный переводъ съ польскаго — Буба Гонсёръ) совершенно теряетъ голову, такъ какъ тетущка неустанно ругаетъ и его, и еще двоихъ конюховъ, выписанныхъ тоже изъ Буржанъ для надзора за лошадьми. Она сообщила мнѣ добрую новость: пани Целина, кажется, теперь немного поправилась и рѣшила, что Анелька непременно должна быть на четверговыхъ скачкахъ. Пани Целина, конечно, догадалась, что тетущкѣ это доставитъ большое удовольствіе, наконецъ, можетъ же она прожить въ Плоховѣ одинъ день подъ присмотромъ горничныхъ и доктора. Анелькѣ же, которая сидитъ какъ заключенная въ тюрьму, необходимо хоть какое-нибудь развлеченіе. Для меня это — великая

радость. Одна мысль, что Анелька будетъ подь мою кровлей, наполняетъ меня радостью. Въ этомъ домѣ я началъ любить ее, да, можетъ быть, и ее сердце въ первый разъ сильнѣе забилося здѣсь же, послѣ бала, который тетушка давала для нея. Все здѣсь будетъ напоминать ей эту минуточку.

2 июня.

Хорошо, что я не приказалъ еще передѣлывать залы для музея. Мнѣ пришло въ голову попросить нѣсколькихъ хорошихъ знакомыхъ Анельки на обѣдъ послѣ скачекъ. Такимъ образомъ я задержу ее на два лишнихъ часа и, кромѣ того, она пойметъ, что этотъ обѣдъ дѣлается въ честь ея.

3 июня.

Накупилъ море цвѣтовъ и приказалъ убрать ими всю лѣстницу и двѣ залы. Комната Анельки осталась совершенно въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Я рассчитываю, что дамы прїѣдутъ утромъ и что Анелька захочетъ переодѣться передъ скачками, поэтому я приказалъ поставить въ ея бывшую комнату большое зеркало и все, что нужно для дамскаго туалета. Анелька повсюду увидитъ слѣды моей заботливости, памяти и любви. Только теперь я замѣчаю, что мнѣ легче, когда я чѣмъ-нибудь занимаюсь, когда внѣшняя дѣятельность вырываетъ меня изъ заклятаго круга рефлексій и самонаблюденія. Я думаю, что вбиваніе гвоздей въ стѣну для картинъ будущаго музея гораздо лучше вѣчнаго обвиванія одной мысли вокругъ другой.

4 июня.

Сегодня пригласилъ Снятынскихъ и еще нѣсколькихъ членовъ. Снятынскій, точно угадывая мое желаніе, распустилъ на всѣ четыре стороны вѣсть, что я намѣреваюсь перевести отцовскія коллекціи въ Варшаву и устроить открытый для публики музей. Я сдѣлался героемъ дня. Всѣ газеты распространяются объ этомъ, читая, при удобномъ случаѣ, лекціи богатымъ людямъ, «которые тратятъ время и деньги за-границей» etc. Я такъ знаю ихъ стиль и манеру писанія, что заранѣе могу рассказать все, начиная отъ содержанія статьи и кончая отдѣльными фразами, вроде *poblesse oblige* и т. п. Но все это мнѣ на руку. Я набралъ цѣлую пачку газетъ, чтобы показать ихъ тетушкѣ и Анелькѣ.

5 июня.

Скачки назначены днемъ раньше, благодаря завтрашнему празднику. Анелька и тетка прїѣхали сегодня въ сопровожденіи горничной и цѣлой горы чемодановъ съ туалетами. Первый взглядъ на Анельку взволновалъ и испугалъ меня. Щеки ея поблѣднѣли, она

очень похудѣла, утратила свой прежній теплый колоритъ; въ ней было что-то мглистое, что мнѣ напоминало фигуры Цюви де-Шаванна. Ея мать и тетка не замѣчаютъ этого, но для меня, не бывшаго нѣсколько дней въ Плошовѣ, разница очень замѣтна. Мною овладѣваютъ сокрушеніе и жалость. Очевидно, что главная причина этого заключается въ ея внутренней борьбѣ. Еслибъ она хотѣла покончить съ этою борьбой, еслибъ пошла за голосомъ сердца,—а сердце ея принадлежитъ мнѣ, сто разъ принадлежитъ мнѣ и ходатайствуетъ за меня,—то безпокойство ея прекратилось бы и началось бы счастье.

Я все глубже и глубже погружаюсь въ мои живые пески. Мнѣ кажется, что я знаю каждую мелочь, каждую черту лица Анельки и представляю ее во время разлуки такою же, какъ еслибъ она стояла передо мною, и, все-таки, при каждомъ новомъ свиданіи, отрываю въ ней новую прелесть. Я не съумѣю даже сказать, до какой степени она удовлетворяетъ всѣ мои эстетическія требованія, какъ я глубоко чувствую, что эта женщина—моего рода. Это чувство даетъ мнѣ полумистическую увѣренность, что природа предназначила ее для меня. И теперь, когда, услыхавъ шумъ колесъ, я сбѣжалъ внизъ встрѣтить гостей, то снова испыталъ то же, что и прежде, снова дѣйствительность показала мнѣ совершеннѣе образа, который я носилъ въ своей душѣ.

На Анелькѣ былъ легкій плащъ изъ небѣленаго шелка; шляпку ея окружалъ длинный сѣрый вуаль, завязанный à l'anglaise подъ подбородкомъ, а изъ этой сѣрой рамки улыбалось мнѣ ея прелестное, дорогое личико, болѣе похожее на лицо дѣвочки, чѣмъ замужней женщины. Она поздоровалась со мной необычайно ласково и сердечно; очевидно, ранняя поѣздка и предстоящее удовольствіе привели ее въ хорошее расположеніе духа. Меня все это наполнило радостью, я подумалъ, что и ей пріятно видѣть меня, и Плошовѣ безъ меня кажется ей пустымъ и скучнымъ. Какъ гостепріимный хозяинъ, я подаль одну руку теткѣ, другую Анелькѣ и повелъ ихъ кверху. При видѣ богато убранной лѣстницы Анелька сильно удивилась.

— Это мой сюрпризъ,—сказалъ я.

Тутъ я прижалъ къ себѣ ея руку, но такъ легко, что это движеніе можно было объяснить простою случайностью, а потомъ обратился къ теткѣ:

— Я даю праздникъ въ честь побѣды Плошовскихъ.

Тетушка разстрогалась. Ахъ, еслибъ она знала, какъ мало интересуется меня въ эту минуту Naughty-boy и всѣ побѣды, какія

лошади Плошовскихъ могутъ одержать на ристалищахъ всей Европы! За то Анелька отлично поняла мои намѣренія, но она находилась въ такомъ настроеніи духа, что лишь скользнула по мнѣ взоромъ и слегка закусила губы, чтобъ не улыбнуться.

Я чуть не потерялъ голову. Мнѣ казалось, что я вижу въ Анелькѣ оттѣнокъ какого-то веселаго кокетства, чего раньше не было видно. Не можетъ быть, — подумалъ я, — чтобъ въ ней совсѣмъ не было сомнѣнія, чтобы ей не нравилось видѣть, что я все дѣлаю только для нея одной.

Въ это время тетушка сняла пальто и пошла посмотрѣть на Naughty-boy и Аврору, а я подавъ Анелькѣ списокъ приглашенныхъ на обѣдъ и сказалъ:

— Я старался выбрать только твоихъ хорошихъ знакомыхъ, но если ты хочешь видѣть еще кого-нибудь, я сейчасъ же пошлю приглашеніе или самъ поѣду.

— Покажи тетѣ, — сказала Анелька, — пусть тетя выбираетъ.

— Нѣтъ. Тетя будетъ сидѣть на первомъ мѣстѣ; мы будемъ подходить къ ней съ поздравленіемъ или съ изъявленіемъ сожалѣнія, — роль хозяйки въ этомъ домѣ я передаю тебѣ.

Анелька слегка покраснѣла и, желая обратить вниманіе въ другую сторону, спросила:

— Скажи, Леонъ, Naughty-boy дѣйствительно выиграетъ? Тетушка такъ разсчитываетъ на это и такъ этимъ интересуется!

— Я уже выигралъ; у меня въ домѣ такой дорогой гость.

— Ты все шутишь, а я серьезно опасаясь.

— Тетушка, видишь ли ты, — сказалъ я серьезно, — даже въ случаѣ неудачи будетъ имѣть великое утѣшеніе. Мои коллекціи черезъ двѣ, три недѣли будутъ уже въ Варшавѣ, — а объ этомъ она мечтала всегда. Она и отца сильно уговаривала въ этомъ смыслѣ. Уже всѣ газеты пишутъ объ этомъ, — и что за похвалы мнѣ приходится читать, и сказать трудно.

Ея милое личико прояснилось въ одну минуту.

— Покажи, прочти! — сказала она.

Мнѣ страстно захотѣлось прильнуть губами къ ея рукамъ за эту радость. Для меня это было новымъ доказательствомъ. Еслибъ она была совершенно равнодушна ко мнѣ, то похвалы, расточаемыя мнѣ, конечно, не радовали бы ее.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — мы прочтемъ, когда вернется тетушка, или, лучше, попросимъ, чтобы она сама прочтала, а на это время я спрячусь за тебя. Я чувствую, что въ это время у

меня будетъ ужасно глупое лицо, а мнѣ ни за что не хотѣлось бы, чтобы ты видѣла меня въ такомъ положеніи.

— Почему у тебя должно быть глупое лицо?

— Потому что это не моя заслуга, а твоя. Всѣ похвалы принадлежать тебѣ. Чтѣ бы я далъ за возможность сказать господамъ журналистамъ: «если вы считаете это такимъ важнымъ дѣломъ, то отправляйтесь въ Плошовъ и тамъ поклонитесь у прекрасныхъ ножекъ»...

— Леонъ! Леонъ!—перебила Анелька.

— Тише! еще немного, я самъ сдѣлаю то же самое и не встану до тѣхъ поръ, пока ты не признаешь, что это твое вліяніе сдѣлало все.

Анелька сама не знала, что мнѣ отвѣтить. Слова мои были, дѣйствительно, словами безъ памяти влюбленнаго человѣка, но свободный, шутливый тонъ лишалъ ее всякой возможности отнестись къ нимъ трагически.

Я былъ радъ, что нашелъ новый способъ, при помощи котораго можно было наговорить много, много высказать признаній. Но мнѣ не хотѣлось пересаливать и я началъ говорить объ измѣненіяхъ, которыя я хочу произвести въ домѣ.

— Весь этажъ я опредѣляю на помѣщеніе музея,—сказалъ я,—за исключеніемъ комнаты, въ которой ты жила прошлую зиму. Комната эта останется такою же, какъ была. Я только позволилъ себѣ немного убрать ее сегодня по случаю твоего пріѣзда.

И я повелъ ее къ дверямъ. Анелька остановилась у порога и не могла воздержаться отъ восклицанія:

— Ахъ, какіе цвѣты!

— Ты сама прелестнѣйшій цвѣтокъ на свѣтѣ,—тихо сказалъ я, и серьезно прибавилъ:—Ты повѣришь мнѣ, Анелька, если я тебѣ скажу, что хотѣлъ бы умереть въ этой комнатѣ.

Охъ, сколько было искренности въ томъ, что я сказалъ! Лицо Анельки поблѣднѣло, радость ея угасла. Я видѣлъ, что слова мои взволновали ее, какъ волнуешь всякій неподдѣльный вопль сердца. Въ одно мгновеніе ея голова, руки и грудь вздрогнули, какъ будто бы какая-нибудь сила вдругъ толкнула ее ко мнѣ. Но на этотъ разъ она пересилила себя. Съ минуту стояла она передо мною съ полузакрытыми глазами, наконецъ, сказала съ какою-то грустною важностью:

— Позволь мнѣ быть съ тобой свободною. Не огорчай меня.

— Хорошо, Анелька,—сказалъ я,—договоръ совершенъ. Вотъ моя рука.

И я протянулъ къ ней руку. Анелька схватила ее такъ крѣпко,

какъ будто бы хотѣла сказать этимъ все, что не могли выговорить ея уста. Это пожатіе наградило меня въ тысячу разъ больше, чѣмъ какія-нибудь слова, и обрадовало такъ, что я едва устоялъ на ногахъ. Въ первый разъ послѣ моего возвращенія я почувствовалъ ясно, что все существо Анельки, ея душа и тѣло находятся въ моемъ полномъ обладаніи. Передо мною открылся новый, неизвѣстный міръ. Съ этой минуты я убѣжденъ, что сопротивленіе ея—вопросъ не долгаго времени и моей рѣшимости.

Тетушка вернулась изъ конюшни въ розовомъ расположеніи духа; на драгоценное здоровье Naughty-boy не было сдѣлано ни малѣйшаго покушенія. Тренеръ Смитъ на всѣ вопросы тетки находилъ только одинъ отвѣтъ: «All right»,—Джэкъ Гусъ преисполненъ надеждъ. Мы подошли къ окнамъ посмотрѣть, какъ будущаго побѣдителя выведутъ изъ конюшни; приближалась минута, когда онъ долженъ отправляться на Мокотовское поле и топтаться на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи своей очереди. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мы увидали, какъ два конюха вывели его на дворъ, но глаза наши не могли насладиться красотой его формъ, потому что онъ весь былъ зашитъ въ попону. Только черезъ прорѣзанныя отверстія видны были его большіе, ласковые глаза, да изъ-подъ низу выказывались мускулистыя ноги, точно выкованныя изъ стали. За Naughty-boy шествовалъ Смитъ, а за нимъ шелъ доморощенный маленькій англичанинъ, Джэкъ Гусъ, въ новомъ сюртукѣ поверхъ жюкейской куртки. Я крикнулъ ему въ открытое окно:

— Не дай себя въ обиду, Буба!

Онъ снялъ шапку и, весело махнувъ ею въ сторону Naughty-boy, отвѣтилъ чистѣйшимъ, не лондонскимъ, а буржанскимъ акцентомъ:

— Не бойтесь, ваше сіятельство, только задъ его увидите!

Завтракъ прошелъ на-скоро, но тетушка нашла время, чтобы за чашкой кофе прочитать, что говорятъ газеты о перенесеніи лекцій моего отца въ Варшаву. Странное дѣло, какъ впечатлительны женщины ко всякой печатной похвалѣ близкимъ имъ мужчинамъ. Тетушка даже разцвѣла отъ радости и была просто неподражаема, когда посматривала сверху своихъ очковъ на меня съ уваженіемъ, на Анельку со вниманіемъ и отъ времени до времени произносила безапелляціоннымъ тономъ:

— Ничего не преувеличили! Онъ всегда былъ такимъ!

Я благодарилъ Бога, что за нашимъ обѣдомъ не было какого-нибудь мужчины; въ противномъ случаѣ у меня непремѣнно было бы очень глупое лицо.

Пришла пора дамамъ приступить къ своимъ туалетамъ. Уходя, тетушка состроила самую равнодушную мину и сказала:

— Нужно спѣшить, а то я общалась маленькой Завиловской взять ее на скачки. Она должна была ѣхать съ отцомъ, но у него вотъ уже два дня подагра.

Она вышла изъ комнаты. Мы съ Анельбой переглянулись; кончики ея губъ сложились въ хитрую усмѣшку, а я сказалъ:

— Анелька, новое сватовство!

Анельба приложила палецъ къ губамъ, чтобъ я не говорилъ громко, и исчезла въ своей комнатѣ, но черезъ минуту ея голова снова показалась изъ-за двери.

— Я вспомнила, что ты не пригласилъ m-ле Гильсть, — сказала она.

— Да, не пригласилъ.

— Отчего?

— Я ее люблю только издаലെа.

— Нѣтъ, серьезно: отчего ты ее не пригласилъ?

— Если хочешь, я сейчасъ сдѣлаю это.

— Какъ тебѣ угодно,—и она скрылась за дверью.

Мнѣ было угодно не приглашать m-ле Гильсть.

Черезъ часъ мы отправились въ Бельведерскую аллею. На Анелькѣ было свѣтлое платье, отдѣланное кружевами. Я такъ научился говорить ей все глазами, что она легко могла прочесть въ нихъ мой восторгъ; я узналъ это по ея лицу—и радостному, и смущенному, въ одно и то же время. По дорогѣ мы остановились у виллы Завиловскихъ. Я едва успѣлъ позвонить, какъ двери открылись и панна Елена, одѣтая въ сѣровато-серебристое платье, прошла или, вѣрнѣе сказать, протекла мимо меня во всемъ своемъ величии, едва кивнувъ мнѣ головою. Это скорѣе безобразная, чѣмъ красивая блондинка, съ холодными блѣдно-голубыми глазами, съ лицомъ безъ улыбки, съ необыкновенно церемоніальными манерами. Она считается за образецъ благовоспитанности, съ чѣмъ я охотно согласился бы, еслибъ благовоспитанность значила то же самое, что неподвижность. Обращается она со мною очень сухо и холодно, такъ сухо, что я не могу не заподозрить ея въ неискренности. Это—метода своего рода, рассчитанная на возбужденіе моего самолюбія, и рассчитанная крайне глупо, потому что она только злитъ меня, и, благодаря ей, я занимаюсь панной Завиловской настолько, насколько этого требуетъ вѣжливость.

Сегодня, однако, я долженъ былъ заниматься ею немного болѣе,—она должна была играть роль предохранительнаго клапана,

то-есть отвлекать вниманіе людей, которые могли бы составить Богъ знаетъ какія предположенія при видѣ меня и Анельки.

Мы двигались дальше, но медленно, потому что день стоялъ погожій и народу на скачки тянулось видимо-невидимо. Передъ собой и за собой я видѣлъ море зонтиковъ, что представляло очень красивую картину: цвѣтная матерія ярко свѣтилась на солнцѣ, а подъ тѣнью виднѣлись сотни красивыхъ женскихъ лицъ. Да, красивыхъ лицъ было не мало, но имъ недоставало темперамента; я не видалъ его даже и у тѣхъ дамъ изъ финансоваго міра, которыя притворяются, что обладаютъ какимъ-нибудь темпераментомъ. Открытые экипажи, оригинальныя запряжки, свѣтлыя платья, рѣзко отдѣляющіяся отъ темно-зеленаго фона деревьевъ, наконецъ, скопление массы щегольски одѣтыхъ людей и щегольскихъ лошадей придавали всей процессіи видъ, не лишенный живописности. Радовало меня и то, что все это движеніе и сутолога занимали Анельку и доставляли ей не малое удовольствіе. Отвѣчая на мои слова, она отъ времени до времени посматривала на меня съ благодарностью, какъ будто бы все это было дѣломъ моихъ рукъ. Сидя напротивъ, я могъ свободно глядѣть на нее, но чаще обращался къ паннѣ Завиловской, отъ которой вѣяло холодомъ, какъ отъ графина съ замороженною водою. Она положительно начала меня забавлять своею манерой отвѣчать на мои вопросы. Базалось, что если она и снисходитъ до этого, то только въ силу требованій общественныхъ приличій. Наконецъ, мы доѣхали до Мокотовскаго поля. Для тетушкиной коляски было оставлено обычное мѣсто у трибуны, и едва мы остановились, какъ насъ осадила цѣлая толпа знакомыхъ, расхваливающихъ на всѣ лады *Naughty-boy*. Одинъ изъ опытныхъ заводчиковъ сказалъ тетушкѣ, что лошадь наша великолѣпна, мало тренирована, можетъ быть, но это не бѣда: ночью шелъ дождь, арена влажная, и такая сильная лошадь, какъ *Naughty-boy*, оставитъ за собой всѣхъ своихъ соперниковъ. Миѣ казалось, что въ его голосѣ звучитъ иронія, и я началъ беспокоиться: поражение *Naughty-boy* отравило бы тетушкѣ весь ея сегодняшний день, а черезъ нее и мой, конечно. Какое ужъ тутъ веселье, когда тетушка будетъ сидѣть съ мрачнымъ лицомъ! Я пошелъ вдоль экипажей, отыскивая знакомыхъ. Народу было много, трибуны казались одною темною массой, кое-гдѣ разцвѣченною свѣтлыми пятнами женскихъ платьевъ. Арена вокругъ была опоясана широкимъ кольцомъ зрителей. По обѣ стороны трибунъ, какъ два безконечныхъ крыла, тянулись ряды экипажей, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, напоминалъ корзину съ цвѣтами.

Вонъ видѣется плутовской носикъ и розовое лицо пани Снятынской. Когда я приблизился къ ней, она тотчасъ же сообщила, что мужъ ея отправился отыскивать m-lle Гильсть, а потомъ однимъ духомъ задала мнѣ слѣдующіе вопросы: какъ поживаетъ тетка и пани Целина? пріѣхала ли Анелька на скачки? какимъ образомъ составитъ поѣздка въ Гаштейнъ, если пани Целина не можетъ вставать? выиграетъ ли Naughty-boy? что будетъ, если онъ проиграетъ? сколько народу будетъ у насъ на обѣдѣ? Слушая ее, я замѣтилъ, что у нея очень добрые глаза и чудеснѣйшая ножка, но для того, чтобы отвѣтить на заданные мнѣ гуртомъ вопросы, я долженъ былъ бы обладать, какъ говорить шекспировская Розалина, по крайней мѣрѣ, устами Гаргантюа. Отвѣтивъ черезъ пятое на десятое, я повторилъ свое приглашеніе и, по слѣдамъ Снятынскаго, пошелъ отыскивать Клару, потому что счелъ необходимымъ приблизиться къ ея коляскѣ. Оказалось, что она стоитъ недалеко отъ коляски тетушки. Издали Клара казалась пригоркомъ, покрытымъ фіалками. Я нашелъ ее весело разговаривающею съ цѣлою толпой артистовъ и меломановъ. При видѣ меня она слегка нахмурилась и приняла меня съ нѣкоторою холодностью, но, однако, съ такою, которая ждетъ только теплаго слова, чтобы перейти въ самое дружелюбное отношеніе. Тѣмъ не менѣе, и я оставался холоднымъ и, послѣ короткой бесѣды, возвратился къ своему экипажу, потому что два первыя состязанія кончились и теперь наступала очередь Naughty-boy.

Посмотрѣлъ я на тетку: лицо ея торжественно, но, видимо, она старается сохранить хладнокровіе. За то на лицѣ Анельки явное безпокойство. Ждать пришлось долго, — вышла какая-то неурядица при взвѣшиваніи. Прибѣжалъ Снятынскій, издали размахивающій своими длинными руками и показывающій билеты тотализатора.

— Поставилъ милліонъ на Naughty-boy, — кричалъ онъ. — Если онъ измѣнитъ мнѣ, то я обращу взысканіе на Плошовъ.

— Надѣюсь, — съ достоинствомъ начала тетушка, — что вы...

Она не окончила, потому что въ эту минуту надъ темною толпою народа, топящагося у трибуны, показались яркія жокейскія куртки. Лошадей выводили на арену. Однѣ рвались съ нетерпѣніемъ впередъ, другія шли вольнымъ, спокойнымъ шагомъ. Послѣ безукоризненнаго старта наѣзники прогалоцировали мимо насъ сбитою кучкой, но не особенно быстро, потому что скачка была двойная и силы лошадей нужно было беречь. Но уже на другомъ поворотѣ кучка развернулась цѣпью. Получалось такое впечатлѣніе, будто вѣтеръ развѣялъ пачку цвѣтныхъ платковъ вдоль по дорогѣ.

Впереди шелъ жокей весь въ бѣломъ, за нимъ синій съ красною шанкой и рукавами, за ними два рядомъ — одинъ весь красный, другой красный съ желтымъ. Нашъ палевый Куба занималъ предпоследнее мѣсто, съ голубымъ жокеемъ позади. Однако, этотъ порядокъ продолжался не долго. Когда скачка дошла до противоположнаго столба, въ коляскахъ поднялось движеніе; дамы взобрались на сидѣнья экипажей, чтобъ не упустить ни одного эпизода состязанія; ихъ примѣру послѣдовала и тетушка, и у ней не хватило терпѣнія дальше усидѣть на мѣстѣ.

Панна Завиловская послѣ недолгихъ церемоній заняла мѣсто рядомъ съ тетушкой, а я помѣстилъ Анельгу на переднемъ сидѣннѣи и поддерживалъ ее подъ руку. Признаюсь, въ эту минуту я почти забылъ о скачкѣ и думалъ только о томъ, что эта маленькая, милая ручка поконтся въ моей рукѣ и не пытается вырваться. Плечи тетки до нѣкоторой степени мѣшали мнѣ, но, вставши на пальцы, я окинулъ взглядомъ всю арену. Издали жокеи казались какими-то жуками, бѣгъ медленнымъ, а движенія конскихъ ногъ напоминали правильное и мѣрное движеніе машины. Однако, несмотря на кажущуюся медленность движеній, вся цѣпь быстро мѣняла мѣсто. Порядокъ измѣнился. Впереди шелъ все бѣлый жокей, за нимъ красный, а нашъ Куба занималъ уже третье мѣсто. Прочіе остались далеко и пространство, отдѣляющее ихъ отъ передовиковъ, увеличивалось съ каждою минутой. Очевидно, Naughty-boy была лошадь не изъ плохихъ. На минуту я потерялъ ихъ изъ вида, но вскорѣ они проскакали мимо насъ. Красный почти догонялъ бѣлаго, но Куба еще ближе приблизился къ нимъ обоимъ. Я видѣлъ, что бѣлый долженъ отстать, потому что его лошадь вся обливалась потомъ. Красный представлялъ изъ себя опаснаго противника, но, въ самомъ худшемъ случаѣ, Naughty-boy возьметъ второй призъ и пораженіе не будетъ совершеннымъ. Придавало мнѣ надежды и то, что онъ шелъ съ такою флегмой, такъ спокойно и правильно, какъ будто бы отбывалъ какую-нибудь обыденную работу. Интересъ зрителей возрасталъ съ каждою минутой.

— Naughty-boy проигралъ?—спросила Анельга, видя порядокъ, въ которомъ лошади прошли мимо трибуны.

— Нѣтъ, милая. Они должны сдѣлать еще одинъ кругъ,—сказалъ я, слегка пожимая ея руку.

Еще разъ она не отшатнулась отъ меня. Правда, что все ея вниманіе было поглощено скачкой. Въ минуту, когда лошади вышли съ другой стороны трибуны, Куба былъ уже вторымъ; лошадь бѣлаго жокея утомилась такъ, что даже трое оставшихся позади на-

чали нагонять ее. Для всѣхъ стало яснымъ, что борьба должна происходить между краснымъ и палевымъ. Куба еще приблизилась къ красному, и они, раздѣленные пространствомъ въ нѣсколько аршинъ, проскакали значительную часть арены. Вдругъ шумъ на трибунахъ показалъ намъ, что совершается что-то необыкновенное. Я посмотрѣлъ: Куба положительно догонялъ своего противника. Шумъ на трибунахъ возрасталъ съ каждою минутой. Анелька такъ увлеклась, что теперь сама нервно сжимала мою руку и поминутно спрашивала: «Что тамъ? что тамъ?» Ъздоки были уже по лѣвую сторону поля. Красный снова, при помощи хлыста, выдвинулся немного впередъ, но Naughty-boy почти касался ноздрями его хвоста. Бѣшенымъ галопомъ поравнялись они съ трибуной и на короткое время скрылись изъ нашихъ глазъ. Борьба черезъ нѣсколько секундъ должна была чѣмъ-нибудь разрѣшиться. На трибунахъ воцарилась мертвая тишина, но не надолго. Вскорѣ послышались крики, возгласы, рукоплесканія, народъ хлынулъ къ загородкѣ, отдѣляющей скаковую дорожку. Въ ту же минуту мимо насъ вихремъ промелькнула палевая куртка; на трибунѣ раздался звонокъ, побѣда была на нашей сторонѣ.

Красный жокей отсталъ на нѣсколько лошадей. Я долженъ отдать тетушкѣ справедливость, что она вполне сохранила хладнокровіе, только на лбу ее показалось нѣсколько капель пота. Анелька была взволнована, восхищена до высшей степени и вполне счастлива. Мы поздравили тетушку съ побѣдой, даже нанна Завиловская произнесла нѣсколько французскихъ фразъ, точно ваятыхъ изъ разговоровъ мадамъ Бокель. Вскорѣ нашу коляску окружила толпа знаемыхъ. Триумфъ тетушки былъ полный.

Я также былъ въ восторгѣ отъ пожатія руки Анельки. Напрасно я говорилъ себѣ, что это могло быть бессознательнымъ движеніемъ, мнѣ все приходило въ голову, что чувство женщины, сколько ни подавляй его, всегда проявляется въ минуты возбужденія и самозабвенія, въ минуты исключительныя, выходящія вонъ изъ ряда явленій обыденной жизни. Тогда нервы ослабѣваютъ и потеря равновѣсія дѣлается совершенно понятной. Принимая въ расчетъ подобное состояніе Анельки, я пришелъ къ убѣжденію, что она уже перестаетъ бороться съ охватывающимъ ее чувствомъ, и рѣшилъ поступать рѣшительно.

Въ Плошовѣ мнѣ несомнѣнно представится много удобныхъ случаевъ. Сегодняшній мой обѣдъ и бесѣда будутъ играть роль наркотическаго напитка. Она даже не предполагаетъ, сколько счастья

ждеть насъ, но для этого она должна отдать мнѣ всю свою душу, безъ условій, безъ границъ.

Мы должны были бы возвратиться въ Плошовъ послѣ обѣда, и возвратились бы, еслибъ не помѣшало одно обстоятельство (впрочемъ, тетушка предупредила пани Целину, что, можетъ быть, останется въ Варшавѣ до слѣдующаго дня). Обѣдъ затянулся до десяти часовъ; когда послѣдніе гости уѣзжали со двора, намъ дали знать, что Naughty-boy заболѣлъ. Поднялась ужасная суматоха. Прежде чѣмъ послали за ветеринаромъ, прежде чѣмъ отыскали его, пробила полночь. Тетушка и думать не хотѣла объ отъѣздѣ.

Анелъка хотѣла было ѣхать, но замѣтила, что я воспользуюсь всякимъ случаемъ, чтобы сопровождать ее до Плошова, а она еще боится меня. Тетушка утверждала, что, возвратившись такъ поздно, она взбудоражитъ весь домъ, разбудитъ мать, и, наконецъ, сказала:

— Леонъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я считала его домъ своимъ домомъ, — значить, ты будешь въ гостяхъ у меня. Это то же самое, еслибъ я отдала ему Плошовъ и жила бы тамъ вмѣстѣ съ вами, пока Целина не выздоровѣетъ.

Слова тетки убѣдили Анелъку остаться.

Теперь уже три часа. Свѣтаетъ, но на дворѣ и близъ конюшенъ еще и до сихъ поръ мигаютъ слабые огоньки людей, ухаживающихъ за Naughty-boy. Тетушка на прощанье увѣдомила насъ, что еще на день остается въ Варшавѣ. Мнѣ нужно взять изъ Плошова мои бумаги, поэтому я отправляюсь туда и кстати довожу Анелъку. Мы будемъ наединѣ и я не стану долѣе колебаться. Вся кровь моя приливаетъ къ сердцу: можетъ быть, скоро-скоро я услышу ея признаніе, что она любитъ меня такъ же, какъ и я люблю ее.

На небѣ пасмурно, но становится все свѣтлѣе. Немного часовъ отдѣляетъ меня отъ минуты, когда начнется новая жизнь. Конечно, я не сплю и не могъ бы заснуть ни за что на свѣтѣ. Я не чувствую ни малѣйшаго утомленія, — сижу и размышляю. Въ рукѣ я чувствую еще теплоту ея руки. Я воспиталъ эту душу, развилъ ее и подготовилъ къ любви; я точно вождь, который все предвидѣлъ, обдумалъ, расчелъ и который теперь бодрствуетъ наканунѣ рѣшительнаго дня.

Анелъка за то спитъ тамъ, на другой сторонѣ дома, и я увѣренъ, что даже и сонъ ея работаетъ въ мою пользу, быть можетъ, она видитъ меня и протягиваетъ мнѣ руки.

Въ томъ морѣ зла, глуостей, сомнѣній и неувѣренности, которое зовется существованіемъ, одна вещь стоитъ жизни, — несомнѣн-

ная, могучая, какъ смерть,—это любовь. А за ней ничего нѣтъ, ничего...

6 іюня.

Отвезъ Анельку, и теперь задаю себѣ вопросъ: съ ума я сошелъ, что ли? Нѣтъ, не въ объятіяхъ своихъ доставилъ я ее домой, не слышалъ ея признаній. Меня оттолкнули безъ колебанія, съ такимъ горячимъ взрывомъ стыда, что мнѣ ничего не осталось! Что это такое? У меня ли нѣтъ разума, у нея ли нѣтъ сердца? Съ чѣмъ я борюсь; обо что разбился? Зачѣмъ она меня отталкиваетъ? Въ головѣ моей такой хаосъ, что я не могу писать, мыслить, думать даже, и только безпрестанно задаю себѣ вопросъ: обо что я разбился?

7 іюня.

Въ чемъ-то я допустилъ огромную ошибку, чего-то не замѣтилъ въ этой женщинѣ, чего-то не принялъ въ соображеніе. Два дня я старался понять то, что со мной случилось, но въ головѣмъ ей былъ такой хаосъ, что я не могъ мыслить. Теперь я собираю все свое хладнокровіе, все присутствіе духа, чтобы разобраться въ своемъ положеніи. Оно было бы понятно, еслибъ Анельку охраняла любовь къ мужу; тогда я понималъ бы ея оскорбленный стыдъ и негодованіе, съ которымъ это существо, такое кроткое и мягкое, оттолкнуло меня отъ своихъ колыбѣй. Но этого я не могу допустить. Столько мозгу-то еще осталось въ моей головѣ, чтобы помнить, что видѣть вещи черезъ-чуръ въ мрачномъ свѣтѣ — такая же ошибка и глупость, какъ и видѣть ихъ черезъ-чуръ въ розовомъ. Откуда въ ней могла взяться любовь къ Бромницкому? Сосчитаемъ все еще одинъ разъ. Пошла она за него замужъ безъ любви; время, которое они провели вмѣстѣ, онъ употребилъ на то; чтобы обманнымъ образомъ воспользоваться ея довѣрчивостью; онъ продалъ ея родимый уголь, что неблагоприятно повліяло на здоровье ея матери. Дѣтей у нихъ нѣтъ. Наконецъ, ребенокъ не учитъ женщину любить мужа больше, чѣмъ она любитъ; онъ учитъ только принимать его больше въ соображеніе, иначе говоря, скрѣпляеть союзъ рукъ, а не сердецъ. Анелька не принадлежитъ къ числу женщинъ, въ которыхъ любовь вспыхиваетъ сразу послѣ свадьбы, потому что такія женщины или сохнутъ по мужъ, или безъ особенныхъ размышленій обзаводятся любовникомъ. Я употребилъ слово, которое болѣзненно отозвалось на мнѣ самомъ, но чего ради я буду жалѣть себя? Я положительно убѣжденъ, что Анелька не питаетъ къ Бромницкому никакого чувства, хоть сколько-нибудь приближающагося къ чувству любви, и даже больше—не питаетъ къ нему никакого уваженія; она не позво-

лгать только другимъ относиться къ нему презрительно, — вотъ состояніе ея души. Считаю это доказаннымъ разъ навсегда, иначе я былъ бы слѣпцомъ.

Если ея сердце въ минуту моего возвращенія было «*tabula rasa*», то долженъ я былъ написать что-нибудь на этой таблицѣ. Мнѣ всегда это удавалось при обстоятельствахъ менѣе благоприятныхъ, въ данномъ случаѣ я былъ заинтересованъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, я возбуждалъ въ ней чувства пріязни, любви, состраданія, считаясь со всѣмъ, не упуская изъ вида ничего, одаренный силой, какую придаетъ истинная любовь. И вотъ теперь я беру въ обѣ руки свою голову и говорю себѣ: ты не провинціальный левъ; убѣжденный, что ни одна женщина не можетъ быть равнодушной къ тебѣ, но не ошибся ли ты, думая, что она любитъ тебя и что ея сердце дѣйствительно принадлежитъ тебѣ?

Чѣмъ можно доказать то, что я ошибался?

На первый взглядъ — ея сопротивленіемъ.

Но я никогда не смѣлъ допускать, что она не будетъ сопротивляться. Я представляю себѣ какую-нибудь замужнюю женщину, безъ памяти влюбленную въ посторонняго человѣка, и задаю себѣ вопросъ: возможно ли, чтобы такая женщина не оказала никакого сопротивленія, чтобы она не боролась сама съ собой и съ любимымъ человѣкомъ до истощенія всѣхъ силъ?

Сопротивленіе не вытекаетъ изъ любви, но разъ эти силы могутъ существовать вмѣстѣ, какъ двѣ птицы въ одномъ гнѣздѣ, то, значить, онѣ не исключаютъ взаимно другъ друга.

Я пишу этотъ дневникъ не только потому, что сжился съ нимъ, не потому, что она представляетъ мнѣ единственную возможность излить свои мысли, но для того, чтобы запечатлѣть всѣ событія, имѣть возможность вновь окинуть ихъ взглядомъ и вывести какое-нибудь заключеніе. И вотъ теперь я перечитываю тѣ страницы, на которыхъ изложена моя исторія и исторія Анельки; тамъ отмѣчено чуть не каждое движеніе ея, всякій разговоръ, всякая усмѣшка, всякая слеза, схвачено каждое движеніе ея души. Нѣтъ, я не ошибаюсь, это не можетъ быть фальшивымъ анализомъ! То были слова, слезы, улыбки женщины, можетъ быть, несчастной, но не равнодушной.

Я несомнѣнно долженъ былъ вліять на нее. Я не слѣпъ: вѣдь, разрывается же мое сердце, когда я вижу, какъ она худѣетъ день ото дня, какъ ея руки становятся все болѣе и болѣе прозрачными, и у меня волосы встаютъ дыбомъ при мысли, что она должна оплачивать эту борьбу цѣною своего здоровья. Все это — неопровержи-

мые доводы. Ея сердце и ея думы принадлежать мнѣ. Поэтому-то она несчастна такъ же, какъ я,—даже, можетъ быть, еще болѣе несчастна.

У меня раньше написано: я даже допустить не смѣю мысли о томъ, что она не станетъ сопротивляться. Правда, такъ было вскорѣ послѣ моего прїѣзда въ Плошовъ, но вчера, возвращаясь изъ Варшавы, я думалъ, что теперь не встрѣчу уже сопротивленія,—и ошибся. Она не сдѣлала мнѣ ни малѣйшей уступки, не оказала ни малѣйшаго сожалѣнія, не хотѣла слушать моихъ словъ, точно я говорилъ кощунственныя рѣчи; я видѣлъ въ ея глазахъ искру гнѣва и негодованія; она вырвала у меня свои руки, которыя я покрывалъ поцѣлуями, а слова: «ты меня оскорбляешь!» не сходили съ ея устъ. И ея энергія пересилила мою энергію тѣмъ легче, чѣмъ меньше я ожидалъ такого взрыва негодованія. О, Анелька даже угрожала мнѣ, что выйдетъ изъ коляски и дойдетъ пѣшкомъ, подъ проливнымъ дождемъ, до Плошова. Выраженіе: «разводъ» произвело на нея впечатлѣніе каленаго желѣза. Ничего, ничего, ничего я не сдѣлалъ ни дерзостью, ни униженною просьбой, ни словами любви; все было принято за оскорбленіе, все отвергнуто и попрано. Сегодня, когда я вижу, какъ она ходитъ здѣсь по комнатамъ, снова кроткая, покорная, мнѣ кажется, что *та* Анелька была какою-то другою женщиной. Нечего мнѣ таиться передъ собою! Я понесъ такое полное пораженіе, что еслибъ у меня были силы, еслибъ у меня былъ какой-нибудь другой смыслъ въ жизни, то я долженъ былъ бы сегодня же уѣхать отсюда.

Допустимъ даже, что она меня любитъ. Что же мнѣ изъ того, если разъ чувство никогда не порветъ узъ, которыя связываютъ ее, никогда не всплыветъ наверхъ, не выразится ни однимъ словомъ, ни однимъ дѣломъ? Съ такимъ же удобствомъ я могу себѣ представить, что меня любитъ греческая Елена, Клеопатра, Беатриче или Марія Стюартъ, и это чувство также ничего не требуетъ и ни къ чему не обязываетъ. Можетъ быть, ея сердце и принадлежитъ мнѣ, но сердце узкое, неспособное на смѣлый шагъ. Можетъ быть, она позируетъ сама передъ собою, воображаетъ себя великою душой, приносящею въ жертву любовь на алтарѣ долга, и кажется себѣ вслѣдствіе этого великою. Пожалуй, ради подобнаго самоудовлетворенія можно кое-чѣмъ пожертвовать. Хорошо! Жертвуй много, но если ты думаешь, что даешь много, жертвуя своимъ чувствомъ, и что имъ насытишь требованія долга, то ты ошибаешься.

Ахъ, не могу я, не могу больше ни писать, ни думать...

8 іюня.

Бюджетка—это ростовщикъ: даетъ мало, а проценты требуетъ огромные. Сегодня, когда я спокойнѣе и яснѣе могу разсуждать, я долженъ признаться, что, по крайней мѣрѣ, съ этой точки зрѣнія Анелька далека отъ всякаго упрека. Она ничего не давала мнѣ и ничего не требовала. То, что я считалъ въ ней за тѣнь кокетства, было просто минутой оживленія. Я виноватъ во всемъ случившемся, я совершилъ рядъ ошибокъ и самъ долженъ расплачиваться за все. Видѣть что-нибудь и принимать въ соображеніе—двѣ вещи совершенно различныя. Мы можемъ отлично понимать результаты факторовъ, вліяющихъ на душу даннаго человѣка, но въ сношеніи съ нимъ чаще всего беремъ за исходную точку самихъ себя. Такъ случилось и со мной. Я зналъ или, вѣрнѣе сказать, чувствовалъ, что я и Анелька—два существа настолько несходныя другъ съ другомъ, насколько несходны жители разныхъ планетъ, но не умѣлъ объ этомъ помнить; невольнo я допустилъ, что въ извѣстномъ случаѣ она поступитъ такъ же, какъ поступилъ бы я.

Я пишу, что мы—люди совершенно несходные другъ съ другомъ, сознаю это ясно, но мнѣ трудно сжиться съ этою мыслью. Однако, это правда. Я въ тысячу разъ больше похожъ на Лауру Дэвисъ, чѣмъ на Анельку.

Теперь я понимаю, обо что разбился.

Объ то, отсутствіе чего разнуздадо и освободило всё мои мысли, по, вмѣстѣ съ тѣмъ, привило ко мнѣ зачатки смертельной болѣзни и стало моею трагедіей,—о катехизическую прямоту ея души.

Теперь я, кажется, яснѣе отдаю себѣ въ этомъ отчетъ, хотя, можетъ быть, недостаточно широко, потому что мои запутанныя мысли почти утратили всякое представленіе о прямотѣ... «Слышу твой голосъ, но не вижу тебя...» Мой духовный взглядъ страдаетъ нѣкоторымъ дальтонизмомъ и не различаетъ многихъ красокъ. Я понять не въ состояніи, какъ можно извѣстное правило, какимъ бы ореоломъ давности оно ни было осѣнено, не разсмотрѣть съ обѣихъ сторонъ, не разложить на части, частички, атомы,—словомъ, разлагать до тѣхъ поръ, пока оно не рассыплется въ прахъ и не дастъ себя сложить вторично.

Анелька понять не въ состояніи, какъ можно на правило, признанное и религіею, и людьми, смотрѣть не такъ, какъ на обязательную для всѣхъ заповѣдь.

Мнѣ все равно, сознательный ли это у нея взглядъ, или инстинктивный, выработала ли она его своимъ умомъ, или получила извнѣ, достаточно, что онъ составляетъ неразрывную часть ея существа.

Мнѣ было уже сдѣлано предостереженіе во время разговора о пани Борецкой: «Доказать можно все, но когда поступаешь нехорошо, совѣсть всегда скажетъ: не хорошо, дурно! и ничѣмъ не дастъ себя убѣдить».

Тогда я не придалъ этому надлежащаго значенія. У Анелъки нѣтъ никакихъ колебаній, никакихъ сомнѣній. Ея душа такъ чисто отдѣляется плевелы отъ сѣмянъ, что сбить ее на словахъ нѣтъ силъ. Она не трудится надъ выработкой собственныхъ нормъ, беретъ ихъ готовыми изъ религіи и общихъ моральныхъ понятій, но проникается ими такъ сильно, что онѣ становятся ея собственными, входятъ въ ея плоть и кровь. Чѣмъ эти разсортированія добра и зла проще, тѣмъ вѣрнѣе и тѣмъ неумолимѣе. Въ подобномъ этическомъ кодексѣ смягчающія обстоятельства не принимаются въ расчетъ. Женщина замужняя должна принадлежать своему мужу, — значить та, которая отдается другому, дѣлаетъ дурно. Въ этомъ кодексѣ нѣтъ мѣста толкованіямъ, разсужденіямъ, соображеніямъ, есть только правая сторона для праведниковъ, лѣвая для грѣшниковъ, надъ ними — милосердіе Божіе, но между ними ничего, никакой середины.

Это кодексъ *благочестиваго Бартоломея и достойной Магды*, настолько простой, что люди, подобные мнѣ, перестаютъ понимать его. Намъ кажется, что жизнь, что души человѣческія черезъ-чуръ сложны, чтобы могли помѣститься въ немъ. И дѣйствительно, намъ, можетъ быть, и неудобно въ немъ помѣститься. Къ несчастью, мы не изобрѣли ничего другаго и поэтому мочемся, какъ сбившіяся съ дороги птицы, въ пустотѣ и тревогѣ.

Но большинство женщинъ, — у насъ въ особенности, — признають только этотъ кодексъ. Даже тѣ, которыя въ жизни отступаютъ отъ его предписаній, ни на минуту не позволяютъ себѣ усомниться въ его правотѣ и святости. Гдѣ начинается онъ, кончаются всякія разсужденія. Поэты ошибочно представляютъ женщину загадкой, живымъ сфинксомъ. Мужчина во сто разъ большая загадка, болѣе сфинксъ. Женщина здоровая, не истерическая, можетъ быть злой или доброй, сильной или слабой, но духовно она всегда проще мужчины. Ее во всѣ вѣка и во всѣ времена удовлетворяли и удовлетворяють скрижали съ извѣстными заповѣдями, безъ взгляда на то, удовлетворяетъ ли она требованію этихъ скрижалей, или, по слабости своей природы, нарушаетъ ихъ предписанія.

Душа женщины такъ догматична, что я зналъ нѣкоторыхъ женщинъ, у которыхъ даже атеизмъ принималъ всѣ формы религіи. Вещь всѣмъ извѣстная, что «кодексъ достойной Магды» не лишаетъ

женщину ни яснаго ума, ни тонкости мысли, ни полета мечты. Душа женщины похожа на колибри, которая может свободно порхать въ густой заросли, не зацѣпившись ни за одну вѣтку, не тронувъ ни одного листа.

Все это, прежде всего, применимо къ Анелькѣ. Необычайная тонкость мысли и чувства соединяется въ ней съ величайшею простотой моральныхъ понятій. Ея заповѣди тѣ же самыя, что и заповѣди Магды, только у Магды онѣ вышиты на посконной холстинѣ, а у Анельки на тонкой, какъ паутина, ткани.

Зачѣмъ я толкую объ этомъ? А затѣмъ, что этотъ вопросъ для меня—почти вопросъ жизни; говорю я потому, что это мое больное мѣсто, мое несчастье, потому что я безсиленъ передъ этими скрижалами, со своею запутанною и сложною философіей любви. Да и что я могу сдѣлать, коли самъ первый не особенно вѣрю въ свою философію, а по временамъ такъ и просто сомнѣваюсь въ ней, тогда какъ Анелька вѣритъ спокойно и невозмутимо въ свои скрижали?

Только тѣ уста, которыя пили изъ источника сомнѣній, можно убѣдить въ томъ, что запретный поцѣлуй — не грѣхъ. Религіозная женщина можетъ быть охвачена любовью, какъ дерево ураганомъ, но никогда не признаетъ ее рациональной.

Смогу ли я когда-нибудь побѣдить Анельку? Можетъ быть, глубокая, отчаянная апатія, овладѣвшая мною теперь, временна, можетъ быть, завтра я съ бѣльшею надеждою буду смотрѣть на будущее, но сегодня нѣтъ.

Когда-то я писалъ въ своемъ дневникѣ, что у насъ въ нѣкоторыхъ домахъ воспитаніе прививаетъ женщинамъ скромность, какъ осну. Нужно было мнѣ считаться и съ тѣмъ, что правило: «жена да принадлежитъ мужу»,—правило, въ которое Анелька свято вѣритъ, въ соединеніи съ ея стыдливостью, окружаетъ ее почти неприступною стѣной.

И я могу еще обольщать себя, могу ожидать чего-нибудь отъ этой женщины! Да, вѣдь, это прямая бессмыслица.

Что же мнѣ дѣлать? Уѣхать?

Не поѣду, не хочу и не хочу!

Остаюсь; а такъ какъ мое чувство бессмысленно, то и поступать я буду бессмысленно. Довольно системъ, разговоровъ, предположеній. Будь, что будетъ! Препре не привело меня ни къ чему.

7 июля.

Она не счастливѣе меня. То, что я видѣлъ сегодня, убѣдило меня, что въ ней происходитъ тяжелая борьба и силы для этой

Борьбы она должна черпать въ самой себѣ. Мысли мои такъ путаются, что я не могу успокоиться.

Послѣ отъѣзда пана Завиловскаго (онъ былъ сегодня въ Плошовѣ съ дочерью) тетушка начала съ явнымъ намѣреніемъ восхвалять достоинства панны Елены. Мною овладѣла страшная злость; я былъ измученъ, ночью не выспался, нервы мои напряглись до послѣдней степени. Я не выдержалъ и крикнулъ:

— Хорошо, если дѣло идетъ больше о моей женитьбѣ, чѣмъ о моемъ счастьѣ, то я могу хоть завтра же сдѣлать предложеніе паннѣ Завиловской, — мнѣ все равно!

Хотя было ясно, что я говорю подъ вліяніемъ раздраженія и никогда не осуществилъ бы свою угрозу на дѣлѣ, но Анелька встала съ мѣста, блѣдная, какъ полотно. Она встала сразу, безъ всякаго повода, и начала поправлять свою прическу сильно дрожащими руками. Къ счастью, тетушка смѣшалась до такой степени, что ничего не замѣтила. Она что-то отвѣтила мнѣ, но что именно, я не слышалъ, потому что все мое вниманіе обратилось на Анельку. Я догадывался, что занимаю какое-нибудь мѣсто въ ея сердцѣ, но догадываться и видѣть что-нибудь — вещи совершенно различныя. До послѣдней минуты жизни я не забуду этого блѣднаго лица и дрожащихъ рукъ! Пусть мой отвѣтъ поразилъ ее своею неожиданностью, — мнѣ и этого довольно. Отъ неожиданнаго извѣстія не только о женитьбѣ, но даже о смерти совершенно чужаго человѣка такъ не блѣднѣють.

Два дня тому назадъ я думалъ: что мнѣ изъ того, что она меня любитъ, если это чувство навсегда останется въ ней замкнутымъ, а теперь, когда убѣдился, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, всѣ мои надежды воскресли, всѣ сомнѣнія разсѣялись. Передо мною была побѣда, увѣренность, что наступитъ когда-нибудь минута, когда чувство пересилитъ ее, минута, когда я схвачу ее и унесу на край свѣта. Но, увы! тотчасъ же явилось и разочарованіе. Тетушка, бормоча себѣ подъ носъ, вышла изъ комнаты, можетъ быть, для того, чтобы отереть слезы, вызванныя сожалѣніемъ ко мнѣ, а я торопливо подошелъ къ Анелькѣ и сказалъ:

— Анелька! за всѣ блага міра я не женился бы на паннѣ Завиловской, но пойми же меня... Мало мнѣ моихъ огорченій, мнѣ и съ этой стороны не даютъ покоя. Но ты лучше всѣхъ знаешь, что этого никогда не будетъ.

— О, нѣтъ... я была бы очень рада, — съ усиліемъ проговорила Анелька.

— Неправда! я видѣлъ какъ ты поблѣднѣла, видѣлъ!

— Позволь мнѣ уйти...

— Анелька моя, ты меня любишь? Не обманывай меня и себя: ты меня любишь!

Губы ея опять поблѣднѣли.

— Нѣтъ, — торопливо отвѣтила она, — я только боюсь, что возненавижу тебя.

И она ушла. Я знаю, что женщинѣ, которая ведетъ борьбу съ собой, часто представляется, что она ненавидитъ любимаго человѣка, что горькая и запретная любовь можетъ принимать окраску ненависти, но, тѣмъ не менѣе, слова Анельки сразу угасили всю мою радость.

Въ жизни много вещей совершенно естественныхъ, которыя ни нервы, ни силы человѣческія не могутъ выносить. Теперь меня поражаетъ одна правда, которую я узналъ недавно и которая другимъ была извѣстна давно, что любовь къ чужой женѣ — подлость, если эта любовь притворная, и великое несчастье, если она истинная, тѣмъ болѣе великое несчастье, чѣмъ больше женщина стѣбитъ. Меня мучаетъ жгучее любопытство, что случилось бы, еслибъ я сказалъ Анелькѣ: или ты бросишься мнѣ на шею и признаешься, что любишь меня, или я пущу себѣ пулю въ лобъ на твоихъ глазахъ! Я знаю, что это было бы безчестно, и никогда не рѣшился бы на подобное насиліе. Нѣтъ!... будь что будетъ, настолько-то я считаю себя порядочнымъ человѣкомъ... но, все-таки, я не могу удержаться отъ постановки вопроса, что случилось бы тогда? И я почти увѣренъ, что Анелька не пережила бы своего горя, — и своего презрѣнія, кромѣ того, — но не уступила бы. Когда я думаю объ этомъ, то проливаю ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уважаю еще болѣе, ненавижу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, люблю еще больше. Нужно сказать себѣ откровенно: на меня обрушилось страшное несчастье. И, что хуже, я не вижу никакого средства противъ этого несчастья, не нахожу силъ, чтобы вырваться отсюда. Къ безумной страсти, какую всегда и въ самой сильной степени возбуждала во мнѣ эта женщина, присоединилась какая-то собачья привязанность. Я обнимаю ея мыслью, я смотрю и не могу насмотрѣться на ея глаза, губы, руки. Никакая женщина такъ не привлекала меня къ себѣ. По временамъ ея вліяніе кажется мнѣ просто непонятнымъ, по временамъ я объясняю его себѣ, и, какъ всегда, объясняю въ самую невыгодную для себя сторону.

Я жилъ много и прошелъ уже свой зенитъ. Теперь моя дорога ведетъ внизъ, отсюда вѣетъ холодомъ и мракомъ. Но, все-таки, я чувствую, что въ этомъ существѣ я нашелъ бы вновь свою моло-

дость, силу и желаніе жизни. Когда она пропадетъ для меня, то пропадетъ и жизнь, останется одно невыразимо-унылое прозябаніе — прямое предвкушеніе смерти.

Анелъка этого не знаетъ; но я допускаю, что питаетъ ко мнѣ большое сожалѣніе, да и я, поступающій съ ней такъ безжалостно, продалъ бы свою душу, чтобъ облегчить ея страданія. И какъ же мнѣ не говорить, что любовь къ чужой женѣ—великое несчастье, коли она заставляетъ человѣка мучить существо, за которое онъ съ радостью пожертвовалъ бы самимъ собою? И тысяча такихъ закодированныхъ круговъ на каждомъ шагѣ! Въ концѣ-концовъ, мы оба страшно несчастны. Но у тебя, Анелъка, есть хоть какая-нибудь опора въ жизни, есть догматъ, а я—точно ладья безъ кормила и весла.

Нездоровится мнѣ что-то. Сплю плохо, да иначе и быть не могло бы. Ей-Богу, я хотѣлъ бы захворать, да вплотную: пролежать съ мѣсяць, безъ сознанія, безъ памяти, отдохнуть за послѣднее время. Это была бы моя вакація. Хвастовскій осматривалъ меня вчера и философствовалъ надо мной; онъ утверждаетъ, что у меня нервная система прошлаго поколѣнія, но, кромѣ того, я унаслѣдовалъ большой запасъ мускульной силы. Думаю, что онъ правъ; если бы не это, такъ я не могъ бы справляться съ своими нервами. Кто знаетъ, не этому ли обстоятельству нужно приписать мою исключительность? Силы мои должны были найти какой-нибудь исходъ, и когда не находили его ни въ знаніи, ни въ работѣ, то потекли, какъ потокъ, по одному руслу—любви къ женщинамъ.

Только потекли они, благодаря нервамъ, мутно, бурливо и криво, прежде всего—криво.

Сколько впечатлѣній я испытываю каждый день! Передъ вечеромъ пришла ко мнѣ тетя (милая, добрая старушка!) и начала извиняться за свои похвалы паннѣ Завиловской. Я разцѣловалъ ея руки и въ свою очередь попросилъ прощенія за мою горячность, а она сказала:

— Блянусь тебѣ, что я не стану говорить о ней. Правда, Леонъ, я всею душой хотѣла бы видѣть тебя женатымъ, — ты, вѣдь, послѣдній въ родѣ,—но видитъ Богъ, что мнѣ твое счастье дороже всего, милый мой мальчикъ!

Я успокоилъ ее какъ могъ и въ концѣ сказалъ:

— Вы, тетушка, знаете, что я до нѣкоторой степени баба, нервная баба!

Но тетушка обрушилась на меня.

— Ты баба?... Ошибаться можетъ всякій, но если бы у всѣхъ былъ твой умъ, твой характеръ, то на свѣтѣ все бы пошло иначе.

Какъ разсѣешь ея заблужденіе? Иногда меня охватываетъ отчаяніе и я говорю себѣ: что мнѣ дѣлать въ этомъ домѣ, арендованномъ ангелами, среди этихъ женщинъ? Мнѣ уже поздно переходить въ ихъ вѣру, а сколько огорченій, сколько несчастій я могу причинить имъ!

10 июля.]

Сегодня получилъ два письма: одно изъ Рима отъ моего нота-ріуса, другое отъ Снятынскаго. Изъ Рима пишутъ, что преграды, которыя итальянское правительство ставить при вывозѣ изъ страны античныхъ вещей и цѣнныхъ произведеній искусства, можно устранить, или обойти, по крайней мѣрѣ. Коллекціи отца носили чисто-частный характеръ, не подлежали никакому государственному контролю и могутъ быть вывезены за границу, какъ мебель.

Теперь нужно заняться приведеніемъ дома въ соотвѣтственный порядокъ, но мнѣ ничего дѣлать не хочется, потому что мысль о перенесеніи коллекцій потеряла для меня всякую привлекательность. На что это мнѣ нужно теперь? Если я и не оставляю своего намѣренія, то единственно потому, что самъ столько говорилъ объ этомъ.

Духъ мой пришелъ въ такое же состояніе, въ какомъ онъ былъ въ первое время по выходѣ Анельки замужъ. Теперь всякая моя мысль, всякое дѣйствіе связано съ нею, непосредственныхъ впечатлѣній я не получаю. Всѣ мои затаенныя идеи кажутся мнѣ пустыми и бессодержательными. Какому крушенію можетъ подвергнуться человѣкъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ! Сегодня съ утра я читалъ лекцію Бунге: *Витализмъ и механизмъ*, и читалъ съ необыкновеннымъ интересомъ. Лекція эта научнымъ путемъ доказываетъ то, что давно гнѣздилося въ моихъ мысляхъ, но скорѣе въ формѣ неясныхъ чувствъ, чѣмъ опредѣленныхъ представленій. Здѣсь знаніе признается въ сосредоточенномъ отношеніи къ самому себѣ, и не только подтверждаетъ свое безсиліе, но и положительное существованіе какого-то міра, который представляетъ что-то большее матеріи и уваженія и который не поддается ни физическому, ни химическому объясненію. Мнѣ совершенно все равно, зависитъ ли этотъ міръ отъ матеріи, или матерія отъ него. Чистая игра словъ! Я не ученый и не обязанъ соблюдать осторожность въ своихъ заключеніяхъ, и со всѣхъ ногъ бросаюсь въ открытую дверь; пусть наука говоритъ, что тамъ темно, — я чувствую, что мнѣ тамъ будетъ виднѣе, чѣмъ по сю сторону. Читалъ я почти съ лихорадочною жадностью и съ великимъ облегченіемъ. Только отсталые глупцы не отдають себѣ отчета, насколько матеріализмъ нашъ угне-

таеть и томить смертельною скукой, какъ повсюду разлито ожиданіе новой научной эволюціи, какъ велика радость узниковъ, когда отворится какая-нибудь дверца, при помощи которой можно убѣжать на вольный воздухъ. Все дѣло въ томъ, что душа такъ ужъ истомлена, что не смѣетъ ни дышать, ни вѣровать въ свое счастье. Но я смѣю, и испытываю такое чувство, какъ будто вырвался изъ душнаго подвала. Можетъ быть, это было временное впечатлѣніе, — я очень хорошо понижаю, что неовитализмъ не составляетъ эпохи въ наукѣ, можетъ быть, я завтра же самъ добровольно возвращусь въ свое узлище... Не знаю!... А тѣмъ временемъ мнѣ было хорошо. Я повторялъ себѣ каждую минуту: если это такъ, если даже дордой скептицизма доходить до несомнѣнной увѣренности, что существуетъ сверхчувственный міръ, лежащій абсолютно за сферой физико-химическихъ объясненій, то все возможно: всякая вѣра, всякій догматъ, всякій мистицизмъ. Значить, не возбраняется думать, что какъ существуетъ безконечное пространство, такъ существуетъ и безконечный разумъ, безконечная любовь; не возбраняется надѣяться, что есть какая-то великая сутана, обнимающая вселенную, которой можно укрыться, какая-то великая опека, подъ которой кончается всякая мука. А если такъ, то хорошо, — я знаю, по крайней мѣрѣ, для чего живу и почему страдаю. Какое великое утѣшеніе!

Повторяю еще разъ, что я не обязанъ быть осторожнымъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, а еще раньше я сказалъ, что никто такъ не близокъ къ мистицизму, какъ скептикъ. Знаю это я по своему примѣру, потому что воспарилъ, какъ птица, которая, вылетѣвъ изъ клѣтки послѣ долгаго плѣна, весело летаетъ, купается въ пространствѣ. Я видѣлъ новыя поля, покрытыя новою жизнью. Не знаю, было ли это на какой-нибудь другой планетѣ или гдѣ-нибудь тамъ, въ междупланетномъ пространствѣ, — достаточно, что эти поля и эта жизнь были отличны отъ нашихъ; свѣтъ тамъ былъ ясный и ласковый, въ воздухѣ чувствовалась сладостная прохлада, и главная разница заключалась въ томъ, что связь между душою индивидуальной и душою всеобщей была тамъ гораздо тѣснѣе, — тѣснѣе настолько, что невозможно было различить, гдѣ кончается индивидуумъ и начинается масса. Я чувствовалъ, что эта-то неясность границы и обуславливаетъ счастье тамошней жизни, ибо человекъ тамъ не выдѣляется, не становится въ противоположеніе другимъ, а существуетъ въ гармоніи съ окружающимъ и, такимъ образомъ, живетъ всею мощью общей жизни.

Не скажу, чтобъ это были видѣнія; это былъ лишь переходъ

той пограничной черты, за которой кончаются умствования и начинаются чувства, нѣсколько напоминающія заключенія изъ поставленныхъ раньше посылокъ, но развитыя настолько широко, что человѣческое око не можетъ охватить ихъ. Я еще не могъ погрузиться въ жизнь этихъ новыхъ полей, ни слиться съ нею совершенно. Я до нѣкоторой степени сохранилъ свой индивидуализмъ, чего-то мнѣ недоставало, чего-то, казалось, я ищу вокругъ себя. И вдругъ я почувствовалъ, что ищу Анельку. Да, да, очевидно: только ее и всегда ее! Безъ нея какой мнѣ смыслъ въ этой новой жизни? Наконецъ, я нашелъ ее и мы вмѣстѣ начали блуждать, какъ тѣнь Паоло съ тѣнью Франчески ди Римини...

Я занесу это въ свой дневникъ, потому что вижу, какъ страшно завладѣло мною чувство къ этой женщинѣ. Что за дьявольщина! какая связь можетъ быть между Бунге съ его неовитализмомъ и Анелькой? А я, когда думаю даже о такихъ вещахъ, въ концѣ-концовъ, прихожу къ ней. Науку, искусство, природу, жизнь,—все я привожу теперь къ одному этому знаменателю. Это ось, на которой для меня вертится весь мiръ.

При наличности подобнаго чувства есть ли хоть капля вѣроятности, чтобы я когда-нибудь послушался совѣта разума, который отъ времени до времени повторяетъ мнѣ слабымъ, полузадушеннымъ голосомъ: «уѣзжай, бѣги»?

Знаю я, что добромъ это не кончится, не можетъ кончиться, но откуда я возьму силы, откуда возьму энергiи, если все это отнято у меня? Съ такими же послѣдствiями можно было бы сказать безноготу: встань и иди. Но чѣмъ? А я еще добавлю: куда? зачѣмъ? Моя жизнь—здѣсь!

Иногда мнѣ приходитъ желанiе дать прочесть свой дневникъ Анелькѣ, но я не сдѣлаю этого. Сожалѣнiе ко мнѣ въ ней, можетъ быть, и возросло бы, но любовь, должна была бы уменьшиться. Если бы Анелька стала моею, искала бы во мнѣ опоры и успокоенiя, то она поняла бы, что творилось во мнѣ, но многого не могла бы почувствовать. Мы такiя несходныя существа...

Все, что я пишу сейчасъ, продумано при помощи незначительной части моего мыслящаго существа, —остальное прикрѣплено къ Анелькѣ. Стоитъ глухая ночь, но я вижу, какъ изъ ея окна падаетъ свѣтъ. Бѣдняжка тоже познакомилась съ бессонными ночами. Сегодня она вздремнула надъ своимъ визаньемъ. Въ широкомъ креслѣ она казалась мнѣ такою маленькой, такою худенькой. Иногда я гляжу на нее съ чувствомъ отца, смотрящаго на своего ребенка.

11 іюня.

Наконецъ, мнѣ прислали головку мадонны Сассоферато, и я отдалъ ее Анелькѣ при теткѣ и пани Целинѣ, какъ вещь, завѣщанную ей. Отказаться ей не было никакой возможности. Я самъ повѣсилъ картину въ ея будуарѣ, — тамъ она у мѣста. Не люблю я мадоннъ Сассоферато, но эта мадонна такая ясная, такая божественно-спокойная! Мнѣ отрадно вспомнить, что Анелька при всякомъ взглядѣ на нее должна вспоминать, что эту картину подарилъ ей я, и подарилъ потому, что люблю ее. Такимъ образомъ, любовь, которую она считаетъ грѣхомъ, въ ея мысляхъ должна соединиться съ представленіемъ о святости. Ребяческое утѣшеніе!... Но если нѣтъ иного, то и это хорошо.

Сегодня на мою долю выпала одна свѣтлая минута. Когда картина была уже повѣшена, Анелька пришла поблагодарить меня. Кресло пани Целины было далеко отъ насъ, поэтому я задержалъ на минуту руку Анельки и спросилъ въ полголоса:

— Анелька, ты, правда, ненавидишь меня?

Она грустно покачала головой и коротко отвѣтила:

— О, нѣтъ!

Сколько смысла было въ этомъ немногосложномъ отвѣтѣ! Говорять, что если чувства любимой женщины не могутъ никогда выйти наружу, то все равно, любить ли она, или нѣтъ. Нѣтъ, не все равно! Пусть, пусть у меня хоть это останется. Тогда у меня былъ бы хоть какой-нибудь смыслъ въ жизни.

12 іюня.

Я въ Варшавѣ. Еще третьяго дня я получилъ отъ Снятынскаго письмо, въ которомъ онъ меня приглашалъ прибыть на прощальный обѣдъ Бларѣ. На обѣдъ я не поѣхалъ (онъ былъ вчера) и простился съ ней на вокзалѣ. Только что возвратился домой. Добрая дѣвушка уѣзжала, безъ сомнѣнія, съ чувствомъ недовольства мною и съ обманутыми надеждами, но какъ только увидала меня, такъ простила все и мы разстались друзьями. Я также чувствовалъ, что мнѣ ея будетъ недоставать, что вокругъ меня образуется еще большая пустота. Вотъ на моихъ мистическихъ поляхъ не будетъ разлуки. Сегодняшнее прощанье было печально, тѣмъ болѣе, что вечеръ былъ хмурый, дождливый; непогода продлится, вѣроятно, дня два. Несмотря на это, Блару провожало множество народа. Ея вагонъ былъ нагруженъ вѣнками и цвѣтами, какъ катафалкъ. Блара въ минуту отъѣзда не принимала уже въ соображеніе, что могутъ о ней подумать люди, и, насколько это было возможно, занималась исключительно мною. Я вошелъ въ ея отдѣленіе и мы

разговаривали какъ старые друзья, не обращая вниманія ни на пожилую, вѣчно молчащую родственницу, ни на провожающихъ, которые, въ концѣ-концовъ, съ многозначительною миной одинъ за другимъ вышли въ корридоръ. Я держалъ въ своихъ рукахъ обѣ руки Клара, и она смотрѣла на меня своими добрыми голубыми глазами и говорила взволнованнымъ голосомъ:

— Я только одному вамъ скажу, что мнѣ ни откуда не было такъ грустно уѣзжать, какъ изъ Варшавы... При такой суматохѣ нѣтъ даже времени сказать, какъ мнѣ жаль... Во Франкфуртѣ я вижу много и ученыхъ людей, и артистовъ, только... только сама не знаю, есть какая-то разница... вы точно болѣе чуткіе инструменты. А о васъ лично и говорить нечего.

— Вы позволите мнѣ писать къ вамъ?

— Я сама хотѣла просить васъ объ этомъ. Музыка моя остается при мнѣ, но теперь мнѣ этого мало. Думаю, что и вамъ будетъ пріятно отъ времени до времени получать мои письма; у васъ много пріятелей, но такого преданнаго друга, навѣрное, нѣтъ... Я такъ глуха, что меня все волнуетъ, а тутъ скоро пробьетъ послѣдній звонокъ.

— Мы оба вѣчно блуждаемъ по блѣлому свѣту: вы какъ артистка, я—какъ цыганъ. Наша разлука не вѣчная, подадимъ другъ другу руки и скажемъ: до свиданія!

— До свиданія! Вы тоже артистъ. Можно не играть, не рисовать—и быть артистомъ въ душѣ... Еще вотъ что: я съ перваго раза замѣтила, что вы только съ виду кажетесь счастливымъ, а на самомъ дѣлѣ, можете быть, страшно несчастливы. Помните же, что есть одна нѣмка, которая считаетъ себя вашею сестрой.

Я поднесъ ей руку къ своимъ губамъ. Клара подумала, что я хочу уходить, и торопливо проговорила:

— Подождите, времени еще много!

Мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось распрощаться съ нею поскорѣе. До чего, однако, дошли мои нервы! Родственница Клара была одѣта въ резиновый плащъ, шелестящій при каждомъ движеніи, и вотъ этотъ шелестъ, и въ особенности запахъ каучука, доводилъ меня положительно до отчаянія. Впрочемъ, до отхода поѣзда оставалось нѣсколько минутъ. Бѣ счастью, приближала пани Снятыньская и я вышелъ изъ вагона.

— Гильсть, во Франкфуртѣ!—крикнула мнѣ вскорѣ Клара,— изъ дома мнѣ пришлютъ письмо по адресу, гдѣ я буду жить.

Черезъ минуту я былъ уже на платформѣ, у окна вагона,

виѣстѣ съ другими, провожавшими Клару. Окно отворилось и ясно-волосая голова Клары опять появилась на минутѣ.

— Гдѣ вы проводите лѣто?—спросила она.

— Не знаю еще; тогда напишу вамъ.

Раздался третій звонокъ и локомотивъ двинулся съ мѣста. Клара послала намъ воздушные поцѣлуи до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не скрылся въ туманномъ отдаленіи.

— Вамъ будетъ очень скучно?—вдругъ спросила меня пани Снятынская.

— Очень!—отвѣтилъ я, поклонился и тотчасъ домой.

Дѣйствительно, я испытывалъ впечатлѣніе, какъ будто провождилъ человѣка, который могъ бы помочь мнѣ во многомъ. Раздраженъ я былъ страшно, можетъ быть, благодаря отвратительнѣйшему, сырому вечеру. Послѣдняя искра надежды угасла во мнѣ. Пессимизмъ крылся не только внутри меня, но, казалось, онъ обнималъ весь міръ, какъ атмосфера тяготѣлъ на всѣхъ людяхъ, на всѣхъ вещахъ, проникалъ во всѣ формы, пропитывалъ собою всякую сущность.

Я несъ съ собою домой тяжелое угнетеніе и страшное безпокойство, безотчетную тревогу передъ какою-то неопредѣленною опасностью. На минуту пробудилась во мнѣ жгучая тоска по солнцѣ, по странамъ, гдѣ нѣтъ такой погоды, мглы и мрака. Мнѣ казалось, что если я уѣду туда, гдѣ царствуетъ свѣтъ, то этотъ самый свѣтъ будетъ въ силахъ не допустить до меня чего-то, охранить отъ чего-то. Всѣ мои мыслительныя способности соединились въ одною словѣ, которое я повторялъ на тысячу ладовъ: «уѣхать! уѣхать!» Но вдругъ меня объялъ страхъ при воспоминаніи, что, уѣхавъ, я оставлю Анельку одну и выдамъ ее головой той неопредѣленной опасности, отъ которой хочу бѣжать самъ. Знаю, что это заблужденіе, что мой отѣздъ послужилъ бы ей въ пользу, но не могу отвязаться отъ мысли, что бѣгство было бы съ моей стороны трусостью и недостойнымъ поступкомъ... А это сильнѣе всякихъ разсужденій... Наконецъ, уѣхать—ничто иное, какъ пустое слово. Я могу повторять его тысячу разъ, могу чувствовать его значеніе; но если бы пришлось примѣнить его на дѣлѣ, то оказалось бы, что это выше моихъ силъ. Я вложилъ столько жизни въ мое чувство, такъ прицѣпился къ нему всѣми своими нервами, что легче могу разорвать себя въ клочки, чѣмъ оторваться отъ него.

Способностью контролировать себя я обладаю въ такой степени, что мысль о сумасшествіи мнѣ кажется совершенно невозмож-

ною. Я даже представить себѣ не могу этого, хотя по временамъ чувствую, что близокъ конецъ растяжимости и моихъ нервовъ.

Жаль Блары. Я въ послѣднее время рѣдко видѣлъ ее, но мнѣ приятно было думать, что она недалеко, — теперь Анелька совершенно завладѣетъ мною, — я отдамъ ей и тѣ чувства, которыми люблю спокойно и ощущаютъ пріязнь.

Дома я засталъ молодаго Хвастовскаго. Онъ съ братомъ принимаетъ какое-то изданіе элементарныхъ книжекъ. Вѣчно они что-то дѣлаютъ, вѣчно чѣмъ-то занимаются и, благодаря этому, вся ихъ жизнь занята до послѣдней минуты. Я дошелъ уже до того, что обрадовался Хвастовскому, какъ ребенокъ, испуганный темной ночью, радуется, когда кто-нибудь входитъ въ его комнату. Духовная бодрость Хвастовскаго поддерживаетъ меня. Онъ говоритъ, что пани Целинѣ теперь лучше и черезъ какую-нибудь недѣлю она можетъ выѣхать въ Ганштейнъ.

О, да, да! Только бы перемѣнить мѣсто. Я буду подвигать это дѣло впередъ изо всѣхъ силъ. Буду уговаривать и тетку, чтобы и она поѣхала. Тетка все сдѣлаетъ для меня, а тогда никто не удивится, если и я поѣду. По крайней мѣрѣ, я хочу чего-то, и хочу сильно. Сколько возможностей представится къ сближенію съ Анелькой! Тамъ мы будемъ еще ближе другъ къ другу, чѣмъ въ Плошовѣ...

Дождь еще барабанитъ по стенамъ, но въ промежуткахъ тучъ начинаютъ проглядывать звѣзды.

12 іюня.

Бромицкій сегодня пріѣхалъ...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Легенда о суфи Халаджѣ.

Святой Халаджъ, подвижникъ и мудрецъ,
За слово истины смиренно шелъ на плаху
И недоступенъ былъ ни слабости, ни страху:
Отраденъ былъ ему страдальческій вѣнецъ.

Толпа, шумѣвшая на улицахъ Багдада,
Какъ разъяренныхъ волнъ мятущаяся рать,
— Того, кто въ мукахъ шелъ за ближнихъ умирать,
— Халаджа растерзать, какъ звѣрь, была бы рада.

Толпа рвалась къ нему; пролятиль, каменной градъ
Летѣлъ ему въ лицо, дышавшее любовью...
Онъ шелъ безропотно, шелъ, обливаясь кровью,
И слезъ и гнѣва чуждъ былъ мученика взглядъ.

Вдругъ нечестивою, нетвердою рукою
Въ страдальца грязь комъ швырнулъ одинъ дервижъ.
Халаджъ затрепеталъ, какъ подъ грозой камышь,
И слезы потекли изъ глазъ его рѣвою...

Мгновенно стихло все. Въ гонителей сердцахъ
Какъ будто въ этотъ мигъ проснулось состраданье,
Иль озарило ихъ внезапное сознанье,
Что неземная скорбь сіяла въ тѣхъ слезахъ...

Но визирь Аль-Гамидъ, не вѣдавшій пощады,
Его съ улыбкою зѣвиною спросилъ:
«Что вижу я, Халаджъ! Иль не хватило силъ?!
Отъ боли плачешь ты, отъ страха иль съ досады?!»

И съ кротостью ему страдалецъ отвѣчалъ:
 «Гоненія ведутъ меня къ престолу Бога,
 Даютъ свободу мнѣ—и снести готовъ я много!
 Ты видѣлъ: до сихъ поръ терпѣлъ я и молчалъ!

«Скорблю я за людей! За цѣлый миръ мнѣ больно!
 Тебѣ-то Богъ простить, усердный, льстивый рабъ!
 Тщеславію, золоту служа, ты духомъ слабъ,
 Ты гонишь истину порою и неволью!

«Слѣпцовъ-мучителей несмѣтную семью,
 Что проливаютъ кровь невинную мою,
 Всевидящій Господь сквозъ милосердья двери
 Введетъ въ познанья рай и миръ имъ дастъ въ раю:
 Они—безумные! Они не люди—звѣри!...

«О нѣтъ! мнѣ жаль того, кто грязью бросить могъ
 Въ идущаго на смерть, измученнаго брата!
 Онъ истину позналъ—и ею пренебрегъ!
 Не звѣрь онъ—человѣкъ! И нѣтъ ему возврата
 Изъ темныхъ дебрей зла въ добра святой чертогъ!

«И, покидая плѣнъ своей темницы тѣсной,
 Бѣ Тебѣ, о кроткій Богъ, съ мольбой летитъ мой духъ!
 Прости! Прости его! Нечестія недугъ
 Въ злодѣѣ исцѣли любовію небесной

«И къ Свѣту призови бродящаго въ ночи!»...
 — Молчали всѣ кругомъ... А черезъ мигъ безъ страху,
 Спокойной поступью взошелъ Халаджъ на плаху
 И тихо вымолвилъ: «Свершайте, палачи!»...

В. Велико.

МУЖИЦКАЯ «КАЛГОТА».

(Р а з с к а з ь).

Калгота, — калготиться: безноконтясь, хмонать, суетиться, тревожиться.

Толк. словарь Даля.

I.

Проживающій въ уѣздномъ городѣ Чумазовѣ частный повѣренный Автономъ Еварестовичъ Орфеевъ (мужики называли его Артамономъ Ерастычемъ Ерофеевымъ), мужчина лѣтъ тридцати пяти, плотный, съ взъерошеннымъ хохломъ, сидѣлъ на стулѣ, поматывалъ ногой и читалъ только что принесенный ему съ почты номеръ мѣстной газеты *Правосудіе*. Въ передовой статьѣ этой газеты обсуждался вопросъ о неудобствѣ для сельскаго населенія существующаго порядка на сдачу казенныхъ земель въ аренду большими участками, въ нѣсколько тысячъ десятинъ. «Мыслимо ли, — говорила статья, — крестьянскому обществу, въ виду его настоящаго пошатнувшагося экономическаго положенія, осилить такую громаду? И вотъ поэтому-то казенныя земли попадаютъ не въ руки нуждающихся въ ней крестьянъ-земледѣльцевъ, а въ загребистыя лапы кушцовъ и кулаковъ, которые ведутъ хозяйство самымъ хищническимъ образомъ и наживаются, сдавая землю крестьянамъ въ два-три раза дороже, чѣмъ сняли сами. Фактъ безусловно прискорбный, — горевала газета, — и не въ этомъ ли фактѣ слѣдуетъ искать причину, вынуждающую крестьянъ покидать свои родныя обширныя степи и искать таковыхъ на мнѣсныхъ медовыхъ рѣкахъ далекихъ окраинъ Россіи?»

Прочитавъ эту статью, Орфеевъ вскочилъ съ мѣста.

— Тоже, вѣдь, поучаютъ, — заворчалъ онъ, — а сами и дѣла-то хорошенько не расчунали!... Слышали звонъ, да не знаютъ откуда онъ!...

И, не долго думая, Орфеевъ, какъ вообще «безпокойный человекъ», — за такого, по крайней мѣрѣ, его считали въ городѣ, — сѣлъ за письменный столъ, схватилъ перо и принялся строчить замѣтку на эту статью:

«Ваша уважаемая газета, — писалъ онъ, между прочимъ, — впала въ ошибку. Порядокъ сдачи земли большими участками, иначе говоря — цѣлыми «оброчными статьями», давнымъ-давно измѣненъ. Теперь оброчныя статьи разбиты на мелкіе участки и могли бы быть доступными какъ для мелкихъ съемщиковъ, такъ и для крестьянскихъ обществъ, ежели бы только не тормазили дѣла: во-первыхъ, пресловутый канцеляризмъ, а, во-вторыхъ, полнѣйшее незнаніе крестьянскаго обихода. Благодаря канцеляризму, о раздробленіи оброчныхъ статей на мелкіе участки не вѣдаютъ тѣ, которымъ это вѣдать надлежитъ, а благодаря незнанію крестьянскаго обихода, контракты на сдачу земель въ аренду составлены такъ, что подчасъ оказываютъ мужику медвѣжью услугу».

Перечисливъ затѣмъ всё неудобства этихъ контрактовъ, а, слѣдовательно, и ихъ непримѣнимость къ крестьянскому быту, онъ закончилъ свою статейку просьбой напечатать таковую, въ виду приближающихся торговъ, въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ газеты.

Затѣмъ, прочитавъ написанное, Орфеевъ похвалилъ себя за краткость и ясность, вложилъ статью въ конвертъ и принялся надписывать адресъ.

Какъ разъ въ это время сѣнная дверь отворилась и въ прихожую вошелъ какой-то старикъ въ зипунѣ.

— Кто тамъ? — крикнулъ Орфеевъ и, не вставая съ мѣста, началъ вглядываться въ темную прихожую.

— Это я! — отозвался голосъ.

— Не вижу, — темно...

— Сысой изъ Вертуновки.

— Теперь узналъ! — подхватилъ Орфеевъ, закрывая конвертъ. — Сысой Михайлычу мое почтеніе, милости просимъ.

Старикъ вошелъ въ крошечный кабинетикъ, передѣланный адвокатомъ для приѣма своихъ кліентовъ изъ чужана, степенно поклонился на иконы, погладилъ усы и бороду и проговорилъ:

— Здравствуйте! Все ли здоровы?

— Пыхтимъ помяленьку! — отвѣтилъ Орфеевъ и, протянувъ старику руку, спросилъ въ свою очередь: — Вы какъ тамъ, въ Вертуновкѣ-то?

— Да то же самое, полегоньку!

— И отлично! Садись-ка, старина.

Сысой Михалыч сѣлъ.

— Старуха какъ поживаетъ?

— Ничего, съ печки на полати лазаешь. Поклонъ тебѣ прислала...

— Спасибо!... А хлѣба... ничего?

— Озимя добрыя, а вотъ просо да ленокъ морозцемъ пощипало.

— Отдохнуть, можетъ?

— Проса-то пожалуй что и отдохнуть, ну, а лень-то гречей пересѣяли, у кого, значить, сѣмена случились.

— А у кого не случилось?

— Чего-жь подѣлаешь-то!...

— По дѣлу, что ли, притащился?

— Да то!... Знамо, мужицка калготá...

— Отлично! Судьбище, что ли, какое?

— Ну, Богъ миловалъ!... Отродясь, кажись, не судились!

— По какому же такому дѣлу?

— Да насчетъ землицы.

— Такъ.

— Хотимъ вотъ цѣлымъ обществомъ участочекъ казенный снять.

— Отлично.

— Слышно таперь, оброчныя-то статьи на мелкія разбиты...

— Откуда же узналъ-то про это?

— Болтаютъ...

— Вѣрно, вѣрно...

— Такъ вотъ и надумали...

— Ну, что же, въ часъ добрый!

— Только дѣло-то наше мужицкое!—проговорилъ старикъ, побряхтѣвъ.— Не знаемъ, какъ и приступить... Къ начальству къ своему ходили, да чтой-то никакихъ толковъ не добились... Бу-пецкую руку, что ли, держутъ, ужъ Господь ихъ знаетъ...

— Такъ посовѣтоваться, значить, пріѣхалъ?

— Ништъ, общество прислало... Ступай, говоритъ, доѣзжай до Артамона Ерастыча, узнай, какъ и что.

Такъ какъ Автономъ Еварестовичъ привыкъ уже къ коверканью своего имени и отчества, то и на этотъ разъ онъ не обратилъ на это никакого вниманія и только проговорилъ:

— Что-жь, ничего, растолеуемъ!

— Сдѣлай милость!

— Прежде всего, — начал Орфеевъ, — ручательный приговоръ требуется.

— Такъ, — согласился Сысой, видимо, ничего не понявшій.

— Вѣдь, у васъ залога нѣтъ?

— Какого такого залога?

— Денежнаго!

— Такъ...

— Вѣдь, денегъ-то нѣтъ?

Это старикъ понялъ сразу и словно обрадовался, что въ обществѣ нѣтъ ни гроша.

— Баки тамъ деньги! — чуть не вскрикнулъ онъ, улыбаясь.

— И прекрасно! — подхватилъ Орфеевъ. — Слѣдовательно, и надо ручательный приговоръ отъ общества, что вотъ-де оно въ точности выполнить всѣ пункты условія, на которыхъ земля будетъ ему сдана, и чтобы старшина печать приложилъ.

— Такъ, — процѣдилъ Сысой севозъ зубы и, видимо, опять впалъ въ уныніе.

— Понялъ?

— Нѣтъ, милый, ничего не понялъ!

Орфеевъ расхохотался и снова повторилъ сказанное. Когда дѣло дошло до печати, то старикъ опять воспріялъ духомъ.

— Знаю, — забормоталъ онъ, завозившись на стулѣ, — ничто безъ печати возможно?...

— А приговоръ-то у васъ написанъ?

— Приговора нѣтъ, братецъ.

— Бъ чему же ты печать-то приложишь?

— То-то и я дѣлаю, что некуда...

— Такъ вотъ и надо, прежде всего, приговоръ написать.

Сысой опять повеселѣлъ:

— Это ты правильно... — чуть не вскрикнулъ онъ. — Ужь ты... того... напиши, сдѣлай милость. Ты ужь насобачился по вѣтой части.

— Можно и написать...

— И общество такъ приказывало: попроси, говорить, Артамона...

— Только, вѣдь, за это заплатить придется, — перебилъ его Орфеевъ.

— Что-жь такое, заплатимся.

— Тѣмъ живу, братецъ.

— Знаю, съ голоднымъ брюхомъ не напрыгаешься.

— Какой же вы участокъ-то снять хотите?

— Тюленьскій.

— Знаю, земляца добрая.

— Главное дѣло—подъ самыя поды наши огороды подошла. Безъ нея намъ ни вздохнуть, ни кашлянуть!...—и, нѣсколько подумавъ, прибавилъ: — Боимся только, какъ бы у насъ не отхватилъ ее Фалалей Титычъ...

— Это Пономаревъ-то?

— Да. Вѣдь, онъ и сейчасъ ее содержитъ.

— У него развѣ?

— А какже!... Вѣдь, онъ насъ въ конецъ доѣхалъ! Прямо надо говорить, на изнанку выворотилъ!... Самъ-ать по рублю по восьми гривенъ держитъ, а съ насъ по шести рубликовъ гладитъ. Вотъ мы и сумѣваемся... самъ знаешь, купецъ богатѣющій... пожалуй, и того... не выпуститъ изъ рукъ-то!... А потомъ и слушки есть...

— Какіе такіе?

— Намедни, вишь, къ писарю заѣзжалъ... Чай пилъ, за водочкой посылалъ... Ну, вотъ, сторожъ-то правленскій и подслушалъ: «Хочу, говорить, опять Тюленьскій участокъ за собой оставить». Вотъ оно что!...

— Надо хлопотать.

— Вѣстимо. Затѣмъ и прислали къ тебѣ. Ужь ты, братецъ... того... сдѣлай такую милость...

— А торги-то скоро будутъ?

— Да, вишь, въ концѣ этого мѣсяца.

— А гдѣ именно?

— Слышь, опять въ селѣ Чертопхановѣ.

— Такъ,—замѣтилъ Орфеевъ.

А Сысой сидѣлъ и все смотрѣлъ на него, словно искалъ отвѣта на его лицѣ. Но по лицу онъ ничего не узналъ и потому немного погодя спросилъ не безъ робости:

— Ну, какже... чего ты мнѣ скажешь?

— Изволь, все охлопочу, только прежде сладиться надоть... Счетъ дружбы не портить... Самъ знаешь, такое дѣло...

Они принялись ладиться и покончили на «полусоткѣ». За эту «полусотку» Орфеевъ обязанъ былъ написать отъ общества ручательный приговоръ, засвидѣтельствовать таковой при себѣ въ вертуновскомъ волостномъ правленіи, а затѣмъ, на случай какихъ-либо могущихъ выйти недоразумѣній, вмѣстѣ съ уполномоченными быть на торгахъ.

II.

На слѣдующій день, пріѣхавъ въ Вертуновку, Орфеевъ завернулъ было въ домъ Сысой Михалыча напиться чайку, но, узнавъ, что у волостного писаря опять сидитъ Ѡалалаей Титычъ Пономаревъ, тотчасъ же отправился туда. Пономаревъ дѣйствительно былъ у писаря. Сидѣли за столомъ, на которомъ стояли: самоваръ, бутылка съ водкой, тарелка съ нарѣзанною «колбаской», и, видимо, благодумствовали. Ѡалалаей Титычъ по своему нездоровью водки не пилъ и только надувался чаемъ, за то писарь, шустрый и юркій малый въ «пинжафъ» и въ русской вышитой рубахѣ, пилъ и то, и другое. Проглотить рюмку водки, закусить колбаской, вздохнуть почему-то отъ глубины души и сейчасъ же за чай, а выпивъ чай, опять за рюмку, и т. д.

— Такъ ты говоришь, что мужичонки ничего еще не пронюхали?—спросилъ Ѡалалаей Титычъ, пристально смотря на писаря.

— Мы, Ѡалалаей Титычъ, никому не сказывали-сь,—подхватилъ писарь, крѣпко прижавъ руку къ сердцу.—Ни я, ни старшина-сь! Вотъ и недавно приходилъ какъ-то Сысой Михайловъ Минавъ...

— Это старикъ такой, конопатый?—спросилъ Пономаревъ.

— Старикъ-сь, съ длинною бородой!... Ну, вотъ-сь, и спрашивалъ: «Правда ли, говоритъ, слухъ ходитъ, что оброчныя статьи на мелкіе участки разбиты?» Такъ мы съ старшиной, не повѣрите ли, даже изумленіе на своихъ лицахъ выразили-сь! Ничего, молю, не знаемъ, ей-Богу-сь. Старшина... тотъ даже правоученіе ему прочелъ-сь: «Не всякому, молю, слуху вѣрь!» Такъ старикъ ни съ чѣмъ и ушелъ. Помилуйте,—прибавилъ писарь, наливая рюмку,—да развѣ мы будемъ болтать, коли вы насъ просили это самое дѣло въ секретѣ держать?

— Однако, слухъ-ать, все-таки, ходитъ!—замѣтилъ Пономаревъ.

— А вы знаете откуда онъ пошелъ-сь?—спросилъ писарь, выпивъ рюмку.

— Откуда?

— Отъ мировова-сь, вотъ откуда-сь! Намедни онъ купца Дьякова дѣла разбираалъ, разныя, значить, взысканія съ мужиковъ за землю, тагъ, вишь, ругательски ругалъ этихъ самыхъ мужиковъ: «Дураки вы, говоритъ, ослы... Чѣмъ, говоритъ, у нушцовъ-то въ три-дорога землю снимать, взяли бы да и сняли сами. Теперь, говоритъ, земля-то мелкими участками сдается». Вонъ онъ откуда этотъ слухъ-ать пошелъ-сь!

— А я, признаться, на васъ думалъ, — замѣтилъ Пономаревъ, — а потомъ еще на непремѣннаго.

Писарь даже расхохотался.

— Да непремѣнный-то врядъ ли и знаетъ про это распоряженіе-сь, — проговорилъ онъ. — Это даже и не касается до него-сь. И опять вотъ что доложу вамъ: у непремѣннаго-то по крестьянскому-то присутствію и своихъ бумагъ много-сь. Съ ними-то дай Господи управиться... Досугъ ему такими пустяками заниматься!... Была нужда!..

— А скверно, коли эта земля отойдетъ отъ насъ! — замѣтилъ Пономаревъ и даже вздохнулъ.

За то писарь съ мѣста вскочилъ.

— Ахъ, Фалалей Титычъ, да чего вы опасаетесь-то?... Опасаться даже нечего-сь! Потому не стѣить того. Да ништо возможно казнѣ-сь или тамъ какимъ ни-на-есть другимъ прочимъ учрежденіямъ съ мужикомъ дѣло имѣть?... Кабы мужикъ въ силѣ былъ — ну, дѣло иное, — а то какая же въ немъ сила, коли у него мѣднаго пятака нѣтъ?... Мякина, больше ничего-сь.

— Мякина-то мякина, это вѣрно, пуцай!

— Вы изволили въ газетахъ читать, — продолжалъ писарь, какъ-то на-лету выпивъ водки, — сколько теперича крестьянской земли съ торговъ продается?... Понакупили земли-то съ помощью крестьянскаго банка, понахватали, а процентовъ-то платить нечѣмъ. И продадутъ-сь! Вѣдь, казна-сь операціи свои ведетъ аккуратно-сь; тамъ ужъ не зѣвай, держи ухо востро, а зазѣвался — не пеняй! Ну, гдѣ же при такихъ операціяхъ мужику обернуться! Ни-коимъ образомъ нельзя, потому изъ него изъ самого-то мякина вышла!... Вамъ, къ примѣру, мужикъ въ срокъ аренды не заплатитъ, ну, вы ему въ морду дадите, либо заставите его чего-нибудь отработать вамъ... Мужикъ за этимъ не гонится, съ него можно всегда съ полнымъ удобствомъ всякіе убытки выворотить... А, вѣдь, тамъ этого нельзя-сь... Тамъ пеня денежная-сь, копѣечка въ мѣсяць-сь! А гдѣ же ему взять, коли онъ мякина?

— Это вѣрно, — проговорилъ, видимо, успокоившійся Пономаревъ и затѣмъ, улыбувшись, прибавилъ: — Ты что же водку-то глѣнливо хлебаетъ? Хлебай!

— Я сейчасъ-сь! — и, наливъ рюмку, онъ проговорилъ, поклонившись: — Будьте здоровы-сь.

— Пей на здоровье.

Писарь выпилъ, закусилъ и, усѣвшись, принялся за чай. По-

пономаревъ долго и пристально смотрѣлъ на него и, наконецъ, проговорилъ:

— А ты, какъ я вижу, дѣльный, братецъ, малый!... Учился, что ли, гдѣ?

— Бакже-съ! — вскрикнулъ тотъ. — Въ здѣшней школѣ первымъ кончилъ-съ.

— Право, дѣльный, — продолжалъ Пономаревъ. — Сразу всю суть позналъ и даже вотъ что скажу тебѣ: успокойте меня... Дѣло прошлое! Вѣдь, ночей не спалъ, а теперь хоть куда, повеселѣлъ... Бабы не болѣзнь, такъ даже водки бы съ тобой выпилъ.

— А вы бы выкушали-съ! — подхватилъ писарь. — Можетъ, и облегченіе получите!

— Нѣтъ, братецъ, шабашъ. А вотъ чайку налей, выпью.

Писарь вскочилъ и принялся наливать чай.

Въ это самое время въ комнату вошелъ Орфеевъ.

— Чай да сахаръ, — проговорилъ онъ.

— А, Артамонъ Ерастычъ! — вскрикнулъ писарь, — милости просимъ-съ.

— Не Артамонъ, а Автономъ, — поправилъ его Орфеевъ, — и не Ерастычъ, а Еварестовичъ!

— Ну, ужъ не взыщите-съ! — вскрикнулъ писарь. — Не могу-съ, что хотите, не могу-съ... Такое мудреное имячко, что даже языкъ сломать очень легко-съ! — и, подавая Пономареву налитую чашку, спросилъ Орфеева: — А вамъ прикажете?

— Это насчетъ чаю-то?

— Да-съ.

— Налей, чашечку выпью, — и, подойдя къ Пономареву, спросилъ: — Вы какъ поживаете, Фалалей Титычъ?

— Плохо, братъ, — отвѣтилъ тотъ, подавая Орфееву руку. — Старость-то не красить... Помирать, видно, время подходить... И ноги не дѣйствуютъ, и спина не разгинается, и плохо видѣть сталъ.

— Скрипучее-то дерево два вѣка живетъ, — замѣтилъ Орфеевъ, присаживаясь къ столу.

— Вамъ еще помирать рано-съ, — перебилъ его писарь, подавая ему налитую чашку. — Пожить слѣдуетъ, потому вы благодѣтели наши, не забываете насъ, бѣдныхъ людей.

Но Пономаревъ словно не слушалъ его и говорилъ:

— Лишь бы только Господь помереть-то привелъ по-христіански!... Вотъ о чемъ молю Господа Бога! А то, вѣдь, и такъ бываетъ: ходитъ, ходитъ человекъ, да вдругъ и помереть.

— Бываетъ и этакъ;—подхватилъ Орфеевъ.

— Помнишь, поди, Боршунова-то?—спросилъ Пономаревъ.

— Василья-то Иваныча? Еще бы не помнить. Весело померъ, на ярмаргѣ.

И Орфеевъ захохоталъ.

— Тебѣ смѣшки,—перебилъ Пономаревъ,—а каково покойнику-то? Господи, на какомъ распутномъ дѣлѣ смерть-то застигла, а?... Каковъ ему, сердечному, опосля такихъ-то фокусовъ на томъ свѣтѣ глазами-то хлопать?

— Ну, вы этакъ не умрете, Фалалей Титычъ,—проговорилъ Орфеевъ, посмѣиваясь.—Поди, ужъ и забыли про такіе-то фокусы. Пономаревъ даже испугался и креститься началъ.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ за этакія твои рѣчи! Чтобы я такими глупостями заниматься сталъ. Я и въ молодости, и то этого грѣха не зналъ... А потомъ и вотъ что скажу тебѣ, другъ любезный,—прибавилъ онъ, слегка дотронувшись рукой до плеча Орфеева,—дурныхъ-то дѣлъ и окромя много на бѣломъ свѣту, хорошихъ-то мало, а дурныхъ-то не оберешься! Не на такомъ, такъ на иномъ смертный-то часъ постигнуть можетъ... Тоже, вѣдь, и этакъ-то,—прибавилъ онъ, указывая на столъ,—за самоваромъ умереть не велика радость... А то, бываетъ, громомъ хватить... Ты, можетъ, еще весь въ грѣхахъ ходишь, а тебя ахнеть.

— Этакъ-то лучше,—замѣтилъ Орфеевъ,—сразу.

— Нѣтъ, ты не сквернословъ,—перебилъ его Пономаревъ, грозя пальцемъ.—Грѣхъ, великій грѣхъ. А ты моли Господа Бога, чтобы онъ тебя христіанскою кончиной благословилъ,—и, вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ заговорилъ какимъ-то пѣвучимъ, мягкимъ голосомъ:—Читалъ я, другъ любезный, житіе одного монаха-схимника. Вотъ это такъ сподобилъ Богъ! Жилъ онъ, братецъ, въ лѣсу, въ пещерѣ, далеко отъ монастыря. Питался одними просфорами; сходить, бывало, въ монастырь, отстоять заутреню, обѣдню, вынесутъ ему просфору и вотъ этою-то просвирочкой пѣлаю недѣлю и питался... кушаетъ ее, да только студененькою водицей прихлебываетъ. Такъ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ и каждое воскресенье приходилъ въ монастырь. Вдругъ, нѣтъ схимника... Удивило это всѣхъ монаховъ и они пошли къ нему въ пещеру. Пришли и видятъ: стоитъ схимникъ на колѣняхъ передъ иконами, глазки закрыты, а ручки вотъ такъ-то, крестомъ, на груди положены. Думали, молится, а онъ замѣсто того преставился... какъ молился, такъ и окончилъ. Вотъ этакому-то и на страшный судъ явиться весело... Такого-то горячія сковороды лизать не пошлютъ,—нѣтъ, дудки!—

и, затѣмъ, обратясь къ писарю, проговорилъ:—Однако, вотъ что! Засидѣлся я у тебя, время и ко двора. Сбѣгай-ка, вели-ка работнику лошадей подавать.

— Сію минуту-съ, Фалалей Титычъ.

А когда писарь ушелъ, Пономаревъ обратился къ Орфееву:

— А ты по дѣлу, что ли, сюда пріѣхалъ?

— Да.

— По какому такому?

— Довѣренность отъ одного мужика засвидѣтельствовать,— совралъ Орфеевъ.

— А не по другому какому?

— Нѣтъ.

Посидѣли, помолчали, а потомъ Пономаревъ посмотрѣлъ пытливо на Орфеева и спросилъ:

— А насчетъ казенной земли ничего не слыхалъ?

— Что же именно?

— Ходятъ слухи, что будто мужичишки тоже торговаться собираются.

— Не слыхалъ.

— Не врешь?

— Да вы мнѣ за вранье-то деньги заплатили, что ли?—спросилъ Орфеевъ, расхохотавшись.

— Тебѣ бы все деньги!

— А вамъ бы все даромъ!

— Гусь лапчатый, какъ посмотрю я на тебя!—замѣтилъ Пономаревъ, покачавъ головой.

— Ну, а вы-то,—спросилъ вдругъ Орфеевъ,—опять намѣрены арендаторомъ сдѣлаться?

Пономаревъ даже руками замахалъ.

— Да что я съ ума, что ли, спятилъ?... Была нужда!... Не видалъ я этой земли-то!... Слава тебѣ, Господи, сколько лѣтъ держалъ ее...— и, переиначивъ тонъ, прибавилъ:— Нѣтъ, братецъ, я торговаться не буду... Первымъ дѣломъ, годами ушелъ, а второе дѣло: не стоитъ того возиться-то съ этою самою землей!... Выпашка, взять тамъ нечего.

— А пріятель-то вашъ Дьячковъ?

— Ну?

— Будетъ торговаться?

— Говорилъ, что будетъ.

— Вы съ нимъ, кажись, всю казенную землю забрали.

— Да, онъ тоже арендаторъ крупный, солидный купецъ, и говорить нечего!

Орфеевъ улыбнулся.

— Ты чего это ухмыляешься-то?—спросилъ Пономаревъ, замѣтивъ эту улыбку.

— Да по поводу фамилийъ вашихъ, — вскрикнулъ Орфеевъ. — Вы—Пономаревъ, тотъ—Дьячковъ, кабы еще къ вамъ Дьяконова да Попова, — полный бы причетъ составился; весь бы уѣздъ въ аренду сняли!

— Дуракъ!—проворчалъ Пономаревъ.

Вбѣжалъ писарь и, подлѣтѣвъ къ Пономареву, проговорилъ:

— Готовы лошади, Фалалей Титычъ, у крыльца стоять-сь!

— Ладно, — замѣтилъ Пономаревъ и, кряхтя и охая, сталъ приподниматься съ мѣста; подскочилъ писарь, ухватилъ его подъ мышки и помогъ встать. — Ну, спасибо за чай и за сахаръ, — проговорилъ Пономаревъ, — а теперь помощи мнѣ въ тарантасъ усѣсться... а то, пожалуй, одинъ-то и не вскарабкаешься, — и вдругъ взглянувъ нечаянно на иконы, крикнулъ, обращаясь къ писарю:—Это что же такое, братецъ? День сегодня воскресный, а у тебя и лампадка не теплится.

— Забылъ, Фалалей Титычъ.

— Затецки!

А когда писарь зажегъ лампадку и снова подхватилъ Пономарева подъ руку, тотъ, обратясь къ Орфееву, проговорилъ:

— Ну, прощай и ты, гусь лапчатый!

— Будьте здоровы, Фалалей Титычъ!—проговорилъ Орфеевъ, расшаркиваясь, и, распахнувъ передъ нимъ дверь въ сѣни, прибавилъ:—Скатертью дорога!

Усадивъ Фалалея Титыча въ тарантасъ, запряженный тройкой сытыхъ битюговъ, и проводивъ его низкими поклонами, писарь поспѣшилъ возвратиться въ комнату.

— Ну-сь, — проговорилъ онъ, потирая руки и обращаясь къ Орфееву, — а вы по какому дѣльцу пожаловали, Артамонъ Ерастычъ?

— А вотъ по какому, — отвѣтилъ тотъ, вынимая изъ кармана бумажникъ. — Во-первыхъ, вотъ тебѣ пятьдесятъ копѣекъ и пошли сторожа за водкой и за воблой... Проходя мимо лавочки, я видѣлъ, что привезли самую свѣжую, что твой балыгъ...

— Точно-сь, привезли-сь.

— Во-вторыхъ, — продолжалъ Орфеевъ, не торопясь, — пошли

за его степенствомъ господиномъ старшиной; вѣдь, онъ у васъ не здѣшній, изъ деревни изъ какой-то?

— Старшина сейчасъ прїѣдетъ, Артамонъ Ерастычъ, и послать нечего-съ.

— Ну, ладно!... А, въ-третьихъ,—продолжалъ Орфеевъ тѣмъ же тономъ и подавая писарю ассигнацію, — вотъ тебѣ пятишница и давай дѣло дѣлать.

— Какое-съ?—спросилъ писарь, спрятавъ поспѣшно въ жилетный карманъ полученный подарокъ.

— Ручательный приговоръ засвидѣтельствовать требуется.

Писарь какъ-то съѣжился, закрылъ лицо руками и залился звонкимъ хохотомъ.

— Чего хохочешь-то?

— Надъ Фалалеемъ Титычемъ, надъ нимъ хохочу-съ,—проговорилъ писарь, продолжая хохотать.—А, вѣдь, онъ увѣренъ, что, кромѣ его да Дьячкова, никто и на торги-то не явится. А ужъ мы тутъ три приговора засвидѣтельствовали, а вашъ будетъ четвертый...

— Ну,—перебилъ его Орфеевъ,—посылай за водкой и давай за дѣло приниматься.

— Въ одну секунду, Артамонъ Ерастычъ, въ одну секунду!

И онъ выбѣжалъ въ сѣни.

А какъ разъ въ это время раздался колокольчикъ, Орфеевъ взглянулъ въ окно и увидалъ подъѣхавшаго къ крылечку волостнаго старшину.

III.

Недѣли три спустя послѣ описаннаго вокругъ Чертопхановскаго волостнаго правленія, помѣщавшагося какъ разъ на базарной площади, въ недалекомъ разстоянїи отъ церкви, замѣчалось очень большое оживленіе. Здѣсь были и мужики въ зипунахъ и рубашкахъ, и всякая шушера, какъ-то: кабатчики, лавочники, тарханы, разодѣтые въ чуйки, поддевки, куцые «пинжаки» и длиннополые купецкіе сюртуки. Было даже два-три священника со значками «Краснаго Бреста» на рясахъ. Весь этотъ людъ собрался сюда на торги, назначенные на этотъ день нарочно командированнымъ по этому случаю чиновникомъ изъ губернскаго города. Всѣмъ хотѣлось попользоваться «насчетъ казенной землицы», нѣкоторымъ съ цѣлью грабежа и легкой наживы, а большинству въ силу крайней необходимости. Собравшіеся раздѣлились на два враждующихъ ла-

гера. Мужики, лежа на землѣ, жесились на этихъ такъ называемыхъ «новыхъ господъ», а «новые господа», развязно гуляя по площади, грызли сѣмечки и подсмѣивались надъ собравшимися «кацапами».

— Тоже приползли!—трунили «господа».

Однако, главныхъ арендаторовъ все еще не было. Отсутствовалъ Фалалей Титычъ Пономаревъ, а равно и Агафонъ Кузьмичъ Дьячковъ. Не прїѣзжалъ еще и чиновникъ. Отсутствіе послѣдняго тѣмъ болѣе всѣхъ удивляло, что чиновникъ этотъ долженъ былъ бы прїѣхать въ Чертопханово еще вчера вечеромъ, почему для него даже приготовлена была квартира на вѣзжей, а его все нѣтъ.

— Ужъ не отиѣнены ли торги?—замѣтилъ кто-то.

— Ну, поди, извѣстили бы!

Петька Лещевъ, шустрый, бойкій малый, тоже прїѣхавшій на торги по порученію отца, сбѣгалъ въ волостную за справками и, справившись, объявилъ, что никакихъ распоряженій объ отиѣнѣ торговъ въ правленіи не имѣется.

Но вотъ подѣхалъ Орфеевъ и разъяснилъ дѣло.

Оказалось, что чиновникъ какъ-то запоздалъ, сбился съ дороги и, проколесивъ всю ночь по степи, только передъ разсвѣтомъ, и то случайно, наткнулся на хуторъ Фалалея Титыча, гдѣ и остался ночевать.

— Тамъ же и Дьячковъ,—прибавилъ онъ.

— Ты почему знаешь?

— Мимо ѣхалъ и видѣлъ,—объяснилъ Орфеевъ.—Сидятъ себѣ въ палисадничкѣ, столикъ передъ ними, самоварчикъ кипитъ... все какъ слѣдуетъ!

Бончилась обѣдня. Раздался веселый трезвонъ колоколовъ, и пестрая толпа народа повалила изъ церкви. Площадь еще болѣе оживилась. Послышался громкій говоръ мужиковъ и звонкіе голоса разодѣтыхъ по-праздничному бабъ и дѣвокъ. Къ нимъ подлетѣлъ Петька Лещевъ и такія-то принялся выдѣлывать «выкрутасы», что вся площадь мигомъ огласилась хохотомъ. Послѣдними вышли изъ церкви старушки. Проходили онѣ по площади табунчикомъ, опираясь на свои «бадохи», и все еще продолжали креститься. Годы взяли свое и, отнявъ жизнь у этихъ все еще живыхъ существъ, оставили имъ взамѣнъ бессонницу, ломоту и безсильную зависть при видѣ всего живаго и молодаго. Послѣ старушекъ показался и церковный причтъ. Увидавъ прїѣхавшихъ священниковъ, мѣстный «батюшка» подошелъ къ нимъ.

— А, отцы святыя! — проговорилъ онъ, приятно улыбаясь. — Насчетъ землицы, что ли, пожаловали къ намъ?

— Да, хотѣлось бы лоскутикъ небольшой, — отвѣтилъ тѣ.

— Доброе дѣло!

— Не знаемъ только, удастся ли?

— Это почему?

— Видите, сколько мужичковъ-то понаѣхало...

— Вы этихъ не опасайтесь, — замѣтилъ «батюшка»; понизивъ голосъ. — Вонъ кого бойтесь... — и онъ указалъ глазами на «новыхъ господъ».

Священники тоже покосились на нихъ.

— Вотъ кого-съ! — проговорилъ «батюшка» и затѣмъ, переи́нвивъ тонъ, прибавилъ: — Ну-съ, а послѣ торговъ ко мнѣ милости просимъ, побесѣдуемъ.

— Благодаримъ... завернемъ...

— Буду въ ожиданіи...

И «батюшка», пожавъ руки священникамъ, направился къ своему домику.

А мужики все лежали и посматривали на дорогу, по которой долженъ былъ «прикатить» чиновникъ. Дорога эта бѣжала по полуторью, возвышавшемуся въ концѣ села, и потому была у всѣхъ на глазахъ. Но на дорогѣ, кромѣ стаи грачей, никого не было. Черною тучей покрывали они дорогу и шумнымъ крикомъ оглашали воздухъ. Вдругъ кто-то крикнулъ: «ѣдетъ!» — и вся площадь заколыхалась. Дѣйствительно, изъ-за горы вылетѣли три тройки и, вздымая облака пыли, направились къ селу. Испуганная шумомъ стая грачей замахала крыльями и съ громкимъ крикомъ взлетѣла на воздухъ. Начали вглядываться и узнали, что въ первомъ тарантасѣ ѣхалъ чиновникъ, въ слѣдующемъ — Фалалей Титычъ Пономаревъ, а въ послѣднемъ — Агафонъ Бузьмицъ Дьячковъ. Немного погодя тарантасы стояли уже у крыльца волостнаго правленія, а на крыльцѣ виднѣлся волостной старшина со знакомъ на груди. Мужики поднялись съ земли и сняли шапки.

— Извините, господа, — говорилъ чиновникъ, выскочивъ изъ тарантаса, — опоздалъ немного... Вчера сбился съ дороги, проплуталъ всю ночь и, грѣшный человекъ, проспалъ сегодня. Извините! — и, проговоривъ это, онъ вошелъ въ волостное правленіе.

Выгрузился изъ тарантаса и Фалалей Титычъ. Выгружался онъ долго, крихтѣлъ, охалъ и, ступивъ, наконецъ, на землю, принялся выправлять поясицу.

Его окружили «новые господа».

— Устали, Фалалей Титыч?—спрашивали они.

— Не прежнія времена!—проговорилъ онъ, и затѣмъ, прищурившись и поглядѣвъ на толпившихся около волостнаго правленія мужиковъ, прибавилъ:—Однако, понабралось-таки!

— Много-съ, очень много-съ, Фалалей Титыч, — подхватилъ Петька Лещевъ. — Слышно даже, что за нѣкоторыхъ Ерошеевъ хлопочеть.

— А пушай его... не боимся!—проговорилъ Пономаревъ.

Подошелъ Орфеевъ.

— Фалалей Титычу наше почтеніе! — проговорилъ онъ развязно.

— А, гусь лапчатый, и ты здѣсь?

— Да, тоже хочу землицей заняться.

— Набрехалъ ништо?

— Маленько набрехалъ...

— Житейское все на умѣ-то!

— Живой человекъ, о житейскомъ и думаю.

— Э-эхъ, эхъ, эхъ!—вздохнулъ Фалалей Титыч и тотчасъ же добавилъ:—А ты бы вотъ проповѣди Платона митрополита почиталъ. Тамъ онъ въ одномъ мѣстѣ о житейскомъ-то говоритъ: «Посмотрите, говоритъ, на птицъ небесныхъ! Не съютъ, не жнутъ, а сыти!...»

— Ну, ужъ и ѣда тоже,—перебилъ его Орфеевъ,—по дорогамъ-то всякую дрянъ клевать!

Раздался хохоть.

Выбѣжалъ на крылечко волостной писарь и, махая рукой, кричалъ:

— Пожалуйте, господа, пожалуйте,—сейчасъ торги начнутся!

И всѣ шумно повалили въ волостное правленіе...

И. Словъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИРЛАНДІЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ *).

Романъ миссъ Анни Кэри.

XXX.

— Очень бы хотѣлось мнѣ знать, были ли она въ баннѣ Уголино?— нѣсколько мѣсяцевъ спустя говорила Эллиенъ Коннору черезъ два дня послѣ его приѣзда изъ Дублина.

— Конечно; какъ и мы, онъ умираетъ съ голода, глядя на изобиліе, отъ котораго его отдѣляли крѣпкія стѣны, тогда какъ насъ останавливаютъ вымышленные законы, которые стоить только уничтожить.

— Я думала объ окнахъ, открытыхъ на болѣе обширный горизонтъ, — продолжала Эллиенъ. — Я не знаю, отчего это, Конноръ, но когда ты здѣсь, ты очаровываешь меня своими безумными надеждами... Но я бы предпочла думать иногда о злѣ, которое сдѣлали мы сами, или чувствовать, какъ большинство умирающихъ жертвъ, что это Божья воля.

— Кто-то сказалъ недавно тоже самое д'Арси и онъ разсердился такъ, точно услышалъ богохульство, приписывающее Богу людскую несправедливость.

— Я знаю, что удручающее насъ бѣдствіе не лишено несправедливости и является отчасти результатомъ долгаго и плохаго управленія, но, тѣмъ не менѣе, настаиваю, что умирающіе видятъ дальше нашего, когда признаютъ десницу Божію, дарующую имъ освобожденіе отъ страданій, котораго они жаждутъ.

— Десница же Божія освободитъ ихъ, когда одинаковыя страданія сблизятъ ихъ, чтобы возсоздать націю. Эти три милліона жертвъ борятся за Ирландію такъ же дѣйствительно, какъ если бы они гибли на полѣ битвы, и голодъ принесетъ, можетъ быть, величайшее благо для всѣхъ.

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

— Я другаго мнѣнія, Бонноръ. Въ довершеніе всего, я боюсь того, на что ты надѣешься, и говорю какъ царь Давидъ: «Пусть я впаду лучше въ руки Божіи, чѣмъ въ людскія!»

— А! тебя совращаютъ эти отвратительныя газеты, входящія изъ Англіи съ подчеркнутыми строками, чтобы внушать тебѣ разочарованіе и трусость. Читала бы ты лучше только *Nation*!

— Полученная сегодня газета пришла изъ Пельгамъ-Бурта и заключала въ себѣ рассказъ о публичномъ собраніи въ Рабенгамъ подъ президентствомъ дяди Чарльза, съ цѣлью подать парламенту петицію объ отмиѣнѣ сборовъ въ пользу католической церкви, какъ средства положить конецъ голоду въ Ирландіи!

— Отошли газету обратно. Я напишу въ ней между строками.

— Нѣтъ, виѣстѣ съ газетой пришло письмо съ деньгами для бѣдныхъ голодающихъ. Я не могу ни отказаться отъ помощи, ни оскорбить тѣхъ, кто прислалъ ее. Все лѣто, съ тѣхъ поръ какъ Мармадукъ понялъ, какъ ужасно бѣдствіе, онъ аккуратно присылаетъ мнѣ деньги. Я увѣрена, что онъ для этого налагаетъ на себя даже лишенія, покупаетъ меньше перчатокъ и духовъ.

— Это не мало со стороны англійскаго офицера въ пользу дѣлхъ ирландцевъ. Но будь покойна, онъ впоследствии потребуетъ за это плату. Вашу руку за сотню ирландцевъ, спасенныхъ отъ голода! Онъ не съумѣетъ выразиться такъ, но это его основная мысль, повѣрь мнѣ.

— Нѣтъ, онъ лучше знаетъ меня; онъ великодушенъ въ разсѣрахъ своего пониманія, дѣйствительно великодушенъ, и не онъ одинъ, Бонноръ, другъ мой, и это-то мѣшаетъ мнѣ чувствовать такую горечь, какую чувствуешь ты. Даже среди ирландцевъ есть много такихъ, которые не думаютъ объ общемъ бѣдствіи. Я получила письмо отъ Цинтіи О'Руиъ, которая проситъ у меня узоровъ для вышиванія. «Положеніе страны заставляетъ насъ сидѣть дома,—пишетъ она,—съ опущенными столами, и мы не имѣемъ никакихъ развлеченій, кромѣ работы».

— Отчего не ѣдутъ они въ Дублинъ? Они могли бы тамъ весело проводить время.

— Ихъ отецъ служить въ Вестпортѣ. Это превосходно для нихъ. Хоть бы Пельгамъ постарался избавить населеніе отъ необходимости обращаться къ общественной благотворительности!

— Я предпочелъ бы умереть съ голоду.

— Мой дорогой Бонноръ, мы дѣйствительно давно умерли бы съ голода, если бы не усилія Пельгама привести въ порядокъ дѣла замка Дали и не аренда, получаемая нами отъ Торнлеевъ за доиъ,

въ которомъ они больше не живутъ. Пельгамъ, насколько возможно, исполняетъ свой долгъ. Въ странѣ еще много хорошихъ людей, если есть и такіе, какъ О'Рунъ. Знаешь ты, что отецъ Петръ умеръ? Бидди О'Реа приходила сегодня сообщить объ этомъ. Онъ отдалъ днемъ послѣдній кусокъ хлѣба и былъ слишкомъ слабъ, чтобы идти за новою порціей въ городъ; служанка его умерла на прошлой недѣлѣ. Онъ легъ на постель и сегодня скончался—съ разбитымъ сердцемъ, сказалъ онъ, такъ какъ ничего не въ силахъ больше сдѣлать для своей паствы.

— Жалко, лучшіе люди умираютъ отъ горя, вмѣсто того, чтобы примкнуть къ сопротивленію. Если бы духовенство было за-одно съ Союзомъ, особенно ирландское...

— Оно должно быть христіанскимъ прежде всего, мой милый другъ, и, слѣдовательно, не можетъ сочувствовать революціи, о которой мечтаешь ты, Конноръ. Но ты не спрашиваешь меня, откуда остальные письма.

— Изъ Англіи, конечно.

— Да, и я раздумываю, рассказывать ли ихъ содержаніе, и рѣшила сдѣлать опытъ на тебѣ. Ты утѣшаешься скорѣе Пельгама!

— А! глупая Лесбія выходитъ замужъ! Я былъ увѣренъ, когда увидалъ это толстое письмо! За кого она выходитъ? За наследника Пельгамъ-Бурта? Какой дуракъ! Боже мой, какой дуракъ!

— Почему же? Ты довольно усердно старался одержать ту же побѣду!

— Но для начала я влюблялся въ Эмленъ Дали!

— Гадкій льстецъ, молчи! Твое воображеніе, впрочемъ, заходитъ слишкомъ далеко. Онъ еще не объявленъ женихомъ. Но изъ писемъ Мэри и Луизы я видѣла, что эта свадьба устраивалась все-лѣто и теперь, кажется, мы приближаемся къ развязкѣ.

— А! новости приходятъ изъ Пельгамъ-Бурта?

— Да, онъ убѣжденъ въ глубинѣ сердца, что я страшно оскорблена, и удовлетворяютъ свою злобу, перечисляя побѣды и отказы Лесбіи. Первые извѣстія я получила во время самой сильной лихорадки у кузины Анны и нѣсколько дней носила письмо въ карманѣ, чтобы показать Пельгаму; но я не рѣшилась,—у него такой несчастный видъ! Письмо, полученное сегодня отъ Лесбіи, полно, конечно, «вашъ кузенъ Мармадукъ», но они находятся сейчасъ въ Пельгамъ-Буртѣ и въ письмѣ есть фраза объ Уайтелиффѣ, которая не доставила бы большого удовольствія новому влюбленному. Мэри Пельгамъ выражается опредѣленнѣе: «Мы ни одного лѣта не проводили такъ весело,—пишетъ она,—и Дугъ не отходитъ отъ Лесбіи.

Мы любимъ ее гораздо больше съ тѣхъ поръ, какъ она оцѣнила нашего брата, и часто говоримъ съ мамой, что страшное безуміе приходитъ въ отчаяніе отъ неудачъ, могущихъ случиться съ такимъ прелестнымъ юношей, какъ Мармадукъ, такъ какъ онъ почти всегда вознаграждается чѣмъ-нибудь лучшимъ». Не правда ли, колкость хорошо сказана?

— Противная ящерица! Какъ я радъ, что всегда дразнилъ ее, какъ только могъ!

— Во всякомъ случаѣ, Конноръ, если мы лишены помощи, то сами прогнали тѣхъ, кто намъ помогаль. Чего намъ особенно недостаетъ, это—предусмотрительности и энергіи, одушевлявшихъ Бриду Торнлей. Отецъ Петръ не умеръ бы, если бы могъ обратиться въ замокъ. Тайны тяжело нести, Конноръ.

— Да, но такова роль женщинъ въ возстаніи. Ты будешь гордиться современемъ нашимъ довѣріемъ.

— Я въ этомъ не увѣрена, Конноръ. Одно только послѣдствіе злополучныхъ тайнъ оказалось счастливымъ, благодаря великодушію, рѣдкому въ писателѣ. Какая прекрасная статья о поѣтахъ Молодой Ирландіи замѣнила ту, которую ты изорвалъ!

— Это правда; д'Арсис говоритъ, что онъ не считалъ возможнымъ, чтобы человѣкъ могъ отдать такую полную справедливость своимъ врагамъ. Онъ видитъ немного далѣе другихъ, этотъ Джонъ Торнлей; онъ знаетъ, что мы можемъ быть опасны и что ложкой меда поймаетъ больше мухъ, чѣмъ бочкой уксуса. Его, вѣроятно, превозносятъ въ Пельгамъ-Куртъ; его слава, какъ критика, растетъ съ каждымъ днемъ. Онъ тамъ съ сестрами?

— Лесбія ничего не пишетъ. Хочешь прочесть ее письмо?

— Нѣтъ, я не желаю имѣть дѣла съ мистрисъ Мармадукъ; дай Пельгаму.

Элленъ вернулась въ домъ. Общественное бѣдствіе сдѣлалось такъ велико, что мысли ея матери невольно были полны имъ и у нея не было времени постоянно беспокоиться о Пельгамѣ; сердце ея открылось для другихъ дѣтей и Элленъ начинала чувствовать сладость материнской любви, которой такъ долго была лишена.

Развѣшивая пакетики риса для ежедневной раздачи, мистрисъ Дали молча размышляла о письмѣ Мэри Пельгамъ. Ея глаза сверкали отъ негодованія, когда вошла къ ней Элленъ. Ея дѣти, интересы всѣхъ ея дѣтей были поставлены на карту въ этомъ дѣлѣ.

— Какъ могла я быть такою слѣпой въ Уайтклиффъ, чтобы не замѣтить, что мои оба сына влюблись въ дѣвушку, имя которой я едва знала?—воскликнула она при входѣ дочери.—Я видѣла, ты

разговаривала съ Конноромъ, — что говорить онъ о пельгамъ-куртскихъ новостяхъ?

— Увы, мама, не многое; онъ равнодушенъ къ этому, какъ онъ увѣряетъ. Въ первый разъ я думаю, что онъ серьезно любитъ Лесбію!

— А мой бѣдный Пельгамъ! Когда я подумаю, что счастье моихъ дѣтей въ рукахъ этой дѣвочки!

— Теперь кончено, мама: Торнлеи исчезаютъ изъ нашей жизни; они не вернутся больше въ Ирландію, разъ Лесбія будетъ замужемъ.

— И мы, значить, умремъ съ голода. Кто найметъ замокъ Дали? Ахъ, Эленъ, какое несчастье, что ты не захотѣла выйти за Мармадука! Я такъ давно мечтала объ этомъ: съ нашей первой поѣздки въ Пельгамъ-Куртъ, когда ты, повидимому, старалась ему понравиться.

— Это моя вина, моя! — Эленъ опустила на колѣни около матери и цѣловала ея руки. — Я хотѣла покорить ваше сердце и вообразила, что если такой хорошей человѣкъ, какъ Мармадукъ, оцѣнитъ меня, вы будете лучшаго мнѣнія о вашей ирландской дурочкѣ. Вотъ какъ ошибаешься другъ въ другѣ!

Мистрисъ Дали ничего не отвѣтила; она старалась понять, отчего ея дѣти никогда не угадывали нѣжности, которую она чувствовала къ нимъ.

— Но, мама, вѣдь, счастье не въ томъ, чтобы жить въ прекрасномъ домѣ и пользоваться всѣми удобствами. Я бы скоро умерла, если бы была связана съ человѣкомъ, котораго, все-таки, немного презираю.

— А за что ты его презираешь? Всѣ уважаютъ Мармадука.

— Да, но я была бы его жена, а не «всѣ». Онъ видитъ не то, что я вижу, чувствуетъ не то, что я чувствую. Такъ какъ я не могу отвѣчать на его любовь, то съ радостью уступаю его Лесбіи.

— А я думаю объ отчаяніи моего бѣднаго Пельгама!

— Я тоже, но я не забываю, что если бы онъ женился на Лесбіи весной, онъ всю жизнь зависѣлъ бы отъ Торнлеевъ. Теперь онъ предоставленъ самому себѣ и показалъ, чего стоить. Правда, у него впереди тяжелая жизнь, полная труда, но про него уже начинаютъ говорить въ странѣ: «Онъ настоящій Дали!»

— Я не горжусь такъ, какъ ты, этимъ комплиментомъ, Эленъ, но я немного покойнѣе отъ сознанія, что мы коснулись дна пропасти, — нечего больше ждать. Узнала ты подробности о смерти отца Петра?

— Бидди О’Реа рассказывала мнѣ, что въ воскресенье, вмѣсто того, чтобы говорить проповѣдь, онъ остановился передъ алтаремъ, трижды повторивъ мѣсто изъ посланія: «Небо и земля прейдутъ!» — и затѣмъ сѣлъ на ступеньки, рыдая. Всѣ плакали вмѣстѣ съ нимъ, но, какъ говорила Бидди, онъ показалъ имъ единственное утѣшеніе. Онъ имѣетъ теперь надежду, которой ничто не можетъ отнять.

— Кузина Анна потеряла въ немъ друга; дай Богъ, чтобы это не повліяло на ея выздоровленіе! Ты можешь пойти сегодня къ ней ночевать, чтобы узнать, какъ она себя чувствуетъ.

— О, я была бы такъ рада, если бы вы могли обойтись безъ меня! Пельгамъ вернется рано, а Конноръ будетъ у васъ подъ рукою.

— Кто отвезетъ тебя въ Ущелье Фей?

— Я пойду пѣшкомъ въ такую чудную погоду; кромѣ того, я хочу зайти къ Малаши: три дня никто изъ нихъ не приходилъ и я боюсь, что они въ ужасномъ положеніи. Сосѣди дадутъ умереть имъ съ голода, а не приблизятся къ нимъ.

— Я не люблю пускать тебя одну въ этотъ уединенный закоулокъ горы. Что ты сдѣлаешь, если застанешь ихъ умирающими?

— О, я скоро найду помощь: въ сосѣдней долинь, гдѣ жилъ отецъ Петръ, сегодня много посѣтителей. Я буду у Анны до захода солнца.

Полчаса спустя Эленъ съ корзиною, наполненною провизіей, отправилась по горнымъ ущельямъ по направленію къ высохшему потоку, на берегу котораго пріютилась хижина, служившая убѣжищемъ для Малаши; переходя съ зеленѣющихъ долинъ къ крутымъ склонамъ горъ, подъ шумъ ручьевъ и водопадовъ, она чувствовала, какъ ее уставшее сердце и опечаленные глаза отдыхали при видѣ чудной красоты, разстилавшейся вокругъ нея подъ заходящими лучами солнца. Эленъ сѣла на холмикъ у ручейка и заслушалась его серебристаго журчанія; вдали раздавался унылый звонъ, возвѣщавшій постыль о кончинѣ отца Петра. Дѣвушка думала объ отчаяннѣи несчастнаго, котораго она шла навѣстить. Одинъ отецъ Петръ переступалъ иногда порогъ зачумленнаго. Его единственною связью съ живымъ міромъ оставалась благотворительность Дали.

Иногда Эленъ различала вдали темныя точки, движущіяся къ маленькой капеллѣ, возвышавшейся среди долины. Тамъ шла, вѣроятно, служба по покойномъ отцѣ Петрѣ, и ей, слѣдовательно, нечего было бояться одиночества. Скоро она замѣтила, что одинъ изъ далекихъ путниковъ направлялся къ небольшой полянѣ, гдѣ она находилась, по зеленому склону, по которому она начала подниматься, чтобы достигнуть русла высохшаго потока. По мѣрѣ

того, какъ разстояніе уменьшалось, она яснѣе различала фигуру: это не былъ крестьянинъ изъ сосѣдней деревни; одежда и походка не могли принадлежать крестьянину; это не былъ Конноръ, который былъ выше и шире того, кто приближался. Нѣтъ, это былъ самъ Джонъ Торнлей, неожиданно появившійся въ горномъ ущельѣ, тогда какъ она думала, что онъ спокойно сидитъ въ Пельгамъ-Буртъ, — Джонъ, разставшійся съ ней у подъѣзда замка Дали съ грустнымъ взглядомъ, удивленный ея упорнымъ молчаніемъ и неожиданнымъ бѣствомъ, — Джонъ, которому она мечтала въ послѣдствіи и при другихъ обстоятельствахъ объяснить свое странное поведеніе, опечалившее его. Онъ узналъ ее, онъ приближался къ ней; радость и удивленіе изобразились на его лицѣ, несмотря на усилія сохранить равнодушно-покойный видъ. Элленъ достигла вершины горы, когда они встрѣтились. Послѣ первыхъ вопросовъ настало неловкое молчаніе. Элленъ первая прервала его.

— Мы не ждали васъ сюда... такъ рано, — быстро прибавила она, увидѣвъ, что ея невинное замѣчаніе вызвало мучительное выраженіе на лицѣ собесѣдника.

— Я не могъ долѣе оставаться тамъ, — произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Я пріѣхалъ посмотрѣть, что дѣлается здѣсь. — Глаза Элленъ невольно спрашивали его. Онъ продолжалъ: — Лесбія писала вамъ, кажется, что было собраніе подъ президентствомъ сэра Чарльза Пельгама?

Элленъ сдѣлала утвердительный знакъ.

— Ну, такъ въ то же утро, передъ собраніемъ, Брида дала мнѣ прочесть только что полученное письмо миссъ О'Флаэрти, и во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ доводахъ ораторовъ, мнѣ казалось, я слышалъ вашу противорѣчающую, объясняющую, умоляющую голосъ. Когда мы вернулись въ Пельгамъ-Буртъ, я не могъ удержаться: собралъ свои вещи и поѣхалъ въ замокъ Дали, чтобы самому взглянуть, что тамъ дѣлается. — Онъ смотрѣлъ на Элленъ съ безпокойнымъ, пронизывающимъ вниманіемъ, точно, прежде всего, хотѣлъ прочесть, что дѣлается въ ея душѣ. — Говорили о такомъ количествѣ больныхъ, умирающихъ, что я не зналъ, что найду здѣсь, — прибавилъ онъ.

— Вы слышали, что кузина Анна была очень больна? Ея старшій другъ, отецъ Петръ М'Гиръ, умеръ сегодня.

— Она сказала мнѣ объ этомъ сегодня. Я иду изъ Ущелья Фей; я пріѣхалъ вчера вечеромъ въ замокъ Дали и шелъ въ Орлинное Гнѣздо, чтобы передать вамъ просьбу миссъ О'Флаэрти навѣстить ее.

— Я иду къ ней; но мнѣ надо раньше зайти въ одну хижину недалеко отсюда, на полчаса, можетъ быть. Идите лучше въ Орильное Гнѣздо, мама будетъ рада васъ видѣть, и Бонноръ у насъ.

— Вы гоните меня, когда я едва васъ видѣлъ! — воскликнулъ Джонъ съ отчаяніемъ.

— Я вовсе не гоню васъ: я хочу васъ разспросить о Лесби, о кузинахъ, но я должна зайти одна въ эту хижину.

— Я подожду васъ; но гдѣ вы видите хижину? Я вижу только груду камней.

— Нѣтъ, здѣсь есть хижина; дверь отворяется за скалой и въ нее ходъ по ужасной лѣстницѣ, высѣченной въ камняхъ. Не идите дальше: здѣсь есть больной, котораго можетъ взволновать вашъ видъ.

Элленъ исчезла въ расщелинѣ скалы; но, остановившись у дверей хижины, она съ благодарностью увидѣла, что ея спутникъ не слѣдилъ даже за ней глазами; онъ стоялъ у нижней ступеньки и лицо его было обращено къ началу лоцины. Элленъ колебалась отворить дверь. Какая страшная картина предстанетъ передъ ея глазами?

Почти годъ, какъ человѣкъ, ожидающій ее у подошвы скалы, и тотъ, кого она шла навѣстить, преслѣдовали другъ друга, одинъ въ видахъ строгаго правосудія, другой съ жаждой мести, не уменьшенной даже муками голода. Элленъ содрогнулась при мысли, что можетъ произойти, если они узнаютъ, что находятся такъ близко другъ отъ друга, но она не рѣшилась отложить посѣщеніе. Жена Денниса Малаши, двое дѣтей, старуха-мать раздѣляли съ нимъ убѣжище, также какъ и ненависть сосѣдей, приписывавшихъ имъ преступленіе и проклятіе, послѣдовавшее за нимъ. Они способны были дать имъ умереть съ голода, хотя никто не хотѣлъ предать преступника правосудію.

Элленъ нажала щеколду и толкнула дверь. Она почувствовала сопротивленіе и затѣмъ раздался глухой звукъ какъ бы падающей тяжести; она сдѣлала усиліе и съ трудомъ вошла.

Въ хижинѣ, построенной на днѣ узкой лоцины, было темно; надо было привыкнуть къ тьмѣ послѣ дневнаго свѣта.

— Молли, — произнесла Элленъ, — Молли, я принесла вамъ ѣсть; отчего не приходите вы больше за пищей? Молли, Деннисъ! Спите вы, что ли, всѣ?

Она позвала два раза; затѣмъ ея глаза, привыкнувъ къ темнотѣ, расширились отъ ужаса и она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Они всѣ были тутъ, неподвижные и безмолвные. Противъ нея мо-

лодая жена Денниса сидѣла на землѣ, прислонившись спиною къ стѣнѣ, и держала на колѣняхъ ребенка, голова котораго лежала на камнѣ. Оба были страшно худы и блѣдны. Элленъ хотѣла что-то сказать, но ея похолодѣвшія губы не испустили ни звука; сдѣлавъ шагъ впередъ, она почувствовала, что рыданія подступаютъ у нея къ горлу. На слоѣ моха и сухихъ листьевъ неподвижно лежали тѣла старухи и втораго ребенка.

Сдѣлавъ невѣроятное усиліе, Элленъ наклонилась къ старухѣ, откинула лохмотья, закрывавшія ея лицо, и слегка тронула ее за плечо.

— Проснитесь, Молли, проснитесь! Я принесла вамъ ѣсть.

Она въ ужасѣ вскочила: ея рука коснулась ледяной щеки. Во что бы то ни стало, прежде чѣмъ идти дальше, ей надо вздохнуть чистымъ воздухомъ; дрожа, она повернулась, чтобы выйти, и увидѣла, что предметъ, загоразивавшій ей входъ въ хижину, который она оттолкнула отъ двери, было тѣло самого Денниса Малаши, упавшаго поперекъ комнаты въ то время, вѣроятно, когда онъ дѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы выйти наружу, за помощью умирающей женѣ и дѣтямъ. Онъ еще не лишился жизни, и Элленъ, содрогааясь отъ ужаса, не рѣшилась переступить во второй разъ черезъ его тѣло, не убѣдившись, осталась ли въ немъ еще искра жизни. Она повернула его блѣдное лицо къ двери, положила голову на порогъ, не зная даже, желать ли ей, чтобы его закрытые глаза открылись на окружающее его ужасное зрѣлище. Шатаясь, то падая, то снова поднимаясь, она добѣжала до мѣста, гдѣ ждалъ ее Джонъ Торнлей, и, схвативъ его за руку, воскликнула:

— Идите, они всѣ умерли или умираютъ.

Голосъ ея былъ сдавленъ и хриплъ. Джонъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ея искаженное лицо.

— Не ходите больше туда, — сказалъ онъ, — я посмотрю, что нужно сдѣлать, и схожу за помощью.

— Я не останусь здѣсь одна, — отвѣтила Элленъ, — это будетъ еще хуже.

Она сдѣлалась немного спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ увидала живаго человѣка.

— Мнѣ надо войти въ хижину; тамъ есть человѣкъ, который еще не совсѣмъ умеръ; мы употребимъ всѣ силы, чтобы вернуть ему жизнь. Я не поддамся больше ужасу.

— Гдѣ найти мнѣ помощь? — спросилъ Джонъ, спускаясь по ступенямъ скалы. — Я не могу васъ оставить одну, если этотъ человѣкъ оживетъ...

— Эти заботы будутъ не такъ тяжелы, какъ въ ту ночь, когда мы виѣстѣ ухаживали... — прошептала Эленъ, думая о смерти отца.

Изъ-за жажды Денниса Малаши отомстить Джону Торнлею погибъ мистеръ Дали, и Джонъ Торнлей шелъ спасать его! Она была на минуту, кто былъ умирающій.

Джонъ опередилъ ее; когда она вошла въ хижины, Деннисъ Малаши лежалъ уже около огня; его голова покоилась на бревнѣ.

— Онъ дышетъ еще, — прошептала мистеръ Торнлей, — но я сомнѣваюсь, чтобы мы возвратили его къ жизни. Онъ дошелъ до послѣдней степени истощенія.

Эленъ опустилась на колѣни, смачивая голову умирающаго водой.

— Подите въ деревню; — проговорила она, — и приведите священника. Это сдѣлала для моего отца лежащая вотъ здѣсь старуха.

— Такъ этотъ человѣкъ Деннисъ Малаши, убійца вашего отца?

— Причина его смерти, а не убійца, — возразила Эленъ, невольно переставая мочить блѣдный лобъ, къ которому приглядывала свой платокъ. — Онъ мнѣ торжественно поглялся, что не его рука нанесла роковой ударъ.

— Вы всегда знали, что онъ находится здѣсь?

— Нѣтъ, только съ тѣхъ поръ, какъ голодъ вынудилъ его отпрятаться. Я вспомнила о прощеніи отца. Онъ одинъ простилъ... Остальные... никогда... Вся страна преслѣдовала Денниса до смерти... Онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ... Я помню время, когда онъ носилъ насъ на плечахъ, когда мы уставали... Я не знаю, отчего дошелъ онъ до этого.

Говоря это, она осторожно подняла голову умирающаго, соскользнувшую съ бревна. Собравъ послѣдній остатокъ силъ, Деннисъ приподнялся и открылъ глаза; взглядъ его упалъ на Джона Торнлея и вспыхнулъ такою ненавистью, что тотъ никогда не могъ его забыть. Угасающій взоръ обратился къ Эленъ.

— Миссъ Эленъ, — прошептала она, — спасите меня; не дайте мнѣ погубить душу! Зачѣмъ привели вы его сюда? Чтобы я проклялъ его послѣднимъ дыханіемъ?

— Нѣтъ, Деннисъ, — сказала Эленъ, старательно закрывая отъ него лицо Джона Торнлея. — Смотрите на меня; вы не забыли?... Мой отецъ простилъ васъ, а нашъ Отецъ небесный прощаетъ намъ, если мы прощаемъ нашихъ врагамъ.

— Я знаю, миссъ Эленъ; вы велѣли мнѣ пощадить его и я радъ, что послушался васъ... Теперь кончено... мы не умремъ съ

голода... Слава Богу и Пресвятой Его Матери!... Я ухому... съ миромъ!—Голова упала, глубокой вздохъ-стонъ вылетѣлъ изъ блѣдныхъ губъ, затѣмъ мистеръ Торнлей приблизился и освободилъ руки Элленъ, державшія еще его голову.

— Бончено!—произнесъ онъ,—идите со мной сейчасъ... Здѣсь нечего больше дѣлать. Я найду въ деревнѣ людей, которые отдадутъ имъ послѣдній долгъ.

— Но кончено ли?... Увѣрены ли вы?—настаивала Элленъ.— Дѣти, маленькая Нора, около бабушки на кровати... я не осмотрѣла ее!

— Я осмотрѣлъ и это ужасное зрѣлище! Они давно уже умерли. Идите, говорю я вамъ!

И почти силой онъ поднялъ дѣвушку съ земли и вывелъ изъ хижины; она сѣла на камень у дороги и дала, наконецъ, волю такъ долго сдерживаемымъ слезамъ; Джонъ Торнлей смотрѣлъ на нее съ глубокимъ сочувствіемъ и сожалѣніемъ.

Она подняла, наконецъ, голову съ простымъ и довѣрчивымъ взглядомъ, глубоко тронувшимъ его.

— Вѣдь, не я одна виновата въ этомъ, не правда ли?—спросила она.

— Вы виноваты? Я какъ разъ думалъ сейчасъ, что, зная то, что вы знали, только вы одна могли поступать съ этимъ человекомъ такъ, какъ вы поступали.

— Ахъ! На этой недѣлѣ я провела нѣсколько дней у кузины Анны, рассчитывая, что отецъ Петръ позаботится о семьѣ Малаши, а онъ не могъ, вы видите...

— Куда васъ отвести, домой или въ Ущелье Фей?

— Къ Аннѣ, пожалуйста; мы на подорогѣ, а въ сосѣдней деревушкѣ мы найдемъ людей, которыхъ намъ надо. Я отдохну въ капеллѣ, пока вы будете ихъ искать. Сегодня много народу въ церкви.

Мистеръ Торнлей безъ труда исполнилъ порученіе и скоро послѣдовалъ за Элленъ въ капеллу, гдѣ она стояла на колѣняхъ. Окружавшія ее женщины разступились, очищая ему мѣсто около нея, но онъ остановился сзади въ нѣкоторомъ отдаленіи. Священникъ говорилъ съ каедръ проповѣдь; ежеминутно повторялись слова: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», и ежеминутно раздавались въ аудиторіи одобрительные стоны въ отвѣтъ на святыхъ слова, и на исхудавшихъ, измученныхъ лицахъ начинала сіять невидимая надежда, одна только поддерживавшая сердца. «Заря вѣчнаго свѣта парить надъ челоомъ нашимъ, заря того свѣта,—

говорилъ проповѣдникъ, — который объяснить всѣ тайны, упростить всѣ затрудненія, сдѣлаетъ всѣ прошенія легкими и пріятными». Когда онъ кончилъ рѣчь, Эленъ обернулась къ Джону, улыбаясь сквозь слезы, и протянула ему руку. Джонъ взялъ ее и ему показалось, что новая жизнь открывается передъ нимъ, болѣе чистая и благородная, даже если она не дастъ ему земнаго счастья, и онъ помолился Богу объ исполненіи этого.

Петерь Линчъ стоялъ у двери съ трехколеснымъ кабриолетомъ; онъ увезъ Эленъ съ собой. Сжимая ее руку, Джонъ Торнлей не сказалъ ей «до свиданія». Она не должна больше покидать его, — думалъ онъ, — съ тѣхъ поръ, какъ души ихъ встрѣтились у престола Божія въ маленькой капеллѣ въ горахъ.

XXXI.

— Да, онъ былъ правъ. Я заблуждалась. Я признавала только собственные идеи, законы, которые я создала; я была надменна и недалновидна. Дай, Господи, чтобы наказаніе лишило насъ гордости! Оно достаточно строго для этого!

Анна О'Флаэрти упала на подушки. Эленъ стояла около тетки, освѣжая ее блѣдный лобъ эссенціей цвѣтовъ, собранныхъ въ Ущельѣ Фей въ болѣе счастливые дни; она съ грустью замѣчала на ея измѣнившемся лицѣ слѣды сокрушенія, появившіеся съ того дня, какъ она возвратилась изъ Гальвея, проводивъ въ Америку партію эмигрантовъ изъ своей долины.

Составлялась новая партія; узлы съ платьемъ были разбросаны по столамъ. Изъ слабыхъ рукъ миссъ О'Флаэрти выскользнула фланелевая юбка, которую она шила. Эленъ подняла ее и, продолжая начатую работу, прямо заговорила о предметѣ, день и ночь занимавшемъ больную.

— Не находите вы извѣстія, пришедшія вчера вечеромъ изъ Америки, весьма удовлетворительными? Жаль, что старики О'Шенъ и маленькій Кель Масоней умерли дордогой; но столько людей умираетъ здѣсь отъ голода!

— Мнѣ слѣдовало бы болѣе радоваться, чѣмъ я радуюсь, но я похожа на старую насѣдку, воспитавшую выводокъ утятъ. Мнѣ кажется, что изъ среды этихъ бѣдняковъ, выросавшихъ поколѣніе за поколѣніемъ подъ защитой нашей семьи, я уже слышу голоса, зовущіе тѣхъ, кто остался въ Ущельѣ. Скоро Ирландія опустѣетъ... Я не говорю, что результатъ будетъ плохъ, — для Англіи, по крайней мѣрѣ, — но я ирландка и не могу безъ страданій присутствовать при агоніи нашей націи!

— А, вы говорите, какъ Бонноръ и его друзья, что только революція можетъ прекратить эмиграцію и возстановить нашу независимость!

— Нисколько! Я ненавижу нелѣпныя бредни революціонеровъ, хотя раздѣляю ихъ мнѣнія относительно вліянія этого кризиса на Ирландію.

— Бонноръ говоритъ, что когда возвратятся, какъ онъ разсчитываетъ, крестьяне, то они будутъ вооружены новымъ предубѣжденіемъ, бѣдные возстанутъ противъ богатыхъ, а не ирландцы противъ англичанъ, и что это послѣдняя возможность поддержать національное дѣло.

— Я не ожидала отъ Боннора такой дальновидности.

— Онъ раздѣляетъ мнѣнія своего друга д'Арси О'Доннеля. Знаете, Анна, д'Арси О'Доннель былъ недавно здѣсь? Бонноръ хотѣлъ привести его къ вамъ, но онъ не захотѣлъ, во-первыхъ, изъ боязни васъ компрометировать, а также потому, что не желаетъ имѣть дѣло съ людьми, нехорошо относившимися къ его матери... Ни Бонноръ, ни я не принимали участія въ ссорахъ того поколѣнія, поэтому онъ призналъ насъ родственниками.

— Ни я также. Дайте мнѣ адресъ этого юноши, Элленъ; я хочу написать ему. У него, вѣроятно, большой недостатокъ въ друзьяхъ старше его.

— Вы правы. Я бы желала, чтобы вы повидались съ нимъ; онъ, можетъ быть, послушалъ бы васъ, а это будетъ хорошо для Боннора. Сейчасъ онъ въ Дублинѣ. Но какъ тихо сегодня въ Ущельѣ! Его узнать нельзя безъ шума въ школахъ и мастерскихъ!

— Петеръ Линчъ запретилъ уѣзжающимъ завтра въ Америку приходить со мной прощаться. Я боюсь, что онъ обнадежитъ ихъ, что я провожу ихъ въ Гальвей, гдѣ они сядутъ на корабль. Но я не подвергну себя вторично такой прощальной сценѣ! Я хотѣла бы только, чтобы ихъ проводилъ кто-нибудь менѣе мрачный, чѣмъ Петеръ Линчъ; я хотѣла бы, чтобы мнѣ принесли успокоительныя впечатлѣнія...

— Мистеръ Торнлей?

— О, это было бы чудесно; онъ усадилъ бы переселенцевъ на корабль гораздо лучше, чѣмъ мой бѣдный Петеръ Линчъ, и засвѣтилъ бы передъ ихъ глазами чудныя надежды.

— Которымъ вѣрилъ бы. Онъ не имѣетъ представленія о томъ, чего стоить отъѣздъ жителямъ Ущелья Фей. Только горцы знаютъ, что такое тоска по родинѣ, да еще по родинѣ въ бѣдствіи. То же самое и относительно Боннора... Когда я вижу, что онъ подвергаетъ

себя большой опасности, я всѣми силами сопротивляюсь всякому влиянію, которое хотѣло бы разлучить меня съ нимъ.

— Ты не права... я боюсь, что Бонноръ причинить тебѣ много горя... Не выдумывай ты антагонизма, который не существуетъ.

— Вотъ! Я дала вамъ слишкомъ много говорить: вы устали, щеки ваши красны. Не разговаривайте больше со мной, пока я не кончу этой юбки, которая будетъ храниться въ Америкѣ, какъ воспоминаніе объ Ущельѣ Фей!

Петерь Линчъ ходилъ, пожалуй, еще болѣе самой госпожи огорченный тѣмъ, что разсѣивались его подданные. Мурдошъ Малаши, тихо хромая, уносилъ одинъ за другимъ приготовленные для эмигрантовъ свертки, начиная съ плащей и теплой одежды и кончая коробочками изъ раковинъ и подушками, сдѣланными Анной въ длинныя зимніе вечера. Анна раздавала послѣдніе свои подарки такою щедрою рукой, что домъ рисковалъ окончательно опустѣть.

— Я хочу, чтобы у нихъ было немного лишняго, — говорила она, — чтобы они имѣли возможность помочь другимъ.

Полдень прошелъ и укладва приближалась къ концу. Анна, обезсилѣвъ отъ усталости, опустилась на диванъ и заснула. Эленъ сидѣла около окна и любовалась долиной. Скоро она замѣтила, что садъ полонъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, стоящихъ на ногахъ и на колѣняхъ, прислонившись къ стволамъ деревьевъ и какъ будто давно ожидавшихъ. Мурдошъ Малаши пріотворилъ дверь башенки и тихо затворилъ, увидавъ, что Анна спитъ. Вѣроятно, въ садъ былъ данъ какой-нибудь знакъ, такъ какъ первый рядъ тихо приблизился къ окну гостиной, находившемуся противъ дивана спящей госпожи, и всѣ упали на колѣни, съ трудомъ сдерживая рыданія. Эленъ отошла въ сторону. Семья слѣдовала за семьей въ такомъ безмолвномъ созерцаніи; какъ у стариковъ, приходившихъ когда-то просить ее, дѣвочку, передававшую ихъ просьбы отцу, такъ и у дѣтей, которыхъ она первая нянчила на рукахъ, безмолвно текли слезы по исхудавшимъ лицамъ.

Проводивъ послѣднюю группу, Петерь Линчъ облокотился на подоконникъ и извинился передъ Эленъ за то, что допустилъ столь горестное прощаніе, которое могло бы повредить его госпожѣ, если бы она внезапно проснулась.

— Я не могъ бы убѣдить ихъ уѣхать, не взглянувъ на нее въ послѣдній разъ: они подрались бы и корабль ушелъ бы безъ нихъ. Тогда я заключилъ съ ними условіе. «Три минуты на партію, — сказалъ я, — изъ столькихъ, сколько помѣстится на колѣняхъ передъ окномъ, если она заснетъ, а когда я подниму палецъ, она

уступить мѣсто слѣдующей». Есть люди, которые ждали здѣсь съ самаго утра.

Голова Петера Линча быстро исчезла, такъ какъ Анна открыла глаза.

— Я видѣла чудный сонъ, — произнесла она и ея блѣдныя щеки слегка зарумянились. — Я видѣла себя въ гробу и тяжесть давила мнѣ грудь, мѣшала встать. Затѣмъ какъ будто бы толпа съ плачемъ окружила мой гробъ и раздался голосъ: «приведи ихъ всѣхъ сюда!» Въ вышинѣ открылась дверь, выходящая на залитую свѣтомъ лѣстницу, и такъ какъ я дѣлала усилія, чтобы повиноваться, явились ангелы и взяли за руки плачущихъ, чтобы увести ихъ. Сзади подъ ихъ ногами земля покрывалась зеленью и цвѣтами. Потомъ я услышала шумъ, похожій на топотъ коня твоего отца, когда онъ пріѣзжалъ за тобой сюда.

— Это-то и разбудило васъ, — сказала Эленъ. — Вотъ ѣдетъ мистеръ Торнлей.

— А! тѣмъ лучше, онъ поможетъ намъ улаживать и успокоить меня относительно завтрашняго отъѣзда. Петеръ Линчъ ослабѣлъ; я не могу больше полагаться на него, какъ прежде.

— Или, вѣрнѣе, миссъ О'Флаэрти сама ослабѣла, — тихо произнесла Эленъ, оборачиваясь къ Джону Торнлею. — Она была всегда главнымъ двигателемъ его предпріятій, уступая только первое мѣсто Петеру, и бѣдняга не знаетъ теперь, что дѣлать, лишившись вдохновительницы.

— Это правда, онъ приходилъ спрашивать у меня приказаній, что очень удивило меня.

День приближался къ концу; послѣдній ящикъ былъ запакованъ, послѣдній глава семьи выслушалъ наставленія. Эленъ и Джонъ Торнлей остались одни въ прихожей, гдѣ цѣлый день сновавалъ народъ. Петеръ Линчъ ушелъ спать.

— Миссъ О'Флаэрти говорить, что вамъ хорошо было бы пройтись, — замѣтилъ Джонъ.

Эленъ не хотѣла идти дальше моста. «Меня позовутъ, если понадобится», — думала она, но Джонъ незамѣтно увлекъ ее, слушая разговоръ о трогательной сценѣ безмолвнаго прощанія у окна. Онъ понималъ разницу между своими чувствами и чувствами Эленъ. Этотъ вечеръ, эта минута отдыха подъ звѣзднымъ небомъ должны опредѣлить его судьбу. Джонъ такъ рѣшилъ.

— Вы не слушаете меня, — сказала, наконецъ, Эленъ съ легкой досадой. — Я думала, что васъ хоть немного это интересуетъ.

Если бы вы видѣли то, что я видѣла...—Джонъ отвернулся и закрылъ лицо руками. Онъ колебался теперь, говорить ли ему.

Элленъ удивилась, когда онъ, блѣдный и съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, обернулся къ ней.

— Простите меня,—тихо произнесла она,—я вижу, напротивъ, что вы очень интересуетесь...

— Нѣтъ,—возразилъ Джонъ,—я даже не слушалъ васъ. Вы не знаете, какъ полно мое сердце другою мыслью... не смѣю сказать—другою надеждою.

— Развѣ можемъ мы питать какія-либо личныя надежды въ эту минуту?—возразила Элленъ съ живостью.

— Одного рода надежды... Позвольте мнѣ продолжать... Если бы весь свѣтъ обрушивался вокругъ насъ, я и тогда долженъ былъ бы сказать вамъ, что люблю васъ, и надежда, что вы найдете нѣкоторое утѣшеніе въ моей любви...

Элленъ не отвѣчала. Джонъ ободрился и продолжалъ:

— Наконецъ, сказано слово, которое давно жжетъ мнѣ языкъ, когда я съ вами. Я никогда не выскажу вамъ того, что чувствую къ вамъ съ той минуты, какъ увидалъ васъ; я такъ долго скрывалъ свои чувства, что не могу ихъ выразить теперь, когда отдалъ бы за это жизнь. Можетъ быть, года преданности вамъ объясняютъ это. Я прошу только позволенія посвятить вамъ свою жизнь. Я не сталъ бы говорить, если бы вы были счастливы, но въ эти мрачныя дни, переживаемыя вами, моя любовь можетъ быть для васъ поддержкой, даже тогда, если вы не можете мнѣ дать взаимѣнъ вашей любви.

Элленъ слушала молча. Когда она подняла голову, по ея щекамъ катились слезы.

— Я такъ огорчена, такъ огорчена! Какъ могли вы думать, что я стану искать утѣшенія въ чувствѣ...

— Не будьте жестоки, не отталкивайте меня совсѣмъ!

— Я не могу вамъ дать ничего, кромѣ признательности за все, что вы сдѣлали для мамы, для братьевъ... а также для меня. Меня особенно трогаетъ то, что вы думали обо мнѣ, въ то время какъ считали, что я такъ дурно поступила съ вами... а, между тѣмъ, я знаю, чѣмъ вы были для насъ.

— Это пустяки... но даже тогда... одно слово, одинъ лучъ надежды вознаградилъ бы меня сторицей!

— Это-то и огорчаетъ меня. Съ годами я буду имѣть еще менѣе возможности исполнить то, что вы просите. Не видите вы развѣ, какъ я страдаю отъ того, что меня тянутъ въ разныя стороны

Пельгамъ и Бонноръ? Если бы я васъ любила... если бы могла любить... Но нѣтъ, это невозможно. Это ужасная мысль. Простите, что я причиняю вамъ горе... Я слишкомъ рѣзка въ выраженіяхъ, какъ всегда!

— Всякій отвѣтъ, кромѣ одного, причинить мнѣ горе, а вы не можете мнѣ дать его, говорите вы?

— Нѣтъ, это невозможно, совершенно невозможно.

— Ну, такъ не будемъ говорить объ этомъ. Если у меня остается лучъ надежды, то это благодаря горячности вашего отказа. Въ глубинѣ вашего сердца, несомнѣнно, должна быть тѣнь состраданія ко мнѣ.

— Вы ошибаетесь, но мы останемся друзьями, не правда ли?

— Нѣтъ, я васъ люблю. Я не допускаю пустыхъ предлоговъ. Я уѣзжаю въ Англію. Я обѣщала это сестрѣ, если... если вы не захотите... Послѣ васъ я ей больше всего обязана.

— Ваша сестра будетъ рада, что вы вернулись, она будетъ благодарна за отказъ.

— Нѣтъ, она слишкомъ любитъ меня для этого, она отлично пойметъ мое горе... передъ ней мнѣ будетъ легче высказаться, чѣмъ передъ вами... Хотите прочесть письмо, которое она поручила передать вамъ?

— Конечно.

— Я даю его не въ надеждѣ измѣнить ваше рѣшеніе, но чтобы вы узнали, что думаютъ о васъ и какихъ друзей вы могли бы имѣть въ случаѣ нужды.

Элленъ ушла въ свою комнату. Джонъ вернулся въ башенку.

— Вы были правы, — сказалъ онъ миссъ О'Флаэрти, лежавшей на диванѣ, — но я не жалѣю, что говорилъ.

Анна протянула ему руку.

— Я жалѣю, — возразила она, — и годъ или два тому назадъ, когда я васъ не знала такъ, какъ сегодня, я бы удивилась тому, что говорю сегодня.

— Еще одинъ вопросъ... Думаете вы, имѣете вы какія-нибудь основанія предполагать, что у меня есть соперникъ?

— Маленькая черная роза Ирландіи, славу которой воспѣваетъ Мурдошъ подъ окномъ, ея несчастія, наполняющія ея сердце, и изгнавшія изъ него все, что не относится къ ней.

— А! это правда... Если бы я былъ бунтовщикомъ и поэтомъ, если бы я раздувалъ вокругъ пламя раздора, я имѣлъ бы больше успѣха! — и Джонъ погрузился въ чтеніе газеты *Nation* съ горечью, которую ей редакторы старались пробудить въ сердцахъ англичанъ.

Ночь Анна провела тревожно. Эленъ, сидѣвшая около больной, нашла время прочесть письмо Бриды только на зарѣ, когда Анна задремала.

«Я не знаю, пишу ли я самой счастливой женщиной на свѣтѣ, или же той, которую буду сожалѣть. Вы узнаете это, когда будете читать мое письмо, хотя еще не поймете цѣли того, что приняли или оттолкнули. Я вамъ пишу, чтобы сказать, что бы ни случилось, что мои самыя искреннія пожеланія сопровождаютъ Джона за море. Если бы вы знали, чѣмъ онъ былъ для меня съ тѣхъ поръ, какъ жизненные испытанія начались для насъ обоихъ, вы поняли бы, какой восторгъ и нѣжность я чувствую къ вамъ. Я говорю вамъ откровенно: эта любовь есть отраженіе любви Джона и добра, которое она принесла ему. Я не думаю, что онъ можетъ совершенствоваться, но замѣчаю теперь, что его любовь къ вамъ развила въ немъ всѣ сокровища сердца и характера, скрытыя подъ ледяною оболочкой, явившеюся результатомъ нашей прошлой жизни. Я благодарю васъ, что бы ни случилось, за то, что вы сдѣлали для того, чье счастье остается моею главною заботой. Не отвѣчайте мнѣ, если не можете подписать такъ, какъ рѣшаюсь я: ваша любящая сестра

«Брида Торнлей».

Она читала послѣднія строки письма, когда Анна приподнялась на подушкахъ съ такимъ любопытствомъ, что Эленъ не могла устоять передъ искушеніемъ протянуть ей письмо Бриды.

— Жаль отталкивать такихъ людей!—сказала Анна, отдавая письмо стоявшей на колѣняхъ у постели Эленъ.

— О Анна! Пожалуйста! Не становитесь и вы противъ меня.

— Противъ тебя, дитя, конечно, нѣтъ, если ты не любишь его, но не сердись... Нѣкоторыя вещи, которыя ты говорила... или которыя ты не говорила это лѣтъ, заставили меня предположить, что ты любишь мистера Торнлея.

— Вы ошибаетесь, безъ сомнѣнія... но, Анна... я не утверждаю этого... Если бы даже я любила его, я не могла бы исполнить то, что онъ проситъ. Пока онъ говорилъ, у меня въ головѣ вертѣлась странная поговорка Боннора: «англійская рука и сердце ирландское никогда не сойдутся вмѣстѣ». Я отдамъ ему только половину своего сердца, а другая будетъ страдать. Для него, какъ и для меня, это невозможно.

— Дай мнѣ письмо миссъ Торнлей: ты недостойна его; когда-нибудь ты поймешь его великодушіе... слишкомъ поздно, милое

дита. Я не знала, что сѣмя ненависти, посѣянное въ нашей странѣ, принесло для васъ такую роковую жатву!

XXXII.

— Брида, можешь ты покататься сегодня съ тетей Майнардъ? Ей надо сдѣлать покупки; только совѣтую тебѣ захватить портъ-монэ, такъ какъ она, навѣрное, забудетъ свое. Миѣ нѣкогда ѣхать самой, а я не могу допустить, чтобы она надѣдала Джону.

— А! ты уже сваливаешь на другихъ свои хозяйскія обязанности, — замѣтилъ вошедшій Джонъ. — Миѣ кажется, приглашая ихъ сюда, ты сама взялась ихъ занимать.

— Ничего, Джонъ, — сказала Брида, смѣясь, — я съ удовольствіемъ раздѣлю съ Лесбіей исполненіе долга относительно нашихъ родственниковъ; я еще не настолько очерствѣла въ богатствѣ, чтобы считать за трудъ сидѣть въ отличномъ экипажѣ, въ то время какъ другіе торгуются. Но я не берусь платить за всѣ ея покупки, какъ дѣлаетъ Лесбія: я не достаточно богата для этого, и, кромѣ того, всѣ похвалы и благодарности достанутся, все-таки, ей.

— Я не могу запретить, чтобы меня хвалили, — возразила Лесбія, слегка надувшись, — и изъ-за этого забывать тѣхъ, кто былъ хорошъ ко миѣ, когда я была Сандрильоной.

Говоря это, она проводила пальцами по букетику изъ трилистника, спрятавшемуся въ складкахъ платья.

— Гдѣ ты взяла это? — спросилъ Джонъ, замѣтивъ нѣжную зелень. — Трилистникъ въ день св. Патрикія на твоемъ лифѣ? Ты хочешь, чтобы тебя приняли за чартистку? Что скажутъ твои спутники, которые, я вижу, подѣзжаютъ?

— Дорогая Лесбія, брось твой букетъ, если Джонъ боится, что онъ привлечетъ вниманіе! — замѣтила Брида.

— Нѣтъ, нѣтъ, я спрячу его въ лифѣ; я купила его сейчасъ у торговки на углу улицы въ память нашей бѣдной Ирландіи. Джонъ въ худшемъ настроеніи, чѣмъ всегда, больше ничего!

Брида подняла глаза и дѣйствительно прочла безпокойство на лицѣ брата. «Получилъ онъ письмо изъ Ирландіи? — думала она, — дурныя вѣсти, можетъ быть? Сколько разъ я просила Лесбію не упоминать такъ часто объ Ирландіи!» Безпокойство Бриды не кончилось этимъ.

Когда капитанъ Пельгамъ съ сестрами остановились у подѣзда, Лесбія побѣжала къ нимъ на встрѣчу, и въ ту минуту, какъ она садилась на лошадь, букетикъ трилистника упалъ на землю. Лесбія слегка вскрикнула.

— Мои бѣдные трилистники! Джонъ, не дай затоптать ихъ ногамъ! Это было бы дурнымъ предзнаменованіемъ!

— Которое осуществится, вѣроятно, сегодня, — пробормоталъ Джонъ.

Капитанъ Пельгамъ предупредилъ его и подалъ Лесбіи завядшій букетикъ. Его сестры обмѣнялись довольною улыбкой.

— Какъ всегда, — замѣтила Мэри, — у Мармадука и Лесбіи одинаковыя мысли. Сегодня утромъ онъ сошелъ внизъ съ букетомъ трилистника въ бутоньеркѣ и папа разсердился, сказавъ, что его примутъ за чартиста и арестуютъ, если сегодня будетъ возстаніе. Чарльзъ и Фредъ присягали сегодня, какъ чрезвычайные полицейскіе комиссары. Въ Дублинѣ ожидаютъ возстанія вродѣ того, какое было въ февралѣ въ Парижѣ. Войска отправлены въ Ирландію, и я слышала, что революція можетъ начаться въ день св. Патрікія. Очень бы хотѣлось мнѣ знать, гдѣ нашъ двоюродный братъ Конноръ Дали; онъ, конечно, будетъ въ первыхъ рядахъ бунтовщиковъ. Какъ вы думаете, мистеръ Торнлей, будутъ сегодня новости?

— Не знаю, но, надѣюсь, онѣ не помѣшаютъ вамъ пріѣхать на балъ Лесбіи и веселиться?

— О, нѣтъ! Она надѣнетъ сегодня свою новую парюру изъ изумрудовъ! Мы ни за что на свѣтѣ не измѣнимъ нашей милой Лесбіи!

Брида стояла у окна и смотрѣла вслѣдъ удалявшимся лошадямъ.

— Лесбія очень мила на лошади, — сказала она, когда братъ вернулся въ гостиную, — и капитанъ Пельгамъ молодецъ! Хотѣла бы я знать, чѣмъ это кончится и увезетъ ли онъ ее въ Абботъ-Торнлей?

— Какъ можешь ты обрѣгать человѣка, котораго любишь, на вѣчную жизнь съ Мармадукомъ Пельгамомъ?

— Правда, онъ не отличается умомъ, бѣдняжка! Вчера у матери онъ цѣлый вечеръ простоялъ около стѣны, не открывая рта. Я тогда же подумала объ этомъ и задала себѣ вопросъ, неужели онъ будетъ моимъ братомъ, но Пельгамъ Дали былъ не разговорчивѣе прошлаго весной, и я думала, что онъ молчитъ всегда изъ скромности.

— Но между ними та разница, что Пельгамъ Дали говоритъ что-нибудь, когда открываетъ ротъ, тогда какъ капитанъ ничего не говоритъ.

— Но Лесбія не такая поклонница ума, какъ мы.

— И хорошо дѣлаетъ: это — божество сухое и бесплодное. Бъ чему оно приводитъ, поклоненіе уму?

— О! ко многому: къ извѣстности писателя, которую ты приобрѣлъ, напримѣръ. Но скажи мнѣ, это недовольство и дурное расположение духа не вызваны письмомъ изъ Коннаута?

— Я нѣсколько недѣль не получалъ оттуда извѣстій. Анна О'Флаэрти не въ силахъ писать, а въ Орлиномъ Гнѣздѣ больны.

— Кто же?

— Мать и Пельгамъ; но имъ лучше.

— Но если тебѣ не писали, откуда же ты имѣешь свѣдѣнія?

— Ты хочешь знать подробности? Изволь! Вчера вечеромъ я былъ вызванъ въ палату общинъ въ комиссію по ирландскому вопросу и встрѣтилъ тамъ стараго доктора Линча, уроженца Ущелья Фей, котораго вызвалъ въ Ирландію его родственникъ Петеръ, чтобы ухаживать и лечить Анну О'Флаэрти.

— А какъ же очутился онъ здѣсь?

— Анна прислала его засвидѣтельствовать о бѣдствіи Ирландіи въ надеждѣ, что его энергія и прямота произведутъ впечатлѣніе на членовъ комиссіи. Я въ восторгѣ, что говорилъ съ нимъ. Разъ я началъ писать объ ирландской политикѣ, мнѣ надо слѣдить за...

— Конечно... и онъ же сообщилъ тебѣ о Дали?

— У Пельгама Дали была лихорадка, а мать серьезно больна, но теперь оба выздоравливаютъ.

— А Конноръ, гдѣ онъ?

— Относительно Коннора онъ немного сдержанъ; я подозреваю, что докторъ Линчъ, при всей своей старости, сочувствуетъ взглядамъ Молодой Ирландіи. Я понялъ, что Д'Арси О'Доннель, революціонный поэтъ, редактирующій *Nation*, провелъ зимой нѣсколько недѣль у Анны О'Флаэрти и что даже произошла ссора между Пельгамомъ Дали и молодыми О'Руны, кончившаяся дуэлью. О'Руны былъ легко раненъ.

— Эти О'Руны—какъ отецъ, такъ и сынъ—негодные люди. Не они ли замѣшаны въ исторію о деревнѣ, гдѣ свирѣпствовала лихорадка и откуда всѣ жители были выгнаны умирать по дорогамъ?

— Да, и это произошло въ имѣніи, принадлежавшемъ прежде Дали и купленномъ О'Руномъ на деньги, наворованныя, вѣроятно, у нихъ же. Меня не удивляетъ, что Пельгамъ возмутился, но онъ могъ найти менѣе ирландскій способъ выразить свое негодованіе; теперь же онъ нажилъ себѣ непримиримаго врага около самаго Орлинаго Гнѣзда, который будетъ преслѣдовать личную месть подъ видомъ служенія правительству. Я хотѣлъ бы быть тамъ, чтобы слѣдить за нимъ. Я, безъ сомнѣнія, помѣшалъ бы дуэли, если бы былъ въ замѣъ Дали и могъ бы не допустить возстаній въ массѣ.

— Можетъ быть... я думаю, что мы причинили бы болѣе зла, чѣмъ добра, вернувшись на зиму въ замокъ Дали. Молодой О'Рунъ постоянно вертѣлся около Лесбіи; объ этомъ начинали говорить, а она такая кокетка, что не могла не стараться возбудить ревность другаго, болѣе скромнаго влюбленнаго.

— Пельгама Дали, вѣроятно? Я думалъ, что они не нравятся другъ другу.

— Мой дорогой другъ, ты всегда такъ думалъ. Но позволь тебѣ напомнить, что я предупреждала тебя относительно обоихъ братьевъ. Кокетство Лесбіи такъ измѣнчиво, что я не знаю, чего держаться; но исторія дуэли бросаетъ свѣтъ на нѣкоторые темные пункты.

— Она не могла знать о ней?

— О! она многое знаетъ... Есть нѣкія миссъ Джеси, живущія въ Балліовенѣ и вошедшія съ Лесбіей въ дружбу, несмотря на всѣ мои старанія помѣшать этому. Я знаю, онѣ пишутъ ей иногда... Съ нѣкоторыхъ поръ она не ровна съ своими самыми усердными поклонниками и поетъ ирландскія пѣсни чаще, чѣмъ это нужно, чтобы дразнить сэра Чарльза Пельгама. А потомъ этотъ букетъ трилистника въ день св. Патрікія!

— Какъ мало она ни читаетъ газеты, трудно, чтобы въ этомъ году это число прошло незамѣченнымъ.

— Да, но Лесбія интересуется общественными дѣлами только тогда, когда они касаются частныхъ интересовъ, и какъ бы мало отношеній ни имѣла дуэль Пельгама къ его ухаживанью за ней, будь увѣренъ, что Пельгамъ Дали ея герой! Она, къ несчастью, принадлежитъ къ числу женщинъ, которыя не боятся ссоръ, происходящихъ изъ-за нихъ.

— Ты слишкомъ строго судишь ее.

— Не думаю, но все, что я говорю, направлено къ тому, чтобы разстроить планъ, созрѣвающій, какъ я вижу, въ твоей головѣ. Ты хочешь вернуться въ замокъ Дали, и я рѣшила указать тебѣ всѣ послѣдствія этого намѣренія.

— Я могу ѣхать одинъ.

— А меня оставить одну съ Лесбіей, чтобы защищать ее отъ пскателей приданаго? Благодарю тебя, дорогой братъ.

— Нечего сказать, хорошая мысль пришла намъ въ голову везти ее сюда! Въ замокъ Дали у нея были хоть полезныя занятія, а что толку ей выходить за Мариадуга Пельгама? Очень бы хотѣлъ я знать, какими чарами привлекаетъ она къ себѣ всѣхъ лондонскихъ дураковъ!

— Они не за тобой ухаживаютъ, а она не такъ презрительно относится къ ихъ уму. Останься сегодня въ гостиной, чтобы видѣть самому, что дѣлается, и не забивайся въ уголь бесѣдовать о политикѣ. Ты скажешь мнѣ потомъ, какое впечатлѣніе произведутъ на тебя манеры Лесбіи.

Брида пожалѣла о своихъ словахъ, когда Лесбія вошла въ ея комнату, одѣтая къ вечеру. «А!—подумала она съ волиненіемъ,—теперь ясно, что она влюблена въ Коннора!»

На Лесбіи было бѣлое платье изъ лимерикскихъ кружевъ, усѣянное изумрудами и букетиками изъ трилистника. Ирландскіе цвѣта торжественно сіяли.

— Я думала, что это будетъ немного оригинальнѣе вѣчныхъ гирляндъ изъ цвѣтовъ, — робко замѣтила Лесбія. — Кромѣ того, Джонъ говоритъ, что дамскія платья должны всегда что-нибудь означать. Я думаю, мое платье понравится ему.

— Я не говорю противнаго, дорогое дитя, — отвѣтила Брида и отвернувшись къ зеркалу доканчивать туалетъ.

Лесбія расхаживала по комнатамъ, среди туфъ цвѣтовъ, подъ ярко горящими люстрами, и мечтала о Пельгамѣ Дали. Вдругъ она услышала подъ окномъ крикъ газетчика: «Страшное возстаніе на западѣ Ирландіи!» Она бросилась къ двери, чтобы послать за газетой, но столкнулась съ Джономъ, входившимъ съ газетой въ рукахъ. Она схватила брата за руку.

— О, Джонъ, правда ли это?

— Что?

— То, что кричатъ на улицѣ, что возстаніе, что дерутся на западѣ Ирландіи.

Бъ ея удивленію, Джонъ обнялъ шею сестры и, нѣжно поцѣловавъ ее, отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Это выдумка, чтобы раскупали вечернюю газету. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія. Утро прошло тихо въ Дублинѣ.

— Въ Дублинѣ?... Тѣмъ лучше... А на западѣ?

— До жатвы возстанія не будетъ, если я понимаю вѣрно тактику вожаковъ. Я лично даже и тогда въ него не вѣрю. Но это не мѣшаетъ намъ безпокоиться о нашихъ друзьяхъ, которые могутъ быть скомпрометированы въ этомъ дѣлѣ; я надѣюсь все-таки, что они образумятся раньше, чѣмъ это будетъ непоправимо.

— То же думаю и я, надѣюсь на это. Я не думаю, какъ Брида, что это помѣшаетъ намъ вернуться въ Коннаутъ.

— Какой упрощенный способъ понимать политику!—сказалъ

Джонъ; онъ улыбался безъ ироніи и слегка прижималъ талию сестры, гуляя съ ней по залу.

Раздался звонокъ; гости начинали съѣзжаться. Лесбія подбѣжала къ зеркалу привести въ порядокъ свой туалетъ и свои мысли; любящую и нѣжную дѣвушку замѣнила кокетка, стремящаяся удерживать вокругъ себя самыхъ разнообразныхъ поклонниковъ.

«Это ужъ слишкомъ», — думалъ братъ, слѣдя за ея кокетствомъ съ капитаномъ Пельгамомъ, сіявшимъ отъ восторга.

— Лесбія, — крикнулъ Джонъ, — я десять минутъ жду тебя съ профессоромъ Плетчсъ, который хочетъ пригласить тебя на кадрили!

Лесбія выпрямилась, капитанъ Пельгамъ покраснѣлъ и отступилъ назадъ; молодая хозяйка просмотрѣла свою записную книжечку. Пятая кадрили свободна, но когда-то еще она будетъ.

— Скажи Бридъ, гдѣ я, чтобы она могла найти меня, если я понадобится, — приказала Лесбія, и Джонъ удалился, убѣжденный въ своей малоспособности въ балныхъ дѣлахъ. Дѣвушка разсѣянно смотрѣла вокругъ, между тѣмъ какъ нѣсколько влюбленныхъ кавалеровъ наперерывъ просили ее танцевать.

— Я не знаю, фамилія стерлась... я помню, что обѣщала этотъ вальсъ... если онъ не придетъ... братъ представилъ мнѣ кого-то...

— Кто тоже не придетъ, такъ какъ вотъ тотъ, кого вы ждете, сами не зная, — прошепталъ голосъ у самаго ея уха. Лесбія едва удержалась, чтобы не вскрикнуть отъ неожиданности, когда повернулась и встрѣтила смѣющійся взглядъ Коннора Дали. Онъ взялъ ее подъ руку и увелъ въ глубь гостиной.

— Пойдемте туда; здѣсь мы найдемъ тихій уголокъ, гдѣ можно поговорить. Развѣ вы ждали меня сегодня, что надѣли наши цвѣта?

— Конноръ, — воскликнула она, — какъ могли вы?... Зачѣмъ говорите вы такъ со мной?

— Я попросилъ бы у васъ на колѣняхъ прощенья, если бы мы были одни. Ирландскіе цвѣта, бѣлый съ зеленымъ, вскружили мнѣ голову.

— Молчите, мнѣ надо задать вамъ много вопросовъ о тѣхъ, кого нѣтъ здѣсь; а если вы будете говорить много глупостей, мнѣ придется предупредить Джона о вашемъ присутствіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду говорить, если даже придется откусить для этого языкъ. Въ счастью, вы не можете мнѣ запретить смотрѣть!

— Вы все тотъ же, Конноръ, — сказала Лесбія, бросивъ на него ласковый взглядъ, лишенный всякаго кокетства, — такой же безумный, какъ въ Уайтклифъ, и такой же беззаботный.

— А! вы думаете, что я не изменился, что я беззаботен? Какъ вы мало меня знаете! Это первая счастливая минута за много мѣсяцевъ, и она продолжится не долго. Не упрекайте меня за эту минуту радости.

— Я не упрекаю, я хотѣла бы знать, что дѣлается тамъ, у насъ. Ваши были больны, да?

— Да, мать и Пельгамъ, но они поправляются. Я давно не былъ тамъ. Эллиенъ говоритъ, что я причинилъ бы лишнее беспокойство. Вы знаете, что я въ Дублинѣ подъ предлогомъ слушанія курса юридическихъ наукъ.

— Но тогда зачѣмъ же вы въ Лондонѣ?

— И вы спрашиваете?

— Конечно.

— Развѣ не вы великодушно призвали меня сюда?

— Я... что вы?

— Ну, такъ я только что былъ избранъ депутатомъ отъ нашей ассоціаціи въ Парижѣ, какъ получилъ письмо съ двумястами франковъ и запиской отъ друга, берущаго на себя расходы моего путешествія съ условіемъ, чтобы я заѣхалъ сюда повидаться съ товарищами. Я показалъ конвертъ д'Арси О'Доннелю.

— И рѣшили, что письмо отъ меня?

— Не сердитесь, онъ мой лучший другъ и постоянно слышалъ рассказы о васъ, когда былъ въ Ущельѣ Фей и въ Орлиномъ Гнѣздѣ. Онъ посоветовалъ мнѣ повиноваться вамъ, такъ какъ вами могли руководить только хорошія побужденія. Хотя вы и англичанка, но мы знаемъ, что вы преданы нашему дѣлу, а почеркъ похожъ на вашъ.

— Такъ это Джонъ: онъ хотѣлъ помѣшать вамъ участвовать въ возстаніи, не ради васъ, но чтобы избавить отъ новаго горя вашу семью, которая достаточно страдала.

Тѣмъ раздраженія омрачила лицо Коннора.

— Меня провели, больше ничего! — воскликнулъ онъ, снова повеселѣвъ. — Но, все равно, дѣло поправимо. Я поѣду въ Парижъ съ этими деньгами и во что бы то ни стало вернусь къ битвѣ, не считая удовольствія, которымъ наслаждался сегодня.

— Поймите хорошенько, Конноръ, не я призвала васъ сюда и это платье означаетъ только, что я люблю Ирландію такъ же, какъ ее любить Эллиенъ и миссъ О'Флаэрти, а не то, что я желаю поощрять предосудительныя и безумныя намѣренія, какъ говоритъ Джонъ.

— Лесбія, одну минуту, одно слово: я думалъ, что вы любите меня.

— Да, Конноръ, я знаю, что вы это думали прежде, въ Уайт-клиффъ; но вы... вы никогда не любили меня.

— Я-то... я васъ не любилъ?... Самую хорошенькую, самую милую, самую очаровательную изъ всѣхъ дѣвушекъ на свѣтѣ? Я думаю это съ той минуты, какъ увидѣлъ васъ, а развѣ это не любовь?

— Этого довольно и даже слишкомъ много съ вашей стороны, мой дорогой Конноръ; но покончимъ съ этимъ и останемся настоящими друзьями. У меня была манія нравиться всему свѣту, но я заблуждалась, и это прошло. Я прошу только вашей дружбы и, можетъ быть, попрошу вашей помощи впослѣдствіи.

— Еще одно слово, Лесбія. Думаете вы, что Пельгамъ любить васъ больше, чѣмъ я?

— Прощайте, мистеръ Конноръ Дали, я ухожу въ гостиную. Онъ удержалъ ее за платье.

— Вернитесь, Лесбія, мнѣ надо сказать вамъ кое-что. Я не о себѣ хочу говорить,—прибавилъ онъ, видя, что она колеблется.—Хуже всего то, что вы не хотите вѣрить, что я люблю васъ, и поступаю великодушно, открывая вамъ вещи, служащія въ выгоду другаго.

Лесбія не отвѣчала, но слушала.

— И такъ, Пельгамъ имѣлъ случай, за который я отдалъ бы жизнь, проучить нахала, непочтительно отозвавшагося о васъ. Сначала онъ поколотилъ его,—вполнѣ заслуженно,—а потомъ принялъ его вызовъ, чтобы не могли сказать, что онъ отступаетъ передъ послѣдствіями своихъ поступковъ. Д'Арси присутствовалъ при дуэли, онъ былъ секундантомъ и говорить, что никто не могъ бы держать себя лучше Пельгама. Онъ заболѣлъ лихорадкой день или два спустя.

Лесбія тихо покачала головой.

— Я давно знаю все это,—произнесла она въ полголоса; видя, что онъ удивленъ, она продолжала:—Такия вещи быстро распространяются. Нора Джеси писала мнѣ объ этомъ три недѣли тому назадъ.

— Но чего вы не знаете съ вашимъ холоднымъ и равнодушнымъ видомъ, это—то, что Пельгаму грозитъ большая опасность въ слѣдствіе вражды съ Дэрби О'Руиъ, появившимся отмстить ему. Мы узнали это такимъ путемъ, что не можемъ воспользоваться тѣмъ, что знаемъ. За Пельгамомъ слѣдятъ, шпионятъ, обвиняютъ

въ участіи въ нашемъ заговорѣ, такъ что если наши дѣла пойдутъ плохо, что всегда возможно, негодяй готовъ донести на него. Мы сами ко всему готовы; но тяжело будетъ матери, если арестуютъ того сына, который никогда ни во что не виѣшивался. Что касается другаго, онъ не нуженъ никому, и не бѣда, если съ нимъ что-нибудь случится!

— Но, Бонноръ, дорогой Бонноръ, если онъ не виѣшивался ни во что, какъ можетъ онъ находиться въ опасности?

— Вы думаете, не было невинныхъ жертвъ во всѣхъ возстаніяхъ,—жертвъ личной мести, направленной противъ нихъ, какъ этимъ негодяемъ О'Руномъ? Эленъ плохо познакомила васъ съ исторіей Ирландіи.

— Скажите же, что мнѣ дѣлать?

— Не блѣднѣйте такъ! Вы, боявшаяся промочить ноги, готовы, кажется, идти на эшафотъ, если бы я потребовалъ. Пельгамъ не знаетъ, какое ему счастье, и послѣ удара, нанесеннаго мнѣ вами сегодня...

— Отвѣчайте серьезно; Бонноръ, если можете!

— Ну, такъ все, о чемъ я васъ прошу,—возвращайтесь въ замокъ Дали и удержите тамъ вашего брата до конца лѣта. Пельгаму можетъ понадобится честный и безпристрастный свидѣтель, въ противовѣсъ интригамъ Дэрби О'Руна. Музыка начинается; ваши кавалеры сейчасъ бросятся васъ искать. Дайте мнѣ еще разъ поцѣловать вашу руку.

— Вы не хотите остаться, чтобы видѣть вашу тетку, дядю, кузинъ? Они всѣ сегодня здѣсь.

— Нѣтъ, благодарю, я достаточно увертывался, чтобы не попасться имъ на глаза, пока ждалъ васъ здѣсь полтора часа. И такъ, я рассчитываю на васъ въ замкѣ Дали!

— Чтобы заботиться о вашей матери и Эленъ?

— Конечно. Вы видите, въ этомъ мірѣ всегда необходима нѣкоторая... условность...

— О, Бонноръ... я вамъ вѣрила, выдала вамъ... тайну...

— Чтобы избавиться отъ меня—и только!

— Вы завтра будете въ Парижѣ и забудете думать объ этомъ.

— Нѣтъ, я возвращаюсь въ Дублинъ... готовый сражаться или повѣситься! Д'Арси ждетъ меня и я съ легкимъ сердцемъ брошусь въ бой. Дайте вашу руку; вонъ вашъ братъ идетъ за вами!

Джонъ Торнлей взялъ подъ руку сестру и повелъ къ ужину; сквозь кустарники у балкона онъ замѣтилъ высокую фигуру юнши, стоявшую спиной.

«Еще влюбленный, — подумалъ онъ. — Бакая кокетка! Придется отдать ее подъ охрану Мармадука Пельгама!»

XXXIII.

Придя въ свою комнату, Лесбія покраснѣла, вспомнивъ о тайномъ союзѣ, заключенномъ съ Конноромъ, и о томъ, что она выдала молодому человѣку величайшую свою тайну. Она догадывалась, что Джонъ возьметъ ее сторону въ вопросѣ о возвращеніи въ Ирландію; но какъ заставить Бриду согласиться? Коварная мысль блеснула въ головѣ дѣвушки. Если явится необходимость прекратить частыя сношенія съ Пельгамами, возраженія Бриды могутъ исчезнуть. Лесбія рѣшила устроить эту необходимость.

— Понимаешь ты что-нибудь въ этой усиленной любви къ Пельгамамъ? — спрашивала брата миссъ Торнлей на другой день послѣ катанья по Темзѣ, куда она сопровождала младшую сестру. — Лесбія только и видитъ капитана Пельгама; онъ не отходитъ отъ нея, какъ будто между ними все рѣшено, а самъ онъ, между тѣмъ, не говоритъ ни слова. Я надѣюсь, что она не ошиблась въ его любви! Я предпочла бы въ такомъ случаѣ, чтобы она вышла за Коннора Дали!

— Ты можешь быть покойна. Мармадукъ обѣщался сдѣлать предложеніе въ извѣстный срокъ и ждать только моего разрѣшенія. Это-то и стѣсняло его вчера.

— А! онъ говорилъ съ тобой?

— Да. Третьяго дня вечеромъ, когда я выходилъ изъ парламента, гдѣ слушалъ Смита О'Бріена, онъ подошелъ ко мнѣ и сообщилъ, что его полкъ получилъ приказаніе идти въ Ирландію... Его семья хотѣла бы, чтобы онъ вышелъ въ отставку, но отецъ соглашается подождать, пока разсѣется возможность возстанія, съ условіемъ, что онъ покончитъ свои дѣла здѣсь... Мнѣ кажется, онъ преувеличеннаго мнѣнія о благоразуміи Лесбіи, такъ какъ намѣревается отдать всѣ рѣшенія въ ея руки... если она дастъ согласіе.

— Я удивляюсь, отчего онъ не говорилъ съ ней вчера.

— Онъ придетъ завтра; я такъ назначилъ ему. Я хочу предупредить бѣдную дѣвочку, чтобы она не согласилась потому только, что отъ нея ждутъ «да».

— Но если хорошо и разумно сказать «да»? Если оно обезпечиваетъ покой жизни?

— Покой! Только женщины считаютъ покой счастьемъ!

— Женщины, которыя страдали, Джонъ. Но ты правъ, Лесбія не страдала. Увѣренъ ли ты только, что ты не судишь капитана

Пельгама немного несправедливо? Онъ любилъ Эллень Дали и можетъ думать о другой?

— Не думаю; но, сознаюсь, меня тревожить то, что я не увѣренъ, чтобы его чувства измѣнились такъ, какъ онъ этого желаетъ. Вчера, когда обсуждались мѣры подавленія возстанія въ Ирландіи, глаза его сверкали такимъ дикимъ блескомъ, что я сейчасъ же догадался, что онъ думаетъ о поэтѣ д'Арси О'Доннелъ, котораго обвиняетъ въ душѣ въ похищеніи сердца миссъ Дали.

— А ты, Джонъ, увѣренъ, что не приписываешь ему собственныхъ чувствъ?

— Нѣтъ, я увѣренъ. Я, можетъ быть, такъ же ревнивъ, какъ онъ, но въ мои годы было бы грустно поддаваться личному чувству мести въ вопросѣ, касающемся такихъ великихъ патріотическихъ интересовъ.

— Ты правъ, но не говори ей ничего сегодня вечеромъ... Успѣешь завтра. Будемъ говорить о вчерашнихъ преніяхъ въ палатѣ; я слышу ея шаги въ корридорѣ... Какъ принята была въ парламентѣ рѣчь мистера Смита О'Бріена?

— Смѣхомъ, крикомъ. Если его партія восторжествуетъ когда-нибудь, если революція, о которой онъ мечтаетъ, удастся, воображаю радость будущаго писателя, описывающаго сцену того вечера, когда онъ одинъ передъ лицомъ всей негодующей и разсвирѣпѣвшей палаты громко и спокойно объявилъ, что признаетъ за ирландцами право сражаться за свою свободу, жить въ своей территоріи и прибѣгнуть къ оружію, когда управляющіе или властелины объявили намѣреціе подавить силой выраженіе ихъ чувствъ!

— Ты, кажется, слушалъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ?

— Нѣтъ, я не вѣрю въ революцію; это движеніе не дойдетъ до нея. Настоящее правительство достаточно могущественно и достаточно умно, чтобы помѣшать ему принять слишкомъ крупныя мѣры.

Лесбія подошла къ окну.

— Мы бесѣдуемъ о рѣчи Смита О'Бріена, — замѣтилъ Джонъ довольно неловко.

— А! такъ они вернулись изъ Парижа! — воскликнула Лесбія, не подумавъ, и покраснѣла.

Брида хотѣла спросить, о комъ она говоритъ, но Джонъ объявилъ, что ему надо писать письмо.

— Читайте рѣчь вмѣстѣ, — сказалъ онъ, — она заинтересуетъ васъ обѣихъ.

Брида сейчасъ же развернула газету.

Лесбія не слушала и не понимала ничего, поглощенная своими мыслями и важностью принятаго ею рѣшенія. Брида напрасно беспокоилась о потрясеніи, предстоявшемъ завтра утромъ ея младшей сестрѣ. Лесбія отлично знала, что капитанъ Пельгамъ долженъ явиться завтра просить ея руки. Нѣсколько словъ, выравшихся у Мармадука, и изліянія нѣжности лэди Пельгамъ дали ей понять, что приближается развязка, и ея маленькая интрига возмутила ее. Конечно, она не стѣбитъ, чтобы ее любили такъ, какъ Эленъ Дали, которой со всѣхъ сторонъ выказываютъ столько расположенія, но и не такая же она, чтобы на ней женились изъ-за денегъ, только изъ-за денегъ. Брида, повидимому, находитъ, что капитанъ Пельганъ дѣлаетъ ей большую честь, но бѣдная Брида ничего не понимаетъ въ любви. Надо было положить конецъ этой комедіи! Тѣмъ хуже, если это неслыханное дѣло—отказывать человѣку, прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ предложеніе! Лесбія взяла перо и написала:

«Пожалуйста, не приходите завтра, какъ вы говорили. Вамъ покажется страннымъ, что я отвѣчаю вамъ, прежде чѣмъ вы заговорили сами, но то, о чемъ вы стали бы просить меня, будетъ напрасно, а я хотѣла бы, чтобы мы остались друзьями. Постарайтесь, чтобы ваша мать и сестры простили меня, если я не увижу ихъ до отъѣзда изъ Лондона. Видъ цвѣтущаго боярышника вскружилъ мнѣ голову; я попрошу Джона отвезти меня на будущей недѣлѣ въ замокъ Дали. Когда я вернусь зимой, мы будемъ опять разговаривать о Боннаутѣ, какъ истинные друзья. Я не забуду, что вы выучили меня ѣздить верхомъ. Лесбія Майнاردъ».

Она отдала записку Джемсу Моррисъ, бывшему слугѣ Дали, привезенному ею изъ Ирландіи, въ тактѣ и преданности котораго она была увѣрена. Онъ приближался къ дому; онъ перешелъ площадь. Лесбія слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

— Какъ эти разсужденія сэра Роберта Пили ясны и убѣдительны!—воскликнула Брида.—Хорошо ли ты поняла ихъ, Лесбія? Не перечесть ли еще разъ это мѣсто?

Несчастная дѣвушка боялась разспросовъ; къ счастью, раздался звонокъ. Она быстро отвѣтила:

— О, я отлично понимаю, что въ Ирландіи все измѣна; но извини, дорогая Брида, мнѣ кажется, Джемсъ принесъ записку; я сейчасъ возвращусь.

Брида докончила чтеніе рѣчи безъ сестры; она позвонила, чтобы спросить лампу.

— Гдѣ миссъ Майнардъ?—спросила она у лакея.— Скажите, что чай поданъ.

— Миссъ Майнардъ болѣе получаса въ кабинетѣ мистера Торнлея,—отвѣтилъ слуга,—и приказала не беспокоить ихъ.

— Такъ унесите подносъ; вы подадите чай позднѣе,—приказала Брида, немного заинтересованная и обиженная тѣмъ, что ее исключили изъ совѣщанія, несомнѣнно важнаго для будущности ея сестры. Отчего Лесбія довѣряетъ больше Джону, чѣмъ ей? Ея это вина? Или общій интересъ связываетъ брата съ младшею сестрой? Брида имѣла время предаться этимъ грустнымъ размышленіямъ и успокоиться, такъ какъ было поздно, когда Джонъ и Лесбія вернулись въ гостиную. Глаза младшей сестры были красны и распухли, но она не могла удержать улыбки, освѣтившей ея лицо, когда она нѣждѣе обыкновеннаго прощалась съ Бридой. Когда Лесбія вышла изъ комнаты, Брида обернулась къ Джону и облокотилась на спинку кресла.

— Прости меня, Брида,—сказалъ онъ.—Ты имѣешь право сердиться. Мы покончили наши дѣла, Лесбія и я, не подумавъ, что ты можешь быть несогласна съ нашимъ мнѣніемъ. Это эгоизмъ съ нашей стороны. Прости насъ.

— Нѣтъ, я была недовольна, но теперь это прошло. Я согласна со всѣмъ, что удобно для васъ обоихъ. Скажи мнѣ только, чѣмъ вы рѣшили? Я постараюсь ничего не возражать.

— Я обѣщала Лесбіи вернуться на будущей недѣлѣ въ замокъ Дали.

— А ты забылъ о завтрашнемъ визитѣ съ извѣстною тебѣ цѣлью?

— Нѣтъ; но именно предложеніе Мармадука Пельгама и гонить Лесбію изъ Лондона. Я не хорошо понялъ подробности ея исторіи, такъ какъ она плакала; бѣдняжка упрекаетъ себя за то, что ввела Пельгамовъ въ заблужденіе; но, повидимому, она имѣла основанія угадать намѣренія Мармадука и, чтобы избѣжать оффиціальнаго отказа, честно написала ему не приходить завтра. Вотъ его отвѣтъ.

Брида схватила записку, написанную, очевидно, на-спѣхъ.

«Тысячу разъ благодарю за письмо. Я—безумецъ, что далъ поговорить себя сестрамъ. Я лучше понимаю васъ! Простите мою самонадѣянность и вѣрьте въ мое глубочайшее уваженіе».

— Не дурно! Я не ожидала, чтобъ онъ такъ хорошо выпутался. И такъ, вотъ вонецъ моимъ мечтамъ видѣть Лесбію владѣтель-

ницей Абботъ-Торнлея. Но, Джонъ, я не понимаю, какое отношеніе имѣеть этотъ отказъ съ возвращеніемъ въ замокъ Дали?

— Не понимаешь? Ну, такъ, Лесбія и я не видимъ другаго средства выйти изъ затрудненія, и такъ какъ я обѣщала ей, то не могу измѣнить своему слову.

— Предусмотрительно! Это вѣрный способъ заставить говорить весь свѣтъ! Одно слово, Джонъ. Подумай: за все, что случится вслѣдствіе этого внезапнаго отъѣзда, ты будешь отвѣчать.

— Принимаю отвѣтственность. Последнее рѣшеніе, можетъ быть, опрометчиво, но мы съ Лесбіей давно приближаемся къ этой цѣли, каждый своею дорогой.

XXXIV.

— Да, дай мнѣ букетъ сюда, въ руку, — говорила Анна О'Флаэрта Элленъ, входившей въ комнату съ нѣсколькими вѣтвями картофеля въ цвѣту и колосьями уже желтѣющаго ячменя. — Я думала, что не увижу больше этихъ залоговъ божественнаго милосердія... Бѣдное дитя! тебя мнѣ больше всѣхъ жаль, такъ какъ на тебя падаетъ все бремя. Ты поняла, что ты наслѣдуешь мнѣ здѣсь?

— О, Анна! А Бонноръ?

— Бонноръ знаетъ это. Онъ избралъ свой путь. Мой долгъ обезпечить счастье тѣхъ, кто зависитъ отъ меня. Онъ не способенъ оказывать имъ услуги, къ которымъ они привыкли; онъ созданъ не для практическаго труда.

— Но, Анна, въ глубинѣ сердца я, пожалуй, такая же революціонерка, какъ и Бонноръ. Если бы я была его братомъ, а не сестрой, я бы стала подъ его знамя.

— Я давно рѣшила выбрать наиболѣе достойнаго изъ васъ, и очень боялась весной, что ты изберешь жизнь, которую нельзя будетъ согласовать съ возлагаемою мной задачей...

— А, да! Когда мой двоюродный братъ д'Арси былъ въ Орлиномъ Гнѣздѣ? Вы угадывали, что происходило? Почему не предупредили вы меня?

— Я не хотѣла дѣйствовать вліяніемъ, не принадлежавшимъ мнѣ. Теперь, когда это кончилось, онъ уѣхалъ, скажи мнѣ, какой счастливый случай сохранилъ послѣднюю надежду бѣднягамъ Ущелья Фей?

— Я сама не знаю, можетъ быть, вы поможете мнѣ разобрать мои чувства. Вы знаете, Бонноръ и Пельгамъ сразу полюбили моего бузена; имъ казалось, такъ же какъ и мнѣ, что папа вернулся къ

намъ. Но мнѣ одной онъ повѣрялъ свои мысли и сразу очаровалъ меня, какъ очаровалъ Коннора, и я начинала сочувствовать всѣмъ его планамъ, когда онъ пошелъ дальше и далъ мнѣ понять другія намѣренія. Тогда я испугалась, упрекала себя за то, что не чувствую себя счастливой, польщенной его любовью, преданной его личности такъ же, какъ дѣлу. Но тутъ произошла дуэль Пельгама съ Дэрби О'Руиъ... я ни на кого не сердилась, но не могла не думать о другомъ, вліяніе котораго было бы лучше вліянія д'Арси... и какъ разъ въ ту минуту я нашла въ вашемъ ящикѣ письмо Бриды Торнлей, которое вы взяли у меня когда-то... Я перечитала его у вашей постели... и замѣтила, что думаю не о д'Арси, а объ одобреніи другаго... Когда я была маленькой, я была довольна только тогда, когда была увѣрена въ одобреніи мамы...

— Я вижу, здравый смыслъ, англійская прямота и глубокое сознание долга внушаютъ тебѣ довѣріе... Я пришла къ тому же заключенію... Но онъ опоздаетъ осуществить мои надежды и исправить мои ошибки.

— Можетъ быть... но, Анна, не заблуждайтесь, я рѣшила свою судьбу прошлымъ лѣтомъ...

— Я согласна, что Джонъ Торнлей не такой человекъ, который легко возвратится послѣ отказа, но, вѣроятно, ты часто видишь его теперь послѣ его возвращенія въ замокъ Дали съ сестрами.

— Не очень часто. Миссъ Торнлей навѣщала иногда маму, но она уѣхала въ Англію къ какимъ-то друзьямъ. Я встрѣчаю иногда Лесбію и мистера Торнлей въ благотворительныхъ комитетахъ и во время прогулки... мы разговариваемъ какъ всегда; я сама удивляюсь этому... и все, что я предполагаю, всегда исполняется... Но, несмотря на это, мнѣ кажется, Пельгамъ поддерживаетъ солидность въ нашихъ отношеніяхъ... Онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что О'Руиъ говоритъ, будто онъ нарочно дрался на дуэли, чтобы побѣдить богатую наслѣдницу... Поэтому онъ такъ дикъ... а, между тѣмъ, онъ бросаетъ иногда на Лесбію такіе взгляды... Но она счастлива, повидимому, съ братомъ... ей, кажется, никого не надо.

— А! миссъ Торнлей уѣхала! Поэтому-то я не видала ее!

— Докторъ Линчъ запретилъ ей прощаться съ вами, — вы были слишкомъ больны.

Силы Анны начали ослабѣвать, когда на мосту раздался топотъ и Эдленъ, по приказанію больной, вышла встрѣтить гостей.

— Переи́зна, о которой говорятъ, къ лучшему или худшему?— съ тревогой спросилъ Джонъ, поднимаясь на крыльцо.

— Она не страдаетъ сейчасъ, но такъ можетъ продолжиться съ недѣлю, по словамъ доктора Линча, — отвѣтила Эленъ. — Она хочетъ васъ видѣть; она говоритъ и улыбается сегодня какъ обыкновенно.

Джонъ удивился, увидавъ миссъ О'Флаэрти сидящей; она протянула ему обѣ руки.

— Сядьте здѣсь, около меня, — сказала она съ радушною улыбкой, — мнѣ надо сказать вамъ кое-что.

Если Джонъ ожидалъ какого-нибудь особеннаго личнаго признанія, онъ былъ разочарованъ; такъ какъ она хотѣла поговорить съ нимъ только о своихъ похоронахъ. Она боялась, какъ бы необычное стеченіе народа при теперешнемъ настроеніи умовъ не произвело какихъ-нибудь безпорядковъ. «Я поручаю вамъ и Пельгаму слѣдить за порядкомъ!» — закончила она свою рѣчь.

Мурдошъ Малаши пошелъ за лошадьми. Въ ожиданіи ихъ Джонъ не могъ говорить ни о чемъ, кромѣ Анны.

— Рѣдко встрѣтишь женщину, такъ всецѣло преданную заботамъ о другихъ, — говорилъ онъ, — что эта мысль не покидаетъ ее до конца жизни. Она создана была чтобы царствовать.

— Да, — отвѣтила Эленъ, — несмотря на свои страданія, она хотѣла бы еще жить, чтобы помочь намъ перенести эти ужасные дни. Что будетъ со мной, когда мнѣ не съ кѣмъ будетъ подѣлиться моимъ безпокойствомъ о Коннорѣ!

— Развѣ вы не могли бы убѣдить брата, изъ любви къ ней, избавить ее отъ лишнихъ мученій въ часъ кончины? Онъ очень скомпрометировалъ себя; но если бы онъ уѣхалъ въ Англію, къ дядѣ, даже...

— И куда бы онъ годился послѣ этого! — воскликнула Эленъ, всыхнувъ. — Я согласна, что его увлекли друзья; но если онъ способенъ покинуть ихъ въ послѣднюю минуту, то пусть лучше онъ умретъ.

— Но если вы не можете удержать Коннора, то сдѣлаемъ, по крайней мѣрѣ, что можемъ, чтобы Пельгамъ не былъ замѣшанъ, чтобы ваша мать не знала о грозящей ему опасности. Скоро вы ожидаете Коннора?

— Да, въ послѣднемъ письмѣ онъ писалъ о скоромъ свиданіи.

— Ну, такъ пусть онъ не пріѣзжаетъ. Я знаю достоверно, что приняты мѣры, чтобы заставить зачинщиковъ возстанія открыться раньше, чѣмъ они намѣревались... до жатвы. Черезъ два или три

дня они будутъ арестованы или вынуждены бѣжать. Если Бонноръ будетъ здѣсь, его схватятъ, какъ подозрительнаго. Изъ Дублина онъ можетъ бѣжать.

— Вы думаете, что послѣ всего сказаннаго и писаннаго населеніе не будетъ драться?

Джонъ Торнлей улыбнулся съ горечью.

— Вы настоящая ирландка, вы не можете допустить, что выстрѣлы бесполезны. Мирное разрѣшеніе затрудненія—вотъ единственная возможность спасенія для вашихъ друзей. Постарайтесь задержать Боннора еще на недѣлю въ Дублинѣ и, если это возможно, вашего кузена мистера О'Доннелла.

— Д'Арси? Да развѣ это возможно? Онъ одинъ изъ предводителей. Если надо страдать, онъ не согласится составить исключеніе.

— Жаль тратить попусту жизнь въ двадцать три года, и, притомъ, жизнь такого выдающагося человѣка! Пусть онъ побережетъ себя и предоставитъ негодьямъ и безумцамъ тратить силы въ безразсудномъ предпріятіи!

— Слова, вмѣсто дѣлъ! Послѣ того, какъ заставилъ этихъ негодяевъ рисковать жизнью! Все равно, я напишу Боннору сегодня вечеромъ; благодарю, что предупредили меня. Д'Арси не послѣдуетъ вашему совѣту, но будетъ вамъ признателенъ.—Джонъ холодно пожалъ руку Элленъ.

XXXV.

Элленъ кончила письмо къ Боннору далеко за полночь и рѣшила отнести его сама почтальону, проходившему недалеко отъ Ущелья Фей. Мурдошъ Малаша способенъ былъ распечатать письмо, адресованное Боннору.

Со времени болѣзни Анны, Элленъ такъ часто проходила одна и во всякое время разстояніе между ея домомъ и Орлинымъ Гнѣздомъ, что ни минуты не колебалась идти чуть свѣтъ черезъ горы. Она думала, что одна на ногахъ въ такое раннее время, когда услышала шумъ въ домѣ и, отворивъ дверь прихожей, увидѣла Мурдоша, спускавшагося по черной лѣстницѣ. Онъ вздрогнулъ при видѣ ея и хотѣлъ незамѣтно проскользнуть, не поздоровавшись съ ней, но потомъ вернулся назадъ и, глядя на нее съ тревогой, сказалъ:

— Слишкомъ рано для вашихъ маленькихъ ножекъ идти теперь по горамъ, покрытымъ росой. Вы бы лучше подождали, когда взойдетъ солнце, а, между тѣмъ, вамъ приготовить завтракъ.

— Я буду въ Орлиномъ Гнѣздѣ гораздо раньше завтрака, Мурдошъ,—отвѣтила Элленъ.

— Въ такомъ случаѣ, идите черезъ Леси-Норъ, миссъ Элленъ, тамъ лучше и безопаснѣе дорога въ этотъ часъ.

— Я не заблужусь, Мурдошъ; я не хуже вашего знаю каждую тропинку въ горахъ.

Онъ, повидимому, остался недоволенъ и, обернувшись на первой лужайкѣ, Элленъ увидѣла, что онъ еще стоитъ, опершись объими руками о перила. При слабыхъ лучахъ свѣта она различала фигуры, осторожно выходившія изъ хижины. Какъ рано встаютъ всѣ сегодня! Всѣ шли, очевидно, къ горѣ по одному направленію съ ней; она видѣла свозъ туманъ, какъ нѣсколько человѣкъ обогнали ее. Она не боялась, — присутствіе этихъ торопливыхъ путниковъ удивляло, а не тревожило ее, — но она прибавила шагу и не остановилась отдохнуть, такъ что пришла за цѣлый часъ раньше къ группѣ домиковъ, мимо которыхъ проходилъ балліовенскій почтальонъ. Приходилось ждать. Она сѣла на кучку торфа и, закрывъ голову плащомъ, такъ какъ туманъ становился пронизывающимъ, устремила взглядъ на вершины горы, постепенно озаряющіяся солнечными лучами, на кладбище по склону холма, недалеко отъ дороги, кресты и разваливающіеся памятники котораго постепенно выступали изъ мрака. Она различила вдругъ группу мужчинъ, движеніе въ самомъ отдаленномъ углу ущелья. Что это? Похороны... въ такой ранній часъ?... Это неправдоподобно. Элленъ отодвинулась еще на шагъ въ тѣнь и сердце ея замерло отъ ужаса. Дѣйствительно, два человѣка молча рыли могилу; и они были не одни; вокругъ нихъ мало-по-малу собралась небольшая толпа зрителей. Что это, роютъ могилу какой-нибудь тайной жертвѣ? Элленъ вспомнила рассказы о таинственно убитыхъ преступникахъ, похороненныхъ затѣмъ сообщниками по заговору. Всѣ присутствовавшіе находились, повидимому, въ радостномъ ожиданіи. Возможно ли, чтобы ихъ руки пролили эту кровь?

Шепотъ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Слава Богу, вотъ она, друзья мои, скоро она будетъ въ нашихъ рукахъ... веревку, веревку сюда, скорѣй!

Оба могильщика спрыгнули въ могилу, нанесли еще нѣсколько ударовъ и поднимали, повидимому, большую тяжесть. Да, это былъ гробъ; къ которому протянулось столько жадныхъ рукъ, гробъ простаго издѣлія вродѣ тѣхъ, которыхъ Элленъ видѣла сотни за эти два года страшной смертности. Когда раздался стукъ о крышку гроба, Элленъ упала на колѣни: она не рѣшилась взглянуть. При какомъ ужасномъ зрѣлищѣ она должна присутствовать?

— Берите, ребята, каждый свое, а если недостаетъ кого, пусть

капитанъ укажетъ тѣхъ, кто замѣнитъ! Здравствуйте, сокровища! Бросьте старыя доски въ яму, ребята, и заройте ее скорѣе; ужь разсвѣтаетъ, а до захода солнца у каждаго изъ насъ будетъ въ рукахъ оружіе.

Элленъ поняла теперь. Она перестала бояться и слѣдила глазами за движеніями могильщиковъ, бросавшихъ доски въ яму и быстро закладывавшихъ ее дерномъ. Вокругъ зарытой могилы лежала груда оружія: пистолеты, мушкеты, ружья и кое-гдѣ шпаги съ заржавѣвшими рукоятками, блестящими при лучахъ восходящаго солнца.

Два человѣка, находившіеся до сихъ поръ въ тѣни, приблизились и начали раздавать оружіе, затѣмъ одинъ изъ нихъ, опершись на послѣдній мушкетъ, произнесъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ нѣсколько словъ, наполнившихъ ужасомъ сердце Элленъ, такъ какъ это говорилъ д'Арси О'Доннелъ, а рядомъ съ нимъ стоялъ ея братъ Бонноръ.

— Друзья мои, — говорилъ онъ, — насъ здѣсь меньше, чѣмъ я предполагалъ, но мало или много, мы держимъ, наконецъ, въ рукахъ оружіе, какъ всѣ наши друзья по всей Ирландіи. Насъ, все-таки, достаточно для того, что намъ надо сдѣлать. Идите тихо по долинь и не шумите; но, прежде чѣмъ разойтись, поклонимся про себя въ нашихъ сердцахъ, что мы не перестанемъ бороться до того дня, пока Ирландія не вернетъ своей свободы!

Послѣдовало минутное молчаніе, болѣе торжественное, чѣмъ выраженіе краснорѣчиваго голоса, только что прозвучавшаго во всѣхъ сердцахъ, затѣмъ толпа безмолвно разсѣялась по горнымъ тропинкамъ и друзья остались одни; они медленно приближались къ мѣсту, гдѣ спряталась Элленъ.

— Горсточка людей! — говорилъ Бонноръ. — Я думаю, намъ лучше соединиться сейчасъ съ главнымъ корпусомъ на югъ.

— Если только существуетъ главный корпусъ! — замѣтилъ д'Арси съ грустнымъ выраженіемъ, такъ противорѣчившимъ послѣднимъ словамъ, только что произнесеннымъ имъ.

— Вы сомнѣваетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, но, мнѣ кажется, я встрѣчаю вялость тамъ, гдѣ долженъ былъ бы дѣйствовать каждый національный фибръ. Я не знаю... здѣсь было очень мало народу.

— Они были застигнуты врасплохъ! Вы увидите, какъ много будетъ сегодня вечеромъ въ пещерѣ Денниса Малаши!

— У вашего вѣрнаго Мурдоша встревоженный видъ.

— Да, и я огорченъ этимъ, такъ какъ онъ хитрая лиса. Онъ

говорить, что доброта Джона Торнлея и великодушіе миссъ Майнардъ измѣнили настроеніе умовъ въ округѣ.

— Да, и это самый дурной признакъ. Немного облегченія, немного покоя—и равнодушіе возвращается. Если то же происходитъ всюду! Но теперь не время терять бодрость духа... Что дѣлать намъ до вечера? Вы, кажется, хотѣли видѣть Элленъ...

— Да. Если бы я могъ поговорить съ ней.

— Я здѣсь, Конноръ!

Сбросивъ плащъ на плечи, Элленъ обвила руками шею брата.

— Я слѣдила отсюда за всѣми вашими движеніями, — продолжала она въ отвѣтъ на ихъ удивленные взгляды. — Я вышла чуть свѣтъ изъ Ущелья Фей, чтобы послать вамъ совѣтъ не показываться сюда, негодные заговорщики, и вотъ судьба открыла мнѣ всѣ ваши тайны! Стоить только предупредить Джона Торнлея или старика О'Руна — и васъ запрячутъ на полгода въ тюрьму!

— Мы ничего не боимся, не правда ли, д'Арси? — весело воскликнулъ Конноръ. — Вотъ исполнилось мое первое, едва высказанное желаніе! Это хорошее предзнаменованіе!

— Когда исполняются первыя и послѣднія желанія, тогда я готовъ идти на все, — сказала д'Арси, не проронившій до сихъ поръ ни слова.

Элленъ подняла на него глаза. Какъ онъ измѣнился за эти полгода! Очарованіе горячей надежды смѣнилось выраженіемъ строгой рѣшимости. Онъ шелъ къ исполненію своихъ замысловъ скорѣе изъ храбрости и чести, чѣмъ увлекаемый, какъ прежде, порывомъ энтузіазма, который онъ долгое время сообщалъ всѣмъ приближавшимся къ нему. Элленъ жалѣла его почти столько же, сколько беспокоилась о Коннорѣ, болѣе легкомысленномъ и менѣе дальновидномъ, исполненномъ шумной радости, возбуждаемой близкою опасностью. Она обратилась къ нимъ:

— Пойдемте провести день въ Орлиномъ Гивздѣ; уже разсвѣло и вы можете встрѣтить О'Руна или кого-нибудь изъ полицейскихъ, которыхъ значительно прибавилось за эти шесть недѣль. Они всюду сплываютъ.

— Но Пельгамъ, мама?

— Пельгама нѣтъ дома: онъ уѣхалъ въ Гальвей по дѣламъ, а мама не будетъ удивлена; я говорила ей о твоёмъ скоромъ пріѣздѣ... Можетъ быть, онъ будетъ послѣднимъ... надолго...

— Что скажете вы, д'Арси?

— Если ваша сестра хочетъ рисковать послѣ того, что видѣла

сейчасъ, это будетъ для насъ пріятнымъ воспоминаніемъ... куда бы ни пришлось намъ унести.

— Безъ трагедій, д'Арси. Но... Элленъ, ты не подстраиваешь намъ ловушку, чтобы помѣшать намъ драться?

— Нѣтъ, Конноръ; я не посмѣю васъ опозорить, ни того, ни другаго, несмотря на все мое желаніе видѣть васъ внѣ опасности, въ которую васъ увлекаютъ ваши замыслы.

— Она настоящая ирландка, не правда ли, д'Арси? Спустился съ горы бѣгомъ, какъ мы дѣлали въ дѣтствѣ послѣ большой экспедиціи въ поискахъ за ежевикой.

День прошелъ тихо и мирно. Мистрисъ Дали казалась счастливою, что видѣла Коннора, и старалась удержать его около себя, какъ будто это былъ Пельгамъ. Элленъ обмѣнивалась съ братомъ воспоминаніями дѣтства, которыя д'Арси слушалъ съ интересомъ, но она не могла изгнать изъ головы мысли, что внѣ стѣнъ происходитъ какое-нибудь событіе. Къ вечеру она вышла на минутку съ Конноромъ въ маленькій дворъ фермы, за домомъ. Забавляясь бросаніемъ кусочковъ торфа въ голову свиней, Конноръ спросилъ ее:

— Какъ дѣла Пельгама? Рѣшено ли?

— Но, Конноръ, ты, значить, не понимаешь, что мы разорены, окончательно разорены, что замокъ Дали принадлежитъ въ дѣйствительности Лесбіи? Хотѣлъ бы ты, чтобы онъ отправился ее просить, какъ нищій: «будьте моею, вмѣстѣ съ моимъ наслѣдствомъ»? Это было бы слишкомъ дерзко!

— Я этого не нахожу. Я не колебался бы на его мѣстѣ, или онъ недостойнъ ея. Послушай, я хочу оказать ему несравненную услугу... Въ Уайтклиффѣ еще во времена, когда она была Сандрильоной, я написалъ ей любовную поэму... гдѣ было нѣсколько стиховъ... Однимъ словомъ, самъ д'Арси не отказался бы отъ нихъ... Я дарю ихъ Пельгаму... пусть онъ убѣдитъ ее, что онъ прислалъ ихъ... и дѣло его будетъ въ шляпѣ!

— Но, дорогой Конноръ, Пельгамъ не такой человекъ, чтобы сталъ ридиться въ чужія перья... считать любовную поэму эквивалентомъ замка Дали со всѣмъ остальнымъ!

— Тѣмъ хуже для него! Если я не увижу его... никогда... скажи ему, что я хотѣлъ бы... въ послѣднюю минуту исправить все прошлое... Чтѣ я ни дѣлаю, но, кажется, предчувствія д'Арси охватываютъ и меня...

— А! у него есть предчувствія?

— Все больше и больше, все это лѣто... не отступая, конеч-

но... Но онъ не вѣрить въ успѣхъ... Онъ не увѣренъ въ разумности своихъ проектовъ...

— Но почему бы вамъ не уйти вмѣстѣ?

— Уйти? Что ты! Чтобы еще больше раздѣлить партію? Это всегда и губило насъ, по мнѣнію д'Арси. Лишь бы держались вмѣстѣ хотя бы подлюжины, и это уже шагъ въ будущемъ!

— Но вы можете быть вынужденными бѣжать! Надо быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Есть у васъ деньги?

— Ни копѣйки ни у того, ни у другаго. Наша газета запрещена и мы истратили все до послѣдняго гроша. Д'Арси говорить, что это пустяки, пока цѣлы руки и мозгъ; но я признаюсь, что это одна изъ причинъ, почему я хотѣлъ тебя видѣть сегодня.

— У насъ есть еще немного денегъ и я убѣждена, что мама и Пельгамъ охотно подѣлятся съ вами. Но я вспомнила сегодня утромъ, что у меня сохранились еще двѣ драгоценныя вещи. Вотъ брилліантовый перстень, бывшій на отцѣ въ минуту его смерти и отданный мнѣ Пельгамомъ, и еще кольцо съ изумрудомъ, подаренное мнѣ Мармадукомъ Пельгамъ на рожденіе въ тотъ годъ, когда мы были въ Пельгамъ-Буртѣ. Отдай его д'Арси; оно можетъ пригодиться.

— Развѣ только въ очень бѣдственномъ положеніи онъ согласится расстаться съ тѣмъ, что ты ему даришь.

— Ты не знаешь, что можетъ быть.

Въ ту же минуту раздался громкій звонокъ. Элленъ побѣднѣла.

— Надо отворить сію минуту, — произнесла она, — спрячьтесь... въ мамину комнату... тамъ лучше всего... Скорѣ зови д'Арси, только не буди мамы... въ гостиной... если можешь!

Звонокъ повторился. Элленъ побѣжала отпирать, но у двери остановилась, чтобы дать бѣглецамъ время скрыться. Два полицейскихъ стояли на порогѣ, еще два — нѣсколько шаговъ отступя. Всѣ поднялись наверхъ. Элленъ не знала ихъ.

— Мистеръ Пельгамъ Дали живетъ здѣсь?

— Да, — отвѣтила Элленъ, — но его нѣтъ дома. Его мать, живущая съ нимъ, только что была опасно больна; вамъ придется подождать его возвращенія.

— Очень жаль, миссъ, но мы имѣемъ предписаніе сдѣлать обыскъ въ домѣ и время намъ дорого. Мы обязаны исполнить нашъ долгъ.

— Надѣюсь, что вы исполните его съ возможною деликатностью, — сказала Элленъ, храбрость которой возростала съ увеличеніемъ опасности. — Чтобы вы поняли необходимость этого, я

веду васъ въ комнату, гдѣ отдыхаетъ моя больная мать, и если вы будете добры, тихо побыть тамъ, я сама принесу вамъ находящееся въ домѣ оружіе. Васъ ошибкой прислали сюда. Благонадежность мистера Пельгама Дали не можетъ подвергаться подозрѣнію.

Элленъ отворила дверь гостиной. Видъ блѣднаго лица мистрисъ Дали, покойно спавшей на диванѣ, подѣйствовалъ на жандармовъ, какъ и ожидала Элленъ; они сдѣлали нѣсколько шаговъ назадъ.

— Намъ нѣтъ необходимости входить сюда, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — я посижу, пока мой товарищъ вернется; онъ будетъ сопровождать васъ по дому.

Элленъ указала ему рукой на кресло и повела другого жандарма въ комнату Пельгама, гдѣ онъ нашелъ пистолеты и ружье, которые отобралъ; послѣ этого они миновали рядъ корридоровъ и пустыхъ комнатъ, количество и разрушенный видъ которыхъ, повидимому, смутилъ жандарма.

— Какой громадный домъ для такого маленькаго семейства! — замѣтилъ онъ. — На моей родинѣ эти развалины сломали бы и на ихъ мѣстѣ выстроили бы хорошенькую ферму.

— Онъ не былъ великъ для насъ въ прежнія времена, — отвѣтила Элленъ, — но со времени голода одинаково трудно найти людей какъ для разрушенія, такъ и для постройки.

— Это правда, и это насъ удивляетъ всегда. Мы присланы изъ Англіи водворять порядокъ въ населеніи, а, какъ мнѣ кажется, населенія нѣтъ. Я уношу оружіе, миссъ; пока мы будемъ въ странѣ, вамъ не надо будетъ защищаться. Я долженъ только предупредить товарища, что готовъ идти.

Время показалось долго Элленъ, но прошло всего нѣсколько минутъ и мистрисъ Дали еще спала; жандармъ вышелъ изъ гостиной.

— Вы видите, что мы исполнили только нашъ долгъ, миссъ, — сказалъ онъ, — и что вамъ нечего было пугаться. Желаю вамъ покойной ночи.

Жандармы сѣли на лошадей; Элленъ же упала на колѣни около дивана матери, благодаря Бога за продолжительный и крѣпкій сонъ, избавившій больную отъ страшнаго волненія. Мистрисъ Дали открыла глаза.

— Они не ушли... — прошептала она, — не простившись со мной?

— Нѣтъ, дорогая мама, — отвѣтила Элленъ, — но я рада, что разбудила васъ, такъ какъ скоро имъ пора ѣхать.

— Такъ прикажи подавать чай. Не надо отпускать ихъ голодными.

Бонноръ и д'Арси услышали ея голосъ и отворили дверь гостиной.

— Вѣрна, какъ сталь!—прошепталъ Бонноръ, проходя мимо сестры.—Я былъ увѣренъ въ этошь.

— По инстинкту,—тихо возразила Элленъ.— Можетъ быть, мнѣ придется пожалѣть, что я не дала васъ арестовать, но мнѣ даже въ голову не пришло выдать васъ!

— Много бы ты выиграла, когда я пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ, если бы очутился въ тюрьмѣ во время битвы!

Д'Арси былъ расположенъ, повидимому, продолжать послѣдній ужинъ, но Бонноръ съ трудомъ поддерживалъ подобіе веселья и торопился уходить. Они должны были ночью пуститься въ путь съ тѣми изъ крестьянъ, кто соберется въ пещерѣ, и рассчитывали, что ихъ будетъ достаточно, чтобы разбить отряды полицейскихъ, которые вздумали бы ихъ задержать.

— А если никто не придетъ сегодня вечеромъ?

— Мы отправимся одни въ Типерари.

— Я вижу, — произнесъ д'Арси, глядя на Элленъ, — вы боитесь, что сегодня сдѣлано много арестовъ между нашими соотечественниками: это возможно; но мы избѣжали на этотъ разъ и отправимся къ друзьямъ, которымъ, можетъ быть, посчастливилось больше нашего. Мы рѣшили отправиться къ нимъ, что бы ни случилось!

— А какъ я узнаю, что происходитъ?

— Не беспокойтесь, самъ воздухъ принесетъ вѣсти.

Они ушли, а Элленъ вернулась къ матери съ сердцемъ, переполненнымъ мрачныхъ предчувствій, и въ сотый разъ выслушала сѣтованія о неудобствахъ бродячихъ привычекъ Боннора. Къ счастью, Пельгамъ не таковъ!... Что было бы съ мистрисъ Дали, если бы что-нибудь случилось съ Пельгамомъ?

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* *
*

Какъ негодуютъ эти волны,
Какъ ропщеть бурный океанъ,
Непобѣдимый, злобы полный,
Гранитомъ скованный титанъ!
Но тщетно все: изнемогая,
Падутъ мятежные валы,
Въ борьбѣ за волю умирая,
Бъ подножью царственной скалы.

А тамъ, въ вѣнцахъ изъ звѣздъ, какъ боги,
Вершины снѣжныя полны
Презрѣнья къ суетной тревогѣ,
Бъ борьбѣ и къ ропоту волны.
И, созерцая безконечность,
Не для земли онѣ живутъ,
Съ нѣмыми звѣздами про вѣчность
Бесѣду тихую ведутъ.
Но какъ рѣшить, кто правъ: вершины,
Въ ихъ созерцаніи нѣмомъ,
Иль эти гордыя пучины
Въ борьбѣ и гнѣвѣ роковомъ?

Д. Мережковскій.

Ученіе о фондѣ рабочей платы *).

I.

Я хочу познакомить васъ съ однимъ изъ тѣхъ первостепенныхъ вопросовъ теоретической политической экономіи, которые до сихъ поръ на ряду съ высокимъ научнымъ интересомъ имѣютъ большое практическое значеніе и до нашихъ дней оказываютъ огромное влияние на формированіе воззрѣній на важнѣйшія проблемы экономическаго законодательства,—я намѣренъ развить передъ вами теорію фонда рабочей платы. Доктрина эта заключается въ слѣдующемъ.

Въ каждой странѣ въ данное время часть капитала отдѣльнаго предпринимателя и всѣхъ предпринимателей вмѣстѣ взятыхъ предназначена для вознагражденія рабочихъ. Капиталъ страны дѣлится на опредѣленные части, изъ которыхъ одна выполняетъ функцію содержанія рабочихъ. Въ различныхъ эпохи, при различной организаціи промышленности, пропорція, въ которой дѣлится капиталъ страны, можетъ измѣняться, но во всякую данную эпоху предназначенная для рабочихъ доля представляетъ опредѣленную величину, которую нельзя увеличить ни усліями со стороны рабочихъ, ни мѣропріятіями законодательства, ни стараніями предпринимателей. Эта опредѣленная сумма распределяется между наличнымъ составомъ рабочаго населенія: если одинъ рабочий получаетъ больше, другой необходимо долженъ получить меньше или совсѣмъ лишиться заработка. Сумма, подлежащая распределенію, есть величина опредѣленная, число рабочихъ также опредѣлено, — слѣдовательно, размѣръ платы каждаго рабочаго не можетъ выходить за предѣлы, указанные отношеніемъ между капиталомъ и рабочимъ населеніемъ. Если рабочее населеніе при неизмѣнномъ капиталѣ велико, плата падаетъ и наоборотъ.

Это ученіе весьма точно сформулировано Джономъ Стюартомъ Миллемъ. Предполагается,—говоритъ онъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ 1869 г. въ *Fortnightly Review*,—что въ каждый данный моментъ на уплаты вознагражденія рабочимъ предназначена опредѣленная сумма богатства. Сумма

*) Лекція, читанная въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

эта можетъ увеличиться вслѣдствіе сбереженія и ростеть съ увеличеніемъ богатствъ, но предполагается, что въ данный моментъ она представляетъ напередъ опредѣленную величину. Больше этой суммы нельзя распредѣлить между рабочимъ классомъ; онъ можетъ получить только эту сумму, такъ что размѣръ платы каждаго рабочаго зависитъ только отъ дѣлителя, отъ числа участниковъ. Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ формулируетъ это ученіе американскій экономистъ Перри. Въ каждой странѣ,—говоритъ онъ,— на уплату рабочимъ предназначается часть капитала страны, которая не можетъ быть увеличена ни государственными вмѣшательствомъ, ни общественнымъ мнѣніемъ, ни стачками рабочихъ; число рабочихъ въ странѣ представляетъ также извѣстную величину. Отношеніе между этими двумя величинами опредѣляетъ размѣръ платы (*A. G. Perry: «Pol. econ.»*, цит. у *Walker: «The Wages Question»*. New-York, 1886, стр. 139).

Спрашивается, какимъ образомъ возникла такая теорія, чтò вызвало ее въ свѣтъ? Уокеръ и Тойнби сдѣлали попытку прослѣдить исторію ея возникновенія и условія, среди которыхъ она зародилась. Первый изъ нихъ думаетъ, что она возникла въ Англій непосредственно послѣ наполеоновскихъ войнъ и обуславливалась двумя обстоятельствами: во-первыхъ, капиталъ имѣлся въ такомъ изобиліи, что предприниматели не испытывали никакихъ затрудненій выплачивать рабочимъ помѣсячно, понеѣдельно или даже поденно, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ дожидаться уборки хлѣба или продажи продукта. Во-вторыхъ, плата въ это время была такъ низка, что не превышала минимума скуднаго существованія, а работы было въ то время такъ мало, что увеличеніе числа рабочихъ имѣло бы своимъ послѣдствіемъ или сокращеніе заработка для части рабочихъ, или уменьшеніе платы для всѣхъ. Эти два факта привели, по его мнѣнію, къ установленію теоріи, что *вознагражденіе выплачивается изъ капитала, а размѣръ ея опредѣляется отношеніемъ между капиталомъ и населеніемъ.*

Нѣсколько обстоятельнѣе отвѣтъ Тойнби. Онъ задается вопросомъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ установилось воззрѣніе, что предприниматели не могутъ платить болѣе высокой платы? Когда Мальтусъ писалъ свой опытъ о народонаселеніи,—говоритъ онъ,—Англія страдала отъ цѣлаго ряда неурожавъ, ввозъ же изъ другихъ странъ не былъ великъ. Такимъ образомъ, казалось, что изъ года въ годъ въ странѣ имѣется опредѣленное количество пищи, между тѣмъ какъ населеніе не переставало расти. Очевидно, что населеніе росло тогда быстрѣе, чѣмъ пища, и увеличеніе платы въ деньгахъ не въ состояніи было увеличить количества пропитанія. Когда въ 1800 г. цѣна квартера пшеницы поднялась до 127 шил., ясно было, что увеличеніе платы не принесетъ пользы рабочему, такъ какъ одновременно съ этимъ возвышалась цѣна предметовъ пропитанія. Мальтусъ, котораго Тойнби считаетъ творцомъ этого ученія, принялъ, что количество пищи ограничено; къ тому же, онъ связывалъ вопросъ о рабочей платѣ съ теоріей уменьшающагося плодородія почвы. Хотя событія, которыя навели Мальтуса на эту мысль, были исключительнаго характера, хотя послѣ

заключенія мира наступили урожайные годы и цѣна на хлѣбъ понизилась, хотя теорія могла имѣть въ лучшемъ случаѣ примѣненіе только къ двадцатилѣтнему періоду отъ 1795 до 1815 г., но принятая имъ теорія уже не мѣнялась. Разъ было установлено, что плата зависитъ отъ отношенія между пищею и населеніемъ, слово пища было замѣнено капиталомъ и укрѣпилось воззрѣніе, что во всякое время имѣется опредѣленный фондъ, состоящій изъ пищи, одежды, утвари и проч., предназначенный для вознагражденія рабочихъ,—фондъ, котораго ни хозяева, ни рабочіе не могутъ ни увеличить, ни уменьшить, а самая плата опредѣляется естественнымъ закономъ, независимымъ отъ воли заинтересованныхъ сторонъ (*Lectures on the Industrial Revolution in England*, 1884, стр. 118). Таково объясненіе Тойнби.

Какъ ни правдоподобны эти объясненія, мы не думаемъ, чтобы ими исчерпывался вопросъ о происхожденіи теоріи. Дѣло въ томъ, что ученіе о фондѣ возникло раньше Мальтуса; Мальтусъ дѣйствительно впервые придалъ ему такой глубокой смыслъ, такое важное значеніе; впервые у этого писателя оно было представлено въ связи съ другими основными вопросами, именно съ ученіемъ о населеніи и объ уменьшающемся плодородіи почвы, но зарожденіе этого ученія должно быть отнесено къ болѣе ранней эпохѣ: оно совпадаетъ съ эпохою появленія новаго экономическаго порядка, съ возникновеніемъ свободнаго рабочаго, съ выдѣленіемъ рабочаго класса въ строго-опредѣленное сословіе. Это была теорія, которая должна была оправдать угнетенное положеніе рабочихъ; это былъ отвѣтъ экономистовъ на утопическія предложенія филантроповъ, стремленіе связать сложившіяся подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ условія съ естественными законами и, такимъ образомъ, свалить съ себя тяжелую обязанность возвышенія благосостоянія низшихъ классовъ. Новые порядки, для приведенія которыхъ было потрачено столько труда и усилій, не принесли на первыхъ порахъ ничего, кромѣ угнетенія большинства рабочаго сословія, сопутствуемаго неслыханнымъ увеличеніемъ размѣровъ производства, большимъ накопленіемъ богатствъ, сосредоточенныхъ въ немногихъ рукахъ. Преобразование въ промышленной и общественной жизни освободили индивида отъ тѣхъ стѣсненій, которыми онъ былъ опутанъ, освободили промышленность и торговлю отъ гнета регламентовъ и законовъ, но результаты этого движенія были на первыхъ порахъ благоприятны для сравнительно небольшого числа лицъ. Что касается трудящихся классовъ, то они не принимали участія въ благахъ культуры, созданныхъ новою организаціей экономическаго быта. Мальтусъ имѣлъ передъ собою цѣлый рядъ неурожавъ, т. е. имѣлъ передъ собою совершенно случайное явленіе, между тѣмъ какъ общія условія, опредѣляющія размѣръ платы, только въ слабой степени зависятъ отъ неурожавъ. Существуетъ при современной организаціи промышленности весьма много причинъ, низводящихъ плату до низкаго уровня, независимо отъ цѣнъ на хлѣбъ, независимо отъ обильной или скудной жатвы. Вотъ эти-то многочисленныя причины, связанныя

съ основными чертами наступавшаго въ концѣ прошлаго вѣка строд, а не случайное совпаденіе нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ были, какъ мнѣ кажется, истинною причиною зарожденія разсматриваемаго нами ученія.

Намъ стоитъ только обратиться къ прошлому и прослѣдить у прежнихъ писателей, какъ они смотрѣли на эту рабочую плату, чтобы убѣдиться, что ученіе это возникло гораздо раньше, чѣмъ думаютъ приведенные нами писатели. Я не стану останавливать вашего вниманія на тѣхъ проявленіяхъ ученія, которыя встрѣчаются у Буагильбера, одного изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ экономистовъ начала прошлаго вѣка. Я начну съ Мерсье де ла Ривьера. «При упадкѣ земледѣлія,— говоритъ онъ,— когда земля не даетъ столько, сколько нужно для прокормленія увеличившагося населенія, напрасно стали бы мы издавать законы противъ нищенства; нельзя уничтожить профессію, которая существуетъ въ силу физической необходимости. Постоянное уменьшеніе продуктовъ приводитъ ежегодно къ нарушенію пропорціи между суммой рабочей платы, которая подлежитъ распределенію, и числомъ людей, которые нуждаются въ платѣ для существованія, между массой вещей, которыя нужны для потребленія, и тѣмъ количествомъ продуктовъ, которое имѣется въ наличности». Вотъ что говоритъ Мерсье. Я весьма далека отъ того, чтобы видѣть въ этомъ отрывкѣ,—а подобные отрывки мнѣ не трудно было бы привести изъ произведеній другихъ современниковъ Мерсье, наприимѣръ, Тюрго и Бондорсе,—полную теорію рабочаго фонда; я обращаю ваше вниманіе лишь на то, что Мерсье де ла Ривьеръ устанавливаетъ такую же взаимную зависимость между ученіемъ о населеніи и ученіемъ о рабочей платѣ, какая была установлена потомъ Мальтусомъ. Отъ Мерсье перейду къ Адаму Смиту.

Въ предисловіи къ *Богатству народовъ* онъ съ самаго же начала говоритъ, что *число полезныхъ и производительныхъ работниковъ повсюду зависитъ отъ количества капитала, предназначеннаго для найма,* и отъ способа его употребленія. Въ главѣ о рабочей платѣ онъ проводитъ эту же мысль слѣдующимъ образомъ: спросъ на тѣхъ, которые живутъ рабочею платой, очевидно, можетъ увеличиваться только *соотвѣтственно увеличенію фонда, предназначеннаго на уплату вознагражденія.* Фондъ этотъ состоитъ, во-первыхъ, изъ дохода, остающагося за покрытіемъ необходимаго существованія; во-вторыхъ, изъ капитала, остающагося у хозяевъ послѣ того, какъ ими употребленъ въ дѣло необходимый капиталъ. Рѣдко случается, что лицо, обрабатывающее землю, имѣетъ чѣмъ содержать себя до жатвы. Его *содержаніе ссужается изъ капитала хозяина, фермера, его нанимающаго.*

Смитъ останавливается на выясненіи того вліянія, какое оказываетъ на увеличеніе платы умноженіе капитала страны, и весьма часто говоритъ о капиталѣ вообще тамъ, гдѣ имѣетъ въ виду фондъ рабочей платы. «Спросъ на тѣхъ, которые живутъ платой,—читаетъ мы въ той же главѣ,— необходимо увеличивается съ увеличеніемъ дохода и капитала каждой страны

и не можетъ увеличиваться безъ этого. Увеличеніе дохода и капитала есть увеличеніе народнаго богатства».

Въ Европѣ, по его мнѣнію, населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ увеличивается фондъ, предназначенный для найма рабочихъ; въ Америкѣ, наоборотъ, спросъ на нихъ и предназначенный для нихъ фондъ увеличиваются быстрѣе, чѣмъ населеніе.

Здѣсь не мѣсто знакомить васъ теперь съ ученіемъ Смита о рабочей платѣ вообще, о зависимости высоты ея отъ цвѣтущаго или неподвижнаго состоянія страны или ея упадка, о связи между капиталомъ страны и размѣромъ вознагражденія рабочихъ; меня интересуетъ только проявленіе воззрѣній его на фондъ рабочей платы. Устанавливая связь между высотой прибыли и платы, онъ говоритъ, что «уменьшеніе капитала общества или фонда, предназначеннаго для содержанія труда, понижая рабочую плату, возвышаетъ прибыль и процентъ», а въ главѣ, посвященной ограниченіямъ вывоза, онъ проводитъ ту же мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вся промышленность страны никогда не можетъ выходить за предѣлы капитала, который общество можетъ вложить. Какъ число рабочихъ, которое можетъ быть нанято отдѣльнымъ лицомъ, должно находиться въ известной пропорціи къ его капиталу, точно такъ число рабочихъ, которое можетъ быть нанято всеми членами общества, должно находиться въ определенномъ отношеніи ко всему капиталу страны и никогда не можетъ выходить за его предѣлы». Правда, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мною цитатъ, и особенно въ послѣдней, часть капитала, предназначенная для найма рабочихъ, собственный рабочій фондъ смѣшанъ съ капиталомъ страны вообще, но у Смита, тѣмъ не менѣе, нерѣдко идетъ рѣчь о *фондѣ, предназначенномъ для найма труда*, и довольно ясно указано значеніе этого фонда въ опредѣленіи размѣра платы. Хотя вышеприведенныя мѣста достаточно характеризуютъ воззрѣнія Смита на фондъ рабочей платы, тѣмъ не менѣе, въ виду того значенія, какое этотъ писатель получилъ въ исторіи ученій о рабочей платѣ, я позволю себѣ привести еще нѣсколько цитатъ.

«Не дѣйствительная величина національнаго богатства, — говоритъ онъ, — а его постоянное увеличеніе создаетъ возвышеніе платы. Поэтому плата всего выше не въ самыхъ богатыхъ странахъ, а въ наиболѣе благоденствующихъ, или въ странахъ, всего быстрѣе богатѣющихъ». Хотя его считаютъ авторомъ такъ называемаго желѣзнаго закона рабочей платы, мы находимъ у него въ высшей степени гуманные взгляды на рабочій вопросъ. «Никакое общество, — объясняетъ онъ, — не можетъ процвѣтать и благоденствовать, когда наибольшая часть его членовъ бѣдна и несчастна. Кроме того, справедливость требуетъ, чтобы тѣ, которые кормятъ, одѣваютъ и даютъ кровъ всему народу, получали такую часть, чтобы сносно питаться, одѣваться и имѣть порядочное жилище... Слѣдуетъ ли считать улучшеніе въ образѣ жизни низшихъ классовъ народа выгоднымъ или невыгоднымъ для народа? Отвѣтъ съ перваго взгляда кажется

совершенно яснымъ. Прислуга, рабочіе различнаго рода составляютъ самую значительную часть каждаго общества. То, что улучшаетъ условія бѣднѣйшей части членовъ, не можетъ считаться невыгоднымъ для цѣлаго». Щедрое вознагражденіе за трудъ, поощряя размноженіе населенія, увеличиваетъ трудолюбіе народа. Плата есть поощреніе для трудолюбія, которое, какъ всякое человѣческое качество, усиливается соответственно поощренію. Обильное содержаніе увеличиваетъ физическую силу рабочаго, а надежда улучшить свое положеніе и окончить свои дни въ довольствѣ и обиліи побуждаетъ его усерднѣе работать. Тамъ, гдѣ плата высока, тамъ мы должны видѣть рабочихъ болѣе дѣятельными, старательными и исполнительными, тѣмъ тамъ, гдѣ плата низка (*A. Smith: «Wealth of Nations»*, цит. по изданію *George Routledge*, стр. 2, 42, 50, 53, 54, 61, 63, 73, 343, 357).

Къ сожалѣнію, эти прекрасныя слова были забыты учениками Смита и съ именемъ великаго шотландскаго экономиста связано ученіе о фондѣ рабочей платы; ему приписывали и установленіе желѣзнаго закона рабочей платы, получившаго такое важное значеніе для послѣдующихъ экономистовъ и встрѣтившаго признаніе не только у послѣдователей школы Смита, но и у писателей, выступившихъ съ критикой капиталистической организаціи.

Какъ мы видимъ, Смитъ считалъ возможнымъ улучшеніе положенія рабочихъ, а ученіе о фондѣ не получило еще у него такой специфической окраски, какую получило у его послѣдователей и продолжателей. Пока ученіе о фондѣ стояло безъ связи съ ученіемъ о населеніи, возможно было еще допустить высокій уровень рабочей платы и благосостояніе рабочихъ; но когда къ этому присоединилось ученіе, по которому населеніе быстро превышаетъ фондъ, предназначенный для его содержанія, тогда положеніе рабочихъ должно было быть признано безнадежнымъ и теорія рабочаго фонда должна была оправдать бѣдственное положеніе рабочихъ, доказать его неизбежность.

Такое значеніе рабочей фондъ впервые получилъ у Мальтуса. Въ третьей книгѣ его *Princ. of popul.*, въ главѣ XIII—«о вліяніи увеличивающагося богатства на положеніе бѣдныхъ», онъ вступаетъ въ полемику со Смитомъ. Какъ мы только что показали, всякое увеличеніе капитала или дохода страны, по мнѣнію Смита, увеличиваетъ фондъ рабочей платы; а такъ какъ величина рабочей платы зависитъ отъ размѣровъ фонда, то всякое увеличеніе богатства благотвѣтельно для низшихъ классовъ. Мальтусъ оспариваетъ это положеніе. Во-первыхъ,—говоритъ онъ,—рабочій фондъ не долженъ непременно увеличиваться съ увеличеніемъ богатства и очень рѣдко увеличивается пропорціонально послѣднему. Во-вторыхъ, даже при увеличеніи фонда положеніе рабочихъ можетъ не улучшиться. Гораздо болѣе важное значеніе, тѣмъ размѣръ фонда, имѣетъ, по ученію Мальтуса, быстрота размноженія населенія, обыкновенно превосходящая увеличеніе фонда. Мальтусъ признавалъ, что въ капиталѣ страны имѣется опредѣленная доля, предназначенная для содержанія рабочихъ, но доля эта не находится въ непосредственной связи съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ капитала вообще. Стоитъ только

фонду увеличиться, какъ населеніе быстро размножается, и плата остается на прежнемъ низкомъ уровнѣ. Такъ какъ земля становится все менѣе и менѣе плодородной, а населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ средства продовольствія, то прочное продолжительное улучшение положенія рабочихъ становится несбыточною мечтой.

Ясно, что Мальтусъ гораздо больше заслуживаетъ названіе автора желѣзнаго закона рабочей платы, чѣмъ Смитъ. Отъ Мальтуса обратимся къ Рикардо. Онъ ни на минуту не сомнѣвается въ существованіи фонда и смотритъ на него какъ на прочно установленное ученіе, повидимому, совершенно не нуждающееся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ; поэтому у него нельзя искать защиты и обоснованія фонда. Мы можемъ привести только одно характерное мѣсто изъ главы о рентѣ. «Всякое уменьшеніе капитала страны, — говоритъ онъ, — влекущее за собою дѣйствительное *уменьшеніе фонда, назначеннаго на содержаніе труда, естественно имѣло бы тѣ же послѣдствія, какія имѣетъ увеличеніе плодородія земли*. Населеніе всегда соразмѣряется съ *фондомъ рабочей платы* и, слѣдовательно, всегда возрастаетъ или уменьшается въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ капитала».

Вообще взгляды Рикардо на рабочую плату не отличаются такою цѣльностью, какою отличаются его взгляды на другіе вопросы. «На различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, — говоритъ онъ, — накопленіе капиталовъ или средствъ для содержанія труда происходитъ болѣе или менѣе быстро и должно всегда зависѣть отъ производительной силы труда. Производительность труда бываетъ вообще всего болѣе значительна при изобиліи плодородныхъ земель: въ такія эпохи накопленіе бываетъ часто до того быстро, что возрастаніе предложенія рабочихъ не имѣетъ возможности догнать капиталы. Въ новыхъ поселеніяхъ, гдѣ вводятся искусства и знанія странъ болѣе передовыхъ, капиталы, по всей вѣроятности, стремятся возрастать быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе. Но по мѣрѣ увеличенія населенія и по мѣрѣ того, какъ поступаетъ въ обработку земля худшаго качества, склонность капитала къ возрастанію уменьшается. Всякое усиліе промышленности, если оно не сопровождается уменьшеніемъ роста населенія, только увеличиваетъ зло, такъ какъ производство не можетъ идти такъ быстро, какъ рождаемость». Выяснивши различіе между естественною рабочей платой (минимумъ, необходимый для существованія и продолженія рода) и рыночною, онъ показываетъ, что рыночная плата не можетъ надолго превышать естественную плату, «что и при естественномъ движеніи общества задѣльная плата стремится къ пониженію, насколько она опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, ибо предложеніе рабочихъ продолжаетъ возрастать въ одной и той же прогрессіи, между тѣмъ какъ спросъ возрастаетъ въ прогрессіи менѣе быстрой» (Рикардо: «Нач. пол. эк.», стр. 43, 59, 60, 61, 86).

Рабочая плата у Рикардо зависитъ отъ величины капитала, а фондъ рабочей платы хотя и упоминается, но онъ не разграничивается отъ капитала страны вообще. Отношеніе между капиталомъ и населеніемъ, опредѣ-

ляющее высоту платы, складывается, по учению Рикардо, неблагоприятно для рабочихъ вследствие быстроты размноженія населенія, съ одной стороны, и уменьшающагося плодородія почвы—съ другой. Самый фондъ сливается со средствами существованія и, вмѣсто фонда, рѣчь часто идетъ о пищѣ, предназначенной для рабочихъ. Правда, онъ не считалъ естественную цѣну труда чѣмъ-то «неподвижнымъ и постояннымъ», онъ признавалъ различіе, происходящее отъ «нравовъ и обычаевъ народа», но эта оговорка была забыта не только его послѣдователями, но и имъ самимъ.

Это ученіе о минимумѣ, необходимомъ для существованія и продолженія рода, достигло высшаго развитія въ сочиненіяхъ Лассалья, для котораго всеобщее признаніе ученія Смита, Мальтуса и Рикардо послужило орудіемъ для критики существующихъ условій производства. Замѣтимъ, встаетъ, что Лассаль не сомнѣвался въ теоретической вѣрности этого ученія и вмѣстѣ со многими экономистами, которыхъ подвергалъ беспощадной критикѣ, думалъ, что высота платы опредѣляется отношеніемъ между капиталомъ и рабочимъ населеніемъ.

Возвращаясь къ дальнѣйшему развитію теорій рабочаго фонда, мы, прежде всего, остановимся на Макъ-Буллохѣ, писателѣ, всего больше содѣйствовавшемъ распространенію рикардовскихъ идей и игравшему по отношенію къ своему учителю такую же роль, какую игралъ Сэ по отношенію къ Смиту. «Та часть капитала или богатства страны,—говоритъ М.-Буллохъ,—которую предприниматели намѣрены или желаютъ затратить на покупку труда, можетъ быть въ одно время больше, чѣмъ въ другое. Но какова бы ни была ея абсолютная величина, она, очевидно, составляетъ единственный источникъ, изъ котораго можетъ получаться плата. Не существуетъ другаго фонда, изъ котораго рабочій, какъ таковой, можетъ получить хотя бы одинъ шиллингъ. Отсюда слѣдуетъ, что средній размѣръ платы или доля національнаго капитала, предназначеннаго для найма труда, падающая на каждого рабочаго, должна *цѣликомъ зависеть отъ величины этого капитала въ сравненіи съ числомъ лицъ, между которыми онъ будетъ распределенъ*. «Возможность давать занятіе рабочимъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—цѣликомъ зависитъ не отъ плодородія почвы и не отъ другихъ какихъ-либо причинъ, а отъ величины накопленнаго продукта прежняго труда или капитала, предназначеннаго на уплату рабочимъ».

Иногда эта мысль выражена у него не такъ опредѣленно,—вмѣсто фонда рабочей платы, онъ говоритъ о капиталѣ вообще. Такъ, «уровень платы *долженъ*,—по его мнѣнію,—*зависеть отъ пропорціи, въ которой находится весь капиталъ страны ко всему рабочему населенію*».

У М.-Буллоха мы, такимъ образомъ, видимъ теорію фонда въ болѣе разработанномъ видѣ, чѣмъ у Смита и Рикардо. Дальнѣйшее ея развитіе мы находимъ у Сеніора и Джона Стюарта Милля. Черезъ всю книгу Милля проходитъ мысль о зависимости рабочей платы отъ фонда, предназначеннаго для найма труда.

«Количество труда и размѣръ вознагражденія зависятъ,—говоритъ онъ,—

отъ величины капитала и другихъ суммъ, прямо предназначенныхъ на содержаніе рабочихъ и ихъ вознагражденіе, а рабочая плата зависитъ, главнымъ образомъ, отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ труда. Подъ населеніемъ разумѣется число людей, работающихъ по найму, а подъ капиталомъ только оборотный капиталъ, притомъ, не весь, а та часть его, которая расходуется прямо на покупку труда. Общая величина платы подымается только отъ увеличенія фонда, употребляемаго на наемъ рабочихъ, или отъ уменьшенія въ числѣ сократителей; она падаетъ вслѣдствіе обратныхъ причинъ». Милль совершенно ясно представлялъ себѣ все значеніе теоріи; онъ былъ того мнѣнія, что «положеніе рабочаго класса можетъ улучшиться не иначе, какъ вслѣдствіе измѣненія въ его пользу пропорціи между числомъ рабочихъ и фондомъ, для нихъ предназначеннымъ». «Всякій планъ улучшенія, не основанный на этомъ, составляетъ,—по его мнѣнію,—обольщеніе, если отъ него ожидаютъ какой-нибудь прочной пользы». Если на ряду съ этимъ у Милля мы читаемъ, что «пища имѣетъ свою внутреннюю полезность и употребляется на дѣло, имѣющее цѣль въ себѣ самомъ, на прокормленіе людей», если «главная цѣль земледѣльческаго труда заключается,—по его мнѣнію,—въ самомъ продовольствіи и возможность заниматься другою новою работою является лишь постороннимъ послѣдствіемъ, а не сущностью прежняго запаса», т.-е. если на-ряду съ полнымъ признаніемъ фонда, проходящимъ черезъ все міросозерцаніе Милля, попадаются отдѣльныя, вскользь брошенныя мысли, какъ бы идущія въ разрѣзъ съ этою теоріей, то никому иному, какъ ему, эта теорія обывана своимъ упроченіемъ и распространеніемъ. Въ тому же, мы можемъ отмѣтить у него нѣкоторое дальнѣйшее развитіе этого ученія. «Работники во вся времена,—говоритъ онъ,—содержатся капиталомъ, хотя нѣтъ надобности, чтобы капиталъ этотъ доставлялся всегда капиталистомъ». «Какъ ни очевидна истина, что народъ поддерживается и удовлетворяетъ своимъ нуждамъ не текущимъ, а прошлымъ трудомъ, но ее часто забываютъ. Люди потребляютъ то, что было раньше произведено, а не то, что должно еще быть произведено. Изъ того, что произведено, только часть предназначена на поддержаніе труда; нельзя получить большаго количества труда, чѣмъ то, которому эта часть капитала можетъ доставить пропитаніе, матеріалы и орудія производства».

Высшаго апогея развитія и наиболѣе абсолютной формы это ученіе достигло у Фоссета, придавашаго ей въ книгѣ, посвященной экономическому положенію англійскаго рабочаго, характеръ математической формулы. «Оборотный капиталъ страны,—читаемъ мы у него,—это ея рабочей фондъ. Поэтому, если мы хотимъ опредѣлить средній размѣръ платы каждаго рабочаго, выраженный въ деньгахъ, намъ стоить просто раздѣлить сумму этого капитала на число рабочихъ».

Чтобы не утруждать вашего вниманія дальнѣйшими цитатами, я ограничусь вышеприведенными писателями. Въ краткомъ историческомъ очеркѣ я старался наметить постепенное развитіе идеи о существо-

ваніи самостоятельнаго, вполне опредѣленнаго фонда, служащаго для содержанія рабочихъ. Эта идея связана съ представленіемъ о капиталѣ, какъ о неизмѣнной величинѣ, или, говоря словами одного изъ раннихъ критиковъ классической школы Байли, «экономисты слишкомъ склонны разсматривать опредѣленное количество капитала и опредѣленное число рабочихъ, какъ орудія производства одинаковой силы, и какъ силы, дѣйствующія съ опредѣленными, одинаковымъ напряженіемъ» (цит. у Маркса, томъ I, стр. 527, прим. 65). Въ то же время, мы изъ этого очерка можемъ видѣть, что правильнѣе будетъ искать источника возникновенія этого ученія не у Мальтуса и не въ случайныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Англіи послѣ наполеоновскихъ войнъ, а въ тѣхъ условіяхъ производства и распредѣленія, въ той организациі промышленности, которая съ конца прошлаго вѣка стала вытѣснять остатки средневѣковаго строя, въ условіяхъ крупнаго хозяйства. Пока черты новаго порядка только пробивали себѣ дорогу, теорія эта у Мерсье и Смита весьма робко слѣдовала за жизнью; она приобрѣла большее содержаніе и болѣе глубокой смыслъ вмѣстѣ съ выясненіемъ дѣйствительнаго характера новой эры. Ученіе о фондѣ рабочей платы можно считать однимъ изъ основныхъ положеній классической политической экономіи. Такъ смотритъ на него и Марксъ, когда говоритъ, что классическая политическая экономія всегда любила разсматривать общественный капиталъ, какъ величину постоянную. Предрассудокъ этотъ былъ,—продолжаетъ онъ,—возведенъ въ догматы Іереміей Бентамомъ, но догматъ этотъ не объясняетъ даже самыхъ обыденныхъ явленій процесса производства, какъ, напримѣръ, его внезапныхъ расширеній и сокращеній, ни даже накопленія. Этимъ догматомъ пользуются какъ самъ Бентамъ, такъ и Мальтусъ, Джемсъ Милль, Макъ - Буллохъ и другіе для оправданія разныхъ явленій, въ особенности же для того, чтобы представить одну часть капитала, переменную или превращаемую въ рабочую силу, величиною постоянной. Вещественное проявленіе переменнаго капитала, т.-е. масса жизненныхъ средствъ, въ видѣ которыхъ онъ является для рабочаго, или такъ называемый рабочій фондъ истолковывается ими какъ отдѣльная часть общественныхъ богатствъ, связанная естественными цѣпями и, притомъ, неизмѣнная; они хотѣли «превратить капиталистическіе предѣлы рабочаго фонда въ общественно-естественные» (*Капиталъ*, т. I, стр. 526—528).

Чтобы нагляднѣе показать, какое центральное мѣсто въ системѣ классиковъ занимаетъ эта доктрина, я укажу здѣсь на связь ея съ другими основными ученіями. На ней построено ученіе, что развитіе промышленности зависитъ исключительно отъ размѣровъ капитала, что для приложенія труда предварительно долженъ быть скопленъ капиталъ, «ученіе, что каждое увеличеніе капитала даетъ занятіе дополнительному числу рабочихъ, что превращеніе оборотнаго капитала въ основной уменьшаетъ фондъ, идущій на содержаніе рабочихъ, теорія, что при низкомъ уровнѣ платы промышленность страны можетъ дать заработокъ большому числу лицъ, чѣмъ

при высокомъ, наконецъ, ученіе о томъ, что спросъ на товары не есть спросъ на трудъ людей. Если признавать теорію рабочаго фонда вѣрной, придется согласиться со многими построенными на ней выводами; если же она ошибочна, то ошибочны и тѣ заключенія, которыя были сдѣланы сторонниками фонда относительно условій, опредѣляющихъ рабочую плату.

Какъ я сказалъ въ началѣ лекціи, теорія рабочаго фонда имѣетъ не только теоретическое, но и огромное *практическое* значеніе; ея распространеніе въ значительной степени объясняется тѣмъ, что она оправдывала низкое состояніе рабочей платы. Если рабочіе дѣйствительно получаютъ свое вознагражденіе изъ опредѣленнаго, ограниченнаго фонда; если вся эта сумма распределяется между наличнымъ рабочимъ населеніемъ и больше этой суммы не можетъ быть выдано рабочимъ безъ ущерба для капитала, безъ сокращенія занятій для части рабочаго населенія, следовательно, безъ ущерба для самихъ рабочихъ, тогда ничего нѣтъ легче, какъ доказывать, что стачки и рабочіе союзы бессильны произвести возвышеніе платы. Отдѣльному рабочему можно отвѣчать на его жалобы, что увеличеніе его платы лишитъ заработка его товарища, а всему классу можно было словами профессора Перри отвѣчать, «что никто не возражалъ до сихъ поръ противъ четырехъ правилъ ариметики. Вопросъ о рабочей платѣ есть вопросъ дѣленія. Жалуются на то, что частное недостаточно. Но какія же средства существуютъ для увеличенія частнаго? Только два, именно увеличеніе дѣлимаго при томъ же дѣлителѣ или уменьшеніе дѣлителя при томъ же дѣльномъ». Дѣлимое—это сумма рабочаго фонда; она не можетъ быть увеличена; остается уменьшить дѣлитель, т.-е. число рабочихъ. Когда неудовлетворенный такимъ отвѣтомъ рабочій вступаетъ въ стачку, тогда,—говоритъ Уокеръ,—на него смотреть какъ на неразумное существо, не обладающее политико-экономическими инстинктами. То, что было сказано о стачкахъ и рабочихъ союзахъ, о бессиліи ихъ поднять плату, было впоследствии примѣнено и къ законодательству, направленному на улучшеніе положенія рабочихъ. Весьма понятно теперь, почему ученіе о фондѣ получило такое огромное практическое значеніе.

II.

Обращаясь къ самой теоріи, мы замѣчаемъ, что она покоится на *двухъ посылкахъ*. Первая посылка заключается въ томъ, что *капиталъ каждаго предпринимателя раздѣленъ на строго опредѣленныя части, изъ которыхъ одна предназначена для содержанія рабочихъ, что на такія части дѣлится не только капиталъ отдѣльныхъ лицъ, но и капиталъ всего общества.*

Вторая посылка заключается въ томъ, что *вознагражденіе рабочимъ вымачивается изъ капитала* (Toynbee).

Если эти посылки основаны на фактахъ и подтверждаются дѣйствительностью, то построенное на нихъ ученіе должно быть признано вѣр-

нымъ; если же послышки эти произвольны, къ теоріи рабочаго фонда придется отнестись отрицательно. Начнемъ съ первой послышки. При современной организаціи производства предприниматель никогда не дѣлаетъ такого строгаго разграниченія между отдѣльными частями капитала, какъ это предполагаетъ теорія; доля, предназначенная на наемъ рабочихъ, измѣняется сообразно видамъ на прибыль, сообразно съ состояніемъ промышленности. Эта доля можетъ сообразно его желаніямъ то увеличиваться на счетъ другихъ частей капитала, то уменьшаться; капиталистъ можетъ увеличить ее на счетъ свободнаго капитала, лежащаго безъ употребленія, когда ожидаетъ хорошаго сбыта. Въ опредѣленіи суммы, идущей на рабочихъ, онъ руководствуется требованіями промышленной организаціи и соображеніями своего собственнаго интереса. Точно также ни на чемъ не основано утвержденіе, что капиталъ всего общества дѣлится на строго опредѣленные части, что изъ всего капитала выдѣляется часть, идущая на пищу, платье и другіе предметы потребленія рабочихъ. Защитники фонда говорятъ, что денежное увеличеніе платы равносильно возвышенію цѣнъ всѣхъ товаровъ и что по этой причинѣ реальная плата не увеличивается, но въ дѣйствительности совершается совсѣмъ иначе: предложеніе предметовъ потребленія увеличивается съ увеличеніемъ требованія на нихъ, и цѣна ихъ можетъ остаться безъ измѣненія и даже упасть, такъ какъ предметы потребленія весьма рѣдко имѣются въ видѣ большихъ запасовъ, а постоянно производятся, когда на нихъ является спросъ.

«Существуетъ ли въ дѣйствительности такой фондъ?»—спрашиваетъ Торнтонъ (встать замѣтимъ, что его книга о *Трудѣ* заставила Милля отказаться отъ возрѣній, которыя онъ раздѣлялъ больше тридцати лѣтъ).—Если онъ существуетъ, то онъ состоитъ изъ суммъ маленькихъ фондовъ, находящихся въ распоряженіи отдѣльныхъ индивидовъ, составляющихъ націю. Имѣетъ ли отдѣльный индивидъ такой фондъ? Существуетъ ли въ капиталѣ отдѣльныхъ лицъ такая специальная сумма, которая должна быть израсходована непремѣнно на наемъ труда? Конечно, каждый солидный предприниматель удѣляетъ изъ своего капитала часть для рабочихъ; для этой части существуетъ всякій разъ опредѣленная граница, но это вовсе еще не значить, что сумма эта непремѣнно должна быть затрачена для этой цѣли. Если же ни одинъ предприниматель не выдѣляетъ суммы, которая непремѣнно идетъ для найма рабочихъ, *то не существуетъ и агрегата маленькихъ фондовъ, національнаго рабочаго фонда, который, будучи раздѣленъ на число рабочихъ, далъ бы средній размѣръ платы»* (Торнтонъ, стр. 92, 93). Кроме того,—замѣчаетъ онъ,—плата далеко не всегда возвышается, когда работодатели приобрѣтаютъ большія средства для найма труда. Если вообще существуетъ что-либо вродѣ рабочаго фонда, то это максимумъ, который предприниматели могутъ удѣлять рабочимъ; но эта сумма въ дѣйствительности очень рѣдко расходуется, такъ какъ рабочіе вообще получаютъ меньше, чѣмъ предприниматели могли бы на нихъ израсходовать.

Въ отрицаніи фонда пришли также Бонами - Прайсъ, Клиффъ Лессли, Ингрэмъ, Бемъ Баверкъ, Brentano и Джевоусъ — писатели, принадлежащіе къ различнымъ школамъ. «Многія, пользующіяся всеобщимъ признаніемъ доктрины, — говоритъ послѣдній изъ этихъ писателей, — казались мнѣ совершенно призрачными, въ особенности теорія фонда рабочей платы. Эта теорія претендуетъ на рѣшеніе главнаго предмета науки, на опредѣленіе закона рабочей платы, между тѣмъ какъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ея заключенія основаны на трюизмѣ, что средній размѣръ платы можетъ быть найденъ путемъ дѣленія всей суммы, идущей на вознагражденіе труда, на число лицъ, между которыми эта сумма должна быть раздѣлена».

«Хотя фондъ англійской теоріи, — говоритъ Бемъ Баверкъ въ заключительной главѣ своего новѣйшаго сочиненія, — считается опредѣленною, прочно установленною величиною, но въ дѣйствительности это неопредѣленная, подвергающаяся колебаніямъ величина, которая поэтому не можетъ служить надежною точкой опоры для опредѣленія высоты рабочей платы». «Капиталъ, напаченный капиталистами для уплаты рабочимъ, не совпадаетъ вообще съ какою-нибудь опредѣленною частью народнаго капитала, а представляетъ измѣняющуюся часть народнаго имущества, величина которой, между прочимъ, зависитъ именно отъ высоты платы. Когда плата повышается, эта часть народнаго имущества увеличивается; когда плата понижается, эта часть тоже понижается. Англійскіе защитники фонда объясняютъ высоту платы величиною рабочаго фонда, между тѣмъ какъ величина фонда сама зависитъ отъ высоты платы, — ихъ объясненіе вертится въ кругу... Англійская теорія говоритъ, что высота платы есть результатъ дѣленія рабочаго фонда на наличное число рабочихъ. Это совершенно ошибочно. Наличное число рабочихъ получаетъ, конечно, въ видѣ платы весь фондъ, но этимъ еще не опредѣлено, за какое время они получаютъ плату — за годъ, за два, за три или за еще болѣе продолжительное время. Увеличеніе фонда средствъ существованія вовсе не имѣетъ своимъ послѣдствіемъ возвышеніе платы пропорціонально увеличенію фонда при томъ же числѣ рабочихъ, какъ это принимаетъ англійская теорія; увеличеніе фонда, прежде всего и главнымъ образомъ, ведетъ къ удлиненію періода производства» (*Positive Theorie d. Kapitalen*. Innsbruck, 1889 стр. 451—452).

«Существуетъ ли такой фондъ? — спрашиваетъ Бонами - Прайсъ (*Charterson Practical political Economes*. London, 1882, стр. 184—188). Существуетъ ли такая сумма, больше которой рабочіе не могутъ раздѣлить между собою? На это можетъ быть данъ слѣдующій категорическій отвѣтъ: не существуетъ такого фонда, котораго не можетъ измѣнить ни законъ, ни общественное мнѣніе, ни стачки, ни другая кака-нибудь сила. Ничто не можетъ опредѣлить фонда. Говорятъ только, что фондъ представляетъ часть всего капитала страны, — это всѣкій знаетъ. Говорятъ также, что это опредѣленная часть, но какъ она опредѣляется и что доказываетъ ея неизмѣнность, остается невыясненнымъ. Защитники фонда не даютъ отвѣта, какаю часть капитала идетъ на составленіе фонда. Ихъ отвѣтъ представ-

ляетъ простую тавтологію, что выданная рабочимъ плата составляетъ рабочій фондъ. Но сложить плату, выданную отдѣльными хозяевами, не значить еще опредѣлить величину фонда, потому что вопросъ заключается въ томъ, почему именно эти цифры складываются, а не другія. Опытъ доказываетъ, что не существуетъ опредѣленнаго неизмѣннаго фонда. Хозяева въ одинъ голосъ могли бы объявить, что сумма, расходуемая на плату, часто увеличивается не вслѣдствіе увеличенія производства, не вслѣдствіе возвышенія цѣнъ производимыхъ товаровъ, а просто потому, что рабочіе лучше организовались, чѣмъ хозяева. Если имъ указать на то, что при уплатѣ части рабочимъ болѣе высокой платы для остальныхъ останется меньше, они отвѣтятъ, что прибыль понизилась, что цѣны не поднялись, что положеніе рабочихъ поэтому стало лучше, положеніе же ихъ, хозяевъ, стало хуже. Хозяева очень хорошо знаютъ, что прибыль, которую они думали затратить на себя, часто силою отнимается отъ нихъ въ пользу рабочихъ; это значить, что рабочій фондъ расширяется на счетъ прибыли, потому что прибыль есть остатокъ за выдачей платы рабочимъ, и остатокъ этотъ можетъ быть уменьшенъ вслѣдствіе теоретически признаваемаго невозможнымъ, но въ дѣйствительности совершающагося увеличенія рабочаго фонда. Совершенно законно предполагать, что различныя причины приводятъ къ увеличенію доли рабочихъ и къ уменьшенію барышей хозяевъ. Мы приходимъ къ заключенію, что не существуетъ опредѣленнаго и неизмѣннаго фонда для покупки товара, именуемаго трудомъ, какъ не существуетъ такого фонда для покупки всякаго другаго товара».

Брентано въ вступительной лекціи своей, читанной въ 1888 году въ вѣнскомъ университетѣ, останавливается на установленномъ англійскими экономистами ученіи о рабочей платѣ, какъ на одномъ изъ наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ неосновательности и апіорности дедукцій классической школы. По теоріи классиковъ, рабочая плата зависитъ отъ спроса и предложенія на трудъ точно такъ, какъ на всемірномъ рынкѣ цѣны другижъ товаровъ измѣняются соотвѣтственно колебаніямъ спроса и предложенія; плата при этомъ тяготеетъ къ тому уровню, который необходимъ для существованія, соотвѣтственно условіямъ каждой страны. Если плата выше, населеніе быстро умножается; если она ниже, смертность увеличивается и т. д. и главнымъ регуляторомъ являются цѣны на хлѣбъ. «На этомъ,— говоритъ Брентано,— покоится желѣзный законъ рабочей платы Фердинанда Лассалья. На этомъ основано мнѣніе, что всѣ успѣхи въ производительности труда достаются на долю капиталиста, а не рабочаго, какъ это утверждалъ гораздо раньше Робертуса и Маркса самъ Рикардо (въ письмахъ къ Мальтусу)».

«Увеличеніе доли рабочаго въ продуктѣ казалось классической школою невозможнымъ еще по другой причинѣ. Она говоритъ о населеніи, когда рѣчь должна идти о рабочихъ, а вмѣсто хозяевъ ставитъ только капиталъ. Ея аргументація заключается въ томъ, что сумма, распределяемая въ каждый моментъ въ видѣ платы, равняется суммѣ наличнаго капитала, вслѣд-

ствіе чего уровень платы является послѣдствіемъ неизмѣннаго естественнаго закона. Плата есть частное, получающееся отъ раздѣленія капитала на цифру населенія, такъ что если часть рабочихъ добивается возвышенія платы, остальные рабочіе должны будутъ получать меньшую плату». «Невѣроятно,—восклицаетъ Brentano,—сколько вреда принесла эта теорія! Соціалъ-демократы совершенно правы, выставляя ученія Родбертуса и Маркса какъ продолженіе англійской теоріи. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить, что въ письмахъ Рикардо къ Мальтусу можно встрѣтить предвѣстника этихъ требованій. Ученіемъ этимъ пользовались въ совершенно обратномъ смыслѣ; еще въ шестидесятыхъ, даже въ семидесятыхъ годахъ въ Англии и Германіи доказывали, ссылаясь на вѣчные законы народнаго хозяйства, невозможность возвышенія платы путемъ рабочихъ союзовъ». Я не буду передавать возраженій, которыя дѣлаетъ Brentano съ точки зрѣнія экономиста исторической школы о тѣхъ формахъ проявленія рабочей платы и отношеній рабочихъ къ хозяевамъ, какія существуютъ въ дѣйствительности; меня интересуютъ только возраженія, которыя направлены противъ спеціального рабочаго фонда. «Возможность возвышенія платы,—говоритъ Brentano,—объясняется тѣмъ, что рабочимъ, стремящимся повысить свою плату, противопоставленъ не измѣняющійся въ величинѣ своей капиталъ», который распределяется между рабочими, а известное число хозяевъ, которые въ видахъ полученія прибыли удѣляютъ на плату большую или меньшую долю своего капитала, сообразно съ высотой платы. Всякое возвышеніе платы и сокращеніе рабочаго времени, котораго организованные въ союзъ рабочіе добились на болѣе или менѣе продолжительное время, ведетъ къ увеличенію доли рабочихъ въ увеличивающейся производительности ихъ труда.

Чтобы покончить съ первою посылкой, я приведу еще нѣсколько замѣчаній Маркса, связавшаго этотъ вопросъ со всею организациею производства. «Капиталъ,—говоритъ онъ,—не есть величина постоянная, напротивъ того—это растяжимая и, съ раздѣленіемъ прибавочной стоимости на доходъ и добавочный капиталъ, постоянно измѣняющаяся часть общественной богатства. Даже при данной величинѣ функционирующаго капитала, принадлежащая ему рабочая сила, наука и земля образуютъ элементы, которые въ известныхъ предѣлахъ даютъ ему просторъ, не зависящій отъ его собственной величины. Кроме того, различные условія процесса обращенія сообщаютъ одному и тому же количеству капитала весьма различныя степени вліянія. Если придерживаться ученія классической школы, то можно придти къ слѣдующей негѣпой тавтологіи: мы сначала складываемъ всю дѣйствительно уплачиваемую отдѣльнымъ рабочимъ плату, а потомъ утверждаемъ, что этотъ итогъ образуетъ сумму стоимости «рабочаго фонда», даннаго природою. Потомъ мы раздѣляемъ полученную такимъ образомъ сумму на число рабочихъ, чтобы опредѣлить, сколько среднимъ числомъ приходится на каждого рабочаго» (стр. 626—628).

Едва ли стоить еще останавливать дольше ваше вниманіе на вопросѣ

о томъ, существуетъ ли въ капиталѣ отдѣльнаго предпринимателя и въ капиталѣ страны такая опредѣленная часть, которая предвѣщается исключительно для вознагражденія работы? Такой опредѣленной суммы, какъ мы видѣли, не существуетъ, капиталъ можетъ подвергаться самымъ разнообразнымъ дѣленіемъ; плата, слѣдовательно, не ограничена известнымъ размѣромъ и можетъ увеличиваться на счетъ другихъ видовъ капитала и дохода.

До сихъ поръ мы исходили отъ того взгляда, что *рабочая плата берется изъ капитала*; мы ограничились вопросомъ о томъ, имѣетъ ли часть капитала, идущая на рабочую плату, строго опредѣленные границы. Но действительно ли *рабочая плата берется изъ капитала, служитъ ли вообще капиталъ тѣмъ источникомъ, изъ котораго она получается?*

Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ оцѣнка второй изъ посылокъ, на которыхъ покоится разсматриваемое нами ученіе. Въ этой второй послылкѣ мы теперь и обратимся.

Уже въ тридцатыхъ годахъ вопросъ этотъ вызвалъ сомнѣніе въ Германнѣ, выдающемся нѣмецкомъ теоретикѣ первой половины настоящаго столѣтія. Въ своихъ *Staatswirthschaftliche Untersuchungen*, первое изданіе которыхъ относится къ 1832 году, онъ въ главѣ о рабочей платѣ доказываетъ, что *рабочій оплачивается не изъ капитала предпринимателя, а содержится покупателямъ продукта, потребителямъ*. Всякая работа,—говоритъ онъ,—предназначается въ конечномъ результатѣ для потребителя, черезъ какія бы ступени производства ни проходилъ продуктъ. *Фондъ, изъ котораго берется плата, это — доходъ послѣднью потребителя; изъ этого дохода возвращается предпринимателю то, что онъ выдалъ рабочимъ*. Если бы капиталъ не получалъ обратно своихъ затратъ, его капитала хватило бы только на одинъ разъ. Обезцѣненіе сырья при уменьшеніи сбыта, если только производство не будетъ сокращено, скоро доказало бы предпринимателямъ, что фондъ, изъ котораго вознаграждаются рабочіе, закладывается не въ ихъ капиталѣ. *Дѣйствительнымъ, постоянно возобновляющимся источникомъ вознагражденія служитъ не капиталъ, а доходъ тѣхъ, которые покупаютъ продукты для собственнаго потребленія*.

Мысль Германна, насколько она находится въ связи съ ученіемъ о доходѣ, получила дальнѣйшее развитіе въ ранней работѣ Шмоллера, но она была слишкомъ неясна, чтобы найти всеобщее признаніе. Въ тому же, покупатели продуктовъ или потребители—это съ точки зрѣнія народнаго хозяйства не такое опредѣленное понятіе, чтобы указаніе на нихъ, какъ на источникъ платы, могло быть убѣдительнымъ. Выдающееся мѣсто въ исторіи этого вопроса занимаютъ воззрѣнія Маркса. Мы уже видѣли, что для Маркса капиталъ страны не есть величина постоянная, а постоянно мѣняющаяся часть общественнаго богатства, что поэтому въ капиталѣ страны не только нельзя выдѣлить опредѣленную часть, которая предвѣщается исключительно для вознагражденія рабочихъ, но и капиталъ вообще

не представлять чего-нибудь неизбѣжнаго, а есть «растяжная часть личного богатства» (стр. 510). Дальнѣйшее возраженіе его противъ теоріи рабочему фонду сводится къ слѣдующему:

«Капиталъ, затраченный на рабочую плату, говоря языкомъ экономистовъ, осушается на различные сроки, смотря по тому, какъ онъ выплачивается—ежедневно, ежемѣсячно или разъ въ три мѣсяца. Въ действительности же дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ. Рабочій ссужаетъ капиталиста своимъ трудомъ на недѣлю, на мѣсяцъ или на три мѣсяца, смотря по тому, какъ ему платятъ—ежедневно, ежемѣсячно или разъ въ три мѣсяца. Если бы капиталистъ получалъ рабочую силу, вмѣсто того, чтобы оплачивать ее, если бы, слѣдовательно, онъ впередъ платилъ заработокъ рабочимъ, подневно, понедѣльно или за три мѣсяца, то можно было бы говорить о ссудѣ на эти сроки. Но такъ какъ онъ платитъ послѣ того, какъ работа продолжалась день, недѣлю, мѣсяцъ, три мѣсяца, вмѣсто того, чтобы купить ее, заплативъ за тотъ же срокъ, котораго она должна продолжаться, то все это становится капиталистическимъ *qui pro quo* и ссуда, которую рабочій даетъ капиталисту своимъ трудомъ, превращается въ ссуду, которую капиталистъ даетъ рабочему деньгами» (томъ II, стр. 153).

Не менѣе ясно высказывается Марксъ въ другомъ мѣстѣ. «Даннъ, получаемая рабочимъ отъ капиталиста, — читаемъ мы на стр. 286 того же втораго тома, — онъ получаетъ только послѣ того, какъ передастъ ему пользованіе рабочей силой, послѣ того, какъ она уже реализуется въ стоимости продукта труда. У капиталистовъ имѣется въ рукахъ эта стоимость, прежде чѣмъ онъ уплатитъ ему ее. Рабочая сила уже доставила въ товарной формѣ эквивалентъ, необходимый для уплаты рабочимъ, прежде чѣмъ капиталистъ уплатитъ его рабочему въ видѣ денегъ. И такъ, самъ рабочій создаетъ тотъ платежный фондъ, изъ котораго капиталистъ выплачиваетъ ему заработокъ».

«Если средства существованія сами по себѣ представляютъ оборотный капиталъ, послѣ того, какъ онъ будетъ превращенъ въ рабочую плату, то изъ этого слѣдуетъ далѣе, что величина рабочей платы находится въ зависимости отъ отношенія числа рабочихъ къ данной массѣ оборотнаго капитала, — любимое положеніе экономистовъ, между тѣмъ какъ въ действительности масса средствъ существованія, которую рабочій беретъ на рынокъ, и та масса средствъ существованія, которою располагаетъ капиталистъ для собственнаго употребленія, находится въ зависимости отъ отношенія сверхстоимости къ цѣнѣ труда» (стр. 160—161).

«Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ капиталистическій способъ производства, — говоритъ Марксъ, — платятъ за рабочую силу только послѣ того, какъ она уже дѣйствовала въ продолженіи срока, опредѣленнаго въ покупномъ контрактѣ, т. е., напримѣръ, въ концѣ каждой недѣли. Такимъ образомъ, повсюду работники ссужаютъ капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы, онъ позволяетъ покупателю потре-

бить эту силу, прежде чѣмъ тотъ выплатилъ ему ея цѣну, *потому всюду работникъ кредитуетъ капиталиста*» (томъ I, стр. 117). При этомъ Марксъ приводитъ весьма характерную цитату изъ Шторка: «Работникъ сужаетъ свой трудъ, но онъ не рискуетъ ничѣмъ, кромѣ потери жалованья, такъ какъ работникъ не сужаетъ ничего матеріальнаго».

Въ вышеприведенныхъ цитатахъ проведены идеи, которыя даютъ намъ право причислить Маркса къ самымъ рѣшительнымъ противникамъ теоріи рабочаго фонда. Но характеристика возрѣній Маркса на этотъ предметъ была бы неполна, если бы мы ограничились этими цитатами, потому что на ряду съ ними Марксъ проводитъ мысли, съ трудомъ мирящіяся, отчасти даже совершенно несогласныя съ аргументаціей противниковъ рабочаго фонда.

Въ этомъ отношеніи значительный интересъ представляетъ начало шестой главы перваго тома, въ которой рассматривается процессъ капиталистическаго накопленія. «Процессъ производства,—говоритъ Марксъ,—начинается покупкой рабочей силы на извѣстный срокъ. Платится же за работу только тогда, когда его рабочая сила уже дѣйствовала и реализовала въ товаръ какъ свою собственную, такъ и прибавочную стоимость. Онъ, слѣдовательно, производитъ какъ прибавочную стоимость, такъ и фондъ, который служитъ на уплату ему самому, прежде чѣмъ онъ возвращается къ нему въ формѣ рабочей платы. То, что возвращается ему въ формѣ рабочей платы, есть часть всего продукта, постоянно воспроизводимаго имъ самимъ. *Сегодняшній трудъ или трудъ настоящаго полугодія оплачивается вчерашнимъ трудомъ или трудомъ прошлаго полугодія.*

«Классъ капиталистовъ даетъ постоянно рабочему въ денежной формѣ свидѣтельство на полученіе части продукта, которую произвелъ послѣдній, но присвоилъ первый. Переменный капиталъ есть особенная историческая форма проявленія фонда жизненныхъ средствъ или рабочаго фонда, который нуженъ работнику для его поддержанія и воспроизведенія и который во всѣхъ системахъ общественнаго производства всегда производится и воспроизводится самимъ рабочимъ. *Рабочій фондъ постоянно притекаетъ къ нему въ формѣ платежныхъ средствъ за его трудъ, потому что его собственный продуктъ уходитъ отъ него въ формѣ капитала*» (стр. 491—493).

Если первая половина только что приведеннаго мѣста находится въ полномъ согласіи съ прежде приведенными цитатами, то этого уже нельзя сказать о той части, въ которой Марксъ утверждаетъ, что «сегодняшній трудъ или трудъ настоящаго полугодія оплачивается вчерашнимъ трудомъ или трудомъ прошлаго полугодія». Впрочемъ, мы находимъ у Маркса нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ онъ дѣлаетъ еще болѣе значительныя отступленія.

«Если,—говоритъ онъ,—работники вообще не могутъ трудиться сообща, не будутъ собраны вмѣстѣ, и если скопленіе работниковъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ составляетъ, поэтому, необходимое условіе для ихъ кооперации, то наемные работники не могутъ кооперировать иначе, какъ только

тогда, когда они употребляются одновременно однимъ и тѣмъ же капиталистомъ. Поэтому прежде начатія дѣла капиталистъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи сумму, равную общей стоимости этихъ рабочихъ силъ: рабочія платы, которая ему нужно будетъ выдать работникамъ за день, недѣлю и т. д., должны быть соединены въ его карманѣ, прежде чѣмъ самая рабочія силы соединятся въ общемъ процессѣ труда».

Развитая въ только что приведенной цитатѣ мысль находится въ непосредственной связи съ воззрѣніями Маркса на кооперацію, на переходъ одной формы приложенія труда къ другой, поскольку переходъ этотъ зависитъ отъ размѣровъ капитала. Если припомнить основную мысль, выясненную во второмъ отдѣленіи четвертой главы (*Сотрудничество или кооперація*), что «число кооперирующихся работниковъ или размѣръ коопераціи зависитъ, прежде всего, отъ величины капитала, который отдѣльный капиталистъ можетъ затратить на покупку рабочей силы, или, другими словами, отъ того, въ какомъ размѣрѣ отдѣльный капиталистъ можетъ располагать жизненными средствами, требующимися для содержанія многихъ работниковъ», и что «концентрація значительныхъ массъ средствъ производства въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста составляетъ необходимое матеріальное условіе для коопераціи наемныхъ работниковъ, и размѣръ такой коопераціи или размѣръ производства зависитъ отъ размѣра этой концентраціи», то станетъ ясно, что для Маркса не только размѣръ и форма промышленности зависятъ отъ величины капитала вообще, но что вознагражденіе, которое предприниматель выплачиваетъ своимъ рабочимъ, составляетъ одну изъ частей капитала, необходимаго для начала предпріятія. Здѣсь не мѣсто останавливаться на разборѣ этой основной мысли о зависимости величины капитала на размѣры промышленности и формы приложенія труда; для насъ интересно отмѣтить, что эта мысль приводитъ Маркса къ нѣкоторому противорѣчію съ тѣмъ, что онъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ о рабочемъ фондѣ. Выясняя зависимость размѣра производства отъ величины капитала, Марксъ показываетъ, что не только основной капиталъ, затрачиваемый на орудія производства, и оборотный капиталъ, затрачиваемый на сырой матеріалъ, но и та часть оборотнаго капитала, которая идетъ на рабочую плату, должны быть въ наличности въ рукахъ капиталиста до начала предпріятія.

Еще опредѣленнѣе высказана эта мысль въ нѣкоторыхъ мѣстахъ второго тома *Капитала*. «Рабочая сила, купленная на нынѣшнюю недѣлю, — говоритъ Марксъ на стр. 165, — расходуетъ нынѣшнею же недѣлею, овеществляясь въ продуктѣ. Въ концѣ недѣли ее нужно оплатить. И такая растрата капитала на рабочую силу повторяется еженедѣльно въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, причемъ растрата этой части капитала на одной недѣлѣ не даетъ еще капиталисту права не оплатить купленный трудъ на слѣдующей недѣлѣ. Онъ долженъ затрачивать еженедѣльно новый дополнительный капиталъ на оплату рабочей силы и, оставивъ въ сторонѣ кредитъ, капиталистъ долженъ имѣть возможность выплачивать заработную

плату въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, хотя платежи эти производятся еженедѣльными дозами. *То же самое можно отнести и къ сырому и вспомогательному матеріаламъ.*

Ясно, что, будучи противникомъ ученія о фондѣ рабочей платы, Марксъ, тѣмъ не менѣе, иногда признаетъ послылки, на которыхъ построено это ученіе. Ядовитыя замѣчанія Маркса о Бентамѣ и Фауссетѣ едва ли мирятся съ отождествленіемъ рабочей платы съ другими частями оборотнаго капитала.

Таковы воззрѣнія Маркса, одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ экономистовъ-теоретиковъ, служившаго проинкнутъ въ самые запутанные вопросы и подмѣтить ошибки и неослѣдовательность у наиболѣе послѣдовательныхъ писателей. Я не могу признать развитыхъ выше воззрѣній правильными во всемъ ихъ объемѣ уже потому, что въ нихъ встрѣчаются противорѣчивыя утвержденія относительно ученія о фондѣ. Если при разсмотрѣніи первой послылки, на которой основано это ученіе, Марксъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ утвержденія экономистовъ, что капиталъ отдѣльнаго предпринимателя и капиталъ страны дѣлятся на опредѣленныя части, изъ которыхъ одна предназначается исключительно для найма труда, то при разсмотрѣніи второй послылки мы, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ той кѣльности, которая характеризуетъ Маркса. Выявивши, что «рабочій ссужаетъ капиталиста», что «рабочій самъ создаетъ тотъ платежный фондъ, изъ котораго капиталистъ выплачиваетъ ему заработокъ», что «повсюду работникъ кредитуетъ капиталиста», Марксъ, въ то же время, утверждаетъ, что до начала производства «капиталистъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи сумму, равную общей стоимости рабочихъ силъ», и, такимъ образомъ, какъ бы признаетъ одну изъ послылокъ, на которой построено опровергаемое имъ ученіе. Если, — какъ утверждаетъ онъ, — сегодняшній трудъ оплачивается вчерашнимъ, то изъ этого слѣдуетъ, что потребление рабочаго, его плата берется не изъ продуктовъ текущаго производства, а изъ прошлаго производства.

Что бы ни произвелъ этихъ предметовъ потребленія, но они принадлежатъ не рабочему, а капиталисту. Важно въ данномъ случаѣ, что предметы эти, по утвержденію Маркса, суть результатъ прошлаго труда; слѣдовательно, до начала производства нуженъ уже запасъ предметовъ потребленія, который раньше былъ произведенъ. Кому принадлежитъ этотъ запасъ и въ силу какихъ причинъ онъ находится въ рукахъ капиталиста, этотъ вопросъ теперь насъ не интересуетъ; отмѣчаемъ только то, что, по Марксу, плата берется изъ раньше произведеннаго запаса. Вотъ именно съ этимъ заключеніемъ я не могу согласиться и позволю себѣ противопоставить другое воззрѣніе, по которому *плата берется не изъ запасовъ прошлаго производства, а производится одновременно съ текущимъ трудомъ.* Вмѣсто раньше созданныхъ и хранящихся въ видѣ запасовъ предметовъ существованія, рабочіе потребляютъ продукты, которые на другихъ ступеняхъ производства, въ другихъ отрасляхъ, можетъ быть, въ дру-

гихъ странахъ производится въ то самое время, когда предлагается трудъ въ данномъ производствѣ. Эта идея объ одновременномъ ходѣ производства на самыхъ различныхъ ступеняхъ прекрасно развита Родбертусомъ, Уокеромъ и Джоржемъ, съ учениями которыхъ я постараюсь здѣсь познакомить васъ въ немногихъ словахъ. Они, въ то же время, даютъ ясный отвѣтъ на вторую посылку, на которой построено все ученіе о фондѣ рабочей платы. И такъ, намъ приходится рассмотреть, *берется ли плата изъ продукта, или изъ капитала*. На это Уокеръ со свойственнымъ ему умѣньемъ отвѣчаетъ слѣдующее: когда фабрикантъ нанимаетъ рабочихъ, то дѣлаетъ это исключительно въ видахъ полученія прибыли; еслибъ онъ не ожидалъ отъ производства никакого барыша, онъ не приступалъ бы къ найму рабочихъ. Чѣмъ выше ожидаемая прибыль, чѣмъ больше количество продуктовъ, которое онъ надѣется получить, тѣмъ большую сумму онъ согласенъ затратить на рабочихъ. Размѣръ платы опредѣляется, такимъ образомъ, продуктомъ текущаго производства, а не капиталомъ, которымъ располагаетъ предприниматель. Не отриная важной функціи капитала вообще, Уокеръ не признаетъ его вліянія на размѣръ вознагражденія. Мало того, онъ допускаетъ, что плата во многихъ случаяхъ, особенно въ странахъ, изобилующихъ богатствами, *ссушается изъ капитала*; но если даже она и ссушается изъ капитала, изъ запаса, раньше сбереженнаго, то истиннымъ источникомъ ея служить не капиталъ, а производство, которое, въ концѣ-концовъ, оплачиваетъ рабочихъ; на это производство слѣдуетъ смотрѣть какъ на настоящій критерій платы. Если оставить тѣ отрасли производства, въ которыхъ рабочіе могутъ жить непосредственно продуктами своего труда, какъ охота, рыбная ловля, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно нуженъ запасъ, размѣръ котораго, при первобытномъ состояніи хозяйства, долженъ быть достаточенъ до слѣдующей жатвы. Этотъ запасъ есть безспорно капиталъ, но это еще не значитъ, что онъ принадлежитъ капиталисту; онъ можетъ принадлежать самому рабочему. Тамъ, гдѣ плата высока, рабочій легко можетъ скопить запасъ, дающій ему возможность приступить къ работѣ, а именно только такой запасъ и нуженъ. Если у него ничего нѣтъ, то онъ можетъ получить (въ земледѣліи) часть выговоренной платы до жатвы, а остальную часть послѣ продажи продуктовъ. Слѣдовательно, то обстоятельство, что необходимый для начала работы запасъ доставленъ предпринимателемъ, не исключаетъ еще возможности, чтобъ онъ получилъ не окончаніи производства что-нибудь на свою долю сверхъ того, что онъ напередъ получилъ отъ капиталиста.

Уокеръ останавливается на вопросѣ, *часто ли капитализмъ ссушаетъ рабочихъ*. Онъ думаетъ, что въ старыхъ странахъ это дѣлается довольно часто; но такъ какъ плата, во всякомъ случаѣ, выдается не чаще, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ или въ недѣлю, т. е. не раньше, чѣмъ приложитъ трудъ, то во многихъ случаяхъ капиталистъ успѣваетъ и продать свои товары раньше, чѣмъ наступаетъ срокъ уплаты. На жалѣзныхъ дорожкахъ, пароходахъ, въ театрѣ и другихъ учрежденіяхъ доходъ получается ежедневно, еже-

часно, между тѣмъ какъ плата выдается не раньше, чѣмъ къ концу недѣли или мѣсяца. Но если даже плата выдается раньше продажи, то цѣною, за которую предприниматель надѣется продать свои товары, опредѣляется и та сумма, которую онъ можетъ удѣлять рабочимъ изъ своего капитала. Нерѣдки случаи, когда рабочіе получаютъ въ началѣ производства только абсолютно необходимое, а остальную часть выговоренной платы получаютъ въ концѣ года или послѣ продажи земледѣльческихъ продуктовъ. Не то въ молодыхъ странахъ, въ новыхъ колоніяхъ, гдѣ капиталовъ мало и гдѣ плата стоитъ на высокомъ уровнѣ; тамъ предприниматель находится въ постоянномъ долгу у рабочихъ. Тамъ немислимо говорить, что *плата выдается изъ капитала, когда продукты, въ которыхъ она выдается, производятся послѣ заключенія договора найма*. Продукты, составляющіе плату, появляются въ свѣтъ лишь послѣ работы, какъ результатъ договора найма,—раньше ихъ совсѣмъ не было; по крайней мѣрѣ, значительной части ихъ совсѣмъ не существовало. Въ Америкѣ нерѣдки случаи, что при уплатѣ впередъ выговоренной платы дѣлается учетъ,—до такой степени укоренился обычай платить рабочимъ послѣ производства.

Еслибъ размѣръ платы опредѣлялся капиталомъ, а не текущимъ производствомъ, тогда въ странахъ, обладающихъ большими капиталами, плата была бы выше, чѣмъ въ странахъ, не изобилующихъ капиталами. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы встрѣчаемъ обратное: въ колоніяхъ, гдѣ капиталовъ мало, но гдѣ почва даетъ обильные урожан, гдѣ имѣются большія естественныя богатства, плата высока, между тѣмъ какъ въ старыхъ странахъ плата ниже, несмотря на обиліе свободныхъ капиталовъ. Это значитъ, что плата опредѣляется не величиною капитала, а результатами производства. И такъ, выдается ли вся плата цѣликомъ изъ капитала, или выдается часть ея, или же плата совсѣмъ не выдается впередъ, это не измѣняетъ факта, что размѣръ того, что предприниматель можетъ уплатить рабочимъ, опредѣляется продуктомъ производства: цѣна, по которой предполагается продавать продуктъ, указываетъ на размѣръ платы. Будетъ ли рабочій вознагражденъ *до окончанія производства, или послѣ него*, это чисто-финансовый вопросъ, это зависитъ отъ обилія или недостатка капиталовъ въ странѣ. Въ опредѣленіи же размѣра платы важное значеніе имѣетъ не финансовая, а экономическая сторона, заключающаяся въ томъ, что именно получить рабочій, каковъ размѣръ его платы. Другими словами, если *время уплаты зависитъ отъ состоянія капиталовъ, то размѣръ вознагражденія опредѣляется производительностью труда, результатами производства*. Сторонники фонда говорятъ, что сумма, предназначенная для рабочихъ, не зависитъ отъ ихъ числа, что она раздѣляется между наличнымъ составомъ, каковъ бы онъ ни былъ. Но такой опредѣленной суммы нѣтъ, она растетъ вмѣстѣ съ числомъ рабочихъ, она зависитъ отъ качества ихъ работы, отъ производительности ихъ труда, отъ степени ихъ подготовки и навыка и т. д. Уверь въ этомъ слу-

чаѣ опирается на опыты Брассея, выяснившего огромное значеніе высокой рабочей платы въ дѣлѣ увеличенія производительности труда.

И такъ, Уокеръ не только не признаетъ существованія опредѣленнаго фонда, предназначеннаго для рабочей платы, но не допускаетъ возможности вліянія капитала вообще на размѣръ платы, т.-е. онъ не признаетъ ни одной изъ посылокъ, на которыхъ построена теорія рабочаго фонда.

Если воззрѣнія Маркса представляютъ, по сравненію съ Германномъ, огромный шагъ впередъ на пути къ выясненію интересующей насъ теоріи, то не меньшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ работы Уокера. Мы, можетъ быть, закончили бы на этомъ писателѣ и подвели бы итоги всему тому, что выше было сказано, еслибъ у Ротбертуса и Джоржа не встрѣтили попытки опровергнуть даже совершенно второстепенный пунктъ въ этомъ ученіи, именно, что до начала производства необходимо имѣть запасъ, который иногда находится въ рукахъ капиталиста и служитъ для выдачи платы. Мы не будемъ знакомить съ тѣми сторонами ученія этихъ двухъ писателей, которые совпадаютъ съ ученіемъ Уокера; мы ограничимся только тѣми частями, которыхъ не встрѣчали у другихъ экономистовъ.

Когда бы ни производилась уплата рабочимъ, по окончаніи ли производства и продажи продукта или до этого, важно, — говоритъ Джоржъ, — то, что она всегда имѣетъ мѣсто *послѣ того, какъ начата работа*. Рабочій, дѣйствительно, долженъ поѣсть, прежде чѣмъ начнетъ работать; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что ѣду эту ему даетъ капиталистъ? Какъ бы скоро ни уплатили ему капиталисты его плату, онъ уже успѣлъ начать работу, вложить трудъ и, слѣдовательно, создать цѣнность, хотя продуктъ еще не полученъ, производство еще не закончено. То, что капиталистъ отдаетъ рабочимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда уплата предшествуетъ окончательному изготовленію продукта, также мало уменьшаетъ его капиталъ, какъ чекъ вкладчика — капиталы банка. Рабочій, приступившій къ работѣ, есть вкладчикъ, — онъ создаетъ цѣнность, не успѣвши еще закончить продукта.

Такимъ образомъ, вмѣсто того капитала, который употребленъ на рабочихъ, полученъ другой капиталъ; онъ измѣнился въ формѣ, но не въ величинѣ. Капиталистъ только обмѣниваетъ одну форму капитала на другую, потому что созданіе цѣнности не зависитъ отъ окончанія производства; цѣнность создается на всѣхъ ступеняхъ производства, какъ непосредственный результатъ приложенія труда. Поэтому выдача рабочимъ платы вовсе не означаетъ еще, что капиталистъ ссужаетъ рабочихъ изъ своего капитала; когда, напримеръ, строится большой пароходъ и приходится выплачивать рабочимъ плату до окончанія постройки, сумма, выданная имъ, не сокращаетъ капитала строителя, потому что, вмѣсто цѣнности, отданной въ видѣ платы, получилась цѣнность, заключающаяся въ отстроенной части парохода. Напротивъ, если можно въ этомъ случаѣ говорить о ссудѣ, то ссужаетъ не капиталистъ, а рабочій, такъ какъ послѣдній прежде долженъ начать работу, а потомъ уже получаетъ плату.

Рабочая плата берется не изъ капитала, не изъ запаса, который суще-

существовать до начала производства, а не одновременно съ началомъ производствомъ изготовляемыхъ средствъ существованія. Стоитъ только представить себѣ на одно мгновеніе, что прекратилась работа въ обществѣ, какъ сейчасъ станетъ ясно, что люди живутъ изо дня въ день, что необходимый хлѣбъ доставляется ежедневнымъ трудомъ общества.

Джоржъ, такимъ образомъ, приходитъ къ заключенію, что не только плата не берется изъ капитала, но что для производства вообще не нужно никакого предварительнаго запаса предметовъ потребленія. Онъ не признаетъ ни одного изъ услопій, съ которыми связано ученіе о фондѣ рабочей платы, и считаетъ его однимъ изъ величайшихъ заблужденій въ политической экономіи.

Не думаю, чтобы Джоржъ былъ правъ, когда утверждаетъ, что до начала производства не нужно имѣть никакого запаса предметовъ существованія. Правда, запасъ этотъ можетъ составлять лишь незначительную часть платы; онъ не долженъ непременно принадлежать капиталисту, онъ не оказываетъ рѣшающаго вліянія на размѣръ платы, но онъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ, и въ этомъ случаѣ намъ приходится согласиться съ Уэверомъ, а не съ Джоржемъ.

Тѣ же идеи, какія находимъ у Джоржа, высказаны были еще въ 1842 г. Родбертусомъ въ 1 теоремѣ его *Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände*. И онъ думаетъ, что рабочій получаетъ свою плату не изъ запаса средствъ существованія, который имѣется до начала производства; онъ смотритъ на нее какъ на долю съ продуктъ. На самыхъ различныхъ ступеняхъ производства, въ различныхъ сферахъ производства одновременно идетъ работа, добывается сырье, перерабатывается, обращается въ фабрики и проч. Вотъ эти-то одновременно производящіеся средства существованія служатъ, по его мнѣнію, источникомъ, изъ котораго выдается рабочимъ плата. Рабочій, конечно, ѣстъ до работы, но его предметы потребленія берутся изъ запаса, который слѣдуетъ считать доходомъ предшествующаго періода, въ которомъ онъ опять-таки былъ не капиталомъ, а долей въ продуктѣ. Родбертусъ проводитъ строгое разграниченіе между капиталомъ и доходомъ и думаетъ, что все, что рабочій потребляетъ до начала производства, берется не изъ капитала, а изъ дохода. Капиталистъ платитъ рабочему только потому и только тогда, когда ему данъ продуктъ, хотя еще и не оконченный, а продавецъ предметовъ существованія отдаетъ рабочему за деньги эти предметы только потому, что деньги служатъ для него гарантіей, что рабочій получилъ ихъ за свой трудъ. Рабочая плата берется, слѣдовательно, не изъ капитала, а изъ дохода. Если же смѣтрѣть на плату какъ на часть капитала, то съ такимъ же правомъ слѣдовало бы тогда считать капиталомъ впередъ уплаченную ренту или прибыль; тогда нечего бы всякая граница между доходомъ и капиталомъ. То, что достается въ видѣ платы рабочему, производится одновременно съ тѣмъ, какъ производятся предметы, составляющіе доходъ другихъ классовъ общества, и, какъ это обрѣнно поясняетъ Родбертусъ, *злата, которая имѣ-*

она рабочей, правда, не такъ хороша, какъ хлѣбъ рожь, но она единственной способна (*Zur. Erk.*, стр. 15—20, 22, 27, вообще вся первая теорема; *Zur Erklärung und Abhülfe d. heut. Creditnoth des Grundbesitzes*).

Мы видимъ, что Ротбертусъ пришелъ къ такому же полному отрицанію фонда, къ какому пришелъ Джоржъ. Онъ еще въ 1842 году ясно представлялъ себѣ всю важность этой теоріи и считалъ самымъ существеннымъ пунктомъ вопросъ о томъ, берется ли плата изъ капитала, или изъ дохода. «Если она берется изъ капитала, — говоритъ онъ, — то она не можетъ выходить за предѣлы капитала, не нанося ущерба всему производству страны и народному благосостоянію. Если же она выплачивается изъ дохода, то она можетъ быть увеличена безъ нарушенія цѣлости капитала».

Изъ всего вышешриведеннаго можно сдѣлать выводъ, что ни одна изъ посылокъ, на которыхъ построено ученіе о рабочей фондѣ, не можетъ быть признана правильною. Если относительно первой послыки, относительно вопроса о существованіи отдѣльнаго фонда, предназначеннаго исключительно для найма рабочихъ, Торнтонъ, Джевансъ, Бонами Прайсъ, Блэффъ - Десли, Джоржъ, Уокеръ, Брентано, Марксъ, Ротбертусъ, Бемъ Баверкъ и Тойнби единодушно приходятъ къ отрицательному отвѣту, то этого нельзя сказать о второй послыкѣ. Здѣсь уже мы встрѣчаемся съ различными мнѣніями. Будучи противникомъ фонда, Марксъ, какъ мы видѣли, все-таки, думаетъ, что плата выплачивается изъ капитала предпринимателя, а не изъ текущаго производства; дѣло только въ томъ, что онъ смотритъ на это явленіе не какъ на постоянное, обусловленное естественною необходимостью, а какъ на историческое и потому случайное. Еслибъ послѣ Маркса въ ученіе объ источникѣ платы ничего не было внесено другими эконоимстами, мы не могли бы, все-таки, говорить съ такимъ правомъ объ ошибочности теоріи фонда, съ какимъ можемъ объ этомъ говорить теперь. Уокеръ, Ротбертусъ и Джоржъ снесли послѣдній остатокъ этого ученія, доказавши, что источникомъ и критеріемъ, опредѣляющимъ размѣръ платы, служатъ не прежде собранный и обратившійся въ капиталъ запасъ, не раньше произведенные предметы потребления, а текущее производство, что размѣръ платы не ограниченъ капиталомъ даже въ такой слабой степени, въ какой это обуславливается у Маркса, что вообще величина капитала не можетъ служить препятствіемъ для возвышенія платы. Пока плата берется изъ капитала, ея границы не могутъ выходить за предѣлы капитала, она обуславливается размѣромъ послѣдняго. Правда, предѣлы эти могутъ быть шире, чѣмъ думали сторонники рабочего фонда, но они не выходятъ дальше того, что угадано капиталомъ вообще; для нихъ не открывается такой широкой просторъ, какой открывается съ уничтоженіемъ непосредственной связи между платой и капиталомъ. Именно въ этомъ и заслуга Уокера, Ротбертуса и Джоржа.

Позволю себѣ въ заключеніе резюмировать содержаніе моей лекціи.

Источникомъ, изъ котораго получается плата, служатъ не отдѣльный фондъ, даже не капиталъ вообще, а текущее производство, не

продуктъ *прежнего* труда, а результатъ *текущаго*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ до окончанія производства и продажи продуктовъ нуженъ запасъ предметовъ потребленія, который даетъ возможность существовать до полученія результатовъ текущаго производства. Но, во-первыхъ, этотъ запасъ не долженъ непременно принадлежать капиталисту; онъ можетъ принадлежать самому рабочему. Во-вторыхъ, аналогичный этому запасъ нуженъ не только для рабочихъ, но и для землевладельцевъ, получающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ арендаторовъ поземельную ренту раньше окончанія жатвы, нуженъ для капиталистовъ, получающихъ иногда отъ предпринимателей часть прибыли до окончанія производства и продажи продуктовъ. Это есть та часть богатства, которая съ народнохозяйственной точки зрѣнія представляетъ доходъ, въ противоположность капиталу. Въ-третьихъ, кто бы ни былъ владельцемъ запаса, это не имѣетъ большого значенія, такъ какъ рабочій вопросъ существуетъ въ Америкѣ, гдѣ рабочій часто обладаетъ необходимымъ запасомъ, какъ и въ странахъ, гдѣ этотъ запасъ доставляется капиталистами. Запасъ, правда, необходимъ, чтобы приступить къ работѣ, но онъ не опредѣляетъ размѣра платы; онъ представляетъ весьма часто только незначительную часть заработка. *Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ отрицанію ученія о фондѣ.* Но опроверженіе теоріи, оправдывавшей тяжелыя условія жизни рабочихъ, доказывавшей ихъ необходимость, не уничтожаетъ еще этихъ условій. Основаніемъ для построенія теоріи фонда рабочей платы послужилъ тотъ фактъ, что рабочіе, какъ классъ, получаютъ столько, сколько имъ выплачиваютъ предприниматели, и только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ возможность увеличивать свой доходъ на счетъ дохода другихъ классовъ. Этотъ фактъ продолжаетъ, конечно, существовать. Я только думаю, что опроверженіе теоріи, защищавшей необходимость тяжелаго положенія рабочихъ, лишаетъ его той санкции, которою онъ до сихъ поръ пользовался. Пока существовала теорія фонда и было прочно убѣжденіе, что возвышеніе платы наноситъ ущербъ капиталу и подтачиваетъ источникъ, изъ котораго получается плата, всякое государственное мѣропріятіе, создававшее рабочимъ болѣе благоприятныя условія и содѣйствовавшее возвышенію ихъ платы, считалось нарушеніемъ естественныхъ законовъ; оно, кромѣ того, считалось бесполезнымъ, ибо ничто не могло противодѣйствовать явленіямъ, основаннымъ на естественныхъ законахъ. Эта теорія, какъ мы видѣли, не имѣетъ права на признаніе; она опровергнута, — слѣдовательно, съ науки снято теперь тяжелое обвиненіе, которое на ней тяготѣло. Источники вознагражденія лежатъ, какъ мы видѣли, не въ капиталѣ, а въ производительности труда, и возвышеніе платы безпрепятственно можетъ идти на счетъ прибыли и ренты, не нанося ущерба народному хозяйству, водворяя, вмѣсто теперешняго антагонизма, мирныя условія развитія для большинства населенія. *Отсюда огромное практическое ученіе о фондѣ.* Именно теперь, когда на законодательство возлагаются такія большія надежды въ дѣлѣ улучшенія участи рабочихъ, весьма важно очистить поле для его плодотворной дѣятельности, уничтожить тѣ

препятствія, которыя ему до сихъ поръ ставила наша наука. вмѣсто того, чтобы санкціонировать своимъ высокимъ авторитетомъ тяжелыя условія, созданныя для рабочихъ крупною производительностью, экономисты становятся теперь на другой путь; они доказываютъ, что эти тяжелыя условія созданы общественными порядками, а не законами природы, и что государственное вмѣшательство въ сферу отношеній между хозяевами и рабочими можетъ оказаться благотворнымъ не только для послѣднихъ, но и для всего общества. Фабричное законодательство у насъ въ Россіи сдѣлало пока первые шаги. Поэтому для насъ особенно важно выяснитъ, какъ смотритъ наука на эти законодательные акты; важно показать, что препятствія, которыя ставятся у насъ на пути къ развитію новаго законодательства, не могутъ найти въ ней опоры, не могутъ быть ею оправданы.

М. Герценштейнъ.

Къ вопросу о библіотечнахъ для народныхъ учителей.

I.

Хорошо устроенная библіотека для народнаго учителя составляетъ настоящую потребность. Послѣдній по самой своей профессіи обязанъ слѣдить за педагогическою литературой и идти въ уровеньъ съ успѣхами современной педагогики, чтобы имѣть возможность воспользоваться ими въ своей практикѣ и, такимъ образомъ, внести въ школьное дѣло лучъ свѣта.

Этого мало. Учителю ввѣряется душа ребенка, въ которой онъ долженъ посѣять и возростить сѣмена свободной совѣсти, добра и правды. А для этого недостаточно быть только хорошимъ методистомъ, но необходимо, въ то же самое время, быть и *развитымъ* человекомъ. Только при наличности послѣдняго условія учитель въ состояніи будетъ справиться съ трудною задачей воспитанія.

Наконецъ, въ послѣднее время жизнь возложила на учителя новыя довольно серьезныя и сложныя обязанности. Въ настоящее время при многихъ школахъ существуютъ уже библіотеки, которыми пользуются какъ школьники, такъ, равнымъ образомъ, и молодые крестьяне, вышедшіе уже изъ школы. Руководить этими школьными библіотеками, въ большинствѣ случаевъ, призваны учителя. Отсюда само собою слѣдуетъ, что для успѣха народно-библіотечнаго дѣла положительно необходимо, чтобы его непосредственные руководители находились при такихъ условіяхъ, при которыхъ возможно было бы пополнять и расширять необходимыя для дѣла знанія.

Но, помимо этого, такъ сказать, общественнаго значенія, учительскія библіотеки имѣютъ и частное значеніе, являясь средствомъ удовлетворенія интеллектуальныхъ потребностей народнаго учителя. Если крестьянинъ, только что выучившійся грамотѣ, чувствуетъ потребность въ чтеніи, то учитель, въ теченіе многихъ лѣтъ сроднившійся съ книжкою, тѣмъ болѣе долженъ ощущать эту потребность.

По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, общее число учащихся въ народныхъ школахъ по образовательному цензу распределяется

слѣдующимъ образомъ: изъ 19,511 учителей получили образованіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія 685, въ духовныхъ семинаріяхъ—3,478, въ духовныхъ училищахъ—2,445, въ учительскихъ семинаріяхъ—4,875, въ уѣздныхъ, городскихъ, 2-хъ классныхъ и 1 классн. училищахъ министерства народнаго просвѣщенія—2,653, въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ—4,068 и получившихъ гимназическое образованіе — 1,307; изъ 4,878 учительницъ 1,689 получили образованіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, 1,370 — въ духовныхъ училищахъ, 370—въ учительскихъ школахъ, 691—въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ и 758 съ домашнимъ образованіемъ. При этомъ въ означенныхъ выше учебныхъ заведеніяхъ не окончили курса 3,153 учителя и 240 учительницъ *).

Такимъ образомъ, почти половина общаго числа учителей выступаютъ на поприще народно-школьнаго дѣла съ вполне законченнымъ среднимъ образованіемъ. Для этихъ людей, безъ сомнѣнія, книга составляетъ такую же насущную потребность, какъ и пища для тѣла.

Невозможность удовлетворенія потребности въ чтеніи приноситъ много жгучихъ страданій. Очень часто приходится слышать жалобы со стороны народныхъ учителей на свое крайне-незавидное положеніе въ этомъ отношеніи. «Нечего читать,—пишетъ одинъ сельскій учитель Хонерскаго округа Области Войска Донскаго,—положеніе наше тѣмъ хуже положенія приходскихъ учителей, что общества въ селѣ нѣтъ, не съ кѣмъ отвести душу, нѣтъ и дѣльной книги. Приходится тупѣть. И если иногда придется встрѣтиться съ развитымъ человѣкомъ, то сознаешь свое невѣжество, и больно станетъ на этотъ мигъ, но порывъ къ самоусовершенствованію такъ и остается безъ результата... и опять начнешь по маленьку погружаться въ омутъ пустой жизни. Дайте намъ книгу!» **).

Другой учитель еще болѣе мрачными красками рисуетъ положеніе своего собрата въ глухой деревнѣ: «Чувствуя себя совершенно одинокомъ,—пишетъ этотъ учитель,—не видя часто сочувствія къ своему труду со стороны другихъ,—не говорю уже помощи,—онъ радъ бы былъ утонуть въ книгахъ, поговорить съ горемыкой-товарищемъ, учителемъ сосѣдней школы, радъ бы былъ съѣздить въ городъ, пожить тамъ хоть немножко среди развитыхъ людей и запастись силами, но не можетъ сдѣлать этого по безденежью. И вотъ каждый возникшій въ головѣ вопросъ учитель рѣшаетъ собственными силами, а велики ли его силы? Рѣшаетъ онъ его и вкривь, и вкосъ, сбивается съ дороги и снова рѣшаетъ, а, все-таки, не находитъ искомаго отвѣта, черезъ что впадаетъ въ уныніе, въ душѣ его являются разнаго рода сомнѣнія, вѣра въ трудъ постепенно гаснетъ, энергія слабѣетъ, руни опускаются. Вотъ тутъ-то и сыграли бы роль журналы, газеты, книги, учителя-товарищи разсѣяли бы его сомнѣнія, нашли бы отвѣты на мучившіе его вопросы и этимъ поддержали бы въ немъ вѣру въ трудъ; но такъ

*) *Статистическій Временникъ Россійской имперіи*, серія III, вып. 1-й.

***) *Русскій Начальный Учитель* 1886 г., № 12.

какъ ничего этого нѣтъ, то учитель тупѣетъ, становится равнодушнѣе къ своему дѣлу, не любитъ его, оно служитъ для него сначала въ тягость, а потомъ и мученіемъ, а если онъ смотритъ на дѣло какъ на мученіе, то самъ становится въ школѣ мучителемъ *)).

Такую печальную картину нарисовалъ учитель Алексѣевъ на съѣздѣ учителей и учительницъ въ Новгородѣ, и съѣздъ единогласно подтвердилъ справедливость изложенныхъ фактовъ. Не будетъ преувеличаніемъ, если мы скажемъ, что въ такихъ же невозможныхъ условіяхъ относительно саморазвитія находятся и учителя многихъ другихъ губерній. Приходится только удивляться, почему учитель—душа народной школы и почти единственный насадитель образованія въ деревнѣ—держится до сихъ поръ, что называется, въ черномъ тѣлѣ.

II.

Въ виду отсутствія общественной помощи, народные учителя стараются пока своими собственными средствами удовлетворить потребность въ чтеніи. Какія такія эти «собственные средства» и насколько они цѣлесообразны, это мы сейчасъ увидимъ.

Первый самый доступный источникъ, откуда добывается матеріалъ для чтенія, это—знакомые и родственники учителя; изъ этого источника учитель черпаетъ все, начиная съ самаго серьезнаго чтенія въ видѣ какого-либо ученаго трактата по медицинѣ или технологіи и кончая сонникомъ или оракуломъ. Такое разнообразіе въ матеріалѣ для чтенія объясняется крайнею расношерстностью самихъ «знакомыхъ» и «родственниковъ», среди которыхъ встрѣчаются волостные писаря, приходскіе священники, становые пристава, мѣстные трактирщики, помѣщики, фабриканты, доктора и т. и. Бываютъ случаи, что учителя обращаются за книжками даже къ своимъ ученикамъ. Всѣ перечисленные лица пріобрѣтаютъ книжки по собственному вкусу, а вкусъ у нихъ, безъ сомнѣнія, самый разнообразный.

Положимъ, разнообразіе въ матеріалѣ для чтенія не всегда бываетъ недостаткомъ. Напротивъ, при сравнительномъ богатствѣ мѣстной бібліотеки (въ данномъ случаѣ подъ мѣстною бібліотекою мы разумѣемъ всю совокупность книгъ, имѣющихся у родныхъ и знакомыхъ того или другаго учителя), оно можетъ быть очень желательнымъ и полезнымъ. Но въ томъ-то и бѣда, что подобнаго рода бібліотеки, за немногими лишь исключеніями, исчерпываются всего двумя-тремя десятками книгъ и, притомъ, съ 10—15 отдѣлами. Само собою разумѣется, что такая бібліотека не имѣетъ ровно никакой цѣны.

Какъ ни бѣдны бібліотеки «родственниковъ» и «знакомыхъ», однако, и онѣ не всегда бываютъ доступны. Статистическое отдѣленіе московскаго губернскаго земства въ своемъ трудѣ по народному образованію въ Московской губерніи констатируетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что изъ 400 учите-

*) Отчетъ о съѣздѣ учителей и учительницъ въ Новгородѣ 1883 г.

лей 118 находились въ 188³/₄, учебномъ году въ особенно дурныхъ условіяхъ относительно чтенія, такъ что нѣкоторые изъ нихъ *рѣшительно ничего не читали*.

Вторымъ источникомъ, откуда учитель можетъ доставать книги для чтенія, являются городскія библіотеки, общественныя или содержимыя на частныя средства. Этотъ второй источникъ, безъ сомнѣнія, цѣннѣе перваго, ибо здѣсь является возможность производить выборъ въ матеріалѣ для чтенія. Но, съ другой стороны, пользованіе имъ представляетъ и нѣкоторыя неудобства. У знакомыхъ и родственниковъ учитель пользуется книгами совершенно даромъ, здѣсь же онъ долженъ затрачивать извѣстную сумму изъ своего грошоваго заработка. Но и при имѣніи въ карманѣ свободныхъ денегъ учитель не всегда можетъ пользоваться городскими библіотеками. Препятствіями служатъ дальнее разстояніе города, неудобство путей сообщенія, нерѣдко отсутствіе въ городѣ библіотекъ и многія другія причины. До какой степени городскія библіотеки малодоступны для народныхъ учителей, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Въ Московской губерніи, отличающейся сравнительно небольшою территоріей, хорошими путями сообщенія и обиліемъ библіотекъ (въ Москвѣ), народные учителя изъ 130,800 руб. получаемаго жалованья расходуютъ на подписку въ библіотекахъ всего 157 руб., т.-е. 0,1% *). Можно съ увѣренностью сказать, что въ другихъ губерніяхъ затраты на подписку въ библіотекахъ не достигаютъ и этого процента, ибо большинство нашихъ губерній отличается громадными территоріями и крайне неудобными путями сообщенія, что, повторяемъ, очень затрудняетъ пользованіе городскими библіотеками.

Третій и послѣдній источникъ, доступный народному учителю, это—выписка на собственные средства періодическихъ изданій. У насъ имѣются подъ руками данныя по Московской и Новгородской губ. и Острогжскому уѣзду, Воронежской губ., о числѣ преподавателей, выписывающихъ на собственные средства періодическія изданія. Данныя эти имѣютъ нѣкоторый интересъ, а потому мы вкратцѣ изложимъ ихъ здѣсь.

Въ 188³/₄ учебномъ году въ Московской губ., изъ 484 свѣтскихъ преподавателей, выписывали періодическія изданія только 60 лицъ, т.-е. всего около 12,4%, изъ нихъ 10 человекъ выписывали по два и даже по три изданія. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ преподавателей (6) даже сравнительно дешевыя изданія выписывали на половинныхъ издержкахъ съ кѣмъ-нибудь изъ населенія, на примѣръ, съ мѣстными священниками. Въ общемъ выводѣ по губерніи изъ числа выписываемыхъ на собственные средства періодическихъ изданій было мѣсячныхъ журналовъ 7 экземпляровъ или одинъ экземпляръ на 69 преподавателей, еженедѣльныхъ изданій—46 экземпляровъ или одинъ экземпляръ на 10,8 преподавателей, ежедневныхъ газетъ всего 19 экземпляровъ или одинъ экземпляръ на 25,8 преподавателей. Безъ различія сроковъ выхода въ свѣтъ, одинъ экземпляръ приходится на 6,7

*) Сборникъ статистич. свѣдѣній по Московской губ., т. IX, стр. 77—78.

учителей. Что касается специально педагогических изданий, то изъ числа ихъ одинъ экземпляръ приходится на 242 преподавателя. На выписку періодическихъ изданій было израсходовано всего учителями и учительницами 526 руб., т.-е. 0,11 часть всего жалованья *).

Въ Острогомскомъ уездѣ изъ 80 учителей и учительницъ выписываютъ періодическія изданія 25 лицъ на сумму 220 руб. Ежемесячныхъ изданій получается 10 экземпляровъ, еженедѣльныхъ—17 и ежедневныхъ пять, т.-е. одно періодическое изданіе приходится на 1,2 преподавателей, получающихъ изданія, и на 2,6 всѣхъ учителей и учительницъ **).

Въ Новгородской губерніи въ 188¹/₂ учебномъ году народными учителями выписывалось 41 періодическое изданіе въ 186 экземплярахъ. На каждаго учителя (всѣхъ учителей и учительницъ въ Новгородской губерніи 495) приходилось по 2,6 экземпляра. Наибольшее число экземпляровъ падаетъ на газету *Свѣтъ* (42 экз.), *Ниву* (29), *Недѣлю* (28), *Еженедѣльное Обзоріе* (12) и *Всеобщую Газету* (7). Остальные изданія получались въ размѣрѣ отъ 1 до 5 экземпляровъ ***).

Внимательно просматривая изложенныя выше данныя о числѣ учителей, выписывающихъ періодическія изданія, мы находимъ, что по отношенію къ общему числу учащихся въ данныхъ мѣстностяхъ оно составляетъ очень небольшой процентъ. Это и понятно, такъ какъ средства учителя, повторяемъ, настолько ограничены, что выдѣлить изъ нихъ даже незначительную сумму на выписку дешеваго періодическаго изданія для него бываетъ не подъ силу. Этому же матеріальному необеспеченности объясняется и то обстоятельство, что большинство выписываемыхъ періодическихъ изданій падаетъ на еженедѣльные изданія, какъ на самыя дешевыя и потому болѣе другихъ доступныя для тощаго кармана народнаго учителя.

Изъ всего вышесказаннаго приходится заключить, что попытки народныхъ учителей своими собственными средствами удовлетворить назрѣвшую потребность въ чтеніи остаются попытками и нисколько не приближаютъ ихъ къ цѣли. Обладая учителя болѣшими средствами, чѣмъ тѣ, которыми они въ настоящее время располагаютъ, все же они не въ состояніи были бы создать для себя подходящія условія для саморазвитія. Единичными усилиями тутъ ничего не сдѣлаешь,—нужна общественная помощь. А потому, если общество имѣетъ истинное представленіе о своихъ интересахъ, если оно желаетъ воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ свободной совѣсти и дѣятельной правды, то оно обязано поставить учителя, этого непосредственнаго руководителя дѣтскою душой, въ такія условія, при которыхъ онъ имѣлъ бы возможность стоять на надлежащей высотѣ и не опускаться до уровня равнодушнаго методиста. Однимъ изъ такихъ условій, безъ сомнѣнія, служатъ хорошо устроенныя бібліотеки.

*) Сборникъ статистич. свѣд. по Московской губ., т. IX.

**) Народное образованіе въ Острогомж. уездѣ 1887 г.

***) Очеркъ народнаго образованія въ Новгородской губ. за 188¹/₂ учебн. годъ.

III.

По свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, изъ 22,767 сельскихъ училищъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и другими правительственными учрежденіями содержится 3,182 училища, земствами — 9,108, сельскими обществами — 8,674, церковно-приходскими попечительствами и духовенствомъ — 1,062 и частными лицами — 741 *). Хотя приведенныя свѣдѣнія нѣсколько устарѣли (они относятся къ 1879 году), но, тѣмъ не менѣе, по нимъ можно судить о томъ, на комъ по преимуществу должна лежать забота объ учителяхъ, которыхъ, повторяемъ, составляетъ душу народной школы.

Въ настоящей своей статьѣ мы остановимся только на дѣятельности земства въ сферѣ устройства дешеваго чтенія для народныхъ учителей, такъ какъ только оно и поработало въ этомъ направленіи.

Нѣкоторыя земства почти съ первыхъ дней своего существованія стали проявлять заботу объ устройствѣ для учителей дароваго или, по крайней мѣрѣ, дешеваго чтенія. Такъ, въ орловскомъ (Вятской губерніи) и бердянскомъ земствахъ уже въ началѣ 70-хъ годовъ существовали свои библіотеки. Въ это же время вопросъ объ учительскихъ библіотекахъ обсуждался и во многихъ другихъ земствахъ, но, благодаря чисто - внѣшнимъ причинамъ, могъ получить осуществленіе только въ послѣдніе годы. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить всеюгонское земство, которое въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1874 года, затѣяло мысль объ устройствѣ земской библіотеки, и только въ началѣ 1886 года мысль эта получила осуществленіе.

Министерство народнаго просвѣщенія (при министрѣ Сабуровѣ) выработало проектъ «положенія о центральныхъ учительскихъ библіотекахъ» и разослало его во всѣ губернскіе училищные совѣты съ предложеніемъ передать его на обсужденіе уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, представивъ отзывы этихъ послѣднихъ не позднѣе 1 января 1882 года. По этому положенію при уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ на средства земскихъ и городскихъ учреждений, а также и частныхъ лицъ могутъ быть учреждаемы центральныя учительскія библіотеки. Эти библіотеки снабжаютъ книгами также и учениковъ школъ. Центральная библіотека должна помѣщаться при земской управѣ или при одномъ изъ начальныхъ городскихъ училищъ. Въ составъ каждой библіотеки входятъ отдѣлы: а) педагогическій, б) общеобразовательный, распадающійся на слѣдующія группы: 1) оригинальныя и переводныя сочиненія по богословію, догматикѣ и апологетикѣ, 2) научныя изслѣдованія по философіи и ея исторіи, 3) литература, 4) исторія, географія и статистика, 5) политическая экономія и юридическія сочиненія, 6) естествознаніе и медицина, преимущественно гигиена; в) учебный, содержащій по одному экземпляру всѣхъ вышедшихъ въ послѣднее время

*) *Статистическій временникъ Россійской имперіи*, серия III, вып. 1.

учебниковъ по всѣмъ предметамъ курса начального, городского и уѣзднаго училищъ; г) отдѣлъ дѣтскаго чтенія.

Таковъ въ общихъ чертахъ проектъ «положенія о центральныхъ учительскихъ библіотекахъ», выработанный министерствомъ Сабурова. Какая судьба постигла этотъ проектъ, намъ неизвѣстно. Мы привели его здѣсь только затѣмъ, чтобы показать, что большинство земскихъ библіотекъ, существующихъ въ настоящее время, подходятъ именно подъ типъ центральныхъ библіотекъ, проектированныхъ министерствомъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ.

Земскія библіотеки обыкновенно существуютъ въ уѣздныхъ городахъ, какъ центральныхъ мѣстахъ, изъ которыхъ удобнѣе сноситься съ учителями. Всѣ онѣ содержатся на средства уѣздныхъ земствъ или на средства городовъ, но съ значительною субсидіей отъ земства. Кромѣ народныхъ учителей, библіотеками могутъ пользоваться волостные старшины и писаря, земскій медицинскій персоналъ и вообще всѣ лица, причастныя къ земскому самоуправленію. Всѣ эти лица пользуются книгами или совсѣмъ безплатно, или за очень незначительную плату. За плату же могутъ пользоваться библіотеками и городскіе обыватели.

IV.

Исторія развитія земскихъ учительскихъ библіотекъ, какъ это ни странно, чревата всякаго рода «недоразумѣніями». Интересна въ этомъ отношеніи исторія орловской (Вятской губ.) земской библіотеки. Эта библіотека была открыта въ январѣ 1874 г. и просуществовала всего два года, такъ какъ 10 января 1876 года, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, была закрыта. Причины, въ силу которыхъ послѣдовало указанное министерское распоряженіе, не были указаны. Уѣздная управа была крайне удивлена, получивши 8 января 1876 г. отъ начальника губерніи увѣдомленіе о немедленномъ закрытіи земской библіотеки. Не чувствуя за собой никакой вины, она сейчасъ же обратилась къ губернатору съ просьбой сообщить ей, чѣмъ мотивировалъ министръ внутреннихъ дѣлъ свое распоряженіе о закрытіи библіотеки. Губернаторъ отвѣтилъ, что единственною причиною закрытія библіотеки послужило несоблюденіе и даже намѣренное уклоненіе управы отъ выполненія условія, при которомъ только и могла быть открыта библіотека, именно—неприглашеніе въ члены управленія библіотеки мѣстнаго штатнаго смотрителя, въ противность высочайшему повелѣнію 12 іюля 1867 года.

«Намѣренное уклоненіе отъ исполненія высочайшаго повелѣнія», по объясненію самой управы, заключалось въ слѣдующемъ.

Еще за полгода до окончательнаго закрытія библіотеки, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 г., губернаторъ предложилъ управѣ прекратить на время выдачу книгъ изъ библіотеки на томъ основаніи, что управою не приглашенъ въ члены управленія библіотеки мѣстный штатный смотритель. При этомъ

губернаторъ прибавилъ, что библиотечка можетъ быть снова открыта только тогда, когда будетъ соблюдено вышеозначенное условіе. Управа до этого времени, дѣйствительно, не приглашала штатнаго смотрителя, но вовсе не потому, чтобы желала уклониться отъ исполненія высочайшаго повелѣнія, но единственно потому, что опасалась, какъ бы смотритель не принялъ приглашенія управы за напоминаніе его обязанностей, которыя ему самому очень хорошо извѣстны. Кромѣ того, въ означенномъ высочайшемъ повелѣніи прямо не сказано, что управа должна приглашать смотрителя, а сказано, что смотритель долженъ быть членомъ управленія. Теперь же, увидѣвъ ошибочность своего взгляда на высочайшее повелѣніе, управа немедленно пригласила штатнаго смотрителя Дельгина къ участию въ занятіяхъ управленія библиотечкой на правахъ члена. Но Дельгинъ въ первый разъ отозвался недосугомъ, а затѣмъ по разнымъ причинамъ засѣданіе управленія библиотечки съ его участіемъ не могло состояться до перевода его въ Малмыжъ. Первое засѣданіе уже съ новымъ смотрителемъ Масленниковымъ состоялось только 18 августа, когда пересмотрѣны были каталоги книгъ, причѣмъ ничего предосудительнаго, конечно, не было найдено. Объ этомъ былъ составленъ актъ за подписью всѣхъ членовъ управленія, въ томъ числѣ и смотрителя, и выдача книгъ, согласно отношенію губернатора, была возобновлена. Актъ былъ препровожденъ губернатору 24 августа.

Такимъ образомъ, управа считала эту исторію не болѣе, какъ простымъ недоразумѣніемъ, которое, по ея мнѣнію, съ приглашеніемъ смотрителя устранено. Ходъ дѣла по библиотекѣ продолжался попрежнему. Вдругъ 10 января 1876 года получается отъ губернатора предложеніе закрыть библиотечку.

Таковы подробности исторіи закрытія орловской библиотечки, какъ ихъ передаетъ сама управа. По всѣмъ даннымъ, это было, дѣйствительно, простое недоразумѣніе, которое, тѣмъ не менѣе, имѣло для библиотечки рѣшающее значеніе.

Сознаваясь въ своей ошибкѣ, но никакъ не въ преднамѣренномъ уклоненіи отъ исполненія высочайшаго повелѣнія, управа сейчасъ же послѣ закрытія библиотечки рѣшилась сдѣлать попытку ходатайствовать объ открытіи библиотечки вновь. Губернаторъ отвѣтилъ, что не можетъ представить этого ходатайства министру внутреннихъ дѣлъ, по распоряженію котораго библиотечка только что закрыта. Приписывая отказъ губернатора тому обстоятельству, что при первоначальномъ ходатайствѣ не былъ представленъ каталогъ книгъ, находившихся въ библиотекѣ въ моментъ ея закрытія, управа въ іюлѣ мѣсяцѣ 1876 года снова просила губернатора ходатайствовать предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ открытіи библиотечки, причѣмъ ею былъ представленъ точный списокъ съ означеннаго каталога. Но на второе ходатайство губернаторъ совсѣмъ не отвѣтилъ.

Такъ орловская земская библиотечка и сошла со сцены. Но орловское земство не могло помириться съ этою мыслью. Признавая за библиотечкою

большое общественное значеніе и не желая бросать на вѣтеръ 2,000 р., затраченныхъ на библіотеку въ теченіе двухлѣтняго ея существованія, орловское уѣздное земское собраніе 11 октября 1877 года, основываясь на согласіи городской управы принять въ свое завѣдываніе бывшую земскую библіотеку, рѣшило передать ее городской управѣ при ежегодной субсидіи отъ земства по 300 рублей, взаимѣя чего собраніе выговорило для законоучителей, учителей, учительницъ, ихъ помощниковъ и помощницъ, а равно и вообще для всѣхъ служащихъ земства и волостныхъ старшинъ право бесплатнаго пользованія книгами библіотеки.

По ходатайству орловской городской управы, публичная библіотека была разрѣшена къ открытію 1 января 1878 г. Съ этого времени библіотека существуетъ и по настоящую пору *).

Такимъ образомъ, орловская библіотека съ нѣкоторыми перерывами существуетъ уже 13 лѣтъ: 2 года она находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи уѣзднаго земства, въ теченіе двухъ лѣтъ (1876 и 1877 гг.) была закрыта и 11 лѣтъ находится въ вѣдѣніи города съ субсидіей отъ земства.

Исторія орловской библіотеки поучительна въ томъ отношеніи, что здѣсь обнаружилась достойная подражанія энергія земства въ достиженіи намѣченной цѣли. Несмотря на массу препятствій, орловское земство сумѣло отстоять благодѣтельное для уѣзда учрежденіе—библіотеку, хотя, впрочемъ, съ нѣкоторыми для себя лишеніями: хозяиномъ библіотеки стало уже не оно, а городъ. Во всякомъ случаѣ, по существу дѣло нисколько не измѣнилось. Уѣздъ остался съ библіотекой, а какаѣ это библіотека—«земская» или «городская»—положительно все равно.

По примѣру орловской библіотеки, и нолинская библіотека, возникшая еще въ первые годы земской дѣятельности, вслѣдствіе «нѣкоторыхъ обстоятельствъ», оставалась закрытою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ **). А въ Самарскомъ уѣздѣ, несмотря на старанія земства, учительская библіотека и по сіе время все еще не можетъ быть призвана къ жизни. Въ 1887 году уѣздное земское собраніе ассигновало уже 1,000 руб. на устройство центральной учительской библіотеки при управѣ, но министерство народнаго просвѣщенія, по сношенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не нашло возможнымъ разрѣшить подобной библіотеки впредь до окончательной разработки и утвержденія правительствомъ проекта о центральныхъ учительскихъ библіотекахъ ***).

Такимъ образомъ, оказывается, что проектъ о центральныхъ учительскихъ библіотекахъ, выработанный еще министерствомъ Сабурова въ 1881 г., до сихъ поръ остается проектомъ, не давшимъ никакихъ практическихъ результатовъ.

*) Доклады орловской уѣздной управы земскому собранію.

***) Волжск. Вѣстникъ 1888 г., № 222.

****) Волжскій Вѣстн. 1888 г., № 221.

V.

Несмотря на многія препятствія, которыми обставлено существованіе учительскихъ библиотекъ, послѣднія все же не умирають, а, напротивъ, крѣпнуть и развиваются.

Такъ, въ теченіе 13-ти лѣтняго существованія орловская библиотека успѣла приобрести довольно обширныя симпатіи среди мѣстнаго населенія. Судя по отчетамъ, между библиотекою и обществомъ установилась тѣсная органическая связь, которая съ каждымъ годомъ растетъ и крѣпнетъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ постоянное возрастаніе числа подписчиковъ. Вотъ, между прочимъ, данныя о количествѣ читателей библиотеки за 6-ти лѣтнее ея существованіе, начиная съ 1878 и кончая 1883 годомъ:

ГОДЫ.	ПОДПИСЧИКОВЪ ПЛАТНЫХЪ.	ПОДПИСЧИКОВЪ ЛЬГОТНЫХЪ.								ИТОГО.
		Законоучителей.	Учителей.	Учительницъ.	Помощн. и помощницъ.	Писцовъ.	Волост. старшинъ.	Мещанскій перс. совѣтъ.	Гласныхъ.	
1878	32	4	20	22	18		11		--	107
1879	46	8	14	15	15		17		—	115
1880	60	7	11	19	17		15		—	129
1881	66	7	15	20	22		15		—	148
1882 *)	63	8	17	15	23		15		—	141
1883 *)	62	12	19	17	34	6	4	15	2	171

И такъ, съ каждымъ новымъ годомъ библиотека приобретаетъ все новыхъ и новыхъ подписчиковъ, что ясно указываетъ на возрастаніе общественнаго сочувствія къ ней. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что льготные подписчики, состоящіе преимущественно изъ законоучителей, учителей, учительницъ, ихъ помощниковъ и помощницъ, составляютъ больше половины всѣхъ подписчиковъ.

Съ увеличеніемъ числа подписчиковъ постепенно увеличивается и число выдаваемыхъ книгъ изъ библиотеки. Такъ, въ 1878 году было выдано всего 2,821 книга, въ 1882 же году число выданныхъ книгъ равнялось уже 5,744, т.-е. въ 2 раза больше, между тѣмъ какъ число подписчиковъ за это время возросло всего въ 1½ раза. Такимъ образомъ, на ряду съ увеличеніемъ количества читателей растетъ и интенсивность чтенія: въ 1878 г. на каждого подписчика среднимъ числомъ приходилось по 26 прочитанныхъ книгъ, въ 1882 же году, т.-е. черезъ пять лѣтъ, эта средняя цифра равнялась уже 35.

*) Слѣднія показаны не за дѣлій годъ, а только по октябрю мѣсяцъ.

Наибольший процент потребованных книг падает на книги belle-тристического содержания и на журналы, а затѣмъ уже слѣдуютъ книги научнаго содержания и дѣтскія. Слѣдующая таблица, между прочимъ, укажетъ намъ на размѣры дѣятельности библиотеки и постепенное обогащеніе ея книгами:

ГОДЫ.	Общее число подписчиковъ.	ВЫДАНО КНИГЪ.					Число выданныхъ книгъ изъ каждаго читателя.	Имѣлось книгъ въ библиотекѣ.
		Беллетристическ.	Журналовъ.	Научныхъ.	Дѣтскихъ.	Всего.		
1878	107	1413	1063	298	47	2821	26	670
1879	115	1938	1495	540	142	4115	35	900
1880	129	1989	1726	613	145	4473	34	1101
1881	148	2832	1589	722	304	5447	37	1487
1882	163	2928	1758	820	238	5744	35	1748
1883 по октябрь.	172	2454	1528	498	48	4528	26	1855

Средства библиотеки сравнительно очень небольшія. Они состоятъ изъ ежегодной земской субсидіи, подписной платы и частныхъ пожертвованій. Главною составною частью бюджета является земская субсидія. Въ первыя пять лѣтъ земство ассигновало на библиотеку по 300 р. ежегодно. Затѣмъ въ 1883 г., заботясь о развитіи дѣятельности библиотеки и «желая убѣдиться, можетъ ли увеличеніе размѣра субсидіи вліять на увеличеніе числа подписчиковъ», земское собраніе, вмѣсто прежнихъ 300 руб., ассигновало субсидію библиотекѣ въ размѣрѣ 400 рублей, причемъ предложило городской управѣ открыть третій разрядъ подписчиковъ по пониженной цѣнѣ и распространить на гласныхъ земскаго собранія право бесплатнаго пользованія книгами. Такимъ образомъ, за 6 лѣтъ (съ 1878 по 1883 г.) библиотека получила отъ земства 1,900 руб.; не считая тѣхъ 2,000 руб., которые земство израсходовало на библиотеку въ 1874 и 1875 гг., когда библиотека находилась въ его вѣдѣніи. Далѣе слѣдуетъ подписная плата, которая дала библиотекѣ за 6 лѣтъ 1,020 руб. 80 коп., и пожертвованія—259 руб. 97 коп. Складывая всѣ эти цифры, получимъ общую сумму библиотечнаго бюджета за 6 лѣтъ, съ 1878 по 1883 годъ, простирающуюся до 3,180 руб. 77 коп., что въ среднемъ составитъ 530 руб. на годъ*).

Другая библиотека, заслуживающая вниманія, это — библиотека бердинскаго земства. Библиотека эта была открыта въ концѣ 1873 года. Цель ея, по объясненію управы, должна заключаться въ томъ, чтобы «удовле-

*) Доклады орловской уездной земской управы.

творять потребностямъ читающей публики, состоящей исключительно изъ лицъ, посвящающихъ свой трудъ земству, которыя, живя въ уѣздѣ, лишены возможности безъ помощи земства пользоваться чтеніемъ книгъ, въ чемъ въ особенности крайне нуждаются народные учителя».

На первое обзаведеніе библиотеки земствомъ было ассигновано 1,200 руб., изъ которыхъ на выписку книгъ употреблено 603 руб., а остальные— на выписку періодическихъ изданій, перешлетъ книгъ и устройство библиотечныхъ шкафовъ. Затѣмъ библиотека ежегодно пополнялась журналами и книгами. Впрочемъ, послѣднихъ выписывалось немного, болѣе вниманіе обращалось на періодическія изданія. Начиная съ 1879 и по 1886 годъ включительно, т.-е. за 8 лѣтъ, на выписку газетъ и журналовъ израсходовано до 2,394 руб., что въ среднемъ на годъ составитъ около 300 рублей. На эту сумму ежегодно выписывалось больше десятка журналовъ (нѣкоторые въ двухъ экземплярахъ) и почти столько же газетъ. Въ 1886 году изъ журналовъ выписывались, напримѣръ, слѣдующіе: *Русская Мысль*, *Наблюдатель*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскій Вѣстникъ*, *Историческій Вѣстникъ*, *Русская Старина*, *Семья и Школа*, *Народная Школа* и др., изъ газетъ выписывались: *Правительственный Вѣстникъ*, *Неделя*, *Новое Время*, *Новости*, *Русскій Курьеръ*, *Южный Край*, *Новороссійскій Телеграфъ* и др.

Бъ 1 октября 1886 года въ библиотекѣ состояло книгъ 603 названій въ 2,690 томахъ. Всѣ эти книги раздѣляются на 9 отдѣловъ: 1) богословіе, 2) педагогика, 3) словесность, 4) географія, 5) исторія, 6) естествознаніе, 7) смѣсь, 8) техника и 9) періодическія изданія. Кромѣ того, при библиотекѣ имѣется еще 10-й отдѣлъ, такъ называемый земскій, состоящій исключительно изъ отчетовъ и постановленій губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній.

Читателями библиотеки состоятъ служащіе въ земствѣ, число которыхъ въ 1886 году равнялось 186 человекамъ, причемъ преобладающее большинство падало на народныхъ учителей, которыхъ было 113 человекъ. Въ предыдущіе годы, напримѣръ, въ 1884 году, число всѣхъ читателей достигало до 230. Всѣ читатели пользуются книгами бесплатно. Платныхъ подписчиковъ въ бердянской библиотекѣ совсѣмъ не существуетъ. Лица, непричастныя къ земству, библиотекую не могутъ пользоваться. Этимъ бердянская библиотека существеннымъ образомъ отличается отъ орловской, которая, какъ мы видѣли, открыта для всѣхъ желающихъ.

Всѣми подписчиками въ 1886 году было прочитано 3,312 книгъ, т.-е. по 18 книгъ на человека. Самыми ревностными читателями были народные учителя. Наибольшее число требованій предъявлено на книги по словесности, педагогикѣ, естествознанію, исторіи и географіи.

Народнымъ учителямъ книги высылаются по земской почтѣ; по земской же почтѣ онѣ обратно препровождаются въ управу. Замѣчательно, что за все время существованія библиотеки не было случая потери книги, между тѣмъ какъ условія для этого, казалось бы, должны быть весьма благоприят-

ныя. Это отчасти указывает на умѣнье читателей обращаться съ книгой, какъ съ общественнымъ достояніемъ *).

Остановимся еще на двухъ сравнительно очень богатыхъ библіотекахъ сарапульскаго и шадринскаго уѣздныхъ земствъ. О достаткѣ сарапульской библіотеки можно судить уже по одному тому, что въ 188⁵/₆ отчетномъ году въ библіотеку было выписано болѣе 30 еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ періодическихъ изданій, причѣмъ нѣкоторыя изданія, какъ, напримѣръ, *Русская Мысль*, выписывались въ трехъ экземплярахъ. Кроме того, въ томъ же году отдѣльныхъ книгъ приобрѣтено на 340 р. и пожертвовано старыхъ журналовъ (за 1869—1880 гг.) 1,167 книгъ. Ежегодный библіотечный бюджетъ простирается до 1,158 рублей, изъ которыхъ 600 руб. ассигнуеть земство. Всѣхъ подписчиковъ въ отчетномъ году было 269 человекъ, изъ которыхъ 78 приходится на долю народныхъ учителей, учительницъ, ихъ помощниковъ и помощницъ. Требования о возвращеніи книгъ отъ учителей въ уѣздѣ исполняются аккуратно **).

Въ лучшемъ состояніи сравнительно съ сарапульскою библіотекою находится библіотека шадринскаго земства. Въ 188⁴/₅ отчетномъ году въ шадринской библіотекѣ выписывалось 40 періодическихъ изданій: ежедневныхъ—9, выходящихъ 3 раза въ недѣлю—2, еженедѣльныхъ—15, выходящихъ 2 раза въ мѣсяць—1 и ежемѣсячныхъ—13. *Вѣстникъ Европы*, *Русская Мысль* и *Наблюдатель* выписывались въ двухъ экземплярахъ.

Число всѣхъ книгъ въ библіотекѣ простирается до 3,648. Самое большое число падаетъ на отдѣлъ словесности (1,344 книги), затѣмъ слѣдуетъ сельское хозяйство—535 книгъ, дѣтское и народное чтеніе—347 кн., исторія—295, географія, этнографія и статистика—217, земскій отдѣлъ—197, педагогика—183 и др. Кроме перечисленныхъ отдѣльныхъ книгъ, въ библіотекѣ имѣется до 2,233 книгъ разныхъ литературныхъ журналовъ.

Средства библіотеки составляются изъ пособій земства и платы за чтеніе книгъ, что въ общей сложности составляетъ сумму около 2,000 руб. въ годъ.

Число лицъ, перебывавшихъ въ отчетномъ году подписчиками библіотеки на разные сроки, равнялось 536. Эта цифра читателей получилась не сразу, а возрастала постепенно въ теченіе 8 лѣтъ, начиная съ 1877 года. Изъ отчета видно, что въ 1877 году было 304 подписчика, въ 1878 г.—335, 1879 г.—362, 1880 г.—372, 1881 г.—395, 1882 г.—413, 1883 г.—453 и въ 1884 г.—475.

Большинство читателей приходится на уѣздныхъ жителей, и, притомъ, бесплатныхъ. Чтобы судить о сословномъ составѣ подписчиковъ, приведемъ списокъ подписчиковъ за сентябрь мѣсяць 1885 года. Изъ 341 читателей въ этотъ мѣсяць 9 принадлежало къ духовному званію, 29 — дворянъ и чиновниковъ, 96 — учителей городскаго училища, приходскихъ и земскихъ

*) Доклады бердянской уездной управы земскому собранію.

***) Доклады сарапульской уездной управы земскому собранію.

школъ учителей и учительницъ и ихъ помощниковъ, 6—военныхъ, 17—купцовъ, 65—мѣщанъ и 117—крестьянъ. Изъ приведеннаго списка видно, что главными читателями шадринской библиотеки состоятъ крестьяне *), учителя и мѣщане, т.-е. по преимуществу жители уѣзда; читатели же изъ остальныхъ сословій составляютъ всего около 18%. Такимъ образомъ, библиотека шадринскаго земства является вполне уѣздною библиотекой.

Въ отчетномъ году изъ библиотеки было выдано по билетамъ для чтенія на дому 39,558 изданій печати, причемъ самое большее число приходится на периодическія изданія и словесность, самое меньшее— на отдѣлы правовѣдѣнія, технологии и богословія. Уѣзднымъ подписчикамъ въ теченіе года выслано 2,592 послыя и столько же получено отъ нихъ **). Размѣры дѣятельности шадринской библиотеки, какъ оказывается, очень обширныя. Безъ сомнѣнія, инициаторы и руководители библиотечнаго дѣла въ Шадринскомъ уѣздѣ вложили въ него свою душу, иначе библиотека никогда не достигла бы такого цвѣтущаго состоянія.

Мы привели данныя о четырехъ библиотекахъ—орловскаго, бердянскаго, сарапульскаго и шадринскаго уѣздныхъ земствъ. Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что при добромъ желаніи и при нѣкоторой настойчивости со стороны земскихъ учрежденій можно достигнуть большихъ результатовъ въ развитіи библиотечнаго дѣла въ уѣздѣ.

Мы далеки отъ мысли утверждать, что указанныя нами библиотеки вполне удовлетворяютъ своему назначенію и не оставляютъ желать ничего лучшаго. Напротивъ, намъ думается, что съ точки зрѣнія удовлетворенія умственныхъ запросовъ народныхъ учителей названныя библиотеки оставляютъ желать много лучшаго. Для достиженія сказанной цѣли необходимо имѣть хорошо устроенныя библиотеки при каждой школѣ или, по крайней мѣрѣ, ограничить районъ дѣйствій библиотеки нѣсколькими школами, а никакъ не цѣлымъ уѣздомъ. Но, вѣдь, это въ настоящее время недостижимая мечта. А потому будемъ пока развивать и очищать путь для центральныхъ земскихъ библиотекъ на подобіе библиотекъ шадринскаго, сарапульскаго и другихъ земствъ. Польза и отъ этихъ библиотекъ получится не малая.

В. Крандѣвскій.

*) Между ними есть нѣсколько мальчиковъ, окончившихъ курсы въ земскихъ школахъ.

***) Доклады шадринской уѣздной управы земскому собранію.

Чарльзъ Дарвинъ и его теорія *).

(Life and Letters of Charles Darwin including an autobiographical chapter. Edited by his son Francis Darwin. In three volumes. London. John Murray. 1887).

Самую возвышенною и драгоцѣнною, самую симпатичною и невольно вызывающею къ себѣ сочувствіе и глубокое уваженіе чертой въ личности Дарвина была его беззавѣтная правдивость, его строгая и непоколебимая добросовѣстность, его безпредѣльная и горячая любовь къ истинѣ и неуклонное стремленіе къ ней, и только къ ней. Это стремленіе наполняло всю его душу, всю его жизнь; въ немъ онъ видѣлъ единственное свое призваніе, единственную цѣль своей дѣятельности, весь смыслъ, задачу и разгадку своего существованія. Всѣ, даже самые законные и дозволимые интересы самолюбія, честолюбія, разсчета, соревнованія и соперничества онъ безжалостно приносилъ въ жертву своему стремленію къ научной истинѣ. Когда дѣло шло о научной истинѣ, о научныхъ фактахъ, онъ забывалъ себя, всѣхъ и все, и весь сосредоточивался на отысканіи того, гдѣ правда, что вѣрно. Дарвинъ былъ воплощеніемъ идеала истиннаго мудреца, посвятившаго себя исканію истины. Такимъ изображаютъ намъ Сократа, такимъ былъ, между прочимъ, и Спиноза, хотя оба они искали истину другими путями и въ другихъ областяхъ. Философы-пессимисты и наши доморощенные умствователи, заѣдаемые рефлексіей, гордо или, лучше сказать, хвастливо увѣряющіе, будто бы они, подобно Соломону Премудрому, познали все на свѣтѣ, отъ кедра и до иссопа, и ни въ чемъ не нашли внутренняго успокоенія и удовлетворенія, увидѣли вездѣ только суету суетъ и убѣдились въ безцѣльности своего существованія,—пусть внимнутъ въ жизнь Дарвина. Она, если они желаютъ, объяснитъ имъ многое и можетъ навести ихъ на многія поучительныя размышленія. Дарвинъ, конечно, зналъ науку не хуже всякихъ пессимистовъ, и, однако же, онъ нашелъ въ ней еще кое-что другое, кромѣ *vanitas vanitatum*. Изъ этой самоотверженной и непоколебимой правдивости, изъ этой глубокой ученой добросо-

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

вѣстности вытекали и другія прекрасныя качества Дарвина, которыя такъ восхищали всѣхъ лично знавшихъ его и окружали обаятельнымъ ореоломъ его личность. Это именно: отсутствіе самоувѣнія и гордой, нетерпимой самоувѣренности, а самая трогательная и даже чрезмѣрная скромность и самоотверженная готовность сразу же признать свои ошибки, вниманіе и уваженіе ко всякимъ мнѣніямъ, хотя бы и враждебнымъ, и признаніе чужихъ заслугъ, какъ бы скромны онѣ ни были; отсутствіе всякаго соперничества, зависти и заботы о первенствѣ открытій и готовность повѣрить всякому и безъ всякихъ опасеній свои новыя мысли, новые факты и открытія; наконецъ, исполненное достоинства и благородства отношеніе къ ученымъ противникамъ, причемъ все вниманіе сосредоточивалось только на дѣлѣ, съ устраненіемъ всего личнаго, всякаго самолюбія, обидчивости или истительности.

Что во многихъ случаяхъ, если даже не въ большинствѣ ихъ, стимуломъ ученой дѣятельности служатъ, помимо любви къ знанію, еще честолюбіе, желаніе извѣстности и славы и другіе болѣе прозаическіе разсчеты, — это само по себѣ еще не большая бѣда и нисколько не унижаетъ такихъ ученыхъ; но тѣмъ болѣе возвышаются въ нашихъ глазахъ люди, научная дѣятельность которыхъ стимулируется одною только чистою любовью къ знанію, однимъ стремленіемъ къ исканію истины. Дарвинъ съ трогательно-простодушною откровенностью сознается, что и онъ въ своей ученой дѣятельности сначала руководился честолюбіемъ и что только впоследствии ему удалось освободиться отъ этой слабости. «Насколько я могу судить о себѣ,—пишетъ онъ въ *Автобіографіи*,—я до изнеможенія работалъ во время путешествія единственно изъ удовольствія, доставляемаго изслѣдованіями, и побуждаемый желаніемъ прибавить хоть нѣсколько фактовъ къ большой массѣ ихъ, собранной въ естественныхъ наукахъ. Но, въ то же время, у меня было честолюбивое желаніе занять подобающее мѣсто между учеными; но было ли мое честолюбіе больше или меньше, чѣмъ у большинства моихъ ученыхъ соотечественниковъ, объ этомъ я не могу судить. Геологія Сантъ-Яго очень поразительна, но проста: потокъ лавы прежде разливался по дну моря, состоявшему изъ разрушенныхъ современныхъ раковинъ и коралловъ, которые отъ дѣйствія лавы спеклись въ твердую бѣлую породу. Потому весь островъ былъ поднятъ. Но паденіе пластовъ бѣлой породы открыло мнѣ новый и важный фактъ, а именно, что впоследствии было опять пониженіе вокругъ кратера, который послѣ того былъ въ дѣйствіи и изливалъ лаву. Тогда въ первый разъ у меня мелькнула мысль, что я могъ бы написать книгу о геологіи разныхъ посѣщенныхъ мною странъ, и я затрепеталъ отъ восторга. Это былъ часъ достопамятный для меня, и какъ я отчетливо могу припомнить невысокую скалу лавы, у которой я стоялъ, облитую горячимъ солнцемъ, нѣсколько странныхъ уединенныхъ растений, росшихъ неподалеку, и живыхъ коралловъ въ лужахъ, образованныхъ приливомъ и лежавшихъ у моихъ ногъ. Во время дальнѣйшаго путешествія Фицъ-Рой попросилъ меня прочесть нѣсколько выдер-

жекъ изъ моего дневника и заявилъ, что его стоило бы напечатать. Вотъ оказалась въ виду и другая книга! Еъ концу путешествія я получилъ во время пребыванія на островѣ Вознесенія письмо, въ которомъ мои сестры сообщали мнѣ, что Седжвикъ видѣлся съ моимъ отцомъ и сказалъ ему, что изъ меня выйдетъ выдающійся ученый. Я въ то время никакъ не могъ понять, какимъ образомъ онъ могъ узнать что-нибудь о моихъ работахъ; но впослѣдствіи, кажется, я слышалъ, что Генсло читалъ нѣкоторыя изъ моихъ писемъ къ нему въ Кембриджскомъ философическомъ обществѣ и напечаталъ ихъ частнымъ образомъ для раздачи членамъ общества. Моя коллекція ископаемыхъ костей, посланная Генсло, также обратила на себя вниманіе палеонтологовъ. По прочтеніи этого письма я запрыгалъ по горамъ Вознесенія, и вулканическія скалы звучали подъ ударами моего геологическаго молотка. Все это показываетъ, до какой степени я былъ честолюбивъ; но я могу по правдѣ сказать, что хотя я въ высшей степени дорожилъ одобреніемъ такихъ людей, какъ Лайелль или Гукеръ, бывшихъ моими друзьями, однако, не много заботился о мнѣніи массы публики. Я не хочу сказать этимъ, чтобы благоприятный отзывъ или быстрая продажа моихъ книгъ не доставляли мнѣ большого удовольствія; но это было мимолетное удовольствіе, и я увѣренъ, что я никогда ни на волосъ не уклонился отъ своего пути для того, чтобы добиться славы» (v. I, p. 65 — 67). Въ письмѣ къ своему родственнику и другу юности Фоксу онъ пишетъ: «Вы оказываете мнѣ несправедливость, когда думаете, будто я работаю для славы; конечно, я и ее цѣню до известной степени, но насколько я знаю себя, я работаю по какому-то инстинкту, побуждающему меня стремиться къ открытію истины» (v. II, p. 150). Дѣйствительно, его любовь къ знанію и къ изслѣдованіямъ была сильнымъ, непреодолимымъ инстинктомъ, бравшимъ перевѣсъ надъ всѣми другими инстинктами.

Достигши того, что казалось ему истиной, Дарвинъ не предавался самообольщенію и не успокоивалъ себя сознаніемъ, что онъ обладаетъ уже полною и несомнѣнною истиной, а, напротивъ, все искалъ новыхъ подтвержденій и присматривался, нѣтъ ли въ ней слабыхъ сторонъ. Въ немъ не было и тѣни того самомнѣнія, той гордой увѣренности въ своей непогрѣшимости и той нетерпимости къ возраженіямъ или презрительнаго отношенія къ нимъ, какими страдали многіе ученые, въ особенности же философы. Такіе ученые и философы воображали, что они обладаютъ ключомъ къ истинѣ и вполне ею овладѣли; возраженій противъ нихъ не должно было быть, а потому всякія возраженія они игнорировали или относились къ нимъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ. Если кто-нибудь не вѣритъ имъ и осмѣливается возражать, тѣмъ хуже для него,—онъ останется во тьмѣ невѣдѣнія и не увидитъ свѣта истины. Дарвинъ представлялъ совершенную противоположность такимъ догматическимъ и нетерпимымъ провозвѣстникамъ новыхъ истинъ. Въ его письмахъ нѣсколько разъ встрѣчаются такія сомнѣнія. Нерѣдко бывали случаи,—говоритъ онъ,—что люди

неглухие цѣлые годы работали надъ какимъ-нибудь предметомъ и составляли теоріи, казавшіяся имъ непреложными, но потомъ оказывалось, что теоріи были плохую фантазіей или нелѣпостью и вся работа ихъ была иллюзіей. «Часто,—сознается онъ,—по мнѣ пробѣгала холодная дрожь при мысли, не принадлежу ли и я къ числу такихъ мономаніаковъ» (письмо къ Карпентеру, в. II, р. 224). Это же самое онъ говоритъ и въ письмѣ къ Ляйеллю (в. II, р. 230). И только мысль о томъ, что такіе ученые и авторитетные изслѣдователи истины, какъ Гукеръ, Ляйелль, Аза-Грей и друг., серьезно смотрятъ на его теорію и считаютъ ее весьма серьезнымъ дѣломъ, успокаивала его и разгоняла его сомнѣнія. Но и за всѣмъ тѣмъ его никогда не покидала мысль, что онъ можетъ ошибаться и что его теорія можетъ встрѣтить непреодолимые затрудненія. Поэтому, разыскивая вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ естествознанія, доказательства своей теоріи и факты, объясняемые ею, онъ съ меньшимъ рвеніемъ искалъ и самъ придумывалъ возраженія противъ нея. Ему, очевидно, хотѣлось постоянно пробовать силу сопротивленія своей теоріи и все новыми и новыми способами. Онъ такъ рассказываетъ объ этомъ въ *Автобіографіи*: «Въ теченіе многихъ лѣтъ я слѣдовалъ золотому правилу—непремѣнно и безотлагательно записывать все противорѣчащее моимъ общимъ результатамъ, будетъ ли то опубликованный фактъ, новое наблюденіе, или же мысль, пришедшая въ голову мнѣ самому; потому что я узналъ по опыту, что такіе факты и мысли гораздо скорѣе ускользаютъ изъ памяти, чѣмъ благоприятныя. Вслѣдствіе этой привычки, противъ моихъ взглядовъ высказано было весьма немного возраженій, на которыя бы я самъ не указалъ и не попытался отвѣтить» (в. I, р. 87). Въ письмахъ къ друзьямъ, которымъ онъ сообщалъ свои воззрѣнія, онъ постоянно проситъ ихъ дѣлать ему замѣчанія и возраженія и указывать, въ чемъ они несогласны съ нимъ и почему. И не только въ письмахъ къ друзьямъ, но и въ печати онъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ твердитъ, что его теорія встрѣчаетъ большія трудности и что есть факты несогласные съ нею. Такая добросовѣстность была тогда же замѣчена и оцѣнена добросовѣстными и правдивыми людьми. Прочитавши въ первый разъ *Происхожденіе видовъ*, Аза-Грей, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, писалъ Дарвину: «Отраднo видѣть человѣка, который, выступая съ новою теоріей, открыто сознается, что онъ встрѣчаетъ трудности, и трудности непреодолимыя, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Я знаю людей, которые никогда не говорятъ ни о какихъ трудностяхъ» (в. II, р. 271). Эта страсть къ возраженіямъ противъ его теоріи доходила у Дарвина до крайности, такъ что многіе друзья упрекали его въ томъ, что онъ придаетъ возраженіямъ ужъ слишкомъ большое значеніе, слишкомъ наираетъ на нихъ и выставляетъ ихъ въ преувеличенномъ свѣтѣ. Въ письмѣ къ Геккею онъ пишетъ: «Вы говорите о томъ, что я слишкомъ много наираю на возраженія противъ моихъ взглядовъ, и нѣкоторые изъ моихъ англійскихъ друзей тоже думаютъ, что я ошибаюсь въ этомъ отношеніи; но истина заставляетъ ме-

на писать такъ, какъ я писалъ, и я смеленъ думать, что это даже блаторазумная политика» (v. III, p. 69).

При такомъ горячемъ желаніи знать всё возможные возраженія противъ себя, Дарвинъ усердно слѣдилъ за всѣми появлявшимися въ печати критиками на его сочиненія и внимательно изучалъ ихъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ критикъ на его главное центральное сочиненіе, *Происхожденіе видовъ*, было очень и очень немного безпристрастныхъ, добросовѣстныхъ и написанныхъ съ знаніемъ дѣла, особенно въ первое время по появленіи въ свѣтъ этого сочиненія. Большинство же критикъ состояло изъ злостныхъ и недобросовѣстныхъ нападокъ скорѣе на автора, чѣмъ на его теорію. Эти критики имѣли въ виду не испытаніе теоріи, не разъясненіе дѣла, а единственно только то, чтобы уронить автора и его теорію въ глазахъ читателей, выставить ихъ въ смѣшномъ или нелѣпомъ видѣ; и все это дѣлалось невѣждами съ нахальствомъ и наглостью, свойственными невѣжеству. Достаточно сказать, что самыми рьяными, злостными критиками Дарвина были англійскіе епископы и вообще духовныя лица, ни юты не смыслившіе въ естественныхъ наукахъ. Печатные противники считали дозволительными всё приемы и всё средства для дискредитированія ненавистной имъ теоріи: перетолкованія, извращенія, навязыванія противнику того, что ему и во снѣ не грезилось, всякаго рода несправедливыя обвиненія, даже простую брань. Въ самомъ лучшемъ случаѣ и самыя лучшія изъ нихъ прибѣгали къ такому маневру: придерутся къ одному какому-нибудь факту и не то чтобы опровергнуть его, а только пошатаютъ его, поговорятъ о немъ, а затѣмъ уже смѣло дѣлаютъ общіе выводы: вотъ каковы факты у Дарвина, вотъ на чемъ утверждается его теорія; она разсыпается въ прахъ при первомъ прикосновеніи и т. д. ad infinitum. Одинъ ботаникъ, описавши уродливую форму одного вида бегонія, очень рѣзко отличающуюся отъ нормальной формы, категорически утверждалъ, что этотъ случай есть смертный приговоръ теоріи Дарвина, которая признаетъ только постепенныя измѣненія и не допускаетъ измѣненій скачками; «нѣсколько такихъ случаевъ, — заключаетъ онъ, — окончателно ниспровергнуть гипотезу Дарвина». Дарвинъ, посылая эту статью для прочтенія Гукеру, пишетъ: «Она кажется мнѣ очень странною; авторъ предполагаетъ постоянное сохраненіе уродливостей, между тѣмъ какъ уродливости вообще безплодны и не часто наследственны. Но примемъ этотъ случай, и тогда окажется, что я былъ слишкомъ остороженъ, не допуская большихъ и внезапныхъ измѣненій» (v. II, p. 275). Нѣкоторые недобросовѣстные критики были написаны до того ловко, бойко, лукаво и зло, что съ перваго раза смущали самого Дарвина. Такова, наприм., была безыменная статья въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи*. По прочтеніи этой статьи онъ писалъ Лайеллю: «Она разстроила меня на цѣлую ночь; но сегодня я справился съ нею и успокоился. Требуется много работы, чтобы понять всю ѣдкую горечь многихъ замѣчаній противъ меня... Онъ безсовѣстно перетолковываетъ многія части. Онъ невѣрно приводитъ нѣкоторыя мѣста и измѣняетъ слова, приводимыя въ

жовныкахъ... Очень непріятно быть ненавидимымъ до такой степени, какъ меня ненавидитъ авторъ критики» (v. II, p. 301). Представлялся прекрасный случай разоблачить недобросовѣстность противника и тѣмъ подорвать довѣріе къ нему и ослабить впечатлѣніе, произведенное ею. Гексли и Гукеръ были того мнѣнія, что на статью необходимо отвѣтить и разоблачить ея недобросовѣстность; но Дарвинъ рѣшился не отвѣчать. Вотъ что писалъ онъ Гукеру: «Я еще разъ прочиталъ статью, сравнилъ выдержки и былъ удивленъ извращеніями и перетолкованіями. Но я радъ, что рѣшился не отвѣчать. Можетъ быть, это эгоистично; но отвѣчать и еще больше думать о предметѣ—слишкомъ непріятно» (v. II, p. 302).

Нужно было имѣть необыкновенную силу воли и самообладанія, чтобы въ виду такихъ скорѣе злостныхъ нападокъ, чѣмъ научныхъ возраженій, сохранить спокойное безпристрастіе и отнестись къ нимъ такъ, какъ они того не заслуживали, т. е. спокойно и безпристрастно, и признать хоть микроскопическую крупинку серьезности и дѣльности, если она оказывалась въ нихъ. И у Дарвина нашлось столько характера и самообладанія. Его честная натура не допускала и мысли о томъ, чтобы платить противникамъ ихъ же монетою, особенно въ дѣлѣ такой священной для него важности, какъ знаніе. Да и дѣйствуя совершенно добросовѣстно, Дарвинъ могъ бы легко отражать удары противниковъ и съ своей стороны наносить имъ болѣе чувствительные удары: разоблачивши ихъ недобросовѣстность, выставивши на-показъ ихъ ошибки и ихъ невѣжество, онъ могъ бы разразиться тирадами въ ихъ же духъ: вотъ-де каковы мои противники, вотъ какое ихъ оружіе и т. д. Но и такіе турниры казались ему недостойными. Онъ всегда оставался вѣрнымъ данному имъ зареку никогда не полемизировать. «Я радъ,—говоритъ онъ въ *Автобіографіи*,—что избѣжалъ полемики, и этимъ я обязанъ Лайеллю, который нѣсколько лѣтъ назадъ настоятельно совѣтовалъ мнѣ по поводу моихъ геологическихъ сочиненій никогда не вступать въ полемику, такъ какъ она рѣдко приводитъ къ чему-нибудь хорошему и причиняетъ жалкую потерю времени и порчу крови» (v. I, p. 89). Онъ читалъ критику съ единственною цѣлью найти какое-нибудь новое возраженіе противъ себя или какое-нибудь полезное указаніе въ свою пользу; выходилъ же, ѣдкости, брань и т. п. онъ оставлялъ безъ вниманія. Поэтому если въ критику находились такіе возраженія и указанія, то онъ дѣлалъ на ней надпись: «имѣть въ виду при слѣдующемъ изданіи». И какъ онъ радъ былъ подобнымъ критикамъ, какъ восхвалялъ ихъ! Наприм., въ письмѣ къ Аза-Грею онъ съ восторгомъ говоритъ о направленной противъ его теоріи статьѣ извѣстнаго женевского ученаго Пикте. «Изъ всѣхъ враждебныхъ критикъ это единственная вполне добросовѣстная, а я ужъ было не ожидалъ увидѣть ни одной подобной». Сынъ рассказываетъ, что противъ одного изъ возраженій въ этой статьѣ Дарвинъ сдѣлалъ двѣ отмѣтки карандашомъ и написалъ good (v. II, p. 297). Но такіе критики были рѣдкими исключеніями; на большинствѣ критикъ онъ надписывалъ «ничего новаго» или же просто ставилъ 0. Единственною от-

месткой, которую онъ позволялъ относительно своихъ противниковъ, были только добродушные остроты и юмористическія замѣчанія на ихъ счетъ, да и то только въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ. Такъ, наприм., въ одномъ письмѣ къ Лайеллю онъ сдѣлалъ такую приписку: «Въ одной нѣмецкерской газетѣ кто-то ловко посмѣялся надо мною, увѣряя, будто бы я доказалъ, что «сила есть право» и что, такимъ образомъ, Наполеонъ правъ (писано въ 1860 г.) и всякій безчестный торговецъ тоже правъ» (v. II, p. 262). Броннъ присоединилъ къ своему нѣмецкому переводу *Происхожденія видовъ* цѣлую главу, въ которой выставилъ нѣсколько возраженій противъ теоріи Дарвина. Посылая Лайеллю англійскій переводъ этихъ возраженій, Дарвинъ пишетъ: «Онъ (Броннъ) выставляетъ противъ меня, повидимому, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, вѣскій фактъ, что я не могу объяснить, почему одна крыса имѣетъ болѣе длинный хвостъ, а другая болѣе длинныя уши и проч. Онъ, кажется, воображаетъ, будто эти части все не измѣняются вмѣстѣ, или такъ что одна часть измѣняется незамѣтно настолько прежде другихъ, что измѣненія происходятъ на дѣлѣ какъ бы одновременно. Я съ своей стороны могъ бы спросить креациониста (принимавшаго сверхъестественное сотвореніе каждаго вида отдѣльно), допускаетъ ли онъ, что эти различія у двухъ крысъ приносятъ имъ какую-либо пользу или находятся въ какомъ-либо отношеніи къ законамъ роста, и если онъ допускаетъ это, то, конечно, естественный подборъ можетъ здѣсь начать свое дѣйствіе. Тотъ, кто думаетъ, что животныя созданы несходными только для удовольствія или разнообразія, какъ человекъ измѣняетъ по модѣ свое платье, не признаетъ никакой силы въ моемъ *argumentum ad hominem*» (v. II, p. 346—7). И далѣе онъ перечисляетъ ошибки Бронна, его непониманіе и перетолкованіе многихъ пунктовъ въ переведенномъ имъ сочиненіи. Агассицъ написалъ противъ теоріи Дарвина очень плохую статью, съ самыми жалкими аргументами. Дарвинъ отлично понималъ, что голосъ такого авторитета имѣетъ большой вѣсъ и можетъ сильно замедлить распространеніе новой теоріи. Поэтому расчетливая политика требовала отпарировать возраженія Агассица и показать всю ихъ ничтожность, что весьма легко и можно было сдѣлать при ихъ дѣйствительной ничтожности. Но Дарвинъ, уважая ученые заслуги Агассица, не послѣдовалъ такой политикѣ и рѣшился не отвѣчать ему. Въ письмѣ къ Аза-Грею онъ говоритъ: «Я удивляюсь, какъ Агассицъ не могъ написать чего-нибудь получше. Какъ нелѣпа его логическая придирка: «а если виды не существуютъ, то какъ же они могутъ измѣняться?» Какъ будто кто-нибудь сомнѣвается въ ихъ временномъ существованіи! Какъ онъ преспокойно утверждаетъ, что существуетъ рѣзко опредѣленное различіе между индивидуальными разностями и разновидностями. И не странно ли, что человекъ, считающій тождественныя формы отдѣльными видами, когда онъ находится въ двухъ странахъ, не можетъ найти измѣненій въ природѣ? И затѣмъ какъ нерационально предполагать, что домашнія разновидности, подбираемыя человекомъ для своего удовольствія, сходны съ естественными разновидностями

шли видами. Вообще вся статья кажется мнѣ жалкою; по-моему, она едва ли заслуживаетъ подробнаго отвѣта (если бы даже я и захотѣлъ отвѣчать, то сомнѣваюсь, нашлось ли бы во мнѣ ваше искусство выбирать самыя выдающіеся пункты и пригвоздить ихъ) и, притомъ, вы уже отвѣтили на нѣсколько пунктовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Агассица имѣетъ большой вѣсъ противъ насъ» (v. II, p. 333). Геологъ Седжвикъ, бывший вначалѣ руководителемъ Дарвина по части геологіи, напечаталъ противъ его теоріи очень рѣзкую статью и въ концѣ ея разразился такою діатрибой: «Въ заключеніе я не могу не выразить моего отвращенія къ этой теоріи, потому что она есть крайній матеріализмъ, потому что она уклонилась отъ индуктивнаго пути, единственнаго ведущаго къ физической истинѣ, потому что она совершенно отрицаетъ конечныя причины и такимъ образомъ свидѣтельствуетъ о деморализованномъ умѣ ея защитниковъ. Я не думаю, чтобы Дарвинъ былъ атеистомъ, хотя и не могу не считать его матеріализмъ атеистическимъ. Я считаю его ложнымъ, потому что онъ противорѣчитъ очевидному ходу природы и совершенно противоположенъ индуктивной истинѣ. Я нахожу его очень зловреднымъ». По поводу этой статьи Дарвинъ такъ писалъ Ляеллю: «И сколько перетолкованій моихъ понятій! Каконибудь несвѣдущій человекъ можетъ вообразить, что я *первый* пустилъ въ ходъ доктрину, что перерывы между послѣдовательными формациями обозначаютъ длинныя промежутки времени. Это очень недобросовѣстно. Но бѣдный, дорогой старикъ Седжвикъ, кажется, просто пришелъ въ бѣшенство въ этомъ дѣлѣ. «Деморализованный умъ»! Если бы мнѣ когда-либо привелось поговорить съ нимъ, я бы ему сказалъ, что до настоящаго времени я бы ни за что не могъ повѣрить, чтобы инквизиторъ могъ быть добрымъ человекомъ; теперь же я знаю, что человекъ можетъ изжарить своего ближняго и, все-таки, имѣть такое доброе и благородное сердце, какъ у Седжвика» (v. II, p. 297—8). Другіе критики въ такомъ же родѣ представляли Дарвина просто сумасброднымъ человекомъ и его теорію считали позоромъ для естествознанія.

Дарвинъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ скоро забылъ всѣ эти несправедливыя и недобросовѣстныя критики и сохранилъ въ своемъ воспоминаніи только немногія критики противоположнаго характера, какъ будто только онѣ однѣ и были писаны противъ него. Въ своей *Автобіографіи* онъ говоритъ: «Мои критики почти всегда относились ко мнѣ добросовѣстно, не говоря о тѣхъ, которые не имѣли научныхъ знаній, какъ о нестоящихъ вниманія. Мои взгляды часто подвергались грубымъ перетолкованіямъ, ихъ осмѣивали и противъ нихъ горячо возставали, но все это вообще дѣлалось, по моему мнѣнію, добросовѣстно» (v. I, p. 89). Если же самому Дарвину приходилось по необходимости возражать печатно своимъ противникамъ или, лучше сказать, отвѣчать на ихъ возраженія, то онъ дѣлалъ это съ большимъ достоинствомъ, со скромностью и съ сохраненіемъ полнаго уваженія къ противнику; онъ не позволялъ себѣ ни одного слова, ни одного намека, могшаго оскорбить самолюбіе противника, а, напротивъ

говорилъ такимъ тономъ, что возраженіе какъ будто дѣлало честь противнику и отвѣтъ на него имѣлъ видъ благодарности. Но нѣкоторые изъ ближайшихъ приверженцевъ и друзей Дарвина, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, не обладали сдержанностью и самообладаніемъ своего учителя и на рѣзкія нападенія противниковъ отвѣчали тоже очень рѣзко, съ запальчивостью и сами съ своей стороны переходили въ ожесточенное нападеніе. Такая полемика сильно не нравилась Дарвину и онъ имъ высказывалъ это, конечно, съ самою деликатною осторожностью, со всевозможными оговорками, смягченіями и извиненіями. Такъ, въ письмѣ къ Геккелю по поводу его *Generelle Morphologie*, высказавши свое удивленіе поразительной ясности и отчетливости въ развитіи общихъ принциповъ происхожденія видовъ и борьбы за существованіе и признавши, что мысли Геккеля объ этихъ предметахъ гораздо яснѣе, чѣмъ его собственныя, Дарвинъ продолжаетъ: «Я надѣюсь, вы не сочтете за дерзость, если я сдѣлаю одно критическое замѣчаніе: нѣкоторые изъ вашихъ замѣчаній о разныхъ авторахъ кажутся мнѣ слишкомъ строгими, хотя я и не могу быть компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ я очень слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Но и отъ разныхъ выдающихся авторитетовъ и поклонниковъ вашего сочиненія я тоже слышалъ жалобы на суровость вашей критики. Это кажется мнѣ очень прискорбнымъ, такъ какъ я уже давно замѣтилъ, что большая суровость располагаетъ читателей принимать сторону нападаемаго лица. Я помню нѣсколько случаевъ, въ которыхъ рѣзкость производила дѣйствіе, прямо противоположное ожидавшемуся. Я увѣренъ, что нашъ добрый другъ Гексли хотя и имѣетъ большое вліяніе, но имѣлъ бы еще гораздо бѣльшее, если бы онъ былъ умѣреннѣе и менѣе часто переходилъ въ нападеніе. Такъ какъ вы, навѣрное, будете играть большую роль въ наукѣ, то позвольте мнѣ, какъ старому человѣку, убѣдительно просить васъ подумать о томъ, что я осмѣлился сказать вамъ. Я знаю, что легко читать наставленія и я не боюсь сказать, что если бы я имѣлъ способность писать съ надлежащею рѣзкостью, то ставилъ бы мой триумфъ въ томъ, чтобы выворотить наружу внутренность какого-нибудь жалкаго писака и разоблачить всю его нечѣстность. Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что эта способность не приводитъ ни къ чему хорошему и только причиняетъ неудовольствіе. Я могу прибавить, что такъ какъ мы ежедневно видимъ, что люди, выходя изъ однихъ и тѣхъ же предположеній, приходятъ къ противоположнымъ результатамъ, то мнѣ кажется недостаточно осторожнымъ слишкомъ положительно говорить о какомъ-нибудь сложномъ предметѣ, какъ бы человѣкъ ни былъ убѣжденъ въ вѣрности своихъ собственныхъ заключеній. Можете ли вы теперь простить мнѣ мою смѣлость? Хотя мы встрѣчались съ вами только одинъ разъ, но я пишу вамъ какъ старому другу, потому что таковы мои чувства къ вамъ» (*E. Krause: «Charles Darwin u. sein Verhältniss zu Deutschland», S. 156—7.*)

Былъ, однако же, одинъ случай, когда даже Дарвинъ вышелъ изъ себя и былъ возмущенъ заносчивою, но совершенно голословною и нечѣстною кри-

тикой его теоріи; на эту критику онъ отвѣтилъ и даже было позволилъ себѣ рѣзкость въ своемъ отвѣтѣ. Сэръ Уильямъ Томсонъ въ предисловіи къ описанію результатовъ знаменитой экспедиціи Challenger, снаряженной англійскимъ правительствомъ, высказалъ положеніе, что характеръ морской глубоководной фауны не даетъ ни малѣйшей опоры для теоріи Дарвина, не показываетъ слѣдовъ измѣняемости и подбора. Дарвинъ отвѣчалъ письмомъ, напечатаннымъ въ *Nature*. Отвѣтъ проникнуть тонкою, но злою и ѣдкою проноіей и доводитъ возраженіе до абсурда. Въ немъ рисуется такая сцена, будто Томсонъ является къ скотоводу или къ конному заводчику и видитъ, что всѣ экземпляры скота или лошадей настоящіе чистокровные, т.-е. всѣ почти одинаковы, и потому говоритъ заводчику: я не вижу здѣсь никакихъ доказательствъ измѣняемости животныхъ и не нахожу основанія вѣрить, что вы при разведеніи вашихъ животныхъ руководствовались принципомъ подбора. Заводчикъ, конечно, смолчалъ бы,—продолжаетъ Дарвинъ,—но, рассказывая впослѣдствіи эту исторію другимъ своимъ товарищамъ, онъ, конечно, отозвался бы о такомъ естественспытателѣ въ сильныхъ, но непочтительныхъ выраженіяхъ. Въ такомъ видѣ было напечатано письмо; но въ рукописи въ немъ была еще прибавка, были приведены слова Седжвика о неуязвимости тѣхъ людей, которые пишутъ о томъ, чего сами не понимаютъ. Но Дарвинъ вычеркнулъ это мѣсто, какъ рассказываетъ сынъ, по совѣту одного друга, и, какъ нарочно, того самаго друга, котораго Дарвинъ порицалъ иногда за критическую рѣзкость и воинственность. Сынъ не называетъ по имени этого друга; но не трудно догадаться, что это былъ Гексли (v. III, p. 243).

Не менѣе блестящимъ образомъ выразилась правдивость и возвышенность натуры Дарвина, чуждой всякаго мелкаго соперничества и честолюбивыхъ тенденцій, въ его отношеніяхъ къ Уоллесу и въ томъ, какъ они разрѣшили между собою вопросъ о первенствѣ авторскихъ правъ на теорію происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора. Это одна изъ самыхъ отрадныхъ страницъ въ исторіи науки и она производитъ тѣмъ болѣе пріятное и успокоивающее впечатлѣніе, что такія страницы очень рѣдки. Достаточно припомнить, какъ некрасиво и какъ мелочно спорили между собою о томъ, кто первый изъ нихъ придумалъ дифференціальное исчисленіе, даже такіе великіе умы, какъ Ньютонъ и Лейбницъ, не говоря уже о тѣхъ частыхъ недостойныхъ ссорахъ и перебранкахъ, которыя ведутся между мелкочестолюбивыми учеными по поводу первенства въ открытіяхъ. Какой свѣтлый и привлекательный контрастъ со всѣмъ этимъ представляютъ Дарвинъ и Уоллесъ! Дарвинъ и Уоллесъ шли одною ученою дорогой, занимаясь одинаковыми вопросами объ измѣненіи видовъ, о географическомъ распредѣленіи организмовъ, о приспособленіи ихъ къ окружающимъ условіямъ и т. п., и одинаковымъ образомъ собирали матеріалы для ихъ разрѣшенія, главнымъ образомъ, собственными наблюденіями во время своихъ далекихъ путешествій. Они вели между собою ученую переписку и обмѣнивались мыслями, наблюденіями и результатами ихъ. Уоллесъ работалъ (въ 1855 г.) въ Малай-

скомъ архипелагѣ и напечаталъ статью о *Законѣ, который регулируетъ возникновеніе новыхъ видовъ*, въ которой, основываясь на томъ фактѣ, что въ разныхъ странахъ свѣта существуютъ животныя виды, близко родственныя между собою, но не совершенно одинаковыя, такъ что виды одной страны хотя и сходны съ видами другой, но, въ то же время, представляютъ и явственныя различія, — утверждаетъ, что сходство ихъ объясняется тѣмъ, что они произошли отъ одного прародителя и были вначалѣ одинаковы, но потомъ, переселившись въ разныя страны, стали измѣняться подъ вліяніемъ иныхъ условій, чѣмъ и объясняется существующая разница между ними. По поводу этой статьи Дарвинъ писалъ Уоллесу: «Мнѣ очень пріятно, что вы занимаетесь распредѣленіемъ, имѣя въ виду теоретическія идеи. Я вполне увѣренъ, что безъ теоретическихъ воззрѣній не можетъ быть дѣльнаго и оригинальнаго наблюденія. Немногіе путешественники обращали вниманіе на тѣ пункты, которыми вы теперь занимаетесь; да и разработка вопроса о распредѣленіи животныхъ страшно отстала отъ разработки того же вопроса о растеніяхъ. Вы говорите, васъ нѣсколько удивило то, что ваша статья въ *Annals (Nat. Hist., 1885)* не была замѣчена. Я же не удивляюсь этому, потому что очень немногіе натуралисты интересуются чѣмъ-нибудь дальше простаго описанія видовъ. Но вы не думайте, что ваша статья не обратила на себя вниманія; два такихъ почтенныхъ человека, какъ сэръ Ч. Ляйелль и Е. Блисъ въ Калькутѣ, мнѣ ее особенно рекомендовали. Я согласенъ съ вашими заключеніями, изложенными въ статьѣ; но, мнѣ кажется, я иду гораздо дальше, чѣмъ вы, хотя это была бы длинная исторія излагать вамъ мои теоретическія воззрѣнія» (v. II, p. 108). И дѣйствительно, въ это время Дарвинъ ушелъ уже гораздо дальше Уоллеса. Тогда какъ послѣдній дошелъ еще только до первыхъ проблесковъ и зачатковъ теоріи происхожденія видовъ, Дарвинъ уже вполне развилъ и закончилъ ее и собралъ необозримую массу матеріаловъ для ея разъясненія и подтвержденія, потрудившись надъ этимъ дѣломъ уже болѣе 20 лѣтъ. Его близкими друзьями и многимъ ученымъ, находившимся съ нимъ въ постоянной перепискѣ, его теорія уже была извѣстна во всѣхъ существенныхъ чертахъ и они уже отчасти приняли ее, а отчасти расположены были принять. Между прочимъ, систематическій и самый общій очеркъ ея былъ сдѣланъ Дарвиномъ въ письмѣ къ Аза-Грею. Дарвинъ откладывалъ обнародованіе своей теоріи до того времени, когда имъ будетъ окончательно обработана вся масса аргументовъ, всѣ факты въ ея пользу и когда она получитъ возможность явиться въ свѣтъ во всеоружіи своей силы и убѣдительности. Но друзья Дарвина, въ особенности Ляйелль, послѣ многихъ настояній и совѣтовъ убѣдили его, наконецъ, изложить ее хоть въ сокращенномъ видѣ, съ опущеніемъ большихъ подробностей. Дарвинъ занялся этимъ сокращеннымъ изложеніемъ теоріи (1856 г.), которое по его плану и расчету должно было составить книгу въ три или четыре раза больше, чѣмъ напечатанное имъ впоследствии *Происхожденіе видовъ*. Во время этой работы онъ получилъ отъ Уоллеса (1858 г.), работавшаго въ

Малайскомъ архипелагѣ, рукописную статью его *О стремленіи разнообразностей безгранично уклоняться отъ первоначальнаго типа*. Въ этой статьѣ кратко была изложена теорія происхожденія видовъ, почти буквально сходная съ дарвиновской, такъ что, по выраженію Дарвина, «если бы Уоллесъ читалъ рукописное изложеніе моей теоріи, сдѣланное въ 1842 г., то не могъ бы сдѣлать лучшаго краткаго извлеченія изъ него; даже его термины стоятъ въ заголовкѣ моихъ главъ» (v. II, p. 116). Уоллесъ просилъ Дарвина прочесть статью и передать ее для прочтенія Ляйеллю, если онъ найдетъ ее заслуживающею этого. Присылка этой статьи какъ громомъ поразила Дарвина и поставила его въ страшное затрудненіе. Онъ съ грустью увидалъ, что его теорія—плодъ 20-ти лѣтнихъ трудовъ лучшей его жизни—предвосхищена, и ему самому первому приходится констатировать это и вывести въ свѣтъ чужую опередившую теорію. Статья Уоллеса находилась у него въ рукахъ, и хотя самъ Уоллесъ ничего не говорилъ о своемъ желаніи напечатать ее, но Дарвинъ принесть въ жертву свое первенство и рѣшился убѣдить Уоллеса непремѣнно напечатать статью. И такъ, статья выйдетъ въ свѣтъ, явится новая самостоятельная теорія, а его любимое дѣтище, имѣющее несравненно большій возрастъ и вполне сложившуюся, отчетливую и стройную фязіономію, явится когда-то потомъ въ видѣ подробнаго развитія чужой теоріи. А напечатать теперь же краткое изложеніе своей теоріи было бы безчестно, значило бы злоупотреблять довѣрчивостью Уоллеса, и, кромѣ того, все-таки, будетъ возможность подозрѣвать, что теорія заимствована у Уоллеса. Счастливая случайность дала ему въ руки возможность пошѣзать первенству Уоллеса, а явиться съ собственною теоріей одновременно съ нимъ; ужели же онъ будетъ настолько недобросовѣстенъ, чтобы воспользоваться этою случайностью? Обуреваемый такими сомнѣніями и колебаніями, онъ по своему обыкновенію обратился за совѣтомъ къ друзьямъ, Ляйеллю и Гукеру, и его прекрасныя письма къ нимъ по этому поводу ярко обрисовываютъ всю возвышенную и утонченную деликатность и благородство этого человѣка. Посылая Ляйеллю рукопись Уоллеса, онъ пишетъ: «Пожалуйста возвратите мнѣ потомъ рукопись, относительно которой онъ (Уоллесъ) не говоритъ, что желалъ бы ее напечатать, но я, конечно, напишу ему и предложу напечатать ее въ какомъ-нибудь журналѣ. Такииъ образомъ, вся моя оригинальность, какова бы она ни была, разлетится въ прахъ, хотя моя книга, если только она будетъ имѣть какую-нибудь цѣну, отъ этого нисколько не пострадаетъ; такъ какъ весь трудъ состоитъ въ примѣненіи теоріи» (v. II, p. 116). Черезъ недѣлю онъ писалъ ему же по этому поводу слѣдующее: «Въ статьѣ Уоллеса нѣтъ ничего, что не было бы изложено въ очеркѣ моей теоріи, который я написалъ въ 1844 г. и который былъ читанъ Гукеромъ около десяти лѣтъ назадъ. Около года назадъ я послалъ краткій очеркъ, копія съ котораго имѣется у меня, моихъ взглядовъ Аза-Грею, такъ что я совершенно справедливо могу сказать и доказать, что я ничего не заимствовалъ у Уоллеса. Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно напечатать очеркъ моихъ общихъ

взглядовъ въ десятокъ страницъ; но я не могу убѣдить себя, чтобы это было добросовѣстно съ моей стороны. Уоллесъ ничего не говоритъ о публикованіи и я прилагаю при семъ его письмо. Но такъ какъ я самъ не имѣлъ намѣренія публиковать какой бы то ни было очеркъ, то добросовѣстно ли будетъ съ моей стороны публиковать очеркъ теперь вслѣдствіе того, что Уоллесъ прислалъ мнѣ краткое изложеніе своего ученія? Я скорѣе готовъ смеять всю мою книгу, чѣмъ допустить, чтобы онъ или кто-нибудь другой могъ подумать, что я дѣйствовалъ недостойнымъ образомъ. Какъ вы думаете, ужели присылка имъ мнѣ своей статьи не связываетъ мнѣ рукъ?... Если бы я могъ напечатать свой очеркъ съ сохраненіемъ собственнаго достоинства, то я завилъ бы, что къ этому меня побудило то, что Уоллесъ прислалъ мнѣ очеркъ своихъ общихъ заключеній, и я былъ бы очень радъ, если бы мнѣ дозволено было сказать, что я слѣдовалъ при этомъ вашему совѣту, уже давно данному мнѣ. Мы разнись съ нимъ только въ томъ, что я пришелъ къ своимъ взглядамъ путемъ наблюденій надъ тѣмъ, что сдѣлалъ естественный подборъ для домашнихъ животныхъ. Мнѣ хотѣлось бы послать Уоллесу копію моего письма къ Аза-Грею, чтобы показать ему, что я не укралъ его доктрину. А, все-таки, я не могу сказать, чтобы публикованіе теперь не было дѣломъ низкимъ и недостойнымъ. Это было мое первое впечатлѣніе, согласно съ которымъ я и поступилъ бы, и теперь отступаю отъ него только въ письмѣ къ вамъ. Я беспокою васъ изъ-за такихъ пустыхъ вещей; но я не могу выразить, какъ я былъ бы вамъ благодаренъ за вашъ совѣтъ» (v. II, p. 117—118). Наконецъ, онъ предоставилъ все это дѣло на разрѣшеніе Ляйелля и Гукера, чтобы они устроили все по своему усмотрѣнію, какъ хотятъ сами, и онъ напередъ подчинялся ихъ рѣшенію. А они рѣшили такимъ образомъ: сдѣлать одну коллективную статью, состоящую изъ упомянутаго краткаго очерка теоріи Дарвина, изъ письма его къ Аза-Грею съ краткимъ изложеніемъ теоріи и, наконецъ, изъ присланной Дарвину статьи Уоллеса. Составленной такимъ образомъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей коллективной статьи было дано такое общее заглавіе: *О стремленіи видовъ производитъ разнообразности и объ утвержденіи видовъ путемъ естественнаго подбора*, и она была представлена Ляйеллемъ и Гукеромъ Линнеевскому обществу при письмѣ къ секретарю общества, разъяснявшемъ всѣ обстоятельства дѣла. Въ немъ названные ученые писали, между прочимъ: «Дарвинъ такъ высоко цѣнилъ взгляды, изложенные въ присланной ему статьѣ, что въ письмѣ къ Ляйеллю предложилъ обратиться къ Уоллесу и просить его согласія на немедленное напечатаніе его статьи. Мы вполне одобрили этотъ поступокъ, но съ условіемъ, чтобы и самъ Дарвинъ не скрывалъ долѣе отъ публики, — что онъ очень склоненъ былъ сдѣлать (въ пользу Уоллеса), — и своего мемуара, который читалъ еще въ 1844 г. одинъ изъ насъ и съ содержаніемъ котораго мы оба были знакомы уже нѣсколько лѣтъ. Когда мы представили это Дарвину, онъ далъ намъ дозволеніе сдѣлать изъ его мемуара употребленіе, какое мы сочтемъ нужнымъ. Поступая такимъ

образомъ и представляя мемуаръ Линнеевскому обществу, мы объявили Дарвину, что мы при этомъ имѣли въ виду не только относительныя права на первенство его самого и его друга, но и интересы науки вообще; такъ какъ мы признаемъ желательнымъ, чтобы взгляды, основанные на обширныхъ заключеніяхъ, выведенныхъ изъ фактовъ, и разрабатываемые въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ можно скорѣе сдѣлались центральнымъ пунктомъ, изъ котораго могли бы исходить другіе, и чтобы пока ученый міръ будетъ ждать появленія полнаго сочиненія Дарвина, были одновременно опубликованы хоть нѣкоторые изъ руководящихъ результатовъ какъ его самого, такъ и его уважаемаго корреспондента». Коллективная статья была напечатана въ августовской книжкѣ *Журнала Линнеевскаго Общества* за 1858 годъ.

Впослѣдствіи, когда уже было напечатано *Происхожденіе видовъ*, Дарвинъ писалъ Уоллесу: «Прежде чѣмъ говорить вамъ объ успѣхахъ, какіе дѣлаетъ теорія въ публикѣ, позвольте мнѣ высказать мое удивленіе тому благородному тону, которымъ вы говорите о моей книгѣ. Многіе люди въ вашемъ положеніи чувствовали бы хоть нѣсколько зависти или ревности. Но вы вполне свободны отъ этого обыкновеннаго недостатка людей. За то вы ужъ слишкомъ скромно говорите о себѣ. Если бы вы имѣли досугъ, вы написали бы сочиненіе такое же и даже, можетъ быть, лучшее, чѣмъ написалъ я» (v. II, p. 309). Съ своей стороны и Уоллесъ впослѣдствіи въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій напечаталъ слѣдующее: «Въ теченіе моей жизни я чувствовалъ — да и теперь чувствую — самое искреннее удовольствіе при мысли, что Дарвинъ задолго до меня началъ работу и что не мнѣ досталось на долю написать *Происхожденіе видовъ*. Я давно измѣрялъ мои собственныя силы и прекрасно знаю, что онѣ недостаточны для такой задачи. Люди, гораздо болѣе способные, чѣмъ я, соглаются, что и они не имѣютъ такого неутомимаго терпѣнія для того, чтобы накопить громадную массу самыхъ разнообразныхъ фактовъ, такого удивительнаго искусства пользоваться ими, такихъ обширныхъ и точныхъ физиологическихъ познаній, такого остроумія въ придумываніи и такого искусства въ производствѣ экспериментовъ, такого достойнаго удивленія, яснаго, убѣдительнаго и критическаго стиля изложенія, тѣхъ свойствъ, которыя въ ихъ гармоническомъ соединеніи сдѣлали Дарвина человекомъ, изъ всѣхъ нынѣ живущихъ ученыхъ наиболѣе способнымъ на великое дѣло, которое онъ предпринялъ и совершилъ» (приведено у *Krause*, S. 86).

Вотъ какъ относились другъ къ другу два ученыхъ соперника, два ремесленника, занимавшіеся не только однимъ и тѣмъ же ремесломъ, но и одинаковою отраслью ремесла и даже однимъ и тѣмъ же издѣліемъ, теоріей происхожденія видовъ. Вотъ какова была ихъ *jalousie de metier*!

Подобные случаи, когда Дарвинъ опережалъ другихъ въ открытіи новыхъ фактовъ или въ новомъ объясненіи уже извѣстныхъ фактовъ, а другіе только опережали его опубликованіемъ этихъ фактовъ и объясненій, хотя они пришли къ нимъ гораздо позже Дарвина, повторялись неоднократно. Но такіе случаи Дарвинъ совершенно оставлялъ безъ вниманія и

не заявлялъ о своихъ правахъ на первенство. Такъ, въ *Автобиографіи* онъ сознается, что для его суетности было очень непріятно и онъ всегда сожалѣлъ о томъ, что его опередили въ одномъ важномъ пунктѣ. Это именно было объясненіе вліяніемъ ледниковаго періода присутствія однихъ и тѣхъ же видовъ растений и нѣкоторыхъ немногихъ животныхъ на далеко отстоящихъ одна отъ другой горныхъ вершинахъ. «Этотъ взглядъ,—говоритъ онъ,—нравился мнѣ до такой степени, что я подробно изложилъ его на бумагѣ, и, кажется, Гукеръ читалъ это изложеніе за нѣсколько лѣтъ до того, какъ Е. Форбесъ опубликовалъ свой знаменитый мемуаръ объ этомъ предметѣ. Въ тѣхъ немногихъ пунктахъ, въ которыхъ мы расходились съ нимъ, я думаю, что я былъ правъ. Я, конечно, никогда даже и не намекалъ въ печати, что я самостоятельно выработалъ этотъ взглядъ» (v. I, p. 88). Въ письмѣ къ Аза-Грею онъ такъ писалъ о томъ же предметѣ: «Наступившій ледниковый періодъ вытѣснилъ далеко на югъ всѣ живыя существа; средняя и даже южная Европа населилась арктическими формами; но когда возвратилось тепло, арктическія формы медленно взбирались на горы, по мѣрѣ того какъ послѣднія освобождались отъ снѣга, и мы видимъ теперь на ихъ вершинахъ остатки нѣкогда непрерывной флоры и фауны. Такова теорія Е. Форбеса, которую, сказать мимоходомъ, я выработалъ и изложилъ на бумагѣ за четыре года до того, какъ ее опубликовалъ Е. Форбесъ» (v. II, p. 135—136).

Нашелся, однако, безвѣстный ученый или собственно техникъ, Патрикъ Матью, который затѣялъ съ Дарвинымъ споръ о первенствѣ въ открытіи естественнаго подбора, и, несмотря на то, что доказательства его правъ на первенство были очень сомнительны и ничтожны, Дарвинъ очень снисходительно и любезно отнесся къ его претензіи и на его заявленіе напечаталъ слѣдующій отвѣтъ въ видѣ письма къ издателю *Gardeners Chronicle*: «Я былъ очень заинтересованъ сообщеніемъ Матью въ номерѣ вашего журнала отъ 7 апрѣля. Я охотно признаю, что онъ на много лѣтъ предупредилъ предложенное мною подъ именемъ естественнаго подбора объясненіе происхожденія видовъ. Я думаю, никто не удивится, что ни я, ни, повидимому, никто другой изъ натуралистовъ не слышали о взглядахъ Матью, такъ какъ они были изложены и появились въ приложеніи къ сочиненію *Naval Timber and Arboriculture*. Все, что я могу сдѣлать, это увѣрить Матью, что я находился въ полномъ невѣдѣніи объ его сочиненіи. Если потребуется второе изданіе моего сочиненія, то я помѣщу въ немъ вышеизложенное» (v. II, p. 302). Дѣйствительно, Дарвинъ исполнилъ это и увѣковѣчилъ, такимъ образомъ, память Матью, хотя это увѣковѣченіе не послужитъ къ чести и славѣ Матью, такъ какъ приведенные Дарвиномъ взгляды его и отрывочныя замѣчанія свидѣтельствуютъ только о значительной безцеремонности его притязаній и о томъ, что эти взгляды разнятся, какъ небо отъ земли, отъ дарвиновской теоріи, хотя Дарвинъ съ обычною ему снисходительностью и скромностью говоритъ, что хотя и есть различіе между его взглядами и Матью; но они не важны. Однако, Матью не

удовлетворился такимъ исходомъ дѣла и продолжалъ жаловаться на недобросовѣстность и несправедливость ученыхъ, считавшихъ отцомъ теоріи естественнаго подбора не его, Матью, а Дарвина.

Какъ Дарвинъ вообще относился къ своимъ предшественникамъ и одновременно съ нѣмъ дѣятелямъ и какъ искренно желалъ отдать должное всякой самой скромной заслугѣ, это показываютъ историческіе очерки успѣховъ теоріи происхожденія видовъ, помѣщавшіеся во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ его главнаго сочиненія. Какъ строго и скромно относился онъ къ себѣ, такъ онъ былъ щедръ на признанія и оцѣнку чужихъ заслугъ, чужихъ сочиненій, работъ, замѣчаній и выводовъ. Какъ въ его печатныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ письмахъ мы находимъ вездѣ если не восторженные, то, во всякомъ случаѣ, слишкомъ щедрыя похвалы другимъ; иногда даже кажется, что въ этихъ похвалахъ какъ будто звучитъ иронія или свѣтскій комплиментъ ничего не значащая вѣжливость. А, между тѣмъ, на дѣлѣ похвалы были совершенно искренни и служили выраженіемъ серьезнаго и правдиваго сужденія, что видно изъ того, что если онъ находилъ въ хваленомъ сочиненіи что-нибудь невѣрное, то прямо указывалъ на эту невѣрность, и хотя и скромно, но всегда возражалъ противъ нея. Такъ, напримѣръ, отвѣчая Уоллесу на его письмо съ замѣчаніями на впервые появившееся въ свѣтъ *Происхожденіе видовъ*, Дарвинъ пишетъ: «Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе и я вполне согласенъ съ вами насчетъ того, какія части самыя сильныя и какія самыя слабыя. Вы говорите, что неполнота геологической лѣтописи самый слабый пунктъ; однако же, я съ удовольствіемъ вижу, что между принявшими мою теорію гораздо больше геологовъ, чѣмъ специалистовъ по другимъ отраслямъ естествознанія, и мнѣ кажется, что геологи принимаютъ мою теорію легче, чѣмъ другіе натуралисты потому, что они привыкли дѣлать умозаключенія» (v. II, 309). И дѣйствительно, Лайелль увѣрялъ Дарвина, что онъ вполне раздѣляетъ положенія, высказанныя въ главѣ о неполнотѣ геологической лѣтописи. Объ одной журнальной статьѣ Уоллеса онъ пишетъ ему въ такомъ восторженномъ тонѣ: «Ваше изложеніе естественнаго подбора по моему неподражаемо-хорошо; никогда не бывало лучшаго излагателя, чѣмъ вы. Мнѣ также очень понравился вашъ разборъ разницы между нашими взглядами и ламарковскими» (v. III, p. 115). Но въ томъ же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «Ваши выдержки изъ Кювье очень удивили меня. Хотя я не могу быть компетентнымъ судьей, однако, я больше расположенъ довѣрять Кроллю, чѣмъ вы». Далѣе, по вопросу о члѣвѣвѣ, онъ говоритъ въ томъ же письмѣ: «Какъ вы, конечно, ожидаете, я страшно расхожусь съ вами, хотя мнѣ это очень прискорбно» (v. III, p. 115—6). Катрфажъ хлопоталъ объ избраніи Дарвина членомъ-корреспондентомъ французской академіи наукъ. Дарвинъ написалъ ему благодарственное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «Я не могу не пожалѣть о томъ, что вы тратите ваше драгоценное время на хлопоты о доставленіи мнѣ чести избранія, хотя и боюсь, судя по послѣднему времени, что всѣ ваши

труды пропадут даромъ. Но каковъ бы ни былъ результатъ, я навсегда сохраню самое приятное воспоминаніе о вашемъ сочувствіи и добротѣ, и это будетъ служить для меня утѣшеніемъ въ случаѣ моего неизбранія». За то въ постскриптѣ къ этому письму онъ заговорилъ уже другимъ тономъ: «Относительно большой важности, какую вы придаете хожденію человѣка на двухъ ногахъ, въ то время какъ четверорукія ходять на четверенькахъ, я позволю себѣ напомнить вамъ, что, вѣдь, никто же не придаетъ особаго значенія большой разницѣ въ способахъ передвиженія и, слѣдовательно, въ строеніи между тюленемъ и наземными плотоядными или между почти двуногими кенгуру и другими двуутробными» (v. III, p. 154—5). Въ письмѣ къ Ляйеллю по поводу описанія его втораго путешествія по Соединеннымъ Штатамъ, находя крайне интереснымъ это описаніе, Дарвинъ высказалъ, однако, о немъ еще такое сужденіе: «Въ прочитанномъ доселѣ мною еще немного геологій или естественной исторіи и это, можетъ быть, нѣсколько устыдить васъ. Ваши замѣчанія о всѣхъ социальныхъ предметахъ поражаютъ меня какъ достойныя автора *Основъ геологій*. И, однако же (и я сознаю, что это предразсудокъ или гордость), если бы я написалъ *Основы*, то никогда не сталъ бы писать никакого путешествія; но, мнѣ кажется, я гораздо болѣе ревнивъ къ чести и славѣ *Основъ*, чѣмъ вы сами» (v. I, p. 377). Тотъ же характеръ носить на себѣ и его переписка съ Аза-Греемъ. Въ письмахъ къ послѣднему Дарвинъ расточаетъ ему самыя преувеличенныя похвалы, которыя имѣютъ видъ какъ будто комплиментовъ; но вслѣдъ за этими похвалами слѣдуютъ обыкновенно возраженія очень серьезныя, иногда остроумныя и игривыя, а иногда даже довольно ѣдкія. Дарвинъ не хотѣлъ уступать ни на іоту въ своихъ воззрѣніяхъ и даже не хотѣлъ показывать, что онъ можетъ отнестись снисходительно къ нераздѣляемому имъ мнѣнію, когда оно высказано любимымъ другомъ. Въ особенности они много спорили о цѣлесообразности. Дарвинъ совершенно отрицалъ цѣлесообразность въ прежнемъ значеніи, въ смыслѣ предсуществованія напередъ намѣченной цѣли; Аза-Грей отстаивалъ сначала такую цѣлесообразность и только послѣ долгихъ споровъ сталъ смотрѣть на цѣлесообразность съ Дарвиновой точки зрѣнія. Такъ, въ одномъ изъ писемъ Дарвинъ пишетъ ему: «Еще одно слово о *предначертанныхъ законахъ*» и *предначертанныхъ результатахъ*. Я вижу птицу, которая нужна мнѣ для ѣды, беру ружье и убиваю ее. Я это дѣлаю съ предначертаннымъ намѣреніемъ. Ни въ чемъ неповинный и добрый человѣкъ стоитъ во время грозы подъ деревомъ и грозою убиваетъ его. Ужели вы думаете (и я очень желалъ бы знать вашъ отвѣтъ), что Богъ предначерталъ убить этого человѣка? Многіе или даже большинство думаютъ такимъ образомъ; но я не могу такъ думать и не думаю. А если же вы такъ думаете, то скажите, когда ласточка съѣдаетъ комара, ужели вы думаете, что Богъ предначерталъ, чтобы эта самая ласточка съѣла именно этого комара и въ это самое данное мгновеніе? По моему мнѣнію, все, что въ настоящемъ случаѣ можетъ быть сказано о человѣкѣ, вполне приложимо и къ комару. Если

же заранѣе не была предначертана смерть ни того, ни другого, то я не вижу основанія думать, что и ихъ первое рожденіе или произведеніе тоже было предначертаннымъ» (v. I, p. 314—5). Въ другомъ письмѣ тоже по поводу цѣлесообразности онъ пишетъ: «Ужъ если есть что-нибудь цѣлесообразно предначертанное, то это, конечно, человѣкъ; «внутреннее сознаніе» (хотя это тоже ложный руководитель) говоритъ намъ это; однако же, я никакъ не могу допустить, чтобы зачаточные соски на грудяхъ у мужчинъ были предначертаны и созданы цѣлесообразно. Если бы даже я сказалъ, что признаю это, то я признавалъ бы такимъ же неимовѣрнымъ образомъ, какъ правовѣрные признають... нѣкоторые догматы» (v. II, p. 382).

Та же добросовѣстность и деликатность натуры Дарвина сказывалась и въ его строгихъ и строго соблюдавшихся правилахъ относительно переписки. Онъ былъ невообразимо точнымъ, усерднымъ и аккуратнымъ корреспондентомъ и относился къ получаемымъ письмамъ какъ идеальный чиновникъ относится къ бумагамъ: всякое письмо регистрировалось и на всякое непременно посылался отвѣтъ. Сынъ рассказываетъ, что когда отцу приходилось писать много писемъ или длинныя письма, то онъ диктовалъ ихъ по черновому наброску, написанному изъ экономіи бумагою на задней чистой сторонѣ рукописей или корректуръ; и эти наброски были иногда до того неразборчивы, что онъ даже самъ не могъ ихъ разбирать. Рѣшительно *всѣ* получаемыя имъ письма онъ сохранялъ; эту привычку, по его словамъ, онъ заимствовалъ отъ своего отца и увѣрялъ, что она принесла ему большую пользу. А онъ получалъ невообразимую массу писемъ, и въ числѣ ихъ попадались не только глупыя и вздорныя, но еще назойливыя, не деликатныя, даже просто наглыя. Но даже и такія письма онъ не оставлялъ безъ отвѣта и, по рассказамъ сына, часто говаривалъ, что если бы онъ не отвѣтилъ на эти письма, то это бы потомъ лежало у него на совѣсти (v. I, p. 119). Да еще какъ отвѣчалъ,—деликатно, серьезно, съ полнымъ уваженіемъ къ корреспонденту и безъ малѣйшей тѣни намека на его назойливость! Ученые, не составляющіе и одной десятой дарвиновской величины, навѣрное, бросаютъ всѣ такія письма въ корзину или въ печь. Одинъ незнакомецъ писалъ ему, что желалъ бы въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ, дебатировавшемъ всевозможные вопросы, изложить эволюціонную теорію, но, будучи очень занятъ, не имѣетъ времени для чтенія и потому проситъ сообщить ему письменно краткій очеркъ теоріи. Сынъ сообщаетъ, что даже этотъ удивительный молодой человѣкъ получилъ вѣжливый отвѣтъ, хотя въ немъ, все-таки, было мало матеріала для его ученаго спича пріятелямъ. Находились люди, которые приставали къ нему съ письменными вопросами относительно его религіозныхъ убѣжденій и о томъ, согласуется ли его теорія съ религіей? И, несмотря на то, что Дарвинъ вообще не любилъ высказываться по религіознымъ вопросамъ, особенно ноставленнымъ рѣзко и въ упоръ, онъ, все-таки, давалъ отвѣты и на такія письма. Такъ, на подобныя запросы какого-то голландскаго студента онъ писалъ: «Вы, надѣюсь, извините меня, что я такъ долго не отвѣчалъ вамъ, если я скажу,

что уже давно хвораю и въ настоящее время нахожусь не дома. На вашъ вопросъ нельзя отвѣчать кратко; и я не увѣренъ, могъ ли бы я вообще отвѣтить на него, если бы даже сталъ писать подробно». Но при всемъ томъ онъ, все-таки, высказалъ ему свой взглядъ на известныя философскія доказательства существованія Бога. На такіе же запросы какого-то нѣмецкаго студента онъ поручилъ отвѣтить одному изъ сыновей, который написалъ: «Дарвинъ проситъ меня сообщить вамъ, что онъ получаетъ такъ много писемъ, что не въ состояніи самъ отвѣчать на всѣ ихъ. Онъ думаетъ, что теорія эволюціи вполне совмѣстима съ вѣрою въ Бога; но вы должны помнить, что разные лица различнымъ образомъ опредѣляютъ то, что они разумѣютъ подъ словомъ Богъ». Но нѣмецъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и вторично обратился къ Дарвину съ тѣми же запросами. И долготерпѣливый Дарвинъ отвѣтилъ и на вторичный запросъ. «Я, — писалъ онъ, — очень занятой, старый и больной человекъ и не могу удосужиться, чтобы отвѣтить подробно на ваши вопросы, да едва ли и можно отвѣтить на нихъ» (в. I. р. 307). Но, все-таки, онъ и здѣсь кратко высказалъ свой взглядъ на христіанство, на откровеніе и на будущую жизнь.

Все было гармонично въ этой великой натурѣ; величію ума и характера въ Дарвинѣ вполне соответствовало величіе его любвеобильнаго и добраго сердца. Его переписка краснорѣчиво говоритъ о томъ, какія нѣжныя и трогательныя чувства расположенія, привязанности и преданности онъ питалъ къ своимъ друзьямъ. И всѣ эти глубокія чувства выражались у него безъ сильныхъ фразъ, безъ аффектаціи, а чрезвычайно просто, просто до невѣроятности, до дѣтской нѣжности. Вотъ нѣсколько обращеній. Въ 1853 г. Дарвинъ за свои ученые заслуги получилъ медаль отъ лондонскаго королевскаго общества, о чемъ ему было сообщено вице-президентомъ общества полковникомъ Сабинимъ, а также и Гукеромъ. Последнему онъ написалъ по этому поводу такое письмо: «Изъ писемъ, полученныхъ мною сегодня утромъ, я раскрылъ, прежде всего, письмо отъ полковника Сабина; содержаніе его было, конечно, для меня большимъ сюрпризомъ, и хотя письмо было весьма любезное, однако, почему-то меня весьма мало заняло извѣстіе, сообщенное въ немъ. Затѣмъ я раскрылъ ваше письмо, и такова сила теплоты, дружбы и доброты со стороны того, кого любишь, что тотъ же самый фактъ, сообщенный такъ, какъ сообщали его вы, заставилъ мое сердце горѣть и треметать отъ удовольствія. Вѣрьте мнѣ, я никогда не забуду удовольствія, которое доставило мнѣ ваше письмо. Такая сердечная и нѣжная симпатія гораздо дороже всѣхъ медалей, когда-либо вычеканенныхъ или имѣющихъ быть вычеканенными. Еще разъ благодарю васъ, мой дорогой Гукеръ. Я надѣюсь, что Линдлей (известный ботаникъ) никогда не узнаетъ о томъ, что онъ былъ сомскателемъ противъ меня; и это дѣйствительно почти смѣшно, что онъ не получилъ медали гораздо раньше меня (вы, конечно, не передадите никому, что я вамъ сказалъ это, такъ какъ мои слова могутъ счесть за аффектацію, только,

жонечно, не вы, а другіе). Я вполне увѣренъ, что вы поступили справедливо, предложивши его; и, однако же, вы такой хорошей, милый и добрый человекъ, что радуетесь тому, что эта честь оказана мнѣ. Если это дѣло доставило мнѣ удовольствіе, то этимъ почти исключительно я обязанъ вамъ» (v. I, p. 388—9). У Геккеля родился сынъ; увѣдомля объ этомъ Дарвина, онъ сообщилъ, что ребенокъ очень ловко дѣйствуетъ пальцами ногъ и можетъ держать ими ложку, какъ обезьяна. На это письмо Дарвинъ отвѣтилъ такимъ образомъ: «Я долженъ опять писать вамъ и, притомъ, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, чтобы поблагодарить васъ за ваше письмо о вашемъ ребенкѣ, который вполне очаровалъ какъ меня, такъ и мою жену. Я отъ души поздравляю васъ съ его рожденіемъ. Какъ я помню изъ своего опыта, я былъ удивленъ тѣмъ, какъ скоро развиваются родительскіе инстинкты, и въ васъ они, кажется, необыкновенно сильны. Я знаю хорошо взглядъ на «заднія ножки» беби; но, мнѣ кажется, вы первый отецъ, который когда-либо торжествовалъ по поводу сходства въ движеніяхъ ребенка съ движеніями обезьянки. И что скажете г-жа Геккель о такихъ ужасныхъ доктринахъ? Я надѣюсь, что большіе голубые глаза и принципы наследства сдѣлаютъ изъ вашего ребенка, подобно вамъ, естествоиспытателя; но, насколько я могу судить по моему собственному опыту, вы, навѣрное, удивитесь, когда увидите, какъ весь душевный складъ нашихъ дѣтей измѣняется съ годами. Маленькое дитя и то же дитя, приближающееся къ совершеннолѣтію, иногда разнятся между собою такъ же сильно, какъ куколка и бабочка» (*C. Darwin*, Krause, S. 159—60).

Для Дарвина было истиннымъ наслажденіемъ оказать кому-либо помощь ученымъ ли содѣйствіемъ, совѣтами, указаніями или, наконецъ, матеріальною поддержкой. Въ то время, какъ Дарвинъ стоялъ въ апогеѣ извѣстности, славы и матеріальнаго довольства (1879 г.), его другъ и сотрудникъ Уоллесъ находился въ довольно стѣснительномъ матеріальномъ положеніи. Обсуждая средства помочь ему и боясь оскорбить его деликатность частною помощью, Дарвинъ пришелъ къ мысли выхлопотать ему отъ правительства государственную пенсію; онъ вмѣстѣ съ друзьями энергично взялся за это дѣло и достигъ своей цѣли. Гладстонъ, стоявшій тогда во главѣ министерства, очень любезнымъ письмомъ увѣдомилъ Дарвина, что его желаніе исполнено, и Дарвинъ былъ глубоко обрадованъ этимъ. Въ 1880 г. его ученый другъ, извѣстный Фрицъ Миллеръ, находившійся тогда въ Бразиліи, сильно пострадалъ вслѣдствіе наводненія, лишился всего имущества и едва спасся самъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Дарвинъ немедленно написалъ его брату Гер. Миллеру слѣдующее письмо: «Я получилъ отъ г-ра Эрнста (Краузе) письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ объ ужасной опасности во время наводненія, угрожавшей жизни вашего достойнаго удивленія брата Фрица. Я радъ, что не погибъ никто изъ его семейства. Вѣроятно, онъ много потерялъ своихъ книгъ, микроскоповъ, инструментовъ и другого имущества. Если онъ много пострадалъ въ этомъ отношеніи, то мнѣ доставило бы большое удовольствіе дозволеніе помочь ему какими-нибудь

50 или 100 фунтами стерлинговъ. Эта сумма была бы послана единственно въ интересахъ науки, чтобы вслѣдствіе потери его имущества не пострадала наука. Я прошу васъ оказать мнѣ большую любезность и сообщить мнѣ поскорѣе вашъ совѣтъ. Для меня ничего не могло бы быть прискорбнѣе, какъ обидѣть вашего брата, и ничто не могло бы доставить мнѣ такого удовольствія, какъ быть въ состояніи помочь ему хоть не много въ какомъ-нибудь отношеніи. Пожалуйста дайте мнѣ знать поскорѣе» (Krause, S. 213). Геккель, задумавъ ученое путешествіе въ Индію и Цейлонъ, просилъ средствъ на это путешествіе изъ капитала имени Гумбольдта, предназначеннаго именно для такихъ цѣлей; но завѣдующіе капиталомъ отказали Геккелю. Узнавъ объ этомъ, Дарвинъ немедленно вызвался дать отъ себя средства для задуманнаго Геккелемъ путешествія; но его предложеніе не было принято. Профессоръ Джудъ такъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ визитовъ Дарвину въ его послѣдніе годы: «Онъ говорилъ мнѣ, что въ послѣднее время его доходы сильно возросли, между тѣмъ какъ потребности его остались тѣ же, и потому онъ очень бы желалъ пожертвовать свои сбереженія на дѣло развитія геологіи или біологіи. Онъ самымъ трогательнымъ образомъ говорилъ о томъ, что своимъ счастьемъ и славой онъ обязанъ естественнымъ наукамъ, которыя служили для него утѣшеніемъ въ жизни, которая иначе была бы болѣзненнымъ существованіемъ, и онъ просилъ меня указать ему, если я знаю, какое-нибудь изслѣдованіе, которому можно было бы помочь нѣсколькими сотнями фунтовъ, такъ какъ для него было бы большимъ удовольствіемъ сознавать, что онъ содѣйствовалъ прогрессу науки. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ, что онъ обращался съ тѣми же предложеніями къ Гукеру и Гексли относительно ботаники и зоологіи. Я былъ пораженъ тѣмъ одушевленіемъ и тѣмъ глубокимъ волненіемъ, съ какимъ онъ говорилъ о своей признательности къ наукѣ и о своемъ желаніи содѣйствовать ей интересамъ» (v. III, p. 352—3). Послѣ совѣтовъ съ друзьями Дарвинъ остановился на мысли издать систематическій списокъ всѣхъ извѣстныхъ растений, составляемый при ботаническомъ садѣ въ Кью, и принялъ на свой счетъ всѣ значительные расходы, которыхъ потребуетъ это изданіе подъ названіемъ *Nomenclator Botanicus Darwinianus*, составляемое по образцу извѣстнаго творенія Бентама и Гукера *Genera Plantarum*.

Сынъ Дарвина Френсисъ въ своей книгѣ слишкомъ скромно и скупъ въ сообщеніи свѣдѣній объ его семейныхъ отношеніяхъ и не напечаталъ ни одного интимнаго, чисто-семейнаго письма своего отца. Но, судя по всему, не трудно догадаться, какимъ семьяниномъ долженъ былъ быть этотъ великій человекъ. Для характеристики силы и нѣжности его чувствъ можно привести слѣдующій отрывокъ изъ его дневника по поводу смерти его маленькой дочери; въ немъ любопытно рисуется отецъ и вмѣстѣ естественный испытатель, желающій анализировать свое горе и старающійся припомнить и запечатлѣть черты милаго, навѣки утраченнаго образа. «Наше бѣдное дитя, Анна, родилась въ Гоуэръ-Стритѣ 2 марта 1841 г. и умерла въ

Мальвернѣ въ полдень 23 апрѣля 1851 г. Я пишу эти строки, такъ какъ думаю, что въ послѣдующіе годы, если будемъ живы, записанныя теперь впечатлѣнія дадутъ возможность болѣе живо вспомнить ея характерныя черты. Съ какою бы стороны я ни сталъ припомирать ее, прежде всего, мнѣ представляется ея граціозная рѣзвость, сдерживаемая двумя другими качествами ея, именно ея чувствительностью, которой посторонніе легко могли не замѣтить, и ея расположеніемъ къ нѣжнымъ привязанностямъ. Все лицо ея сіяло живостью и весельемъ, которыя придавали каждому ея движенію такъ много граціи, жизни и силы. Смотрѣть на нее составляло истинное наслажденіе. Я и теперь какъ будто вижу передъ собою ея дорогое личико, когда она, по обыкновенію, сбѣжитъ ко мнѣ внизъ, потихоньку утачивши для меня щепотку нюхательнаго табаку, причемъ все ея существо сіяетъ удовольствіемъ оттого, что она доставляетъ удовольствіе мнѣ. Даже во время игры съ родственницами, когда, бывало, рѣзвость ея подчасъ переходила въ шалости,—одного моего взгляда, не такого, въ которомъ бы выражалось неудовольствіе (нѣтъ, слава Богу, я никогда такъ не глядѣлъ на нее), но просто взгляда, въ которомъ не было выраженія сочувствія, было уже достаточно, чтобы на нѣсколько минутъ измѣнился весь ея видъ. Другая черта ея характера, вслѣдствіе которой ея рѣзвость и живость доставляли намъ такъ много наслажденія, была ея ласковость и способность къ горячей привязанности. Когда она была еще очень маленькой, это выражалось тѣмъ, что, лежа въ постели съ матерью, она не отнимала отъ нея ручонокъ и начинала беспокоиться, если не чувствовала около себя матери; и даже въ послѣднее время, уже будучи больной, она подолгу ласкала руку матери. Иногда, когда ей дѣлалось очень дурно, мать ложилась подлѣ нея, и это производило на нее такое успокоительное дѣйствіе, какого не произвело бы ни на одного изъ прочихъ нашихъ дѣтей. И со мной она всегда готова была провозиться хоть цѣлый часъ, расчесывала мои волосы, «чтобы они были красивѣе», какъ выражалась она, моя бѣдная дорогая любимица, или разглаживала мой воротникъ и обшлага,—словомъ, такъ или иначе ласкала меня. При своей рѣзвости, умѣряемой ласковостью и привязчивостью, она была также необыкновенно сердечна, откровенна, пряма, естественна и безъ малѣйшей тѣни скрытности. Все ея существо было чисто и прозрачно. Глядя на нее, я всегда думалъ, что во всякомъ случаѣ мы будемъ житьъ подлѣ старости хоть одно любящее существо, которое ничто не будетъ въ состояніи измѣнить. Всѣ ея движенія были полны силы, жизни и всегда граціозны. Когда, бывало, мы гуляемъ съ ней вмѣстѣ по нашей песочной аллеѣ, она, хотя бы я шелъ и очень скоро, всегда была впереди меня, бѣгая и прыгая самымъ граціознымъ образомъ съ лицомъ, сіяющимъ все время самою нѣжною улыбкой. Бывало иногда, что она кокетливо шутила со мной, что я теперь вспоминаю съ величайшимъ удовольствіемъ. Она часто употребляла преувеличенныя выраженія, а я, подшучивая надъ нею, еще болѣе преувеличивалъ то, что она сказала; въ этихъ случаяхъ какъ мнѣ памятно ея легкое

покачиваніе головой и восклицаніе: «Ахъ, папа, какъ вамъ не стыдно!» Во время ея послѣдней непродолжительной болѣзни поведеніе ея было буквально ангельское. Она никогда не жаловалась, ни разу не разсердилась, была внимательна къ другимъ, всегда благодарила горячо и нѣжно за все сдѣланное для нея. Когда она уже до того ослабѣла, что едва могла говорить, то, все-таки, хвалила все, что ей давали, и разъ про поданный ей чай выразилась, что онъ «удивительно хорошъ». Когда я подаль ей воды, она сказала: «очень вамъ благодарна», и это, кажется, были послѣднія слова, слетѣвшія съ ея дорогихъ устъ и обращенныя ко мнѣ. Мы потеряли радость нашего дома и утѣшеніе въ нашей старости. О, если бы она могла знать теперь, какъ глубоко и какъ нѣжно мы все еще любимъ и всегда будемъ любить ея дорогое веселое личико! Да будетъ благословеніе надъ нею! Апрель 30, 1851 г.» (v. I, p. 132—3).

Въ широкомъ и любвеобильномъ сердцѣ Дарвина было мѣсто и для любви, настоящей любви къ животнымъ и даже къ растеніямъ. Изъ животныхъ онъ особенно любилъ собакъ. Сынъ въ трогательныхъ выраженіяхъ рассказываетъ, какъ его отецъ былъ привязанъ къ своей любимой собакѣ, какъ онъ былъ добръ, внимателенъ и даже нѣженъ съ нею, съ какииъ терпѣніемъ исполнялъ всѣ ея желанія и прихоти и какъ за то и она была привязана къ нему, какъ мучилась въ его отсутствіе и т. д. Почти такую же любовь онъ питалъ и къ растеніямъ. Въ *Автобіографіи* онъ говоритъ: «Мнѣ всегда нравилось повышать растенія и ихъ мѣсто въ ряду организованныхъ существъ, и потому я чувствовалъ большое удовольствіе, когда мнѣ удавалось показать, какъ разнообразны и какъ удивительно цѣлесообразны движенія верхушки корня» (v. I, p. 98). По этимъ рассчитаннымъ, точно какъ будто разумнымъ движеніямъ корешка Дарвинъ сравниваетъ растеніе съ животнымъ. «Корешокъ,—говоритъ онъ,—можно сравнить съ роющимъ животнымъ, напримѣръ, съ кротомъ, который стремится проникать въ почву въ вертикальномъ направленіи. Постояннымъ движеніемъ головы изъ стороны въ сторону или же круговымъ движеніемъ онъ нащупываетъ каждый камешекъ или всякое другое препятствіе и чувствуетъ всякое измѣненіе въ твердости почвы и уклоняется отъ этой стороны. Когда на одной сторонѣ земля влажнѣе, чѣмъ на другой, то онъ направляется къ болѣе влажной сторонѣ, какъ къ лучшему мѣсту охоты. Но при всемъ этомъ послѣ cadaго изслѣдованія чувство тяжести даетъ ему возможность снова продолжать свое вертикальное движеніе и проникать дальше въ глубину» (у Баруса, стр. 189). Тотъ же результатъ, т. е. приближеніе растеній къ животнымъ, имѣли и другія его работы, показавшія, что растенія плотоядны и питаются на манеръ животныхъ, что они имѣютъ сонъ и т. п. Въ послѣдніе годы жизни онъ обратилъ вниманіе на чувствительныя растенія, и очень жаль, что это было въ то время, когда дни его уже были сочтены. На этомъ послѣднемъ случаѣ можно наглядно видѣть силу и плодотворность научныхъ импульсовъ, которые давалъ Дарвинъ. Займись онъ раньше чувствительными растеніями, мы имѣли бы

«Если не окончательное рѣшеніе вопроса о нихъ, то громадную массу фактовъ, любопытныхъ выводовъ и обобщеній, какіе мы имѣемъ теперь о плотоядныхъ растеніяхъ, о движеніяхъ растеній, объ оплодотвореніи растеній при посредствѣ насѣкомыхъ, о вьющихся растеніяхъ и т. д. И что всего цѣннѣе, эта масса новыхъ знаній обогатила бы не однихъ только ученыхъ специалистовъ, но проникла бы въ публику, стала бы достояніемъ всѣхъ общеобразованныхъ людей. Потому что всѣ большія сочиненія и работы Дарвина имѣли то рѣдкое и драгоцѣнное свойство, что они одинаково были интересны какъ для специалистовъ, такъ и для публики, что они для послѣдней были столь же заманчивы и доступны, какъ для первыхъ. И затѣмъ сочиненіе Дарвина о чувствительныхъ растеніяхъ намѣтило бы много пунктовъ, нуждающихся въ дальнѣйшей разработкѣ, поставило бы много вопросовъ и задачъ, требующихъ рѣшенія, и тѣмъ вызвало бы цѣлую литературу объ этомъ интересномъ вопросѣ, который и по настоящее время остается темнымъ и только изрѣдка и мимоходомъ затронуется специалистами. По рассказамъ сына, Дарвинъ чувствовалъ нѣжную привязанность даже къ извѣстнымъ особямъ растеній, напримѣръ, къ одной маленькой голубой лобелии. Своихъ любимцевъ онъ воображалъ живыми и чувствующими существами, касался ихъ руками, точно гладилъ и ласкалъ ихъ, даже обращался къ нимъ съ словами, то хвалилъ, то порицалъ ихъ, если при опытахъ надъ ними они не слушались его и дѣлали не то, чего онъ хотѣлъ отъ нихъ, какъ, напримѣръ, одна мимоза ухитрилась вылѣзть листьями изъ бассейна воды, въ которой онъ хотѣлъ держать ее погруженной. «Удивляясь цвѣтамъ,—говорить о немъ сынъ,—онъ часто смѣялся надъ блѣдностью красокъ въ искусствахъ и противупоставлялъ имъ яркіе цвѣта природы. Я очень любилъ, бывало, слушать его, какъ онъ удивляется красотѣ какого-нибудь цвѣтка; это было что-то вродѣ благодарности самому цвѣтку и личной любви къ его нѣжной формѣ и цвѣту. Я помню, какъ онъ ласково касался тѣхъ цвѣтковъ, которые ему нравились; это было такое же простодушное удивленіе, какое можетъ чувствовать ребенокъ» (v. I, p. 117).

М. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки быта населенія Восточной Сибири.

Два года съ небольшимъ, проведенные въ разъѣздахъ по Иркутской губернии, и встрѣчи тамъ съ людьми, побывавшими въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ Сибири и любезно дѣлившимися со мною своими наблюдениями, дали мнѣ кое-какія свѣдѣнія о бытѣ мѣстнаго населенія. Въ настоящихъ очеркахъ я постараюсь изобразить нѣкоторые моменты этой богатой всякими осложненіями жизни людей, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, пользующихся различными гражданскими правами, стоящихъ на весьма различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія и еще до сихъ поръ не разобравшихся въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мое вниманіе будетъ, главнымъ образомъ, обращено на освѣщеніе вопросовъ чисто-бытоваго характера, причемъ экономическихъ условій жизни населенія придется касаться лишь въ незначительной мѣрѣ, именно постольку, поскольку это необходимо для освѣщенія среды, обстановки и проч.; не стану же я пытаться рѣшать вопросы экономическаго характера потому, что они весьма сложны и требуютъ для своего разрѣшенія особыхъ приемовъ изслѣдованія и изложенія.

Прошу читателя имѣть въ виду, что я буду говорить, главнымъ образомъ, объ Иркутской губ. (безъ сѣверной ея части, мало-мнѣ знакомой), хотя бы и не указывалъ этого каждый разъ въ текстѣ: Сибирь—такая огромная страна, съ такимъ разнообразіемъ условій жизни, что распространять мои выводы по нѣкоторымъ вопросамъ и на другія области сибирскія—весьма рискованно. Затѣмъ, каждый разъ, когда этого настоятельно потребуетъ сущность излагаемаго предмета, я буду называть мѣста и лица ихъ именами; но, касаясь явленій, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ типичныя для даннаго времени, я буду держаться правила—не называть собственныхъ именъ и не дѣлать какихъ-либо другихъ указаній, могущихъ послужить раскрытію псевдонимовъ (наприм., не указывать въ точности мѣста и времени дѣйствія), ибо я пишу не обличенія ради.

I.

Райскій уголокъ Иркутской губерніи.

«Такъ вы еще въ Тунгѣ не были?»... «Вотъ, будете въ Тунгѣ, увидите»... «Когда же вы въ Тунгу?»..»

Таковыми вопросами стали меня преслѣдовать мѣстные «знатоки края» чуть ли не со втораго мѣсяца моего пребыванія въ Иркутской губерніи; каждый иркутскій интеллигентъ, не безнадежно, на вѣки нерушимо, привинченный къ стулу своей канцеляріи и сколько-нибудь интересующійся или старающійся казаться заинтересованнымъ картинами своеобразной сибирской природы и столь же своеобразнымъ укладомъ жизни населенія, считаетъ чуть-чуть не нравственною своею обязанностью побывать въ Тункѣ, куда ѣздятъ всѣ губернаторы, генералъ-губернаторы, ученые, поэты, — словомъ, самыя густыя сливки иркутскія. Понятно, что и я не захотѣлъ отстать отъ «всѣхъ» и рѣшилъ непременно поѣхать въ Тунгу, но послѣ посѣщенія другихъ, болѣе обычныхъ мѣстностей, чтобы онѣ не оказались, по отношенію къ Тункѣ, въ роли горчицы послѣ ужина, — поѣхалъ и, къ глубокому удивленію своему, убѣдился, что «перль» Иркутской губерніи, дѣйствительно, достоинъ своей славы и что отзывы «знатоковъ края» не были въ этомъ случаѣ отголоскомъ модныхъ увлеченій или патриотическихъ восторговъ... Да, въ Тунгу стоить съѣздить, господа иркутяне, особенно если вы дальше Байской горы (излюбленное мѣсто вашихъ гуляній и пикниковъ) нигдѣ не бывали!...

Озеро Байкаль со всѣхъ сторонъ окружено горными кряжами, составляющими отроги Саянскаго хребта; эти же отроги, развѣтвляясь, заполняютъ собою почти весь южный уголъ, образуемый р. Ангарой, при истогахъ ея изъ озера. Недаромъ называютъ эту рѣку иркутяне «красавицей», — она, дѣйствительно, хороша мѣстами; но большинство патриотовъ - иркутянъ восхищается ею съ чужихъ словъ, ибо Ангара подъ Иркутскомъ не представляетъ собой чего-нибудь особеннаго, а величаво-хороша она именно тамъ, гдѣ и десятой доли ея восхвалителей никогда не бывало. Роскошные виды представляетъ собой Ангара далеко отъ Иркутска, не ближе десятковъ и сотенъ верстъ, тамъ, гдѣ горные кряжи, одѣтые густыми лѣсами, близко надвигаются съ обѣихъ сторонъ къ быстро несущимся водамъ, раскидывая имъ, къ тому же, препятствія изъ каменныхъ острововъ съ отвѣсно обвѣченными боками, на подобіе крѣпостныхъ стѣнъ; или гдѣ она, уже принявъ въ себя съ десятокъ также довольно крупныхъ рѣкъ, отвоевывааетъ себѣ у каменныхъ громадъ русло въ версту ширины и разливается тихимъ, прямымъ, какъ каналъ, плесомъ въ нѣсколько верстъ длиною. Хороша она также у самаго истока, гдѣ грозный Байкаль какъ бы проваль обступившую его со всѣхъ сторонъ каменную стѣну и въ образовавшееся ущелье спѣшитъ вылить избытокъ своихъ водъ... А ихъ много, этихъ водъ — чистыхъ, какъ кристалль, и холодныхъ, какъ весенніе потоки, образованные тающими снѣгами: цѣлая масса рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ ввергаются въ Байкаль съ горныхъ высотъ, а изъ него вытекаетъ одна только Ангара. У бурятовъ существуетъ относительно этого остроумная аллегорія: «Разоряетъ дочка старика Байкала, — говорятъ они. — Сколько ни стараются сыновья его сносить ему со всѣхъ сторонъ добытыя ими богатства, а все растрчиваетъ мотовка Ангара, и не можетъ дальше богатѣть ста-

ригъ». При самомъ источѣ Ангары изъ Байкала, среди шумящихъ ея водъ, стоитъ слишкомъ возвеличенный молвою легковѣрныхъ и любящихъ восторгаться людей «Шаманскій камень»; въ населеніи существуетъ повѣрье, что онъ, этотъ малюсенькій бѣлый утесикъ, едва-едва видѣющійся изъ омывающихъ его водъ, сдерживаетъ напоръ всѣхъ водъ байкальскихъ, и что придетъ время, когда онъ сдастся и тогда горе Иркутску: страшная водяная лавина ринется на городъ *) и смететъ его, не оставивъ камня на камень. Конечно, подводная гряда утесовъ, образующихъ ложе рѣки при ея источѣ, служитъ краемъ чаши въ 700 верстъ длиною, которую представляетъ собой Байкаль, но край этотъ является не хрупкою стѣнкой, а сплошною каменною массой, почвеннымъ материкомъ всей этой мѣстности; и маленький утесикъ, интересный только тѣмъ, что вокругъ него, вслѣдствіе массы подводныхъ камней, оглушительно шумятъ и бурлятъ ангаро-байкальскія воды, слишкомъ жалокъ для того, чтобы играть роль вѣрнаго стража и спасителя всѣхъ прибрежныхъ селеній внизъ по Ангарѣ, а въ томъ числѣ и гор. Иркутска; тѣмъ не менѣе, бурятская фантазія снабдила этотъ камешекъ какими-то особенными таинственными силами и считаетъ его за самое священное мѣсто въ предѣлахъ района, обитаемаго бурятами: клятва, данная бурятомъ на Шаманскомъ камнѣ (или хотя бы только въ виду его), считается самою торжественною клятвой, шутить которою никто изъ шаманистовъ не рѣшится; поэтому обвиняемый въ чемъ-нибудь важномъ, рѣшившійся совершить этотъ обрядъ, освобождается отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и обвиненій, и его невинность съ этихъ поръ внѣ всякихъ сомнѣній. Отъ бурятъ и русскіе переняли нѣкоторое суевѣрное уваженіе къ этому камешку; многіе даже крестятся, проѣзжая мимо него въ лодкахъ.

Однако, я заговорилъ о предметахъ, не имѣющихъ почти никакого касательства къ Туниѣ, къ этому райскому уголку Сибири: отправляясь туда изъ Иркутска, мы пересѣчемъ Ангару только разъ на планикѣхъ подъ самымъ городомъ и больше съ нею не встрѣтимся, а отъ оз. Байкала увидимъ только самый южный заливъ его, у села Бултуисаго. Но съ тѣми горными отрогами Саяна, которые обступаютъ Байкаль и стѣсняють бѣгъ Ангары, мы начнемъ имѣть дѣло со второй же станціи отъ Иркутска: мы будемъ, безъ передышки, то спускаться въ глубокія пади, отдѣляющія одну гору отъ другой, то карабкаться по длиннымъ и крутымъ подъемамъ по грядамъ этихъ хребтовъ. Тяжела эта дорога, но она вознаграждается тѣми чудными видами, которые раскидываются каждый разъ передъ вашими глазами, когда запыхавшаяся тройка почтовыхъ коней преодолѣетъ одинъ изъ этихъ подъемовъ. Далеко, куда только взоръ хватить, волнообразно высятся одна надъ другою то острыя, то округленныя вершины горъ и холмовъ, съ ногъ до головы одѣтыхъ таежною растительностью, хму-

*) Иркутскъ отстоитъ отъ Байкала въ 60 верстахъ и расположенъ на низменномъ камынномъ берегу Ангары, которая въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой изгибъ къ сѣверу.

рою, угрюмою, но величавою въ своей несокрушимой мощи. На болѣе свѣтлыхъ фонахъ лиственницъ и березъ мрачными пятнами выдѣляются пушистыя пихты; высоко вздымается къ небесамъ свои мощныя вѣтви царь сибирскихъ лѣсовъ, роскошный кедръ; почти на одномъ уровнѣ съ нимъ красуются золотисто-зеленыя короны его неразлучныхъ подругъ—гигантскихъ сосенъ; пониже, къ подножію горъ, тѣсно толпятся скромно одѣтыя чернички — короткоствольныя ели съ шишатыми стволами; и все это тянется изъ всѣхъ своихъ силъ въ высъ, поближе къ источнику свѣта, блестящему въ лазурной вышинѣ солнцу, лучи котораго, однако, оказываются мѣстами-бесильны пробить этотъ толстый покровъ хвои и листьевъ и теряются въ немъ, не достигая земли. Тихо кругомъ, какъ можетъ быть тихо только въ совершенно безлюдномъ мѣстѣ, вдали отъ всякаго мірскаго гомона и суеты; безмолвно стоятъ лѣсные гиганты, какъ бы удивляясь вашему дерзкому появленію среди нихъ,—развѣ взрѣдка прошумитъ порывъ полуденнаго вѣтра въ вершинахъ кедровъ и сосенъ; но здѣсь, внизу, въ вашемъ ничтожествѣ, вы не чувствуете ни малѣйшаго движенія воздуха: только такая буря, которая сокрушаетъ сотнями одряхлѣвшіе отъ старости лѣсные гиганты, имѣетъ достаточно силъ, чтобы пробиться сквозь чашу до нижнихъ вѣтвей деревьевъ и привести ихъ въ легкое колебаніе.

Любопытное зрѣлище представляетъ собою участокъ тайги, по которому пронесся разрушительный ураганъ: огромныя стволы вѣковыхъ деревьевъ, аршина по два въ діаметрѣ, лежатъ рядами, вырванные съ корни, всѣ—верхушками въ одну сторону, какъ подшошенный бурьянъ; лѣсная дорожка вьется ужомъ между этими преградами, но не стѣсняется перекидываться черезъ менѣе крупныя стволы, въ 10—12 вершк. толщины, не огибая ихъ: такую лѣсину легко перешагнетъ привычная къ таежнымъ тропамъ верховая лошадь, да и легкія сани, при помощи ямщика, перевалить кое-какъ черезъ преграду, сначала поднявшись передкомъ къ небу, а потомъ ринувшись внизъ и тряхнувъ всѣ внутренности злосчастнаго путника; о колесныхъ же путяхъ сообщенія въ этихъ медвѣжьихъ участкахъ нечего пока и думать. Не легко также ѣхать слабонервнымъ господамъ даже по культурнымъ трактамъ, вродѣ Круго-байкальскаго, по которому надо сдѣлать четыре станка до поворота на Тункинскій трактъ: высоко, высоко надъ головою вашей, когда вы ѣдете по узкимъ и глубокимъ падямъ, виднѣются облѣпившія скаты горъ огромныя деревья; снизу они кажутся небольшими вѣточками, воткнутыми шалунами ребятишками, игры ради, въ рыхлую землю; масса такихъ же «вѣточекъ», сломанныхъ бурей или не удержавшихся, по своей тяжести, на каменной почвѣ, не дающей ихъ корнямъ уходить въ глубь и укрѣпляться, — лежитъ на самыхъ скатахъ пади, задержанная въ своемъ паденіи стоящими еще деревьями. А вѣтеръ шумитъ гдѣ-то тамъ, наверху... Вы смотрите туда, закинувъ голову назадъ, и невольно соображаете, что останется отъ васъ и отъ всей вашей тройки, если такая пятнадцати-саженная вѣточка слетитъ съ этой стосаженной вышины, въ то время, какъ вы здѣсь шагомъ карабкаетесь по подъему?

— А что, если такая вот штука да упадет на насъ?—спрашиваю я своего спутника, уже выдававшего виды на своею вѣку.

— Ги... да если еще въ самый глазъ угодить — плохо придется!...— отвѣчаетъ невозмутимо философъ и аппетитно укладывается спать, отвернувшись въ уголь повозки.

Но постепенно и вы привыкаете къ этому роду сильныхъ ощущений и хладнокровно смотрите на повисшіе надъ вами стволы, и на узенькую полосу тракта, отдѣленную отъ глубокаго обрыва нѣсколькими жиденькими столбиками, изрѣдка разставленными, и на крутые спуски съ высокихъ горъ, по которымъ вы мчитесь сломя голову, чтобы нагнать время, потерянное на медленный подъемъ шагомъ въ эту же гору. Въ Сибири ямщики возятъ, вообще, совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаютъ ихъ далекіе собратья по профессіи на захолустныхъ почтовыхъ трактахъ Европейской Россіи: русскій ямщикъ любитъ ѣздить ровенькою трусцой, версть по 8 въ часъ, рѣдко болѣе; устануть слабыя лошаденки, онъ ѣдетъ шагомъ, а потомъ опять трусцой, выматывая душу у нетерпѣливаго съдока. Сибирскій средній ямщикъ имѣетъ крѣпкихъ коней и дѣлаетъ на нихъ по 11—12 версть въ часъ (попадаются и такіе, которые едва-едва натягиваютъ узаконенныя 10 версть, но есть за то лихачи, отмахивающіе по 15-ти и 18-ти; но тѣ и другіе представляютъ собой исключеніе), никогда не пуская лошадей шагомъ, кромѣ какъ на длинныхъ и крутыхъ подъемахъ, — маленькіе же онъ «беретъ» однимъ духомъ, пуская всю тройку въ скокъ; онъ ѣдетъ все время крупною рысью и пользуется спусками, чтобы превратить эту рысь въ бѣшенную скачку, лишь бы кони успѣли за раскатившеюся телегой; а чтобы дать вздохнуть лошадямъ, онъ одинъ или два раза на протяженіи станка, смотря по длинѣ его (обыкновенный станокъ—версть 18—22, но есть въ 30—32 версты), останавливаетъ ихъ, слѣзаетъ съ возель, поправляетъ упряжь, выкуриваетъ трубочку и по прошествіи 3—5 минутъ отдыха вскакиваетъ вновь на свое мѣсто и съ какимъ-нибудь возгласомъ, вродѣ: «эхъ, милыя, царапайся!»—летитъ въ атаку на новый горный подъемъ. Такая ѣзда гораздо веселѣе и удобнѣе и для самихъ пассажировъ, также пользующихся этими остановками, чтобы поправить безчисленное количество своихъ подушекъ, пережѣнить положеніе тѣла, или закурить папирску. Эти приемы ямщиковъ до нѣкоторой степени характеризуютъ самый нравъ населенія, какъ русскій, уже привыкшаго къ умѣренности и бережливости, такъ и сибирскаго, еще имѣющаго много случаевъ для показанія своей удалы, менѣе дорожащаго «животиной», которую ему, богачу по сравненію съ русакомъ, гораздо легче и нажить, и прожить. Много вліяетъ, въ этомъ отношеніи, и самая огромность разстояній сибирскихъ: съ русскою ѣздой (нынѣшней) тамъ далеко не уѣдешь.

Но вотъ и Бултукъ—селеніе десятковъ изъ семи дворовъ, притиснутое горными кряжами къ самому Байкалу. Отсюда представляется роскошный видъ на это сибирское «море»: опоясывающіе его хребты тянутся по обѣ стороны вдаль, сначала темные, потомъ постепенно становясь фіолетовыми

ли, наконецъ, сливаясь съ голубою далью, только слегка вырѣзываясь изъ нея на правомъ берегу нѣжно-серебристою полосой своихъ оголенныхъ вершинъ, поэтому называемыхъ «гольцами». Какъ зеркало, спокойно озеро; легкою дышмой затянуть горизонтъ; спокойно все кругомъ,—жертвенно спокойно: ни одной лодочки не видно на дремлющихъ водахъ Байкала, покуда глазъ хватаетъ; вся эта величавая тишь свидѣтельствуешь о томъ, что человекъ здѣсь—еще только гость, что онъ далеко не полный хозяинъ этихъ огромныхъ пространствъ, побѣдоносно отстаивающихъ до сихъ поръ свою независимость.

Но то, чѣмъ вы, заблужденный человекъ, такъ любуетесь и восхищаетесь, составляетъ предметъ тихой ненависти култугцевъ: въ окружающихъ ихъ горахъ они находятъ едва-едва по три-четыре десятны на дворъ годной подъ пашню земли *); тайга высылаетъ на ихъ немногочисленные стада хищныхъ звѣрей; Байкаль годъ отъ году даетъ имъ меньше рыбы; поэтому-то житель култускій занимается десяткомъ другихъ дѣлъ, кромѣ земледѣлія, смѣняя одно на другое, смотря по времени года: онъ ходитъ въ извозъ и содержитъ постоянные дворы весной и осенью, когда черезъ Байкаль нѣтъ ни саннаго пути, ни пароходнаго сообщенія; онъ охотникъ поздней осенью и зимою, онъ собираетъ кедровые орѣхи въ сентябрѣ, онъ рыболовъ лѣтомъ и онъ... контрабандистъ—круглый годъ. Последнее его занятіе (конечно, не всѣ култугцы къ нему причастны, но опытные люди увѣряютъ, что большинство изъ нихъ не совсѣмъ чисто передъ закономъ) обусловлено слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ Култукѣ помѣщается таможня, преграждающая доступъ по Круго-байкальскому трактату въ Иркутскую губернію китайскимъ товарамъ, обращающимся беспошлинно въ Забайкальи; но култугцы знаютъ, кромѣ тракта, еще и горныя тропинки въ своихъ гольцахъ, а таможенныхъ досмотрщиковъ не много, и люди они—пришлые, съ мѣстностью незнакомые; такъ почему же,—разсуждаютъ култугцы, самую природой, ихъ окружающею, осужденные на промысловый, не-земледѣльческій образъ жизни,—почему же и не заработать исподволь, въ теченіе года, по нѣскольку десятковъ рублей на брата, за счетъ казны, которая и такъ богата?... И зарабатываютъ понемногу, пропорціонально ловкости и удали cadaго.

До сихъ поръ, до Култука, вы ѣхали въ юго-восточномъ направленіи отъ Иркутска; теперь Круго-байкальскій трактъ остается у васъ въ сторонѣ,—онъ начинаетъ загибать къ сѣверу, въ обходъ мора; вы же круто сворачиваете къ юго-западу: эти два направленія пути въ Тунку и прямой уголъ, ими образуемый, обуславливаются теченіемъ рѣки Иркуты, описывающей большіе зигзаги, въ то время, когда она пробирается между гор-

*) Всей запашки на дворъ, въ среднемъ, приходится въ Култукѣ по 3 десятны (съ паровымъ полемъ); для доказательства ничтожности этой цифры, достаточно замѣтить, что въ селеніи Ахаликѣ, принадлежащемъ къ той же Тункинской вол., но расположенномъ въ тункинской долинѣ, о которой рѣчь впереди, запашки на крестьянскій дворъ приходится 14,1 дес., въ с. Тункинскомъ 12,1 дес. и т. д.

ными краями. Рѣка эта довольно большая, но совершенно неудобная для судоходства, по случаю массы пороговъ и каменистыхъ островковъ; берега ея круты и высоки: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она течетъ или, вѣрнѣе, бурлитъ между двумя совершенно отвѣсными стѣнами, образующими подобіе обширнаго корридора. Тункинская долина, въ которую вы теперь направляетесь, составляетъ природную низменность именно этой рѣчки, не могущей, однако, въ большому ущербу для тункинцевъ, служить имъ въ качествѣ пути сообщенія съ г. Иркутскомъ и другими мѣстностями губерніи; долина эта, то суживающаяся до 2—3 версты сдвигавшимися хребтами гольцевъ, тянущихся по обѣимъ ея сторонамъ, то расширяющаяся до 15—20 версты, чтобы опять сѣзиться къ южному ея концу,— долина эта какъ бы отрѣзана цѣлою массой горныхъ переваловъ отъ сѣверныхъ, ровныхъ и низменныхъ районовъ Иркутской губерніи, наиболѣе густо заселенныхъ. Черезъ эти горные перевалы, глубокія падя и шумящія рѣчки приходится ѣхать еще полтора перегона, т.-е. до станціи Быстринской, первой отъ Бултука, и далѣе до половины перегона къ слѣдующей станціи, Торской. Каждый разъ, какъ въѣжаешь на какую-нибудь гору, глядишь и глазъ оторвать не можешь отъ чудеснаго вида на тункинскіе гольцы или «бѣлки», какъ ихъ называютъ по той ихъ особенности, что снѣгъ на вершинахъ ихъ, въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ солнечныхъ лучей, сохраняется почти круглый годъ и если сходитъ, то только недѣли на двѣ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля мѣсяцевъ; такимъ образомъ, эти бѣлки съ нѣкоторою натяжкой могутъ быть причислены къ разряду горъ, достигающихъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Но еще одна особенность выдѣляетъ ихъ изъ числа другихъ горныхъ хребтовъ этой мѣстности, именно: тункинскіе бѣлки не имѣютъ характерно выраженныхъ предгорій и сразу вырастаютъ весьма крупными или даже почти отвѣсными склонами на ровной низменной долинѣ, не представляющей собой мѣстами сколько-нибудь замѣтныхъ повышеній до самаго подножія хребта; это особенно бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ уголкахъ Коймарекѣй долины, болотистой и кочковатой, прорѣзанной множествомъ рѣчекъ и ручьевъ: вы можете мѣстами вплоть подойти къ самому хребту гольцевъ и, стоя на почти ровномъ мѣстѣ и не нагибаясь, коснуться руками вздымающейся къ небесамъ передъ самымъ лицомъ вашимъ каменной твердыни. Помню, что однажды вечеромъ, когда уже было темно, я пріѣхалъ въ одинъ бурятскій улусъ, самый дальній изъ тѣхъ, которые расположены въ мѣстности, называемой Коймарами, и, какъ мнѣ говорили, лежащій всего въ 2—3 верстахъ отъ подножія бѣлковъ; переночевавъ, я при первомъ проблескѣ зари вышелъ изъ избы... и замеръ, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ: прямо передо мною, подавляя своею массой, выслалась и ширилась, покуда глазъ хваталъ, огромная каменная громада, еще мрачная внизу, гдѣ царствовали предзутренніе сумерки, но уже начинавшая свѣтлѣть на высотѣ,— тамъ, гдѣ влубились, свертывались, развертывались и извивались, какъ гигантскія змѣи, длинныя полосы и мощные слои утренняго тумана. По-

степенно полоса мрака спускалась книзу, уступая свѣту, и каменная громада все ярче окрашивалась въ цвѣта радости и юности — розовый и голубой; завѣса тумановъ кое-гдѣ разрывалась на время, давая возможность жадно заглянуть туда, въ манящую высь, гдѣ гордо красовались, ослѣпительно сіяя подъ лучами утренняго солнца, остроребрый вершины хребта; синими и темно-фіолетовыми полосами, въ видѣ геометрическихъ фигуръ, преимущественно треугольниковъ, обращенныхъ однимъ изъ угловъ книзу, вырисовывались ущелья и расщелины, составляя эффектные контрасты съ свѣтлыми бликами вершинъ; и всему этому калейдоскопическому рисунку мрачныхъ и нѣжныхъ, темныхъ и яркихъ красокъ служило фономъ блѣдно-голубое утреннее небо... Картина была роскошная, способная поразить своими эффектами жителя равнинныхъ, однообразныхъ мѣстностей Россіи; хотѣлось бы вѣчно глядѣть на эту величавую красоту непризнающихъ человѣческой власти горныхъ вершинъ, наблюдать переливы красокъ и тѣней на ихъ выступахъ и въ расщелинахъ, хотѣлось громко восторгаться изяществомъ то волнообразной, то причудливо-изломанной линіи контура вершинъ, какъ будто рѣзцомъ проведенной на лазурной тверди небесъ.

— Какъ хорошо! — невольно воскликнулъ я.

Стоявшій со мною бурята удивленно посмотрѣлъ на меня, потомъ радостно улыбнулся, — онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и сочувственно отвѣтилъ мнѣ на своемъ ломанномъ языкѣ:

— Большая, ух! кака большая гора; но худой гора, звѣрь мало, промышлять ходить далеко надо, за гора...

Приходилось отложить восторги въ сторону и обратиться къ реальнымъ интересамъ. Однако, не мѣшаетъ и теперь отложить восторги въ сторону и вести рѣчь болѣе обстоятельно. Последній спускъ съ горнаго хребта, кольцомъ обхватившаго Тунку, — и вотъ вы въѣзжаете въ эту долину, гдѣ протекають рѣки Иркутъ, Тунка, Талая, Кынгырга и десятки другихъ болѣе мелкихъ. Всѣ онѣ имѣють горный характеръ: въ обыкновенное время скромно шумящія въ своихъ каменныхъ руслахъ, онѣ въ сильные дожди или въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ обращаются въ бѣшеные горные потоки, которые съ шумомъ и ревомъ ворочають и уносить съ собою громадные камни, по аршину въ діаметрѣ и болѣе, рвутъ прибрежныя деревья съ корнемъ, сносятъ безчисленныя маленькія мельнички, устроенныя на нихъ, и прерывають всякое сообщеніе, потому что мостовъ здѣсь почти нѣтъ, — бесполезно и разорительно было бы ихъ дѣлать тамъ, гдѣ ѣздить исключительно верхомъ и гдѣ обычной постройки мосты могутъ продержаться лишь до перваго паводка. Тунгинская долина была облюбована, въ качествѣ удобнаго мѣста жительства, еще людьми каменнаго вѣка: весьма нерѣдки здѣсь находки каменныхъ орудій и глиняныхъ черепковъ свидѣтельствуютъ объ этомъ; въ песчаныхъ холмахъ, нынѣ разрушаемыхъ вѣтрами и дождями, — ибо неразумный человекъ уничтожилъ древесную растительность, сохранявшую эти холмы отъ размывовъ и развѣиванія и тѣмъ самымъ спасавшую близъ лежащія плодородныя зем-

ли отъ заноса ихъ песками,—въ этихъ холмахъ оказываются порой цѣлыми залежи каменныхъ топориковъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій, дисковъ, съ отверстіями по срединѣ, молотковъ и другихъ орудій и украшеній. Наконечники стрѣлъ и копій извѣстны у мѣстнаго русскаго населенія подъ именемъ «громовыхъ стрѣлъ» и пользуются большимъ уваженіемъ, какъ талисманы, способствующіе удачѣ въ каждомъ дѣлѣ или предпріятіи владѣльца ихъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы талисманъ былъ найденъ безъ свидѣтелей и хранился бы въ полной тайнѣ, такъ чтобы даже домашнія лица обладателя талисмана не знали о существованіи этого послѣдняго; поэтому масса такихъ находокъ безнадежно скрыта отъ взоровъ постороннихъ, на что очень жалуются археологи, не мало уже удѣлившіе своего вниманія тунгинской долинѣ. Затѣмъ въ этой мѣстности и въ другихъ сосѣднихъ, вѣроятно, обитали въ разное время различные народы и племена, едва-едва упоминаемые историками, которые имѣютъ, въ данномъ случаѣ, только одну точку опоры для своихъ догадокъ—китайскіе историческіе источники; когда и при какихъ обстоятельствахъ сошли со сцены эти народы (Го-Эй, Бигу, Шивэй и друг.)—почти неизвѣстно; предполагаютъ, что буряты, которыхъ застали русскіе въ предѣлахъ Иркутской губерніи въ началѣ XVII вѣка, прибыли въ эти мѣста не ранѣе начала текущаго тысячелѣтія, вытѣснивъ къ сѣверу жившихъ здѣсь тунгусовъ. Подвиги знаменитаго, въ своемъ родѣ, Ивана Похабова и другихъ сродныхъ ему по жестокости и звѣрству завоевателей заставили балаганскихъ бурятъ, жившихъ въ Ангарской долинѣ, возмутиться, перебить козаковъ, собиравшихъ ясакъ, и съ женами и съ дѣтьми бѣжать черезъ Тунку въ Монголію (1658 г.); уstraшенные ихъ разказами, и тунгинскіе буряты двинулись туда же, покинувъ свои роскошныя пастбища. Балаганскіе бурята вскорѣ вернулись, услышавъ про воцареніе въ Москвѣ новаго «блага царя» (Петра I) и о томъ, что Похабова уже нѣтъ на Ангарѣ; они осѣли на своихъ прежнихъ мѣстахъ, не утративъ, какъ кажется, за время пребыванія въ Монголіи характерныхъ чертъ своего быта и типа, равно и особенностей языка; дальше ли оставались въ предѣлахъ Монголіи тунгинцы, или они и прежде входили, благодаря близкому—сравнительно—сосѣдству, въ тѣсныя, кровныя связи съ монголами, многое у нихъ перенимая, но они оказались, по возвращеніи своемъ, т. е. когда съ ними впервые столкнулись русскіе, уже значительно отличными по типу, нарѣчію и образу жизни отъ другихъ при-ангарскихъ бурятъ, и это различіе весьма отчетливо сохранилось и до нашихъ дней. Въ началѣ XVIII столѣтія Тунгинскій край сталъ заселяться русскими пришельцами: съ стратегическими цѣлями былъ заложенъ въ 1709 г. тунгинскій острожекъ, въ которомъ поставленъ былъ гарнизонъ въ 150 козаковъ, а вокругъ него стали селиться чернососные крестьяне, не служилые люди. Буряты принуждены были, поэтому, нѣсколько податься въ стороны, очистивъ центральную, лучшую часть долины подъ селеніемъ и замки побѣдителей.

Удобныхъ для распашки мѣстъ было вначалѣ весьма много, а охотни-

ками до них оказывались одни крестьяне, ибо аборигены земледѣлемъ не занимались, а козакъ считали за болѣе выгодное для себя занятіе собирать ясакъ съ бурятъ и «промышлять звѣря» (а иногда и инородца); но постепенно населеніе Тункинскаго края разрослось, отчасти благодаря продолжавшейся иммиграціи, отчасти же благодаря естественному своему приросту; близъ первоначально заложенныхъ поселеній не оказывалось уже больше годныхъ для распашки мѣстъ, приходилось молодому поколѣнію и пришельцамъ забираться въ глубь бурятскихъ земель, для выбора наиболѣе удобныхъ участковъ; равнымъ образомъ, и козакъ, послѣ болѣе прочнаго установленія основъ мирной гражданской жизни, лишились многихъ источниковъ своего дохода и постепенно, хотя и очень неохотно, должны были принятись за земледѣліе и скотоводство; наконецъ, приблизительно съ начала нынѣшняго столѣтія наиболѣе близкіе къ русскимъ поселеніямъ бурятскіе роды, видя успѣшность опытовъ распашки земель, чувствуя все болѣе недостатокъ въ пастбищахъ для скота, а также замѣчая уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей въ тайгѣ, стали менѣе заниматься скотоводствомъ и охотой и, по примѣру русскихъ, построили себѣ дома и принялись за хлѣбопашество.

Впослѣдствіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, въ Тунку (равно и въ нѣкоторые другіе пункты Иркутской губ.) были приселены штрафные солдаты изъ войскъ Европейской Россіи, перечисленные въ козачье сословіе; этотъ опытъ массовой колонизаціи земель и нравственнаго исправленія путемъ ссылки, съ переводомъ въ другое сословіе, десяти тысячъ нижнихъ чиновъ рѣшительно не удался, какъ и многіе подобныя ему предшествовавшіе опыты: новые колонизаторы, какъ таковые, оказались никуда негодными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и польза отъ нихъ, какъ отъ служилыхъ козаковъ, была болѣе чѣмъ сомнительна; поэтому въ 1871 г. козачьи полки были расформированы, и оказавшіеся къ тому времени налицо козакъ изъ штрафныхъ солдатъ обращены въ «крестьянъ изъ козаковъ», или, какъ ихъ принято называть въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ, въ отличіе отъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ «крестьянъ-собственниковъ».

Такимъ образомъ, въ тункинской долинѣ должны были встрѣтиться интересы четырехъ различныхъ группъ населенія: туземцевъ-бурятъ, старожилковъ-козаковъ (и понинѣ остающихся въ этомъ званіи), бывшихъ государственныхъ крестьянъ и крестьянъ-собственниковъ; каждая изъ этихъ группъ надѣлена особыми юридическими правами на землю, каждая должна бы поэтому владѣть отрубными земельными дачами, а, между тѣмъ, участки земель, находящихся въ фактическомъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ этихъ группъ, такъ разбросаны и представляютъ такую черезполосицу, а самыя права, на которыхъ основывается та или другая группа по отношенію къ факту владѣнія извѣстнымъ участкомъ, такъ темны и запутаны (три главныя группы населенія въ своихъ земельныхъ спорахъ постоянно ссылаются на право захвата, которымъ руководствовались ихъ прапрадѣды), что разобраться во всей этой неурядицѣ поземельныхъ отношеній теперь,

когда каждый участок пахотной земли начинает приобретать особое значение, почти невозможно иначе, как путем разрубки этих Гордиевых узловъ. Ежегодно выѣзжаютъ цѣлыя партіи землеѣровъ въ Тунку, чтобы какъ-нибудь уладить споры между сторонами, но все напрасно: каждымъ межеваніемъ остается недовольна каторая-нибудь изъ сторонъ, а иногда и всѣ три стороны, затѣмъ летятъ прошенія во всевозможныя инстанціи и на будущій годъ межеваніе начинается вновь. Есть еще одинъ поводъ, кромѣ земельного, къ неудовольствіямъ между крестьянами и козаками. Эти послѣдніе, оставаясь полувоенными людьми, обязанными выходить при конѣ и съ мундирою на службу въ городъ Иркутскъ или на разные кордоны, куда прикажетъ начальство *), въ послѣднее время лишились своего военного управленія и были подчинены власти и вѣдѣнію мѣстнаго крестьянскаго волостнаго правленія; отсюда длинный рядъ протестовъ со стороны козаковъ, уклоняющихся отъ нѣкоторыхъ повинностей и отъ уплаты волостныхъ сборовъ, которые наложены на нихъ крестьянскимъ сходомъ, не желающихъ подчиняться волостному суду, не слушающихъ выборнаго начальства изъ среды крестьянъ и т. п. Само собою разумѣется, что, при наличности подобныхъ условий, общественная жизнь мѣстнаго населенія не представляетъ собою подобія земнаго рая, а скорѣе похожа на жизнь враждебныхъ другъ другу племенъ, живущихъ бокъ-о-бокъ и всегда готовыхъ произвести нападеніе на сосѣда или же отразить таковое; нужно, впрочемъ, замѣтить, что до кровавыхъ развязокъ тункинскія поземельныя отношенія, какъ кажется, еще не доходили, хотя единичные и даже массовые конфликты отнюдь не составляютъ рѣдкости **).

Почва въ нѣкоторыхъ частяхъ долины чрезвычайно плодородная; въ хорошій, незасушливый годъ свѣжая, хотя и неудобренная земля (объ удобреніи полей здѣсь и не слыхали) даетъ 200 пудовъ урожая съ десятины ярицы или овса и нѣсколько менѣе пшеницы, озимыхъ же хлѣбровъ не сѣять, ибо снѣга здѣсь выпадаютъ весьма неглубокіе и сходятъ они рано, а рыхлая, неглинистая почва не можетъ противиться сильнымъ весеннимъ вѣтрамъ, такъ что озимые всходы «выдуваетъ», т.-е. они вырываются вѣтромъ съ корнемъ.

Главный бичъ здѣшняго земледѣлія—засухи, съ которыми земледѣльцы не научились еще бороться искусственнымъ орошеніемъ. Папуть землю такъ же, какъ пахали предки полтора стлѣтъ назадъ, и, тѣмъ не менѣе, живутъ сыто и довольно. Это довольство ярко сказывается на всемъ складѣ жизни

*) Каждый здоровый мужчина-козакъ обязанъ прослужить въ періодъ съ 20-ти лѣтняго до 35-ти лѣтняго возраста, всего около семи лѣтъ, чередуя годъ службы съ годомъ отпуска домой.

**) Численность группъ, населяющихъ центръ долины, с. Тунку, съ ближайшими къ нему деревнями, такова: крестьянъ бывшихъ государственныхъ—191 хозяйство, крестьянъ изъ козаковъ—15 хоз., казаковъ—280 хоз. и еще поселенцевъ—8 хоз.; но послѣдніе, по своей малочисленности, несостоятельности и безграбію, никакой роли въ спорахъ не играютъ.

зажиточных тункинских крестьян, а эти последние составляют здесь большинство. Такой крестьянин есть хорошо и часто, пьет чай—дешевый, не оплаченный пошлиной—не менее двух раз в день (а в праздники раз пять), идет на работу утром не ранее, как выпивъ съ пятокъ чашекъ, непременно съ «подбѣлкою» (т.-е. съ топленымъ молокомъ) и съ лепешками или шанежками, нерѣдко изъ пшеничной муки; лошадей у него много (въ среднемъ, на тункинскій дворъ приходится 5 рабоч. лош., 6 гол. крупнаго рогатаго скота и до 20 гол. мелкаго), пѣшкомъ онъ и на край селенія не пойдетъ, а сѣдлаетъ себѣ коня; бабы и дѣвки отправляются на поле и возвращаются домой съ поля не иначе, какъ на телегахъ же или верхами, если тележныхъ дорогъ къ полю нѣтъ и оно отстоитъ отъ жилья далѣе, чѣмъ на 1—2 версты; третья или четвертая часть хозяевъ нанимаетъ работниковъ, годовыхъ или лѣтнихъ; многіе занимаются еще торговлей съ бурятами и монголами или охотой,—словомъ, русскій крестьянинъ изъ какой-нибудь суглинистой губерніи ахнулъ бы и замеръ отъ удивленія, увидѣвъ это житье-бытье, о которомъ ему только бабка въ сказкахъ сказывала, когда онъ мальчонкой еще бѣгалъ. Козаки живутъ значительно бѣднѣе крестьянъ, т.-е. производятъ меньшую запашку и держатъ менѣе лошадей (но скота почти столько же); причиной этого—нихъ обязательная кордонная и вѣстовая (въ городахъ) служба; но, какъ слышно, въ денежномъ отношеніи эта козачья повинность не безвыгодна, такъ какъ и на кордонахъ, и на прискахъ, и даже въ вѣстовыхъ оказывается возможнымъ извлекать кое-какіе доходы; поэтому, несмотря на меньшіе размѣры своего земледѣльческаго хозяйства, козачье населеніе живетъ не менѣе сыто, нежели крестьянское.

И, тѣмъ не менѣе, интеллигентъ, попавшій въ Тункинскій край, чувствуетъ себя очень скверно. Правда, идеалъ сытаго довольства крестьянина здѣсь почти осуществленъ и находится у интеллигента передъ глазами, причѣмъ общая перспектива сытости не нарушается даже наличностью десятка или полутора десятковъ дворовъ, онутившихся или разорившихся, благодаря жестокому пьянству главы семьи или отсутствію рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ, или по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ; правда, личность стоитъ здѣсь на неизблемомъ фундаментѣ и каждый крестьянинъ можетъ про себя съ гордостью сказать: «я самъ себѣ хозяинъ, и никому кланяться не имѣю ни охоты, ни нужды»; правда, что сценъ жестокаго деспотизма общества надъ отдѣльными своими членами или крайней эксплуатаціи бѣдняка богачомъ, высасывающимъ кровь изъ своихъ жертвъ, здѣсь нѣтъ, и интеллигентъ не увидитъ сценъ унижительнаго рабства голодной округи и ея смиренія передъ мощною кулака; но, тѣмъ не менѣе, здѣсь интеллигенту живется еще скучнѣе, чѣмъ въ глухой російской деревушкѣ, испуганно думающей о каждомъ завтрашнемъ днѣ, бьющейся какъ рыба объ ледъ цѣлымъ вѣкъ изъ-за куска хлѣба и жаждущей хоть минутнаго отдыха отъ тяжелаго, подкабальнаго труда на «благодѣтеля», не дающаго ей умереть съ голодухи изъ

своихъ личныхъ интересовъ. Интеллигенту скучно здѣсь; въ этомъ хлѣбномъ угольѣ; онъ не видитъ здѣсь никакой борьбы, онъ не видитъ здѣсь вопиющихъ нуждъ и страданій, которыя призывали бы его на помощь, и онъ чувствуетъ себя здѣсь лишнимъ, потому что онъ никому не нуженъ: всѣ сыты и довольны своею утробною жизнью, а умственныхъ запросовъ налицо еще не имѣется; здѣсь нѣтъ никакой борьбы (если не считать вѣковѣчныхъ споровъ изъ-за межъ и граней) ни на почвѣ экономическихъ началъ, ни на почвѣ идейной; кругомъ слышатся только звуки спокойной жвачки и довольной отрыжки. У тунгинскаго обывателя нѣтъ ни прошлаго, которое онъ забылъ, какъ нѣчто для него ненужное, ни будущаго, котораго онъ себѣ и представлять не хочетъ; онъ доволенъ настоящимъ, такимъ, каковыя оно есть, и поэтому никуда не стремится; эта-то инертность, хотя и сытая, это полное отсутствіе идеаловъ и стремленія къ нимъ производить удручающее впечатлѣніе на каждого, предъявляющаго къ жизни другія требованія, кромѣ удовлетворенія животнo-растительныхъ потребностей. Кругомъ—мракъ невѣжества, который не сознается никѣмъ, потому что въ немъ живетъ сыто. Куда и зачѣмъ идти, когда и такъ хорошо здѣсь, въ этомъ отрѣзанномъ отъ всего міра угольѣ?... Какое дѣло эгоизму до нуждъ и страданій другихъ, копошавшихся гдѣ-то тамъ, чуть ли не на другой планидѣ?... Въ чему какія бы то ни было новшества, когда старый укладъ жизни хорошо удовлетворяетъ потребностямъ желудка?... Попржежнему, красуются «бѣлки» хребтовъ; попржежнему, жуть земледѣльцы только дождя и клянутъ засуху, единственнаго своего врага; проходятъ годы, а все идетъ попржежнему. Вотъ только баринъ, неизвѣстно до какой причинѣ здѣсь живущій, сталъ строить какое-то чудное зданіе, приѣхавъ къ нему крылья, говорить: отъ вѣтра эти крылья будутъ вертѣться и молоть хлѣбъ въ муку; но виданное ли дѣло ловить вѣтеръ крыльями?... Нѣтъ, это не просто; онъ будетъ не иначе, какъ заклинать вѣтры, колдовскимъ путемъ привлекать ихъ *); а вѣтеръ сушитъ землю, и безъ того слишкомъ сухую; хлѣба будутъ родиться плохо отъ засухъ... И въ результатѣ этихъ соображеній—клячь: «Ломать эту колдовскую стройку, берись за топоры!»... Или вотъ, въ домѣ одного крестьянина появилась какая-то «кукла», которая сильно пакоститъ: разбиваетъ стекла въ окнахъ, рѣжетъ платья на куски, бьетъ горшки и т. д., и все село относится съ крайнимъ интересомъ и нѣкоторымъ страхомъ къ этому явленію: призываются знахарь, ворожея, но «кукла» не унимается, тѣмъ приводитъ въ ужасъ всѣхъ жителей этого и сосѣднихъ домовъ (кромѣ невѣстки хозяина дома, въ которомъ появилась «кукла»). А интеллигентъ глядитъ и не знаетъ, ужъ не радоваться ли этому проявленію духовной жизни сытыхъ обывателей, такъ какъ жизнь ихъ ни въ чемъ другомъ не сказывается, а эти нелѣпыя проявленія ея служатъ все же таки доказательствомъ того, что «еще живъ курилка»...

*) Кстати, здѣсь же существуетъ повѣрье, въ которому нерѣдко прибѣгаютъ при вѣяннн хлѣба: если вѣтра нѣтъ, то нужно посвистѣть и проговорить какое-то заклинаніе,—вѣтеръ явится къ услугамъ вѣльщика.

Таковъ этотъ райскій уголокъ Иркутской губерніи. Чудная декоративная природа служитъ рамкой плодородной долины; обыватели этой долины *) живутъ сыто, по-своему счастливо, не дѣлая особаго зла, потому что оно не требуется въ ихъ обиходѣ, но и не дѣлая никому добра; плодятся и множатся въ геометрической прогрессіи; вообще представляютъ собой чуть ли не идеаль матеріальнаго довольства крестьянина-земледѣльца. Но Боже меня упаси, чтобы я пожелаалъ именно такого эгоистическаго довольства бѣдной русской деревнюшкѣ, кряхтящей подъ лапой «благодѣтеля»: пусть она по возможности скорѣе достигнетъ довольства, но пусть не забываетъ своего прошлаго; пусть сознаніе единства ея интересовъ съ интересами всего крестьянскаго міра никогда не исчезаетъ изъ ея памяти.

Слѣдовало бы представить въ болѣе яркихъ чертахъ внутренній, духовный міръ тункинца, остановиться на его религіозныхъ воззрѣніяхъ и міросозерцаніи, на его отношеніяхъ къ просвѣщенію, на складѣ его общественной жизни и проч. Но меня останавливаетъ отъ этой попытки слѣдующее соображеніе: тункинецъ—это вообще сибирякъ, достигшій извѣстнаго уровня матеріальнаго довольства; у тункинца—въ его вѣрованіяхъ, воззрѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ—очень много общаго съ соответствующими сторонами духовнаго міра всѣхъ крестьянъ Восточной Сибири, поэтому гораздо легче и удобнѣе говорить на эту тему вообще, не приурочивая изложеніе къ извѣстному географическому пункту. Притомъ, собственно тункинецъ не настолько мнѣ извѣстенъ, чтобы я могъ въ деталяхъ ярко и правдиво изобразить именно его внутренній міръ, для меня возможно только коллективное изображеніе этого міра,—здесь взять одну подмѣченную черту, тамъ—изученную другую и изъ всего этого составить болѣе или менѣе полную картину духовной жизни и нравственныхъ запросовъ восточно-сибирскаго крестьянина. Это мы и попробуемъ сдѣлать въ слѣдующемъ очеркѣ.

Н. Астыревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Бураты я здѣсь не касаюсь,—о нихъ будетъ рѣчь въ особомъ очеркѣ.

Эволюція идей-силъ *).

Русская Мысль многократно указывала на интересныя работы Альфреда Фуилье, одного изъ наиболѣе даровитыхъ мыслителей современной Франціи. Новый трудъ Фуилье посвященъ чрезвычайно важному вопросу, касаться котораго намъ приходилось по разнымъ поводамъ въ *Русской Мысли*. Теперь въ большомъ ходу мысль о томъ, что именно мысль - то наша и есть нѣчто второстепенное, подчиненное. Дѣлаются серьезныя попытки выдвинуть на первый планъ *внутреннее чувство* и вообще ирраціональное начало. Свѣозъ эту дверь отърывается легкой доступъ многимъ старымъ, изгнаннымъ наукою предразсудкамъ и сантиментальнымъ сѣтованіямъ о мнимой немощи разума. Точныя психологическія наблюденія въ время являются на помощь рационализму и подтверждаютъ его старыя права на царственное мѣсто во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности.

Въ скоромъ времени должна появиться новая книга Фуилье: *Психологія идей-силъ*. Она составитъ необходимое дополненіе къ тому сочиненію, съ содержаніемъ котораго мы познакомимъ на этихъ страницахъ читателей *Русской Мысли*.

Въ наше время, — говоритъ Фуилье, — склонны изучать эволюцію, не вводя въ нее никакого умственного дѣятеля. Психическіе факты (чувствованія, мысли, желанія) изображаются лишь какъ результаты безъ самостоятельнаго значенія, какъ послѣдствія, а отнюдь не причины развитія, не его двигатели. Вслѣдствіе такой постановки дѣла, между жизнью и мыслью, между біологіей и психологіей образуется непреходимая бездна, т.-е. разрывается самая эволюція. Отъ этого недостатка не свободенъ и самый крупный изъ современныхъ философовъ-эволюціонистовъ, Спенсеръ.

Фуилье защищаетъ иной взглядъ. Онъ разуметь подъ идеей или мыслью не только внутреннее представленіе того, что есть или можетъ быть, но всякое обдуманное состояніе сознанія. Отъ идеи въ этомъ смыслѣ неотдѣлимы чувствованія и желанія и она является все болѣе и болѣе могущественнымъ факторомъ личнаго и общественнаго развитія. Общія идеи,

*) *Fouillée: „L'évolutionnisme des idées-forces“. 1890.*

Отвлеченныя мысли возбуждаютъ въ насъ многообразныя волненія и представленія и влекутъ за собою съ неотразимою силою. Въ идеи замыкается долгий культурный трудъ ряда смѣнявшихся поколѣній, онѣ являются формами общественнаго сознанія, представляемыми сознанию индивидуальному; въ то же время, онѣ дѣйствуютъ какъ силы, вліяя на отдѣльную личность, которая посредствомъ идей въ свою очередь вліяетъ на общество *).

Признакомъ силы вообще можетъ служить ея степень, напряженность. Всякому извѣстно, что состоянія сознанія, всякая идея и чувство, отличаются бѣльшею или меньшею напряженностью, то-есть бѣльшею или меньшею силою, и уже поэтому очевидно, что мысль и чувство не могутъ не быть въ свою очередь, каково бы ни было ихъ происхождение, факторами личной и общественной жизни. Нѣтъ сознанія безъ какой-либо его напряженности, — нѣтъ, слѣдовательно, *состоянія сознанія*, которое не было бы, въ то же время, его *степенью*. Теперь уже представляется возможнымъ, посредствомъ разнообразныхъ приспособленій, подвергать эти состоянія измѣренію съ количественной стороны. О прямыхъ и косвенныхъ способахъ этихъ измѣреній мы въ нашемъ изложеніи говорить не будемъ. Это вопросъ специальный, не имѣющій для насъ, въ данномъ случаѣ, большаго значенія. Ему отведено нѣсколько параграфовъ въ первой главѣ книги Фулье. Главный выводъ его въ этой главѣ таковъ: «интензивность (напряженность) состояній сознанія есть функція напряженія внѣшнихъ возбужденій и внутренней реакціи» **).

Иногда представляютъ себѣ сознаніе какимъ-то свидѣтелемъ внутреннихъ состояній или вызывающихъ ихъ внѣшнихъ явленій. Между тѣмъ, наше сознаніе неотдѣлимо отъ всѣхъ состояній этого сознанія, оно не существуетъ внѣ ихъ. Сознать и значить что-либо мыслить, чувствовать, желать. Напряженное удовольствіе есть напряженное сознаніе удовольствія. Уменьшите удовольствіе — вы уменьшите и его сознаніе. Конечно, можно имѣть интензивное сознаніе слабаго удовольствія, но это уже актъ вторичный, размышленіе, сосредоточеніе вниманія и сужденія, а не актъ непосредственнаго сознанія. Если мы испытываемъ, то-есть сознаемъ, боль и въ это время наше сознаніе (вниманіе) будетъ отчасти отвлечено чѣмъ-либо другимъ, то это поведетъ къ ослабленію, въ бѣльшей или меньшей степени, ощущенія боли, — иными словами, произойдетъ перераспределеніе сознанія (силы).

Но покрываетъ ли сознаніе всю психическую жизнь, нѣтъ ли внѣ освѣщенной области умственныхъ фактовъ темной области фактовъ умственныхъ, но не сознаваемыхъ? Одна школа современной психологіи устремля-

*) Вотъ точное опредѣленіе идеи, даваемое Фулье: „Nous appellerons *idées*, formes mentales ou formes de conscience, *tous les états de conscience en tout que susceptibles de réflexion et par réflexion, de réaction sur eux-mêmes, sur les autres états de conscience*, enfin, grâce à la liaison du physique et du mental, sur les organes du mouvement“.

***) Fouillée, 13.

еть свое вниманіе исключительно въ эту сторону и предполагаетъ единственно-возможнымъ объясненіе сознательныхъ актовъ, какъ результатовъ бессознательныхъ состояній. Другіе психологи указываютъ на то, что такъ называемыя бессознательныя душевныя состоянія заключаютъ въ себѣ зачатки сознанія. Эти зачатки, при благоприятныхъ условіяхъ, конденсируются, крѣпнуть и превращаются въ раздѣльныя сознательныя состоянія, подобно тому, какъ изъ туманныхъ пятенъ постепенно образуются звѣзды. Еслибъ мы обладали психическимъ микроскопомъ, то подмѣтили бы въ себѣ такія мелкія состоянія сознанія, о которыхъ теперь не имѣемъ понятія. Фуиле замѣчаетъ, что нельзя говорить о переходѣ бессознательнаго въ сознательное, а лишь о томъ, что слабая степень сознанія перешла въ болѣе сильную. Колесо экипажа можетъ вертѣться съ такою быстротой, что мы не получимъ ощущенія смѣны спиць, въ нашемъ сознаніи онѣ исчезнутъ, но мы знаемъ объ ихъ существованіи на основаніи прежнихъ опытовъ, прежнихъ сознательныхъ ощущеній. Существуютъ насѣкомыя, крылья которыхъ бьются отъ трехсотъ до тысячи разъ въ секунду; мы не можемъ, по устройству нашего организма, различать явленія, смѣняющіяся съ такою быстротой, и мы не сознаемъ ихъ раздѣльно, а воспринимаемъ общее впечатлѣніе отъ трепетанія крыльевъ этого насѣкомаго. Когда мы при чтеніи книги, насъ очень интересующей, перевортываемъ страницу за страницей, здѣсь дѣйствуетъ сознаніе, хотя и въ темной формѣ, въ рядѣ неотчетливыхъ актовъ. Въ сознаніи потомъ будетъ воспоминаніе, что мы перевортывали страницы, но не будетъ раздѣльнаго воспоминанія о каждой перевернутой страницѣ. Эти отдѣльные психическіе акты сливаются, какъ голоса въ хорѣ. Этимъ же объясняется, почему ребенокъ, заснувшій подъ пѣсенку, просыпается, когда она смолкаетъ: голосъ былъ какъ бы педалью, онъ входилъ въ общую совокупность сознанія, постепенно ослабѣвавшего, и прекращеніе пѣнія нарушило установившуюся гармонію.

Фуиле подвергаетъ внимательному и подробному разбору мнѣнія тѣхъ изъ современныхъ психологовъ, которые признаютъ происхожденіе сознательныхъ ощущеній и сознательныхъ сужденій изъ неразличимыхъ сознательно психическихъ актовъ. Къ числу подобныхъ психологовъ относятся такіе мыслители, какъ Гельмгольцъ, Тэнъ, Вундтъ, Ланге. Въ ихъ соображеніяхъ, наблюденіяхъ и опытахъ заключается чрезвычайно много интереснаго и важнаго. Мы не станемъ передавать соотвѣтствующихъ главъ книги Фуиле, отчасти потому, что вопросъ требуетъ не пересказа, а точной и полной передачи для достаточнаго уясненія, отчасти потому, что аргументація Фуиле не представляется намъ вполне убѣдительною. Между сознательнымъ и бессознательнымъ существуетъ, конечно, разрывъ; но разрывъ подобнаго рода, говорятъ сторонники иного объясненія, существуетъ, напримѣръ, между кислородомъ и водородомъ, съ одной стороны, и водою — съ другой, что не мѣшаетъ водою быть сочетаніемъ опредѣленнаго вида именно кислорода и водорода. Съ нашей точки зрѣнія, важнѣе всего вопросъ о томъ, имѣетъ ли сознаніе (мысль), разъ оно образовалось, зна-

ченіе самостоятельнаго фактора психической жизни, или не имѣеть. Въ случаѣ положительнаго отвѣта, наше развитіе становится дѣйствительно надъорганическимъ и въ общую эволюцію, поскольку она относится къ человѣческому обществу, вводится могущественный и благотворный дѣятель—человѣческая мысль.

Каждая, самая простая функція нашей умственной жизни,—говорить Фуилле,—заключаетъ въ себѣ: 1) измѣненіе нашего состоянія, 2) болѣе или менѣе смутное при этомъ удовольствіе или непріятное ощущение, 3) измѣненіе, произведенное реакціей. Иными словами, каждый психическій процессъ (элементарный) состоитъ изъ ощущенія; чувствованія, воли *). Въ самыхъ отвлеченныхъ идеяхъ и въ самыхъ сильныхъ чувствахъ анализъ открываетъ присутствіе этихъ элементовъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ и степеняхъ. Мы думаемъ и чувствуемъ во всё мгновенія нашей (сознательной) жизни, но только въ однихъ случаяхъ преобладаетъ мысль и чувство заслоняется ею, въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, первый планъ занимаетъ чувство и присутствіе мысли становится несомнѣннымъ только при внимательномъ анализѣ этого душевнаго состоянія, когда оно закончится. Мысль, которую защищаетъ Фуилле, далеко не нова; но она не пользуется общимъ признаніемъ, часто игнорируется, а, между тѣмъ, она богата важными и теоретическими, и практическими послѣдствіями. Только благодаря этой неразрывной связи мысли и чувствованія, воли и мысли, получается возможность облагораживать чувствованія, укрѣплять и направлять волю къ достойнымъ цѣлямъ, придавать идеямъ въ нашей жизни значеніе первенствующаго фактора въ личномъ и общественномъ поведеніи.

Развитіе вообще происходитъ отъ простаго къ сложному. Первоначальные психическіе акты направлены къ поддержанію существованія, интеллектуальное начало играетъ въ нихъ слабую роль; но, по мѣрѣ эволюціи, по мѣрѣ совершенствованія отдѣльныхъ органовъ, роль эта все болѣе и болѣе усиливается. Каждое состояніе сознанія (стало быть, и мысль) вызываетъ въ насъ движеніе, въ болѣе или меньшей степени опредѣляетъ волю,—это очевидно вытекаетъ изъ установленія неразрывной связи трехъ элементовъ каждаго психическаго акта **). Фуилле выставляетъ такую формулу для этого закона: «Всякое состояніе сознанія, въ мѣру своей интензивности или своей силы, стремится опредѣлить болѣе или менѣе интензивныя и распространенныя движенія». Нѣтъ такого состоянія сознанія, какъ бы ни было оно слабо, которое не подымало бы въ нашемъ организмѣ легкой волны движенія. Чувствовать, мыслить, желать, отдѣльно

*) „Les faits de conscience, malgré leur complexité, n'en sont pas moins réductibles au processus élémentaire: sentir, être ému, réagir, qui, en un seul mot, constitue l'«*ap-petit*»“ (Fouillée, 79).

***) „Nous avons, en somme, aussi bien le droit de dire l'«*idée-force*» ou le «*sentiment-force*» ou le «*désir-force*», parce que ces divers moments du processus mental s'impliquent l'un l'autre et impliquent tous le mouvement“ (Fouillée, 97).

отъ движенія, мы можемъ только въ зрѣломъ сознаніи; мы можемъ тогда *представить*, напримѣръ, какое-либо движеніе нашего тѣла и не исполнить такого движенія, но лишь потому, что это движеніе, начатое въ силу именно представленія о немъ, *задерживается* нами. Дѣти и дикари какъ только представляютъ себѣ что-либо, такъ сейчасъ же исполняютъ соответствующія движенія. Такимъ образомъ, отдѣленіе мысли отъ движенія составляетъ явленіе не первоначальное, а производное, приобрѣтенное. Оно происходитъ отъ столкновенія представленій или чувствованій. Отсюда рождается новый импульсъ, который ведетъ къ остановкѣ или ослабленію того или другаго движенія, къ взаимной нейтрализаціи противоположныхъ импульсовъ. Всякая идея есть образъ, то-есть совокупность возрождающихся ощущеній, обусловливающихъ возрождающіяся движенія. Если въ моей головѣ возникнетъ мысль о прогулкѣ, то я пойду гулять, если этому не помѣшаютъ другіе образы, чувствованія, внѣшнія причины. Наша мысль сама есть движеніе въ влѣткахъ мозгового вещества и стремится къ реализаціи. Психо-физика доказываетъ, что представленіе движенія ведетъ къ передачѣ движенія, если только другое представленіе не задержитъ первого. *Ожиданіе* движенія является *началомъ* этого движенія до такой степени, что, приготовившись слышать звукъ, мы слышимъ его и въ томъ случаѣ, когда вспыхиваетъ электрическая искра. Когда мы находимся на доскѣ надъ пропастью, представленіе паденія весьма интенсивно, стало быть, импульсъ къ паденію также великъ, и необходимо для того, чтобы удержаться, большое усиліе воли. Такъ называемая *idée fixe* стремится устранить всѣ другія представленія и поэтому исключительно опредѣляетъ наше поведеніе, доводя его до болѣзненной односторонности. Въ состояніи сомнамбулизма также каждое представленіе, каждая мысль, которыя заполняютъ все сознаніе, неудержимо и непосредственно ведутъ къ реализаціи этой мысли и этого представленія. Подобное же мы видимъ при гипнозѣ, въ состояніи навожденія (внушенія), когда наступаетъ искусственный монотеизмъ (т.-е. исключительное господство одной идеи). Гипнотизеръ образуетъ въ мозгу какъ бы пустоту и вводитъ въ эту пустоту опредѣленную мысль, которая, не встрѣчая задержекъ, и осуществляется въ движеніяхъ. Всякій замѣчалъ на себѣ невольное подражаніе какому-либо движенію другаго лица: быть свидѣтелемъ движенія—значитъ уже быть его участникомъ. Сюда относятся всѣ случаи состраданія или сорадованія (симпатіи).

Бень указываетъ на то, что нѣкоторыя наши движенія совершаются по привычкѣ, въ нихъ совсѣмъ не участвуетъ удовольствіе. Но Фулье возражаетъ на это такимъ образомъ: если нашему привычному движенію что-либо помѣшаетъ, то сейчасъ же вскрыется, что оно есть скрытое желаніе, потому что мы *заотчимъ* осуществить задержанное движеніе.

Идея о какомъ-либо чувствованіи, если она достигнетъ опредѣленной силы, ведетъ къ тому, что мы на самомъ дѣлѣ испытываемъ это чувствованіе. Этихъ, какъ извѣстно, объясняются такія явленія, какъ стигматы,

т.-е. приливъ крови въ определенное время къ определеннымъ частямъ организма, образованіе на нихъ язвъ и т. д.

Признавая количественное соотношеніе между фактами физиологическими и психическими, Фуилье говоритъ, что отсюда не точно заключать о превращеніи (трансформизмѣ) явленій физическихъ и физиологическихъ въ явленія умственные: мы не можемъ свести чувствованія и мысль къ простымъ отношеніямъ, измѣняющимся въ пространствѣ, къ движеніямъ въ чисто-механическомъ смыслѣ, на что уже сводятся явленія физиологическія. Но количественное измѣненіе физическихъ условій умственного факта влечетъ за собою не только количественное, но и качественное измѣненіе этого факта. Такъ, болѣе сильное ощущеніе тепла отличается отъ слабѣйшаго и количественно, и качественно: качественное измѣненіе при этомъ можетъ идти до перехода пріятнаго ощущенія въ непріятное, и наоборотъ. Между энергіею физической и умственной существуетъ полное соответствіе двойственного отношенія количества и качества. Но отъ этой чисто-психологической точки зрѣнія должно отличать точку зрѣнія нравственную и общественную. Нравственное и общественное *качество* поступка или человѣка есть оцѣнка послѣдствій, причемъ взвѣшивается будущее, принимается въ расчетъ не отдѣльная личность, а все общество, и т. д. Каменщикъ, въ данный моментъ, подымая камень, можетъ израсходовать такое же количество силы, какъ Лейбницъ, производившій въ это время вычисленіе. Но потраченная каменщикомъ сила сполна выражается въ перестановкѣ камня, а мысль Лейбница дѣйствуетъ въ длинномъ рядѣ поколѣній, производя множество прямыхъ и косвенныхъ результатовъ. Точно также неисчислимы благодѣтельныя послѣдствія высокаго нравственного примѣра, и, конечно, между этими послѣдствіями и силою, въ механическомъ смыслѣ слова, затраченною героемъ, Гарибальди или Бошутомъ, не можетъ быть эквивалента, въ томъ же механическомъ смыслѣ.

Существуетъ ли эквивалентность или взаимное соотношеніе между умственными силами (*forces-mentales*)?—спрашиваетъ Фуилье. Отвѣтъ получается положительный. Психическія измѣненія, сравниваемые между собою, должны имѣть различную степень энергіи въ соответствіи съ различною степенью энергіи нервныхъ процессовъ. Мысль, чувство вызываютъ пропорціональный рядъ психическихъ состояній, какъ и въ мірѣ физическомъ тепловыя, напримѣръ, движенія пропорціональны свѣтовымъ явленіямъ, эквивалентны ихъ энергіи. Нѣкоторые философы спиритуалистической и критической школы утверждаютъ, что динамическіе законы сложения силъ неприменимы къ фактамъ душевной (умственной) жизни, но Фуилье опровергаетъ это утвержденіе. Сами писатели, защищающіе такой взглядъ (Ренувье, напримѣръ), признаютъ за умственными состояніями такія свойства, которыми характеризуются именно силы: напряженность, продолжительность и постоянное соотношеніе съ движеніемъ. Въ области умственной (духовной),—Фуилье говоритъ: *dans le domaine mental, faits mentaux*) похожій

силы и дѣйствующія въ одномъ направленіи соединяются, противоположны уравниваются другъ друга.

Въ третьей части своего сочиненія Фулье приступаетъ къ ближайшему разъясненію природы того соотношенія, которое онъ признаетъ между физическими и умственными силами. Французскій мыслитель вооружается противъ теорій, по которой физическій и умственный факты есть одинъ и тотъ же фактъ, съ двухъ точекъ зрѣнія, вслѣдствіе чего идеи являются не силами, а рефлексами. Наше сознаніе не можетъ считаться феноменомъ, аналогичнымъ съ другими, потому что оно присутствуетъ во всѣхъ актахъ нашей душевной жизни, о которой мы и знаемъ только то, что входитъ въ область сознанія. Допуская, что всѣ сознательныя функціи зависятъ отъ опредѣленныхъ нервно-мозговыхъ условій, Фулье не признаетъ возможнымъ свести сознаніе къ механизму, какъ болѣе сложное къ простѣйшему *). Чрезвычайно важно изучить явленія, которыя стоятъ на границѣ механизма и познавательной способности (*intelligence*) **)—привычки, инстинкты, рефлексивныя дѣйствія. Въ привычкѣ Фулье видитъ и пассивное, и активное начала. Она является длящимся измѣненіемъ, которое произведено дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ силъ. Привычка, съ одной стороны, физическій механизмъ, съ другой—психическое стремленіе (*arrêtation psychique*). Движенія, которыя становятся привычными, исполняются, наконецъ, бессознательно, говоритъ Фулье. Авторъ излагаемой нами книги допустилъ въ данномъ случаѣ неосторожное, съ его точки зрѣнія, выраженіе: разъ сознаніе участвовало въ созданіи привычки, привычка эта, какъ психическій актъ, не можетъ быть совершенно бессознательною, и Фулье могъ говорить только о слабой степени сознанія, о смутномъ и общемъ, а не раздѣльномъ и общемъ сознаніи. Примѣръ, который приводится самимъ Фулье, можетъ возбудить нѣкоторыя сомнѣнія относительно правильности его взгляда на независимое, самостоятельное существованіе сознанія: докторъ Робень, ожививши электричествомъ спинной мозгъ челоуѣка, которому была отрублена голова, наръзалъ скальпелемъ грудь трупа, и рука казеннаго поднялась и направила къ пораженному мѣсту. Фулье говоритъ, что такого сложнаго защитительнаго движенія не можетъ производить ребенокъ, что оно приобрѣтено долгимъ упражненіемъ и перешло въ прирожденное рефлекторное дѣйствіе. Съ этой точки зрѣнія открывается благодѣтельная возможность пересоздавать наши инстинкты, образовывать новые и въ корнѣ уничтожать такіе инстинкты, подобнаго же происхожденія, которые оказываются вредными съ нравственной и общественной точки зрѣнія.

Фулье утверждаетъ, что между существенными элементами инстинкта заключается сознаніе. Въ основѣ инстинкта лежитъ органическая потреб-

*) Фулье полемизируетъ при этомъ съ Рибо, Съченковымъ и другими психологами.

**) У насъ слово *intelligence* переводятъ иногда двумя словами вмѣстѣ: умъ и познаніе.

ность (*appétit*), и присутствіе болѣе или менѣе смутнаго сознанія удовольствія или вреда отъ удовлетворенія этой потребности не позволяютъ смѣшивать инстинктивныхъ движеній съ чистымъ автоматизмомъ (стр. 205). Наслѣдственно передается не представленіе, а извѣстныя ассоціаціи или приспособленія въ нашемъ мозгу. Какъ только наступаютъ условія, заставляющія эти приспособленія, такъ сейчасъ же открывается легкій доступъ для быстрого осуществленія той идеи, которая когда-то положила основаніе инстинкту. Такъ, разумѣется, утенку не передается въ наслѣдство идея или образъ воды, но утенокъ, очутившійся въ водѣ, сейчасъ же почувствуетъ себя тамъ вполне привольно. Фуилле называетъ поэтому инстинктъ идей-силой въ зачаточномъ состояніи. У животныхъ такой инстинктъ (или идея-сила) является неподвижнымъ (*idée-force à type fixe*), а у человѣка способнымъ къ многообразнымъ измѣненіямъ. Но Фуилле признаетъ, что движенія, бывшія въ болѣе или меньшей степени сознательными, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усовершенствованія механической ихъ передачи, ускользаютъ совершенно изъ поля сознанія, становятся вполне рефлекторными. Таково, напримѣръ, нормальное сердцебиеніе. Этимъ разсужденіемъ Фуилле, по нашему мнѣнію, опять наноситъ ударъ своему взгляду на самостоятельное существованіе сознанія и приближается къ мнѣнію, которое защищаетъ нашъ знаменитый фізіологъ Н. М. Сѣменовъ. Какъ только механизмъ кровообращенія нѣсколько испортится, Фуилле долженъ будетъ признать возникновеніе сознанія именно вслѣдствіе задержки движенія. Въ концѣ своихъ разсужденій объ инстинктѣ и о рефлекторныхъ актахъ названный ученый говоритъ слѣдующее: «Все совершается механическимъ путемъ, но, въ то же время, все совершается, если можно такъ выразиться, путемъ ошущеній и побужденій (*par voie sensitive et appétitive*). Не существуетъ, съ одной стороны, чувствующаго духа, съ другой—абсолютно нечувствующаго вещества, которое, однако, можетъ быть чувствуемо. Нѣтъ, если моя рука чувствуетъ музыкальный инструментъ, котораго она касается и надавливаетъ, чтобы вызвать изъ него разнаго рода звуки, то это потому, что инструментъ, сдѣланный человѣческимъ искусствомъ, могъ, при извѣстныхъ естественныхъ условіяхъ и цѣломъ рядѣ превращеній, стать моею рукой». Такая постановка вопроса, на нашъ взглядъ, даетъ лишь мнимое разрѣшеніе и совсѣмъ не разъясняетъ дѣла. Защищая свой взглядъ, Фуилле говоритъ, что современный монизмъ присовокупляетъ къ физической эволюціи эволюцію умственную, безъ установленія дѣйствительной связи между ними, тогда какъ его монизмъ, имманентный, избѣгаетъ этого затрудненія. Принципъ этого имманентнаго и опытнаго монизма Фуилле выражаетъ въ такихъ словахъ: «Всѣ факты въ мѣрѣ, безъ исключенія, должны быть связаны цѣпью дѣйствія и противодѣйствія и образовывать единое динамическое цѣлое». Начало умственное составляетъ часть міровыхъ явленій, оно обусловлено,—стало быть, въ свою очередь не можетъ не являться обусловливающимъ и входитъ, такимъ образомъ, въ міровое соотношеніе явленій, въ то, что мы называемъ взаимнымъ вліяніемъ, эмпи-

рической причинностью. Умственные (психическія) состоянія суть факторы эволюціи. Факты сознанія противустоятъ силамъ среды и уравниваютъ ихъ. Въ борьбѣ за существованіе, при равныхъ другихъ условіяхъ, преимущества сознанія даютъ рѣшительный перевѣсъ. Съ философской точки зрѣнія, вслѣдствіе этого, всякая космическая теорія, отвергающая умственный элементъ, какъ дѣятельное начало эволюціи, оказывается недостаточною. Однаково нелѣпо сказать: мозгъ могъ бы *точно также (de la même manière)* функционировать безъ чувствованія, или чувствованіе могло бы точно также произойти безъ мозга (стр. 269). Дѣйствительная природа, — продолжаетъ Фулье, — не знаетъ нашихъ отвлеченій. На самомъ дѣлѣ нѣтъ царства реальности, гдѣ все — движеніе, и царства тѣней, гдѣ свѣтятся отраженнымъ блескомъ идеи. Идея, освѣщая, содѣйствуетъ достиженію результата. Смутное стремленіе, становясь въ сознаніи отчетливымъ и яснымъ, выигрываетъ въ напряженности. Психо-физиологи, какъ Фере, Рибо, признаютъ за чувствованіями динамическую силу. Всякій сознательный актъ является совокупностью извѣстныхъ безсознательныхъ силъ, соединенныхъ съ соотвѣтственною силой самого сознанія. Это послѣднее обуславливаетъ прогрессъ, дѣлаетъ настоящее точкою отправленія для будущаго, раскрываетъ безконечную перспективу, въ которой явленія располагаются въ правильные ряды. Сознаніе направляетъ нашъ путь, даетъ намъ возможность выбора. Покинутый на морѣ корабль, *быть можетъ*, и приплыветъ когда-нибудь въ Нью-Йоркъ; онъ прибудетъ туда прямо и скоро, если кораблемъ управляетъ знающій капитанъ. Такова, приблизительно, роль сознанія въ жизни человѣческаго общества. Оно растетъ и крѣпнетъ въ исторіи, и Фулье полагаетъ, что наиболѣе радикальное объясненіе міровой эволюціи состоитъ въ признаніи, какъ ея причины, стремленія осуществить наивозможно большее благополучіе съ наименьшими усиліями.

Если оставить въ сторонѣ космическую гипотезу Фулье и остановить вниманіе на его психологической теоріи, то плодотворность той точки, на которую становится французскій ученый, представляется очевидною. Въ самомъ дѣлѣ, если наше сознаніе, наши идеи только рефлекторные акты, если всѣ они опредѣляются только темными, недоступными нашему опредѣленному воздѣйствію органическими процессами, тогда слѣдуетъ отказываться отъ борьбы за идеалы, отъ стремленія къ правильному устройству личной и общественной жизни. Метафизика зывала нѣкогда къ свободѣ и достоинству человѣка. Метафизика теперь развѣнчана, несмотря на героическія усилія философовъ-легитимистовъ; но точное научное изслѣдованіе подтвердило, что въ ея запросахъ къ человѣку было много справедливаго и основательнаго. Если цифры показываютъ, какъ управляется міръ, то управлять нашими человѣческимъ міромъ призваны идеи. Свобода и справедливость являются въ исторіи идеями-силами. Ихъ значеніе выростаетъ и крѣпнетъ по мѣрѣ эволюціи. Эти идеи составляютъ одинъ изъ результатовъ эволюціи, но давно уже стали и могущественными ея факторами. Идея, — говоритъ Фулье, — видоизмѣнитъ происходящее *психически*, мозго-

выя движенія, соответствующія идеѣ, видоизмѣнять происходящее *физически*. Это бѣденъ идеями, у кого эти идеи стоятъ въ сознаниі, какъ блѣдныя тѣни, только тотъ не обнаружитъ въ себѣ присутствія идей-силъ. Не слѣдуетъ лишь въ подобныхъ случаяхъ отрицать значенія дѣятельной силы за сознаниемъ вообще, а надо признать единственно тотъ печальный фактъ, что сознание бессильно у даннаго человѣка. Но тогда мы покидаемъ область психологіи и вступаемъ въ смежную съ нею область психіатріи, съ ея болѣзнями воли. Подобныхъ людей надо не столько убѣждать, сколько лечить. Для здороваго человѣка остается вѣрнымъ изреченіе нѣмецкаго поэта: мужество потерять—значить все потерять. А когда мужества достаточно, тогда ничего не потеряно.

В. Гольцевъ.

Въ чемъ источникъ непреходящихъ достоинствъ древне-эллиническихъ классиковъ *).

Въ послѣдніе годы вопросы эстетики—о природѣ художественнаго творчества, о задачахъ искусства, о значеніи его въ ряду другихъ видовъ умственной дѣятельности человѣка—снова заняли видное мѣсто въ нашей литературѣ. Такъ, недавно еще казавшіеся порѣшенными или подлежащими сдачѣ въ архивъ за ненадобностью, они снова возбуждаютъ къ себѣ вниманіе и ждутъ отвѣтовъ. Намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, полезно было бы, въ интересъ выясненія истины, обращаться возможно чаще къ памятникамъ народа, художественный гений котораго стоитъ выше всякаго сомнѣнія и въ произведеніяхъ котораго по этому самому легко могутъ быть обрѣтаемы необходимые уроки по предмету художественнаго творчества. Мы разумѣемъ народъ древне-эллинической.

Печать красоты, изящества, въ частности поэзіи отличаетъ у древнихъ эллиновъ не одни только поэтическія произведенія или образцы пластики; въ высокой степени художественность присуща и историографіи эллиновъ, и философіи ихъ, и краснорѣчію. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, что глубокомысленнѣйшіе діалоги Платона представляютъ собою, въ то же время, блистающіе оригинальностью и совершенствомъ формы образцы поэтическаго творчества? Все оживлено въ нихъ высокимъ вдохновеніемъ поэта, и разговорная или драматическая форма изложенія составляетъ въ платоновскихъ діалогахъ, быть можетъ, слабѣйшую изъ принадлежностей поэзіи. Далѣе, кому не извѣстно, что рѣчи Демосоена изобилуютъ всѣми признаками сильно возбужденнаго чувства, исполнены смѣлыхъ метафоръ, мѣткихъ сравненій, частыхъ воззваній къ слушателямъ въ прямой формѣ и прочихъ особенностей поэтической рѣчи? Но краснорѣчіе и поэзія по приемамъ и задачамъ весьма близко подходятъ другъ къ другу: цѣль оратора привести слушателей въ желательное для него настроеніе и подвинуть ихъ на дѣло, имъ защищаемое. Къ тому же самому стремится поэтъ или выводимыя имъ дѣйствующія лица въ драмѣ. Вѣрно было замѣчено, что Де-

*) Вступительная лекція, читанная въ Казанскомъ университетѣ.

мосеенъ заботился о томъ, чтобы слушатели въ концѣ его рѣчи воскликнули: «Идемъ на Филиппа!»—а не о томъ, чтобы они разсуждали: «Какой отличный ораторъ Демосеенъ!» Вотъ почему *Риторика* Аристотеля проливаетъ во многомъ яркій свѣтъ на его же *Поэтику*. Для насъ гораздо знаменательнѣе, что *Музы* Геродота, *Исторія Пелопоннесской войны* Фукидида, историческія сочиненія Ксенофонта, *Всемирная исторія* Полибія,—что всѣ эти сочиненія, благодаря, прежде всего, присутствію въ нихъ поэтическаго или художественнаго элемента, отвѣчаютъ далеко не вполне нашимъ понятіямъ объ историческомъ изложеніи и нашимъ требованіямъ отъ точной, документальной исторіи.

Ради краткости, мы ограничимся примѣрами изъ сочиненій Геродота и Фукидида, къ тому же, болѣе извѣстныхъ слушателямъ. Что касается «отца исторіи», то каждый изъ насъ при сколько-нибудь внимательномъ чтеніи не можетъ не замѣчать въ его *Музахъ* сочетанія двухъ частей: собственно фактической и субъективной. Въ то время, какъ первая часть содержитъ въ себѣ множество цѣнныхъ по точности и обстоятельности данныхъ, результатовъ внимательнаго, всесторонняго наблюденія и изысканія автора, вторая сообщаетъ всему произведенію поэтической колоритъ, заключаетъ въ себѣ полныя драматизма сцены и знакомитъ насъ съ душевнымъ складомъ и настроеніемъ самого писателя. Въ этой послѣдней части художественная правда по временамъ какъ бы заслоняетъ собою правду историческую.

Такъ, знаменитый разговоръ Солона съ царемъ Лидіи Крезомъ (I, 30—33) приуроченъ нашимъ историкомъ къ такому времени, когда онъ не могъ происходить вовсе, именно къ 593—2 г. до Р. Х.: добровольное удаленіе Солона изъ Аѳинъ послѣ дарованія аѳинянамъ новаго законодательства и десятилѣтнія путешествія его по разнымъ странамъ имѣли мѣсто въ промежутокъ времени между 593—583 гг. до Р. Х., а Крезъ вступилъ на лидійскій престолъ не раньше 560 г., т. е., по меньшей мѣрѣ, 23 года спустя послѣ того, какъ происходитъ разговоръ Солона съ царемъ Лидіи въ повѣствованіи Геродота. Но если даже допустить, что бесѣда въ такомъ родѣ и происходила, то ни самъ Геродотъ не былъ ея свидѣтелемъ, не могъ онъ и слышать о ней отъ очевидца, не было у него и точной записи бесѣды: составленіе Геродотомъ его исторіи отдѣлено отъ разсказаннаго событія сотнею лѣтъ слишкомъ. Между тѣмъ, вопросы Креза, даже душевныя движенія его, а равно отвѣты Солона переданы въ такомъ видѣ, какъ будто историкъ присутствовалъ при описанной сценѣ, былъ очевидцемъ ея. Словомъ, «отецъ исторіи» поступилъ въ данномъ случаѣ такъ, какъ поступаютъ обыкновенно повѣствователи или драматурги, вымышленнымъ личностямъ влагая въ уста вымышленныя рѣчи. Наиболѣе правдоподобно, что вся эта трогательная сцена на самомъ дѣлѣ не предшествовала трагической катастрофѣ, постигшей богатѣйшаго и счастливѣйшаго владыку, что лишь послѣ того, какъ свершилась судьба Креза, воображеніе эллиновъ старалось подыскать въ предшествовавшей жизни злополуч-

наго царя такіе случаи, которые заранѣе должны были бы внушить ему мысль о бренности земныхъ благъ и предостеречь его отъ самообольщенія. Отъ Діогена Лаертскаго (I, 50, 62) и Свида (подъ сл. Herodotos) мы узнаемъ, что «отецъ исторіи» удалился изъ Аѳинъ вторично послѣ водворенія тамъ тираніи Писистрата, т.-е. послѣ 560 г. до Р. Х.; потомъ, изъ разсказа самого Геродота (I, 34, 46) мы знаемъ, что онъ былъ въ Сардахъ передъ низверженіемъ Астиага, случившимся въ 559 г. Вѣрующему эллину трудно было воздержаться отъ соблазна — свести двухъ знаменитыхъ современниковъ, изъ которыхъ одинъ прославился богатствомъ и внѣшнимъ величіемъ, другой — мудростью и самопожертвованіемъ ко благу родины, отодвинуть посѣщеніе Сардъ Солономъ лѣтъ на 25 назадъ, только бы совпадало оно съ завершеніемъ великаго патриотическаго подвига Солонна въ Аѳинахъ, и устами мудреца повѣдать ослѣпленному благополучіемъ владыкѣ, что божество ревниво, что не въ накопленіи богатствъ истинное счастье человѣка, что судьба наша исполнена превратностей. Народный разсказъ, въ основѣ котораго лежитъ попытка объяснить свершившуюся катастрофу, гармонировалъ съ личнымъ настроеніемъ историка, съ его собственными воззрѣніями на божество, и онъ облекъ ретроспективное видѣніе въ художественную форму и занесъ въ разрядъ фактовъ, не заботясь о хронологической провѣркѣ и не останавливаясь передъ невозможностью возстановить сцену въ документальномъ видѣ.

Также въ формѣ точной записи передавъ «отцомъ исторіи» разговоръ того пастуха, который спасъ выброшеннаго Астиагомъ младенца Кира съ его женою, хотя разговоръ происходилъ задолго до Геродота, въ пастушьей хижинѣ, между бѣдняками-супругами; ни самъ Геродотъ, ни кто-либо другой не могли быть свидѣтелями сцены (I, 111—112). Въ первой же *Музѣ*, какъ и во всѣхъ остальныхъ, содержится много подобныхъ рѣчей или, говоря точнѣе, бесѣдъ, которыя съ нашей точки зрѣнія немыслимы въ документальной исторіи, по крайней мѣрѣ, на равномъ положеніи съ фактами. Мы укажемъ только на неоднократно возобновляющуюся бесѣду Ксеркса съ Артабаномъ передъ походомъ на Элладу, на ту бесѣду, которая содержитъ въ себѣ такія воззрѣнія на боговъ и на отношеніе ихъ къ людямъ, какія раньше высказаны были эллиномъ Солономъ лидійцу Крезу и какія не исповѣдывались мидянами (VII, 10—17). Припомните хотя бы слѣдующее мѣсто изъ рѣчи Артабана къ Ксерксу: «Ты видишь, какъ божество поражаетъ молніей животныхъ, выдѣляющихся изъ ряда другихъ большими размѣрами, не позволяя имъ возвышаться; наоборотъ, животныя мелкія не раздражаютъ его. Ты видишь также, какъ оно всегда мечетъ перуны въ огромнѣйшія зданія и въ самыя высокія деревья, ибо божеству пріятно калѣчить все выдающееся. Подобно этому, громадное войско можетъ быть сокрушено малочисленнымъ, и вотъ какимъ образомъ: если божество изъ зависти наведетъ на него страхъ или ударить въ него молніей, то войско неизбѣжно погибнетъ съ позоромъ. Божество не возноситъ, чтобы кто-либо иной, кромѣ его самого, мнилъ о себѣ высоко».

Весь смыслъ этихъ словъ и вообще всѣхъ рѣчей вѣрнаго Артабана и грозной заповѣди ночнаго призрака, смутившаго своимъ появленіемъ персидскаго вельможу, одинъ и тотъ же: да памятуютъ смертные, наипаче властные и гордые изъ нихъ, что счастье человѣческое не прочно, что немѣнны одни велѣнія боговъ, что божество смиряетъ гордыню и низводитъ возносящихся въ ряды несчастнѣйшихъ смертныхъ.

Душевный процессъ, въ результатъ коего явились въ *Музахъ* Геродота эти и подобныя бесѣды въ видѣ дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей, представляется намъ такъ: въ распоряженіи историка были рассказы и преданія о занимавшихъ его историческихъ личностяхъ и событіяхъ; тому или другому лицу, поставленному въ извѣстныя условія, приличествовало, по убѣжденію автора, обращаться къ другимъ съ разспросами, получать на нихъ отвѣты, высказывать свои мнѣнія и т. п.; трудныя житейскія обстоятельства, какъ зналъ историкъ, обыкновенно обращаютъ помыслы человѣка горѣ, напоминаютъ ему о несповѣдливости путей высшаго существа, побуждаютъ его искать связи между постигшимъ человѣка бѣдствіемъ и совершенными имъ дѣяніями въ опредѣленіяхъ карающаго божества. Вообще содержаніе прямыхъ рѣчей у Геродота опредѣляется положеніемъ дѣйствующихъ лицъ и отчасти характеромъ ихъ. Хотя субъективизмъ историка проявляется иногда въ ущербъ исторической правдѣ, но онъ же придаетъ *Музамъ* особенную привлекательность, оживляетъ повѣствованіе, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ авторомъ и героями его рассказа, вводитъ насъ въ ихъ настроеніе. Эллинскому гению суждено было глубоко проникать въ душевный міръ человѣка, открывать и показывать другимъ въ простой формѣ, чуждой всякой вычурности, сокровеннѣйшіе мотивы человѣческаго поведенія въ разнообразныхъ житейскихъ положеніяхъ; по этому настроенію писателя и изображаемыхъ имъ лицъ легко находить себѣ откликъ и созвучіе въ нынѣшнемъ читателѣ.

Насколько наши понятія о границѣ между поэзіей и прозой, наши требованія отъ исторіи разнятся отъ понятій и требованій древнихъ эллиновъ, можно видѣть изъ сужденія Аристотеля о Геродотѣ. Въ трактатѣ «о поэтическомъ творчествѣ» (περί τῆς ποιητικῆς, с. 9) стагирскій философъ называетъ единственнаго изъ историковъ, Геродота. *Музы* представлялись ему, слѣдовательно, достаточно вѣрнымъ образцомъ историческаго изложенія. Между тѣмъ, разницу между поэзіей и прозой или исторіей Аристотель опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Изъ предъидущаго явствуетъ, что задача поэта — рассказывать не то, что случилось, но что могло бы случиться и что возможно въ силу вѣроятности или необходимости» (οἷα ἂν γένοιτο καὶ τὰ δυνάτα κατὰ τὸ εἶδος ἢ τὸ ἀναγκαῖον). Въ самомъ дѣлѣ, историкъ и поэтъ различаются не тѣмъ, что повѣствуютъ размѣренной рѣчью или неразмѣренной, ибо, будь исторія Геродота переложена въ стихи, она, тѣмъ не менѣе, оставалась бы исторіей, въ стихахъ ли то, или въ прозѣ. Историкъ и поэтъ различаются тѣмъ, что одинъ излагаетъ случившееся, а другой то, что могло бы случиться. Поэтому-то

повѣя философія и назидательнѣ исторіи, такъ какъ повѣя излагаетъ больше общее (τὰ καθόλου), а исторія частности (τὰ καθ' ἕκαστον). Какимъ образомъ что-либо высказывается или совершается по требованію вѣроятности или по необходимости (κατὰ τὸ εἶκος ἢ τὸ ἀναγκαῖον), это—общее; напротивъ, что сдѣлалъ Алкивіадъ или что онъ претерпѣлъ, это—частности». Согласно опредѣленію Аристотеля, исторія должна бы представлять собою не болѣе, какъ точную запись фактовъ, свободную отъ тѣхъ художественныхъ эпизодовъ, которыми изобилуютъ Геродотовы *Музы*. Если, тѣмъ не менѣе, эти послѣдніе казались Аристотелю удовлетворяющими требованіямъ историческаго разсказа, очевидно, его понятія объ исторической правдѣ не совсѣмъ согласуются съ нашими.

Но обратимся къ Фукидиду, историку строгому, изысканному въ подборѣ матеріала и въ оцѣнкѣ его. Въ исторіи выше всего для Фукидида истина, согласіе съ дѣйствительностью. «Что касается событій, совершившихся въ теченіе этой (т.-е. пелопоннеской) войны, то я не считалъ себя вправѣ записывать то, что узнавалъ отъ перваго встрѣчнаго,—замѣчаетъ историкъ въ предисловіи,—или то, что только казалось мнѣ, но записывалъ событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, или тѣ, о которыхъ слышалъ отъ другихъ, но каждый разъ послѣ возможно точной провѣрки съ помощью разспросовъ... Быть можетъ, изложеніе мое, чуждое басенъ, покажется менѣе пріятнымъ для слуха, за то найдутъ его полезнымъ воѣ тѣ, кто захочетъ поразмыслить о прошломъ, возстановленномъ достоверно и по свойству человѣческой природы могущемъ повториться въ подобномъ видѣ; этого для меня достаточно. Составленный мною трудъ не столько предметъ мимолетнаго удовольствія, сколько приобрѣтеніе навсегда» (I, 22, 2, 4). Между тѣмъ, тотъ же историкъ сознается, что рѣчи произнесены у него такъ, какъ, по его мнѣнію, тотъ или другой ораторъ, сообразуясь съ обстоятельствами, скорѣе всего могъ говорить о данномъ положеніи дѣлъ (ὡς δ' ἂν ἐδόχουν ἐμοὶ ἕκαστοι περὶ τῶν αἰ παροντων τὰ δεόντα μάλιστα εἰπεῖν); «при этомъ я держался возможно ближе общаго смысла дѣйствительно сказаннаго» (I, 22). Слѣдовательно, ни самъ авторъ не заблуждался относительно исторической цѣнности своихъ рѣчей, ни читателя не желалъ вводить въ заблужденіе. Фукидидъ зналъ извѣстное историческое лицо, его характеръ, политическое направленіе и совокупность историческихъ обстоятельствъ въ данный моментъ; зналъ онъ также, что этимъ лицомъ при такихъ-то обстоятельствахъ произнесена была рѣчь. Слышалъ ли рѣчь Фукидидъ, или нѣтъ, обстоятельны ли были его свѣдѣнія о рѣчи, произнесенной вдали отъ него, или кратки, все равно: какъ видно изъ собственнаго признанія историка, при составленіи рѣчей онъ преслѣдовалъ не столько историческую точность, сколько художественную правду. Историкъ воспроизводилъ произнесенную въ дѣйствительности рѣчь сообразно съ тѣмъ, какъ представлялся ему характеръ оратора, его стремленія и задачи, какъ, по его убѣжденію, должны были дѣйствовать на оратора обстоятельства, побудившія его взойти на трибуну. Правда, что мѣра досто-

инства говорящаго лица, значеніе оцѣнваемыхъ въ рѣчахъ событій видѣются намъ съвозъ призму субъективныхъ воззрѣній историка, его симпатій и антипатій. Но замѣчательны и необычайная глубина анализа, и вѣрность сдѣланныхъ историкомъ обобщеній: эти послѣднія, за весьма немногими, быть можетъ, исключеніями, находятъ себѣ подтвержденіе и оправданіе не только въ фактическихъ извѣстіяхъ самого Фукидида, но и въ показаніяхъ остальныхъ историковъ.

Впрочемъ, свободою художественнаго творчества запечатлѣны у Фукидида не однѣ рѣчи; она захватываетъ у него и другую, чисто-повѣствовательную часть исторіи, краснорѣчивѣйшимъ обращеніемъ чего можетъ служить описаніе рѣшительной битвы между аеинянами и сиракусянами 413 г. до Р. X. На основаніи отрывочныхъ, во многомъ разнорѣчивыхъ и сбивчивыхъ извѣстій о ходѣ генеральнаго сраженія, историкъ-художникъ попытался нарисовать цѣльную картину послѣдняго жестокаго боя и съ помощью собственныхъ представленій о человѣческой природѣ воспроизвелъ рядъ душевныхъ состояній, пережитыхъ сражающимися. «Пока на морѣ шла нерѣшительная битва, — рассказываетъ историкъ, — оба сухопутныя войска (аеинское и сиракусское), глядѣвшія съ берега, переживали тяжелыя душевныя муки и тревогу. Туземное войско жаждало уже болѣе рѣшительной побѣды, а пришлое боялось, какъ бы положеніе его не стало еще труднѣе. Аеиняне возлагали было всѣ надежды на флотъ, а потому страхъ ихъ за грядущее былъ безпримѣренъ. Между тѣмъ, благодаря неровностямъ берега, они не могли всѣ съ одинаковымъ чувствомъ взирать на морскую битву. Зрѣлище находилось вблизи, и аеиняне не всѣ заразъ обращали взоры въ одну точку, такъ что одни видѣли, какъ побѣда въ какомъ-нибудь мѣстѣ склонялась на сторону аеинянъ, ободрялись и вызвали къ бою съ мольбою не оставить ихъ спасеніемъ; взорамъ другихъ представлялось пораженіе ихъ кораблей, и они изливались въ громкихъ жалобахъ, угнетаемые видомъ происходящаго гораздо больше, нежели сами участники битвы. Третьи слѣдили за битвою въ томъ мѣстѣ, гдѣ она велась съ переменнымъ счастьемъ, и такъ какъ битва оставалась нерѣшенной очень долго, то, объятые страхомъ, они переживали мучительнѣйшія состоянія, и душевное настроеніе ихъ выражалось въ соответствующихъ движеніяхъ тѣла, ибо съ минуты на минуту они ждали или гибели, или спасенія. Поэтому въ аеинскомъ войскѣ (сухопутномъ), пока перевѣсъ въ борьбѣ переходилъ то на одну, то на другую сторону, слышалось все разомъ: жалобы и крики, голоса побѣдителей и побѣждаемыхъ, всѣ виды возгласовъ, какіе грозная опасность исторгаетъ въ многочисленномъ войскѣ. Почти то же самое творилось и въ аеинскомъ флотѣ, пока, наконецъ, послѣ продолжительнаго боя сиракусяне не опрокинули аеинянъ и не погнали ихъ на всѣхъ пунятахъ; съ громкимъ крикомъ, возбуждая другъ друга, враги погнали аеинянъ до самаго берега. Тогда все, что осталось отъ морскаго войска, что не было еще захвачено въ плѣнъ на морѣ, кинулось въ разныхъ направленіяхъ на берегъ и искало спасенія въ стоянкѣ.

Сухопутное войско, не дѣлившееся больше между разнородными чувствами и въ виду происходящаго охваченное общимъ порывомъ отчаянія, все вопило и рыдало: одни спѣшили на помощь къ кораблямъ, другіе устремились на защиту уцѣлѣвшей части укрѣпленій, третьи—большинство—*пожилиам* только о себѣ и *раздумывали*, куда бы спастись» (Фукид. VII, 71). Здѣсь не мѣсто приводить изъ исторіи Фукидида всѣ прочія описанія, составленныя тѣмъ же способомъ, на половину историческимъ, на половину художественнымъ; мы могли бы доказать, что элементъ художественности присущъ у Фукидида и другимъ картинамъ сраженій, осадъ и кровавыхъ междоусобныхъ избиеній. Для насъ достаточно рѣчей Фукидида, собственнаго признанія автора относительно составленія ихъ и приведеннаго только что описанія битвы, чтобы обосновать слѣдующее заключеніе: правду историческую и художественную древне-эллискій историкъ и его читатель цѣнили одинаково высоко; та и другая сливались въ ихъ представленіи и въ произведеніяхъ писателя въ единое цѣлое, и едва ли можно сомнѣваться, что на дѣлѣ требованія художественной правды стояли для древняго эллина на переднемъ планѣ.

Въ чемъ же состоитъ художественная правда древне-эллискаго писателя, присутствіе которой владеть печать поэтического вдохновенія на самыя, повидимому, прозаическіе виды древне-эллискаго литературы? Прежде всего и больше всего въ томъ, что писатель стремится постигнуть во множествѣ и разнообразіи реальныхъ подробностей руководящій или преобладающій мотивъ, тѣ типическія черты, которыми всѣ частности событія или поведенія исторической личности связываются въ органическое цѣлое, затѣмъ умѣетъ возсоздать дѣйствительное событіе или историческое лицо въ такомъ видѣ, что и средній, заурядный читатель получаетъ возможность разобратся въ массѣ фактическихъ частныхъ, понимаетъ причинную связь ихъ и взаимодѣйствіе и выносить твердое убѣжденіе, что изображаемыя писателемъ положенія должны были разрешиться именно такъ, какъ о томъ рассказываетъ писатель, что аналогичныя событія будутъ въ основныхъ чертахъ своихъ совершаться въ такомъ же порядкѣ и впредь, пока природа человѣческая остается неизмѣнною. На этихъ-то, главнымъ образомъ, свойствахъ *Исторіи* и покоилась увѣренность Фукидида, что трудъ его пребудетъ назидательнымъ навсегда для всякаго, кто пожелаетъ черпать уроки въ настоящемъ изъ достовѣрнаго изображенія прошлыхъ судебъ эллиновъ. Благодаря такой наклонности древняго историка къ возведенію отдѣльныхъ наблюдаемыхъ имъ явленій въ типическія, мы теряемъ нѣкоторыя фактическія подробности, а въ оцѣнкѣ событій и личностей оказываемся стѣсненными личнымъ умонастроеніемъ историка; зато въ его сочиненіи читатель находитъ въ огромномъ количествѣ глубокія психологическія наблюденія и обобщенія историческихъ явленій, и нарциссованные имъ образы Перикла, Клеона, Никии, Алкивиада, Брасида предстаютъ передъ нами, какъ живые представители своей эпохи. Древній эллинь, очевидно, не довольствовался въ историческомъ повѣствованіи точностью

описанія (*ἀκριβεια*) со всеми мелкими подробностями; онъ искалъ въ немъ такихъ образовъ, въ которыхъ на ряду съ дѣйствительными чертами, съ фактическими подробностями воплощены были бы и указанія на подлинный смыслъ событій, на внутреннюю связь частныхъ въ поведеніи историческихъ дѣятелей, — словомъ, искалъ глуболежащей правды жизни. Древне-эллинскій историкъ удовлетворялъ этой потребности съ помощью средствъ поэзіи, хорошо извѣстныхъ ему и близкимъ, легко доступныхъ его читателямъ или слушателямъ. Однако, и въ собственномъ своемъ мнѣніи, и въ сужденіяхъ публики историкъ черезъ то не переставалъ быть правдивымъ. Правдивость Геродота, Фукидида, Полибія засвидѣтельствована усилями, съ какими они собирали и провѣряли матеріалъ, множествомъ точно переданныхъ ими извѣстій, а равно ясно выраженнымъ сознаниемъ всей важности правды въ исторіи. Геродотъ посѣщаетъ финикійскій городъ Тиръ, съ цѣлю добыть возможно болѣе точныя свѣдѣнія объ египетскомъ Гераклѣ, и отправляется въ Аравію для провѣрки извѣстія о летающихъ змѣяхъ (II, 44, 57); Фукидидъ предпринимаетъ труднѣйшія изысканія давно прошедшихъ событій и современныхъ, дабы возстановить ихъ въ истинномъ свѣтѣ (I, 21, 22); по словамъ Полибія, «какъ животное, лишенное зрѣнія, становится ни къ чему негоднымъ, такъ исторія обращается въ пустыя побасенки, если вынуть изъ нея истину» (I, 14). Тѣмъ не менѣе, величайшіе историки эллинской древности не ограничивали своей задачи точною записью того, что случилось въ дѣйствительности; они влагали въ повѣствованіе собственное пониманіе событій и личностей, дабы сразу сдѣлать доступными для слушателей или читателей внутренній смыслъ случившагося, настоящую правду его и научить ихъ распознаванію того, что при наличности человѣческой природы и тѣхъ или иныхъ аналогичныхъ обстоятельствъ можетъ случиться на всякомъ мѣстѣ и во всякое время. Вы видите, что по приемамъ изложенія, равно какъ и по достигаемымъ результатамъ древне-эллинскій историкъ приближался къ поэту въ томъ смыслѣ, какъ опредѣляется содержаніе поэзіи Аристотелемъ. Аристотель требуетъ, чтобы въ поэтическомъ произведеніи изображались событія не такъ, какъ они случились на самомъ дѣлѣ, но такъ, какъ могутъ случиться согласно вѣроятности или по необходимости, что, по словамъ философа, и дѣлаетъ поэзію «философичнѣе и назидательнѣе исторіи», понимаемой въ смыслѣ точнаго перечня событій. Но мы видѣли, что и *Музы* Геродота, и *Исторія пелопоннесской войны* Фукидида даютъ читателю нѣчто большее, чѣмъ изложеніе фактическихъ подробностей. Фукидидъ составляетъ свои рѣчи такъ, какъ, по его мнѣнію, тотъ или другой ораторъ скорѣе всего могъ говорить о данномъ положеніи дѣлъ; въ возстановленіи историческихъ событій авторъ руководствовался не только полученными съ разныхъ сторонъ фактическими свѣдѣніями, но и общими свойствами человѣческой природы (*τὸ ἀνθρώπειον*). Подобнымъ же способомъ составлены рѣчи, встрѣчающіяся и у Полибія. Діалоги Геродота менѣе всего могутъ быть понимаемы какъ документально записанныя слова и мысли собесѣдниковъ.

Если отъ древне-эллинской прозы мы обратимся къ поэзи, то, начиная съ Гомера и кончая поэтами позднѣйшей древности, мы вездѣ преслѣдимъ у эллиновъ одно и то же начало художественнаго творчества, одно и то же стремленіе художника *изобразить жизнь такую, какъ она есть.*

Обыкновенно такая формула требованій отъ искусства почитается ультра-реалистическою, даже гибельною для искусства, потому что будто бы она превращаетъ художника въ простаго записывателя или списывателя того, что онъ случайно находитъ и видитъ кругомъ себя; съ усвоеніемъ этой формулы и точнымъ примѣненіемъ ея на практикѣ художникъ обращается будто бы въ кописта, а произведенія художественныя могутъ быть съ успѣхомъ замѣнены издѣліями фотографіи; эти послѣднія могутъ илучить даже предпочтительное значеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что соотношеніе между искусствомъ и дѣйствительною жизнью ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествляемо съ отношеніемъ между копіей и оригиналомъ. Художественная поэма или драма состоитъ изъ словъ или письменныхъ знаковъ, подъ которыми мы чувствуемъ и понимаемъ живыхъ людей съ ихъ помыслами, желаніями, страстями. Гдѣ же здѣсь что-либо подобное тому, что мы наблюдаемъ въ отношеніи между оригинальнымъ полотномъ художника и копіей съ него? Но допустимъ, что художественное творчество обратилось бы въ изготовленіе копій или, вѣрнѣе, точныхъ фотографическихъ снимковъ съ дѣйствительныхъ предметовъ, лицъ и положеній. Тогда рядомъ съ дѣйствительностью, полною жизни, поражающею насъ непрестаннымъ движеніемъ, смѣною формъ, глубокимъ смысломъ мельчайшихъ подчасъ подробностей, мы получили бы блѣдные, неподвижные снимки этой самой жизни, безвѣчно уступающіе оригиналамъ по яркости и выразительности, безъ конца и порядка нагромождаемые одинъ на другой, чтобы хоть сколько-нибудь угоняться за вѣчно мѣняющимися формами жизни. Произведенія искусства скоро обратились бы въ балластъ, и человечество не знало бы, куда дѣвать ихъ. Въ счастью, это не такъ и не можетъ быть такъ, и поставленная выше формула требованій отъ искусства ничуть неповинна въ ошибочныхъ притязаніяхъ слабосильныхъ художниковъ.

Содержаніемъ художественнаго произведенія служатъ не предметы дѣйствительности, но представленія и душевныя волненія, вызываемыя въ насъ дѣйствительными предметами и заврѣпляемыя доступными каждому изъ насъ знаками: звуками, письмомъ, красками, мраморомъ. Съ помощью этого матеріала и орудій, не имѣющихъ ничего общаго съ матеріаломъ и орудіями, какими располагаетъ природа въ своей творческой дѣятельности, искусство создаетъ особый міръ предметовъ, испоконъ вѣковъ занимающій у человечества почетное мѣсто и имѣющій огромное самостоятельное значеніе рядомъ съ дѣйствительностью. Общее между искусствомъ и дѣйствительностью то, что художественное произведеніе способно вызывать въ зрителѣ, слушателѣ или читателѣ тѣ же представленія и возбуждать тѣ же ду-

шевные состоянія, какія неизбежно были бы вызваны въ немъ соответствующимъ явленіемъ дѣйствительности, понятнымъ такъ, какъ оно изображено у художника. Извѣстенъ разсказъ Плинія о томъ (XXXV, 36), какой высокой степени иллюзіи достигали древне-эллинскіе живописцы Паррасидій и Зевксидъ въ изображеніи дѣйствительныхъ предметовъ, какъ птицы прилетали клевать написанный на полотнѣ виноградъ. Но художественное произведеніе и отличается отъ изображаемаго имъ дѣйствительнаго предмета или событія: въ него вложена часть души самого мастера, его собственное пониманіе дѣйствительности, которое и сообщается зрителю или слушателю.

Окружающая насъ жизнь остается книгою за семью печатами для каждаго свидѣтеля, не вооруженнаго ни знаніями, ни даромъ наблюдательности; подобный свидѣтель пропускаетъ или вовсе незамѣченными, или поверхностно и ложно понятыми множество явленій, имѣющихъ на самомъ дѣлѣ первостепенное значеніе. Изобразить жизнь такъ, какъ она есть, вовсе не значитъ показать ее въ томъ видѣ, какъ она представляется любу, хотя бы самому невысокательному свидѣтелю. Каждый видитъ въ жизни то, что онъ способенъ видѣть, и въ воспріятіи дѣйствительности существуетъ огромная равнина между тупымъ равнодушіемъ невѣжды и осмысленнымъ глубокимъ интересомъ даровитаго мыслителя или чуткаго художника; понятно, что не первый изъ этихъ наблюдателей воспринимаетъ жизнь такую, какова она есть въ дѣйствительности. Лишь избраннымъ натурамъ дано уразумѣвать сокровенные мотивы окружающей насъ жизни и сообщать другимъ истинное представленіе о ней, путемъ ли отвлеченныхъ понятій, или художественныхъ образовъ. Чѣмъ даровитѣе художникъ, чѣмъ вѣрнѣе служить онъ своему призванію, тѣмъ наблюдательность его глубже, тѣмъ онъ проникательнѣе и тѣмъ ближе подходитъ онъ къ неизмѣннымъ законамъ, управляющимъ нашимъ существованіемъ и міровою жизнью, т. е. къ истинѣ. «Все минется, одна правда остается», — такъ и въ искусствѣ. Захватывающій интересъ и непреходящее значеніе составляютъ удѣлъ такихъ только произведеній искусства, въ которыхъ рукою мастера поднятъ тотъ или другой уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ тайны жизни; только такое отношеніе къ искусству даетъ великимъ художникамъ право на званіе творцовъ, только такая художественная дѣятельность можетъ быть по справедливости названа творческою, творчествомъ.

На примѣрахъ Геродота и Фукидида мы показали, что древне-эллинскій писатель даже въ прозаической исторіи обнаруживалъ склонность къ воссозданію общихъ мотивовъ человѣческаго поведенія, что въ этомъ смыслѣ для него какъ бы не существовала граница между правдою реальною и художественною. Если мы вспомнимъ, что эллинскій писатель классическаго и болѣе ранняго періода находился подъ неослабнымъ воздѣйствіемъ общественаго мнѣнія, то мы обязаны будемъ признать, что отвлеченная здѣсь склонность къ обобщенію, исканіе правды жизни присущи были въ высокой степени не только писателю-эллину, но и его слушателямъ или читателямъ.

Древне-эллини́скій поэтъ взиралъ на свое призваніе, какъ на особенный даръ свыше; устами поэта глаголетъ божество. Муза, поэтическое вдохновеніе есть нѣчто божества, энтузіазмъ (*ἐνθουσιασμός*); поэтическое творчество — актъ священнодѣйствія, совершаемый самимъ божествомъ черезъ вдохновеннаго поэта.

„Глѣвъ, боиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына“ (*Ил.*, I, 1).

„Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ“ (*Од.*, I, 1).

При этомъ возвышенномъ, благоговѣйномъ отношеніи къ творчеству поэтъ могъ передавать слушателямъ только то, во что свято вѣрилъ самъ, что ему самому представлялось непререкаемою правдой. Дѣйствительно, одинаково правдивымъ и точнымъ предстаетъ передъ нами Гомеръ какъ въ описаніи окружающей его бытовой обстановки, такъ и въ воссозданіи положеній и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Воспѣваемые событія и лица отдѣлены отъ поэта промежуткомъ времени въ полтора-два вѣка, но многостороннія наблюденія надъ человѣческой природой доставили ему обильный матеріалъ для воскрешенія старины. Вотъ почему картины гомеровскихъ сраженій остаются до сихъ поръ неподражаемыми по той яркости красокъ и вѣрности въ подробностяхъ, съ какими изображены сложные движенія сражающихся, вызываемыя и управляемыя типическими моментами битвы; тѣни давно отошедшихъ въ преисподнюю героевъ и героинь надѣлены у поэта плотью и кровью, обращены въ полные жизни образы Ахилла, Одиссея, Нестора, Гектора, Приама, Андромахи, Гекубы. Мощное слово поэта овладѣло блѣдными контурами главнѣйшихъ народныхъ божествъ и облекло ихъ въ тѣ устойчивыя формы, въ какихъ послѣдующія поколѣнія эллиновъ представляли себѣ свои главные божества: Зевса, Аполлона, Гефеста, Посейдона, Афродиту, Геру, Аенну, Артемиду; очевидно, поэтъ вѣрно угадалъ религиозное умонастроеніе слушателей и вѣрованія ихъ и представленіямъ ихъ далъ вполне соответствующее выраженіе. Нѣсколько вѣковъ спустя величайшій мастеръ эллинской пластики, Фидій, воплотилъ въ мраморъ образъ верховнаго народнаго божества, громовержца Зевса, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ начертанъ древнѣйшимъ поэтомъ.

„Рекъ, и во знаменъ черными Зевсъ помазаетъ бровями.

Быстро власкъ благовоинне вверху подвались у Кроюда

Опрестъ бессмертной глави“ (*Ил.* I, 528—530).

Глубокая правда психологическаго анализа сохраняетъ гомеровскіе образы отъ забвенія, сближаетъ насъ съ ними, какъ съ нашими присными; они встаютъ передъ читателемъ какъ живыя лица съ вѣчно присущими человѣческой природѣ душевными движеніями. Кто изъ читателей Гомера не помнитъ первой драматической сцены въ *Илиадѣ*, изображающей распрю между Ахилломъ и Агамемнономъ, или въ той же пѣснѣ аналогичную сцену на Олимпѣ? Кто позабудетъ образы Нестора, Андромахи, Гекубы, Гектора, Приама, запечатлѣнные у поэта яркими индивидуальными чертами? Съ изумительною для того времени обстоятельностью поэтъ

живописуетъ душевную тревогу и колебанія, переживаемыя Гекторомъ передъ вступленіемъ въ рѣшительное единоборство съ Ахилломъ. «Горе мнѣ!—воскликаетъ Гекторъ,—если я скроюсь въ воротахъ и стѣнахъ городскихъ; Полидамантъ первый встрѣтитъ меня укоризною. Онъ совѣтовалъ мнѣ ввести троянцевъ въ городъ въ ту роковую ночь, когда снова возсталъ грозный Ахиллъ. Я не внялъ его совѣту, а было бы гораздо благоразумнѣе. Теперь, когда своею самонадѣянностью я погубилъ троянскій народъ, мнѣ стыдно передъ троянцами и троянками въ длинныхъ одеждахъ, ибо любой трусливый троянецъ можетъ сказать: «Погубилъ народъ Гекторъ, понадѣявшись на свои силы». Такъ стану говорить, и тогда я предпочелъ бы сразиться съ Ахилломъ, дабы или умертвить его и возвратиться въ городъ, или пасть со славою отъ руки врага передъ городскими стѣнами. Ну... а если я положу выпуклый щитъ на землю, сниму съ себя тяжелый шлемъ, покину копьё у стѣны, и такъ, безоружный, пойду къ Ахиллу, пообщаю выдать атридамъ Елену и съ нею всѣ сокровища, какія увезъ съ собою Александръ въ Трою, что и было началомъ распри, если я пообщаю дать ахейцамъ и инныя богатства, какими владѣетъ нашъ городъ, троянцевъ обяжу торжественною клятвой ничего не скрывать, все раздѣлить съ троянцами пополамъ, если... Но къ чему волновать себя подобными думами? Нѣтъ, не пойду я къ нему съ мольбами; онъ не сжаится надо мною, не уважитъ моей просьбы, безоружнаго, обнаженнаго убьетъ меня, какъ женщину. Нѣтъ, не подобаетъ теперь бесѣдовать съ нимъ о невинныхъ предметахъ, какъ бесѣдуютъ другъ съ другомъ молодые влюбленные. Лучше не медля вступить въ битву; тогда увидимъ, кому изъ насъ даруетъ славу Олимпіецъ!» (Ил. XXII, 99—130).

Вспомните нѣжную сцену прощанія Гектора съ Андромахою и съ младенцемъ Астіанактомъ или описаніе душевныхъ терзаній, овладѣвающихъ Андромахою съ того момента, какъ въ душу ея закрадось предчувствіе страшной катастрофы:

«... Изъ терема бросилась, будто Менада,
 Съ сильно трепещущимъ сердцемъ, и обѣ прислужницы слѣдомъ;
 Быстро на башню вошла и, сквозь сонмъ пролетѣвши народный,
 Стала, со стѣнъ оглянувшись кругомъ и его увидала
 Тѣло, мачимое въ прахъ. Везжалостно бурные кони
 Полеми его волокли къ кораблямъ бистролетнымъ ахейцъ.
 Темная ночь Андремахины ясныя очи покрыва;
 Назвничъ упала она и, казалось, духъ испустила.
 Снала съ нея и далеко разсыпалась ишная повязь,
 Лентя, прозрачная сѣтъ и прекрасно плетенныя тесьмы:
 Сналь и покровъ, блистательный даръ золотой Афродиты,
 Данный въ день онны царевнѣ, какъ Гекторъ ее мѣдлолатный
 Изъ дому взялъ Гетіона, отдавши несмѣтное вѣно.
 Вкругъ Андремахи невѣстки ея и золовки толпили,
 Вѣднью долго держали, казалось, убитую скорбью.
 Въ чувство приведши она и дихавіе въ персяхъ собрании,
 Горько навзрѣдъ зарыдала, и такъ среди жемъ говорила»...

(Ил. XXII, 460—476).

Въ памяти читателя неизгладимо врѣзывается образъ несчастнаго царственнаго старца Пріама. Тихо, со страхомъ входитъ онъ въ палатку Ахилла; павши ницъ передъ злѣйшимъ врагомъ, обнимая его колѣни и руки цѣлуя, Пріамъ такъ заключаетъ мольбы свои о выдачѣ дорогихъ останковъ Гектора:

„Храбрый, почти ты боговъ! Надъ мнойъ злополучіемъ сжался,
Вспомнивь Пелея родителя! Я еще болѣе жалокъ.
Я испитую, чего на землѣ не испытывалъ смертній.
Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки въ устахъ прижимаю“.

(Ил. XXIV, 505—506).

Какъ изъ *Илиады*, такъ и изъ *Одиссеи* можно бы привести много подобныхъ сценъ, и все онѣ доказывали бы наше положеніе, что древне-эллиніскій поэтъ обладалъ въ высокой мѣрѣ способностью прозрѣвать въ глубочайшія изгибы души человѣческой и выражать свои представленія о нихъ въ формахъ, точно отвѣчающихъ дѣйствительности, поэтому вѣчно юныхъ, никогда не перестающихъ поднимать въ душѣ читателя одни и тѣ же чувства. Благодаря этимъ свойствамъ древне-эллиніской поэзіи, отличающимся въ извѣстной степени и тогдашнюю прозу, мы, изучая эллиновъ по ихъ памятникамъ, не только знакомимся съ великимъ историческимъ народомъ, но черпаемъ изъ этихъ памятниковъ богатый запасъ глубокаго чувства, мудрой мысли и наблюденія, пригодный и для насъ самихъ, во многомъ созвучный нашему собственному настроенію. Такова сила правды въ пониманіи и изображеніи жизни.

Отъ эпоса обращаясь къ лиригѣ древнихъ эллиновъ, мы поражаемся, прежде всего, чрезвычайнымъ обиліемъ и разнообразіемъ формъ, которыя впервые были созданы эллиніскими поэтами и приспособлены къ выраженію тончайшихъ оттѣнковъ душевнаго состоянія. Успѣхи въ метригѣ открываются уже Каллиномъ и Архилохомъ, которые сочетаніемъ гекзаметра съ пентаметромъ въ законченное двустипіе прокладываютъ путь къ построенію разнообразныхъ и сложныхъ строфъ. Алкей, Сапфо, Анакреонтъ, дорійскіе поэты съ Пиндаромъ во главѣ устанавливаютъ длинный рядъ стихотворныхъ размѣровъ, которыми пользуются позднѣйшіе поэты не только эллиніскіе, но и римскіе. Древній эллиніскій лиригъ вѣрно постигалъ внутреннюю связь между различными душевными движеніями и особенностями звуковыхъ формъ, въ какія естественнѣе всего душевныя движенія изливаются.

Для нашей задачи особенно назидательна древне-эллиніская драма. Во-первыхъ, сохранившіеся отъ древности образцы драмы, какъ трагедіи, такъ и комедіи, довольно многочисленны; во-вторыхъ, драма назначалась для такого количества зрителей или слушателей, какого заразъ не имѣли ни эпическіе, ни лирическіе пѣвцы, такъ что зависимость особенностей художественнаго творчества отъ вкусовъ и требованій самой публики выступать здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Постоянное взаимодействіе между драма-

тургомъ и публикою выражалось и видимымъ образомъ въ присутствіи хора и въ его участіи въ самомъ ходѣ пьесы.

Древне-эллинская трагедія заимствовала свои сюжеты изъ сокровищницы народныхъ сказаній; имена героевъ трагедій, главные положенія героевъ, послѣдняя катастрофа ихъ были хорошо извѣстны чуть не каждому изъ зрителей; театральныя декорации были весьма просты, а употреблявшіяся актерами маски сравнительно немногочисленны и однообразны. Слѣдовательно, эллинская публика спѣшила въ театръ не ради внѣшнихъ эффектовъ, не ради сильныхъ ощущеній, вызываемыхъ запутанностью интриги или неожиданностью развязки; кромѣ того, одинъ и тотъ же мифологическій сюжетъ обрабатывался нерѣдко нѣсколькими драматургами, ставившими свои произведенія для одной и той же публики. Единственное, что увлекало зрителя античной трагедіи, это—интересъ къ душевнымъ состояніямъ героевъ и къ способу изображенія ихъ у драматурга,—интересъ къ тому вѣчно новому, которое для зауряднаго наблюдателя сокрыто подъ множествомъ перекрещивающихся реальныхъ случайностей. Повидимому, дѣйствіе въ трагедіи совершается отъ начала до конца по волѣ боговъ, во исполненіе опредѣленій ихъ; на самомъ дѣлѣ дѣйствующія лица обладаютъ такими индивидуальными чертами и поставлены въ такія условія, что каждый моментъ въ судьбѣ ихъ становится понятнымъ и безъ вмѣшательства боговъ. Въ интересѣ психологической правды уже Эсхилъ не оттаивался передъ нѣкоторыми измѣненіями въ мифической баснѣ. Такъ, въ его *Агамемнонѣ* образъ Касандры, царской дочери, молодой невольницы и вдохновенной пророчицы, есть почти цѣликомъ оригинальное созданіе гениальнаго автора. Съ замѣчательнымъ искусствомъ соединены въ Касандрѣ безпорочность юнаго женскаго существа, отвращающагося отъ страстныхъ взоровъ самого Аполлона, цѣломудріе, гордость невинности, божественная сила предвидѣнія, а также безпомощность дѣвушки, тяжело оскорбляемой и насильственно низводимой въ наложницы, безпощадно и съ злорадствомъ умерщвляемой за чужіе грѣхи ради своекорыстныхъ цѣлей. Съ другой стороны, умерщвленіе Касандры и Агамемнона Клитемнестрою изображается поэтомъ какъ дѣло злой воли царицы, какъ слѣдствіе сладострастія ея, хотя убійца и увѣряетъ, что выполняетъ только божеское внушеніе. Далѣе, въ матереубійцѣ Орестѣ голосъ совѣсти или чувства кровной сыновней связи съ убитою пробуждается съ неодолимою силой вопреки всѣмъ доводамъ разсудка, что умерщвленіемъ преступной матери онъ исполнилъ лежащій на немъ долгъ сыновняго почтенія къ Агамемнону. Передъ очами матереубійцы встаютъ страшныя Ериніи, мстительницы за пролитую кровь, «свирѣпыя собаки матери». Старыя, сѣдыя, съ полными крови глазами, съ змѣями въ волосахъ, онѣ повергаютъ Ореста въ невыразимый ужасъ, вынуждаютъ его искать убѣжища въ Аполлоновомъ храмѣ. Но и здѣсь возмущенная совѣсть не находитъ успокоенія, и несчастный бѣжитъ изъ Аполлонова святилища къ алтарю Паллады. Это не

знаетъ *Прометей-узника*, воплощающаго въ себѣ участіе къ слабѣйшему, готовность перенести тяжкія муки за благое, по его убѣжденію, дѣло, небѣжденнаго, но не сломленнаго верховнымъ существомъ, самимъ Зевсомъ? Вообще Эсхиломъ созданы были первые образцы трагедіи, при всѣхъ несовершенствахъ съ нашей точки зрѣнія опредѣлившіе дальнѣйшее развитіе драмы не только эллинской, но и позднѣйшей европейской. Основнымъ предметомъ изображенія является у Эсхила душевная жизнь *человѣка* съ близкими, понятными для каждаго изъ насъ движеніями: надеждами, опасеніями, страстями, замыслами; мнѣическая старина у Эсхила становится формою, подъ которою слышно біеніе живой дѣйствительности; подъ древними священными именами, низведенными съ неба на землю, древній эллинъ научался распознавать собственныя душевныя состоянія въ ихъ послѣдовательности и причинной зависимости.

У Софокла мнѣическій міръ еще болѣе очеловѣченъ, нежели у его предшественника. Достигается это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что поэтъ съ большимъ еще стараніемъ и обстоятельностью вскрываетъ передъ зрителемъ внутренній міръ своихъ героевъ. Совершеннѣйшій образецъ Софокловой композиціи, *Эдипъ Царь*, посвященъ разработкѣ единственнаго момента изъ жизни Эдипа: постепеннаго обнаруженія въ себѣ отцеубійцы и кровосмѣсителя; за то съ небывалою раньше того полнотою восстановлены художникомъ послѣдовательные моменты душевной драмы. Софоклу же принадлежатъ образы Антигоны, Елены, Исмены, Филоклетета и другіе. Всѣ они относятся къ разряду созданій, составляющихъ, по выраженію Фукидда, вѣчное приобрѣтеніе для потомковъ. Поскольку трагедія Софокла теряла въ сравненіи съ эсхиловскою въ торжественности, постольку она выигрывала въ чисто-художественномъ интересѣ къ правдивому изображенію человѣческой природы.

Еще дальше въ очеловѣченіи освященныхъ стариною именъ и событій пошелъ Еврипидъ; произведенія его даютъ еще болѣшій запасъ наблюденій надъ человѣческими страстями. Однако, у Еврипида впечатлѣніе художественности ослабляется и нарушается частымъ вторженіемъ рефлексій, изысканностью въ интригѣ, черезъ-чуръ яркою несообразностью между архаическими именами героевъ, съ одной стороны, и, съ другой, риторическими и философскими разсужденіями ихъ въ духѣ самого автора и его резонирующихъ современниковъ.

Во всякомъ случаѣ, преобладающая черта древне-эллинской трагедіи—выясненіе мотивовъ и страстей, которыми управляется человѣческое поведение и которые въ связи съ внѣшними обстоятельствами опредѣляютъ судьбу человѣка у всякаго народа, во всякое время. Отсюда явствуетъ сама собою сущность попытокъ новой критики, преимущественно нѣмецкой, истолковать трагедію, наприм., Софокла, какъ иллюстрацію къ общимъ положеніямъ морали или какъ историческія аллегоріи. Напротивъ, та же склонность къ художественной правдѣ, къ созданію общихъ типовъ отли-

часть аристофановскую комедію даже въ тѣхъ образцахъ ея, которые обладаютъ всѣми видимыми признаками памфлетовъ на историческихъ дѣятелей, выводимыхъ въ комедіи подъ собственными именами. Аристофановы комедіи дѣйствительно доставляютъ намъ историческій матеріалъ, но въ томъ лишь смыслѣ, что знакомятъ насъ съ умонастроеніемъ автора и его единомышленниковъ, что обнаруживаетъ передъ нами способъ пониманія историческихъ событій и личностей въ извѣстной части древне-эллинскаго общества.

Это неустанное и въ огромномъ числѣ случаевъ успѣшное исканіе истины, воодушевлявшее древняго эллина на всѣхъ путяхъ его умственной дѣятельности, дало въ результатѣ цѣлую сокровищницу жизненнаго опыта, прирѣнимаго и къ общественнымъ, и къ частнымъ отношеніямъ, привело къ открытію многихъ истинъ, легшихъ въ основу дальнѣйшаго движенія научной и философской мысли. Умозрѣнія Платона и Аристотеля составляютъ краеугольный камень новоевропейской философіи; основныя грамматическія и логическія категоріи; установлены неизблемо эллинами; *Элементы* (Στοιχεῖα) Евклида по настоящее время остаются образцовымъ руководствомъ по математикѣ; начала научной медицины, естествознанія, астрономіи, механики заложены древне-эллинскими учеными, и имена Гиппарха, Гиппократа, Архимеда, Птолемея составляютъ такую же славу и гордость древней Эллады, какъ и имена Софокла, Эсхила, Геродота, Фукидида, Фидія, Праксителя, Апеллеса. Если Фукидидъ устами Перикла называлъ Аѣины «школою Эллады» (τῆς Ἑλλάδος παιδείας), то Эллада, благодаря своимъ поэтамъ, ваятелямъ, историкамъ, ораторамъ, философамъ, ученымъ, сдѣлалась школою всего человѣчества; во многихъ отношеніяхъ сохраняя это значеніе до нашихъ дней. Однако, наслѣдіе древне-эллинскаго генія особенно драгоцѣнно какъ средство возбужденія къ изысканію истины. Дж. Ст. Милль въ бытность ректоромъ одного изъ шотландскихъ университетовъ высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ объ урокахъ, извлекаемыхъ современнымъ читателемъ изъ сочиненій древне-эллинскихъ діалектиковъ: «Подвергать изслѣдованію всѣ вещи; никогда не бѣжать отъ трудности; не принимать никакого ученія, ни своего собственнаго, ни получаемаго отъ другихъ, безъ строгаго испытанія отрицательною критикою, не позволяя проскользнуть или остаться незамѣченнымъ ни одному софизму или несообразности, или смѣшенію понятій, и въ особенности настаивать на ясномъ пониманіи слова, прежде чѣмъ употребить его, и на пониманіи смысла положенія, прежде чѣмъ согласиться на него. При столь сильномъ обладаніи отрицательнымъ элементомъ, древне-эллинскіе діалектики вовсе не внушаютъ скептицизма относительно реальности истины или равнодушія къ ея изысканію. Этихъ писателей одушевляетъ благороднѣйшій энтузіазмъ и въ стремленіи къ истинѣ, и въ прирѣненіи ея къ высочайшимъ вопросамъ. Поэтому, занимаясь древними языками, какъ лучшимъ средствомъ нашего литературнаго воспитанія, мы тѣмъ са-

мымъ закладываемъ въ себѣ удивительное основаніе для нравственной и философской культуры». Мы полагаемъ, однако, что тому же стремленію къ истинѣ научаютъ не одни собственно діалектическія сочиненія древнихъ эллиновъ; его возбуждаютъ въ насъ и историческіе памятники ихъ, и образцы краснорѣчія, и созданія поэтовъ и ваятелей, ибо въ каждомъ произведеніи древле-эллиническихъ классиковъ мы ощущаемъ присутствіе личности автора, жаждущей постигнуть истинный смыслъ окружающей насъ дѣйствительности и открытою долей правды подѣлиться съ другими. При этомъ совершенство формы отвѣчаетъ достоинствамъ содержанія, потому что эллинскій писатель лучшаго времени озабоченъ былъ возможно болѣе точнымъ органическимъ соотвѣтствіемъ между содержаніемъ и формою.

Выдающимся положеніемъ, занимаемымъ въ исторіи челоѳеческой образованности, древне-эллинская раса обязана, помимо благопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, природной даровитости. Эта сторона вопроса разъясняется другимъ англійскимъ ученымъ, Фр. Гальтономъ, въ изслѣдованіи *Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія* (перев. съ англ. Спб., 1875 г.). Путемъ длинныхъ кропотливыхъ изысканій, произведенныхъ по статистическому методу уклоненія отъ среднихъ величинъ, Гальтонъ приходитъ къ слѣдующему выводу въ вопросѣ о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ расъ: «Средній уровень способностей афинской породы по самой умѣренной оцѣнкѣ почти двумя степенями выше нашего собственного, т.-е. настолько, насколько наша порода выше африканскихъ негровъ. Многихъ удивитъ такой выводъ, но справедливость его подтверждается проникательнымъ умомъ и высокимъ образованіемъ афинскихъ гражданъ: литературныя сочиненія, которыя читались имъ на публичныхъ лекціяхъ, и произведенія искусствъ, которыя выставлялись на ихъ судъ, были настолько серьезны, что большинство людей нашей породы не были бы въ состояніи оцѣнить ихъ, а чтобы опредѣлить степень нашего умственного развитія, стоить взглянуть на то, что продается въ книжныхъ лавочкахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ». Способнѣйшею изъ всѣхъ породъ, о которыхъ сохранились историческія воспоминанія, автору *Наслѣдственности* представляется порода древнихъ афинянъ, «частію потому, — говоритъ онъ, — что до сихъ поръ ни одинъ народъ не могъ превзойти или вполне достигнуть совершенства ихъ образцовыхъ произведеній по главнымъ отраслямъ умственной дѣятельности, частію же потому, что народъ, изъ котораго вышли творцы этихъ образцовыхъ произведеній, былъ очень немногочисленъ».

Слѣдовательно, не случайно и не въ угоду чьимъ-либо единичнымъ вкусамъ и соображеніямъ, но благодаря своимъ несравненнымъ достоинствамъ и непреходящей назидательности, произведенія древнихъ эллиновъ продолжаютъ оставаться въ европейскихъ обществахъ предметомъ всесторонняго изученія. Научный и образовательный интересъ къ эллинской древности — можно предсказать съ увѣренностью — будетъ не ослабѣвать, но расти и

въ нашемъ обществѣ по мѣрѣ того, какъ будетъ шириться въ немъ умственная пытливость вообще, по мѣрѣ преуспѣянiя у насъ лингвистическихъ, историческихъ и философскихъ знанiй; ненужно только охлаждать и словывать высшихъ интересовъ науки и образованiя подчиненiемъ ихъ измѣнчивымъ потребностямъ школьной практики. Изучая старательно языкъ древнихъ эллиновъ, литературу, общественныя учрежденiя, философию, памятники искусства, мы обязаны учиться отъ эллиновъ главному—неутомимому изысканiю истины на всѣхъ путяхъ умственной дѣятельности, во всѣхъ сферахъ жизни. Лучшимъ поощренiемъ въ этихъ исканiяхъ правды да послужитъ примѣръ самихъ эллиновъ, благодарную память о которыхъ человечество хранить въ теченiе тысячелѣтiй.

Ө. Мищенко.

Раблэ, его жизнь и произведенія.

(Paul Stapfer: „Rabelais, son génie, son oeuvre“).

Современники Раблэ рисуют его намъ какъ человѣка всесторонне образованнаго, съ постоянно веселымъ расположеніемъ духа, съ умомъ острымъ, но безъ приѣси горечи и ядовитости, съ природнымъ даромъ краснорѣчія и талантомъ живой бесѣды; у него была, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятная наружность, не лишенная нѣкотораго изящнаго величія.

Онъ родился, по всему вѣроятію, въ послѣднемъ десятилѣтіи XV ст. въ Шинонѣ. У его отца, Томаса Раблэ, было еще нѣсколько сыновей, Франсуа былъ самымъ младшимъ. Преданіе ничего не говоритъ ни о матери, ни о сестрахъ. Такое отсутствіе женскаго вліянія не осталось безслѣднымъ для Раблэ: всюду въ его произведеніяхъ чувствуется полное равнодушіе къ женщинамъ; такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Говорятъ, что Гаргамель умерла отъ радости на пирѣ, но мнѣ объ этомъ ничего неизвѣстно, да и вообще нѣтъ никакого дѣла ни до нея, ни до какой-либо другой женщины». Профессія отца Раблэ неизвѣстна. Знаютъ только, что въ окрестностяхъ Шинона у него былъ участокъ виноградника, Девиньеръ, извѣстный своимъ прекраснымъ бургонскимъ виномъ, и что принадлежавшій ему домъ въ городѣ, когда его посѣтилъ историкъ Жакъ де-Ту къ концу XVI ст., былъ обращенъ въ кабакъ. Первоначальное образованіе Раблэ получалъ въ школѣ одного изъ сосѣднихъ аббатствъ, а потомъ отецъ помѣстилъ его въ монастырь Бометъ около Анжера. Здѣсь Раблэ завязалъ дружбу со многими впоследствии очень вліятельными лицами какъ въ церковныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ; они помогали ему впоследствии, въ минуты опасности, и защищали противъ враговъ.

Отецъ Раблэ хотѣлъ непременно сдѣлать изъ него монаха ордена кордельеровъ или нищенствующей братіи св. Франциска Ассизскаго, гдѣ ученость преслѣдовалась и гдѣ, по выраженію Бомте, «скорѣ еприносили объѣтъ невѣжеству, чѣмъ религіи». Неизвѣстно, что понуждало Томаса Раблэ настаивать на своемъ желаніи; невозможно только предположить, чтобы Раблэ по своей охотѣ принялъ монашество, да еще въ подобномъ орднѣ: этому противорѣчатъ его произведенія, вся его жизнь, природная склонность къ книгамъ, къ путешествіямъ, къ движенію, къ свѣту, къ физи-

ческой опрятности, къ умственному изяществу, къ наукѣ и къ обществу ученыхъ. Въ послѣдней книгѣ Пантагрюэля есть мѣсто, гдѣ особенно чувствуется горечь личнаго воспоминанія. Герой, прийдя на «Звонящій островъ», фантастическую землю, всю населенную монахами, освѣдомляется объ ихъ происхожденіи; ему отвѣчаютъ, что они привезены сюда по волѣ ихъ родителей, несчастныхъ обитателей огромныхъ странъ *Голодныхъ дѣтей* и *Слишкомъ многихъ дѣтей*.

«— Я удивляюсь,—прибавляетъ собесѣдникъ,—какъ могутъ такъ матери вынашивать дѣтей девять мѣсяцевъ, когда дома онѣ не могутъ ихъ прокормить болѣею частью не только девять, но даже семь лѣтъ, и, надѣвъ имъ подъ верхнее платье только одну рубашку и обрѣзавъ на макушкѣ уже не знаю сколько волосъ, онѣ заставляютъ ихъ дѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы ихъ видите... бесполезною тяжестью на землѣ». •

Въ монастырѣ кордельеровъ, въ Фонтеней ле-Конгъ, Раблѣ провелъ пятнадцать лѣтъ, съ 1509 по 1524 гт., и прошелъ всѣ ступени посвященія до священничества, «*vaquant souvent au saint ministère de l'autel*», какъ онъ самъ выражается въ прошеніи къ папѣ. Но обычное существованіе въ монашескомъ ордентѣ, основатель котораго сказалъ: «Не знающіе читать и писать да хранятъ свое невѣдѣніе»,—не могло удовлетворить Раблѣ. Онъ посвятилъ пятнадцать лѣтъ своей монастырской жизни чтенію и усидчивой работѣ. Впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ далъ описаніе человѣка, углубленнаго въ свое занятіе:

«Посмотрите на человѣка, занятаго какимъ-нибудь изученіемъ. Вы увидите, что всѣ артеріи его мозга натянуты какъ тетива у самострѣла. У него пріостанавливаются всѣ естественныя потребности, прекращаются всѣ внѣшнія чувства; короче сказать, вы видите его живущимъ только въ самомъ себѣ и отрѣшеннымъ экстазомъ отъ всего существующаго внѣ его».

Въ XVI ст. наука могла еще быть энциклопедической, такъ какъ циклъ человѣческихъ знаній былъ далеко не такъ обширенъ, какъ теперь. Раблѣ изучалъ въ первый періодъ своей умственной дѣятельности право, математику, астрономію, а главнымъ образомъ языки—греческій и латинскій и ихъ литературу. Изученіе греческаго языка въ особенности служить къ чести Раблѣ; изучать этотъ языкъ въ то время было очень трудно, за неимѣніемъ книгъ и учителей, и даже опасно, такъ какъ онъ считался источникомъ ереси.

Немудрено, что монахи недружелюбно смотрѣли на своего ученаго собрата, и, навѣрное, къ нимъ относятся слѣдующія слова въ одномъ изъ произведеній Раблѣ: «Какая муха укусила его? Мы никогда не учимся въ нашемъ аббатствѣ изъ боязни заушницъ. Нашъ покойный аббатъ говорилъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе ученаго монаха». Деньги, получаемыя за проповѣди, Раблѣ тратилъ на поддержаніе обширной библіотеки, гдѣ и проводилъ большую часть своего времени, а не на монастырскій столъ, какъ это было принято. Послѣднее обстоятельство и вызывало, главнымъ образомъ, неудовольствіе монаховъ.

Къ счастью для Раблэ, онъ былъ не одинъ. Благодаря своему веселому и общительному характеру, онъ всюду находилъ друзей. Въ монастырѣ онъ сошелся съ Пьеромъ Ляжи, монахомъ того же ордена, также, какъ и онъ, страстно преданнымъ наукѣ. Пьеръ Ляжи былъ старше Раблэ, такъ что служилъ ему не только товарищемъ, но руководителемъ и поддержкой. При его содѣйствіи Раблэ начинаетъ перениску съ извѣстнымъ знатокомъ греческаго языка того времени Вильгельмомъ Бюде. Но письма Раблэ, по замѣчанію Стапфера, носятъ тяжелый, искусственный характеръ; они замѣчательны по совершенному отсутствію въ нихъ живаго слога и остроумныхъ выходовъ, дѣлающихъ Раблэ однимъ изъ лучшихъ юмористическихъ писателей. Благодаря Пьеру Ляжи, Раблэ знакомится также со многими вліятельными лицами Фонтеней, что очень пригодилось ему впоследствии.

Глухое недовольство монаховъ противъ «слишкомъ ученыхъ» собратей разрѣшилось, наконецъ, грозою. Въ 1523 г. въ кельѣ обонхъ монаховъ былъ сдѣланъ обыскъ и найдены еретическія книги, т.-е. греческія, и нѣкоторыя произведенія Эразма. Книги и рукописи были конфискованы и владѣтелямъ ихъ грозило тюремное заключеніе, отъ котораго они избавились бѣгствомъ.

Вліятельное покровительство спасло обонхъ монаховъ отъ преслѣдованія. Книги были возвращены, наказаніе отмѣнено, но дальѣйшее пребываніе въ монастырѣ становилось невозможнымъ, и въ 1524 г. Раблэ переходитъ въ орденъ св. Бенедикта и поселяется въ бенедиктинскомъ аббатствѣ своего покровителя, епископа Мельезе, въ санѣ каноника и съ правомъ пользоваться доходами, несмотря на обѣтъ бѣдности.

Но ученый впоследствии орденъ бенедиктинцевъ въ то время мало чѣмъ отличался отъ безграмотныхъ францисканцевъ. Понятно, что Раблэ не могъ примириться съ своимъ новымъ положеніемъ: его склонность къ дѣятельности, къ свободной и независимой жизни дѣлала для него невыносимымъ пребываніе въ монастырѣ. Наконецъ, съ согласія своего начальства, онъ оставляетъ монастырь и въ одеждѣ мірскаго священника пускается странствовать по свѣту. Епископъ Мельезе не измѣняетъ, тѣмъ не менѣе, своихъ дружескихъ отношеній къ Раблэ. Онъ устраиваетъ въ честь его праздники въ своемъ замкѣ Лигюже, гдѣ собирались свѣтскія и духовныя лица, любители науки и чистыхъ развлеченій. Въ это время по выходѣ изъ монастыря Раблэ съ особеннымъ увлеченіемъ занимается медициной и ботаникой.

О шестилѣтнемъ періодѣ жизни Раблэ до его пріѣзда въ Монпелье не сохранилось никакихъ свѣдѣній. По всему вѣроятію, онъ, подобно своему герою, Пантагрюэлю, провелъ это время въ путешествіяхъ; указанія на это можно встрѣтить во многихъ мѣстахъ его сочиненій, гдѣ онъ часто говорить о такихъ вещахъ, людяхъ и обычаяхъ, о которыхъ врядъ ли бы упомянулъ, если бы не видѣлъ всего собственными глазами.

Въ 1530 г. Раблэ отправился въ Монпелье, чтобы закончить изученіе медицины и получить докторское званіе. И здѣсь онъ не замедлилъ обратиться на себя вниманіе своею ученостью и краснорѣчіемъ.

По словамъ самого Раблэ, онъ очень весело проводилъ время въ Монпелье; между прочимъ, онъ разыгралъ тамъ съ своими товарищами *красивенную комедію о человѣкѣ, имѣвшемъ нѣжную жену*.

«Добрый мужъ хотѣлъ, чтобы она заговорила. Благодаря искусству докторовъ и хирурговъ, которые вырѣзали у нея подъ языкомъ *encycliglotte*, она начала говорить, но говорила такъ много, что мужъ сталъ просить у врача средства, чтобы заставить ее замолчать. Врачъ отвѣтилъ, что у нихъ есть много средствъ заставить женщину говорить, но нѣтъ ни одного, чтобы заставить ихъ замолчать. Единственное средство противъ нескончаемой болтовни жены—глухота мужа. Неизвѣстно, какииъ способомъ, но мужъ сталъ глухъ. Когда жена увидѣла, что онъ оглохъ и что она говорить напрасно, потому что онъ ее не слышитъ, она стала какъ бѣшеная. Когда врачъ потребовалъ у мужа вознагражденія, тотъ отвѣчалъ, что не слышитъ его просьбы; врачъ бросилъ ему въ спину какой-то порошокъ, отъ котораго мужъ сошелъ съ ума. И вотъ сумасшедшій мужъ и бѣшенная жена соединились вмѣстѣ и такъ избили врачей и хирурговъ, что тѣ едва остались живы. Я никогда такъ не смѣялся, какъ при этой шуткѣ».

Изъ Монпелье въ 1532 г. Раблэ отправился въ Лионъ, который былъ въ то время главнымъ центромъ книжнаго дѣла во Франціи, а, слѣдовательно, часто посѣщался учеными и литераторами. Здѣсь онъ познакомился со многими извѣстными писателями своего времени и нашелъ издателя въ лицѣ знаменитаго Себастіана Грифа для своихъ комментарій на Гальена и Иппократа, которые онъ посвятилъ епископу Мельезе. Мѣсяць спустя Раблэ посвятилъ Андре Тирако латинскія письма Джіовани Манарди, феррарскаго врача; первыя строки посвященія дышатъ энтузіазмомъ къ возрожденію наукъ послѣ мрачной ночи среднихъ вѣковъ и намекають, можетъ быть, на невѣжественныхъ монаховъ Фонтеней.

«Отчего это происходитъ, ученый Тирако, что при свѣтѣ, озарившемъ нашъ вѣкъ, когда, благодаря особенному благодѣянію *божью*, мы видимъ возрожденіе самыхъ полезныхъ и драгоцѣнныхъ знаній, находятся еще тамъ и сямъ люди, которые не могутъ или не хотятъ отвести своихъ глазъ отъ готическаго тумана, которымъ мы были окружены, какъ стѣною, вмѣсто того, чтобы поднять ихъ къ блестящему солнечному свѣту?»

Раблэ долженъ былъ, въ то же время, позаботиться о средствахъ къ существованію. Въ Лионѣ онъ былъ два года врачомъ въ госпиталѣ, получая 40 ф. въ годъ; затѣмъ его уволили за двукратную самовольную отлучку. Другими источникомъ существованія ему служили изданія его ученыхъ работъ. Но тогда, какъ и теперь,—замѣчаетъ Стапферъ,—ученые труды хотя и имѣли свой избранный кругъ читателей, однако, не обезпечивали дохода ни авторамъ, ни книгопродавцамъ. Альманахи и плохіе романы имѣють бѣльшій сбытъ, чѣмъ изданіе Гиппократа.

Составленіе альманаховъ въ XVI ст. поручали людямъ, хорошо знакомымъ съ математическими и естественными науками. Съ 1533 по 1550 г. Раблэ составилъ, конечно, по порученію какого-нибудь книгопродавца, цѣ-

дую серію альманаховъ. Всѣ его альманахи, судя по сохранившимся отрывкамъ, носятъ строгій характеръ, за исключеніемъ одного, дошедшаго до насъ цѣликомъ: *Предсказаніе Пантэгрюелины (Pantagrueline Propostition)*. Какъ заглавіе, такъ и содержаніе этого послѣдняго альманаха написано въ комическомъ тонѣ, заимствованномъ, впрочемъ, у подобнаго же рода нѣмецкихъ изданій, и состоитъ въ предсказаніяхъ, вродѣ слѣдующихъ: «Въ этомъ году старость будетъ незалежна вслѣдствіе прожитыхъ лѣтъ... Въ этомъ году образуются еще нѣсколько неправильныхъ глаголовъ, если грамматика не вмѣшается въ это дѣло... Болѣзнь глазъ будетъ мѣшать зрѣнію... Почти вездѣ распространится эпидемическая болѣзнь, называемая безденежемъ...», и т. д., все въ томъ же родѣ. Въ этомъ альманахѣ, какъ и въ другихъ, Раблэ нападаетъ на астрологию; въ этомъ отношеніи онъ опередилъ многихъ просвѣщенныхъ людей XVI ст., когда даже такіе люди, какъ Эразмъ, Макиавель, Меланхтонъ, Беконъ, сохраняли долю суевѣрій. Въ комическомъ альманахѣ онъ пишетъ слѣдующія строки: «Самое большое безуміе въ свѣтѣ составляетъ мысль, что скорѣе можно найти звѣзды для королей, какъ и знатныхъ вельможъ, чѣмъ для бѣдныхъ и страдающихъ. Будучи увѣренъ, что звѣзды такъ же мало заботятся о короляхъ, какъ и о бѣднякахъ, о богатыхъ, какъ о мошенникахъ, я предоставляю какому-нибудь сумасшедшему предсказателямъ говорить о короляхъ и богатыхъ людяхъ, а самъ займусь людьми низшихъ сословій».

Въ Лионѣ, между разными другими работами, Раблэ занялся переизданіемъ небольшого романа, принадлежавшаго въ той легкой и вульгарной литературѣ, которая не имѣетъ авторовъ. Романъ этотъ носилъ заглавіе: *Великія и безцѣпныя хроники великаго и высочайшаго шанта Гаргантюа* и представлялъ собою безобразный наборъ необычайныхъ приключеній, которые такъ легко придумываются безъ всякаго таланта и остроумія для подобнаго рода героевъ. Очень можетъ быть, что, читая корректуры, Раблэ измѣнилъ и дополнилъ нѣкоторыя мѣста, но, конечно, не считалъ нужнымъ переделывать всего романа. Тѣмъ не менѣе, благодаря ловкости книгопродавца, имени ученаго доктора, уже начинавшаго пріобрѣтать извѣстность, а также вкусамъ публики, *Хроники* имѣли такой успѣхъ, что «въ два мѣсяца», какъ говоритъ Раблэ, ихъ продали больше, чѣмъ можно было бы продать Библии «въ девять лѣтъ». Такой успѣхъ ничтожной книжонки заставилъ задуматься Раблэ, и, можетъ быть, здѣсь ему впервые мелькнула мысль о произведеніи, фантастическая канва котораго дала бы ему возможность показать все богатство своего образованія, неисчерпаемое остроуміе и между смѣхомъ и комическими выходками провести цѣлый рядъ смѣлыхъ и серьезныхъ мыслей.

Было бы большою ошибкой искать въ произведеніи Раблэ опредѣленнаго, заранѣе обдуманнаго плана, развитія строгой политической идеи. Онъ началъ свое произведеніе, по всему вѣроятію, лѣтъ сорока, а, можетъ быть, и старше, и въ продолженіе остальныхъ двадцати лѣтъ своей жизни писалъ его урывками, постоянно отрываясь для другихъ, по его мнѣнію, болѣе

серьезныхъ занятій. Онъ былъ далекъ отъ мысли, что наступитъ время, когда критика назоветъ его отцомъ французской литературы и поставитъ его имя наравнѣ съ величайшими авторами всѣхъ временъ.

Въ началѣ 1553 г. Раблэ, желая дать, по его словамъ, продолженіе хроникамъ Гаргантюа, издалъ: *Страшныя и поразительныя приключенія и подвиги знаменитаго Пантурюэля, короля Дитсодовъ, сына величайшаго шанта Гаргантюа, только что написанныя ученымъ Алкофрибомъ Назье*. Позднѣе, въ 1535 г., Раблэ передѣлалъ маленькій романъ, не имѣвшій автора, чтобы сдѣлать начало достойнымъ продолженія, и далъ Гаргантюа: *Незабвенная жизнь великаго Гаргантюа, отца Пантурюэля, некогда составленная изобрѣтателемъ квинтъ-эссенціи. Книга полна пантурюэлизма*. Изъ Ліона Раблэ совершаетъ два путешествія въ Италію въ качествѣ домашняго врача парижскаго епископа Жана де-Беллэ, посланника Франциска I. Во время втораго путешествія, болѣе продолжительнаго, Раблэ подалъ прошеніе папѣ Павлу III, въ которомъ молилъ о полномъ отпущеніи ему его грѣховъ и позволеніи снова поступить въ орденъ св. Бенедикта. Благодаря протекціи двухъ кардиналовъ, разрѣшеніе не замедлило послѣдовать. Изъ Италіи Раблэ пишетъ большія письма епископу Мальезе съ мельчайшими подробностями какъ своей личной, такъ и общественной жизни. Письма эти, какъ уже было сказано, носятъ серьезный, сухой характеръ. Раблэ вообще обладалъ рѣдкою способностью отвлекаться, такъ сказать, отъ самого себя: человѣкъ въ немъ никогда не смѣшивался съ авторомъ; ученый рѣзко отличался отъ комическаго писателя. Состоя въ свитѣ кардинала Беллэ, онъ не могъ компрометировать себя смѣшными и часто неприличными выходками и письмами, достойными Панурга, которыми, тѣмъ не менѣе, такъ охотно надѣляли его легенды. Эти басни опровергаются также его связями и дружбой со многими высокопоставленными лицами его времени, которыя всегда съ большимъ уваженіемъ относились къ его ученымъ познаніямъ. Только послѣ смерти Раблэ, когда уже изгладилась память о немъ, какъ о человѣкѣ, начали слагаться легенды объ его комическихъ выходкахъ. Можно было бы думать, что по возвращеніи изъ Италіи Раблэ, пользуясь разрѣшеніемъ папы, поступитъ въ какой-нибудь монастырь, но страсть къ передвиженію еще не улеглась въ немъ и онъ ведетъ все такой же кочующій образъ жизни, какъ и раньше. Наконецъ, въ 1539 г. онъ поступаетъ въ качествѣ домашняго врача къ Вильгельму Беллэ, вице-королю Пьемонта, а послѣ смерти послѣдняго былъ назначенъ братомъ его, епископомъ Манса, священникомъ одного изъ приходовъ его округа, доходами котораго онъ пользовался безъ обязательства имѣть тамъ постоянное мѣстожителство.

Въ это время слава и матеріальное положеніе Раблэ достигли своего апогея, — ему, конечно, во многомъ помогали его вліятельные друзья, а также его осторожность и тактичность. Въ то время писать и говорить, что думаешь, значило уже подвергать свою жизнь опасности, но Раблэ между смѣхомъ высказывалъ истину и, какъ онъ самъ выражается, поддерживалъ

свои убѣжденія «до сожженія» (jusqu'au feu exclusivement); такимъ образомъ, онъ счѣлъ избѣжать печальной участи многихъ писателей своего времени, которые на кострь должны были искупить свою ересь. Самыя серьезныя столкновенія у Раблэ были съ Сорбонной, которая тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ *Пантарюэля* объявила это сочиненіе книгой въ высшей степени безнравственной; но Раблэ смягчилъ нѣсколько послѣдующія изданія и выхлопоталъ привилегію для своей третьей книги у самого короля Франциска I, чѣмъ еще усилилъ ненависть своихъ враговъ. Послѣ смерти Франциска Раблэ, опасаясь преслѣдованія, поспѣшилъ уѣхать въ Мецъ, а оттуда въ Италію. Случай и постоянное покровительство его вліятельныхъ друзей помогли ему вернуться во Францію; здѣсь онъ скоро счѣлъ приобрести благосклонность Генриха II и герцоговъ Гизовъ и издалъ четвертую книгу, гдѣ еще усиливаетъ свои нападки на духовенство и на теологовъ. Раблэ умеръ въ самый разгаръ успѣха своей четвертой книги, лѣтъ шестидесяти, должно быть, въ 1553 г. И тотчасъ же послѣ его смерти стала создаваться легенда, надѣлявшая его всѣми чертами его героевъ. Въ 1587 г. одинъ изъ его поклонниковъ, докторъ Пьеръ Буланже, напечаталъ длинную эпитафію на латинскомъ языкѣ, гдѣ опровергаетъ клевету его враговъ и компрометирующія похвалы нѣкоторыхъ изъ его поклонниковъ. «Раблэ всегда останется загадкой для потомства; только люди, жившіе въ его время, знали этого человѣка, всѣмъ извѣстнаго и всѣмъ любимаго. Послѣдующія поколѣнія будутъ, можетъ быть, считать его за шута, старавшагося смѣшать, чтобы хорошо пообѣдать, между тѣмъ, это былъ человѣкъ съ сильнымъ, пронизательнымъ умомъ, благодаря которому онъ ясно видѣлъ смѣшныя стороны человеческой жизни и, какъ новый Демокритъ, осмѣивалъ пустые страхи и надежды какъ вельможъ, такъ и маленькихъ людей, а также безпокойную заботу, наполняющую эту жизнь». Далѣе авторъ упоминаетъ объ учености Раблэ и объ уваженіи къ нему всѣхъ его современниковъ. По замѣчанію Стапфера, Раблэ остается загадкой и до сихъ поръ. Многіе не могутъ понять двойственности этой натуры, способной то до самозабвенія увлекаться шуткой и смѣхомъ, то отдаваться научнымъ занятіямъ и строгимъ размышленіямъ. Однако, въ свое время Раблэ не составлялъ исключенія; такъ, Маргарита Наварская писала и веселые рассказы, и мистическіе трактаты. Многія вольности, не дозволенные въ наше время, тогда никого не скандализировали. Его шутки, впрочемъ, еще довольно невиннаго свойства и не имѣютъ той утонченности испорченнаго воображенія, которую такъ часто можно встрѣтить въ другихъ писателяхъ. Онъ смѣется, какъ здоровый и веселый врачъ, знающій физическое и нравственное достоинство веселаго и здороваго смѣха, поэтому онъ смѣло могъ поставить во главѣ своего произведенія: здѣсь нѣтъ ни зла, ни заразы.

Произведенія Раблэ, безъ всякаго сомнѣнія, надо отнести къ сатирическому жанру, хотя сатиры его совершенно особенныя, оригинальныя и мало похожи на обычный типъ подобнаго рода произведеній. Въ нихъ нѣтъ

остраго яду, всё они отличаются легкимъ, веселымъ характеромъ, зарождаются среди смѣха и заставляютъ смѣяться даже людей, противъ которыхъ направлены. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касается его завязыхъ враговъ, «наплевывающихъ очки», чтобы найти въ его сочиненіяхъ что-нибудь, за что бы можно было его повѣсить или сжечь, добродушный юморъ Раблэ переходитъ въ крикъ негодованія и онъ не щадитъ словъ, чтобы обличить, сорвать маску съ этихъ лицемѣровъ и показать во всей наготѣ ихъ мелкую и злобную душу.

Въ первой книгѣ *Гаргантюа* есть небольшая сценка, дающая ясное представленіе о характерѣ веселости Раблэ.

Гаргантюа снимаетъ колокола съ собора Парижской Богоматери и надѣваетъ ихъ, вмѣсто колокольчиковъ, на шею своей кобылы. Въ Парижѣ большое волненіе. Сорбонна назначаетъ совѣтъ. Послѣ долгихъ преній про и contra постановили въ строгой силлогической формѣ послать къ нему самаго стараго и самаго достойнаго изъ докторовъ факультета, чтобы объяснить ему всё ужасныя послѣдствія потери колоколовъ, и выбрали для этого дѣла доктора Янотуса де-Брагардо.

Гаргантюа, предупрежденный объ этомъ посланіи, тоже собираетъ совѣтъ, на которомъ рѣшаютъ повести теолога въ буфетъ и заставить его тамъ пить по-теологически. Пока онъ будетъ напиваться, пригласить городского голову, ректора университета и викарія собора, которымъ (прежде чѣмъ ораторъ успѣетъ сказать о цѣли своего прихода) возвратитъ колокола. А потомъ ради забавы прослушать его блестящую рѣчь. Теологъ еще не успѣваетъ кончить ее, какъ все собраніе едва не умираетъ отъ смѣха, вѣсть со всеми до слезъ смѣется и Янотусъ.

Въ этомъ смѣхѣ Янотуса надъ самимъ собою и видна особенность характера Раблэ. У его героевъ, какъ и у него самого, нѣтъ злобы, а есть только веселый, заразительный смѣхъ надъ забавною шуткой.

Раблэ не щадитъ и самого себя. Онъ присоединяется къ обществу Панурга, входитъ въ ротъ къ Пантагрюэлю и подробно знакомится съ этою страной, съ большими городами, лѣсами и лугами; она ему кажется совершенно новою, но одинъ изъ обитателей замѣчаетъ ему: «Говорятъ, что существуетъ еще новая земля, гдѣ у людей есть и солнце, и луна, и разныя другія прекрасныя вещи, но наша страна древнѣе той».

Предметомъ его юмора служить, вся вселенная и все человѣчество. «Всѣ безумны, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — и все безумно. Соломонъ сказалъ, что число безумцевъ безконечно. А какъ доказываетъ Аристотель, отъ безконечности ничего нельзя ни отнять, ни прибавить. Я былъ безумецъ, безумецъ теперь и всегда останусь безумцемъ».

Какъ уже было сказано, юморъ Раблэ имѣетъ своимъ предметомъ все человѣчество, — ни короли, ни папы, ни вельможи, никто не ускользаетъ отъ его тонкой насмѣшки. Впрочемъ, Раблэ съ почтеніемъ относился къ

королевской власти: въ ней онъ находилъ защиту противъ своихъ враговъ. Политическимъ идеаломъ Раблэ было царство добраго великана, «авторитетъ котораго заставляетъ покоряться всѣ остальные тираніи». Одинъ изъ отрывковъ въ его первой книгѣ хорошо рисуетъ намъ отношеніе такого короля къ своимъ подданнымъ. «Пантагрюэль, увидѣвъ въ залѣ маленькую собачку Гаргантюа, сказалъ всей компаніи: «Нашъ король долженъ быть близко,—встанемъ ему на встрѣчу». Не успѣлъ онъ кончить эти слова, какъ Гаргантюа вошелъ въ залу, гдѣ было пиршество. Всѣ встали, чтобы привѣтствовать его. Въжливо поклонившись всему собранію, Гаргантюа сказалъ: «Мои друзья, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, прошу васъ, садитесь опять на ваши мѣста и продолжайте вашу бесѣду. Дайте мнѣ стулъ на этотъ конецъ стола и бокаль, чтобы я могъ пить со всѣми вмѣстѣ. Вы для меня всѣ желанные гости. Скажите же мнѣ, о чемъ вы бесѣдовали».

Вообще короли Раблэ (кромя королевъ-завоевателей) носятъ вполне человѣчный характеръ и съ участіемъ относятся къ жизни и дѣламъ своихъ подданныхъ; онъ не отдѣляетъ ихъ въ особенную касту, а смѣшиваетъ съ остальнымъ человечествомъ. «Я думаю,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,— что многіе короли, императоры, герцоги, принцы и папы происходятъ отъ какихъ-нибудь разнощиковъ и носильщиковъ, и, наоборотъ, многіе нищіе, несчастные и бѣдные имѣли своими предками императоровъ и королей. Что же касается меня, то я увѣренъ, что происхожу отъ какого-нибудь богатаго короля или принца прежнихъ временъ, потому что нѣтъ человѣка, который такъ бы хотѣлъ быть королемъ и богатымъ, какъ я, чтобы имѣть богатый столъ, ничего не дѣлать, ни о чемъ не заботиться, обогащать моихъ друзей и всѣхъ хорошихъ и знающихъ людей. Меня утѣшаетъ только увѣренность, что на томъ свѣтѣ я непременно буду королемъ». Въ другомъ мѣстѣ одинъ изъ его героевъ, рассказывая о своемъ пребываніи въ аду, говоритъ, что короли тамъ должны своимъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ: такъ, Александръ Македонскій занимается починкой старой обуви, Неронъ играетъ на лирѣ, а Эней — мельникъ, можетъ быть, потому, что онъ взвалилъ къ себѣ на плечи царя Анхиза, какъ кулъ съ жучкой». По мнѣнію Стаффера, въ подобныхъ выходкахъ Раблэ не надо видѣть особенной смѣлости: королевская власть въ то время еще не была обоготворена, и Францискъ I былъ слишкомъ уменъ, чтобы преслѣдовать за такіа остроумныя и безобидныя шутки. Когда послѣ выхода третьей книги теологи стали обвинять Раблэ въ ереси и настаивать на запрещеніи, несмотря на привилегію короля, Францискъ пожелалъ самъ познакомиться съ этимъ произведеніемъ и отъ души смѣялся во время чтенія.

Раблэ всегда становится на сторону короля и народа противъ папской власти, но остается вѣренъ себѣ и нападки его на папъ не идутъ дальше добродушнаго юмора.

Только въ четвертой книгѣ сатира его становится рѣзче и значительнѣе; но въ то время онъ имѣлъ за себя не только Франциска, но и большинство французскаго духовенства, которое тяготилось папскою властью

Раблэ, по выраженію Стапфера, смѣлость соединялъ съ осторожностью и отправлялся въ бой съ хорошими поддержаніемъ.

Отношеніе Раблэ къ монахамъ довольно сложно и, по выраженію Стапфера, его лучше всего можно опредѣлить извѣстными словами Катулла: *odi et amo*. Онъ много смѣется надъ ихъ праздною и прожорливостію. Птицы, прилетающія на «Звонящій островъ» изъ бѣдныхъ странъ худыми, становятся жирными; одинъ врачъ нашелъ средство противъ всевозможныхъ болѣзней: онъ дѣлаетъ больныхъ «монахами на три мѣсяца» и утверждаетъ, что «если кто не потодстѣетъ въ монашескомъ состояніи, то тому не помогутъ ни искусство, ни природа». Лучшая сатира на монаховъ находится въ книгѣ *Гаргантюа*, въ главѣ: *Почему монаховъ избытокъ въ свѣтъ и почему у однихъ носы длинны; чѣмъ у другихъ*.

«Если вамъ понятно почему надъ обезьяной всѣ смѣются и бьютъ ее, то вы поймете также, почему всѣ, — и старые, и молодые, — избѣгаютъ монаховъ. Обезьяна не сторожить домъ, какъ собака, не носитъ тяжести, какъ лошадь, не даетъ ни молока, ни шерсти, какъ овца. Она только все портитъ и ломаетъ, поэтому на нее и сыпятся удары и насмѣшки. Точно также и монахъ не обрабатываетъ землю, какъ крестьянинъ, не оберегаетъ страну, какъ солдатъ, не лечитъ больныхъ, какъ врачъ, не проповѣдуетъ и просвѣщаетъ міръ, какъ добросовѣстный докторъ богословія и педагогъ, не снабжаетъ государство необходимыми вещами и удобствами, какъ купецъ. Поэтому никто ихъ не любитъ и всѣ смѣются надъ ними. «Но, — сказалъ Грангузье, — они молятся за насъ Богу». — «Ничуть не бывало, — отвѣтилъ Гаргантюа. — Правда, они дѣлаютъ невозможнымъ сосѣдство съ ними, благодаря вѣчному трезвону колоколовъ. Они бормочутъ массу молитвъ и псалмовъ, не понимая ихъ. Всѣ истинные христіане вездѣ молятся Богу, душа ихъ участвуетъ въ молитвѣ и поэтому они угодны Богу».

«Но вотъ нашъ добрый братъ Жанъ тоже монахъ, а, между тѣмъ, каждый ищетъ его общества. Онъ не ханжа, не неряха; онъ благороденъ, веселъ, разговорчивъ, хорошій товарищъ. Онъ работаетъ, трудится, защищаетъ угнетенныхъ, утѣшаетъ огорченныхъ и помогаетъ страдающимъ. «Я дѣлаю больше, — сказалъ монахъ, — потому что, отстоя въ заутрени, я готовлю тетивы для лука, силки для ловли кроликовъ и никогда не остаюсь празднымъ».

Нападая на монаховъ, Раблэ никогда не нападаетъ на монастыри, какъ на учрежденіе. Онъ много лѣтъ своей жизни провелъ въ монастырѣ, отдаваясь любимымъ занятіямъ, и вносилъ въ нѣсколько разъ собирався снова поступить въ монастырь, такъ что не могъ сохранить о немъ одни только дурныя воспоминанія. Его Телемская республика, несмотря на то, что порядки тамъ совсѣмъ другіе, чѣмъ въ монастыряхъ, въ сущности, представляетъ собою также монастырь.

Важное мѣсто въ сатирахъ Раблэ занимаетъ міръ судебный. Онъ говоритъ о законахъ и обо всемъ, что къ нимъ относится, какъ человекъ, хорошо изучившій дѣло. Весьма вѣроятно, что, прежде чѣмъ, посвятить себя ис-

ключительно медицинѣ, Раблэ слушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ разныхъ университетахъ; указаніе на это можно встрѣтить и въ его произведеніяхъ. Въ царствованіе Франциска I былъ приглашенъ знаменитый итальянскій юрисконсультъ Альціатъ для чтенія лекцій въ Буржѣ. Альціатъ стоялъ во главѣ движенія эпохи Возрожденія и былъ представителемъ гуманизма противъ старой школы Аккурса. Раблэ не называетъ Альціата по имени, но вездѣ высказывается какъ сторонникъ его широкихъ идей. Чтобы понять римское право, надо изучить нравственную и естественную философію—источники законовъ, знать исторію, греческій языкъ, такъ какъ Греція была первою наставницею Рима, понять и почувствовать всю красоту древнихъ латинскихъ писателей, а эти старые мечтатели, — воспеваютъ Пантагрюэль, — изучали все это меньше чѣмъ мой мулъ. Въ известной программѣ, которую Гаргантюа составляетъ для своего сына, онъ дѣлаетъ ему слѣдующее замѣчаніе: «Я хочу, чтобы ты наизусть зналъ прекрасныя статьи гражданского права и передавалъ бы мнѣ ихъ продуманно». «Ты меня спрашиваешь, что я думаю о гражданскомъ правѣ, — пишетъ поэтъ Вульте въ латинской эпиграммѣ къ поэту Морису Севь.— Что я о немъ думаю? Да все то же, что сказалъ о немъ нашъ другъ Раблэ».

Въ своихъ сатирахъ на судебный міръ Раблэ въ особенности нападаетъ на небрежное веденіе дѣлъ, на необразованность и корыстолюбіе судей. Исторія процесса ученаго Янотуса противъ Сорбонны заканчивается слѣдующимъ размышленіемъ: «Дѣло никогда не будетъ рѣшено... Въ Парижѣ говорятъ, что Богъ одинъ можетъ создать, безконечность. Въ природѣ нѣтъ ничего безсмертнаго. Но эти пожиратели времени дѣлаютъ процессы постоянными, безконечными и безсмертными. Поэтому можно скорѣе дожидаться конца жизни, чѣмъ ихъ мнимаго права».

Наибольшую известностью пользуется знаменитая сатира въ пятой книгѣ на уголовный судъ.

Панургъ со своими товарищами приходитъ на островъ «Коварныхъ котовъ», гдѣ княжествуетъ Гриппино. «Коварные коты»—самыя ужасныя и чудовищныя животныя... У нихъ такіе длинные, сильные и гибкіе когти, что если кто попадетъ въ ихъ лапы, вырваться нельзя никакими силами. Они все хватаютъ, все пожираютъ, вѣшаютъ, сжигаютъ, сдираютъ кожу, отрубаютъ головы, бросаютъ въ тюрьмы и разоряютъ, не разбирая ни добра, ни зла... И все это они продѣлываютъ съ высочайшимъ и несокрушимымъ авторитетомъ». Гриппино въ своемъ допросѣ говорить слѣдующія слова: «Наши законы похожи на паутину: простые мухи и маленькія бабочки запутываются въ ней, а большіе вредные слѣзни прорываютъ ее и улетаютъ». Нищій, которому путешественники показываютъ милостыню, восклицаетъ: «Дай вамъ Богъ, добрые люди, выйти отсюда здоровыми и невредимыми!» Но, чтобы выйти оттуда, надо дать много золота и сдѣлать богатые подарки дамѣ Гриппино, а также и другимъ кошкамъ». Въ этой сатирѣ обычный добродушный юморъ покидаетъ Раблэ;

онъ дрожить отъ гнѣва и негодованія при видѣ совершаемыхъ несправедливостей и жестокостей.

Но главнымъ врагомъ Раблэ была Сорбонна, это его «*bête noire*», предметъ ненависти и отвращенія. По выходѣ въ свѣтъ *Пантэрюэля*, Сорбонна объявила эту книгу безнравственной. Сорбонна была убѣжищемъ и представительницей отжившаго времени, главнымъ пунктомъ борьбы среднихъ вѣковъ съ великими людьми эпохи Возрожденія. Еще раньше Раблэ Эразмъ велъ войну съ теологами (*theologastres*), настоящими варварами,—говорилъ онъ. Сорбонна запретила изученіе греческаго языка, объявивъ его еретическимъ, Сорбонна придумала указъ, грозившій уничтожить печать въ самой ея колыбели. Неудивительно, слѣдовательно, что, несмотря на природное добродушіе и веселость, Раблэ раздражается иногда злыми и рѣзкими выходками противъ своего мучителя. Въ пятой книгѣ *Пантэрюэля* отправляется съ визитомъ къ нѣкоей дамѣ Квинтъ-эссенціи, правнучкѣ Аристотеля, старой дѣвѣ тысячи восемьсотъ лѣтъ отъ роду, царицѣ Ентелехскаго царства. Тошчіе обѣды царицы состоятъ изъ абстракціи, категорій, антитезъ и т. п. Всѣ ея придворные заняты рѣшеніемъ неразрѣшимыхъ задачъ: сдѣлать негровъ бѣлыми, зачерпнуть воду въ рѣшето, разрѣзать огонь ножомъ и т. д., все въ томъ же родѣ. Первыми преподавателями Гаргантюа были доктора теологіи въ Сорбоннѣ—«суетные пустословы прежнихъ временъ», знаніе и мудрость которыхъ состояли въ «глупости» и «надутости», способныхъ заглушить всякій живой и благородный умъ. Подъ ихъ руководствомъ Гаргантюа выучился тому, что онъ уже зналъ: «пить, ѣсть и спать; ѣсть, спать и пить; спать, пить и ѣсть». Ученый Тубаль Голофернъ—«великій докторъ теологіи» и профессоръ «готическаго» письма—выучилъ его азбукѣ такъ хорошо, что онъ могъ сказать ее по порядку съ конца, и училъ ее пять лѣтъ и три мѣсяца; потомъ разныя статьи, морали и грамматики заняли у него тридцать лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и двѣ недѣли и т. п. Такъ осмѣиваетъ Раблэ схоластическую ученость и тупоуміе докторовъ теологіи, но и здѣсь даже онъ умѣлъ сохранить шутивую веселость. Вообще, какъ уже было замѣчено, онъ больше любитъ смѣяться надъ людьми, чѣмъ плакать и громить ихъ недостатки, и его смѣхъ такъ веселъ, что невольно сообщается окружающимъ. Лучшая эпитафія на могилу Раблэ принадлежитъ Этьену Пакье: «Онъ смѣялся надъ людьми, онъ смѣлся надъ богами съ такою заразительною веселостью, что ни люди, ни боги не оскорблялись его насмѣшками».

„Sic homines, sic et coelestia numina ludit,

Vix homines, vix ut numina laesa putet“.

Произведенія Раблэ не имѣютъ, какъ мы замѣтили, ни плана, ни системы; онъ всецѣло подчиняется прихотливымъ затѣямъ своего измѣнчиваго настроенія. Скептицизмъ, главная черта его характера, болѣе или менѣе часто уступаетъ мѣсто горячему увлеченію, веселость прерывается серьезными, глубокими идеями и размышленіями, въ которыхъ чувствуется иногда много скорби.

Рядомъ съ комическимъ писателемъ въ немъ живетъ также глубокий мыслитель, стоявшій во главѣ нравственнаго и философскаго движенія XVI ст.

Идеаломъ Раблэ является *Пантагрюэль*, философія его заключается въ *пантагрюэльзмъ*. Въ прологѣ къ IV книгѣ онъ такъ опредѣляетъ его: веселое расположеніе духа виѣсть съ презрѣніемъ ко всему преходящему. Смѣхъ и веселье необходимы для человѣка, также какъ ѣда и питье; они поддерживаютъ въ немъ нравственную бодрость, заставляютъ его легче относиться къ разнымъ временнымъ житейскимъ невгодамъ и придаютъ энергію для преслѣдованія вѣчной, далекой, можетъ быть, недостижимой цѣли всего человѣчества—общаго благоденствія. Пантагрюэль обладаетъ чудодѣйственною травой пантагрюэльнъ, съ помощью которой побѣждаетъ всевозможныя препятствія, мѣшающія успѣху цивилизаціи. Сами боги Олимпа приходятъ, наконецъ, въ ужасъ отъ подвиговъ Пантагрюэля; они дрожатъ при мысли, что дѣти его могутъ изобрѣсть такую же чудесную траву и съ ея помощью проникнуть въ «источники града, дождя и молніи». Они боятся, какъ бы человѣчество не захватило, наконецъ, ихъ владѣнія и не поселилось бы, какъ въ гостиницѣ, на томъ или на другомъ созвѣздіи. Такимъ образомъ, въ Пантагрюэльѣ воплощаются знаніе и наука въ борьбѣ съ таинственными силами природы.

Пантагрюэль служитъ также и нравственнымъ идеаломъ Раблэ. Онъ умѣетъ владѣть собой, умѣренъ, трезвъ, добръ, серьезенъ, храбръ въ опасности, у него много нравственнаго достоинства. Ко всему человѣчеству, а въ особенности къ Панургу, представителю всевозможныхъ пороковъ, Пантагрюэль относится съ глубокимъ снисхожденіемъ скептика, который почти никогда не возмущается зломъ и никогда не беретъ на себя его искорененія. Только одни лѣнтяи, обжоры и пьяницы служатъ предметомъ его ненависти.

Взглядъ Раблэ на войну и на ея послѣдствія лучше всего выраженъ въ эпизодѣ борьбы между Грангузье, дѣдомъ Пантагрюэля, и Пикроколемъ.

Пикроколь одержимъ безумнымъ честолюбіемъ и страстью къ военнымъ походамъ. Изъ-за нѣсколькихъ дюжинъ лепешекъ, которые пастухи Грангузье взяли съ телѣги его людей, «уплативъ ихъ стоимость», изъ-за какого-то мошенника, избитаго ими по заслугамъ, Пикроколь хочетъ разграбить земли своего сосѣда. Онъ приходитъ въ «страшную ярость» и, не спрашивая «ни какъ, ни почему», призываетъ къ оружію весь свой народъ; «покуда ему готовятъ обѣдъ», онъ наскоро дѣлаетъ свои военные распоряженія и безъ всякаго плана и порядка наводитъ вооруженными шайками сосѣдную страну. Грангузье, поклонникъ мира, употребляетъ всѣ усилія, чтобы успокоить своего раздраженнаго соперника. Въ письмѣ къ своему сыну онъ говоритъ: «Я рѣшилъ не раздражать его, а умиротворять, не нападать, а только защищаться, сражаться, чтобы сохранить своихъ подданныхъ и наследственныхъ земли, которыя такъ враждебно и безъ всякой причины попираетъ теперь Пикроколь». Грангузье, въ противоположность Пикроколю, несмотря на свою склонность къ мирнымъ занятіямъ, всегда

готовъ къ войнѣ. Ему нѣтъ надобности обращаться къ помощи народа, который самъ предлагаетъ ему тысячи волонтеровъ.

Раблэ, какъ и многіе другіе философы, дѣлаетъ различіе между войною наступательной и войною оборонительной. «Мы называемъ разбоемъ и злодѣйствомъ то, что нѣкогда сарадины и варвары называли удачью; мы говоримъ, что подражаніе Геркулесу, Александру, Ганнибалу, Сципіону и Цезарю противно духу Евангелія, которое повелѣваетъ каждому оберегать и управлять ввѣренными ему странами и землями, а не грабить чужія; мы думаемъ, наконецъ, что человѣкъ созданъ для мира, а не для войны, но это не мѣшаетъ намъ все-же желать, чтобы границы Франціи были хорошо укрѣплены и чтобы міръ уважалъ ея спокойствіе. Мы скажемъ даже, что война становится прекрасной, когда дѣло идетъ о защитѣ отечества противъ нападена непріятеля».

Грангузэ побѣждаетъ Пикрокола, но и послѣ побѣды остается человѣчнымъ. Онъ требуетъ только выдачи главныхъ зачинщиковъ войны и совѣтниковъ короля. «Но Гаргантюа не сдѣлалъ имъ никакого зла. Онъ заставилъ ихъ только работать надъ печатными станками въ типографіи, которую онъ только что основалъ». Такимъ образомъ, представители грабежа и разбоя должны были тоже обратить свой трудъ и время на пользу просвѣщенія.

Въ третьей книгѣ есть прелестная глава о колонизаціи завоеванныхъ странъ. Пантагрюэль завоевываетъ страну Дипсодовъ, плохо населенную и даже пустынную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и переселяетъ туда колонію Утопистовъ, «представителей всѣхъ ремеслъ, профессоровъ всѣхъ наукъ, чтобы внести въ страну порядокъ и просвѣщеніе, а также населить ее». «Какъ и предвидѣлъ Пантагрюэль, побѣжденные въ скоромъ времени не только переняли у побѣдителей ихъ просвѣщеніе и достоинства, но даже перегнали ихъ, благодаря страстности, съ которой вообще человѣчество принимается за всякое дѣло, которое ему по вкусу». «Побѣжденный народъ,—говоритъ онъ дальше,—нельзя грабить, притѣснять, насиловать и раздражать; надо, напротивъ; ласкать, нѣжить и баловать его, какъ новорожденное дитя; надо поддерживать его и защищать отъ бури, какъ только что посаженное деревцо»... «Этимъ переселеніемъ Утопистовъ въ Дипсодію Пантагрюэль создалъ «двухъ ангеловъ» изъ одного, въ противоположность Карлу Великому, который изъ одного чорта сдѣлалъ двухъ, переселивъ саксонцевъ въ Фландрію, а фланандцевъ въ Саксонію».

Послѣ побѣды надъ Пикроколомъ Гаргантюа награждаетъ всѣхъ участвовавшихъ въ сраженіи и предлагаетъ, между прочимъ, храброму монаху брату Жану одно изъ аббатствъ. Братъ Жанъ отказывается, говоря, что онъ не можетъ управлять монахами, такъ какъ не умѣетъ управлять даже самимъ собою. Онъ проситъ взаимно этого позволенія основать новое аббатство по своему собственному плану и создать свою религію, непохожую на всѣ остальные. Гаргантюа очень нравится эта мысль, и онъ отдаетъ, для ея исполненія, монаху мѣстечко Телему около Луары.

Въ Телемскомъ учрежденіи Раблэ даетъ намъ картину идеальнаго обществія, нѣчто вродѣ маленькой республики, уставъ которой проникнутъ серьезными идеями. Но такъ какъ новое аббатство должно было рѣзко и во всѣхъ пунктахъ разниться отъ подобныхъ же учреждений своего времени, то встрѣчаются и забавныя распоряженія, написанныя исключительно въ пику монастырямъ. Такъ, напримѣръ, въ Телемской республикѣ нѣтъ колоколовъ, ни даже часовъ, подѣ предлогомъ, что часы заставляютъ терять слишкомъ много времени: въ этомъ правилѣ заключается протестъ противъ монастырской жизни, гдѣ все «размѣрено, распредѣлено и ограничено по часамъ». Многія другія постановленія имѣютъ уже важное значеніе. Аббатство не обнесено стѣною, чтобы не походить, какъ другія, на темницы. Жить въ немъ дозволяется какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ; обязательства на всю жизнь не существуетъ и каждый можетъ уйти, когда ему вздумается; обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія замѣняется слѣдующимъ правиломъ, вполне разрушающимъ старый порядокъ вещей: въ Телемѣ «всѣ могли жениться, всѣ были богаты и пользовались полною свободой».

Женщины принимались въ Телему отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, мужчины отъ двѣнадцати до восемнадцати; молодые люди обоого пола должны были быть красивыми и хорошо сложенными, достойными представителями человѣческой расы. Въ этомъ предписаніи скрывается древняя идея реабилитаціи плоти противъ чрезмѣрнаго мистицизма, умерщвлявшаго ее ради многихъ потребностей духа.

На большихъ воротахъ Телемы былъ написанъ перечень лицъ, имѣвшихъ право пребыванія въ Телемѣ, и переименованы лица, лишеныя этого права.

Первое запрещеніе касалось лицемѣровъ и ханжей, главныхъ, постоянно преслѣдуемыхъ враговъ, на которыхъ Раблэ изливаетъ цѣлый потокъ оскорбительныхъ эпитетовъ. Затѣмъ изгоняются лица судебного міра, «пожиратели простаго народа»; для нихъ нѣтъ мѣста въ идеальномъ обществѣ, которому незнакомы ни процессы, ни споры. Прочь ростовщики и скупцы! прочь ревнивцы и старые ворчуны, подстрекатели и соблазнители! Пусть приходятъ благородные рыцари и дамы, представители красоты, а также мудрости и скромности; надо чтобы обитатели Телемы были, прежде всего, хорошими товарищами, чтобы у нихъ были добрыя и здоровыя душа и тѣло.

Раблэ, камень за камнемъ, воздвигаетъ передъ читателями Телемское аббатство; онъ дѣлаетъ такія точныя и подробныя описанія, что одинъ ученый архитекторъ, Ленорманъ, могъ начертить планъ и рисунокъ аббатства. Ленорманъ замѣчаетъ, между прочимъ, что и архитектура Раблэ отличается отъ той эпохи своею склонностью скорѣе къ *комфорту*, чѣмъ къ роскоши.

Въ каждомъ этажѣ помѣщаются большія, красивыя библіотеки, составленныя изъ литературы языковъ, извѣстныхъ въ то время: греческаго, латинскаго, французскаго, итальянскаго и испанскаго. Раблэ дѣлаетъ

только одно важное упущение въ описаніи своего аббатства: онъ совершенно забываетъ о кузняхъ и о столовыхъ. Позабывшись, такимъ образомъ, объ умственной пищѣ обитателей Телемы, онъ оставляетъ безъ удовлетворенія первую потребность человѣческой жизни. Нечего и говорить послѣ этого, насколько негѣпы обвиненія Раблѣ въ любви къ пирамъ и оргіямъ: въ Телемѣ не могло быть ничего подобнаго за немѣнѣемъ даже общаго стола. Подробно останавливается также Раблѣ на описаніи костюмовъ обитателей аббатства. Онъ одѣваетъ ихъ въ богатые платья, свѣтлыхъ и яркихъ цвѣтовъ, украшенные алмазами, рубинами и разными другими драгоценными камнями. Онъ возстаетъ здѣсь не только противъ мрачной и однообразной монашеской одежды, но вообще противъ мистицизма и пессимизма, потому что какъ черный цвѣтъ означаетъ трауръ, такъ свѣтлый есть символъ радости и веселья. «Развѣ ночь не мрачна и не печальна? Развѣ свѣтъ не радуется всю природу?... По свидѣтельству Евангелія, одежды Спасителя во время преображенія стали бѣлыми, какъ свѣтъ... Античные историки говорятъ намъ, что триумфаторы въѣзжали въ Римъ въ колесницахъ, запряженныхъ бѣлыми лошадьми... Французы охотно носятъ на шляпахъ бѣлыя перья, потому что природа дала имъ веселый характеръ. Жизнь въ Телемѣ идетъ весело и беззаботно; тамъ есть гипподромъ, циркъ, театръ, площадь для игръ, галлерей естественной исторіи, картинная галлерей и т. п. Всюду царствуетъ миръ и согласіе». Раблѣ предполагаетъ, что полная гармонія въ обществѣ зависить всецѣло отъ доброй воли и желанія каждаго отдѣльнаго члена. Человѣкъ отъ природы добръ. Лучшіе представители человѣческаго рода, какъ телемиты, у которыхъ здоровая, красивая внѣшность служитъ выраженіемъ здоровой души и здороваго ума, могутъ стремиться только къ добру. Ни одно дурное желаніе не нарушить чистыхъ нравовъ и счастья телемитовъ. Въ этой идеальной республикѣ всѣ будутъ жить въ согласіи, потому что у всѣхъ одинаково благородные и высокіе вкусы; даже женщины, и тѣ не будутъ ссориться». «Ихъ жизнь распредѣлялась не по законамъ, статутамъ и правиламъ, а по ихъ собственной волѣ и желанію». Такъ постановилъ Гаргантюа. У нихъ было только одно правило: дѣлай, что тебѣ захочется. Эти четыре маленькія слова ничто иное, какъ переводъ греческаго *Thelema*,—ясно, что аббатство *свободно разумомъ* служить яркою антитезою всѣмъ монастырямъ, основными правилами которыхъ являются послушаніе и отреченіе отъ собственной воли.

Было бы ошибочно думать, что словами: «дѣлай, что тебѣ захочется», Раблѣ освобождаетъ отъ всякихъ обязанностей и нравственнаго контроля. Люди свободные,—говоритъ онъ,—«хорошо образованные, постоянно вращающіеся въ обществѣ честныхъ людей, отъ природы обладаютъ инстинктомъ и импульсомъ, который влечетъ ихъ къ добру и отталкиваетъ отъ зла». Природное влеченіе человѣка къ добродѣтели измѣняется, «если его начинаютъ принуждать и подчинять», въ инстинктъ противодѣйствія «рабскому игу», потому что мы всегда стремимся къ запрещенному и желаемъ того, чего у насъ нѣтъ.

Никогда не стремится нарушить правило, которое не насилуетъ душу, убѣжать изъ воспитательнаго или исправительнаго дома, гдѣ ворота всегда открыты и позволяютъ уйти во всякое время, не прибѣгая къ хитрости и обману. На этомъ правилѣ были устроены исправительныя колоніи и школы, которыя давали хорошіе результаты.

Телемиты Раблэ—люди высокой нравственности: «никогда не было такихъ благородныхъ, нравственныхъ рыцарей, такихъ милыхъ, кроткихъ женщинъ, такъ хорошо знающихъ женскія работы». Поэтому, «когда наступало время оставлять аббатство, или по желанію родителей, или по какой другой причинѣ, каждый уводилъ съ собою женщину, которую онъ бралъ себѣ въ подруги и женился на ней. И какъ въ Телемѣ они жили въ дружбѣ и согласіи, такъ продолжали жить и послѣ, и въ концѣ своей жизни любили другъ друга такъ же, какъ и въ первые дни брака». Бракъ завершаетъ собою жизнь въ юномъ телемскомъ обществѣ. Совмѣстная жизнь мужчинъ и женщинъ позволяетъ лучше узнать другъ друга и дѣлаетъ браки болѣе удачными и счастливыми. Когда выборъ сдѣланъ, юная чета покидаетъ аббатство и основываетъ семью внѣ его.

По мнѣнію Стапфера, республика Телемы носитъ чисто-идеальный характеръ и, конечно, недостижима въ дѣйствительности. Но заблужденія Раблэ, какъ и вообще заблужденія генія, дали гораздо больше плодотворныхъ результатовъ, чѣмъ многія мудрыя истины посредственныхъ мыслителей. Своимъ отрицаніемъ прирожденной испорченности Раблэ дѣлаетъ шагъ къ XVIII ст., порываетъ со старою традиціей, съ суровымъ догматомъ Кальвина и со всею католическою церковью, съ ея системой раскаяній, замѣняющихъ исправленіе.

Главный недостатокъ республики, это—отсутствіе труда. Тамъ есть, правда, работники: парижанеры, портные, обойщики и т. п., но они не входятъ въ составъ общества, а служатъ какъ простые наемники. Вся жизнь телемитовъ проходитъ или въ празднествахъ, или въ ученіи; вся жизнь и всѣ поступки обращены на заботу о собственномъ благосостояніи и самообразованіи.

«Забота только о своемъ собственномъ образованіи, — говоритъ Стапферъ, — съ соціальной точки зрѣнія, то же, что забота о спасеніи своей души: это жизнь монаха, а не человѣка. Въ Телемѣ не допускалось даже семьи, и молодые люди, сочетавшіеся бракомъ, вступали въ жизнь безъ всякой подготовки къ суровой дѣйствительности. Нравственная идея Телемы заключается въ двухъ словахъ: свобода и уваженіе къ своему достоинству. Это, конечно, многого стѣдитъ, особенно въ то время, но все же не замѣняетъ дѣятельной энергіи, страстнаго влеченія къ добру, къ самопожертвованію для блага другихъ и сознанія своихъ обязанностей.

Въ третьей книгѣ находится знаменитый парадоксъ Панурга о необходимости системы долговъ и кредита, гдѣ между смѣхомъ и шутками высказывается соціальная теорія, не лишенная глубокаго смысла:

«Если въ этомъ мірѣ не будутъ ничего давать въ долгъ, то это бу-

дѣтъ подлость, аномалія, чертовщина. Люди не будутъ стараться спасти другъ друга. Напрасно будутъ кричать: тону, горю, убиваютъ!—никто не придетъ на помощь. Почему?—онъ никому не долженъ, и ему никто не долженъ. Никому нѣтъ дѣла ни до его крушенія, ни до его разоренія, ни до его смерти... Короче сказать, изъ этого свѣта будутъ изгнаны Вѣра, Надежда, Милосердіе, потому что люди созданы для того, чтобы помогать людямъ и заботиться о людяхъ». И, впадая въ экзальтацію, Панургъ провидитъ въ будущемъ блаженное время, когда всѣ люди будутъ взаимно кредиторами и должниками и когда будетъ царствовать полная гармонія. Наступятъ миръ, любовь, вѣрность, покой, веселье и радость. Деньги, мелкая монета, кольца, разные товары будутъ переходить изъ рукъ въ руки. Нѣтъ процессовъ, нѣтъ войны, нѣтъ споровъ, нѣтъ ростовщиковъ, нѣтъ преступниковъ, нѣтъ скупцовъ. Боже, да развѣ это не золотой вѣкъ?... Будетъ царствовать одно милосердіе. Всѣ будутъ добры, всѣ будутъ прекрасны, всѣ будутъ справедливы». Панургъ развиваетъ здѣсь евангельское изреченіе: «На землѣ миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе», и достигаетъ почти экстаза Виктора Гюго въ его поэмѣ *Роскошь* (*Lux*):

„Nous nous verrons sortir de ce gouffre où vous sommes,
Mêlant vos deux rayons, fraternité des hommes,
Paternité de Dieu!“

Какъ уже было сказано раньше, Грангузье поручилъ воспитаніе сына Гаргантюа ученымъ теологамъ Сорбонны, но, увидѣвъ, что сынъ его не приобрѣлъ подъ ихъ руководствомъ ровно никакихъ познаній, Грангузье приглашаетъ Панократа, представителя «современнаго» воспитанія, совершенно претивуположнаго «прежнему». Панократъ, прежде чѣмъ заняться перевоспитаніемъ своего ученика, сначала изучаетъ его, «предоставляя ему полную свободу слѣдовать уже приобретеннымъ привычкамъ, зная, что природа не терпитъ внезапныхъ перемѣнъ безъ слишкомъ сильныхъ потрясеній». Постепенно Панократъ развиваетъ въ своемъ воспитанникѣ чувства чести и старается воздѣйствовать на это главное, по мнѣнію Раблѣ, орудіе нравственнаго воспитанія. Онъ хочетъ, чтобы Гаргантюа поступалъ хорошо не изъ послушанія своему учителю, но изъ самолюбія и благороднаго соревнованія.

«Онъ познакомилъ его съ учеными, общество которыхъ развиваетъ его умъ и вызываетъ въ немъ желаніе приобрести такіа же познанія и пользоваться такимъ же уваженіемъ».

День его былъ такъ распределенъ, что ни одинъ часъ не проходилъ даромъ. Гаргантюа просыпался около четырехъ часовъ утра; покада его растирали, пажъ читалъ ему Священное Писаніе громко, ясно и съ надлежащимъ выраженіемъ. Послѣ этого чтенія Гаргантюа часто предавался молитвѣ, тронутый и пораженный величіемъ Бога и Его чудеснымъ откровеніемъ.

Во время одѣванья, когда онъ причесывался, одѣвался, душился, ему читали уроки предъидущаго дня, или онъ самъ повторялъ ихъ, стараясь найти имъ, въ то же время, практическое примѣненіе къ жизни. Затѣмъ три

добрыхъ часа посвящалось чтенію, послѣ котораго былъ первый гимнастическій отдыхъ, относительно короткій, играли въ мячъ или въ ланту до тѣхъ поръ, пока не выступалъ потъ, признаковъ усталости, согласно мнѣнію Цельзія и Гипократа». Послѣ гимнастики обтирали тѣло, надѣвали чистое бѣлье и медленно прогуливались въ ожиданіи обѣда. Во время прогулокъ ясно и громко говорили что-нибудь изъ пройденнаго. Въ началѣ обѣда читали какіе-нибудь веселые, забавные рассказы, покуда не подавали вино. Тогда, смотря по желанію, или продолжали читать, или бесѣдовали обо всемъ, что было на глазахъ: о хлѣбѣ, соли, о качествахъ подаваемыхъ кушаньевъ и т. д. Послѣ обѣда, вычистивъ зубы и вымывъ руки и глаза свѣжею водою, благодарили Господа и сѣлись играть въ карты.

Игра въ карты послѣ обѣда и послѣ ужина, по мнѣнію Раблэ, даетъ полный отдыхъ уму и тѣлу и, кромѣ того, далеко не бесполезна. При помощи картъ можно узнать «тысячу забавныхъ фокусовъ, составить новыя», основанные на ариаметикѣ, и вызвать интересъ къ этой наукѣ. Такимъ образомъ, Гаргантюа увлекается сначала ариаметикой, а потомъ мало-помалу и другими математическими науками, какъ геометрией, астрономіей, и музыкой. Онъ пѣлъ, сколько ему вздумается; игралъ на арфѣ, на лютнѣ, на флейтѣ и на другихъ инструментахъ. Послѣобѣденный отдыхъ продолжался часъ, а послѣ того Гаргантюа опять принимался за науки; занятія продолжались три часа и больше и состояли въ повтореніи утренняго урока и въ чтеніи новаго.

Послѣ того, какъ и утромъ, занимались физическими упражненіями, но гимнастика была теперь продолжительнѣе и сложнѣе. Раблэ подробно останавливается здѣсь на описаніи разныхъ гимнастическихъ упражненій. По выраженію С. Бѣва: «ловкость учителя-гимнаста равняется здѣсь ловкости языка. Для французской прозы здѣсь тоже своего рода гимнастика,—слогъ становится изумительнымъ по изобилію выраженій, по свободѣ, гибкости, точности и горячности».

Гаргантюа занимается гимнастикой на открытомъ воздухѣ. Раблэ смѣло возражаетъ здѣсь противъ царствовавшаго тогда во Франціи предразсудка, что гимнастика должна производиться въ закрытомъ зданіи. Здѣсь на открытомъ воздухѣ юношу растираютъ и подаютъ ему новую одежду. Домой возвращаются лугами и вообще мѣстами съ растительностью, для гербаризаціи. Въ ожиданіи ужина, также какъ и утромъ, повторяютъ пройденное.

«Замѣьте, — говоритъ Раблэ, — что обѣдъ Гаргантюа былъ очень скромный, онъ ѣлъ, чтобы нѣсколько утолить голодъ, но ужинъ былъ тщательный и разнообразный. Онъ ѣлъ теперь столько, сколько надо было, чтобы хорошенько подкрѣпить свои силы». Раблэ различаетъ, такимъ образомъ, ужинъ, заканчивающій дѣятельный день, и обѣдъ, служащій только короткимъ отдыхомъ во время работы. «Когда я хорошо позавтракалъ, — говоритъ Панургъ, — я могу, въ случаѣ надобности, обойтись безъ обѣда. Но не ужинать? Чортъ возьми! Это ошибка. Это дѣлый скан-

дѣлѣ. Природа создала день, чтобы упражняться, работать и заниматься каждому своимъ дѣломъ, а чтобы все это дѣлалось лучше, она снабдила насъ яркимъ и веселымъ свѣтомъ солнца. Вечеромъ она отнимаетъ его у насъ и молча говоритъ намъ: «Дѣтки, вы славные люди, довольно работать. Наступаетъ ночь: надо кончать работу и подкрѣпить себя вкуснымъ хлѣбомъ, добрымъ виномъ и хорошею говядиной, потомъ немного развлечься, лечь и отдыхать, чтобы на слѣдующій день встать на работу свѣжимъ и бодрымъ, какъ и раньше».

Ужинъ Гаргантюа сопровождался тѣми же занятіями, какъ и обѣдъ. Иногда такъ проводили время «до отхода ко сну», иногда шли въ гости къ образованнымъ людямъ или къ путешественникамъ, видѣвшимъ иностранныя земли... Ночью, прежде чѣмъ уйти къ себѣ, выбирали самое открытое мѣсто и изучали оттуда небесный сводъ... Потомъ,—какъ это дѣлали инеогорейцы,—Гаргантюа вкратцѣ вспоминалъ съ своимъ учителемъ все то, что онъ читалъ, видѣлъ, слышалъ и сдѣлалъ въ продолженіе дня.

Въ дождливую погоду программа нѣсколько измѣнилась; ѣда, даже вечерняя, была не такая сытная и обильная. Гимнастика на свѣжемъ воздухѣ замѣнилась комнатной, кололи и пилили дрова, убрали въ сараи сѣно и хлѣба. Занимались фехтованьемъ, живописью, скульптурой, посѣщали всевозможные заводы и мастерскія, публичныя лекціи, судебныя разбирательства, проповѣди,—однимъ словомъ, было много разныхъ способовъ проводить время въ ненастье.

Знаніе скрыто въ глубинѣ каждой вещи, хорошо направленный умъ всюду находитъ себѣ пишу, даже въ разныхъ выходахъ «фигларовъ» и шарлатановъ; ученикъ Панократа слѣдилъ за ихъ жестами, обманами, скачками и краснорѣчивостью.

При такомъ методѣ воспитанія Гаргантюа дѣлаетъ быстрые успѣхи и начинаетъ находить «приятнымъ, легкимъ и разнообразнымъ» такой порядокъ жизни, тогда какъ сначала онъ ему казался труднымъ.

Тѣмъ не менѣе, Панократъ, чтобы дать ему полный отдыхъ отъ постоянного умственнаго напряженія, выбираетъ разъ въ мѣсяцъ свѣтлый, теплый день и они съ утра уѣзжали за городъ, въ Шантильи, въ С. Клу. Тамъ они проводили весь день въ самомъ разнообразномъ весельи: смѣялись, шутили и пили; играли, пѣли, танцевали, валялись на травѣ, собирали раковины, ловили лягушекъ и раковъ.

Но и этотъ день, хотя безъ книгъ и чтеній, не пропадалъ даромъ. Они говорили подъ открытымъ небомъ стихи Вергилія, Гезіода; писали латинскія эпиграммы и переводили ихъ на французскій языкъ и т. п.

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, какое важное значеніе придавалъ Раблэ физическимъ упражненіямъ: на десять страницъ, посвященныхъ воспитанію Гаргантюа, семь, по крайней мѣрѣ, отводятся гимнастикѣ и вообще заботамъ о здоровьѣ. Такое отношеніе къ физическому здоровью человѣка составляетъ самую новую и оригинальную часть педагогической программы Раблэ.

Учебныя программы того времени поражают массою ежедневныхъ занятій, исключительно умственныхъ, безъ малѣйшаго отдыха для ума и для тѣла. Вотъ, на примѣръ, распредѣленіе дня въ коллегіи (гимназіи) Монтегла, по правиламъ 1503 г.: отъ четырехъ до шести часовъ утра—урокъ; въ шесть часовъ—обѣднѣ; отъ восьми до десяти часовъ—урокъ; отъ десяти до одиннадцати—обсужденія и аргументаціи; въ одиннадцать—обѣдъ; послѣ обѣда—экзаменъ обсуждавшихся вопросовъ и пройденныхъ уроковъ, а въ субботу—диспутъ; отъ трехъ до пяти—урокъ; въ пять часовъ—вечерня; отъ пяти до шести—диспутъ; въ шесть часовъ—ужинъ; послѣ ужина до половины восьмага—экзаменъ обсуждавшихся вопросовъ и пройденныхъ уроковъ; въ половинѣ седьмага—повечеріе; въ восемь часовъ зимой и въ девять лѣтомъ—спать. «Мы видимъ здѣсь,—говоритъ Стафферъ,—какой-то головокружительный хаосъ уроковъ, диспутовъ, обѣденъ; самыя усиленные занятія слѣдуютъ сейчасъ же послѣ ѣды, безъ малѣйшаго перерыва, а гимнастика фигурируетъ развѣ только въ формѣ кулачныхъ расправъ, которыми часто кончались диспуты». «Надо замѣтить,—продолжаетъ онъ,—что мы еще до сихъ поръ въ дѣлѣ воспитанія продолжаемъ жить средневѣковыми традиціями, древній культъ физической красоты и силы отодвинуть въ область преданія; правда, иногда и у насъ принимаются за гигиену и за гимнастику, но дѣлаютъ это слегка, безъ всякой системы, тогда какъ правильное физическое упражненіе служитъ необходимымъ противовѣсомъ чрезмѣрной умственной дѣятельности, истощающей мозгъ». Предшественники Рабле, гуманисты, а въ особенности Эразмъ, много писали противъ неправильной постановки образованія. Эразмъ также совѣтуетъ, главнымъ образомъ, заниматься утромъ, даетъ разные гигиеническіе совѣты, дѣлаетъ уроки болѣе веселыми и интересными, а развлеченія болѣе полезными, и требуетъ, чтобы ученикъ понималъ и размышлялъ надъ всѣмъ, что онъ учитъ. Но какъ Эразмъ, такъ и Рабле вооружали умъ обширными и разнообразными свѣдѣніями, соблюдая при этомъ великій принципъ, который Эразмъ провозгласилъ одинъ изъ первыхъ: «Не должно быть человѣка, авторитетъ котораго мѣшалъ бы намъ принять лучшее мнѣніе, высказанное кѣмъ-нибудь другимъ». Эразмъ совѣтуетъ и женщинамъ и дѣвушкамъ стремиться къ знанію: «Развѣ это будетъ дурно, — спрашиваетъ молодая дѣвушка у аббата, — если я изучу латинскій языкъ, чтобы читать каждый день столькожъ мудрыхъ, образованныхъ и краснорѣчивыхъ авторовъ?»—«Женщины теряютъ за книгами и тотъ небольшой умъ, который имъ дала природа».—«Я не знаю, много ли его у васъ, мужчинъ; но что меня касается, я предпочитаю посвятить то немногое, что мнѣ дано, на изученіе полезныхъ книгъ, чѣмъ бормотать молитвы безъ всякаго участія разсудка». Рабле, страстный поклонникъ науки, всѣхъ призываетъ подѣ ея знамя; у него нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ пользѣ образованія, онъ не считаетъ его аристократическою привилегіей немногихъ избранныхъ: это сокровище, широко открытое всѣмъ, «женщинамъ и дѣвушкамъ», «разбойникамъ, палачамъ, авантюристамъ, ко-

вдохамъ». Такимъ образомъ, Раблэ, также какъ и его герой Пантагрюэль, становится на сторону просвѣщенія, въ его сердцѣ ярко горитъ искра небеснаго огня, похищеннаго Прометеемъ, и онъ, между смѣхомъ и шутками, смѣло проповѣдуетъ борьбу противъ мрака, невѣжества, за истину и за науку.

Религіозныя распри, во время которыхъ жилъ Раблэ, не могли не отразиться на его произведеніяхъ. Любя свободу и истину, Раблэ во многомъ раздѣлялъ убѣжденія протестантовъ, но его широкій умъ и образованіе мѣшали ему всецѣло перейти на ихъ сторону; въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ участь Эразма, Маргариты Наварской и многихъ другихъ просвѣщенныхъ людей своей эпохи.

Воспитаніе Гаргантюа и его письма къ Пантагрюэлю носятъ чисто-протестантскій характеръ; самое стремленіе Раблэ къ знанію и къ наукѣ носитъ печать реформаторскаго движенія. Надпись на воротахъ Телемы изгоняетъ ханжей и лицемеровъ, но приглащаетъ «добрыхъ, старыхъ друзей, проповѣдниковъ Евангелія». Грангузье произноситъ цѣлую рѣчь противъ пилигримства и католическаго политенама. Онъ спрашиваетъ пять пилигримовъ, которыхъ Гаргантюа чуть было не съѣлъ съ салатомъ, откуда они и куда идутъ? «Мы идемъ къ себѣ отъ св. Себастіана около Нанта». — «Что же вы дѣлали у св. Себастіана?» — «Мы ходили къ нему молиться о прекращеніи чумы». — «О, — сказалъ Грангузье, — бѣдные люди, развѣ вы думаете, что чума послана вамъ св. Себастіаномъ?» — «Да, — сказалъ Ладалеръ, — такъ говорятъ намъ наши священники». — «Только лжепророки, — сказалъ Грангузье, — могутъ говорить подобную ложь. Они богохульствуютъ и клеветаютъ на праведниковъ и святыхъ. Одинъ мошенникъ и у меня вздумалъ было проповѣдывать подобныя вещи, но я его такъ хорошо наказалъ, хотя онъ и называлъ меня еретикомъ, что съ тѣхъ поръ ни одинъ подобный мошенникъ не смѣетъ придти на мои земли. Я удивляюсь, какъ вамъ король позволяетъ проповѣдывать подобную ложь въ своемъ царствѣ. Идите, добрые люди, съ Богомъ, пусть Онъ всегда руководитъ вами. Въ другой разъ не предпринимайте такихъ бесполезныхъ путешествій. Кормите ваши семьи, трудитесь каждый надъ своимъ дѣломъ, обучайте вашихъ дѣтей и живите такъ, какъ учить св. апостолъ Павелъ».

Вообще, какъ говоритъ Стапферъ, во всѣхъ произведеніяхъ Раблэ довольно ереси, чтобы Кальвинъ могъ сказать о немъ, какъ объ Эразмѣ: «Онъ вкусилъ немного отъ хлѣба истины».

Раблэ всегда, какъ могъ, защищался противъ обвиненія въ ереси. Довскимъ приемомъ, которымъ потомъ часто пользовался Вольтеръ, онъ свидѣтельствуетъ о своемъ католицизмѣ или вставляетъ словечко въ пользу его, именно въ то время, когда «ересь» такъ и брызжетъ изъ-подъ его пера. Другимъ спасеніемъ для Раблэ служила его открытая вражда съ Кальвиномъ. Просвѣщенный, скептическій умъ Раблэ не могъ примириться съ узкимъ фанатизмомъ этого реформатора, а добродушный юморъ и вѣротерпимость Раблэ возмущали реформаторовъ. Кальвинъ въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ называетъ его книгу «безстыдной». Повдѣе, уже въ

Женева, онъ такъ выражается объ авторѣ *Гаргантюа*: «Раблэ, де-Перье и многіе другіе, которыхъ я не называю теперь, вкусивъ Евангеліе, были поражены слѣпотой. Собаки, о которыхъ я говорю, чтобы имъ свободнѣе было кощунствовать, притворяются веселыми шутниками, порхають съ пирра на пиръ, и тамъ, смѣясь и болтая, уничтожаютъ, насколько могутъ, всякое благоговѣніе къ Богу».

Другой ярый протестантъ, изгнанный французскими теологами въ Женеву, упрекаетъ своихъ преслѣдователей въ томъ, что они до сихъ поръ не сожгли вмѣстѣ съ его книгой атеиста и богохульника Раблэ. Но Раблэ, какъ уже было сказано раньше, защищалъ свои убѣжденія «только до сожженія». «Онъ имѣлъ бы полное право,—прибавляетъ Стапферъ,—сказать вмѣстѣ съ Монтенемъ, что предоставить смечь себя живымъ значило бы заплатить слишкомъ дорого за свои *предположенія*» (*s'exposer à être cuit tout vif, c'est mettre trop à haut prix des conjectures*).

Раблэ былъ скептикъ по преимуществу, въ полномъ значеніи этого слова. Онъ ничего не принималъ на вѣру и все подвергалъ критикѣ своего сильнаго ума. Онъ съ уваженіемъ говоритъ о Библии, но смѣется надъ теологами, которые видятъ пророчества въ самыхъ незначительныхъ словахъ, какъ почтенный отецъ у Паскаля, видѣвшій въ четырехъ маленькихъ словечкахъ Исаи: «Идите, быстрые и легкіе ангелы», явное пророчество о пришествіи іезуитовъ. Пилигримы, прогнанные Гаргантюа, утѣшаются мыслью, что ихъ несчастіе было предсказано Давидомъ. Онъ «еретикъ» и сторонникъ реформы, насколько послѣдняя согласуется съ эмансипаціей мысли и печати; но не можетъ раздѣлять съ Кальвиномъ отрицанія свободы воли и мрачнаго догмата о предопредѣленіи.

Стапферъ замѣчаетъ далѣе, что многіе критики какъ бы съ презрѣніемъ относятся къ Раблэ, къ Эразму, Маргаритѣ Наварской и др., упрекая ихъ «въ робости и нерѣшительности, въ томъ, что они не до конца послѣдовали за представителями «ереси» и, принявъ отчасти реформацію, остановились на полпути». «Но,—замѣчаетъ Стапферъ,—эти-то люди и были истиннымъ источникомъ гуманности, свободы и терпимости, необходимыхъ намъ теперь, какъ воздухъ. Мудрость и терпимость Эразма въ ту эпоху борьбы и насилія представляли еще болѣе оригинальное явленіе, чѣмъ самъ Лютеръ. Страсть, сжигающая все то, чему она раньше поклонялась, поражаетъ менѣе, чѣмъ страсть, которая угнѣряетъ свой огонь и превращается въ овѣтъ и разумъ».

Кончая свой трудъ, Стапферъ слѣдующими словами характеризуетъ Раблэ: «Великій медикъ, великій гуманистъ и большой весельчакъ, онъ не былъ созданъ изъ того дерева, или, лучше сказать, желѣза, изъ котораго создаются реформаторы, апостолы, герои, мученики. Тѣмъ не менѣе, онъ все же сказалъ нѣчто. Въ самое бурное время для мысли онъ ловко управлялъ своею шлюпкой и сумѣлъ написать все, что хотѣлъ, прикрывая свою смѣлость необходимыми предосторожностями въ самой книгѣ и необходимыми протекціями въ жизни».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крупными событіями прошлаго мѣсяца были англо-германскій договоръ о разграниченіи африканскихъ владѣній и объ уступкѣ Англіей Германіи острова Гельгоганда и замѣна въ Испаніи либеральнаго министерства Сагасты консервативнымъ кабинетомъ Кановаса-дель-Кастильо. И въ Англіи, и въ Германіи раздаются голоса противъ договора, но, повидимому, большинство будетъ за него и въ обществѣ, и въ парламентѣ. На долю Англіи выпадаетъ, судя по отзывамъ Стэнли, князя Бисмарка и другихъ компетентныхъ лицъ, больше выгоды, за то уступка Гельгоганда удовлетворяетъ національному тщеславію и военнымъ интересамъ Германской имперіи. Гладстонъ и его политическіе единомышленники справедливо указываютъ на то, что слѣдуетъ спросить населеніе острова, согласно ли оно на перемѣну подданства; но естественно, что признаніе этого принципа не соотвѣтствуетъ политикѣ гогенцоллернской имперіи, усвоившей себѣ насильственное присоединеніе областей. Едва ли договоръ, заключенный Салисбюри съ Германіей, укрѣпитъ положеніе кабинета. Общественное мнѣніе въ Англіи все болѣе и болѣе переходитъ на сторону Гладстона вообще и его ирландской политики въ частности. Политическое воспитаніе англійскаго народа настолько подвинулось впередъ, что старая племенная и религіозная вражда и стремленіе господствовать надъ побѣжденною Ирландіей уступаютъ мѣсто разумнымъ и справедливымъ взглядамъ на взаимныя отношенія между англійскимъ и ирландскимъ народами. Необходимость ограничить крупное землевладѣніе и создать классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ получила уже признаніе и начало практическаго осуществленія. Наконецъ, та идея Гладстона, которая возбуждала особенно ожесточенныя нападенія,—идея дарованія Ирландіи широкаго самоуправленія,—теперь пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ и перестаетъ пугать общественное мнѣніе Англіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что внутренняя мощь государства только возрастетъ отъ того, что будутъ удовлетворены законныя стремленія нѣсколькихъ милліоновъ ирландскаго населенія, и авторитетъ Великобританіи поднимется на международныхъ совѣтахъ, когда она осуществитъ тѣ благотворныя преобразованія, кото-

рыя находятся въ программѣ либеральной партіи. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ признаковъ того, что у консервативнаго кабинета Салисбюри ускользаетъ почва подъ ногами, служить побѣда на выборахъ въ парламентскомъ округѣ Барроу глэдстоніанскаго кандидата. Несмотря на всѣ усилія консерваторовъ, которыхъ поддерживалъ своими рѣчами Рандольфъ Черчилль, ни кандидатъ-консерваторъ, ни кандидатъ-отщепенецъ, либераль гартингтоновскаго оттѣнка, не попали въ палату общинъ. Нынѣшнее англійское правительство успѣшило снять съ очереди нѣсколько представленныхъ имъ биллей, но, вѣрнѣе ухватываясь за власть, не желаетъ рисковать распущеніемъ парламента и новыми выборами, такъ какъ они доставили бы, по своей вѣроятности, блистательную побѣду сторонникамъ Глэдстона и Парнелля.

Смѣна кабинета Сагасты, о которой мы упомянули, была неожиданно въ самой Испаніи. Сагаста предложилъ кородеву-регентшѣ отставку министерства. Очевидно, предложеніе это вызвано было посторонними вліяніями, потому что въ парламентѣ большинство было за либеральный кабинетъ. Читатели припомнятъ твердый и энергичный образъ дѣйствій Сагасты и военнаго министра въ его кабинетѣ по отношенію къ генераламъ, для которыхъ стѣснительна правильная государственная жизнь, основанная на строгомъ соблюденіи закона, то-есть определенной воли большинства народныхъ представителей. Генералы эти и вообще вожди консервативной и реакціонной партіи естественно опасались неблагоприятныхъ для себя результатовъ общихъ выборовъ въ кортесы, которые должны произойти въ скоромъ времени. Выборы эти совершатся уже по новому закону, т.-е. будутъ произведены всеобщей подачей голосовъ. Враги либеральнаго министерства постарались устранить его до выборовъ, чтобъ оказать на нихъ давленіе въ свою пользу.

Королева-регентша совѣщалась съ президентомъ сената, маршаломъ Конхой, съ президентомъ палаты депутатовъ, Алонзо Мартинецомъ, и съ маршаломъ Ховелларомъ. Всѣ трое были противъ отставки Сагасты, какъ нарушающей правильный ходъ парламентской жизни. Превозмогло, однако, мнѣніе Кановаса-дель-Кастильо, одного изъ крупнѣйшихъ вождей консервативной партіи. Онъ развивалъ ту мысль, что общіе выборы, руководимые либеральнымъ кабинетомъ, нанесутъ сильный ударъ самому существованію монархіи. Совѣтовалъ передать власть консерваторамъ и маршалъ Мартинецъ-Вампосъ, по мнѣнію котораго король Амедей (отрекшійся отъ престола) потому и не могъ удержаться на тронѣ, что не опирался на консерваторовъ.

Первымъ результатомъ образованія кабинета Кановаса-дель-Кастильо было сильное неудовольствіе многочисленной группы умѣренныхъ республиканцевъ, которые относились въ высшей степени миролюбиво къ либеральной монархіи. Вождь этой республиканской группы, Кастеляръ, горько сѣтуетъ теперь на то, что надеждамъ его единомышленниковъ нанесенъ неожиданный, ничѣмъ ими не вызванный ударъ. Кастеляръ прибавляетъ,

что рѣшеніе королевы Христины даетъ оправданіе Рюицу Зорильѣ, который всегда былъ и остается непримиримымъ врагомъ испанской монархіи, считая ее неспособною обезпечить свободу и благоденствіе народа.

Новое министерство заявляетъ, что оно будетъ уважать свободу слова и свободу печати. Въ кабинетъ вошли честолюбивые, не особенно крѣпкіе въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ генералы, герцогъ тетуанскій и адмиралъ Беранже. Правительство ставитъ это на видъ въ своей деклараціи и обѣщаетъ искренне уважать законы, принятые при либеральномъ министерствѣ, и добросовѣстно осуществлять ихъ. Кановасъ-дель-Кастильо и его товарищи думаютъ только, что должна произойти приостановка реформъ; они говорятъ, что во время своего пребыванія во власти займутся, въ интересахъ страны, исключительно административными вопросами. Очевидно, однако, что главная задача кабинета состоитъ въ томъ, чтобы подготовить на выборахъ въ кортесы побѣду консервативныхъ кандидатовъ, иначе Кановасу-дель-Кастильо не придется заниматься административными вопросами. Но избирательная борьба именно поэтому и приметъ ожесточенный характеръ. Быть можетъ, въ виду довольно-либеральныхъ заявленій новаго кабинета, нѣкоторые умѣренные либеральныя группы и перейдутъ на сторону правительства. За то упомянутые нами умѣренные республиканцы обратятся въ его рѣшительныхъ противниковъ, и новые выборы могутъ окончиться очень значительнымъ усиленіемъ республиканской партіи въ парламентѣ. Въ этому надобно прибавить, что правительство имѣетъ непримиримыхъ противниковъ въ социалистахъ промышленныхъ и въ карлистахъ сѣверныхъ областей Испаніи. Вслѣдствіе всего сказаннаго, исходя предстоющихъ парламентскихъ выборовъ въ этой странѣ представляеть большой общеевропейскій интересъ, и мы постараемся, по мѣрѣ возможности, слѣдить за событіями, которыя произойдутъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что побѣда либеральныхъ партій въ Испаніи отразится и на положеніи Португаліи. Широкая политическая жизнь является могущественнымъ средствомъ борьбы противъ невежества и того мрачнаго изувѣрства, въ которомъ держатъ еще римско-католическое духовенство народныя массы во многихъ провинціяхъ Испаніи и Португаліи. *Русская Мысль* дастъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ статью, характеризующую современное литературное движеніе въ Португаліи.

Съ еще большимъ интересомъ слѣдимъ мы за положеніемъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Казнь майора Паницы является признакомъ крайне ненормальнаго положенія вещей въ Болгаріи. Смертная казнь за преступленія вообще политическія въ особенности подлежитъ рѣшительному осужденію. Намъ приходилось указывать на то, напримѣръ, что осужденный на смертную казнь графъ Андраши былъ впоследствии руководителемъ иностранной политики габсбургской монархіи и пользовался огромнымъ вліяніемъ. Можетъ случиться, что въ Болгаріи произойдетъ переворотъ, и тогда Стамбулову придется, пожалуй, испытать участь Паницы: прецедентъ созданъ

главою нынѣшняго болгарскаго правительства. Роль во всемъ этомъ дѣлѣ принца Фердинанда Кобургскаго не возбуждаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Можно только пожелать, чтобы многострадальная Болгарія поскорѣ пережила подтачивающій ея силы глубокой политической кризисъ. Не лишено опасностей и внутреннее положеніе Сербіи, куда опять пожаловалъ экс-король Миланъ для того, чтобы снова поднять противъ регентовъ и министерства австрофильскую агитацію. На банкетѣ, устроенномъ въ честь Милана, онъ произнесъ рѣчь, въ которой громилъ демократію вообще и Французскую республику въ особенности. Основаніемъ для этого *политическаго* взгляда бывшаго сербскаго короля послужили нѣкоторыя непріятныя столкновенія его съ парижскою полиціей, не охотницею до оргій, переходящихъ предѣлы простаго безобразія. Сербское правительство собирается, однако, выпроводить Милана изъ государства, въ которомъ онъ старается завести смуту, и любопытно будетъ узнать, полицію какой страны признаетъ теперь экс-король подходящею для своихъ *политическихъ* принциповъ. Сербская печать различныхъ партій и ихъ отбѣнокъ рѣшительно осуждаетъ образъ дѣйствій Милана. Газеты заявляютъ, что ему не удастся никогда разыграть въ Сербіи какую-нибудь политическую роль. Одна провинціальная газета, издающаяся въ Шабацѣ, полагаетъ, что Миланъ хочетъ денегъ. «Пусть правительство,—говоритъ газета,—не скупится и выдастъ ему 150,000 франковъ, такъ какъ въ Австріи ему больше ничего не дадутъ; тогда онъ оставитъ страну». Даже органъ Гарашинина, *Видело*, закликаетъ Милана, въ интересахъ династій, держаться подальше отъ политикѣ *).

Отношенія между Сербіей и Болгаріей до сихъ поръ далеко не удовлетворительны. Притязанія съ той и другой стороны на области съ смѣшаннымъ населеніемъ заключаютъ въ себѣ не мало опасностей для будущаго, а лучший выходъ при подобномъ столкновеніи интересовъ,—балканская федерація,—въ настоящее время представляется почти мечтою. Еслибъ не соперничество великихъ державъ, стремящихся къ достиженію въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова далеко не однихъ только гуманитарныхъ интересовъ, то мечта эта и могла бы осуществиться, а теперь вопросъ о сербскихъ свиньяхъ, которыхъ не пускаетъ къ себѣ Австро-Венгрія за то, что сербское правительство ведетъ самостоятельную внутреннюю и внѣшнюю политику,—можетъ заглушить всѣ требованія справедливости и всѣ принципы международного права. Наше время есть время господства милитаризма и протекціонизма, поддерживаемыхъ большинствомъ западно-европейскихъ правительствъ. Господство такихъ идей, при настоящемъ уровнѣ образованія и народнаго самосознанія, не можетъ быть продолжительнымъ, и указанія на *начало конца* идутъ изъ Германіи, этой основоположницы современнаго милитаризма. Назначеніе министромъ финансовъ Микеля, человѣка либеральнаго образа мыслей, заявившаго, при-

*) Заимствуемъ эти цитаты изъ *Петербургскихъ Ведомостей* (№ 176).

томъ, что онъ употребить всё усилія для болѣе справедливаго распредѣленія податнаго бремени, свидѣтельствуетъ о томъ, что будетъ положенъ предѣлъ стремленіямъ крайнихъ протекціонистовъ, представителей какъ крупнаго землевладѣнія, такъ и крупной промышленности. За то въ области рабочаго законодательства въ Германіи наступила остановка, надъ чѣмъ довольно зло подсмѣиваются французскія газеты. Дѣйствительно, при такихъ условіяхъ не стоило брать на себя починъ въ созывъ берлинской конференціи. Что касается рабочаго законодательства во Франціи, то оно въ самомъ дѣлѣ, какъ выражали мы надежду, довольно быстро двигается впередъ. Законопроектъ объ ограниченіи женской и дѣтской работы на фабрикахъ и заводахъ вернулся изъ сената въ палату депутатовъ. Палата опредѣлила въ тринадцать лѣтъ возрастъ, съ котораго дозволяется пріемъ на фабрику или заводъ. Ночная работа запрещалась для женщинъ вообще и для дѣтей и подростковъ-мальчишковъ, не достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста. Для этихъ же категорій фабричныхъ рабочихъ палата депутатовъ опредѣлила рабочій день въ десять часовъ. Она установила, кромѣ того, обязательный воскресный отдыхъ для несовершеннолѣтнихъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ и для всѣхъ вообще работницъ. Сенатъ отмѣнилъ запрещеніе ночной работы для женщинъ, а нормальный рабочій день для нихъ увеличилъ до двѣнадцати часовъ. Комиссія палаты депутатовъ, куда поступилъ видоизмѣненный сенатомъ законопроектъ, предлагаетъ палатѣ удержать ея первоначальныя постановленія. Комиссія (президентъ — Рикаръ, докладчикъ — Р. Ваддингтонъ) находитъ, что отмѣненные сенатомъ статьи вполнѣ согласны съ условіями современной французской промышленности. Комиссія внимательно изучила вопросъ и выслушала многихъ представителей заводской и фабричной дѣятельности. Принимая во вниманіе, однако, что промышленныя заведенія должны приспособиться къ новымъ условіямъ, создаваемымъ законодательствомъ, комиссія предлагаетъ ввести новый законъ съ 1 мая 1892 года: «Наша страна, — говоритъ Р. Ваддингтонъ, — помнить объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ на нее демократическое устройство. Она принимаетъ къ сердцу участь слабыхъ и бѣдныхъ, и, понимая, что минимые законы *laissez faire* безсильны, какъ средство врачеванія, требуетъ вмѣшательства общества, какъ цѣлаго, чтобы совершить это дѣло защиты и покровительства, которое изолированныя усилія не могутъ привести къ доброму концу». Р. Ваддингтонъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые видятъ въ законопроектѣ фантомъ государственнаго социализма, указываетъ на примѣръ Швейцаріи, Англій и Германіи и говоритъ, что французская демократія, такъ исполненная чувствомъ равенства, столь гордая своею цивилизаціею и такъ доступная всѣмъ великодушнымъ идеямъ, не можетъ остаться нечувствительной къ интересамъ наиболее слабой части рабочаго населенія. Много шансовъ за то, что палата восстановитъ отмѣненные сенатомъ статьи.

Но всѣмъ добрымъ начинаніямъ западно-европейскихъ законодательныхъ собраній противустоятъ разрушительное дѣйствіе непрерывно возро-

стающихъ вооруженій. Намъ приходится очень часто возвращаться къ этому вопросу, потому что его роковое значеніе все болѣе и болѣе усиливается. Германскій императоръ, стараясь увеличить армію и флотъ, въ то же время, играетъ самъ дѣятельную дипломатическую роль. Онъ развѣзжаетъ по сосѣднимъ странамъ, чтобы укрѣпить старыя дружескія связи и завязать новыя. Имѣется въ виду притянуть вновь къ пресловутому тройственному союзу и наше отечество, что не мѣшаетъ германскому правительству употреблять всѣ ухищленія для привлеченія на свою сторону завѣдомыхъ враговъ Россіи. Цѣль подобныхъ маневровъ состоитъ въ укрѣпленіи первенствующаго и господствующаго въ Европѣ положенія гогенцоллернской имперіи; надо надѣяться, однако, что эта цѣль нѣмецкой дипломатіи не сдѣлается результатомъ ея стараній, что Россія и Франція останутся внѣ сферы военно-политическаго господства Германіи, и останутся дружески соединенными, ибо, въ противномъ случаѣ, и то, и другое государство явилось бы изолированнымъ. Новою попыткой въ этомъ направленіи было недавнее путешествіе въ скандинавскія страны, предпринятое императоромъ Вильгельмомъ. Онъ посѣтилъ Данію, у которой при его дѣдѣ были насильственно отторгнуты Пруссіей Шлезвигъ и Гольштейнъ и, по сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ, былъ радостно привѣтствованъ населеніемъ. Намъ неизвѣстенъ источникъ этой радости. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ было задѣто національное тщеславіе: могущественный монархъ пріѣзжалъ къ государю маленькой страны. На тщеславіи этомъ основано столько историческихъ несправедливостей и несправедливостей, что не будетъ ничего удивительнаго, если къ нимъ присоединятся еще новыя. Датскому народу въ дѣйствительности нѣтъ основаній благословлять императорское германское правительство. Понудительный примѣръ Германіи вызываетъ и въ Даніи тяжелые военные расходы. Вопросъ объ укрѣпленіи Копенгагена давно уже служитъ однимъ изъ пунктовъ раздора между королевскою властью и большинствомъ представителей датскаго народа. Конечно, отношенія между правительствами даже въ Западной Европѣ, не говоря уже о другихъ частяхъ свѣта, далеко не всегда соотвѣтствуютъ тѣмъ отношеніямъ, которыя установились бы между народами при устраненіи дипломатическихъ интригъ, династическихъ разчетовъ и т. п. Германскій и датскій народъ имѣютъ много общаго. Нѣмецкій геній во многихъ отношеніяхъ игралъ благотворную роль въ развитіи скандинавскихъ странъ и въ свою очередь испытывалъ доброе вліяніе лучшихъ представителей скандинавской мысли и художественнаго творчества. И въ Германіи, и въ Даніи, и въ Швеціи (а въ особенности въ Норвегіи) мы видимъ постепенный ростъ демократическаго начала, выдвигающаго на первый планъ дѣйствительныя общественныя заслуги каждаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрощающаго государственный механизмъ.

Императоръ Вильгельмъ II желаетъ, по его словамъ, жить въ мирѣ съ сосѣдями. *Тетръ* замѣчаетъ, что датчане и норвежцы не соединяютъ съ именемъ нынѣшняго германскаго императора никакихъ опасеній, потому что у него нѣтъ еще историческаго прошедшаго, съ нимъ лично не свя-

зывается для нихъ никакого тягостнаго воспоминанія. «Такимъ образомъ,— говоритъ французская газета (оставляя въ сторонѣ міръ оффиціальнѣй),— героическіе побѣжденные при Дюпелѣ и норвежскіе радикалы, при первомъ посѣщеніи ихъ страны внукомъ Вильгельма I, привѣтствовали его, какъ человѣка иного историческаго періода» *).

До формальнаго договора между правительствами Германіи и Швеціи дѣло не дошло, но, при обмѣнѣ привѣтствій и величаній, король Оскаръ, восхваляя блага мира, заявилъ, что онъ, если необходимость принудить выйти изъ положенія нейтралитета, обнажить шпагу не противъ Германіи. Въ такомъ случаѣ, шведская королевская шпага обнажится противъ нашего отечества. Будемъ надѣяться, что этого никогда не случится, что шведскій и русскій народъ не стануть мѣшать другъ другу мирно трудиться. Если шведскія палаты не отличаются достаточною самостоятельностью, если правильному воздѣйствію общественнаго мнѣнія на правительство этой страны и можетъ помѣшать несовершенство ея избирательной системы, то этого нельзя сказать про Норвегію. Широкое демократическое устройство этой послѣдней служить могущественнымъ препятствіемъ для политики нападений и приключеній. Народъ норвежскій пользуется высокимъ умственнымъ развитіемъ. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь жизненнаго для него интереса, который могъ бы побудить его относиться враждебно къ народу русскому, который никому не угрожаетъ. При такихъ условіяхъ самыя хитрыя дипломатическія махинаціи осуждены на неудачу.

Отмѣтимъ въ нашей хроникѣ печальное торжество, которое происходило у народа, такъ намъ близкаго и такъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, далекаго отъ насъ, благодаря историческимъ превратностямъ и разнаго рода политическимъ ошибкамъ. Въ іюнѣ былъ перенесенъ изъ Франціи въ Краковъ гробъ Мицкевича. Въ присутствіи польской депутаціи, явившейся съ этою цѣлью въ Монморанси, знаменитый Ренанъ, какъ представитель французской академіи, произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой поставилъ Мицкевича на ряду съ Мишле и Бинэ въ качествѣ славныхъ именъ разцвѣта во Франціи идей гуманизма и свободы. Городъ Краковъ съ большою торжественностью принялъ останки великаго поэта, которые погребены въ усыпальницѣ Вавельскаго храма, гдѣ стоятъ гробницы польскихъ королей и Юсіафа Понятовскаго и Костюшки **).

Въ статьѣ графа Камаровскаго, напечатанной въ іюнѣской книжкѣ нашего журнала ***), было разобрано извѣстное дѣло Вольгемута и вопросъ о правѣ убѣжища политическихъ преступниковъ въ Швейцаріи. Послѣ напечатанія этой статьи обнаруженъ текстъ новаго договора Германской имперіи съ Швейцарскою республикой, въ которомъ регулируются взаимныя отношенія этихъ государствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда граждане одного

*) *Тетра*, 9 juillet.

**) Нѣкоторыя подробности объ этомъ торжествѣ сообщаетъ *Западно-Славянскій Вѣстникъ*, № 9.

***) *Столкновеніе Швейцаріи съ Германіей изъ-за права убѣжища*.

изъ нихъ поселяются въ предѣлахъ другаго. Всѣ справедливыя требованія Швейцаріи удовлетворены этимъ договоромъ. Германія, — замѣчаетъ *Frankfurter Zeitung*, — покинула ту точку зрѣнія, на которой стояла въ дѣлѣ Вольгемута, и признала правильнымъ то воззрѣніе, которое защищалось Швейцарскою республикой. Газета вполне одобряетъ эту перемѣну взгляда нѣмецкаго правительства и говоритъ, что событія, такимъ образомъ, доказали основательность мнѣнія оппозиціонной нѣмецкой печати (въ томъ числѣ и *Frankfurter Zeitung*), которая осуждала дѣйствія князя Бисмарка по отношенію къ Швейцаріи. *Berliner Tageblatt* замѣчаетъ по этому же поводу, что прошло время графа Герберта Бисмарка, что теперь никто уже не помышляетъ умалить право убѣжища, которое такъ мужественно защищаетъ Швейцарская республика *).

Очень поучительно отношеніе къ павшему канцлеру нѣмецкой печати. Органы партій свободомыслящихъ и социаль-демократовъ сохранили прежнее положеніе. Оставаюсь противниками тѣхъ принциповъ, которыми руководился князь Бисмаркъ (его, вопреки императору Вильгельму II, никто не называетъ герцогомъ Лауенбургскимъ), газеты этихъ двухъ политическихъ партій не нападаютъ на бывшаго имперскаго канцлера лично. Ультрамонтанская печать менѣе сдержанна въ этомъ отношеніи, но всего характернѣе держатъ себя офиціозные органы, получавшіе отъ князя Бисмарка и сообщенія, и субсидіи: источникъ послѣднихъ съ удаленіемъ желѣзнаго канцлера если и не изсякъ, то, во всякомъ случаѣ, перемѣстился, и рептиліи обнаруживаютъ поэтому къ своему недавнему властелину высокоуміе, которое показалось бы забавнымъ, еслибъ не свидѣтельствовало о низости и неблагодарности. Князь Бисмаркъ горько стѣдуетъ на такое отношеніе къ нему нѣкогда излюбленной имъ части нѣмецкой печати, но въ данномъ случаѣ онъ жнетъ лишь то, что посѣялъ. Стѣсня независимое выраженіе политическихъ убѣжденій и критику своей политической дѣятельности, подымая судебное преслѣдованіе за насмѣшливое осужденіе того или другаго изъ своихъ актовъ, имперскій канцлеръ создавалъ нездоровыя условія для общественной жизни. Странно, что онъ могъ вѣрить въ прочность *консервативныхъ* убѣжденій тѣхъ газетъ, гдѣ убѣжденія эти необходимо было поддерживать благовременными субсидіями. Правда, въ исторіи бывало, что образъ дѣйствій, которому слѣдовалъ князь Бисмаркъ, увѣнчивался успѣхомъ, что этого успѣха хватало, по крайней мѣрѣ, до конца жизни государственнаго дѣятеля, являвшагося носителемъ реакціи. Но въ послѣднее время въ жизни западно-европейскихъ народовъ наблюдается обратное. Меттернихъ дожилъ до полнаго крушенія своей системы, Наполеонъ III позорно потерялъ престолъ, а князь Бисмаркъ фрондируетъ въ помѣстьи, подаренномъ ему императоромъ Вильгельмомъ I. Такимъ образомъ, историческій судъ совершается въ наше время быстрѣе и правильнѣе, чѣмъ на это рассчитываютъ представители *жемъза и крови*.

В. Г.

*) *Berliner Tageblatt*, № 271.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Географическія новости.

Восьмой нѣмецкій географическій съѣздъ, происходившій въ прошломъ году въ Берлинѣ, рѣзко отличался отъ предшествовавшихъ. На немъ преобладали теоретическіе вопросы; колониальная политика совершенно отсутствовала и даже не было ни одного путешественника съ докладомъ о странствованіяхъ въ отдаленныхъ земляхъ. Нѣмцы какъ будто нѣсколько отрезвились отъ недавняго увлеченія захватомъ земель, горячка, пробужденная приобрѣтеніями въ Африкѣ и на богатыхъ островахъ Тихаго океана, улеглась если не у правителей германскихъ, то, по крайней мѣрѣ, среди ученыхъ. Физическая географія вызвала цѣлый рядъ специальныхъ строго-научныхъ работъ; она привлекла на съѣздъ, благодаря близкому родству наукъ, многихъ геологовъ. Только рефераты, относившіеся къ изученію родной земли и географіи, какъ учебнаго предмета, отличались болѣе практическимъ характеромъ, но сравнительно съ числомъ темъ, посвященныхъ общему физическому землевѣдѣнію, работъ по вышеуказаннымъ двумъ отдѣламъ географической науки было мало. Послѣ рѣчи прусскаго министра народнаго просвѣщенія Госслера, восхвалявшаго нѣмецкій народъ и успѣхи германской географической науки, въ первомъ засѣданіи были доложены два сообщенія: одно по этнологіи, другое по физикѣ земнаго шара. Извѣстный наслѣдователь внутренней Бразиліи, Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ, сообщил свои наблюденія по исторіи развитія мышленія у различныхъ народовъ. Хотя составители отчетовъ о дѣятельности съѣзда заявляютъ о глубинѣ идей, высказанныхъ фонъ-денъ-Штейненомъ, и о блестящемъ изложеніи, но мы не нашли ничего особенно остроумнаго въ разсужденіяхъ нѣмецкаго путешественника и этнографа. Онъ распространяется о сходствѣ различныхъ этнографическихъ явленій у народовъ, живущихъ далеко другъ отъ друга, и возстаётъ противъ теоріи замѣствованія. Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о значеніи орудій, являющихся продуктомъ творческой дѣятельности человѣка. Орудія, сдѣланныя рукою человѣка, оказали большое психологическое вліяніе; вещи, начало которыхъ извѣстно людямъ, возбудили въ человѣческомъ умѣ вопросы о причинности и, такимъ образомъ, міросозерцаніе,

основанное на анимизмѣ, подверглось коренному измѣненію; появился вопросъ о происхожденіи видимаго міра и объ его Творцѣ. Самыя раннія стадіи въ развитіи человѣческой мысли могутъ быть разрѣшены на основаніи изученій бушменовъ, папуасовъ или ботокудовъ. Это утвержденіе не представляетъ, впрочемъ, ничего новаго и повторяется въ произведеніяхъ многихъ социологовъ и этнографовъ.

Совѣтникъ адмиралтейства, профессоръ Неймайеръ, обратилъ вниманіе членовъ на вопросъ, возбужденный имъ еще на первомъ сѣздѣ. Въ сообщеніи: *Обзоръ собраннаго въ настоящее время матеріала по изслѣдованію земнаго и міроваго магнетизма*—Неймайеръ представилъ результаты послѣднихъ экспедицій и работъ, значительно измѣнившіе ученіе о земномъ магнетизмѣ, и агитировалъ въ пользу продолженія и развитія магнитныхъ наблюденій, необходимыхъ для выясненія одного изъ важнѣйшихъ факторовъ въ жизни земнаго шара.

Во второмъ засѣданіи проф. Кирхгофъ прочелъ *Отчетъ центральной комиссіи для научнаго изученія земледѣнія Германіи за два года, отъ Пасхи 1887 до Пасхи 1889 г.* На одномъ изъ предъидущихъ сѣздовъ рѣшено было приступить къ систематическому изслѣдованію нѣмецкой земли и съ этою цѣлью германскіе географы учредили постоянную комиссію, которая занялась своимъ дѣломъ съ большою энергіей и начала дѣлюю серію систематическихъ работъ. Въ денежномъ отношеніи предпріятіе обставлено не особенно роскошно; оно получаетъ небольшія субсидіи въ видѣ перечисленія остатковъ отъ денегъ, собранныхъ въ качествѣ членскихъ взносовъ на географическихъ сѣздахъ, а также небольшое пособіе со стороны прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, ассигновавшаго на патристическое дѣло по 500 марокъ въ годъ. Несмотря на скудные средства, комиссія успѣла издать и подготовить труды по библиографическому обзору земледѣнія отдѣльныхъ странъ Германіи. Кромѣ библиографіи, составляются руководства по земледѣнію и народоописанію Германіи. Продолженіе перваго тома книги Лепсіуса: *Геологія Германіи и пограничныхъ земель* находится въ печати, а сочиненіе грацскаго профессора Рихтера: *Глетчеры восточныхъ Альпъ* только что появилось въ свѣтъ. Третьяго рода изданіе: *Исслѣдованія по земле- и народоописанію Германіи*, представляющее собраніе монографическихъ работъ, подвигается быстро: вышло 3 тома и печатается четвертый. Послѣднимъ и весьма важнымъ предпріятіемъ комиссіи была книга, обработанная подъ редакціей Кирхгофа: *Руководство къ изученію нѣмецкой страны и народа*. 12 извѣстныхъ специалистовъ соединились для того, чтобы дать указанія всѣмъ желающимъ заняться собираніемъ матеріала по изученію своей родины. Руководство составлено такъ популярно и ясно, что можетъ возбудить даже въ людяхъ не специально подготовленныхъ интересъ къ географіи и этнографіи и дать имъ совѣты, необходимые для полезной и плодотворной работы. Разныя ученые сельско-хозяйственныя общества и мѣстныя собранія чиновъ и представителей отдѣльныхъ странъ Германіи начинаютъ оказывать этому важному дѣлу

содѣйствіе и, такимъ образомъ, предпріятіе, начатое съѣздами, приобрѣло болѣе обширные размѣры и приноситъ благотворные результаты для науки. Мы остановились нѣсколько дольше на этомъ поучительномъ примѣрѣ самодѣятельности нѣмецкихъ ученыхъ.

Профессоръ Зупанъ, издатель Петерманневскаго географическаго журнала, сдѣлалъ докладъ о задачахъ специальной географіи и о положеніи ея въ географической литературѣ. Въ современной научной литературѣ обращено особенное вниманіе на общее землевѣдѣніе и географы мало занимаются описаніемъ отдѣльныхъ странъ. Докладчикъ требовалъ болѣе внимательнаго изученія этого отдѣла географіи, въ которомъ тѣсно соединены элементы естественно-научный и историческій. Современемъ, по мнѣнію Зупана, изъ хорологіи отдѣльныхъ земель можетъ развиваться хорологія всей земли такимъ же образомъ, какъ изъ специальныхъ исторій образовалась всемірная исторія.

Въ третьемъ засѣданіи профессоръ Пенкъ, изъ Вѣны, изложилъ ученіе о конечной цѣли эрозіи, т. е. размыванія, и денудации. Какъ извѣстно, кромѣ тектоническихъ процессовъ, производящихъ разнообразныя формы дислокаціи и обуславливающихъ основныя черты рельефа земной поверхности, въ природѣ существуютъ другія явленія, производящія полное несогласіе между тектоникой или внутреннимъ строеніемъ литосферы и пластикой или ея наружнымъ видомъ. Причина этихъ явленій заключается въ дѣятельности другихъ геологическихъ агентовъ, въ особенности атмосферы и воды. Совокупную дѣятельность ихъ по аналогіи называютъ денудацией или денудационными процессами. Взглядъ, что долины образуются путемъ размыванія текучею водою, въ противоположность прежней теоріи разсѣлинь, приобрѣтаетъ въ наукѣ господство, и Пенкъ посвятилъ цѣлое изслѣдованіе разъясненію одного изъ важнѣйшихъ и весьма сложныхъ отдѣловъ орографіи. Окончательнымъ результатомъ денудации является, благодаря соединенному дѣйствію вывѣтриванія, размельченія, смыванія и развѣванія, почти совершенное сравненіе страны и уничтоженіе всѣхъ выдающихся частей рельефа.

Еще болѣе широкое значеніе имѣлъ рефератъ бернскаго профессора Брюкнера: *Насколько современный климатъ можетъ считаться постояннымъ*. Швейцарскій метеорологъ рассматриваетъ сначала геологическое прошлое земли и видитъ въ ископаемыхъ остаткахъ достаточныя доказательства въ пользу ученія о рѣдкихъ климатическихъ переměнахъ. Нѣкогда климатъ полярныхъ странъ былъ болѣе теплый, за то во время ледниковыхъ періодовъ холодныя климатическія области продвигались далеко къ экватору. Но если рассматривать нашъ климатъ въ историческое время, то представляется весьма спорнымъ рѣшеніе вопроса объ его измѣняемости. Метеорологи отвергаютъ климатическія колебанія въ космическомъ смыслѣ, но изслѣдованія Фореля и Рихтера надъ швейцарскими ледниками показали существованіе довольно замѣтныхъ періодическихъ колебаній климата. Брюкнеръ, въ подтвержденіе этого взгляда, привелъ наблюденія надъ

измѣненіемъ уровня морей Каспійскаго, Чернаго и Балтійскаго. Въ этихъ бассейнахъ продолжительные періоды повышенія уровня сменяются эпохами пониженія; такое же періодическое колебаніе высоты воды замѣчается и въ большихъ рѣкахъ сѣверной Европы, а также, по изслѣдованіямъ австрійскаго ученаго Зигерта, въ замкнутыхъ озерахъ Азии и Африки. Референтъ приводитъ эти колебанія въ связь съ климатическими періодами; повышение зависитъ отъ періода, обильнаго атмосферными осадками, пониженіе совпадаетъ съ эпохою преобладанія сухости. Матеріалъ, бывшій въ распоряженіи у Брюкнера, очень богатый; до 600 метеорологическихъ и гидрографическихъ станцій дали ему въ общей сложности наблюденія за 30 тыс. лѣтъ. Путемъ графическихъ изображеній Брюкнеръ представляетъ кривыя атмосферныхъ осадковъ и доказываетъ, что большая часть мѣстностей сѣвернаго полушарія переживала 1840—1850 и 1870—1880 гг. періоды лѣтъ, обильныхъ дождями и влажныхъ и, вѣсть съ тѣмъ, холодныхъ; около 1860 г. господствовало время болѣе сухое и теплое. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою правильныя и опредѣленныя колебанія, причемъ ихъ максимумъ и минимумъ, смотря по мѣстности, подвергаются небольшимъ измѣненіямъ. Напряженность колебаній увеличивается по направленію отъ моря въ глубь материковъ, и разница между холодно-влажнымъ и тепло-сухимъ періодами особенно значительна въ Европейской Россіи и въ Сибири. Въ Россіи матеріалъ, относящійся къ продолжительности навигаціи рѣкъ, можетъ быть прослѣженъ до 1700 г.; а для высоты уровня Каспійскаго моря указанія начинаются съ 1685 года. Еще дальше можно заглянуть, воспользовавшись свѣдѣніями о времени созрѣванія винограда и, слѣдовательно, сбора его. Извѣстія, касающіяся винодѣлія, встрѣчаются начиная съ 1400 г., а съ 1550 г. они настолько многочисленны и точны, что могутъ служить матеріаломъ для вычисленій. Вычисления дали интересные результаты, показывающіе смену холодно-влажныхъ періодовъ съ позднимъ созрѣваніемъ; притомъ, періоды эти совпадаютъ со временемъ колебаній уровня въ моряхъ, озерахъ и рѣкахъ. Средняя продолжительность этого климатическаго ритма 30—36 лѣтъ.

Изслѣдованіе климатическихъ періодовъ имѣло бы громадную практическую пользу, и на нее Брюкнеръ обращаетъ большое вниманіе, желая заинтересовать этимъ важнымъ отдѣломъ метеорологіи. Такъ, при устройствѣ пристаней и гаваней можно пользоваться выводами науки; наука же, въ этомъ случаѣ, могла бы предсказывать появленіе періодовъ засухъ и предупредить событія вродѣ голода, опустошившаго сѣверную Бразилію въ началѣ 60-хъ годовъ.

Ученикъ извѣстнаго историка и географа Неймана, занимающійся историческою географіей, бреславльскій профессоръ Парчъ, въ обстоятельномъ сообщеніи о колебаніяхъ климата въ странахъ вокругъ Средиземнаго моря, доказалъ, что въ историческое время въ нихъ не замѣчается никакой рѣзкой перемѣны въ климатѣ, что, разумѣется, не исключаетъ періодическихъ измѣненій.

Гецъ изъ Мюнхена, въ рефератѣ *О постоянномъ уменьшеніи текущей воды на сушѣ*, защищалъ воззрѣніе, что существуетъ медленное, но постоянное уменьшеніе текучей воды. Однимъ изъ важныхъ факторовъ онъ считаетъ культурную дѣятельность человѣка, истребляющаго лѣса и расходующаго воду на орошеніе полей.

Большимъ остроуміемъ отиѣченъ докладъ фонъ-Дригальскаго: *О движеніяхъ материковъ въ ледниковый періодъ въ связи съ колебаніями температуры земной коры*. Многіе признаки намекаютъ, что въ доледниковый періодъ температура была значительно выше современной намъ. Когда съ наступленіемъ ледниковаго періода началось охлажденіе почвы, то произошло сжатіе и пониженіе материковъ, усиленное, кромѣ того, тяжестью громаднхъ ледяныхъ массъ, покрывавшихъ значительныя области земнаго шара. Послѣ растаянія ледниковаго покрова почва начала вновь согрѣваться и наступило новое расширеніе и поднятіе материковъ, облегчившихся отъ давленія льдовъ.

Готцъ Линдеръ изъ Базеля и проф. Пенгъ заняли вниманіе съѣзда темами педагогическаго характера. Первый познакомилъ съ организаціей географическихъ школьныхъ прогулокъ въ швейцарскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Базельская реальная гимназія обладаетъ капиталомъ, проценты котораго идутъ на покрытіе расходовъ по прогулкамъ. Учителя отправляются съ учениками въ Альпійскія горы въ экскурсіи отъ 8 до 14 дней и, питаясь молокомъ и хлѣбомъ, странствуютъ по горамъ и долинамъ, изучая географическія формы и занимаясь этнографіей. Пенгъ указалъ на полезность коллекцій географическихъ картинъ. Собранія фотографическихъ снимковъ, по возможности полныя и разнообразныя, должны вносить наглядность въ преподаваніе землевѣдѣнія, и устройство географическихъ картинныхъ музеевъ Пенгъ считаетъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ школы.

Въ пятомъ засѣданіи вѣнскій геологъ Рейеръ, при помощи значительнаго числа профилей, картъ, фотографій, картинъ и опытовъ съ пластическою глиной, представилъ наглядно различные типы эруптивныхъ массъ и типы горъ въ связи съ ихъ происхожденіемъ. Горный инженеръ Гуйсенъ сдѣлалъ сводъ новѣйшихъ изслѣдованій касательно теплоты внутренности земли. Въ послѣднія 20 лѣтъ буровыя скважины, особенно въ Пруссіи, достигли значительныхъ глубинъ въ 1,273 метра, 1,293 м., 1,338 и 1,748 м. Наблюденія надъ увеличеніемъ температуры показали, что отъ различныхъ мѣстныхъ условій, наприм., близости холодныхъ и теплыхъ источниковъ и болѣе или менѣе дурной теплопроводности горныхъ породъ, возрастаніе температуры по мѣрѣ углубленія подвергается нѣкоторымъ колебаніямъ. Вычисленія, основанныя на новомъ матеріалѣ, нѣсколько измѣнили прежнюю цифру; при увеличеніи на одинъ град. Р., вмѣсто 40 метр., теперь принято брать за норму 45—46 метр.

Проф. Юрданъ изъ Ганновера занялся въ сообщеніи *О методахъ и цѣляхъ различныхъ способовъ измѣренія высоты* оцѣнкою удобства и точности трехъ способовъ: нивелировки, тригонометрическаго измѣренія и

барометрическаго опредѣленія высоты. По точности нивелировка, особенно съ введеніемъ краткихъ разстояній, превосходить два другіе приема, но она связана со многими затрудненіями и во время путешествій неудобоприимна; опредѣленіе высоты посредствомъ барометра, несмотря на меньшую точность, какъ самый легкій и удобный способъ, надолго будетъ служить для изученія гипсометрическихъ отношеній неизвѣстныхъ странъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи было рѣшено, по предложенію профессора Вагнера, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ географическихъ съездовъ. Въмѣсто ежегодныхъ собраній, постановлено устраивать съезды черезъ два года и слѣдующій съездъ назначенъ въ Вѣнѣ.

Четвертый международный географическій конгрессъ, предназначавшійся къ собранію въ Италиі, благодаря всемірной выставкѣ въ Парижѣ, былъ устроенъ въ столицѣ Франціи и привнесъ къ цѣлой серіи международныхъ конгрессовъ по веѣмъ отраслямъ чловѣческаго знанія, сошедшихся въ этомъ центрѣ европейскаго просвѣщенія, благодаря грандіозной выставкѣ. Географическій конгрессъ, подготовленный организаціоннымъ комитетомъ, состоявшимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ старѣйшаго въ Европѣ парижскаго географическаго общества, привлекъ большое количество участниковъ и отличался многочисленностью сообщеній, весьма интересныхъ и разнообразныхъ по содержанію. Засѣданія продолжались отъ 5 до 10 августа нов. ст. и число записавшихся членовъ конгресса было до 500 чел. Кроме лучшихъ ученыхъ Франціи и извѣстныхъ представителей арміи и флота, на этомъ конгрессѣ были путешественники, только что совершившіе большія экспедиціи, а также представители европейскихъ государствъ, а изъ внѣ-европейскихъ: Японіи, Египта, Бразиліи, Мексики, Аргентинской республики, Никарагуа, Боливіи и Венесуелы. Только Германія отсутствовала на этомъ международномъ собраніи ученыхъ географовъ и путешественниковъ. Организація отличалась большою стройностью. Кроме общихъ собраній, были еще засѣданія по секціямъ. Дѣятельность конгресса открылъ блестящемъ рѣчью почетный президентъ парижскаго географическаго общества Лессепсъ. На слѣдующій день, 6 августа, члены конгресса осматривали въ Трокадеро этнографическія коллекціи подъ руководствомъ извѣстнаго французскаго ученаго Гама. Особенное вниманіе обратили на себя цѣнные предметы изъ Индо-Китаю, а также цѣлыя группы восковыхъ фигуръ, изображавшихъ крестьянъ изъ различныхъ частей Франціи, одѣтыхъ въ національные костюмы, теперь болѣею частью уже вышедшіе изъ употребленія. Во дворцѣ свободныхъ искусствъ находилась географическая выставка. Тамъ Жерменъ показывалъ карты, выставленныя министерствами военнымъ и морскимъ, и новую подробную карту Франціи, изданную министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, статистическія карты Франціи Тюркана и прекрасно исполненную рельефную модель Монъ-Пердю, одной изъ вершинъ Пиренеевъ. Въ швейцарскомъ отдѣлѣ большое впечатлѣніе произвели стѣнные карты, сдѣланныя гальванопластическимъ способомъ и потому ретушированные отъ руки такъ, что горы выступаютъ совершенно рельефно

въ видѣ возвышеній и ясно обрисовываются углубленія долинъ. Тамъ же находилась громадная геологическая стѣнная карта Швейцаріи, надъ составленіемъ которой Ранделеръ трудился 27 лѣтъ. Имфельдъ и Сижонъ выставили великолѣпныя рельефныя модели горныхъ группъ Юнгфрау и Монте-Роза, озера четырехъ кантоновъ и долины рѣки Рейса.

7, 8, 9 и 10 августа происходили общія собранія съ чисто-научнымъ характеромъ. Въ первомъ изъ нихъ извѣстный нашъ путешественникъ и топографъ Лессаръ сообщалъ объ измѣненіяхъ въ теченіи Аму-Дарьи и доказывалъ невозможность въ настоящее время провести эту рѣку въ Каспійское море. Затѣмъ слѣдовали сообщенія Мартея и Фора о пещерахъ во Франціи и въ Швейцарской юрѣ и Григорьева въ Крыму. 8 августа Вольдемаръ Шмидтъ прочелъ о смѣломъ путешествіи Нансена, пересѣкшаго Гренландію, а Гама познакомилъ съ результатами изслѣдованій другаго скандинавскаго ученаго, Лумгольца, о современномъ положеніи и будущности Бвинслэнда, гдѣ норвежскій изслѣдователь провелъ 4 года среди туземныхъ австраійцевъ. 9 августа членомъ конгресса были представлены два доклада путешественниковъ. Борелли повѣствовалъ о своихъ приключеніяхъ и открытіяхъ въ странѣ Гама на югѣ Абиссиніи, а Морицъ Дехи, венгерскій изслѣдователь Карпатскихъ и Альпійскихъ горъ, познакомилъ съ центральнымъ хребтомъ Кавказскихъ горъ. Въ послѣднемъ общемъ собраніи 10 августа Гёнель описалъ экспедицію свою въ область горы Вилима-Нджаро, а Крампель, только что возвратившійся изъ центральной Африки, живо и наглядно рассказалъ о своихъ изслѣдованіяхъ на верховьяхъ Габуно и Огове.

Главные работы происходили въ засѣданіяхъ по секціямъ и для характеристики разнообразной дѣятельности конгресса не безынтересно будетъ представить общій очеркъ занятій каждой изъ секцій. Въ первой, посвященной математической географіи, рассмотрѣны были различные способы опредѣленія широтъ, улучшенія въ изготовленіи картъ генеральнаго штаба, а также примѣненіе фотографіи къ нанесенію топографическихъ подробностей на картахъ. Въ этихъ работахъ принимали особенное участіе французскіе офицеры Бассо и Деррекаге. Горный инженеръ Лаллеманъ изслѣдовалъ вопросъ о нивелировкѣ въ горныхъ мѣстностяхъ и у морскихъ береговъ. Въ нему применила небольшая работа Буке де-ла-Гри—объ опредѣленіи средняго морскаго уровня. У Лаллемана особенно интересно указаніе на разницу уровня между Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, равняется одному или двумъ дециметрамъ. Комендантъ Дефоржъ, разобравъ критически методы изслѣдованія и снаряды, употребляемые при измѣреніи тяготѣнія, настоячиво требовалъ примѣненія однообразной системы и возможно большаго числа работъ по этому важному вопросу во всѣхъ странахъ земнаго шара. Къ его замѣчаніямъ присоединили свои сообщенія секретарь петербургскаго географическаго общества Григорьевъ и делегатъ японскаго правительства Вада. Въ соединенномъ засѣданіи двухъ секцій — географіи мате-

матической и физической—принцъ Монако изложилъ результаты наблюдений, произведенныхъ имъ на яхтѣ «Ласточка» надъ морскими теченіями сѣверной части Атлантическаго океана. Каспарнъ познакомилъ съ современными составленіемъ свѣдѣній о морскихъ теченіяхъ вообще, Туле охарактеризовалъ различные методы опредѣленія температуры, солености и плотности морской воды, а Геррейро, членъ лиссабонскаго географическаго общества, предлагалъ, чтобы морскія державы Европы издавали по образцу Соединенныхъ Штатовъ ежемѣсячныя или, по крайней мѣрѣ, трехмѣсячныя карты морскихъ теченій, проходящихъ у ихъ береговъ. Въ послѣднемъ засѣданіи по математической географіи болонскій профессоръ Тондини предложилъ рѣшить вопросъ о первомъ меридіанѣ, признавъ за таковой меридіанъ Іерусалима. Секція уклонилась отъ такого рѣшенія этого вопроса.

Вторая секція, физической географіи, имѣла задачу почти неразрѣшимую: ей предстояло отвѣтить на 31 вопросъ по общему землевѣдѣнію, ботанической географіи, распредѣленію животныхъ, метеорологіи, климатологіи и медицинской географіи. Многие изъ вопросовъ по своей сложности могли бы занять секцію въ теченіе всего времени засѣданія конгресса. Въ результатѣ получилось сравнительно мало сообщений: де-Маге, санитарный врачъ въ Константинополѣ, говорилъ о чумныхъ эпидеміяхъ, обращая особенное вниманіе на періодъ 1840—1889 гг.; Блейхеръ, профессоръ медицинскаго факультета въ Нанси, сообщилъ выводы, обработанные въ его большомъ сочиненіи о Вогезскихъ горахъ, причемъ возбуждено было обсужденіе сравнительной геологіи Вогезовъ и Альпійскихъ горъ; японскій уполномоченный Вада представилъ описаніе сейсмологическихъ наблюденій въ Японіи, столь богатой землетрясеніями; баронъ Ф. Шверинъ сообщилъ результаты наблюденій своихъ въ западной Африкѣ на устьи Конго. По этимъ изслѣдованіямъ количество осадковъ постепенно уменьшается, берегъ поднимается и страна высыхаетъ. Въ двухъ засѣданіяхъ полковникъ Бланшо разсматривалъ явленія размыванія и вліяніе различныхъ дѣтелей на денудацию горныхъ вершинъ. При этомъ онъ приводилъ многіе факты, иллюстрирующие вліяніе обезлѣсенія, и требовалъ вмѣшательства правительствъ для запрещенія вырубки горныхъ лѣсовъ частными лицами.

Третья группа занималась хозяйственными и статистическими вопросами, особенно переселенческимъ, причемъ аргентинскіе уполномоченные указывали на ихъ родину, какъ на лучшее мѣсто для европейскихъ колонистовъ. Изъ докладовъ по облегченію путей сообщенія болѣе замѣчательны: проекты Геннекена объ регулированіи рѣки Сены съ цѣлью расширить ея фарватеръ настолько, чтобы морскіе корабли могли достигать Парижа, и Лебуржуа объ устройствѣ желѣзной дороги черезъ Сахару.

На трудахъ четвертой секціи, занимавшейся историческою географіей, исторіей географіи и картографіи, мы не будемъ останавливаться въ виду спеціальнаго характера работъ. Пятая секція, школьной географіи, обнимала преподаваніе этой науки во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ: низшихъ, сред-

нихъ и высшихъ. Изъ полезныхъ результатовъ занятій этой секціи слѣдуетъ упомянуть постановленіе, чтобы географическій матеріалъ, усвоиваемый памятью, былъ по возможности сокращенъ, и, кромѣ того, единогласно было постановлено, чтобы въ преподаваніи, въ особенности въ высшихъ школахъ, географія была отдѣлена отъ исторіи.

Шестой отдѣлъ не могъ имѣть опредѣленной программы, такъ какъ докладчиками были, главнымъ образомъ, путешественники. Въ первомъ засѣданіи обсуждались правила, которымъ должны слѣдовать путешественники при названіи мѣстностей, ими открытыхъ. Конгрессъ единогласно принялъ предложеніе Дюверье, что исследователь получаетъ только тогда право давать свои названія, когда страна не имѣетъ туземнаго населенія. Маскере, директоръ школы въ Алжирѣ, сдѣлалъ сообщеніе о туареггахъ на основаніи свѣдѣній, добытыхъ отъ плѣнныхъ туареговъ, которые изъ Алжира были превезены на выставку. Делегатъ Бразиліи Кавальканти прочелъ о рѣкѣ Шингу и ея обитателяхъ. Жители страны, которая впервые была обследована Фонъ-денъ-Штейненомъ, принадлежатъ къ числу дикарей, первобытные нравы которыхъ сохраняютъ черты, отличающія аборигеновъ тѣхъ частей Бразиліи, которыхъ не коснулись европейская колонизація и культура. Голландскіе ученые Тиммерманъ и Банъ охарактеризовали, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій и матеріала, добытаго розысканіями нидерландскихъ этнографовъ и географовъ, Зондскіе и Молукскіе острова. Леккеръ говорилъ о памятникахъ въ Самарандѣ и особенно о мавзолеѣ Тамерлана, а португальскій делегатъ Серва Прадо описывалъ пути сообщенія въ португальскихъ колоніяхъ, останавливаясь болѣе внимательно на тѣхъ путяхъ, которые вели въ XVII ст. изъ Португаліи въ Индію. Испанскій географъ Коэлло извѣстилъ членовъ секціи, что въ 1892 г. въ Испаніи будетъ устроена выставка предметовъ, относящихся къ Испанской Америкѣ, въ память 400-лѣтія открытія ея Христофоромъ Колумбомъ.

Седьмая секція разрабатывала обширную область антропологии, этнографіи и лингвистики. Основательный знатокъ этнографіи нидерландской Индіи, голландскій ученый Ридель, далъ характеристику туземцевъ о-ва Рота или Ротти; французскій этнографъ Гами изложилъ главные данныя относительно жителей южнаго Туниса, добытыя имъ во время экспедиціи, предпринятой сообща съ де-ла-Вруа; исследователь этнографіи сѣверо-западной Европы Шарль Рабо сдѣлалъ сводъ своихъ наблюденій надъ бытомъ финновъ и лопарей сѣверной Россіи; нашъ извѣстный географъ Венюковъ познакомилъ секцію съ главными фактами труда Гродекова о киргизахъ; Морель прочелъ розысканія о происхожденіи туземнаго населенія Камбоджи, а Вianна — о нарѣчіяхъ португальскаго языка; Каплюсъ, прославившійся изученіемъ Центральной Азіи, доложилъ обзоръ собранныхъ имъ свѣдѣній объ одной изъ интереснѣйшихъ странъ Средней Азіи и объ ея загадочныхъ обитателяхъ. Замкнутый между Гинду-Кушемъ, Каракурумомъ и Гималаями, недоступный Кафиристанъ, населенный наро-

домъ неизвѣстнаго происхожденія, былъ предметомъ его реферата; въ немъ Бюшюэ касался условій путешествія въ эти мѣстности, будущности этой части Азій, путей, ведущихъ въ нее, и важности изученія восточныхъ отроговъ Гинду-Куша. Замѣтки о языкѣ кафировъ и о распредѣленіи народностей Центральной Азій завершили важную работу французскаго путешественника.

Даже сухой перечень научныхъ вопросовъ, отчасти затронутыхъ, отчасти обработанныхъ на сѣздѣ географовъ и этнографовъ со всѣхъ концовъ земнаго шара, показываетъ разносторонность дѣятельности конгресса и той науки, представители которой собрались на немъ. Одна страна, считающая себя первенствующей въ разработкѣ землевѣдѣнія—Германія отсутствовала, но успѣшный ходъ занятій и богатые результаты показали, что географическія знанія имѣютъ и въ другихъ странахъ основательныхъ изслѣдователей, способныхъ стать на одномъ уровнѣ съ корифеями нѣмецкой науки.

Англія, обнимающая своими владѣніями весь земной шаръ, естественнымъ образомъ становится однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ развитія землевѣдѣнія. Лондонское географическое общество стоитъ во главѣ большинства обществъ Западной Европы; многочисленные дѣятели администраціи и путешественники практическимъ образомъ собираютъ обильные матеріалы для возведенія величественнаго зданія географической науки. Неудивительно, что географическая секція британской ассоціаціи, собравшейся въ сентябрѣ 1889 г. въ Ньюкастлѣ, привлекла къ своимъ занятіямъ значительное число участниковъ.

Во главѣ секціи стоялъ хорошій знатокъ Африки, полковникъ де-Винтонъ, открывшій дѣятельность собранія обширною рѣчью, въ которой былъ сдѣланъ блестящій очеркъ успѣховъ географіи за послѣднее время. За рѣчью президента слѣдовало чтеніе рефератовъ. Генералъ Биддильфъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимавшій должность губернатора Кипра, описалъ подробно географію, естественныя произведенія, сельское хозяйство, народныя нравы этого острова и подвелъ итоги всѣхъ улучшеній, сдѣланныхъ британскимъ правительствомъ. Капитанъ Тилъ изложилъ во всѣхъ деталяхъ проектъ желѣзной дороги отъ Нижняго Конго до Стэнлипула. Всѣ развѣдки по проведенію дороги уже произведены и стоимость постройки ея вычислена въ 25 милл. фр. Торговое значеніе этой дороги для Центральной Африки будетъ громадно и осуществленіе ея предвидится въ ближайшемъ будущемъ. Гюгъ Робертъ Милль рассматривалъ физическія основанія коммерческой географіи. Губернаторъ Лагоса, на Невольничьемъ берегу, Альфредъ Молоне, говоря о коммерческой географіи мѣстности Юруба въ западной Африкѣ, оцѣнивалъ значеніе этой страны, лежащей между Дагомейскимъ королевствомъ и рѣкою Нигеромъ, для управляемой имъ колоніи. Кроме пальмоваго масла, она доставляетъ много каучука, хлопчатой бумаги, индиго, джута, такъ что англійскій портъ, устроенный у береговъ Юрубы, съ каждымъ годомъ получаетъ все большее коммер-

ческое значеніе. Членъ парламента Берзонъ посѣтилъ русскія владѣнія въ Центральной Азіи и сообщилъ ассоціаціи о нашей среднеазиатской желѣзной дорогѣ въ связи съ торговымъ соперничествомъ Англій и Россіи. Англійскій путешественникъ придаетъ закаспійской желѣзной дорогѣ громадное торговое значеніе. Рейсъ сдѣлалъ перечень португальскихъ экспедицій въ Африкѣ за послѣднее время. Кромѣ путешествій, простирающихся на большія пространства, португальцы занимались болѣе специальными, почти никому неизвѣстными географическими и естественно-историческими розысканіями, причѣмъ выказали столько энергіи и умѣнья, что англійскій докладчикъ съ замѣтнымъ опасеніемъ регистрируетъ ихъ дѣла.

Земля Ниасса и ея торговая выгода. Подъ этимъ заглавіемъ капитанъ Люгардъ пропагандируетъ важное торговое значеніе той части Африки, которая была открыта Ливингстономъ, гдѣ великій путешественникъ совершилъ послѣднія свои странствованія и гдѣ онъ умеръ. Земля эта ограничена на сѣверѣ южными берегами Танганьики и вольнымъ государствомъ Конго, на западѣ тѣмъ же государствомъ и озерами Бангвеоло и Мозро, на югѣ рѣкою Замбези, а на востокѣ рѣкою Шире и озерами Ширва, Ниасса и Леопольда. Тщательное изученіе природы и произведеній этой страны приводитъ автора сообщенія къ убѣжденію, что земля Ниасса не только обладаетъ естественными богатствами, но она также способна и къ земледѣльческой обработкѣ, и къ заселенію европейскими колонистами, такъ какъ ея климатъ не дѣйствуетъ вредно на европейцевъ.

На сѣверномъ берегу Борнео съ 1887 г. существуетъ только что зарождающаяся англійская колонія. Она недавно объявлена состоящей подъ британскимъ протекторатомъ и о ней Александръ Кужъ, состоящій на службѣ компаніи, учредившей штатъ сѣвернаго Борнео, сдѣлалъ въ секціи интересное сообщеніе. Торговое положеніе новаго англійскаго владѣнія представляетъ большія удобства. Оно лежитъ на пути между Сингапуромъ, Батаемъ и Австраліей, имѣетъ болѣе 1,000 верстъ берега и 150,000 жителей, преимущественно малайцевъ. На ея территоріи найдено золото и каменный уголь, разводится табакъ; прекрасныя гавани и судоходныя рѣки даютъ возможность проникнуть въ глубь страны. Въ 1889 г. компанія получила дохода 421 тыс. дол. при расходѣ въ 382 тыс. дол.

Гильомъ прочелъ рефератъ о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ Перу и Бولیви. Перуанскіе и бولیвійскіе торговцы и путешественники употребили большія усилія для изученія рѣчныхъ путей и покрытой дѣвственными лѣсами страны, лежащей между этими двумя государствами. Рѣка Мадре де-Діосъ имѣетъ верховье въ золотоносной мѣстности; на ея описаніи Гильомъ останавливается особенно долго. Не менѣе детально описаны изысканія сеньора Карлоса Фри на берегахъ Укаяли.

Для насъ важенъ докладъ: *Богатства Сибири и удобства пути черезъ Ледовитое море* Селивана. Референтъ восхваляетъ капитана Виггинса, совершившаго нѣсколько путешествій въ Сибирь черезъ Карское море въ 1887 г. Селиванъ организовалъ экспедицію вмѣстѣ съ капита-

ночь Виггинсомъ и достигъ г. Енисейска. Путешествіе парохода «Лабрадоръ» вполне доказало возможность торговыхъ сношеній съ Сибирью и, слѣдовательно, по мнѣнію автора, для англійскихъ капиталовъ и предпринимчивости британскаго народа открывается новый обширный рынокъ.

Гуппи обратилъ вниманіе на малоизслѣдованный южный берегъ западной Явы. Эта часть острова лежитъ вдали отъ главныхъ центровъ голландскаго управленія и имѣетъ мало удобныхъ гаваней. Желая познакомиться съ совершенно неизвѣстными пунктами, путешественникъ обошелъ весь край пѣшкомъ, пройдя, такимъ образомъ, около 600 верстъ; особенное вниманіе обратилъ онъ на проверку теоріи, утверждающей, что западная оконечность Явы была нѣкогда соединена съ Суматрой. Тщательныя изысканія привели Гуппи къ совершенно противоположному выводу. Кромѣ того, онъ составилъ карту пройденной мѣстности и обогатилъ, такимъ образомъ, географическую науку. Занятія географической секціи британской ассоціаціи показываютъ въ достаточной степени, насколько англичане, разрабатывая географію, преслѣдуютъ свои торговыя практическія цѣли и какъ искусно и послѣдовательно они умѣютъ воспользоваться всѣмъ для эксплуатаціи матеріальныхъ средствъ, доставляемыхъ природою земнаго шара. Де-Винтонъ во вступительной рѣчи справедливо сказалъ: «Благодаря смѣлости, энергіи, настойчивости и патриотизму, народъ нашъ сталъ во главѣ торговли всего міра».

Островъ Исландія по своему положенію и своеобразной природѣ продолжаетъ привлекать вниманіе изслѣдователей. Мѣстный путешественникъ Торродсенъ лѣтомъ 1889 г. произвелъ экскурсію въ область совершенно неизвѣстную не только въ научномъ отношеніи, но даже нигдѣ до сихъ поръ до него не посѣщенную. Лежитъ она къ сѣверо-востоку отъ Геклы. Изучая интересную вулканическую мѣстность къ сѣверу отъ Торфа-Іекула, онъ открылъ три еще неизвѣстные потока лавы и удостовѣрился, что массы пемзы, встречаемой вездѣ на югѣ Исландіи, вышли изъ сѣверо-западныхъ вершинъ Торфа-Іекула. Болѣе низкія мѣста Торфа и Ватна-Іекулей покрыты лавою и пепломъ; теченіе значительной рѣки Тунгнаа на существующихъ картахъ нанесено неправильно. Перебравшись черезъ эту рѣку, путешественникъ посѣтилъ рыбныя озера, причемъ оказалось, что они представляютъ наполненные водою кратеры. Посѣщеніе озера Торнватенъ, къ которому пришлось ѣхать по обширной, лишенной всякой растительности равнинѣ изъ лавы, показало, что оно можетъ считаться однимъ изъ величайшихъ озеръ Исландіи. Но главный результатъ путешествія, это — опредѣленія верховьевъ трехъ большихъ рѣкъ Исландіи, которыя, по предположеніямъ прежнихъ географовъ, вытекаютъ изъ одного ледника; оказалось, что между ихъ верховьями нѣтъ никакой связи и Тунгнаа отдѣлена отъ Скотты тремя горными цѣпами. Такимъ образомъ, лѣтняя экспедиція Торродсена совершенно измѣнила карту внутренней части Исландіи къ сѣверо-востоку отъ Геклы.

Неудивительно, что исландскій ученый могъ передѣлать карту одного

изъ уголковъ отдаленнаго малолюднаго острова. Болѣе удивленія должно возбуждать предпріятіе извѣстнаго русскаго географа, генерала Тилло, рѣшившагося преобразовать въ самыхъ ея основаніяхъ карту Европейской Россіи. Трудъ этотъ задуманъ былъ въ 1874 г. и пришелъ къ осуществленію лишь послѣ 15-ти лѣтнаго ряда систематическихъ работъ. До появленія гипсометрической карты г. Тилло, можно сказать почти съ полною увѣренностью, географическая наука не имѣла яснаго представленія о распредѣленіи высотъ въ Европейской Россіи. Рельефъ нашей родины былъ основанъ на фантастическихъ предположеніяхъ; съ появленіемъ гипсометрической карты г. Тилло, являющейся первымъ научнымъ опытомъ изображенія строенія поверхности Европейской Россіи, прежнія карты, какъ это прекрасно показалъ проф. Анучинъ въ засѣданіи общества любителей естествознанія, утратили всякое значеніе и такіе географическіе термины, какъ гряды Урало-Балтійская и Урало-Карпатская, исчезли съ лица земли. Матеріалы, которыми пользовался составитель карты, подраздѣляются на двѣ части: во-первыхъ, источники, почтенные имъ въ готовомъ видѣ, такъ что приходилось ихъ только взвѣшивать критически, и такія данныя, которыя въ первый разъ были имъ обработаны или, по крайней мѣрѣ, сведены. Во главѣ всѣхъ источниковъ для опредѣленія высотъ Европейской Россіи стоитъ каталогъ тригонометрическихъ пунктовъ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба. Въ нему примыкають записки того же отдѣла и военно-топографическая карта въ масштабѣ три версты въ дюймѣ. Распредѣленіе высотъ на этой картѣ крайне неравномѣрно, папримѣръ, на пространствѣ цѣлыхъ губерній и областей мы не видимъ ни одной цифры высотъ, но попадаются листы, гдѣ на одномъ ихъ болѣе 150. Изъ частныхъ работъ того же учрежденія весьма полныя гипсометрическія данныя представили: архивные съемочные матеріалы для губерній Казанской, Бостромской, Саратовской, Орловской, Курской, Воронежской и нѣкоторыхъ привислянскихъ, рукописная карта полковника Штрауса для Буриандской губерніи, карта новой съемки западнаго пограничнаго пространства и триангуляція Оренбургскаго козачьяго войска. Переходя къ матеріаламъ другихъ вѣдомствъ, г. Тилло указываетъ на работы Жмлинскаго по гипсометріи Полѣсья, на изданные лифляндскимъ экономическимъ обществомъ результаты генеральныхъ нивелировокъ Эстляндіи, Лифляндіи и о-вовъ Эзеля и Мона, на работы горнаго вѣдомства и геологическаго комитета и на многочисленныя опредѣленія барометрическихъ высотъ. Барометрическому способу ген. Тилло придаетъ большое значеніе.

Второго рода матеріалъ былъ представленъ для общаго свода министерствомъ путей сообщенія. Желѣзно-дорожные профили, шоссеиныя дороги и нивелировки водныхъ путей дали много новыхъ фактовъ для построенія карты.

Всѣ высоты, заключающіяся въ перечисленныхъ выше источникахъ, были перенесены на листы спеціальной карты Европейской Россіи, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ; по перенесеніи ихъ приступлено было къ чер-

чению горизонталей. Съверные листы уменьшенной 60-ти верстной гипсометрической карты не могли быть составлены за недостаткомъ матеріаловъ, особенно для Архангельской губерніи. Кавказъ пришлось исключить по чисто-техническимъ соображеніямъ, тѣмъ болѣе, что уже имѣется гипсометрическая карта этого края. Подводя итоги всѣхъ точекъ, послужившихъ для составленія гипсометрической карты ген. Тилло, получается весьма почтенная сумма: 51,385 пунктовъ. Стоитъ вспомнить, какія громадныя затрудненія вытекаютъ изъ обширности территоріи нашего отечества, чтобы понять, какихъ усилій потребовала обширная работа ученаго географа и насколько подобная работа должна быть далека отъ полнаго осуществленія равномерной и совершенно точной карты строенія поверхности Европейской Россіи. И на картѣ ген. Тилло матеріалъ расположенъ пока еще неравномѣрно; въ однѣхъ мѣстностяхъ число опредѣленныхъ точекъ значительно, въ другихъ ихъ почти нѣтъ. Заслуга ген. Тилло состоятъ въ томъ, что онъ разрушилъ прежнія произвольныя построенія, создалъ по возможности вѣрную картину поверхности Европейской Россіи и представилъ своею картою программу для будущихъ изслѣдованій, указавъ наглядно, въ какихъ пунктахъ данныхъ достаточно и въ какихъ они должны быть еще собраны.

Отъ Европы естественный переходъ къ Азіи составляетъ кавказскій перешеекъ, возбуждающій своими ледниками и пирами духъ предпримчивости въ англійскихъ членахъ альпійскаго клуба, занимающихся восхожденіями на могучія твердыни горъ Кавказа. Въ концѣ марта 1889 года въ лондонскомъ географическомъ обществѣ происходило засѣданіе, специально предназначенное для выслушанія сообщеній англійскихъ альпинистовъ объ ихъ приключеніяхъ въ центральныхъ Кавказскихъ горахъ. Въ ноябрьскомъ номерѣ трудовъ того же общества помѣщенъ перечень главныхъ экспедицій и восхожденій въ 1889 г., составляющій какъ бы продолженіе отчета о мартовскомъ засѣданіи. Меммери вознамѣрился лѣтомъ 1888 г. взойти на одну изъ главныхъ вершинъ Кавказа—Коштанъ-Тау. Изъ Пятигорска отправился онъ въ Налчикъ и оттуда въ мрачную Безингскую долину; въ деревнѣ Тубенель плоскія крыши саклей были покрыты живописными группами женщинъ и дѣтей, глядѣвшихъ съ любопытствомъ на англійскаго туриста и его швейцарскаго проводника Цурфлу. На другой же день путешественникъ, взявъ своего гида и туземнаго носильщика, пошелъ на большой ледникъ, находившійся на верховьи долины. Правая морена ледника была усыяна альпійскими цвѣтами, а на каменистыхъ склонахъ красовались бѣлые рододендроны. Путешественники были у западнаго подножья большого параллельнаго хребта, который оканчивается вершинами Коштанъ-Тау и Дыхъ-Тау. Вся мѣстность окружена громадными ледниками, по которымъ Меммери долго странствовалъ. Онъ сначала попытался взойти на Шкарскій пикъ, но ледяныя поля представили такія затрудненія, что, несмотря на прекрасную погоду, пришлось отъ этого плана отказаться. На высотѣ 15,000 фут., при полномъ безвѣтріи и безоблачномъ небѣ, можно было видѣть на дальнемъ югѣ бѣлый конусъ съ меньшею вершиной на

лѣвой сторонѣ, по всему вѣроятію, Араратъ. Испортившаяся погода заставила на время отложить странствованіе по ледникамъ, и англійскій путешественникъ переправился черезъ проходъ Цаннеръ, окруженный ледниками, въ Сванетію. Селенія свановъ, съ башнеобразными замками, располагаются по долинѣ. Въ деревнѣ Мужаль экспедиція помѣстилась въ купачкой и тамъ переночевала. Черезъ проходъ Башиль Меммери вернулся изъ Сванетіи въ Чегемъ и оттуда обратно въ долину Безинги. Путь лежалъ мимо ледника Гвальда, важнѣйшаго изъ глетчеровъ южной стороны Кавказа, превышающаго размѣрами такіе альпійскіе ледники, какъ глетчеръ Великановъ. Восхожденіе на Коштанъ-Тау описано Меммери яркими красками. Съ вершины цика открылся великолѣпный видъ, но облака, во время восхожденія, показавшіяся небольшими пятнами, на снѣговой вершинѣ Шкары стали скучиваться и большою массой закутывать ближайшіе пики и ледникъ Безинги. Остроконечные хребты Сванетіи среди туманнаго моря сверкали на солнцѣ, какъ отдѣльные острова. Пики, окружающіе ледникъ Безинги, заинтересовали англичанъ и Гольдеръ, Ковкинъ и Уоллей съ двумя альпійскими проводниками занялись восхожденіями на великановъ центрального Кавказа. Сообщение Гольдера въ томъ же зазданіи описываетъ эту экспедицію, происходившую тоже въ 1888 г. Англичане побывали на Коштанъ-Тау, Картанъ-Тау, Салананхера, Шкара, второмъ пикѣ Джанго, сѣверномъ пикѣ Ушпа и Миширги-Тау.

Кавказъ произвелъ на путешественниковъ сильное впечатлѣніе; ихъ поразили дивность, величіе и нѣчто, какъ говоритъ Гольдеръ, возбуждающее почтительный трепетъ въ общей картинѣ горъ Кавказа. Этотъ опытный альпинистъ заявляетъ: «Я нигдѣ не переживалъ до сихъ поръ столь сильнаго чувства одиночества среди горъ, когда исчезаетъ мысль о существованіи долинъ, равнинъ, оверъ, рѣкъ, человеческой жизни и цивилизаціи. Не однѣ высоты, но и отвѣсныя пропасти, величественные пики, выдающіеся изъ густаго тумана, очаровали и потрясли меня».

Въ 1889 году число экскурсій еще увеличилось. Уоллей взомель на пикъ Дыръ-Тау, на восточный пикъ Миширги-Тау на Барубду и на западный пикъ Эльбруса. Братья Витторіо и Эрминіо Селла также достигли вершины Эльбруса и Малатау, а потомъ вмѣстѣ съ Фрешфильдомъ и капитаномъ Паулемъ взобрались на Лейлу, одиноко стоящій ледникъ Сванетіи, откуда отиравается великолѣпная панорама центрального Кавказа. Во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ туземные проводники оказались непригодными; по силѣ, выносливости и опытности они не могутъ соперничать съ альпійскими горцами.

Англійскіе туристы встрѣчали вездѣ русскихъ топографовъ и геодезистовъ, которые, по распоряженію начальника топографическаго отдѣла, генерала Жданова, занимались съемками и опредѣленіями высотъ. Работы, предпринятія подъ руководствомъ генерала Жданова, отличаются, по заявленіямъ иностранныхъ географовъ, замѣчательною точностью и подробностью, такъ что прекрасная карта генерала Стебницкаго новыми экспе-

дициями будетъ значительно исправлена. 9 августа баронъ Унгернъ-Штернбергъ, въ сопровожденіи русскаго геодезиста, достигъ западной вершины Эльбруса, опредѣлилъ ея высоту въ 5,630 метр. и убѣдился въ существованіи на этомъ пикѣ кратера.

Территорія географическихъ розысканій, выпавшихъ на долю русскихъ исследователей, весьма обширна, и если англійскіе туристы на Кавказѣ взяли на свою долю эффектные восхожденія на снѣговые поля и пики, то отечественные наши работники посвящаютъ свои силы достиженію цѣлей менѣе блестящихъ, но болѣе важныхъ для развитія географической науки. Этнографическими и археологическими задачами руководился Н. М. Ядринцевъ, совершившій поѣздку прошедшимъ лѣтомъ въ сѣверную Монголію и на верховья Орхона, праваго притока Селенги *).

Важныя открытія г. Ядринцева имѣютъ значеніе преимущественно археологическое; чисто-географическій характеръ носятъ экспедиціи, предпринятія русскими путешественниками въ различныя части Центральной Азіи. Послѣ смерти Пржевальскаго тибетская экспедиція была поручена полковнику Михаилу Васильевичу Пѣвцову. О ходѣ ея въ теченіе 1889 года получены письма участниковъ В. И. Роборовскаго, бывшаго спутникомъ Пржевальскаго въ трехъ его экспедиціяхъ, и геолога К. И. Богдановича. Письмо Роборовскаго помѣчено: «Горы къ югу отъ Яркендскаго оазиса, 4 августа». Въ немъ сдѣланъ обзоръ путешествія отъ выступленія каравана изъ г. Пржевальска (бывшій Караколъ). Черезъ Тянь-Шань экспедиція шла на наемныхъ киргизскихъ верблюдахъ; 17 мая путь лежалъ по ущелью, ведущему на Барскоунскій перевалъ. По дну бѣжала рѣчка Барскоунъ. По сторонамъ сначала тянулись голые наносные высокіе скаты ущелья; далѣе начался громадный еловый лѣсъ, взбѣгавшій со дна ущелья по крутымъ скаламъ и склонамъ высоко вверхъ. Громадные обломки горныхъ породъ, скатившіеся сверху, затрудняли движеніе каравана. 19 мая, невдалекѣ отъ перевала, путешественники остановились на альпійскомъ лугу и развѣдки показали, что весь перевалъ заваленъ снѣгомъ. Послѣ неимоверныхъ трудностей въ горахъ Тянь-Шаня и борьбы со снѣгами караванъ спустился въ китайскія владѣнія. 4 іюня онъ переправился черезъ рѣку Таушканъ-Дарью. Горы еще продолжались, но не представляли прежнихъ трудностей; сравнительно богатая флора обуславливаетъ въ южной части Тянь-Шаня возможность жизни человѣка съ его стадами. На высокихъ и тучныхъ лугахъ альпійской области кочуютъ киргизы съ большими стадами барановъ, коровъ и табунами лошадей. Первая деревня была Кельпенъ; издалека она представляется прелестнымъ садомъ среди голой пустыни. Ее оаимляютъ пирамидальные тополи; глиняныя савли разбросаны среди полей или укрываются въ тѣни абрикосовыхъ и таловыхъ деревьевъ. Жители, сарты, исключительно занимаются земледѣліемъ. Типъ изображаетъ арійское происхожденіе; какъ мужчинъ, такъ и женщинъ вообще признать надо красивыми. Они крайне услужливы и вѣжливы.

*) См. статью Н. М. Ядринцева: „Прошлое и настоящее Моголіи“. Русская Мысль, кн. III.

По выходѣ изъ Кельпена экспедиція переправилась черезъ рѣку Чиликъ; мѣстность понемногу стала принимать среднеазиатскій характеръ. 3 июля, не доходя до Яркенда, ихъ встрѣтили русскій аксагалъ и торгующіе въ городѣ русскіе подданные—сарты. Въ городѣ полковникъ Пѣвцовъ съ караваномъ не вошелъ, а расположился внѣ стѣнъ Яркенда, въ отвѣденномъ для него домѣ. Стѣны города глиняныя съ бойницами вышиною до 4-хъ сажень. На востокъ до самой яркендской рѣки идутъ нескончаемыя рисовыя поля. Такія же поля охватываютъ городъ и съ южной стороны; съ нихъ поднимаются гнилыя испаренія и заражаютъ воздухъ. Въ Яркендѣ экспедиція пробыла пять дней и на шестой, 8 июля, тронулась въ дальнѣйшій путь.

Геологъ экспедиціи, г. Богдановичъ, шелъ другимъ путемъ; онъ посѣтилъ ледники Мустагъ-Ама и достигъ, поднявшись вдоль самаго большаго глетчера, до высоты 17,000 ф. Ледникъ этотъ онъ назвалъ именемъ Пржевальскаго. Ему удалось изучить среднюю часть Кашгарскихъ горъ и потомъ онъ соединился въ Яркендѣ со своими товарищами. Оттуда большая русская экспедиція передвинулась въ горы для избѣжанія значительныхъ жаровъ. Совершивъ многочисленныя рѣзскія изслѣдованія въ горахъ въ началѣ сентября, Пѣвцовъ выступилъ въ восточномъ направленіи. Въ Хотанѣ онъ пробылъ пять дней и въ началѣ октября двинулся въ Керію. Роборовскій открылъ удобный проходъ въ сѣверный Тибетъ и на зимнія квартиры экспедиція расположилась въ оазисѣ Ниа. Въ апрѣлѣ 1890 г. полковникъ Пѣвцовъ предполагаетъ перейти горы и изслѣдовать до сентября сѣверный Тибетъ.

На обширной площади Памировъ и окаймляющихъ ихъ горныхъ хребтовъ остаются еще неизвѣданныя пространства. Благодаря содѣйствію Императорскаго русскаго географическаго общества, капитанъ Громбчевскій занялся изслѣдованіемъ западной, наименѣе извѣстной части этой горной страны. 2 іюня прошлаго года онъ былъ въ Алайскихъ горахъ и, вслѣдствіе необыкновенно холодной и свѣжной предшествовавшей зимы, нашелъ горы положительно заваленными снѣгомъ. 9 іюля онъ былъ еще въ крѣпости Бала-и-хумъ, столицѣ Дарваза. Убѣдившись въ невозможности пробраться прямымъ путемъ, г. Громбчевскій спустился въ Каратегинъ, чтобы идти кружною дорогою черезъ Дарвазъ. Столица этого владѣнія лежитъ въ глубокой котловинѣ на правомъ берегу р. Панджа. Климатъ сравнительно теплый; въ лѣтнее время стоятъ жары; виноградъ и вишняя ягода на зиму не закрываются. Письмо отъ 11 сентября съ верховьевъ Аксу показываетъ, что г. Громбчевскій не могъ слѣдовать по намѣченному пути черезъ Шугнанъ къ Гинду-Кушу по причинѣ вторженія афганскихъ войскъ въ эту мѣстность. Русскому путешественнику удалось открыть новую дорогу черезъ проходъ Иля-су на берега Раскемъ-Дарія. Онъ предполагаетъ, идя вверхъ по теченію, дойти до горъ Каракорума, и, переправившись черезъ нихъ, достигнуть рѣки Хотана. Въ Гинду-Кушѣ капитанъ Громбчевскій открылъ два новые прохода: одинъ ведетъ въ Читмаръ, другой въ Кунджутъ. Такимъ образомъ, прямая задача—изученіе западныхъ окраинъ Памира—не могла быть выполнена этою экспедиціей.

Экспедиція братьевъ Грумъ-Гржимайло въ Тянь-Шаньскій оазисъ и на Лобъ-Норъ, выйдя изъ Бульджи, прибыла въ Джинъ-Хо, маленький и чистенькій городокъ, населенный таранчинцами и китайцами, и вступила въ Тянь-Шаньскія горы. Лучшія карты на всемъ протяженіи пройденнаго пути изображаютъ сѣверные склоны Тянь-Шаня совершенно невѣрно. Нѣкоторые перевалы не существуютъ. Изъ горъ, открытыхъ экспедиціей, замѣчательнень грандіозный горный узелъ Дѣсь-Мѣгенъ-Ора, — это самая высокая изъ горъ въ калмыцкой землѣ. Видъ на систему пиковъ Дѣсь-Мѣгенъ-Ора съ одной изъ вершинъ Манасскихъ горъ великолѣпенъ. Пиковъ шесть; высота главныхъ переходитъ за 20,000 ф.; масса снѣгу изумительная, но ледники, благодаря крутизнѣ горъ, незначительны. На всемъ протяженіи отъ Ачала до Уруччи Тянь-Шань представляетъ недоступную стѣну, увѣнчанную почти непрерывнымъ снѣгомъ. Братьямъ Грумъ-Гржимайло удалось собрать свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ этихъ горъ. Въ нихъ встрѣчается въ значительномъ количествѣ каменный уголь; почва вездѣ накалена, изъ трещинъ идетъ паръ или дымъ съ характернымъ каменноугольнымъ запахомъ. Вездѣ накипь и кристаллы сѣры. Почти всѣ рѣки Тянь-Шаня несутъ золото. Несмотря на противоѣдѣствіе китайскихъ властей, удалось собрать образцы горныхъ породъ, а также значительныя коллекціи позвоночныхъ и насѣкомыхъ. Въ этой мѣстности Тянь-Шань населенъ торгоутами - калмыками; административный ихъ центръ Барашаръ, гдѣ проживаетъ торгоутскій главный ханъ или князь. Эта экспедиція связала изслѣдованія Пржевальскаго съ розысканіями г. Потанина.

Въ числѣ неудавшихся попытокъ проникнуть въ Тибетъ займетъ мѣсто путешествіе Рокгилля, бывшаго секретаря американскаго посольства въ Пекинь; онъ могъ коснуться только крайнихъ пограничныхъ округовъ Тибета. Съ береговъ озера Буку-нора онъ проѣхалъ въ сѣверный Цайдамъ, но, не имѣя возможности попасть въ Хласу, американецъ рѣшилъ вернуться въ Китай черезъ восточный Тибетъ. Его путь въ значительной степени совпадалъ съ дорогою индійскаго пандита А-Б. Мимо озеръ, изъ которыхъ вытекаютъ истоки Гоанго и вдоль Дыху, верхняго теченія Янцеланга, Рокгилль прослѣдовалъ въ Тацѣнлу, важный торговый центръ между Шешуаномъ и Тибетомъ. Оттуда онъ вернулся уже извѣстною дорогою къ морскому берегу. Съемки А-Б весьма точны, но номенклатура въ показаніяхъ индійскаго пандита оказалась исполненной ошибокъ.

Швейнфуртъ, одинъ изъ лучшихъ путешественниковъ по Африкѣ, избралъ для своихъ изслѣдованій азиатскую страну, болѣе всего похожую своею природою на Африку. Отъ ноября 1888 года до марта 1889 года пробылъ онъ въ Іеменѣ, на юго-западѣ Аравіи, для ботаническихъ и географическихъ работъ. Тамъ, въ древней культурной странѣ, связывавшей Африку съ Азіей, для ботанической географіи предстояли интересныя вопросы, касающіеся миграціи и происхождения нѣкоторыхъ историческихъ растений. Оказалось, что въ Іеменѣ до сихъ поръ растутъ въ дикомъ состояніи деревья, которыя нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ въ теченіе

трехъ тысячелѣтій считались въ Египтѣ священными. Подобныя открытiя весьма важны для выясненiя древнѣйшихъ сношенiй между народами и самыхъ раннихъ путей распространенiя культуры. Такъ, Швейнфуртъ нашелъ въ горахъ Йемена въ дикомъ состоянiи священное дерево египтянъ персеа, въ настоящее время исчезнувшее въ странѣ пирамидъ, несмотря на особый законъ императора Аркадiя, изданный для его охраненiя. Тамъ же открыты во многихъ мѣстахъ фиговые деревья, называемыя въ горахъ ханами, а на низменностяхъ бурра и совершенно тождественныя съ египетскою сикоморой.

Отмѣтивъ важныя въ культурно-историческомъ отношенiи розысканiя по ботанической географiи въ Счастливой Аравiи, обращаемся къ Ассаму, лежащему между ближнею Индiей и Индо-Китаемъ, тоже на пути движенiй по передачѣ древнихъ культуръ. Гартертъ въ майскомъ засѣданiи берлинскаго географическаго общества прочелъ о Верхнемъ Ассамѣ, гдѣ онъ занимался изученiемъ зоологiи. Брахмапутра въ лѣтнее время произвела на него сильное впечатлѣнiе. Берега рѣки покрыты пастбищами, полями джутовой травы, риса и плантациями сахарнаго тростника. Атмосфера знойная и влажная, насыщенная электричествомъ. Горы, видѣющiяся вдаль, постоянно покрыты облаками. Зимомъ картина мѣняется. Воздухъ становится прозрачнымъ; на рѣкѣ образуются песчанныя мели, на которыхъ располагаются большiя птицы, маленькiе крокодилы и многочисленныя черепахи. Несмотря на мели, плаванiе пароходовъ продолжается и путешественникъ, стоя на палубѣ, можетъ видѣть на далекомъ сѣверѣ, за ближайшими лѣсистыми горами, на ясной синевѣ неба, снѣжныя вершины Гималаевъ, еще не посѣщенныя ни однимъ европейцемъ.

Небольшiе англiйскiе гарнизоны и многочисленныя владѣльцы чайныхъ плантацiй разбѣяны по странѣ, заселенной весьма слабо и нѣкогда образовавшейся могущественное государство. Развалины индусскаго храма въ Тезпурѣ и громадныя стѣны вокругъ города Гаугати вполнѣ подтверждаютъ описанiя буддiйскаго богомольца, китайца Гюень-Тсианга, видѣвшаго тамъ, на берегахъ Брахмапутры, въ VII в. по Р. X. могущественную Камранскую имперiю. Дикiе сосѣди съ востока разрушили ее и, благодаря необыкновенному плодородiю почвы, непроходимыя лѣса покрыли мѣстности, нѣкогда занятыя цвѣтущими полями и богатыми селенiями и городами. Современное населенiе крайне смѣшанное, имѣетъ въ себѣ мало арийскихъ элементовъ. Весьма интересны свѣдѣнiя, доставленныя Гартертомъ, относительно дикихъ племенъ, обитающихъ въ горахъ Верхняго Ассамы. Самыми отдаленными и недоступными считаются миши, живущiе къ сѣверу отъ поселенiя Садiя, на предгорьяхъ Гималаевъ. Въ климатическомъ отношенiи интересное явленiе было замѣчено нѣмецкимъ путешественникомъ, а именно: влiянiе низкой температуры водъ Брахмапутры на климатъ Верхняго Ассамы. Могучiй потокъ питается гималайскими ледниками и удостовѣрено, что чайныя плантацiи, лежащiя на берегу рѣки, лѣтомъ страдаютъ менѣе отъ зноя, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ нѣсколькихъ

верстахъ отъ берега. Изъ произведеній Ассама замѣчательны джутъ, шелкъ, чай, каменный уголь и нефть. Особенно много производится чаю, родина котораго находится здѣсь. Изъ Ассама чайная культура перенесена была въ Китай. Неудивительно, что англичане, владѣющіе Ассамомъ, западной стороной Индо-Китаю и почти всѣмъ Индостаномъ, заботятся объ изслѣдованіи путей сообщенія между различными частями своей Индійской имперіи. Одинъ изъ лучшихъ топографовъ британской Индіи, полковникъ Вудсорпъ, получилъ порученіе изучить и опредѣлить въ географическомъ отношеніи мѣстность по Чиндуну, правому притоку Иравади, въ верхней Бирмѣ, т. е. на границѣ Ассама и Индо-Китаю. Онъ составилъ подробную топографическую карту, вычислилъ высоты и обозначилъ удобные пути всей этой страны.

Новая Гвинея, съ именемъ которой такъ тѣсно связана научная дѣятельность нашего путешественника Миллухи-Макладъ, какъ извѣстно, въ настоящее время раздѣлена между тремя европейскими государствами: западъ принадлежитъ голландцамъ; сѣверо-востокъ нѣмцамъ, а юго-востокъ англичанамъ. На полуостровѣ, выдающемся на восточной оконечности британскихъ владѣній, возвышаются самыя значительныя горы Новой Гвинеи. Это хребтъ Оуэнъ-Стэнли. Англійскій администраторъ, Макъ Грегоръ, посвятилъ одну изъ своихъ поѣздокъ по колоніи изученію этой горной страны и ея природы. На берегу рѣки Вананы, въ 40 верстахъ отъ ея впаденія, былъ образованъ лагерь, изъ котораго отправилась экспедиція, состоявшая изъ 4 европейцевъ и 38 папуасовъ, фиджійцевъ и полинезийцевъ. Дорога вела черезъ холмы и долины, рѣки и заросли, въ которыхъ приходилось вырубать тропинку. У горы Мусграва, на высотѣ 9,100 ф., часть экспедиціи осталась. Макъ Грегоръ съ Бельфордомъ, метисомъ съ острововъ Самоа, однимъ фиджіанцемъ и тремя папуасами пошелъ далѣе. 11 іюня они взошли на высшую точку хребта на высотѣ 13,121 ф. надъ уровнемъ моря. Вершина эта была названа горой Викторіи. Десять дней пробыла экспедиція въ горахъ, наслаждаясь прекраснымъ климатомъ. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что съ горы Викторіи можно было видѣть море на сѣверѣ и на югѣ. Нѣсколько дней Макъ Грегоръ путешествовалъ по хребту, любуясь растительностью своей родины въ странѣ, лежащей въ тропическомъ поясѣ. На 1,000 ф. отъ вершины лѣса превращаются. На лугахъ маргаритки и незабудки переносили англичанъ въ сѣверную и среднюю Европу. Райская птица встрѣчалась на высотѣ 5—9 тыс. фут. Туземное населеніе не устраиваетъ прочныхъ жилищъ выше 4,000 ф. надъ уровнемъ моря, хотя папуасы во время охоты поднимаются почти до 10,000 ф. 25 іюня администраторъ вернулся въ свою резиденцію портъ Моресби.

Въ нѣмецкой части Новой Гвинеи Целлеръ, извѣстный своими путешествіями по Южной Америкѣ и по Африкѣ, совершилъ экскурсію во внутренность страны изъ порта Константина. Его сопровождали 26 вооруженныхъ слугъ и 70 носильщиковъ. Хотя во всѣхъ деревняхъ жители

встрѣчали нѣмецкаго путешественника дружественно, но туземный проводникъ обманулъ Целлера, водилъ экспедицію по непроходимымъ дорогамъ, отклоняя отъ пути, ведущаго въ глубь острова. Носильщики начали дезертировать и Целлеръ рѣшился идти дальше безъ помощи туземцевъ. 30 дней прошло, пока не былъ открытъ узкій проходъ, ведущій на волнообразную, холмистую мѣстность, весьма густо населенную. Пройдя первыя возвышенности хребта Финистерре, экспедиція встрѣтила племена, еще никогда не видавшія бѣлыхъ. Они относились враждебно ко всѣмъ стараніямъ завести мирныя отношенія. На вершинахъ Финистерре, несмотря на быстрые переходы, экспедиція, вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и въ водѣ, не могла продолжать путешествія и взойти на гору Гладстонъ, поднимающуюся до 10,000 фута. Съ горъ Финистерре открывался великолѣпный видъ на громадныя горныя вершины хребта Бисмарка, занимавшаго половину горизонта. На пространствѣ между горами Финистерре и Бисмарка Целлеръ открылъ еще хребетъ, не такъ высокій, какъ горы Бисмарка, но, все-таки, достигающій вышины 10,000 ф.; въ честь нѣмецкаго намѣстника Новой Гвинееи онъ назвалъ его хребтомъ Кретке.

Только въ прошедшемъ году опубликовано въ трудахъ лондонскаго географическаго общества подробное описаніе экспедиціи Линдсей, пересѣкавшей материкъ Австраліи съ юга изъ Южной Австраліи до залива Карпентарія. Путь ея лежалъ между телеграфомъ, проходящимъ черезъ материкъ, и Квинслендомъ. Одною изъ задачъ ея было изслѣдованіе нижняго теченія рѣки Финке, по исполненіи которой Линдсей направился къ границѣ Квинсленда по песчанымъ пространствамъ и безводнымъ дюнамъ, гдѣ даже верблюды экспедиціи страдали отъ жажды. Отъ озера Наша до залива Карпентарія характеръ страны совершенно измѣнился. Особенно богатыя пастбища и земли, удобныя для заселенія, найдены Линдсеемъ на плато, отдѣленномъ отъ залива Карпентарія такъ называемыми береговыми горами. Плато орошено рѣчками и кригами и, по мнѣнію начальника экспедиціи, должно сдѣлаться однимъ изъ первыхъ мѣстъ Австраліи по производству шерсти. Южно-австралійскій геологъ Браунъ съ геодезистомъ Баррутеромъ нашли на границахъ своей колоніи въ Мусгрэвскихъ горахъ, вмѣсто ожидаемыхъ минераловъ, обильныя пастбища. Такимъ образомъ, все указываетъ, что будущее австралійскихъ колоній основано, главнымъ образомъ, на обширномъ развитіи скотоводства.

Молодой миссіонеръ Арнотъ, не принадлежа ни къ какому миссіонерскому обществу и не обладая значительными денежными средствами, не боялся проникнуть въ неизвѣданныя мѣстности Африки и совершилъ путешествіе въ географическомъ отношеніи въ высшей степени важное.

Изъ порта Наталя онъ отправился въ Шошонъ, столицу христіанскаго вождя Хамы. При помощи этого туземнаго властителя съ его охотниками, посланными для добыванія слоновыхъ клыковъ, смѣлый миссіонеръ перешелъ въ самое опасное время года безводную пустыню Калахари и попалъ въ долину Замбези, въ городъ Леалуа, столицу Ливангья, повелителя мо-

нархіи Баротсе. Оттуда онъ посѣтилъ знаменитый водопадъ Викторія и хотѣлъ пройти дальше на сѣверъ къ верховьямъ Конго и Замбези. Но Ливанья не дозволялъ ему продолжать путешествіе въ этомъ направленіи, и Арнотъ пошелъ на западъ въ португальскія владѣнія, гдѣ остановился въ поселеніи Биге. Такимъ образомъ, онъ совершилъ путь, который былъ выполненъ только въ обратномъ порядкѣ знаменитымъ португальскимъ путешественникомъ Серпа Пинто. Изъ Биге англійскій миссіонеръ проникъ въ государство Гаренганзе, на центральное плато Африки, и устроилъ въ столицѣ царя Менди, городѣ Мукуруру, миссіонерскую станцію. Два года изучалъ Арнотъ страну, занимающую пространство между верхнимъ Конго или Луалабой на западѣ, Луалулой на востокѣ, горами Мошинга, отдѣляющими бассейнъ Замбези и Конго на югѣ, и страной Люба съ озеромъ Моэро на сѣверѣ. Воспользовавшись своимъ выгоднымъ положеніемъ, Арнотъ нашелъ тотъ высокій холмъ, который отдѣляетъ бассейны двухъ великихъ африканскихъ рѣкъ. Отъ Краевой скалы, — такъ холмъ названъ путешественникомъ, — послѣ многихъ поворотовъ Замбези течетъ къ восточному берегу, а Луалаба или Конго къ западному.

Бельгійскій капитанъ Вангеле рѣшилъ географическій вопросъ, производившій путаницу въ африканской гидрографіи и даже возбуждавшій полемическія страсти среди изслѣдователей. Рѣку Уэлле, открытую въ 1870 года Швейнфуртомъ, приводили въ связь то съ бассейномъ Конго, то съ озеромъ Чадомъ. Теорія, отождествлявшая Уэлле съ однимъ изъ правыхъ притоковъ Конго, рѣкою Мобанги, встрѣтила сильныя возраженія.

Администрація вольнаго государства на Конго поручила Вангеле изслѣдовать теченіе рѣки Мобанги. На небольшомъ пароходѣ, съ тремя европейцами и сорока неграми, бельгійскій офицеръ совершилъ опасное путешествіе по этому значительному притоку Конго. Берега его оказались заселенными многочисленными воинственными племенами, преданными людоедству, но стоящими на довольно значительной степени культуры. Съ нѣкоторыми изъ нихъ экспедиція дружила, а съ нѣкоторыми пришлось биться, причеиъ туземцы выказали большую храбрость и не боялись даже ружейныхъ выстрѣловъ. Еще болѣе вражды, чѣмъ люди, оказала сама рѣка. Во многихъ мѣстахъ приходилось преодолевать трудные пороги и обходить мели; но Вангеле преодолѣлъ всѣ препятствія и рѣшилъ задачу, доказавъ, что Уэлле составляетъ верхнее теченіе рѣки Мобанги.

Долгое время однимъ изъ пробѣловъ на картѣ Африки считалось пространство между верхнимъ теченіемъ Нигера и берегомъ Верхней Гвинеи, т. е. страна, по которой, въ видѣ правильнаго и значительнаго хребта, служащаго водораздѣломъ между правыми притоками Нигера и приморскими рѣками, рѣка на картахъ обрисовываются Конгскія горы. Вся эта до сихъ поръ неизвѣданная часть Африки въ настоящее время изучена, благодаря путешествію французскаго капитана Бингера, прошедшаго отъ верховьевъ Нигера къ Берегу Слоновой Кости. Онъ первый изъ европейцевъ побы-

валъ въ значительномъ торговомъ городѣ Конго, куда приходятъ изъ разныхъ странъ Судана торговцы. Въ этомъ городѣ около 15,000 жителей исключительно магометанъ. На его рынкѣ продаются, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, европейскіе товары. Денежными знаками служатъ раковины каури и золотой песокъ; главныя произведенія Конго—хлопчатобумажныя ткани, часто окрашиваемыя индиго. Пребываніе въ Конго и изслѣдованіе мѣстностей привели энергичнаго французскаго путешественника къ неожиданному открытію. Конгскія горы, украшающія страницы нашихъ учебниковъ и помѣщаемыя на всѣхъ картахъ, въ природѣ не существуютъ. Онѣ появились въ географіи благодаря показаніямъ знаменитаго стараго изслѣдователя Африки Мунго Парка и съ тѣхъ поръ удержали право гражданства на картахъ. На самомъ дѣлѣ оказывается, что между южными притоками Нигера и рѣками, текущими къ берегамъ Гвинеи, водораздѣлъ мало возвышенъ и традиціонныя Конгскія горы должны быть вычеркнуты изъ географіи.

Германія, устранивая свою восточно-африканскую колонію, присоединила и самую высокую гору Африки Килима-Нджаро. Гансъ Мейеръ, пытавшійся взойти на его главную вершину Кибо и потерпѣвшій неудачу въ октябрѣ 1889 года, добился своей цѣли.

Въ письмахъ къ профессору Ратцелю, напечатанныхъ въ журналѣ Петермана, Гансъ Мейеръ подробно описываетъ свое предпріятіе. Въмѣстѣ съ опытнымъ альпинистомъ Пуртшеллеромъ онъ по снѣговымъ полямъ и ледникамъ взобрался на вершину конуса Кибо. Тамъ имъ былъ найденъ большой кратеръ съ обледѣлыми краями, на которыхъ возвышались три шпица. Самый высокій изъ нихъ названъ шпицомъ Императора Вильгельма. На днѣ кратера Кибо существуетъ невысокій конусъ изверженія. Вышина главной вершины Килима-Нджаро 6,000 метровъ. Въ виду извѣстности событій, сопровождавшихъ освобожденіе Эмина знаменитымъ Стенли, мы въ нашей научной хроникѣ ихъ не касаемся и переходимъ изъ Стараго Свѣта въ Новый, въ область французской Гвіаны.

Несмотря на то, что французскія поселенія въ Гвіанѣ существуютъ почти 300 лѣтъ, верхняя ея часть и въ особенности значительныя горы, лежація на югѣ, оставались до послѣднихъ дней почти неизвѣстными. Тумукъ-Гумахъ,— такъ называются эти загадочныя горы южной Америки,— были изучены Бурдо по порученію министерствъ народнаго просвѣщенія и морскаго. Съ мая 1887 до апрѣля 1889 года продолжались изслѣдованія неутомимаго французскаго путешественника. Онъ сдѣлалъ маршрутную карту на протяженіи 4,000 миль, изъ нихъ 2,600 по рѣкамъ и 1,400 въ горахъ, и опредѣлялъ точнымъ образомъ теченіе отъ устья до верховья рѣкъ Марони, Ойяпока и Маруини. Въ горахъ Тумукъ - Гумахъ Бурдо прошелъ пѣшкомъ 210 дней пути; изъ нихъ 160 по индѣйскимъ тропинкамъ, проложеннымъ въ дѣвственномъ лѣсу, и 50 дней безъ всякихъ тропинокъ, черезъ неизвѣстныя тропическіе лѣса по компасу, вырубая дорогу въ чащѣ. Часто онъ не имѣлъ съѣстныхъ припасовъ и долженъ былъ питаться до-

бычею, доставляемою охотой. Результатомъ усилій было полное, обстоятельное описаніе горъ Тумукъ-Гумаъ. Измѣрено 150 вершинъ, обозначены всѣ истоки рѣкъ, стекающихъ съ обожъ склоновъ, и выясненъ въ достаточной степени рельефъ этой горной страны. Климатъ высокой части Гвианы здоровый; средняя температура 22°. Громадные лѣса, богатые каучукомъ и какао, занимаютъ широкую полосу у подножья горъ. Въ этнографическомъ отношеніи путешествіе Бурдо было также удачно. Онъ открылъ въ горахъ около 20 индѣйскихъ племенъ, болѣею частью осѣдлыхъ, занимающихся земледѣіемъ, имѣющихъ различныя орудія и украшенія и отличающихся миролюбіемъ. Французскій ученый тщательно ознакомился съ ихъ нравами и нарѣчіями и привезъ большія этнографическія коллекціи.

На сѣверѣ трехъ частей свѣта лежитъ полярная Арктическая область, своими опасностями и величественною, хотя и однообразною природою издавна привлекающая пытливость человѣка. Вначалѣ снаряжались большія экспедиціи для проложенія пути къ сѣверному полюсу, но въ послѣднее время эта цѣль потеряла свое обаяніе и на очередь выступаютъ другія, болѣе спеціальныя, но и болѣе достижимыя задачи. На отдаленныхъ сѣверныхъ широтахъ устраиваются станціи для изученія жизни животныхъ, явленій, связанныхъ съ общою жизнью земнаго шара, и чисто-географическихъ условій опредѣленныхъ мѣстностей. Въ прошломъ году бременское географическое общество отправило экспедицію къ восточнымъ берегамъ Шпицбергена. Профессоръ Кюккенталь, ученикъ Геккеля, и Альфредъ Вальтеръ, лифляндскій уроженецъ, выѣхали изъ Гамбурга на норвежскомъ почтовомъ кораблѣ въ Норвегію. Изъ города Тромзе они черезъ Гамерфестъ и Варде переправились на Мурманскій берегъ. Въ концѣ апрѣля, послѣ этой небольшой экскурсіи, путешественники вернулись въ Тромзе и 7 мая на небольшой яхтѣ поплыли къ Шпицбергену. Особенно выгодныя условія въ расположеніи льдовъ дали возможность этой первой научной экспедиціи у восточныхъ береговъ Шпицбергена произвести необходимыя съемки и естественно-историческія наблюденія. Въ теченіе лѣта Кюккенталь и его спутникъ доходили до сѣверной оконечности острова Шпицбергена, объѣхали южный берегъ обширной, покрытой ледниками сѣверо-восточной земли и побывали нѣсколько разъ подходя съ разныхъ сторонъ, у береговъ группы острововъ короля Карла. Кюккенталь въ засѣданіи берлинскаго географическаго общества далъ общую характеристику разслѣдованныхъ имъ странъ. Юго-восточный берегъ довольно значительнаго острова Едге покрытъ однимъ громаднымъ ледникомъ; восточный берегъ острова Баренца представляетъ низменность, въ глинистой, лишенной растительности, почвѣ которой погребены сотни китовыхъ костей, за то на Бастиановыхъ островахъ въ проливѣ между главнымъ островомъ Шпицбергеномъ и сѣверо-восточною землею, благодаря рукаву Гольфштрома, развилась сравнительно богатая флора. Температура въ теченіе всего лѣта была очень низкая; такъ, наприм., для мѣсяца іюля средняя температура равнялась 2,1° Цельсія. Богатая морская фауна изслѣдована весьма подробно и въ настоящее время разра-

бывається научнымъ образомъ. Путешественники убили 130 моржей, 130 большихъ и 14 малыхъ тюленей, 18 бѣлыхъ медвѣдей и двухъ взяли живыми. 6 сентября они вполне удачно прибыли обратно въ Тромзе.

Сильное впечатлѣніе произвело во всемъ ученомъ мѣрѣ Западной Европы извѣстіе, что молодой 27-ми лѣтній норвежецъ докторъ Нансенъ совершилъ путешествіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ полярныхъ изслѣдованій. Различныя предположенія существовали относительно внутренности Гренландіи, но никто не могъ пробраться въ средину этого громаднаго острова. Всѣ попытки кончались полною неудачей. Нансенъ въ 1882 году, будучи запертъ льдами на норвежскомъ кораблѣ у восточнаго берега Гренландіи, проникся убѣжденіемъ, что только съ этой стороны можно предпринять пересѣченіе льдистыхъ гренландскихъ пустынь. Съ тѣхъ поръ мысль о путешествіи постоянно его преслѣдовала и постепенно онъ выработалъ планъ своей смѣлой экспедиціи. Онъ рѣшилъ отправиться на лыжахъ, везя въ сангахъ вещи и припасы, и, притомъ, съ востока на западъ, т. е. изъ мѣстностей необитаемыхъ въ населенную часть Гренландіи. Когда Нансенъ сообщилъ о своемъ намѣреніи, то почти всѣ считали его или безумнымъ, или же чуждымъ, которому надоѣла жизнь. Несмотря, однако, на всѣ предостереженія, болѣе 40 чел. выразили желаніе участвовать въ экспедиціи. Нансенъ выбралъ изъ нихъ трехъ норвежцевъ: капитана Свердруна, лейтенанта Дотрихсена и крестьянина Кристиана Кристиансена и двухъ ланландцевъ: Самуила Балто и Оле Равна. Средства доставилъ Гамель изъ Копенгагена.

Въ первыхъ числахъ мая 1888 года экспедиція отправилась изъ Кристианіи черезъ Шотландію и Фаррерскіе острова въ Исландію. 4 іюня на норвежскомъ кораблѣ «Язонъ» Нансенъ отплылъ къ восточному берегу Гренландіи. Доступъ былъ весьма труденъ: 6 недѣль корабль лавировалъ между пловучими льдами, пока не приблизился настолько, что экспедиція могла его покинуть и направиться къ берегу. 17 іюля Нансенъ и его спутники спустились на ледъ. Надолго пустынные льды стали почвой и жилищемъ путешественниковъ. На двухъ лодкахъ они должны были проложить себѣ дорогу черезъ пловучій ледъ шириною болѣе 12 верстъ. Нансенъ надѣялся, что эта полоса будетъ имъ пройдена въ одинъ или два дня, но оказалось, что онъ попалъ въ сильное и опасное теченіе, которое тѣснило и гнало льды. Теченіе уносило путешественниковъ на югъ и они удалялись отъ того мѣста на берегу, съ котораго хотѣли начать пересѣченіе Гренландіи. Двѣнадцать дней провели они на пловучихъ льдахъ и только 29 іюля попали на берегъ почти у самой южной оконечности Гренландіи. Предстояло рѣшить вопросъ, идти ли къ недалекиимъ поселеніямъ и отказаться отъ предпріятія, или же направиться вдоль восточнаго берега на сѣверъ и, дойдя до удобнаго пункта, двинуться на западъ въ средину острова. Норвежцы на предложенный вопросъ отвѣтили: «на сѣверъ!» Съ большими лишеніями и громадными усиліями, пробуря ледъ, Нансенъ 10 августа дошелъ до мѣста, называемаго Умивикъ. Осмотрѣвъ сосѣдніе ледники и найдя хорошую дорогу, экспедиція, оставивъ лодки на берегу, углубилась въ невѣдомыя пустыни Гренландіи, направляя

свой путь къ датскому поселенію Христіанстабъ. Пожитки и съѣстные припасы норвежцы и лапландцы везли на саняхъ сами. Сначала снѣгъ былъ неровный, но твердый, потомъ отъ дождей дорога испортилась, пошли трещины. Вначалѣ сентября Нансенъ взшелъ на обширное ровное плато вышиною 8—9 тысячъ футовъ, походившее на замерзшій океанъ. Къ сѣверу оно возвышалось. По этому ледяному плоскогорію экспедиція путешествовала двѣ недѣли при значительномъ холодѣ. Ночью было отъ 45 до 50° по Цельсію, а въ палаткѣ, когда спали всѣ шесть человѣкъ вмѣстѣ, температура повышалась до 40° Ц. «Мы видѣли все время,—говоритъ Нансенъ,—только снѣговой покровъ, разстилавшійся на льдахъ, солнце, ослѣплавшее намъ глаза и насъ самихъ». Одинъ день совершенно походилъ на другой, но по временамъ это однообразіе нарушалось снѣговыми бурями, которыя свирѣпствовали съ необыкновенною силой, не встрѣчая на громадной равнинѣ никакихъ препятствій. 26 сентября подъ 64° сѣверной широты Нансенъ вышелъ къ морю на западномъ берегу Гренландіи. Но только 30 октября онъ прибылъ въ Готсгабъ. Всѣ корабли уже ушли и экспедиція переваливала въ Гренландію; въ апрѣлѣ 1889 года она вернулась въ Норвегію.

Снѣжное путешествіе Нансена оживило полярныя изысканія и образовались планы новыхъ экспедицій. Богатый купецъ изъ Гетеборга, Диксонъ, поручаетъ Нансену руководство надъ большою экспедиціей къ сѣверному полюсу. Датскій морякъ Ридеръ предложилъ проектъ изслѣдованія восточнаго берега Гренландіи между 66 и 73° сѣв. шир., а Норденшельдъ собирается осенью 1891 года для изученія странъ и морей у южнаго полюса.

Викторъ Михайловскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сессія IV международнаго тюремнаго конгресса въ Петербургѣ.—Новое „положеніе“ о вѣнскихъ учрежденіяхъ.—Состоявшіяся измѣненія въ росписаніи уроковъ въ гимназіяхъ.—25-тилѣтіе взятія Ташкента.—Открытие намятника Толлебену на „Братской могилѣ“.—Рѣшеніе вопроса о коммерческомъ портѣ въ Феодосіи.—Освобожденіе севастопольскихъ домовладѣльцевъ отъ поземельнаго сбора.

Собраніе делегатовъ отъ разныхъ государствъ, засѣдавшее въ прошломъ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, занималось предметомъ невеселымъ—вопросами о лучшемъ устройствѣ тюремъ и такихъ измѣненіяхъ въ уголовномъ законодательствѣ, а также въ опекѣ надъ понесшими наказаніе, которыя клонились бы къ уменьшенію преступности. Несмотря, однако, на свойство занятій международнаго пенитенціарнаго конгресса, онъ вносилъ въ нашу сѣрую, пасмурную общественную жизнь отголосокъ чего-то утѣшительнаго, слишкомъ многими у насъ нынѣ забытаго. Въ газетахъ извѣстнаго подлиба безпрестанно повторяется, что наше общественное сознаніе нынѣ окончательно окрѣпло. Но то, въ чемъ такіе органы видятъ окрѣпленіе, можно бы назвать совсѣмъ иначе. Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство образованнаго общества въ убѣжденіяхъ своихъ и надеждахъ не сбилось съ того пути, который ведетъ къ соглашенію въ общественной жизни началъ челоувѣчности, національности и развитія. Только въ мысленномъ, но глубокомъ и прочномъ усвоеніи и совмѣщеніи этихъ началъ, а затѣмъ—въ разумномъ, практическомъ трудѣ къ ихъ проведенію въ жизнь можетъ созрѣть и стать дѣйствительною силой общественная мысль.

Несомнѣнно, повторяемъ, что большинство образованнаго общества и въ настоящее время хранитъ такое убѣжденіе. Есть въ нашей печати нѣсколько органовъ, которые его высказываютъ, хотя и въ скромной формѣ, не отступая отъ него ни на шагъ. Сочувствующие читаютъ, соглашаются... Но образованное общество нынѣ само уже составляетъ меньшинство среди той массы, которую принято называть «читающею публикой». Людей грамотныхъ, уже освободившихся отъ труда ручнаго, но еще не привыкшихъ къ самостоятельному труду умственному и принимающихъ на вѣру печатныя безобразія разныхъ листовъ, теперь у насъ уже гораздо большее число, чѣмъ людей дѣйствительно образованныхъ. Да еще и

среди этихъ послѣднихъ находится немалое число такихъ, которые облыгаютъ сами себя, говорятъ иначе, чѣмъ думаютъ, или насилуютъ свой умъ, заставляя себя думать согласно модѣ или продаютъ свою душу расчету. Изъ этихъ-то умственныхъ отбросовъ и набирается кривливая фаланга, ратующая воплемъ дореформеннаго мракобѣсія, отъ котораго люди искренняго убѣжденія скромно сторонятся, зная, что ложь современемъ рухнетъ сама собою, какими бы симпатичными названіями они ни пытались прикрыть себя.

Однако, при такихъ условіяхъ создается и будетъ нѣкоторое время держаться иллюзія, будто самое русское образованное общество, включая даже лучшихъ, наиболѣе заслуженныхъ людей, «окрѣпло» нынѣ вновь въ такихъ понятіяхъ, которыя уже во всемъ образованномъ мірѣ давно сданы окончательно въ архивъ, да и у насъ самихъ являются въ противорѣчій со всеми стремленіями русскаго ума въ теченіе цѣлаго столѣтія. А, между тѣмъ, это именно—только иллюзія. Въ нашемъ обществѣ, какъ въ церкви, юродивые вопіютъ, рассчитывая на подачку, а истинно-вѣрующіе молятся неслышно.

И вотъ, среди кощунственныхъ воплей, которые къ священному началу патріотизма зываютъ лишь какъ къ бичу всякаго развитія, а начало человечности влечутъ какъ измѣну, въ теченіе 11 дней торжественно и авторитетно раздавались въ Петербургѣ голоса представителей разныхъ странъ Европы, говорившіе исключительно о внесеніи въ самую репрессию начала человечности, о солидарности всѣхъ народовъ не только въ борьбѣ со зломъ, но и въ улучшеніи общественнаго быта, въ уваженіи къ человеческой личности по отношенію не только къ людямъ иныхъ взглядовъ, но даже къ преступникамъ, виновнымъ въ самыхъ тяжкихъ дѣяніяхъ. Всѣ заявленія на международномъ конгрессѣ сводились къ напоминанію, что вниманіе современныхъ человеческихъ обществъ отнюдь не поглощается однѣми заботами о приготовленіяхъ къ международной борьбѣ, что повсюду идетъ обширная и дѣятельная работа, направленная къ очеловѣченію отношеній государства къ личности, что сознаніе народовъ все болѣе и болѣе «окрѣпляется» не въ смыслѣ заподозриванія даже мнѣній, но въ смыслѣ надежды на исправленіе самихъ преступниковъ.

Среди разгула нынѣшнихъ нашихъ литературныхъ башки-бузуковъ, нѣкоторыя изъ этихъ гуманныхъ заявленій могли даже казаться рѣзкимъ диссонансомъ. Какъ должно было, напримѣръ, прозвучать въ ухѣ зауряднаго русскаго читателя, положительно отвыкшаго отъ такого общественнаго слова, которое не имѣетъ цѣлью раскрыть, обуздать, обличить и т. п.,—предложеніе не подвергать виновныхъ въ менѣ важныхъ преступленіяхъ заключенію, отсрочивая наказаніе до повторенія ими преступнаго дѣянія? Это предложеніе было обсуждаемо въ Петербургѣ конгрессомъ серьезныхъ должностныхъ лицъ и ученыхъ, сочувственно принятыхъ нашимъ правительствомъ, въ то время, какъ *Гражданинъ* чуть ли не ежедневно совѣтуетъ пороть въ Россіи людей безъ долгаго разбора и по одному административному усмотрѣнію.

Московскія Вѣдомости указываютъ въ самой самостоятельности суда измѣну русскимъ началамъ и опасность для государства, а *Новое Время* постоянно приглашаетъ цѣлую націю «жидовъ», безъ разбора праваго и виноватаго и безъ всякой отсрочки исполненія приговора, выселиться изъ Россіи, повторяя: «скатертью дорога». Да, вѣдь, нынѣ большинство издающихся у насъ газетъ всѣми силами хлопочуть о томъ, чтобы каждаго инородца, русскаго подданнаго, хотя бы хорошаго и полезнаго человѣка, лишитъ всякой дѣятельности и всякаго заработка, безъ отсрочки и безъ апелляции. А тутъ международный конгрессъ, засѣдающій по приглашенію нашего правительства, совѣтуетъ даже уличенныхъ судомъ преступниковъ, менѣ важныхъ, не сажать въ тюрьму, до повторенія вины, держась такого взгляда, что милость можетъ ихъ исправить, а тюрьма можетъ только погубить ихъ.

Нельзя отрицать, что сужденія конгресса, по самому уровню, на какомъ въ нихъ держалась мысль, не только выше нашего современнаго преобладающаго уровня, но какъ-то даже вовсе «не параллельны» съ послѣднимъ. Огромное число «читающей публики» приучено газетами извѣстнаго пошиба къ положительному извращенію понятій, къ отсутствію сознанія о самыхъ условіяхъ совѣстности. Но тѣмъ полезнѣе былъ голосъ о человѣчности, раздавшійся благодаря конгрессу, среди воинствующей современной какофоніи. «Когда человѣкъ подпадетъ власти тьмы,—говорилъ въ своемъ публичномъ чтеніи (въ конгресса) г. Эрбеттъ, начальникъ пенитенціарнаго управленія во Франціи,—когда онъ видитъ, слышитъ и сознаетъ, что его размысливаютъ, травятъ, что за нимъ гонятся—въ него вселяются ненависть, озлобленіе... Я убѣдился, что стоить только сказать, убѣжденно, искренно, нашимъ павшимъ ближнимъ, и, притомъ, даже самымъ жестокимъ и опаснымъ изъ нихъ, что мы считаемъ ихъ за такихъ же людей, какъ и всѣ остальные, и чувство добра пробуждается и у нихъ». Въ доказательство, французскій делегатъ привелъ нѣсколько примѣровъ подвиговъ самоотверженія, совершенныхъ тяжкими преступниками для спасенія людей, и сослался на «особый кодексъ чести», существующій между преступниками и запрещающій, наприм., выдавать другъ друга.

Изложенныя сопоставленія неудержимо приходятъ на мысль при сличеніи нынѣшняго, отличительнаго момента въ нѣкоторыхъ нравственныхъ колебаніяхъ нашихъ, сравнительно съ плавнымъ, увѣреннымъ въ себѣ, систематическимъ и выдержаннымъ теченіемъ общеевропейской мысли по историческому пути общественнаго развитія и усовершенія. Но, указавъ на этотъ нѣсколько рѣзкій диссонансъ, мы не можемъ ограничиться однимъ подобнымъ замѣчаніемъ, а обязаны перейти къ фактическому разбору того, что постановлялось конгрессомъ. Повторяемъ, что все, что говорилось на немъ, было значительно выше уровня нашей дѣятельности, давно уже оставленное на Западѣ. Но, приступая ко взгляду на положительную дѣятельность конгресса, мы при этомъ должны уже оставить всякую дальнѣйшую параллель, должны, по необходимости, предположить, что и среди насъ еще живы убѣжденія и стремленія лучшихъ годовъ. Иначе, мы не имѣли бы

ключа къ оцѣнѣ проявленій мысли общеевропейской. Мы не могли бы разсуждать согласно съ общественными дѣятелями другихъ народовъ и намъ пришлось бы не мыслить съ ними, а только быть вмѣстѣ съ нѣкоторыми современными публицистами, что дѣло не въ очеловѣченіи тюрьмы, но въ проведеніи и въ жизни внѣ-тюремной исключительно только началъ дисциплины и молчанія.

Четвертый международный тюремный конгрессъ, засѣдавшій нынѣ въ Петербургѣ, былъ самымъ многочисленнымъ изъ всѣхъ: на него съѣхалось до 550 участниковъ. Почетнымъ его предсѣдателемъ состоялъ его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, открывшій и заключившій засѣданія конгресса. Прочія общія собранія происходили подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго тюремнаго управленія М. Н. Галкина-Врасскаго и нѣкоторыхъ иностранныхъ делегатовъ. Въ промежуткахъ общихъ собраній происходили засѣданія специальныхъ отдѣленій конгресса, которымъ была поручена притовительная разработка вопросовъ. Отдѣленій этихъ было три, по слѣдующимъ вопросамъ: уголовного законодательства, организаціи тюремъ и предупрежденія преступленій. Сверхъ того, къ работамъ конгресса слѣдуетъ отнести публичныя конференціи, прочтенныя В. Д. Спасовичемъ и гг. Эрбеттомъ и Ягеманомъ, такъ какъ и самыя пренія и постановленія конгресса направлены лишь къ уясненію вопросовъ, но нисколько не имѣютъ характера международныхъ переговоровъ, ведущихъ къ рѣшеніямъ съ обязательною силой. Труды каждаго конгресса издаются книгами стараніемъ постоянной комиссіи. Такъ, труды предшествующаго конгресса, засѣдавшаго въ Римѣ, вышли въ пяти томахъ.

Петербургскому конгрессу предстояло обсудить цѣлый рядъ вопросовъ, какъ-то: объ объединеніи наименованій тѣхъ родовъ преступленій, по которымъ могутъ быть устанавливаемы международные договоры о выдачѣ обвиняемыхъ, о надворѣ за отбывшими наказаніе — особыхъ обществъ или патронатствъ, съ ограниченіемъ при этомъ роли полиціи, о возможности или невозможности согласиться съ новѣйшею теоріей, допускающею прирожденность преступности, а стало быть, и несправимости преступниковъ, объ условныхъ судебныхъ приговорахъ къ заключенію, съ отсрочкою приведенія ихъ въ исполненіе, о наказуемости преступниковъ малолѣтнихъ и о предпочтеніи для ихъ исправленія воспитанія въ семьяхъ или же въ специальныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, о значеніи опьяненія при совершеніи преступленій и опредѣленіи при этомъ мѣръ взысканія, о подчиненіи арестантовъ дисциплинарной или исключительно судебной отвѣтственности за дѣянія, совершенныя въ тюрьмѣ, о мѣрахъ противъ укрывателей, о трудѣ арестантовъ и порядкѣ сбыта его продуктовъ, а также о конкуренціи этого труда — труду свободному, наконецъ, о составѣ лицъ, которымъ поручается охраненіе порядка въ тюрьмахъ. Естественно, что въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ общаго собранія невозможно было достаточно выяснить столь многочисленные вопросы и о каждомъ изъ нихъ высказаться въ опредѣленномъ рѣшеніи.

Изъ особенно интересныхъ вопросовъ остался недостаточно выясненнымъ вопросъ о значеніи опьяненія, какъ повода, могущаго обусловить снихождение, а вопросъ объ условныхъ приговорахъ хотя и былъ удовлетворительно разработанъ въ отдѣленіи и пространно обсуждался въ общемъ собраніи, но конгрессъ, къ сожалѣнію, не рѣшился высказать о немъ положительнаго мнѣнія, т.-е. постановленія, предоставивъ это дѣло слѣдующему конгрессу, который долженъ собраться черезъ пять лѣтъ въ Парижѣ. Наиболѣе законченны были сужденія конгресса по тѣмъ вопросамъ, которые относятся къ области средствъ къ предупрежденію преступленій. Намъ, впрочемъ, при взглядѣ на работы петербургскаго конгресса, нѣтъ причины предпочесть только тѣ вопросы, по которымъ постановлены въ смыслѣ теоретическомъ рѣшенія, именно потому, что эти рѣшенія никого не обязываютъ. Мы просто выберемъ тѣ предметы, которые наиболѣе любопытны и поучительны.

Здѣсь представляются несомнѣнно на первомъ планѣ: вопросъ о существованіи преступниковъ неисправимыхъ, то-есть прирожденныхъ, и вопросъ, состоящій въ нѣкоторой связи съ первымъ—объ отсрочкѣ исполненія приговоровъ къ заключенію по винамъ менѣе тяжкимъ (условные приговоры), такъ какъ подобная отсрочка рассчитана, прежде всего, на случайность большинства преступныхъ дѣяній и на исправимость людей, однажды совершившихъ преступленіе. Затѣмъ идутъ вопросы о наказуемости малолѣтнихъ, о патронатствѣ, о порядкѣ отвѣтственности за проступки и преступленія, совершаемыя въ тюрьмѣ, и нѣкоторые другіе.

Вопросъ о признаніи существованія такихъ преступниковъ, которыхъ природная ихъ организація неудержимо влечетъ къ совершенію преступныхъ дѣяній извѣстнаго рода и которые поэтому неисправимы, возникъ изъ взглядовъ, высказываемыхъ новою, такъ называемою «антропологическою» школой, которая наиболѣе адептовъ имѣетъ въ Италіи, гдѣ во главѣ ея сталъ извѣстный ученый Ломброзо. Объясняя влеченія единичнаго человѣка преимущественно наследственностью, которая вліяетъ на самое строеніе его черепа и органовъ, указывая у преступниковъ одной категоріи сходныя физиологическія черты и подтверждая эти наблюденія данными уголовной статистики, которая свидѣтельствуютъ, что множество преступниковъ, по перенесеніи наказанія, впадаютъ въ прежнее преступленіе и что число рецидивистовъ, невзирая на преимущественно исправительные виды, усвоенныя современною пенитенціарною системою, не только не уменьшается, но постоянно возрастаетъ, приверженцы этого взгляда приходятъ къ заключенію, что тюрьма должна служить только къ освобожденію человѣчества отъ опасности, угрожающей ему постоянно, и никакихъ цѣлей исправленія преслѣдовать не можетъ.

Представители этого мнѣнія являлись уже и на предшествовавшихъ конгрессахъ, но составляли въ нихъ лишь слабое, хотя упорное меньшинство. Большинство же держится взгляда, по которому преступность объясняется не одною природою человѣка, не какииъ-либо физическимъ предопредѣленіемъ,

но обстоятельствами, среди которых человек вырос или которые поставили его если не въ безвыходное положеніе, то въ условія сильнаго соблазна, которому онъ, по невыработанности нравственныхъ понятій или по слабости, противустоять не могъ. И такъ, по этому взгляду, преступность представляется преимущественно условіемъ внѣшнимъ и потому случайнымъ. Слабость же исправительныхъ мѣстъ заключенія объясняется, во-первыхъ, несовершенствомъ ихъ устройства, а, во-вторыхъ, крайне тяжелымъ положеніемъ, въ какое становятся преступники по выходѣ изъ тюрьмы: всякому доступны справки объ ихъ судимости, полиція держитъ ихъ подъ надзоромъ, общество ихъ боится и презираетъ, они не находятъ себѣ работы и т. д. Отсюда—частость рецидивовъ и, вмѣстѣ, необходимость особыхъ частныхъ учреждений для опеки надъ бывшими преступниками, учреждений такъ называемаго патронатства, которое бы менѣе гласно наблюдало за ними и, вмѣстѣ, заботилось бы объ ихъ благосостояніи.

Оба приведенные взгляда отразились и въ секціи, и въ общемъ собраніи петербургскаго конгресса. Особая коммисія, избранная секціею для формулировки постановленія, предложила изложить мнѣніе большинства, отвергавшаго существованіе неисправимыхъ, въ такой формѣ, которая представляла нѣчто вродѣ компромисса. Рѣшеніе въ этой формѣ было одобрено секціею и принято конгрессомъ. Оно гласитъ такъ: «Не допуская въ принципѣ существованія преступниковъ вполнѣ неисправимыхъ, но имѣя въ виду фактъ обращенія нѣкоторыми изъ преступниковъ нарушеній закона въ привычку, конгрессъ находитъ желательнымъ приѣженіе къ нимъ особыхъ мѣръ». Эти «особыя мѣры» представляются, между прочимъ, заключеніемъ на достаточный срокъ и «ссылкой», причемъ сейдѣ признавала еще необходимость изслѣдованія этихъ мѣръ.

И такъ, конгрессъ отвергъ фактъ существованія вполнѣ неисправимыхъ, какъ недоказанный, но призналъ фактъ «неисправившихся», который удостоверяется многократными рецидивами одного и того же лица. Но, рѣшивъ вопросъ принципиально въ духѣ большинства, конгрессъ сдѣлалъ значительную уступку мнѣнію меньшинства на практикѣ, допустивъ, что судамъ должно быть предоставлено право упорныхъ рецидивистовъ подвергать заключенію на срокъ «достаточный» или ссылкѣ, которая криминалистскою вообще давно отвергается. Сверхъ того, выраженіе «срокъ достаточный», неопредѣленное само по себѣ, могло бы, очевидно, влючать и понятіе о срокѣ неопредѣленномъ, то-есть о заключеніи пожизненномъ. А это именно и представляетъ уступку тѣмъ практическимъ выводамъ, которые логически истекаютъ изъ убѣжденія школы криминалистовъ-антропологовъ: если на преступника смотрѣть какъ на «выдающійся типъ» человека, то въ отношеніи его становится на первомъ планѣ одна забота—поставить его навсегда въ невозможность вредить обществу, та самая забота, какая вытекаетъ въ любой деревнѣ при появленіи волка. Ссылка при этомъ, все-таки, лишь палліативъ: человекъ-звѣрь не будетъ причинять вреда въ Англии, но будетъ дѣлать то же въ Австраліи. Наиболее логичными мѣрами, если

принять взглядъ криминалистовъ-антропологовъ, должно признать смертную казнь или безсрочное заключеніе. Вотъ почему одинъ изъ членовъ, г. Бруза, энергично возставалъ въ общемъ собраніи противъ «достаточнаго срока»; бывають рецидивисты, попадающіеся десять и болѣе разъ; какой же срокъ признать «достаточнымъ» для нихъ, положимъ, въ 20-й разъ? Если же примѣнить къ нему заключеніе безсрочное, то, по замѣчанію г. Бруза, даже смертная казнь лучше этого; сверхъ этого, тотъ же членъ возражалъ противъ предоставленія судамъ столь широкихъ полномочій въ выборѣ наказанія на основаніи особенностей единичнаго субъекта, а не на основаніи самаго свойства преступленія. Формула, предложенная секціею, была принята конгрессомъ едва ли не вслѣдствіе примирительнаго объясненія В. Д. Спасовича, который замѣтилъ, что коммиссія не предрѣшаетъ «особыхъ мѣръ», а только рекомендуетъ ихъ изслѣдованіе. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы считать вопросъ нерѣшеннымъ, если изслѣдованіе требуется еще теоретическое; если же изслѣдованіе мѣръ должно производиться на практикѣ, то-есть «особыя мѣры» должны примѣняться, хотя бы въ видѣ изслѣдованія, то тогда протестъ г. Бруза сохраняетъ полную свою силу.

Мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній по поводу взгляда, объясняющаго преступность преимущественно наследственностью, а потому допускающаго возможность преступниковъ безусловно неисправимыхъ, и склоннаго значительно ослаблять надежду на исправимость всѣхъ даже вообще преступниковъ. Вопросы законодательные рѣшаются на дѣлѣ не учеными специалистами, но довѣренными людьми, взятыми изъ среды общества, и это столь же рационально, какъ предоставленіе функціи фактическаго удостовѣренія виновности на судѣ не юристамъ-судьямъ, но представителямъ общества—присяжнымъ. Наука открываетъ истины, но ученые специалисты слишкомъ склонны перескакивать ту пропасть, которая отдѣляетъ отъ истины,—гипотезу, хотя бы и имѣющую за себя многія несомнѣнныя, но еще не полныя данныя. Въ особенности въ области наукъ, возникшихъ недавно, какова антропология, почти всѣ заключенія доселѣ представляютъ собой лишь обобщеніе слишкомъ еще немногочисленныхъ данныхъ или выводы по одной аналогіи. При такомъ недостаточно выработанномъ состояніи недавно возникшей науки, невозможно основывать законодательство на тѣхъ взглядахъ, какіе въ наукѣ преобладаютъ въ данное время, уже по одному тому, что эти взгляды могутъ измѣниться.

Такъ, въ настоящее время, хотя ученіе объ эволюціи установлено въ біологіи уже прочно, на основаніи массы повѣренныхъ фактовъ, но изъ этой же теоріи возникло слишкомъ преувеличенное стремленіе объяснять все наследственностью. Ранѣе антропологической криминалистики въ это увлеченіе впала терапевтическая діагностика, которая факту наследственности стала придавать рѣшительное преобладающее значеніе въ болѣзняхъ. Если бы принять этотъ взглядъ за основаніе для мѣръ законодательныхъ, то пришлось бы обречь на безбрачіе дѣтей всѣхъ тѣхъ субъектовъ, которые подвергались болѣзнямъ, признаннымъ наследственными по преимуществу.

При этомъ упускалось бы изъ вида то простое обстоятельство, что если бы каждый случай заболѣваній такихъ видовъ непременно передавался по наслѣдству если не дѣтямъ, то хоть правнукамъ, по принципу атавизма, то человѣчество давно бы погребло, такъ какъ едва ли возможно предположить, чтобы ни у одного изъ восходящихъ членовъ какого-либо живущаго нынѣ рода не было любой изъ болѣзней, признаваемыхъ наслѣдственными по преимуществу.

Въ подобное же увлеченіе впадаютъ и антропологи-криминалисты. Изъ того, что наслѣдственность можетъ играть нѣкоторую роль въ преступности, еще не слѣдуетъ, что роль эта дѣйствительно преобладающая. Если упомянутую теорію свести на то, что, сверхъ случайныхъ условій воспитанія и обстановки, дѣйствуетъ то различіе темпераментовъ, которые будутъ располагать каждого человѣка скорѣе къ преступленію такого-то, чѣмъ другого рода, то вся теорія сведется на такъ называемое «общее мѣсто». Если же допустить, что преступникъ представляетъ собою особый «вырождающийся типъ» человѣка, то спрашивается, гдѣ же та грань, за которою возможно признать это вырожденіе? Чиновникъ, бравшій взятки пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и произведшій сына и внука честныхъ, представляетъ ли собою вырождающийся типъ человѣка, или, скорѣе, продуктъ общественныхъ условій того времени? Спрашивается, возможно ли опредѣлить ту черту нарушеній долга, которая уже свидѣтельствовала бы о вырожденіи? Если взятка еще не составляетъ вырожденія, то составляетъ ли его взяточничество, или вырожденіе начинается только съ простой кражи или съ повторенныхъ кражъ, съ одного убійства или съ десяти убійствъ?

Если же невозможно съ научною точностью установить предѣлъ, съ котораго долженъ быть признаваемъ фактъ вырожденія, то невозможно и утверждать научное существованіе безусловной несправимости, а тѣмъ болѣе вводить на основаніи столь смѣлой гипотезы такія кары, какъ ссылка, безсрочное заключеніе или смертная казнь, въ соотвѣтствіи не съ тягостью послѣдняго преступнаго дѣянія, а лишь съ числомъ повтореній одного и того же вида правонарушенія.

Разсматривавшійся конгрессомъ вопросъ о патронатѣ надъ семьями заключенныхъ и надъ самими преступниками по отбытіи ими наказанія, по сущности своей, представляетъ лишь вопросъ о степени склонности и умѣнья того или другаго общества, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—и возможности создать достаточную частную инициативу. Никто не сомнѣвается, что частные союзы, основанные для этой цѣли, могутъ быть только полезны. Въ Англіи такихъ союзовъ множество, у насъ есть пока только попечительный о тюрьмахъ комитетъ, имѣющій почти оффиціальное положеніе, и пріюты для арестантскихъ дѣтей. Но важно было рѣшеніе конгрессомъ относящагося сюда вопроса спеціальнаго, а именно о степени участія полиціи въ надзорѣ за поведеніемъ освобожденныхъ. Конгрессъ высказалъ убѣжденіе, что попеченіе объ освобожденныхъ должно принад-

лежать исключительно патронату, который может пользоваться содѣйствіемъ полиціи, но и то лишь въ возможно меньшей степени, прямое же дѣйствіе полиціи должно быть сколько возможно устранено. Собираніе полиціей свѣдѣній объ освобожденныхъ лишаетъ ихъ куска хлѣба и дѣлаетъ доступными для всѣхъ свѣдѣнія о бывшей судимости людей, которые безъ такого оглашенія могли бы достигать полной реабилитаціи. Конгрессъ единогласно высказалъ желаніе, чтобы полиція за свѣдѣніями объ освобожденныхъ обращалась къ обществамъ патроната.

Другое ограниченіе полицейской власти надъ лицами, подвергшимися осужденію, установлено конгрессомъ въ такой резолюціи, что содержащіеся въ заключеніи за всякіе преступленія и проступки, ими совершаемые во время заключенія, должны быть подвергаемы отвѣтственности въ порядкѣ судебномъ, а не тюремно-дисциплинарномъ. Принципъ этотъ имѣетъ большое значеніе и выполненіе его вовсе не такъ трудно на практикѣ, какъ то можетъ показаться, если только соответствующая судебная власть находится недалеко отъ мѣстности, гдѣ расположена тюрьма. Нѣтъ никакого серьезнаго повода, чтобы арестантъ, содержащійся въ городѣ, не подлежалъ за всѣ проступки (начиная съ ослушанія законнымъ требованіямъ) и преступленія суду наравнѣ со всѣми жителями того же города. Давно пора уничтожить цѣлыя категоріи обвиняемыхъ, лишеныя гарантій правильного правосудія, отиѣнить смотрительскій судъ надъ арестантами и полицейскую расправу надъ проститутками, извозчиками и дворниками, а въ нѣкоторой степени и надъ домовладѣльцами. Не произойдетъ рѣшительно никакого несчастія для общества, если арестантъ, проститутка или извозчикъ понесутъ наказаніе черезъ недѣлю по опредѣленію суда, а не въ самый день проступка по произволу полиціи, основанному почти всегда на единичномъ показаніи низшаго агента, что ведетъ къ множеству злоупотребленій. Рѣчь идетъ не о томъ, конечно, чтобы лишать полицію уголовную или тюремную права употреблять силу для прекращенія безпорядка, но о томъ, чтобы устранить дисциплинарное наложеніе каръ, которое въ тюрьмахъ иногда имѣетъ прямо характеръ мести. Предоставленіе всѣхъ высканій въ тюрьмѣ общему суду представляло бы уже то важное практическое преимущество, что устранило бы большую часть случающихся въ тюрьмахъ бунтовъ, за которыми почти всегда слѣдуетъ расправа жестокая, не допускаемая никакими законами и производимая единственно въ расчетѣ, что тюрьма есть наглухо запертое мѣсто и что вѣсть оттуда не дойдетъ до высшаго начальства.

Вопросъ о трудѣ арестантовъ и о конкуренціи его труду свободному самъ по себѣ достаточно ясенъ и поставленіе его на очередь нынѣшняго конгресса имѣло только тотъ полезный результатъ, что повело къ собранію значительныхъ статистическихъ данныхъ. Заключенія же легко было предвидѣть, да и не могло быть иныхъ. Само собою разумѣется, что трудъ для арестантовъ необходимъ по нравственнымъ и экономическимъ соображеніямъ, что трудъ этотъ долженъ быть полезный, а не безплодный, что

при хозяйственномъ пользованіи трудомъ легче надзоръ, а при способѣ подрядномъ болѣе обезпеченъ сбытъ, причемъ, однако, слѣдуетъ избѣгать, чтобы арестанты не попадали въ кабалу подрядчика, что весьма желательны занятія работою на воздухѣ (земледѣльческія и строительныя) и что желательно, насколько возможно, устранять конкуренцію тюремнаго труда труду свободному, т. е. не заводить въ тюрьмѣ, наприм., занятій именно тѣмъ производствомъ, которое составляетъ главный промыселъ мѣстныхъ жителей.

Болѣе значенія имѣло уясненіе конгрессомъ порядка отбыванія долгосрочнаго заключенія. Въ этомъ отношеніи конгрессъ постановилъ слѣдующія общія правила: долгосрочное заключеніе должно начинаться съ содержанія въ одиночной камерѣ, размѣры котораго должны быть опредѣляемы судомъ; во второмъ періодѣ заключенному должно быть дозволяемо участвовать въ совмѣстной работѣ, но на ночь онъ долженъ содержаться въ одиночной камерѣ; въ третьемъ періодѣ разрѣшается участіе въ работахъ внѣ тюрьмы; наконецъ, въ четвертомъ періодѣ можетъ быть даваемо условное освобожденіе до срока.

Въ числу наиболѣе интересныхъ долженъ быть отнесенъ и вопросъ объ уголовной наказуемости малолѣтнихъ. Секція пришла по этому вопросу къ заключенію, которое произвело нѣкоторую «сенсацію». Она признала, что «желательно уничтожить вопросы о виновности и о разумннн въ отношеніи дѣтей, не переступившихъ 16-ти лѣтняго возраста, замѣнивъ эти вопросы вопросами о томъ, долженъ ли малолѣтній подвергнуться публичной опека, и слѣдуетъ ли оставить его при обыкновенномъ порядкѣ воспитанія, или же примѣнить къ нему порядокъ исправительный. Въ отношеніи же несовершеннолѣтнихъ, имѣющихъ болѣе 16-ти лѣтъ, по предложенію секціи, долженъ быть предоставленъ судамъ болѣе широкій просторъ въ пригнѣненіи наказанія, начиная съ выговора и кончая установленною для взрослыхъ карой. Такимъ образомъ, секція признала ненаказуемость въ уголовномъ порядкѣ субъектовъ, не перешедшихъ 16-ти лѣтняго возраста. Если бы при этомъ возрастъ былъ опредѣленъ, положимъ, до 13 лѣтъ, или если бы по отношенію даже къ субъектамъ до 16 лѣтъ допущенъ былъ особый просторъ для смягченія наказаній, то предложеніе секціи не вызвало бы особаго удивленія, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что заключеніе малолѣтняго въ тюрьму навсегда губитъ его. Но установленіе безнаказанности передъ уголовнымъ судомъ для 15-ти лѣтнихъ преступниковъ, хотя бы они были убійцами, едва ли не представляетъ шага сдѣланномъ смѣлаго. Едва ли есть расчетъ въ томъ, чтобы для охраненія нравственности 15-ти лѣтняго убійцы отъ вреднаго вліянія тюрьмы допускать безнаказанность за самыя тяжкія преступленія въ возрастѣ довольно уже сознательномъ, каковъ возрастъ 13—16 лѣтъ. Въ сожалѣнію, конгрессъ не успѣлъ рассмотреть докладъ о малолѣтнихъ и вопросъ этотъ былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса.

Та же участь постигла и другой изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ—

объ отсрочкѣ въ исполненіи приговоровъ къ заключенію за преступленія, совершенныя въ первый разъ. Вопросъ этотъ былъ, однако, пространно обсуждаемъ и въ секціи, которая постановила по немъ рѣшенія большинствомъ голосовъ, раздѣливъ предварительно самый вопросъ на нѣсколько частей, и въ общемъ собраніи, которое, однако, не успѣло его рѣшить. Повторимъ замѣчаніе, сдѣланное нами выше, что допущеніе условныхъ приговоровъ истекаетъ прямо изъ того представленія, что преступники не «рождаются», какъ поэты, но «дѣлаются», какъ ораторы. Если преступность имѣетъ по преимуществу источникъ внѣшній и случайный, въ такомъ случаѣ логично предположить, что самое совершеніе правонарушенія и слѣдующія за нимъ предварительное задержаніе, появленіе передъ судомъ, наконецъ, произнесеніе осужденія могутъ повліять достаточно сильно, чтобы отвратить вѣроятность совершенія тѣмъ же лицомъ дальнѣйшихъ проступковъ. Самая тюрьма—все по тому же взгляду на свойство преступности—должна имѣть характеръ по преимуществу исправительный; если же исправленіе можетъ быть достигнуто однимъ уже стыдомъ осужденія, то еще вѣрнѣе ограничиться одною этою мѣрой, чѣмъ дѣйствительно заключать виновнаго въ тюрьму, которая, несмотря на свое исправительное назначеніе, зачастую губитъ именно субъектовъ, совершившихъ проступокъ или преступленіе въ первый лишь разъ, причѣмъ случайность могла играть преобладающую роль.

Разсуждая такимъ образомъ, новѣйшіе юристы приходятъ къ предположенію, что такъ какъ большинство осуждаемыхъ принадлежитъ именно къ категоріи совершившихъ правонарушеніе въ первый разъ, то, предоставивъ суду право, смотря по обстоятельствамъ дѣла, отсрочивать приведеніе приговора въ исполненіе, возможно будетъ значительно уменьшить и число рецидивистовъ, которые набираются изъ массы заключаемыхъ въ тюрьмы за первый проступокъ (*délit*). Надъ осужденнымъ этой категоріи, оставленнымъ пока на свободѣ, висѣло бы опасеніе соотвѣтственно усиленаго наказанія за вторичное злое дѣяніе, т.-е. осужденный, оставленный на свободѣ, подвергался бы за вторичную вину наказанію болѣе строгому, чѣмъ рецидивистъ, уже отбывшій наказаніе и впавшій въ новое преступленіе. Противъ этого взгляда, основаннаго скорѣе на соображеніи практическомъ, чѣмъ строго-юридическомъ, сильно возставали нѣкоторые члены конгресса и, между прочимъ, авторитетный специалистъ—германскій уполномоченный Иллингъ; они утверждали, что каждое преступленіе должно быть наказываемо и что уголовный судъ долженъ карать не для того, чтобы предупреждать совершеніе преступленій, но потому, что преступленіе было совершено. При баллотировкѣ вопроса въ общемъ собраніи, онъ былъ отложенъ до слѣдующей сессіи конгресса, которая, какъ уже сказано, открывается въ Парижѣ лѣтъ черезъ пять.

Вообще же, несмотря на отсрочку двухъ весьма интересныхъ вопросовъ, нельзя не признать, что нѣтербургскій конгрессъ не былъ безплоднымъ. Въ особенности полезно могло быть то впечатлѣніе, какое суж-

денія его должны были производить у насъ въ настоящее время. Оказалось, что люди авторитетные, отчасти стоящіе довольно высоко въ администраціи разныхъ странъ Европы, даже по такимъ вопросамъ, которые относятся въ область уголовщины и тюремнаго дѣла, держатся взглядовъ неизмѣримо болѣе либеральныхъ и человѣчныхъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ насъ стараются приучить нѣкоторые наши публицисты по отношенію къ дѣльнымъ категориямъ людей, не совершившимъ никакого преступленія, и къ дѣльнымъ областямъ правъ, мыслимыхъ для исполнѣ мирныхъ и благонадежныхъ обывателей.

Въ самомъ концѣ истекшаго мѣсяца (*Собр. Узак.*, № 63-й, 28 іюня) обнародованъ указъ о введеніи въ дѣйствіе новаго «положенія» о земскихъ учрежденіяхъ, состоявшійся 12 іюня. «Положеніе» 12 іюня замѣняетъ собою «положеніе» 1 января 1864 года и будетъ вводиться во всѣхъ 34 земскихъ губерніяхъ въ томъ порядкѣ постепенности, какой будетъ опредѣленъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ предшествующемъ обзорѣни мы представили характеристику новыхъ условий, въ какия поставляется дѣятельность земства на основаніи подробныхъ свѣдѣній о проектѣ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Эти-то свѣдѣнія о проектѣ и побудили насъ высказать такое мнѣніе, что предположено установленіе полной подчиненности земскихъ учреждений административнымъ властямъ съ сохраненіемъ только прежнихъ общественныхъ формъ и созданіемъ многообразія высшаго административнаго надзора.

Итѣя теперь передъ глазами законъ въ его окончательномъ видѣ, мы должны, прежде всего, признать, что полнаго или, сказать точнѣе, безусловнаго подчиненія дѣятельности земства административнымъ властямъ онъ не устанавливаетъ, хотя, все-таки, вводитъ подчиненность въ самомъ принципѣ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, какия мы имѣли о проектѣ, всякое постановленіе земскаго собранія должно было приводиться въ исполненіе не прежде, чѣмъ было бы получено разрѣшеніе на это губернатора. Такого всеобъемлющаго подчиненія въ законѣ не оказывается. На этомъ мы должны остановиться прежде всего.

Новый законъ не устанавливаетъ въ общемъ правилѣ, что на приведеніе въ дѣйствіе каждаго постановленія земскаго собранія требуется разрѣшеніе губернатора. Статья 82 новаго «положенія» прямо указываетъ, какия именно постановленія подлежатъ утвержденію начальника губерніи или министра внутреннихъ дѣлъ. Въ первымъ принадлежатъ: классификація и измѣненіе направленія земскихъ дорогъ, устройство выставокъ, перемѣны въ срокахъ и устройствѣ ярмарокъ и базаровъ, опредѣленіе нѣкоторыхъ таксъ и цѣнъ. Ко вторымъ—переложеніе земскихъ повинностей натуральныхъ въ денежные, установленіе повинностей по истребленію вредныхъ животныхъ, сборовъ съ проѣзжающихъ, рѣшенія объ открытіи новыхъ пристаней и закрытіи существующихъ ярмарокъ, наконецъ, постановленія о займахъ, не включая позамышлованій изъ земскихъ капиталовъ.

Несогласіе губернатора во всѣхъ этихъ случаяхъ ведетъ къ представленію министру, который окончателно рѣшаетъ дѣло.

Затѣмъ, по отношенію ко всѣмъ прочимъ постановленіямъ земскихъ собраний, разрѣшенія губернатора не требуется, а только сохраняется за нимъ и доселѣ существовавшее право «протеста», съ нѣкоторымъ его расширеніемъ. Всѣ постановленія земства, за исключеніемъ вышепоименованныхъ, приводятся въ исполненіе, если въ теченіе двухъ недѣль губернаторъ не остановилъ ихъ исполненія по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ случаѣ несогласія постановленія земства съ закономъ или полномочіями земства и 2) если земское постановленіе «не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія». Здѣсь принята распространенная редакція права протеста, каковымъ начальникъ губерніи пользовался по «положенію» 1864 г. Приведенныя ограничительныя условія весьма эластичны: что не можетъ подойти подъ опредѣленіе: «явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія» или «не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ»?

Въ случаѣ, если остановка исполненія послѣдовала вслѣдствіе нарушенія земскимъ постановленіемъ закона, дѣло пойдетъ въ губернское присутствіе, на которое земство можетъ жаловаться въ сенатъ, причѣмъ установлены сроки: мѣсячный для внесенія губернаторомъ дѣла въ губернское присутствіе и трехмѣсячный для внесенія министромъ земской жалобы, съ его заключеніемъ, въ сенатъ. Въ другихъ же случаяхъ, т.-е. когда остановка исполненія земскаго постановленія волею мѣстной администраціи произошла по соображеніямъ общихъ государственныхъ польвъ или «явныхъ» интересовъ мѣстнаго населенія, начальникъ губерніи обязанъ вносить дѣло, прежде всего, на разсмотрѣніе ближайшаго очереднаго губернскаго земскаго собранія, послѣдующее рѣшеніе котораго, въ случаѣ дальнѣйшаго несогласія губернатора, представляется министру и, въ случаѣ, если онъ согласится съ мнѣніемъ губернатора, восходитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта (если дѣло идетъ о возвышеніи земскаго обложенія противъ однажды опредѣленнаго земствомъ размѣра) или въ комитетъ министровъ (во всѣхъ прочихъ случаяхъ).

Избраніе гласнаго отъ крестьянъ должно производиться каждымъ волостнымъ сходомъ; только въ случаѣ, если число волостей въ уѣздѣ не превышаетъ опредѣленнаго росписаніемъ числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, губернское присутствіе можетъ «разрѣшить» сходамъ наиболѣе населенныхъ волостей избрать по два лица, и тогда губернаторъ утверждаетъ изъ ихъ числа комплектъ гласныхъ отъ крестьянъ.

Выше указано на важное измѣненіе въ проектѣ: только по нѣкоторымъ, прямо поименованнымъ дѣламъ законъ требуетъ разрѣшенія губернатора для приведенія въ дѣйствіе постановленія земскаго собранія, по всѣмъ же прочимъ дѣламъ за губернаторомъ сохраняется лишь право протеста въ двухнедѣльный срокъ, причѣмъ самая отжѣна постановленія земства можетъ быть опредѣлена только государственнымъ совѣтомъ или комитетомъ минист-

ровъ (а въ случаѣ нарушенія закона—сенатомъ). Указывая на это обстоятельство, мы должны, однако, сказать, что въ принципѣ новый законъ, все-таки, устанавливаетъ подчиненность земства администраціи. Губернатору предоставляется надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій земскихъ учреждений, въ губерскія и уѣздныя собранія вводятся представители разныхъ административныхъ вѣдомствъ, губернаторъ даетъ земскимъ управамъ «предложеніе», а отъ нихъ получаетъ «представленіе»; губернатору предоставляется производить ревизію земскихъ управъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ земству учреждений. Губернаторъ утверждаетъ предсѣдателей и членовъ, какъ губерскихъ, такъ и уѣздныхъ управъ, а министръ — предсѣдателей управъ губерскихъ.

Далѣе, если министръ внутреннихъ дѣлъ или губернаторъ не найдутъ возможнымъ утвердить избранныхъ въ предсѣдатели или члены управъ, то губернаторъ предлагаетъ о производствѣ новыхъ выборовъ, причемъ лица не утвержденныя уже не допускаются къ баллотировкѣ, а если новые выборы не состоятся или на нихъ будутъ избраны лица, которыя вновь не получаютъ утвержденія, то оставшіяся не занятыми должности замѣщаются лицами по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ; все это сильно ограничиваетъ свободу выборовъ въ земскія должности. Предсѣдатели земскихъ управъ должны быть изъ лицъ, имѣющихъ по закону право на вступленіе въ государственную службу, и какъ они, такъ и члены управы считаются состоящими на ней, должности ихъ отнесены къ извѣстнымъ классамъ, съ предоставленіями соответствующихъ мундировъ и пенсій; наконецъ, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, кромѣ ответственности въ порядкѣ уголовномъ, подлежатъ и взысканіямъ административно-дисциплинарнымъ: замѣчаніямъ, выговорамъ и даже удаленію отъ должности. Такія дисциплинарныя взысканія налагаются на предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ новымъ административнымъ органомъ, создаваемымъ въ каждой губерніи, подъ названіемъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, въ которомъ предсѣдательствуетъ губернаторъ; для наложенія дисциплинарныхъ взысканій на предсѣдателей управы и на членовъ управы губерскихъ требуется еще утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, по обсужденіи въ его совѣтѣ.

Зачисленіе земскихъ должностныхъ лицъ на государственную службу, очевидно, соответствуетъ выраженной въ самомъ указѣ мысли, «дабы учрежденія эти, въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности и въ должномъ единеніи съ другими правительственными установленіями, съ вѣдшимъ успѣхомъ исполняли порученное имъ важное государственное дѣло». При этомъ нельзя, однако, не указать на нѣкоторую несогласованность между тѣми опредѣленіями новаго закона, которыя обращаютъ земскую службу въ государственную, и тѣми, которыя, по крайней мѣрѣ, фактически, оставляютъ за должностными лицами земства характеръ избира-тельно-общественный,—такую несогласованность, которой не существуетъ

въ примѣненіи къ должностнымъ лицамъ, избираемымъ дворянствомъ, а именно къ его предводителямъ.

Общій принципъ, что лишить должности можетъ только та инстанція, которая дала ее, осуществляется, въ сферѣ общественно-избирательной, такимъ образомъ, что должностныя лица, избираемыя обществомъ, и могутъ быть удаляемы (исключая лишенія должности, какъ одно изъ послѣдствій судебнаго приговора) только тѣмъ же обществомъ, посредствомъ неизбрания тѣхъ же лицъ на слѣдующій срокъ. А, между тѣмъ, председатели и члены земскихъ управъ будутъ подлежать удаленію отъ должности въ порядкѣ административномъ, причеиъ предварительное обсужденіе дѣла въ губернскомъ присутствіи и въ совѣтѣ министерства не вноситъ никакого различія, такъ какъ оба эти присутственныхъ мѣста имѣютъ характеръ административный. Правда, можно бы возразить, что, признаваясь состоящими на службѣ государственной, получая чины и выслуживая пенсію, земскія должностныя лица тѣмъ самымъ ставятся и въ условія подчиненности административной. Однакожь, предводители дворянства также считаются состоящими на государственной службѣ и приобрѣтаютъ чины, но относительно ихъ принципъ, что должностное лицо, избранное обществомъ, не можетъ быть удаляемо въ административномъ порядкѣ, проведенъ въ законахъ съ точностью.

Удаленіе отъ должности лицъ административнаго состава можетъ быть относимо къ числу мѣръ дисциплинарнаго взыскаія, такъ какъ административныя лица прямо назначаются властью своихъ начальниковъ. Но по отношенію къ лицамъ общественно-выборнымъ самое правило объ удаленіи отъ должности, если такое правило устанавливается, казалось бы, рациональнѣе было включить въ тѣ статьи закона, которыя излагаютъ способъ назначенія избираемыхъ, срокъ ихъ полномочія и принадлежащія имъ права, а не въ статьи о дисциплинарной отвѣтственности, помѣщенныя въ одной главѣ (VI) съ статьями, относящимися къ порядку обжалованія распоряженій земскихъ учреждений.

Обращаясь затѣмъ, собственно, къ тѣмъ мѣрамъ, которыя вполне правильно могутъ быть отнесены къ категоріи дисциплинарныхъ взысканій— къ замѣчанію и выговору, мы должны замѣтить, что законъ о должностныхъ лицахъ дворянства не знаетъ и этихъ, дисциплинарныхъ, въ точномъ смыслѣ слова, мѣръ. Губернаторъ не можетъ передать на обсужденіе губернскаго правленія вопроса о сдѣланіи выговора предводителю дворянства и подобное дѣло не можетъ обсуждаться и въ совѣтѣ министерства. Теперь же возможны будутъ случаи, довольно странные при сравненіи. Уѣздный предводитель дворянства зачастую бываетъ и председателемъ земской управы. Въ первомъ званіи онъ не можетъ подлежать ни удаленію отъ должности, ни выговору по инициативѣ губернатора, и это вполне естественно, такъ какъ предводитель, хотя и пользуется правами государственной службы, но законъ въ немъ видитъ представителя дворянскаго общества, а не чиновника. Но вотъ тотъ же предводитель, въ своемъ званіи

предсѣдателя земской управы, можетъ подлежать, по инициативѣ губернатора, выговору и удаленію отъ должности, несмотря на то, что и предсѣдатель земской управы, хотя и будетъ отнынѣ числиться на государственной службѣ, но по существу является именно представителемъ земскаго общества, а не чиновникомъ. Къ довершенію практическаго неудобства, при соединеніи въ одномъ лицѣ обѣихъ названныхъ должностей, въ званіи предсѣдателя дворянства можетъ оставаться человекъ, удаленный отъ другой должности въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Отмѣтимъ мимоходомъ два частныхъ опредѣленія новаго закона, направленные къ возможному устраненію, въ земскихъ собраніяхъ случаевъ «неприбытія гласныхъ», а въ земскихъ управахъ — «семейныхъ» захватовъ должностей. Въ законъ включено правило, что никто изъ гласныхъ не имѣетъ права уклоняться отъ присутствованія на земскихъ собраніяхъ безъ уважительныхъ причинъ (прекращеніе сообщеній, болѣзненное состояніе, тяжкая болѣзнь или смерть близкихъ родственниковъ и особыя занятія по государственной службѣ), причѣмъ неоправданное отсутствіе можетъ повлечь за собою примѣненіе къ гласному земскимъ собраніемъ ($\frac{2}{3}$ голосовъ) вновь созданной по этому случаю статьи уложенія о наказаніяхъ (указъ 12 іюня), налагающей слѣдующія мѣры взысканія: замѣчаніе, штрафъ не свыше 75 руб., а въ третій разъ штрафъ не свыше того же размѣра, съ исключеніемъ изъ земскаго собранія на опредѣленный срокъ, въ предѣлахъ срока самаго избранія. При замѣщеніи же земскихъ должностей наблюдается («положеніе»), чтобы по выборнымъ должностямъ въ одномъ и томъ же учрежденіи не служили одновременно лица, состоящіе въ первой степени свойства и въ близкихъ степеняхъ родства (которые тутъ же опредѣлены).

Обращаемся теперь къ той сторонѣ новаго «положенія», которая имѣетъ цѣлью усиленіе дворянскаго элемента въ составѣ земскихъ учреждений. Цѣль эта достигается двоякимъ образомъ: во-первыхъ, для производства выборовъ составляются въ уѣздѣ два избирательныя собранія: первое — изъ дворянъ, потомственныхъ и личныхъ, второе — изъ всѣхъ прочихъ лицъ. Цензъ для участія въ выборахъ остается безъ измѣненія, но, сверхъ имѣющихъ установленный земскій цензъ, въ избирательное собраніе допускаются еще уполномоченные отъ мелкихъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздѣ и городахъ, имѣющихъ цензъ не меньшій, чѣмъ одна десятая общаго земскаго ценза ($\frac{1}{10}$ числа десятинъ, составляющаго земскій цензъ, или оцѣнка имущества въ 1,500 р.). Такіе уполномоченные избираются на особыхъ сѣздахъ владѣльцевъ названной категоріи, причѣмъ опять сѣзды бывають отдѣльно: дворянъ и не-дворянъ. Затѣмъ, въ приложенномъ къ «положенію» росписаніи числа гласныхъ губернскихъ и уѣздныхъ собраній приведено правило, чтобы число гласныхъ, избираемыхъ первымъ (дворянскимъ) избирательнымъ собраніемъ, составляло не менѣе половины общаго числа гласныхъ уѣздныхъ (для гласныхъ губернскихъ такой пропорціи не установлено). По большинству уѣздовъ числа опредѣ-

жены такъ, что гласные отъ дворянъ составляютъ половину общаго числа гласныхъ *мюсъ* 1. Но почему-то, во многихъ уѣздахъ, число гласныхъ отъ дворянъ исчислено въ половину *мюсъ* 2. Дѣленіе общихъ чиселъ, оканчивающихся нулями, въ иныхъ уѣздахъ даетъ ровно половину. Однимъ словомъ, кромѣ арифметическаго приема—дѣлить четныя числа поровну, а нечетныя—съ наикрѣпкой единицы, здѣсь были еще и особыя, быть можетъ, уѣздо-политическія соображенія.

Такимъ образомъ, недавнее еще «положеніе» о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года подверглось весьма существеннымъ измѣненіямъ, хотя они далеко не осуществили первоначальнаго проекта покойнаго гр. Д. А. Толстаго.

Вопросъ о преобразованіи гимназическаго курса, наконецъ, рѣшенъ. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось въ первый день іюля сообщеніе объ утвержденіи предположенныхъ измѣненій въ планѣ преподаванія, состоявшемся 12 іюня. Законодательное утвержденіе здѣсь оказывалось необходимымъ потому, что таблица съ росписаніемъ уроковъ была приложена къ уставу о гимназіяхъ 1871 года. Мы можемъ теперь лишь бросить бѣглый взглядъ на состоявшіяся измѣненія въ планѣ преподаванія, къ которымъ будемъ, конечно, имѣть поводъ возвратиться впоследствии.

Оба важные законопроектъ, рассмотрѣнные государственнымъ совѣтомъ въ концѣ его сессіи—измѣненія въ земскихъ учрежденіяхъ и въ планѣ гимназическаго преподаванія—были подвергнуты этимъ высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ весьма значительной переработкѣ. Вслѣдствіе того, министерству народнаго просвѣщенія приходится въ настоящее время заняться и соответственнымъ измѣненіемъ учебныхъ программъ, предположенныхъ имъ согласно съ тѣмъ проектомъ, какой оно вносило.

Въ чемъ же заключаются одобренныя законодательною властью и вступающія въ силу съ предстоящаго учебнаго года перемены? По новой таблицѣ прибавлено по три урока на законъ Божій и русскій языкъ, по одному уроку на исторію и на физикъ и пять уроковъ на чистописаніе и рисованіе, которое введено нынѣ въ число обязательныхъ предметовъ гимназическаго курса. вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшено на 10 число уроковъ по древнимъ языкамъ, на 2—по географіи и на 1—по математикѣ, но общее число уроковъ по всѣмъ предметамъ осталось безъ измѣненія, а именно—225 въ недѣлю, для обучающихся обоимъ новымъ языкамъ или, среднимъ числомъ, по 28 уроковъ на 7 классовъ, а на одинъ—29 уроковъ, и, наконецъ, 206 уроковъ для обучающихся одному новому языку. При этомъ рѣшено, что въ преподаваніи древнихъ языковъ должно быть обращено вниманіе, главнымъ образомъ, на необходимость усилить чтеніе образцовыхъ произведеній древнихъ авторовъ и дать этому занятію преобладающее значеніе, оставивъ упражненія въ письменныхъ переводахъ съ русскаго на оба древніе языки лишь какъ дидактическій приемъ, на выпускныхъ же испытаніяхъ для полученія аттестата зрѣлости устанавливаются исключительно письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій.

Сокращенію на 10 уроковъ по древнимъ языкамъ нельзя придавать особаго значенія въ виду того, что изъ этого числа ровно половина, а именно 5 уроковъ, прибавлены на чистописаніе и рисованіе. Понятно, что здѣсь имѣлось въ виду соображеніе практическое: воспитанники гимназій идутъ затѣмъ и въ высшія спеціальныя училища и, при нынѣшнихъ условіяхъ, отстаютъ въ нихъ по части черченія и рисованія. Но за то не странно ли вѣнчать въ обязанность рисованіе будущимъ филологамъ и юристамъ?

Общее число уроковъ оставлено прежнее, стало быть, нынѣшняя реформа совершенно уклонилась отъ своего первоначальнаго основанія, которое представлялось фактомъ переутомленія учениковъ. Правда, что за то вышедшее нынѣ узаконеніе продлится на 2 недѣли лѣтнія каникулъ, но это не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ на дѣлѣ и до сихъ поръ, несмотря на уставъ, воспитанники гимназій иногда распускались не на 1½ мѣсяца, а на 2 и даже болѣе, и это отступленіе теперь только узаконяется.

На нынѣшній мѣсяцъ пришлось два дня военныхъ воспоминаній: 15 іюня минуло 25 лѣтъ со дня вступленія русскихъ войскъ въ Ташкентъ, а 19 іюня открытъ на «Братской могилѣ» въ Севастополѣ памятникъ Тотлебену. Историческія событія, о которыхъ при этомъ вспоминалось, имѣютъ лишь то сходство, что каждое изъ нихъ было ознаменовано талантливымъ личнымъ починомъ, съумѣвшимъ въ короткое время и съ малыми, сравнительно, средствами сдѣлать великое дѣло. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ историческая параллель между Севастополемъ и Ташкентомъ представляетъ рядъ антитезъ. Ташкентъ говоритъ объ успѣхахъ, о значительномъ расширеніи государства, а Севастополь напоминаетъ о неисчислимыхъ, доселѣ еще не вполне вознагражденныхъ потеряхъ. А, между тѣмъ, нельзя не признать, что оборона Севастополя была дѣломъ болѣе блестящимъ въ военномъ отношеніи, чѣмъ взятіе Ташкента.

Но оба эти событія сохраняютъ свою поучительность и для будущаго. Болѣзненное, хотя и покрытое славой пораженіе, о которомъ свидѣтельствуемъ полуразрушенный еще доселѣ Севастополь, явилось результатомъ тридцатилѣтней системы, которая все приносила въ жертву наружному порядку и формальной дисциплинѣ, а консерватизмъ свой доводила до того, что не довѣряла прогрессу даже въ дѣлѣ оружія. То военное предпріятіе, которое привело къ разрушенію Севастополя, какъ извѣстно, было давнему, завѣтной мечтой цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, а, между тѣмъ, ходъ событій засталъ Россію неприготовленною, въ самомъ же веденіи военныхъ дѣлъ какъ на Дунаѣ, такъ и въ Крыму яро высказались плоды той же системы: у вождей не было инициативы, они болѣе всего старались сложить съ себя отвѣтственность, на все испрашивали указаній изъ Петербурга, а сами доносили туда, главнымъ образомъ, о встрѣчаемыхъ трудностяхъ.

Правда, нашелся и тогда человекъ талантливый и одаренный смѣлостью личнаго почина. Но это былъ не вождь, а второстепенный офицеръ: Тотлебенъ былъ подполковникомъ, когда ему пришлось наскоро приняться за укрѣпленіе сѣверной стороны Севастополя. Въ дѣйствительности, благодаря, главнымъ образомъ, Тотлебену, Севастополь продержался такъ долго; подъ огнемъ непріятели выросли изумлявшіе его окопы, постепенно сомкнувшіеся въ грозную цѣпь. Въ глазахъ исторіи Тотлебенъ остается главнымъ защитникомъ Севастополя. Но неизбежный результатъ, все-таки, не могъ быть отвращенъ усліями гениальнаго специалиста, который подвинулъ впередъ военно-инженерное искусство. Если бы Россія была лучше приготовлена къ войнѣ, если бы у руководящихъ военныхъ людей того времени было болѣе знанія, болѣе энергіи, смѣлости въ заявленіи мѣтнѣи и настойчивости въ ихъ проведеніи, то война на Дунаѣ или не была бы начата, или не дала бы союзникамъ времени осаждать Севастополь, а возможность высадки въ Крыму была бы предвидѣна и устранена сосредоточеніемъ тамъ достаточныхъ силъ. Если же Россія предприняла войну противъ четырехъ государствъ, не имѣя ни желѣзныхъ дорогъ, ни нарѣзнаго оружія, ни даже достаточныхъ запасовъ пороха, съ солдатами, которые обучались не стрѣльбѣ, а только равненію локтей и вытягиванію носка, и съ генералами, которые были болѣе способны «отписываться», чѣмъ создать обдуманнѣйшій, смѣлѣйшій планъ и не искать указаній изъ Петербурга, а, наоборотъ, настоять на разѣ принятомъ рѣшеніи, то въ этомъ всемъ отразились уже свойства цѣлой тогдашней системы и самый гениальнѣйшій штабъ-офицеръ не могъ измѣнить хода событій. Онъ могъ только самъ покрыться славой, какъ покрылись славой и русскіе солдаты, недостаточно обученные, плохо вооруженные, но умѣвшіе умирать. Съ законною гордостью, но и съ грустью припоминаются тѣ ратники ополченія, вчерашніе земледѣльцы, которые во время приступа, бросивъ ружья, защищали Севастополь съ топоромъ въ рукахъ и падали рядами на окопахъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣло взятіе Ташкента. Въмѣсто геройской пассивности въ оборонѣ, въ этомъ подвигѣ выказалась активная сила ума и личной воли самого военачальника. Указанія изъ Петербурга по защитѣ Севастополя не снаси этой ирѣпности: они привели только къ двумъ тщетнымъ попыткамъ отбросить непріятеля, къ кровопролитнымъ дѣламъ при Иккерманѣ и Черной рѣчкѣ. Между тѣмъ, при взятіи Ташкента не только не было указаній изъ военнаго министерства въ Петербургѣ, но, наоборотъ, указанія клонились къ тому, чтобы не брать Ташкента, а, между тѣмъ, онъ былъ взятъ. Городъ съ 100-тысячнымъ населеніемъ, укрѣпленный, защищаемый 20-тысячнымъ войскомъ, при нѣсколькихъ десяткахъ артиллерійскихъ орудій, съ большимъ запасомъ пороха и снарядовъ, былъ захваченъ двумя десятками неполныхъ ротъ, предводимыхъ генераломъ Черняевымъ. Подвигъ этотъ, правда, имѣлъ совсѣмъ иные размѣры, чѣмъ исполнская борьба вокругъ Севастополя. Но за то въ подвигѣ генерала Черняева несомнѣнно выступила и совершенно иная нравственная черта,

ной духъ, давшій неожиданную, почти невѣроятную побѣду, вмѣсто замедленнаго, но уже впередъ неизбѣжнаго пораженія.

Остановимся здѣсь на минуту на различіи временъ: съ 1855 до 1865 г. въ Россіи измѣнилось многое, но наибольшая переизмѣна заключалась именно въ самомъ духѣ общей системы. Апатія, формалистика, обезличеніе, то «единообразіе», которое подравнивало всѣхъ дѣятелей и сновывало всякую личную энергію, въ значительной степени ослабѣли въ концѣ этого періода, если не исчезли совсѣмъ. Военная дисциплина не ослабѣла, но не было уже ни прежней необходимости, ни прежней охоты замыкаться въ предѣлахъ полученной бумаги, чтобы прикрыться ея буквою отъ всякой отвѣтственности.

Извѣстно, что постепенныя завоеванія оазисовъ, раздѣленныхъ степями и населенныхъ полуварварскими племенами, которыя управляются неустойчивыми властями, вызываются иногда одно другими. Здѣсь поочередно возникаетъ все тотъ же вопросъ: что лучше—имѣть ли крайнимъ граничнымъ владѣніемъ населенный пунктъ, или же открытую степь? Въ первомъ случаѣ непринужденная намъ степь постоянно угрожаетъ нашему пограничному поселенію. А во второмъ случаѣ на признанной за нами, но открытой для кочевниковъ степи непремѣнно будутъ происходить столкновения кочевниковъ «мирныхъ» съ враждебными намъ и самое появленіе послѣднихъ на нашей территоріи будетъ вызывать необходимость подвергать ихъ наказанію. Это—альтернатива весьма древняя. Она представлялась еще древнему Египту по отношенію къ Еѳіопіи и Аравіи.

Въ 1864 году, когда М. Г. Черняевъ задумалъ покореніе Ташкента, нашимъ окраиннымъ, выдающимся пунктомъ въ центрѣ Средней Азіи былъ оазисъ Чечкента. Городъ Чечкентъ былъ занятъ передъ тѣмъ именно по такому соображенію, что неудобно имѣть границей степь, открытую для хищническихъ нападений и лишнюю всякихъ средствъ для содержанія въ ней охранныхъ постовъ. Со взятіемъ Чечкента, говорилось въ то время, мы приобрѣли для своей обороны твердый пунктъ, къ тому же снабженный всѣмъ нужнымъ для содержанія достаточнаго гарнизона. Нежеланіе нашего военнаго министерства расширять завоеванія далѣе Чечкента было совершенно искреннее, чему вполне сочувствовало и министерство иностранныхъ дѣлъ, которое хотѣло избѣгнуть запросовъ и затрудненій со стороны англійской дипломатіи.

Вскорѣ, однако, командовавшій мѣстными силами генералъ Черняевъ оказался вынужденнымъ высылать въ степь небольшіе отряды, чтобы разгонять появлявшихся въ ней хищниковъ; а такъ какъ эти вторгавшіяся шайки опирались на сильный коганскій гарнизонъ, сидѣвшій въ Ташкентѣ, то ген. Черняевъ необходимо долженъ былъ придти къ рѣшенію—овладѣть этимъ центромъ. Первая его попытка была неудачна. За то вторая, въ іюнѣ 1865 года, удалась послѣ трехдневнаго боя, въ которомъ русскій командующій удесятерилъ нравственное впечатлѣніе малыхъ своихъ силъ на непріятеля, безпрестанно передвигая свои войска вокругъ Ташкента и угро-

жая ему съ разныхъ пунктовъ, причѣмъ подготовлялъ своихъ солдатъ къ дѣйствию со штурмовыми лѣстницами. Когда одному отряду удалось прорваться въ городъ и отворить одни ворота, ген. Черняевъ вступилъ туда со всѣми силами, но по малочисленности ихъ могъ быть задавленъ въ городѣ, если бы не зажегъ ближайшей его части и не окружилъ себя пламенемъ, продолжая высылать отряды по разнымъ направленіямъ и охраняя ворота на случай отступленія.

Ташкентъ былъ взятъ, и хотя ген. Черняевъ былъ вскорѣ отозванъ военнымъ министерствомъ, но оно же продолжало завоеванія, пославъ новаго командующаго, генерала Романовскаго, взятаго изъ канцеляріи министерства. Покорены были Ходжентъ и Коканъ и мы дошли до степи, лежащей передъ Бухарою, взявъ еще впереди ея городъ Джизакъ. Далѣе, былъ завоеванъ Самаркандъ, вторая столица Бухары. Впослѣдствіи была принята экспедиція въ Хиву, и ханства Хивинское и Бухарское стали въ вассальную зависимость отъ Россіи.

Въ результатъ мы имѣемъ въ настоящее время командующее положеніе на двухъ линіяхъ въ Средней Азіи, ведущихъ отъ сибирской границы до сѣверной границы Персіи и до Афганистана; мы стали твердою ногой въ той «лабораторіи народовъ» (*officina gentium*), которая въ прошлые вѣка заливала Европу волнами завоевателей; мы приблизились къ воротамъ Британской Индіи и съ тѣхъ поръ сопротивленіе, какое намъ можетъ оказывать Англія на юго-востокѣ Европы, должно соображаться съ опасностью прямаго воздѣйствія на ея владѣнія въ Остъ-Индіи.

Приобрѣтеніе столь значительныхъ, всемірно-историческихъ результатовъ связано не съ однимъ именемъ М. Г. Черняева; оно ознаменовано еще именемъ генераловъ Скобелева и Комарова. Но инициаторомъ такого оборота дѣлъ, такого расширенія нашихъ видовъ и нашего вліянія въ Средней Азіи, былъ несомнѣнно ген. Черняевъ. Поворотнымъ пунктомъ послужило именно отважное взятіе Ташкента. Не будь этого смѣлаго шага, сдѣланнаго по личному усмотрѣнію военачальника, благодаря лишь неопредѣленности указаній изъ Петербурга, мы, вѣроятно, и нынѣ оставались бы въ Средней Азіи при преданіяхъ политики Перовскаго: центральнымъ нашимъ пунктомъ тамъ былъ бы Оренбургъ. Между тѣмъ, нынѣ мы владѣемъ вполне теченіями Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, мы прочно заняли мѣста, которыхъ лишь слегка коснулся походъ Александра Македонскаго, мы владѣемъ баснославною Голькондою, о которой мечтали средніе вѣка, и въ будущемъ имѣемъ противъ Англіи средство, съ которымъ должна будетъ считаться ея практическая дипломатія.

Предшествующій краткій взглядъ на еще близкое къ намъ историческое прошлое выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ заслугу М. Г. Черняева. Человѣкъ независимыхъ рѣшеній, личной инициативы, онъ остался вѣренъ себѣ и впослѣдствіи, когда, вопреки запретамъ, отправился въ Сербію и, въ дѣйствительности, вызвалъ вторую новѣйшую восточную войну, явившуюся вслѣдъ за испытанными имъ въ Сербіи неудачами. Какъ всѣ люди силь-

наго личнаго почина, Черняевъ испыталъ на себѣ много порицаній, но, вмѣстѣ, и неударжимыхъ народныхъ сочувствій. Достаточно припомнить, что происходило въ Москвѣ, когда Черняевъ отправлялся въ Сербію.

Отъ генераловъ давняго, до-севастопольскаго времени, Черняевъ отличался тѣмъ, чѣмъ новая жизнь Россіи отличалась отъ старой; онъ искалъ своихъ собственныхъ, самостоятельныхъ, основанныхъ на личномъ убѣжденіи, путей. Если даже оставимъ въ сторонѣ побужденія самопожертвованія, безкорыстнаго служенія идеѣ, а примемъ лишь въ объясненіе дѣйствій основу личную, то должны будемъ признать, что въ ген. Черняевѣ возродился типъ русскій старинный, мало извѣстный нѣмецко-петербургскому періоду. Бывали и въ николаевское время способные генералы: Паскевичъ, воспользовавшійся заслугами Пассека, Муравьева и Толля, пассивный и податливый служака, достигшій царскихъ военныхъ почестей, которые ему отдавались караулами по особому приказу; храбрый, но только исполнительный Людербъ, хитрый и умный карьеристъ Бергъ и еще ранѣе — отважный партизанъ, но въ особенности ловкій царедворецъ Чернышевъ. Но, рядомъ съ дѣятеlem скромнымъ, хотя самостоятельнымъ и высокодаровитымъ въ своей специальности — покойнымъ Э. И. Тотлебенемъ, мы, не только въ силу совпаденія чествованій, но по дѣйствительному знанію и дѣятельности, должны поставить М. Г. Черняева, наиболѣе популярнаго изъ живущихъ русскихъ генераловъ. Дважды покоритель Ташкента надѣвалъ статское платье, десять лѣтъ послѣ взятія Ташкента онъ все еще оставался въ чинѣ генерал-майора (отставнаго). Сила личнаго импульса продолжала не мириться съ традиціями всемогущей, все впередъ опредѣлявшей, въ себѣ единственно указывавшей спасеніе бюрократіи. Но время сглаживаетъ многія неровности и общественное мнѣніе съ удовольствіемъ встрѣтило недавнее возвращеніе ген. Черняеву коммандантъ, военнаго мундира, съ назначеніемъ его членомъ военнаго совѣта. Пріятно было видѣть, что одному изъ заслуженныхъ и наиболѣе самобытныхъ русскихъ людей отведено было мѣсто по возможности почетное на существующей военно-іерархической лѣстницѣ.

Но возвратимся къ Севастополю и упомянемъ нѣсколько точнѣе объ участіи, какое принималъ въ его оборонѣ покойный Тотлебенъ. Подполковнику Тотлебену было 36 лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Севастополь, въ августъ 1854 г. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ великій военный строитель, совершившій переворотъ въ искусствѣ фортификаціи, не имѣлъ, вслѣдствіе болѣзни, возможности окончить полный курсъ военно-инженернаго училища въ его прежнемъ видѣ, то-есть не прошелъ офицерскихъ классовъ, которые соотвѣтствовали нынѣшней инженерной академіи. Способности свои онъ выказалъ при осадѣ Силистріи и въ Севастополь былъ командированъ именно вслѣдствіе просьбы командовавшаго въ Крыму кн. Горчакова о присылкѣ ему опытнаго инженера.

Городъ еще не былъ осажденъ, но участь его была впередъ рѣшена самою высадкой союзниковъ въ Крымъ при слабости русскихъ войскъ, на-

кія находились тамъ въ то время. Тогда же было признано, что если бы послѣ битвы при Альмѣ союзная армія прямо двинулась на Севастополь съ сѣверной стороны, то городъ былъ бы взятъ немедленно. Оборона началась съ затопленія судовъ у входа въ бухту и съ возведенія укрѣпленій на сѣверной сторонѣ передъ самымъ городомъ, чтобы не растагивать позицій и вооружить ихъ какъ можно сильнѣе, для чего послужили и крупныя орудія, снятыя съ судовъ. Укрѣпленные пункты воздвигались одинъ за другимъ, можно сказать, импровизировались по тѣмъ указаніямъ, какія давало направленіе неприятельскаго огня.

Нѣтъ сомнѣнія, что продолжительностью обороны Севастополя, который держался 11½ мѣсяцевъ, Россія была обязана, послѣ выносливости солдатъ, главнымъ образомъ, необыкновенному таланту Тотлебена и тому довѣрью, какое импровизированная имъ защита внушала всѣмъ участникамъ обороны. Вице-адмиралъ Кремеръ, участвовавшій въ защитѣ Севастополя, сказалъ, при открытіи памятника, между прочимъ, слѣдующее: «Мы, черноморскіе моряки, вспоминаемъ, какъ въ продолженіе 11½ мѣсяцевъ осады мы сроднились съ Эдуардомъ Ивановичемъ, на котораго мы смотрѣли какъ на одно изъ главныхъ средствъ обороны. Появленіе его въ критическія минуты на полуразрушенныхъ неприятельскими снарядами батареяхъ всегда насъ ободряло, поднимало нашъ духъ и давало надежду, потому что мы знали, что его гениальный, полный ресурсовъ умъ и вѣрный глазъ всегда найдутъ средства выручить насъ изъ бѣды, разстроить планы неприятеля и противопоставить ему преграды къ наступленію; мы знали, что каждое его посѣщеніе имѣло послѣдствіемъ увеличеніе нашей силы». Адмиралъ Кремеръ сослался при этомъ на мнѣніе покойнаго Нахимова, «который часто говорилъ, что всѣ мы ничего не значимъ, но берегите Тотлебена: если бы его ранили, то это было бы большое несчастье».

Тотлебенъ былъ раненъ въ Севастополѣ дважды: въ лицо и въ ногу; послѣдняя рана была серьезна, но больной, лежа въ постели, продолжалъ руководить работами. Въ день взятія Малахова кургана французами Тотлебена вынесли на одинъ изъ валовъ сѣверной стороны и онъ видѣлъ, какъ рѣшилась судьба обороняемаго имъ города. Тотлебенъ же снова укрѣплялъ Севастополь, Очаковъ и Одесу, а также усиливалъ укрѣпленія Бердя въ 1876—77 годахъ, передъ началомъ послѣдней восточной войны. Осенью 1877 года, какъ извѣстно, ему пришлось руководить уже не обороною крѣпости, но осадомъ ея. Послѣ трехъ кровопролитныхъ и неудачныхъ попытокъ овладѣть Плевной приступомъ въ армію призванъ былъ Тотлебенъ и первое его заслугой здѣсь было устраненіе всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ штурма и черезъ два мѣсяца (съ конца сентября по 28 ноября 1877 г.) крѣпость была взята, вслѣдствіе неудачной попытки Османа-паши, терпѣвшаго отъ недостатка продовольствія, пробиться съвою русскую армію.

Но, несмотря на то, что Плевна фактически была взята Тотлебеномъ, здѣсь уже многое можно было отнести къ продолжительности осады, къ указаніямъ опыта и къ движенію русскихъ войскъ въ тылу Плевны по

софійской дорогѣ, что лишало защитниковъ Плевны всякой возможности выжидать помощи. Наиболее блестящимъ дѣломъ личныхъ дарованій Тотлебена останется, все-таки, оборона Севастополя, съ 25-ти лѣтнимъ воспоминаніемъ о которой было связано и возведеніе знаменитаго инженера въ графское достоинство.

Незадолго передъ празднованіемъ открытія памятника Тотлебену и оживленія этимъ торжествомъ славныхъ воспоминаній обороны, городъ Севастополь узналъ неутѣшительную для него вѣсть, что большой коммерческий портъ рѣшено устроить не въ севастопольской бухтѣ, а въ еодосійской. Рѣшеніе этого спорнаго вопроса, возбуждавшего жаркую полемику, состоялось въ пользу Феодосіи по мысли министерства путей сообщенія. Мы не рассматривали этого вопроса по той причинѣ, что рѣшающими аргументами должны были, конечно, послужить соображенія чисто - техническія. О соображеніяхъ иного рода мы можемъ упомянуть и теперь, когда рѣшеніе стало уже фактомъ.

Поборники устройства главнаго черноморскаго порта въ Феодосіи приводили, между прочимъ, что доселѣ для восточнаго берега Крыма не было дѣлаемо почти ничего, между тѣмъ какъ на берегу юго-западномъ государство въ продолженіи болѣе полувѣка дѣлало огромныя затраты на постройку крѣпостей, флота, военнаго порта, шоссейныхъ путей и, наконецъ, желѣзной дороги. Севастополь, — говорили приверженцы «еодосійскаго направленія», — и безъ устройства новаго порта сохранить свое торговое значеніе, какъ морской пунктъ, болѣе близкій къ Константинополю, соединенный желѣзною дорогой съ центральными губерніями; для восточнаго же берега Крыма устройство порта есть вопросъ о жизни или прозябаніи. Давно Феодосіи была обѣщана желѣзная дорога; проведеніе рельсоваго пути до Феодосіи входило еще въ первоначальный *cahier de charges*, возложенный на главное общество при его образованіи. Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, а лѣвый берегъ Крыма все еще не имѣетъ желѣзной дороги и не будетъ ея имѣть безъ порта.

О техническихъ соображеніяхъ, повторяемъ, мы говорить не будемъ; въ общемъ заключеніи надо допустить, что они говорятъ въ пользу порта въ Феодосіи, такъ какъ за это ратовало именно техническое вѣдомство. Но, независимо отъ нихъ, былъ еще аргументъ противъ устройства большаго торговаго порта въ Севастополѣ. Ссылались на неудобство соединенія такого порта съ военнымъ, — неудобство, могущее представиться въ томъ, что, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, присутствіе флота коммерческаго можетъ стѣснить дѣйствія флота военнаго, въ мирное же время нежелательно пребываніе въ портѣ, который долженъ командовать Чернымъ моремъ, иностранныхъ судовъ, на которыхъ могутъ быть развѣдчики. Признаемъ, этотъ аргументъ не казался намъ особенно убѣдительнымъ. Развѣдчики вездѣ могутъ быть, независимо отъ торговыхъ судовъ, да и невозможно скрыть отъ иностранцевъ дѣла столь явнаго, какъ конфигурація военнаго

порта и расположеніе въ немъ батарей. Коммерческій портъ существуетъ въ Бронштадтѣ совмѣстно съ военнымъ и никто не видитъ въ этомъ опасности. Доводъ, сейчасъ приведенный, мы скорѣе допустили бы въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно въ такомъ смыслѣ, что при войнѣ главнокомандующій сухопутными и морскими силами въ Крыму можетъ быть свободѣе въ начертаніи себѣ того или другаго плана дѣйствій, когда онъ будетъ имѣть въ виду, что Севастополь—портъ только военный, тѣмъ если бы онъ долженъ былъ соображаться съ необходимостью защитить первостепенные коммерческіе интересы.

Защитникамъ мысли о торговомъ портѣ въ Севастополѣ легко было подыскать какъ нравственный, такъ и матеріальный доводы. Они напомнили о заслугахъ многострадальнаго города передъ Россіей и поставили на видѣ, что онъ заслуживаетъ вознагражденія, а, сверхъ того, указывали, что бухты Севастополя самою природою предназначены къ сосредоточенію здѣсь черноморской торговли; то, что въ многъ мѣстѣ пришлось бы создавать посредствомъ искусственныхъ оградженій, въ Севастополѣ дано природою. Невозможно отрицать вѣрности обоихъ этихъ доводовъ. Достаточно объѣхать Севастополь, чтобы убѣдиться въ справедливости нѣкотораго для него вознагражденія. Кто въ настоящее время, во всей Россіи, чувствуетъ послѣдствія крымской войны, происходившей 35 лѣтъ тому назадъ? Никто, конечно. Вездѣ, гдѣ были понесены какіе-либо убытки, какъ, наприм., въ Одессѣ, Свеаборгѣ, Владивостокѣ, они давно были вознаграждены временемъ. У одного только Севастополя раны не зажили до сихъ поръ. Правда, домовъ построено тамъ немалое число, тѣмъ Севастополь обязанъ отчасти огромному возрастанію нашего хлѣбнаго вывоза, отчасти возникшей за послѣднія лѣтъ 15 — 20 славъ разныхъ пунктовъ южно-крымскаго побережья, какъ санитарныхъ станцій, причеиъ Севастополь, какъ копечный пунктъ желѣзной дороги, имѣлъ свои выгоды. Но, все-таки, значеніе Севастополя, какъ вывознаго пункта, не велико, а на санитарныя станціи южнаго берега Крыма прошла мода. Ялта, Алушка положительно пустуютъ, Гурзуфъ еще кое-какъ держится, но едва ли сводить свой балансъ благополучно. Въ прошломъ году южно-крымскіе домовладѣльцы и содержатели пансіоновъ для прибывающихъ лечиться воздухомъ, виноградомъ и купаньемъ слагали вину малаго пріѣзда гостей на парижскую выставку. Но въ текущемъ году нѣтъ никакой заграничной приѣздки и, несмотря на благоприятный курсъ, число паспортовъ, выданныхъ за границу, значительно уменьшилось. А, между тѣмъ, въ Крымѣ нѣтъ пріѣзда и послѣ нынѣшняго года тамъ, очевидно, долженъ произойти кризисъ въ предпріятіяхъ, рассчитанныхъ на большую ногу для приема больныхъ.

Что касается Севастополя, онъ остается доселѣ въ такомъ положеніи: несмотря на многіе прибывшіе дома, въ городѣ почти столько же домовъ, разрушенныхъ бомбардированіемъ 35 лѣтъ тому назадъ, сколько домовъ, оставшихся невредимыми или построенныхъ вновь. Весь верхній бульваръ

и прилегающіе къ нему дома представляютъ картину полного разрушенія. Новый соборъ, въ которомъ покоятся славные черноморскіе адмиралы, воздвигся среди развалинъ. Бросивъ лишь поверхностный взглядъ на городъ, вы убѣдитесь, что онъ ждетъ чего-то. Посторонніе капиталы не прибываютъ для строительства, а владѣльцы разрушенныхъ домовъ не имѣютъ кредита въ земельныхъ банкахъ. Они встрѣчаются съ возраженіемъ, что, будучи крѣпостью, Севастополь вновь можетъ подвергнуться прежней участи.

Севастопольцы сильно рассчитывали, что воспоминаніе о заслугахъ ихъ города перетянетъ вѣсы въ ихъ пользу. Говорятъ, что въ вышемъ административномъ учрежденіи, разсматривавшемъ это дѣло, вопросъ былъ рѣшенъ противъ Севастополя большинствомъ, весьма слабымъ численно, но нравственно сильнымъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ касался именно будущности. И теперь, когда вопросъ уже рѣшенъ, городское управленіе Севастополя не оставляетъ мысли о дальнѣйшихъ ходатайствахъ. Но путь къ осуществленію ихъ уже окончательно прегражденъ состоявшимся въ прошломъ мѣсяцѣ указомъ, въ силу котораго севастопольскіе домовладѣльцы, именно во вниманіе къ заслугѣ города передъ всею Россіей, навсегда освобождаются отъ поземельнаго налога.

Н. Д. Хвоцинская—В. Крестовскій-псевдонимъ.

(Библиографическій очеркъ).

Нѣтъ, я не назову обманомъ
Того, чѣмъ жизнь казалась мнѣ...

Н. Хвоцинская.

Литературная дѣятельность недавно умершей *Надежды Дмитриевны Хвоцинской* (по мужу *Заиончиковской*), наиболѣе извѣстной въ печати подъ псевдонимомъ: *В. Крестовскій*, заслуживаетъ полнаго и точнаго библиографическаго обзора. Прежде всего, онъ необходимъ потому, что покойная принадлежала къ числу лучшихъ русскихъ писательницъ и занимала между ними чуть ли не первое мѣсто по разнообразію своего литературнаго таланта: романы и драматическія сцены, проза и стихи, оригинальные труды и различные переводы одинаково легко поддавались ея живому перу и этимъ рѣзко выдѣляли ее изъ ряда литературныхъ подругъ. Съ другой стороны, она справедливо считалась старѣйшей изъ современныхъ русскихъ женщинъ, заявившихъ себя въ печати: болѣе сорока лѣтъ тому назадъ ей пришлось начать свою литературную карьеру, затѣмъ съ перомъ въ рукѣ пережить нѣсколько разнообразныхъ эпохъ и почти до самой смерти трудиться для главныхъ періодическихъ изданій. Между тѣмъ, не всѣ разнообразныя и многочисленныя труды, написанныя ею въ такой долгой періодъ, вышли отдѣльными книгами: нѣкоторые изъ нихъ, почтенные лестными отзывами критики и сочувствіемъ публики, остались безъ перепечатки на страницахъ старыхъ журналовъ и едва ли извѣстны нынѣшнимъ читателямъ даже по заглавіямъ. Наконецъ, есть еще особое обстоятельство, ради котораго важенъ подробный и вѣрный перечень сочиненій покойной писательницы. Подъ стихотвореніями и драматическими сценами Н. Д. обыкновенно ставила свою дѣвическую фамилію или инициалы (*Н. Х.*), а при всѣхъ рассказахъ, повѣстяхъ, романахъ и переводахъ постоянно подписывала избранный ею псевдонимъ: *В. Крестовскій*. На первыхъ же порахъ многіе не отличали этотъ псевдонимъ отъ подобной же подписи *Н. Крестовскій*, подъ которой печаталъ свои пьесы актеръ *Н. И. Куликовъ*: такъ, въ *Алфавитномъ указателѣ къ Отечественнымъ Зати-*

скамъ (Спб., 1854 г., стр. 41) пьеса названнаго артиста-писателя: *Дилломатія жены* отнесена къ сочиненіямъ В. Крестовскаго, т. е. Н. Д. Хвощинской. По этому поводу, при одной изъ повѣстей покойной писательницы, А. А. Краевскій долженъ былъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «нужнымъ считаемъ замѣтить, что авторъ повѣсти, избравшій себѣ псевдонимъ: В. Крестовскій, не имѣетъ ничего общаго съ другимъ г. Крестовскимъ, можетъ быть, и не псевдонимомъ, авторомъ драматическихъ пьесъ: *Цыганка*, *Нашествіе иноплеменихъ*, *Бѣдовая дѣвушка* и другихъ, играемыхъ на сценѣ Александринскаго театра». Несмотря на такое заявленіе, приглашавшее къ осторожности, смѣшеніе нѣсколькихъ авторовъ усилилось еще болѣе съ той поры, какъ явился дѣйствительный В. В. Крестовскій, пресловутый авторъ *Петербургскихъ трущобъ*, а вслѣдъ за нимъ, также настоящій, В. А. Крестовскій 3-й, издавшій странную книжку: *Новый оракулъ или советъ краснымъ дворянамъ* (Спб., 1862 г.). Тогда уже не только читатели, но даже и записные библиографы перестали различать этихъ Крестовскихъ *). Напримѣръ, г. Межовъ въ своемъ *Каталогѣ* (Спб., 1880 г., стр. 61) и кн. Голицынъ въ *Библиографическомъ словарѣ русскихъ писательницъ* (Спб., 1889 г., стр. 263), безъ долгихъ справокъ, перепутали сочиненія Н. Д. Хвощинской, писавшей подъ вседонимомъ, съ произведеніями В. В. Крестовскаго.

По всемъ этимъ основательнымъ причинамъ мы и рѣшаемся представить библиографическій очеркъ трудовъ покойной писательницы, провѣренный чрезъ близкое знакомство съ прежними періодическими изданіями.

Первый дебютъ Н. Д. въ русской литературѣ относится къ 1847 году, когда на страницахъ *Иллюстрацій* (№ 46) появились ея два стихотворенія: *Въ сумерки* и *Птичка*. Затѣмъ, послѣ напечатанія нѣсколькихъ стихотвореній въ *Литературной Газетѣ* (1847—1848 г.), она открыла почти непрерывную литературную дѣятельность въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ:

1850 г. Дай счастья намъ судьба, стихотвореніе (*Пантеонъ*, т. II, кн. 8).

Дума, стихотвореніе (*тамъ же*, т. II, кн. 4).

Джулио, драматическая фантазія (*тамъ же*, т. III, кн. 6, стр. 1—26).

Анна Михайловна, повѣсть (*Отечественн. Записки*, т. LXX, кн. 6, отд. I, стр. 285—324).

Сельскій учитель, повѣсть-дневникъ (*тамъ же*, т. LXXIII, кн. 12).

1852 г. Не могу я приняться за дѣло, стихотвореніе (*Альманахъ: Заздравный Фіалъ*, М., 1852 г., стр. 7).

Утренній визитъ, провинціальныя сцены (*Пантеонъ*, т. IV, кн. 7, стр. 8—24).

Намъ не знать, сколько въ лонѣ земли..., Часъ—настоящему, а прошлому—мгновенью и Теняется тихе лампада, три стихотворенія (*тамъ же*, т. IV, кн. 8, стр. 81—82).

Еще годъ, дневникъ сельскаго учителя (*Отечественн. Записки*, т. LXXXIII, кн. 8, отд. I, стр. 197—314).

*) Замѣтимъ, что въ настоящее время нередко появляется писательница съ тою же фамиліей: это—М. В. Крестовская, издавшая романъ *Раннія зрѣлыя* и нѣсколько повѣстей.

Вы улыбаетесь..., Въ прощальный смертный часъ, Свой разумъ испы- сивъ не разъ..., Солиде сегодня за тучей и Нѣтъ, я не назову обманомъ, пять стихотвореній (*тамъ же*, стр. 815—818).

Искушеніе, повѣсть (*тамъ же*, т. LXXXV, кн. 11, отд. I, стр. 1—94).

Въ этомъ же году были напечатаны три стихотворенія въ *Пантеонъ* (т. IV, кн. 11, стр. 1—4) и шесть стихотвореній въ *Библиотекъ для Чте- нія* (т. CXVI, кн. 11, стр. 163—166).

1853 г. Нѣсколько лѣтнихъ дней, повѣсть (*Отечественн. Записки*, т. LXXXVI, кн. 1, отд. I, стр. 115—144).

Деревенскій случай, повѣсть въ стихахъ (*Пантеонъ*, т. I и II, кн. 1—3). От- дѣльный оттискъ: Спб., 1853 г.

Дѣтскій балъ, стихотвореніе (*Москвитянинъ*, т. I, кн. 3, отд. I, стр. 249—250).

Кто-жь остался доволенъ? романъ въ двухъ частяхъ (*Отечественн. Записки*, т. LXXXVII, кн. 4, стр. 163—213; т. LXXXVIII, кн. 5, стр. 1—110). От- дѣльное изданіе: Спб., 1884 г.

Рѣшительный часъ, сцена (*тамъ же*, т. XCI, кн. 11, отд. I, стр. 88—92).

Въ этомъ же году еще были помѣщены четыре стихотворенія въ *Моск- витянинъ* (т. IV, кн. 18, отд. I, стр. 110—112).

1854 г. Шумитъ осенній дождь, Сегодня всю ночь и весь день подъ окномъ и Мнѣ скучно, три стихотворенія (*Пантеонъ*, т. I, кн. 1, отд. II, стр. 1—8).

Испытаніе, романъ въ трехъ частяхъ (*Отечественн. Записки*, т. XCIV, кн. 5, стр. 105—162; кн. 6, стр. 215—294; т. XCV, кн. 7, стр. 48—128). Отдѣльное изданіе: Спб., 1883 г., два тома.

Въ дорогѣ, рассказъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 209—210).

1855 г. Памятникъ, стихотвореніе (*Пантеонъ*, т. I, кн. 2, стр. 1—2).

Медея, трагедія Делла-Валле, переводъ (*тамъ же*, кн. 6).

Фразы, деревенская исторія (*Отечественн. Записки*, т. CI, кн. 8, отд. I, стр. 227—314).

1856 г. Последнее дѣйствіе комедіи, романъ въ трехъ частяхъ (*тамъ же*, т. CIV, кн. 1, стр. 195—256; кн. 2, стр. 468—528; т. CV, кн. 3, стр. 127—196). Отдѣльное изданіе: Спб., 1884 г.

Сонъ, стихотвореніе (*Пантеонъ*, т. I, кн. 2, стр. 52—54).

Свободное время, романъ въ двухъ частяхъ (*Отечественн. Записки*, т. CIX, кн. 11, стр. 1—97; кн. 12, стр. 263—322). Отдѣльное изданіе: Спб., 1884 г.

1857 г. Изъ связки нисомъ, брошенной въ огонь (*Отечественн. Записки*, т. CXI, кн. 4, стр. 347—364).

Баритонъ, романъ въ двухъ частяхъ (*тамъ же*, т. CXIV, кн. 10, стр. 347—420; т. CXV, кн. 11, стр. 231—292; кн. 12, стр. 385—480). Отдѣльное изда- ніе: Спб., 1879 г.

1858 г. Старое горе, повѣсть (*Отечественн. Записки*, т. CXIX, кн. 8, стр. 327—356). Братецъ, рассказъ (*тамъ же*, т. CXX, кн. 10, стр. 357—416).

Въ этомъ же году, какъ и въ слѣдующемъ, было напечатано нѣсколько стихотвореній въ *Иллюстраціи*.

1859 г. Марини Фальери, трагедія Базиліа Делавинья, переводъ съ французскаго (*Сборникъ съ памяти А. Ѳ. Смирдина*. Спб., 1859 г., т. V).

Недописанная тетрадь (*Отечественныя Записки*, т. CXXVII, кн. 12).

Въ этомъ же году вышли отдѣльнымъ изданіемъ *Романы и поесты В. Крестовскаго* (Спб., 1859 г., шесть томовъ). Сюда вошли всѣ вышеупомяну- тья произведенія, за исключеніемъ стихотвореній, сценъ и переводовъ.

1860 г. Встрѣча, романъ въ двухъ частяхъ (*Отечественн. Записки*, т. CXXIX, кн. 4, стр. 265—342; т. CXXX, кн. 5, стр. 1—88). Отдѣльное изданіе: Спб., 1880 г.

Въ ожиданіи лучшаго, романъ (*Русск. Вѣстникъ*, кн. 14—17). Отдѣльныя

- изданія: *первое*—М., 1861 г., два тома; *второе*—Сиб., 1880 г., двѣ части въ одномъ томѣ.
- 1861 г. Пансионерка, повѣсть (*Отечественн. Записки*, т. СXXXV, кн. 8).
- 1862 г. Стоячая вода, повѣсть (*Русск. Вѣстникъ*, т. XXXVII, кн. 1, стр. 196—309). За стѣною, рассказъ (*Отечественн. Записки*, т. СXLIV, кн. 10).
- 1864 г. Домашнее дѣло, повѣсть (*Отечественн. Записки*, т. CLI, кн. 1). Старый портретъ, новый оригиналъ (*Библиотека для Чтенія*, кн. 2).
- 1865 г. Недавнее, романъ въ четырехъ частяхъ (*Отечественн. Записки*, т. CLVIII, кн. 1—4; т. CLIX, кн. 5—8). Отдѣльное изданіе: Сиб., 1880 г., въ одномъ томѣ.
- 1866 г. Въ этомъ году вышли *седьмой и восьмой* томы *Романовъ и повѣстей* В. Брестовскаго (Сиб., 1866 г.), гдѣ помѣщены произведенія, написанныя съ 1860 до 1866 года.
- 1868 г. Два памятные дня, повѣсть (*Отечественн. Записки*, кн. 4).
- 1869 г. Первая борьба, изъ записокъ (*тамъ же*, кн. 8—9). Отдѣльное изданіе: Сиб., 1879 г.
- 1870 г. Большая медвѣдица, романъ въ пяти частяхъ (*Вѣстникъ Европы*, кн. 3—4, 7—9). Этотъ романъ законченъ въ слѣдующемъ году (кн. 4—6 и 11), переведенъ на французскій языкъ (*Journal de St.-Petersbourg*, 1871) и три раза изданъ отдѣльно: Сиб., 1872, 1876 и 1883 г.
- 1874 г. Счастливые люди, отрывки изъ записной книжки (*Отечественн. Записки*, кн. 4). Альбомъ, группы и портреты (*Вѣстникъ Европы*, кн. 12). Это произведеніе продолжалось въ слѣдующемъ году (кн. 2 и 9), а окончилось въ 1877 г. (кн. 3). Отдѣльное изданіе: Сиб., 1879 г.
- 1876 г. На вечерѣ, изъ записной книжки (*Отечественн. Записки*, кн. 1).
- 1877 г. Изъ записной книжки (*тамъ же*, кн. 1). Между друзьями (*тамъ же*, кн. 10).
- 1878 г. Былое, романъ (*Отечественн. Записки*, кн. 2). Изъ этого романа была помѣщена только первая часть. О прекращеніи его см. Письмо автора, напечатанное въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1878 г., кн. 5, отд. II, стр. 152).
- 1879 г. Свиданіе, рассказъ (*Отечественн. Записки*, кн. 2).
- 1880 г. Семья и школа (*тамъ же*, кн. 4). Въ этомъ же году были напечатаны *Очерки и отрывки* (Сиб., 1880 г., книга первая), куда вошли слѣдующія сочиненія: *За стѣною, Вѣра, На вечерѣ, Недописанная тетрадь, Старый портретъ, новый оригиналъ и Старое горе*. Одновременно съ ними вышли два первые тома *Повѣстей* (Сиб., 1880 г.) съ такимъ содержаніемъ: томъ первый: *Стоячая вода, Пансионерка и Братовъ*; томъ второй: *Домашнее дѣло, Два памятные дня и Свиданіе* *).
- 1881 г. Послѣ потона (*Отечественн. Записки*, кн. 1). Орлеанская дѣва (*Дѣло*, кн. 3). Въ этомъ же году вышли *третій томъ Повѣстей* (Сиб., 1881 г.), въ которомъ помѣщены: *Искушеніе и Учительница*.
- 1882 г. Антоніо Фоскарини, трагедія Д. Б. Никколини, переводъ съ итальянскаго (*Дѣло*, кн. 4). Блѣкурые волосы, романъ С. Фарина и его біографія, переводъ съ итальян-

*) Въ 1880 году были изданы *Волшебныя сказки* Музеуса. При этой книгѣ находилось *Предисловіе*, написанное Н. Д. Хвоцанской. Оно было перепечатано и при второмъ изданіи той же книги (Сиб., 1883 г.).

слага (сборникъ подъ заглавіемъ: *Современные итальянскіе писатели*. Спб., 1882 г., т. II).

Въ этомъ же году вышли *Очерки и отрывки* (Спб., 1882 г., книга вторая), гдѣ напечатаны: *Нѣсколько летнихъ дней*, *Въ дорожѣ*, *Разговоръ*, *Доброе дѣло*, *Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь*, и сценн: I—*Утренній визитъ*, II—*У аженки и невесты*, III—*Для дѣтскаго театра*.

1883 г. *Орасъ*, романъ Жоржъ-Санда, переводъ съ французскаго (*Изѣим. Литература*, кн. 3—5). Отдѣльное изданіе: Спб., 1883 г.

Здоровые (*Отчественн. Замисли*, кн. 9).

Въ этомъ же году изданъ *четвертый томъ Повѣстей* (Спб., 1883 г.), куда вошли: *Идеалы и фразы* и *Дневникъ сельскаго учителя*.

1884 г. *Любовь все видитъ*, романъ Сальваторе Фарина, переводъ съ итальянскаго (*Русск. Мысль*, кн. 8—12). Отдѣльное изданіе: Спб., 1885 г.

1885 г. *Обязанности*, романъ (*Сѣверн. Вѣстникъ*, кн. 1). Этотъ романъ закончился въ слѣдующемъ году (кн. 2, 4, 8, 12). Отдѣльное его изданіе: Спб., 1883 г.

Переводы: Габріэль, романъ Жоржъ-Санда, *Умереть*, романъ, *Шалость*, повесть, и *Свадебное путешествіе*, повесть (*Животисн. Обзорніе* за 1885 г.).

Въ этомъ же году вышелъ сборникъ подъ заглавіемъ: *На память* (Спб., 1885 г.), гдѣ помѣщены: *Анна Михайловна*, *Послѣ потопы*, *Здоровые*, *Прощанье* (Спб., 1885 г.).

1887 г. *Недда*, рассказъ Д. Верга, переводъ съ итальянскаго (*Вѣстникъ Героны*, кн. 1). Предисловіе къ переводу П. А. Каннинимъ пьесы Шекспира: *Юркинирская трагедія* (*Дѣло*, кн. 1).

1888 г. *Лидія*, романъ Нэарн, переводъ (*Русск. Мысль*, кн. 1 и 2).

Жить, какъ люди живутъ, заброшенный дневникъ (*Вѣстникъ Героны*, кн. 5).

1889 г. *Книга для дѣтей: „Дневникъ школьника“*, сочиненіе Эдмонда де-Амичиса, Спб. Эту книгу покойная писательница надала подъ своею редакціей и сопроводила „предисловіемъ“.

Вьюга, отрывокъ (*Русск. Вѣдомости*, № 4).

Я.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевский переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 г., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль.

1890 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Политическая экономія, финансы и статистика.—Юридическія книги.—Языкознаніе и этнографія.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Дѣтскія книги и учебники.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, июль.—„Русскій Вѣстникъ“, апрѣль—май.—„Кіевская Старина“, ноябрь 1889 г.—май 1890 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ М. Е. Салтыкова.—„Темное дѣло“. Я. Васкеля.

Сочиненія М. Е. Салтыкова (Щедрина). Томъ девятый. Пошехонская старина, жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго. Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова, съ портретомъ автора и его факсимиле. Спб., 1890 г. Этимъ, недавно вышедшимъ въ свѣтъ, девятымъ томомъ закончилось первое изданіе *Сочиненій М. Е. Салтыкова*, начатое при жизни автора, по плану, имъ самимъ составленному. Въ это изданіе не вошли его журнальныя и газетныя статьи публицистическаго, полемическаго и бібліографическаго характера, печатавшіяся въ *Современникъ*, а потомъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* „послѣдней редакціи“, и затѣмъ въ первый разъ появляются собранными вмѣстѣ такіе очерки, которые при жизни автора отдѣльными изданіями не были напечатаны, а именно: *Итоги*, *Культурные люди* и *Пошехонская старина*. О *Пошехонской старинѣ* мы уже не разъ говорили въ то время, когда эти рассказы появлялись въ *Вѣстникѣ Европы*, и тогда же указывали на нихъ, какъ на правдивое воспроизведеніе помѣщичьяго быта при крѣпостномъ правѣ. Уже и тогда было довольно ясно, что въ этихъ очеркахъ передается не только видѣнное и слышанное авторомъ, но и лично имъ пережитое, пережитое и передуманное. Таковой, до нѣкоторой степени, автобіографическій характеръ этихъ очерковъ подтверждается статью К. К. Арсеньева *Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова*, вошедшею въ девятый томъ его *Сочиненій*. Не представляя собою законченной біографіи знаменитаго русскаго сатирика, статья г. Арсеньева полна интереса и даетъ читателю возможность познакомиться съ такими сторонами внутренней жизни покойнаго Михаила Евграфовича, которыя до сихъ поръ оставались совершенно невѣстными, — мало сказать — большинству русскою публики, но и всей публикѣ, не исключая даже людей, близко знавшихъ высокочтимаго писателя. Мы говоримъ не о подробностяхъ частной и семейной жизни Салтыкова, которыхъ весьма мало касается его біографъ, а исключительно о его общественной, вѣрнѣе, служебной

дѣтельности и о томъ, что имъ написано не для печати, собственно, и, тѣмъ не менѣе, ради служенія той же самой идеѣ, проведенію которой въ общественное сознание были посвящены всѣ его литературные труды,—мы говоримъ о „запискахъ“, составившихся Салтыковымъ во время его государственной службы, по порученію его начальниковъ, и касающихся различныхъ, весьма существенныхъ вопросовъ, разработанныхъ тогда въ высшихъ административныхъ сферахъ. Первое мѣсто, по времени, занимаетъ „донесеніе“ Салтыкова, представленное имъ нятскому губернатору въ 1852 г., по дѣлу „о безпорядкахъ, возникшихъ между государственными крестьянами“ Трушниковской волости, Слободскаго уѣзда. Состоя совѣтникомъ губернскаго правленія, Салтыковъ былъ посланъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, для прекращенія крестьянскихъ „безпорядковъ“. На мѣстѣ кое-какъ все было улажено послѣ того, какъ трѣхъ крестьянъ взяли подъ стражу и отослали въ уѣздный городъ. „Дѣло,—говоритъ г. Арсеньевъ,—оканчивается, такимъ образомъ, миролюбиво, еще до пріобрѣтѣнія вѣтробавной военной команды. Заурядный чиновникъ тогдашняго,—да и не только тогдашняго,—времени счелъ бы свою задачу исполненною и спокойно возвратился бы къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Не такъ отнесся къ дѣлу Салтыковъ. Онъ не только раскрылъ всѣ обстоятельства, вызвавшія „неповиновеніе“ крестьянъ, но подумалъ и о томъ, какъ предупредить повтореніе подобныхъ явленій“. Въ своемъ донесеніи Салтыковъ указываетъ „на многочисленныя упущенія“ въ дѣйствіяхъ управленія государственными имуществами, которыми „крестьянъ точно дразнить, то отнимая, то возвращая необходимую имъ землю“. Салтыковъ возлагаетъ при этомъ отвѣтственность не на чиновное только нерадѣніе или недобросовѣстность, но и на самую систему сдачи въ аренду оброчныхъ статей. Эта система,—замѣчаетъ г. Арсеньевъ,—„пережила систему реформъ и поколебалась лишь недавно, когда крестьянскимъ обществамъ предоставлено было преимущественное право на арендованіе казенныхъ земель“. Почти сорокъ лѣтъ назадъ Салтыковъ видѣлъ уже всю необходимость измѣнить всю систему въ томъ именно смыслѣ, какъ это сдѣлано лишь теперь, и не побоялся предложить отъдачу крестьянамъ той земли, изъ-за которой возникли „безпорядки“. „Ему могли сказать, что удовлетвореніе „бунтовщиковъ“ было бы равносильно поощренію „бунта“, а при его положеніи въ губерніи такое толкованіе его словъ было бы далеко не безопасно. Не останавливаясь передъ личными соображеніями, онъ выразилъ свое мнѣніе съ искренностью и силой, необычными въ дореформенномъ административномъ мѣрѣ“. Впослѣдствіи Салтыковъ, съ такою же правдивостью и смѣлостью, и—прибавимъ отъ себя—съ такою же прозорливостью, высказывалъ свои мнѣнія передъ высшими властями по многимъ вопросамъ, почтившимся въ то время весьма щекотливыми.

Какъ историческій документъ, очень любопытна уцѣлѣвшая въ черновыхъ бумагахъ Салтыкова обширная записка о государственномъ ополченіи, составленная имъ въ 1856 г., когда онъ былъ командированъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для обрѣзирования на мѣстѣ дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченій разныхъ губерній. Ревизія эта раскрыла множество поражающихъ злоупотребленій и послужила потомъ матеріаломъ для очерка *Тяжелый годъ (Благодатьренныя рѣчи)*, написаннаго во время послѣдней восточной войны, но относящагося въ эпохѣ крымской кампаніи. Близкое знакомство съ тѣмъ, что дѣлалось при формированіи ополченій въ губерніяхъ: Мо-

сковской, Владимирской, Тверской, Калужской и Саратовской, дало полнѣйшее право Щедрину, основываясь на достовѣрныхъ данныхъ, написать горькія слова: „Неслыханнѣйшая оргія взволновала нашъ скромный городъ. Весь мало-мальски смысленный людъ заволновался. Всякій спѣшилъ какъ-нибудь поближе пріютиться около пирога, чтобъ нѣчто урвать, утаить, ушить, укроить и, вообще, по силѣ возможности, на-клась въ загорбокъ любовному отечеству. Лица вытянулись, глаза помутнились, уста осканились. Нашъ тихій городъ словно ошалѣлъ. Без-сознательно, но, тѣмъ не менѣе, беспощадно отечество продавалось всюду и за всякую цѣну. Продавалось и за грошъ, и за болѣе крупный кушъ; продавалось и за карточнымъ столомъ, и за пьяными тостами подписныхъ обѣдовъ; продавалось и въ домашнихъ кружкахъ, устроенныхъ съ цѣлью наилучшей организаціи ополченія, и при званіи коло-коловъ, при возгласахъ, призывавшихъ побѣду и одолѣніе“ (томъ V, стр. 603). „Я помню очень многое, — пишетъ Щедринъ въ другомъ мѣстѣ, — и помню, между прочимъ, 1853—1855 гг. Помню ливеущихъ жуликовъ, помню людей, одолаваемыхъ простымъ долгоязычіемъ, и лю-дей, пользовавшихся долгоязычіемъ, какъ подходящимъ средствомъ, чтобы запускать руку въ карманъ ближняго или казны. Мало того: я помню, что этихъ людей называли тогда благонамѣренными, несмотря на то, что ихъ лганье было шито бѣлыми нитками. И, что всего ужаснѣе, не только не представлялось возможности обличить ихъ, но даже устрани-ться, уйти отъ нихъ было нельзя“ (т. III, стр. 483).

Кромѣ ревизіи комитетовъ ополченія и составленія свода правитель-ственныхъ распоряженій по призыву государственнаго ополченія, въ послужномъ спискѣ Салтыкова упоминается о составленіи имъ, по по-рученію министра, „предположенія объ улучшеніи устройства земскихъ повинностей“. Слѣдовъ этой работы въ черновыхъ бумагахъ М. Е. Салтыкова не оказалось; а было бы весьма любопытно извлечь изъ архивовъ какъ этотъ его служебный трудъ, такъ и другіе. Биографъ его, не безъ основанія, конечно, предполагаетъ, что существуютъ та-ковыя, кромѣ перечисляемыхъ въ *Материалахъ для биографіи*. Г. Ар-сеневъ сообщаетъ о черновой запискѣ, написанной отъ имени мини-стра внутреннихъ дѣлъ, „объ устройствѣ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ“, и подробно говоритъ про служебную записку Салтыкова, содержащую въ себѣ цѣлый проектъ устройства „градскихъ и земскихъ полицій“. „Въ Россіи, — такъ начинается эта записка, — *благотворное* дѣйствіе полиціи почти незамѣтно; что касается ея злоупотребленій и сопряженныхъ съ всеобщимъ ущербомъ вмѣшательствъ въ частные интересы, то они не только замѣтны, но оставляютъ по себѣ несомнѣнно весьма вредное впечатлѣніе. Всякій, кто не праздно жидъ въ провинціи и всматривался въ окружающія явленія, безъ труда пойметъ справедливость этого замѣчанія. Въ провинціи существуетъ не *дѣйствіе*, а произволъ полицейской власти, совершенно убѣжденной, что не она существуетъ для народа, а народъ для нея“. По этому вступленію можно уже судить, что г. Арсеневъ совершенно правъ, называя записку Салтыкова „замѣчательною“. Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ намъ долго останавливаться на этой работѣ М. Е. Салты-кова, въ которой часто встрѣчается слово *земство* и развиваются мыс-ли о возложеніи на *земство* многихъ такихъ обязанностей, которые ему исполнить было бы удобнѣе и пристойнѣе, чѣмъ полиціи, причѣмъ и для населенія было бы легче исполнять требованія и контролировать дѣйствія *земствъ*. Салтыковъ подробно указываетъ на неудобства адми-

нистративной централизациі, создающей „солидарность между высшимъ правительствомъ и его агентами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между министромъ внутреннихъ дѣлъ и какимъ-нибудь становымъ приставомъ нѣтъ ничего общаго. Отсюда безпрестанныя жалобы на правительство, которое будто бы не имѣетъ надзора за своими агентами, будто бы не преслѣдуетъ злоупотребленій и не печется объ искорененіи ихъ“. Централизацией, по мнѣнію автора записки, обусловливается „существованіе массы чиновниковъ, чуждыхъ населенію и по духу, и по стремленіямъ, не связанныхъ съ нимъ никакими общими интересами, безыльныхъ на добро, но въ области зла являющихся страшно, разъяряющею силой“. Указывая на невозможность увеличеніемъ содержанія улучшить составъ чиновниковъ, Салтыковъ говоритъ: „Важно не содержаніе, — важенъ произволъ, который слѣдуетъ, но нельзя обуздать, пока въ государствѣ существуетъ особый видъ пролетаріата, носящій официальное имя чиновничества“. Очень существенное „зло, производимое централизацией, есть то невѣдѣніе народныхъ нуждъ, въ которое она погружаетъ правительство. *Рапорты о благополучіи* — необходимая принадлежность чиновничества, чуждаго населенію и равнодушнаго къ его потребностямъ. Исключеніе дѣлается только для тѣхъ предметовъ, которые, какъ извѣстно чиновникамъ, обращаютъ на себя вниманіе правительства. Въ отношеніи къ этимъ предметамъ все *неблагополучно*“. „Пишутся донесенія, — заключаетъ Салтыковъ, — отъ чтенія которыхъ становится страшно; подумаешь, что пробилъ послѣдній часъ для государства. А ларчикъ открывается весьма просто: чиновнику нужно отличиться — онъ описываетъ все, какъ ему хочется“. Салтыковъ, между прочимъ, сравниваетъ идею административной централизациі съ идеей учрежденія іезуитскаго ордена. „И тамъ, и тутъ, — говорится въ его запискѣ, — царствуетъ общее недовѣріе и пастырей къ паствѣ, и пастырей между собою. И тамъ, и тутъ все до такой степени искусственно, что не знаешь, чему болѣе удивляться: терпѣнію ли людей, которые придумали призрачную машину, не имѣющую никакихъ корней въ природѣ чело-вѣческой, или долговѣчности этой машины, которая, несмотря на всю свою противуестественность, продолжаетъ и доднесь существовать и пользоваться правами гражданства“. Покончивши съ изложеніемъ этой записки, біографъ Салтыкова замѣчаетъ, что въ то время, когда составлена записка, „немного было должностныхъ лицъ, способныхъ и готовыхъ говорить, въ формальной служебной бумагѣ, такъ рѣшительно и такъ откровенно, какъ говоритъ авторъ записки. Безпощаднаго анализа системы, едва поколебленной и официально еще не осужденной, всего труднѣе было ожидать отъ молодаго чиновника, только что вернушагося изъ продолжительной ссылки и занимавшаго весьма скромное положеніе въ административномъ мірѣ. Салтыковъ не остановился передъ соображеніями личной безопасности и личной выгоды; получилъ возможность высказаться, онъ воспользовался ею широко и смѣло“. Мы говорили уже выше, что, находясь еще въ ссылкѣ, М. Е. Салтыковъ не побоялся раскрыть всю правду въ очень щекотливомъ дѣлѣ о крестьянскихъ „безпорядкахъ“. Вотъ эта-то смѣлость Салтыкова Шедрина прямо взглянуть въ глаза правдѣ и, не стѣсняясь никакими лукавыми соображеніями, открыто высказать всю правду и лежитъ въ основѣ всего, написаннаго М. Е. Салтыковымъ; эта неустрашимость его передъ правдой и создала ему безчисленныхъ почитателей и хотя немногочисленныхъ, но ожесточенныхъ враговъ, путающихся въ лабиринтъ благонамѣренной жи. Салтыковъ всегда былъ убѣжденъ и всю

жизнь свою доказывать, что одно свободное раскрытіе правды гласно поможетъ искоренить злоупотребленія неизмѣримо дѣйствительныя и скорѣе, чѣмъ всякія мѣропріятія, въ особенности административныя, „экстренныя“ и произвольныя, выходящія изъ предѣловъ законности. Это, между прочимъ, ясно и опредѣленно выражено имъ въ извѣстной въ свое время (1861 г.) полемикѣ съ Ржевскимъ по вопросу объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ. Вообще мы считаемъ весьма основательною мысль Салтыкова, высказанную имъ тогда же въ *Московск. Вѣдомостяхъ*, выходящихъ подъ редакціей В. Ѳ. Корша, въ статьѣ *Объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу*, въ которой авторъ держится того мнѣнія, что всякій беспорядокъ можетъ быть предупрежденъ „современнымъ“ разъясненіемъ, увѣщаніемъ и соглашеніемъ. „Конечно, услѣдить за чуть примѣтными зачатками беспорядка довольно трудно; но власть не для того существуетъ, чтобы дѣйствовать спустя рукава. Отвѣтственности за беспорядки должны подлежать поэтому не только учинившіе ихъ, но и учрежденія или лица, допустившія развитіе беспорядковъ“. Тутъ же, мимоходомъ, авторъ касается и „зачинщиковъ“. „Одна дама, — говоритъ онъ, — спрашивала нѣкотораго глубокомысленнаго администратора, хвалившагося, что онъ въ такомъ-то случаѣ взялъ столько-то зачинщиковъ и поступилъ съ ними по всей строгости (есть такія плоскодонныя головы, которыя и этимъ хвалятся): „Скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы умѣете отличить зачинщиковъ?“ Администраторъ вытаращилъ глаза и, повидимому, изумился, какъ это ему никогда не приходило въ голову подобный вопросъ. „Вы, можетъ быть, отличаете ихъ по волосамъ: одинъ разъ зачинщики — бѣлокурые, другой разъ — брюнеты?“ Администраторъ побагровѣлъ отъ злости, но удовлетворительнаго отвѣта не далъ. Увы! я и самъ до сихъ поръ не знаю, какіе отличительные признаки зачинщиковъ. Мнѣ всегда сдается, что зачинщикъ — время, и что его — то именно и слѣдуетъ подвергнуть полицейскому взысканію. Очень можетъ быть, что я ошибаюсь“... Мы уже не разъ, по поводу разныхъ произведеній Щедрина, говорили, что, прежде всего, онъ требуетъ отъ всякихъ властей „законности“ дѣйствій и всемѣрно возстаетъ противъ всякаго произвола, въ чемъ бы онъ ни выражался, въ захватываніи ли зачинщиковъ „по усмотрѣнію“, въ распоряженіяхъ ли съ захваченными на основаніи знаменитаго „фю-ить“, въ уловленіи ли и истребленіи „духа“, или въ заподозриваніи злокозненности мирныхъ обывателей.

Не менѣе всего предыдущаго представляется интересною черновая рукопись, сохранившаяся въ бумагахъ Салтыкова и содержащая въ себѣ *Замѣчанія на проектъ устава о книгопечатаніи*, составленный въ то время особою комиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ князя Д. А. Оболенскаго. Желаящимъ познакомиться подробно съ взглядами М. Е. Салтыкова на регламентацію печатнаго дѣла мы вынуждены рекомендовать обратиться къ *Материаламъ для біографіи*, здѣсь же отмѣтимъ только мнѣніе, высказанное Салтыковымъ по поводу такъ называемыхъ „направленій“. Необходимость особенно строгихъ предупредительныхъ мѣръ по отношенію къ періодическимъ изданіямъ комиссія мотивировала, между прочимъ, тѣмъ, что эти изданія дѣйствуютъ непрерывно, систематически, образуя цѣлое направленіе, неуловимое для преслѣдованія. „Что это за направленіе, — спрашиваетъ Салтыковъ, — которое всё чувствуютъ, но уловить не могутъ? Положительно можно сказать, что такихъ направленій нѣтъ и быть не можетъ преимущественно въ журналахъ и газетахъ.

Журналъ и газета имѣютъ дѣло съ фактомъ, съ подробностями общественной жизни; связанные этимъ, они волей или неволей должны высказываться опредѣленно, такъ какъ въ противномъ случаѣ потеряютъ всякое значеніе для публики". Далѣе Салтыковъ возражаетъ противъ статьи проекта, ставившей разрѣшеніе или неразрѣшеніе новыхъ періодическихъ изданій въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи. Онъ на себѣ испыталъ неудобство такого порядка вещей: въ апрѣлѣ 1862 года ему было отказано въ разрѣшеніи издавать въ Москвѣ двухнедѣльный журналъ. „Почему же отказано Салтыкову, — пишетъ онъ, — который четырнадцать лѣтъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и изъ нихъ четыре года былъ вице-губернаторомъ?“ А черезъ два года послѣ такого отказа занялъ мѣсто предсѣдателя казенной палаты сначала въ Пензѣ, потомъ переведенъ въ Тулу и впослѣдствіи въ Рязань. И прослужилъ въ этой должности еще четыре года.

Изъ списка статей Салтыкова, помѣщенныхъ въ *Современникъ* за 1863 — 1864 годы, видно, что лишь немногое изъ напечатаннаго имъ за это время вошло въ отдѣльныя изданія и въ полное собраніе его сочиненій. Весьма жаль, что многочисленныя статьи М. Е. Салтыкова, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ, остаются почти недоступны для публики и останутся совершенно невѣдомыми большинству русскихъ читателей до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны вмѣстѣ и выпущены въ свѣтъ въ видѣ особаго дополнительнаго тома; въ него могли бы быть включены и тѣ изъ черновыхъ его рукописей, которыя имѣютъ общественное значеніе, если только опубликованіе ихъ не противорѣчитъ при жизни выраженной волѣ ихъ автора. Изъ предисловія къ лежащему передъ нами изданію видно, что выборъ для него матеріала сдѣланъ самимъ М. Е. Салтыковымъ и, слѣдовательно, имъ же исключено все то, что въ это изданіе не вошло. Но дѣло въ томъ, что изданіе это предполагалось выпустить при жизни автора, а онъ могъ не желать при себѣ опубликовывать ненапечатанное или хотя и напечатанное, но, по его мнѣнію, мало значительное. Иной взглядъ на значительность имъ написаннаго могутъ имѣть лица, получившія право распоряжаться его произведеніями послѣ его кончины. И правомъ этимъ они уже до нѣкоторой степени воспользовались, допустивши въ *Материалахъ для біографіи* пересказъ содержанія и выписки изъ напечатанныхъ статей, изъ черновыхъ бумагъ и изъ семейной переписки покойнаго. Мы считаемъ вполне законнымъ выражаемое нами желаніе, раздѣляемое, смѣемъ думать, всѣми почитателями громаднаго таланта Салтыкова, чтобы наслѣдіе, оставленное обществу знаменитымъ писателемъ, дошло до общества во всей его полнотѣ, за исключеніемъ того только, что категорически запрещено опубликовывать самимъ авторомъ.

Не такой былъ писатель Салтыковъ-Щедринъ, чтобы мы могли претендовать въ *Библиографическомъ отдѣлѣ* журнала дать оцѣнку его многолѣтней литературной дѣятельности. Что же касается значенія его произведеній для русскаго общества, то объ этомъ мы уже не разъ говорили и повторять сказанное считаемъ совершенно излишнимъ, особенно теперь, когда *Сочиненія* его, изданныя въ количествѣ 6,500 экземпляровъ, распроданы сплозна даже прежде еще, чѣмъ вышелъ изъ печати послѣдній девятый томъ. Этимъ фактомъ само русское общество достаточно ясно выразило, какъ высоко оно ставитъ произведенія Н. Щедрина, и весьма опредѣленно отвѣтило тѣмъ, кто въ бесцѣльный злобѣ пытался ихъ умалить и принизить. Фактъ этотъ, кромѣ того, является въ высшей степени отраднымъ доказательствомъ того, насколько

ко наше общество остается чуткимъ къ правдѣ и гуманности, къ которымъ такъ страстно призываетъ его все, написанное Салтыковымъ-Щедринимъ.

Темное дѣло. Повѣсть (изъ разсказовъ сибирскаго стряпчяго). Я. Васкеля. Ц. 50 к. Томскъ, 1890 г. Маленькая повѣсть, просто разсказанная авторомъ, даже слишкомъ просто, изображаетъ яркими чертами нѣкоторыя стороны сибирскаго быта и могла бы составить сюжетъ для весьма порядочнаго романа, если бы авторъ захотѣлъ развить переданную имъ исторію въ такой именно формѣ. Не понадѣявшись на свои силы и умѣнье, или по другимъ причинамъ, г. Васкель этого не сдѣлалъ и разсказалъ голые факты, точно вырвалъ нѣсколько страницъ изъ своей записной книжки. Очень жаль, что авторъ ограничился этимъ. Въ его короткомъ, отрывистомъ повѣствованіи мелькаютъ интересные типы, намѣчены любопытныя психологическія явленія, чувствуется дѣйствительная жизнь, бывшая настоящимъ ключомъ и рѣзко выбивающая изъ колеи хорошихъ, добрыхъ людей. Образъ героини напоминаетъ нѣсколько Катерину въ *Грозѣ* Островскаго, а также и ея общественное положеніе, и ея внутреннюю драму. Только иначе эта драма разрѣшается, — такъ, какъ бы могла окончиться и драма Катерины, если бы она полюбила не таковаго владыка, какъ племянникъ Дикова. Любовникъ Марьи Павловны, героини *Темнаго дѣла*, ссыльный Воскресенскій, съ ея вѣдомъ, покушался убить ея мужа, мелкаго уѣзднаго купца Мамина, но не убилъ, а нанесъ ему лишь двѣ не особенно опасныя раны. Какъ ни энергично производилось слѣдствіе подъ наблюденіемъ самого разсказчика, бывшаго стряпчимъ, виновниковъ открытъ не удалось и дѣло было уже закончено ничѣмъ, когда вдругъ явилась Марья Павловна и во всемъ призналась. Читатель догадывается, — но только догадывается, — что такъ она поступила подъ вліяніемъ отца Василія, своего воспитателя, священника, прозваннаго мѣстными обывателями „блажененькимъ“. Мужъ простилъ Марью Павловну. Казалось бы, что тѣмъ и все дѣло должно кончиться, такъ какъ Маминъ выздоровѣлъ и прекрасно зажилъ съ женою въ любви, мирѣ и согласіи. Но бѣда-то въ томъ, что замѣшался тутъ Воскресенскій, прощать котораго законъ не даетъ права потерпѣвшему Мамину. На этомъ законномъ основаніи дѣлу дается установленный ходъ, и черезъ три года, когда у Мамина и его жены есть уже двое дѣтей, выходитъ рѣшеніе: сослать Марью Павловну въ каторжную работу. Главный виновникъ Воскресенскій тѣмъ временемъ успѣлъ скрыться неизвестно куда. „По полученіи телеграммы объ осужденіи жены, съ Маминимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго онъ и умеръ. Пока шла процедура исполненія приговора, малолѣтки — двое дѣтей Машиной — умерли, а третьяго она выкинула въ тюрьмѣ...“ „Теперь, — заканчивается разсказчикъ свою страшную повѣсть, — Машиной 23 года, но у нея частотка въ полномъ развитіи. Служить Марья Павловна горничной (въ качествѣ ссыльно-каторжной) у вдоваго чиновника... предана ему, какъ собака, и только молить Бога, чтобы Онъ ей дѣтей больше не послалъ. Короче сказать — живеть“. Да, живеть на каторгѣ, живеть — не человѣкомъ, а „вещью“ того чиновника, которому служить на положеніи худшемъ, чѣмъ положеніе рабы... Жаль будетъ, если крошечная повѣсть г. Васкеля проскользнетъ незамѣченной; она представляется намъ очень хорошею вліяющей тѣхъ логическихъ послѣдствій, къ которымъ можетъ вести пресловутый афоризмъ, излюбленный прокурорами: „*fiat justitia...*“

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Везъ заглавія“. А. Кугеля.

Безъ заглавія. А. Кугеля. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к. Книжка составлена изъ мелкихъ статей, печатавшихся въ *Петербургской Газетѣ*. Это, въ своемъ родѣ, „взглядъ и нѣчто“, „взглядъ“—на что попало и „нѣчто“—обо всемъ, „взглядъ“—фельетонно-верхоглядный, „нѣчто“—весьма развязное и легковѣсное. Бросилса мальчишка въ рѣку топитьса, появилась на сценѣ новая комедія, два молодца утопили дѣвушку, написала дама плохой романъ, какой-то критикъ кого-то не одобрилъ, въ газетѣ много объявленій лицъ, ищущихъ занятій, умеръ хорошій человекъ, проштрафился дурной человекъ,—словомъ, „объявилось“ происшествіе изъ тѣхъ, что заносятся въ репортерскія лѣтописи, и г. Кугель сейчасъ же сообщаетъ читателямъ газеты свой „взглядъ“ на событіе и пишетъ по этому поводу „нѣчто“ отъ собственныхъ измышленій. Со дня на день, въ газетѣ, прочитываемой за стаканомъ чая или утренняго кофе, это, пожалуй, и у мѣста: надо же чѣмъ-нибудь наполнить газетный листъ и слегка потрепать „злобу дня“. Въ отдѣльной же книжкѣ размышленія автора по поводу болѣе или менѣе „выѣденнаго яйца“ рѣшительно никому не интересны и производятъ довольно томительное впечатлѣніе, хотя ирѣдка и могутъ вызывать у читателя улыбку, не всегда, впрочемъ, желательную для автора. Въ одномъ мѣстѣ, наирим., г. Кугель говоритъ: „Кіевскія газеты дали мнѣ интересную тему для размышленія. Именно въ хроникѣ газетъ было напечатано сообщеніе: „Сего числа утонулъ въ Днѣпрѣ невѣстный молодой человекъ; судя по оставленной имъ на берегу поджачной парѣ, утонувшій былъ интеллигентный человекъ“ (курсивъ въ книжкѣ). Очевидно, репортеръ вложилъ происшествіе въ мѣру силъ своего сужденія. Его „судя“ надѣлало смѣху, и—дѣлу бы конецъ. Но г. Кугель этимъ не удовлетворенъ и пускается въ длинныя, жажущіяся ему „интересными“ размышленія о поджачахъ и интеллигенціи. Кіевскій репортеръ зарепортовался и проврался,—ну, и Богъ бы съ нимъ: это бываетъ и съ столичными репортерами. Стоять ли же изъ-за этого канитель разводить, съ потѣшно-важнымъ видомъ разсуждать на тему: „Кто же есть только поджачъ? и кто не только поджачъ?“ и самому тотчасъ же провираться не лучше мянчаго себя интеллигентнымъ поджача. Проврался же г. Кугель какъ разъ въ строкъ, слѣдующей за приведенными выше вопросами: „Въ средніе вѣка, —пишетъ онъ,—когда посвящали въ рыцари, то на спинѣ посвященнаго ломали шпагу... Толстѣй, неуклюжій мужикъ Санхо-Пансо мгновенно превращался въ губернатора, въ рыцаря, феодала, человека высшихъ задачъ и высшей культуры, только потому, что на его всевыносящей спинѣ переломили шпагу, а не палку, какъ это имѣло мѣсто въ другихъ торжественныхъ случаяхъ его жизни“. Черезъ десять страницъ г. Кугель громитъ женщинъ за то, что онѣ склонны иногда увлекаться не личными качествами мужчинъ, а славою или извѣстностью, ихъ окружающими. „Это своего рода фетишизмъ,—разсуждаетъ авторъ.—*Фетишизмъ*,—продолжаетъ онъ,—*поклоняется* не символу, не идеѣ, какъ болѣе культурный язычникъ, а просто факту... Если *фетишиа* поразила гора, онъ станетъ приносить жертвы горѣ... Если *фетишиа* поразила дубъ, онъ окружитъ дубъ благоговѣйнымъ культомъ... Женщина—*тотъ же фетишизмъ*. Она готова поклоняться, приносить жертвы всякому...“ и т. д. Ну, свами-

те на мѣлость, чѣмъ это ломанье шпагъ о рыцарскія спины и эти фетиши, поклоняющіеся и приносящіе жертвы, лучше „спинжака“, принимаемаго за признакъ „интеллигентности“? Да и самыя-то слова: „интеллигентность“ и, въ особенности, „интеллигентъ“, излюбленные г. Кугелемъ, едва ли многимъ лучше „пиджака“, — такъ они уже затасканы и затрепаны всякаго званія людьми, берущимися съ одинаково легкимъ сердцемъ и съ одинаково легкою головою за публицистику и за критику, за философію и за беллетристику, и за что угодно, лишь бы получать построчную плату. Такіе господа, конечно, не виноваты: имъ кушать надо и пиджачная пара нужна ихъ „интеллигентности“. А вотъ редакціямъ-то газетъ слѣдовало бы соображать, что не всякій же въ самомъ дѣлѣ бойкій „интеллигентный пиджакъ“ годится въ публицисты, что необходимо принимать во вниманіе и степень образованности, прикрытой „пиджакомъ“, прежде чѣмъ давать ему возможность шпаги ломать и философствовать о фетишахъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА.

„Основныя начала финансовой науки“. И. И. Янжула. — „Das Problem der Grundbesitzvertheilung in geschichtlicher Entwicklung“ von Miaskowski. — „Краткій историческій очеркъ подворно-статистическихъ исследованийъ въ Россіи“. Е. С. Филлимонова.

Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. И. И. Янжула. Выпускъ первый. 1890 г. Въ первомъ выпускѣ авторъ дѣлаетъ очеркъ исторіи финансовъ и литературы по науцѣ о финансахъ и излагаетъ ученіе о трехъ классахъ государственныхъ доходовъ: доходовъ отъ казенныхъ имуществъ, отъ регалій и отъ прямыхъ налоговъ. По общему плану, курсъ проф. Янжула напоминаетъ нѣмецкіе учебники, всего болѣе Рау и Пфейфера.

Авторъ въ изобиліи сообщаетъ историческія данныя, которыя скорѣе относятся къ науцѣ административнаго права или даже къ техническимъ наукамъ, нежели къ ученію о государственномъ хозяйствѣ. Такъ, въ обширной главѣ о государственныхъ лѣсахъ, занимающей цѣлыхъ 30 страницъ, читатель находитъ очень много разнообразнаго матеріала: факты, доказывающіе благотвѣтельное вліяніе лѣсовъ на климатъ, на земледѣльческую культуру, очерки русскаго и иностраннаго законодательства о частныхъ лѣсахъ, статистическія данныя о площади казенныхъ и частныхъ лѣсовъ. Пространный очеркъ отведенъ и для желѣзныхъ дорогъ, почты и телеграфа. Читатель знакомится съ протяженіемъ желѣзно-дорожныхъ и телеграфныхъ линій, съ числомъ писемъ и почтовыхъ ящиковъ, съ почтой при Филиппѣ Красивомъ, во время Цицерона и даже Камбиза. Еще болѣе благодарнымъ матеріаломъ служить для автора горная регалія. Сообщается много данныхъ о развитіи горной промышленности на Западѣ и въ Россіи, о количествѣ добытыхъ благородныхъ и неблагородныхъ металловъ, о казенныхъ заводахъ, о золотопромышленности. Нѣтъ недостатка въ разнообразныхъ данныхъ и относительно соляной и табачной монополіи, а также относительно поземельнаго, промысловаго и другихъ налоговъ.

Но, выполнивъ большое количество чисто-описательной работы, проф. Янжулъ оставляетъ безъ вниманія много важныхъ сторонъ финансоваго законодательства. Такъ, наприм., въ книгѣ нѣтъ свѣдѣній объ организаціи управленія казенными лѣсами. Описывая способъ пользованія

незаселенными казенными землями, онъ упустилъ изъ вида законы 4 мая 1889 г. (объ отдахѣ крестьянамъ Вологодской губ. казеннаго дѣла для подсѣчнаго пользованія) и особенно 16 іюня 1889 г.—распространенія въ Западной Сибири правила объ отдахѣ земель крестьянамъ безъ торговъ. Здѣсь же мы нашли такую крупную ошибку: авторъ считаетъ „собственностью казны“ всю площадь Западной Сибири, кромѣ небольшого пространства во владѣніи городовъ, козачьихъ войскъ и частныхъ лицъ (стр. 82). Какъ извѣстно, лучшія мѣста принадлежатъ кабинету Его Величества; одинъ Алтайскій округъ занимаетъ болѣе 40 милл. дес., слишкомъ половину Томской губ. Въ главѣ о почтѣ авторъ отказывается входить въ „административную часть почтоваго дѣла“ (стр. 162). Можно было бы не возражать противъ этого, если бы онъ въ другихъ отдахѣхъ также воздерживался отъ перечисленія подобныхъ мелочей, а, между тѣмъ, онъ подробно излагаетъ уставъ о частной золотопромышленности 1881 г., перечисляетъ по разрядамъ оклады горной подати съ золота, отмѣчаетъ погодно разрѣшенія исвѣтъ золото въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, а при описаніи казенныхъ горныхъ заводовъ перечисляетъ товары, которые изготовляетъ заводъ, не опуская и кабинетныхъ вещей. Мы полагаемъ, что на ряду съ такими мелочами тѣмъ болѣе должны были найти себѣ мѣсто описанія управленія почтой или дѣлами.

Очень бѣгло проходитъ проф. Янжуль и важнѣйшіе вопросы теоріи финансовъ. Въ ученіи о казенныхъ земляхъ, на основной вопросъ объ ихъ продажѣ или удержаніи за государствомъ, дается отвѣтъ въ видѣ краткихъ положеній, встрѣчающихся въ литературѣ, безъ всякой критики этихъ положеній (стр. 67—69). То же мы находимъ и въ ученіи о налогахъ. Опредѣленіе налога нельзя назвать удачнымъ: „подъ именемъ налоговъ нужно разумѣть такіа одностороннія пожертвованія гражданъ или подданныхъ, которыя государство или иныя общественныя группы (?), въ силу того, что они являются представителями общества, взимаютъ легальнымъ путемъ и законнымъ способомъ изъ ихъ частныхъ имуществъ для удовлетворенія необходимыхъ общественныхъ потребностей и вызываемыхъ ими издержекъ“. Въ этомъ опредѣленіи много лишняго, а кое-что и невѣрно. Поясненія автора (стр. 232) не убѣждаютъ, чтобы къ опредѣленію „легальнымъ путемъ“ должно было быть добавлено „законнымъ способомъ“. Какъ одно, такъ и другое выражаетъ установленіе налоговъ, *во всей ихъ полнотѣ*, законодательною властью. „Иныя общественныя группы“—выраженіе неудачное: уо наше привыкло къ этимъ словамъ, когда рѣчь идетъ о дворянахъ, крестьянахъ, мѣщанахъ, о капиталистахъ, землевладѣльцахъ и рабочихъ, но мы не связывали съ этимъ терминомъ понятія о самостоятельныхъ единицахъ управленія, о вѣмствахъ, городахъ или сельскихъ общинахъ. Въ концѣ своего пространнаго опредѣленія проф. Янжуль совершенно произвольно связываетъ имя „налогъ“ съ понятіемъ о *необходимыхъ общественныхъ потребностяхъ*. Но кто же проведетъ границу между необходимыми потребностями государства и излишними? Если считать излишними войны, которыя ведутся ради интересовъ династическихъ или для увеличенія внѣшняго блеска данной страны, то нужно выключить изъ ряда налоговъ очень многія подати и въ прѣжнее время, и нынѣ, многія подати, возникшія или возроставшія для веденія войнъ или и въ мирное время для содержанія такого многочисленнаго постоянного войска, необходимость котораго не вызывается дѣйствительными потребностями даннаго народа. А, между тѣмъ, г. Ян-

жужь не дѣлаетъ такого расчлененія. Мы полагаемъ, что оно и не нужно и что существо налоговъ вовсе не требуетъ соединенія съ ними понятія о сборахъ, которые отвѣчаютъ на возвышенный идеаль. Какъ говорить о худой и доброй семьѣ, о хорошемъ и дурномъ государственномъ строѣ, такъ можно говорить о налогахъ справедливыхъ и вредныхъ, нецѣлесообразныхъ.

Основнымъ вопросамъ въ ученіи о налогахъ авторъ отводитъ очень немого мѣста. Всего 6 строкъ отведено для вопроса о томъ, слѣдуетъ ли освобождать отъ платежа налоговъ бѣднѣйшіе классы, которые имѣютъ доходы, съ трудомъ покрывающіе необходимыя потребности? (стр. 242).

Разсматривая одно изъ важнѣйшихъ ученій—о прогрессивномъ обложеніи, авторъ отвѣчаетъ на вопросъ не довольно опредѣленно: въ одномъ мѣстѣ (стр. 249) онъ считаетъ прогрессивное начало „за единственно рациональную мѣру по установленію субъективнаго обложенія“, а въ другомъ (стр. 255)—онъ робко рекомендуетъ введеніе этого начала, отмѣчая его пригодность при общеподоходномъ налогѣ, и находитъ его „весьма умѣренно примѣнимымъ въ налогахъ специальныхъ“. Последняго авторъ, однако, не доказываетъ. А вслѣдъ за тѣмъ, раздѣляя доходы, по степени налогоспособности, на фундированные и нефундированные, г. Янжужь рекомендуетъ обложеніе ихъ оладами различной высоты, что противорѣчитъ его же мнѣнію о малой примѣнимости прогрессивнаго начала къ налогамъ специальнымъ.

Очень бѣгло разсматривается и другой капитальный вопросъ—о переложеніи податей. Авторъ отказывается входить въ „разсмотрѣніе различныхъ теорій по поводу этого неяснаго и необработаннаго вопроса“ (стр. 268), однако, чрезъ 2 страницы приводитъ мнѣнія старыхъ финансистовъ, Конора и Приттвица, оставляя даже безъ упоминанія оригинальное ученіе Л. фонъ-Штейна и крупныя добавки, сдѣланныя Вагнеромъ. Вопросъ о томъ, насколько процессъ переложенія податей уничтожаетъ или ослабляетъ начало прогрессивности обложенія, даже не затронуть авторомъ.

Но недостаточное вниманіе къ важнѣйшимъ вопросамъ теорій и вообще слабость критики не лишаетъ значенія трудъ проф. Янжужа: общедоступное изложеніе и обиліе разнообразныхъ свѣдѣній облегчаютъ пользование этою книгой и для неспециалистовъ и позволяютъ почерпнуть изъ нея не мало указаній относительно многихъ явленій финансовой жизни.

Das Problem der Grundbesitzvertheilung in geschichtlicher Entwicklung von Miaskowski. 1890. Г. Миасковскій, много поработавшій надъ вопросомъ по исторіи землевладѣнія, даетъ въ этой брошюрѣ сжатый обзоръ судебъ землевладѣнія, какъ онъ выясняются изъ трудовъ Маурера, Гансена, Нассе, самого г. Миасковского и другихъ. За сжатымъ историческимъ очеркомъ слѣдуетъ характеристика землевладѣнія въ современной Европѣ. Современная Европа выдвигаетъ три задачи, связанныя съ особенностями аграрнаго строя въ различныхъ государствахъ. Въ Италіи, а еще болѣе въ Великобританіи и Ирландіи, общество пришло къ убѣжденію, что землевладѣльцы имѣютъ слишкомъ много привилегій, которымъ далеко не соответствуютъ ограниченныя обязанности, несомыя ими на пользу всего населенія (безвозмездная общественная служба и т. д.). Вотъ почему въ Великобританіи и поставленъ вопросъ о переходѣ земли въ собственность государства. Для ближайшихъ поколѣній имѣетъ практическое значеніе вопросъ о спо

собахъ, посредствомъ которыхъ можно было бы содѣйствовать переходу извѣстной части земельной собственности изъ руки владѣльцевъ, страдающихъ абсентеизмомъ, въ руки поселянъ. Къ этой цѣли и ведутъ законодательныя мѣропріятія, начиная съ ирландскаго Land Act'a 1870 г. Второе теченіе образуется, по мнѣнію автора, тѣми явленіями, которыя происходятъ въ русской земельной общинѣ: часть общинныхъ земель переходить въ частную собственность отдѣльныхъ лицъ. Это теченіе можетъ постепенно привести къ тому, что въ общинномъ владѣніи останутся только пастбища и лѣса горныхъ странъ, гдѣ, вѣроятно, навсегда сохранятся остатки поземельной общины, „ибо горы, уже по естественнымъ условіямъ, являются народно-хозяйственными музеями, гдѣ продолжаютъ жить формы права и хозяйства, давно вымершія на равнинахъ“ (стр. 36). Землевладѣніе въ Германіи авторъ считаетъ наиболѣе нормальнымъ; большая часть земли принадлежит мелкимъ поселянамъ, которые сами воздѣлываютъ землю. Но и здѣсь есть болѣзненные явленія—крайнее дробленіе поземельной собственности во многихъ мѣстностяхъ и чрезмѣрное задолжаніе. Результатомъ перваго является то, что многіе землевладѣльцы, по незначительности участковъ, мало чѣмъ отличаются отъ пролетаріевъ. Результатомъ же большой задолженности является формально неограниченная власть собственника земли надъ принадлежащею ему недвижимостью, тогда какъ *материально* онъ сильно ограниченъ. Стѣсненнымъ положеніемъ землевладѣльца и пользуется капиталъ и притягиваетъ къ себѣ землю, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо. Такимъ образомъ, въ Германіи задача аграрной политики сводится не на созданіе землевладѣнія, какъ въ Великобританіи, а къ спасенію существующей средней и мелкой земельной собственности. Брошюра г. Міасковскаго представляется намъ одностороннею. Авторъ, напримѣръ, находитъ исключительно въ Германіи возрастающую зависимость землевладѣнія отъ капитала, что наблюдается и въ другихъ странахъ, не исключая и Россіи.

Краткій историческій очеркъ подворно-статистическихъ изслѣдованій въ Россіи. Е. С. Филимонова. Вятка, 1889 г. Несмотря на значительное распространеніе подворныхъ переписей въ Россіи, особенно въ послѣдніе годы, при посредствѣ земско-статистическихъ учреждений, мы имѣемъ очень мало общихъ обзоровъ, въ которыхъ излагались бы основныя приемы хозяйственныхъ переписей; къ числу такихъ рѣдкихъ работъ принадлежитъ составленный г. Филимоновымъ *Очеркъ*, который заслуживаетъ большого вниманія со стороны всякаго, кто сколько-нибудь интересуется исторіею и критикою нашихъ обширныхъ мѣстныхъ статистическихъ матеріаловъ.

Упомянувъ вкратчѣ о нѣкоторыхъ описяхъ XVII вѣка, авторъ болѣе подробно останавливается на подворной описи дворцовыхъ крестьянъ 1732 г. и на Румянцевской описи Малороссіи 1765 г. Затѣмъ рассматриваются описи кадастровыхъ отрядовъ, перепись М. А. Саблина 1869 г., А. А. Наумова 1877 г., П. П. Семенова 1878 г. и, наконецъ, послѣдовательно разбросаны нѣсколько типовъ земско-статистическихъ переписей. Особныя услуги въ измѣненіяхъ построенія таблицъ авторъ признаетъ за И. А. Базилевичемъ и А. П. Шлиевичемъ. Г. Базилевичемъ (въ Полтавской губ.) введенъ групповой типъ построенія таблицъ, а г. Шлиевичемъ (въ Черниговской губ.) комбинаціонный. Къ *Очерку* приложены 10 образцовъ подворныхъ описей, начиная съ описи дворцовыхъ крестьянъ Елабужскаго уѣзда въ 1732 г. и оканчивая тою же

реписью, которую выполнили въ 1885 г. волостныя правленія Московской губерніи по предложенію земскаго статистическаго отдѣленія.

Изъ крупныхъ пробѣловъ обзора укажемъ пропускъ большой работы по Самарской губерніи, гдѣ подворная опись была сдѣлана губернскимъ комитетомъ въ 1867 г., по инициативѣ гг. Рихтера и Анучина (значеніе этой работы недавно было справедливо подчеркнуто Ѡ. А. Щербиною въ его прекрасномъ введеніи къ сборнику одѣчныхъ свѣдѣній по 4 уѣздамъ Воронежской губерніи). Порайонная сводка табличныхъ данныхъ, которую авторъ (стр. 37) называетъ нововведеніемъ черниговскихъ статистиковъ, была въ томъ же 1881 г. употреблена В. Н. Григорьевымъ въ сборникѣ по Рязанскому уѣзду. Стремленіе черниговскаго бюро къ полнотѣ подворныхъ описей (стр. 39) подлежитъ сомнѣнію; черниговскимъ описямъ скорѣе слѣдуетъ поставить въ заслугу ихъ намѣренную краткость, отсутствіе такихъ вопросовъ, по которымъ статистики не надѣялись получить удовлетворительныя свѣдѣнія. Никто и никогда не отниметъ у черниговскихъ статистиковъ ихъ громадной заслуги въ распространеніи сплошнаго изслѣдованія территорій; но указываемая г. Филимоновымъ (стр. 36) возможность уяснять по черниговскимъ работамъ связь между факторами территоріальными и экономическими обставлена большими затрудненіями. Подворныя описи въ черниговскихъ работахъ приложены къ одѣчному изслѣдованію, а не приведены во внутреннюю связь съ нимъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ теперешнихъ работахъ нижегородской земской статистики.

Во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить г. Филимонова за составленіе полезной книжки и нельзя не пожелать книжкѣ этой широкаго распространенія въ русской читающей публикѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Курсъ уголовного права“. И. Я. Фойницкаго.—„Памятная книжка московск. архива мин. юстиціи“.—„Указатель свода законовъ, продолженій и поддѣльныхъ узаконеній“. Ф. Демисенко.—„Справочная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судовъ и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда“. Телажковскаго.—„Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte“ von Richard Schröder.

Курсъ уголовного права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. И. Я. Фойницкаго. 1890 г. Цѣна 3 р. Всѣ преступленія, съ которыми имѣютъ дѣло какъ наука, такъ и законодательство, можно разбить на три большихъ группы: первую составятъ посягательства противъ частной сферы правъ; во вторую войдутъ посягательства противъ условій общежитія; третья же образуется изъ преступленій противъ государства. Въ кодексахъ и уложеніяхъ разныхъ странъ обыкновенно стоитъ на первомъ мѣстѣ послѣдняя группа, считающаяся важнѣйшею, а посягательства противъ частной сферы правъ отходятъ на третье мѣсто. Научная классификація преступленій иная: идя отъ посягательствъ болѣе простыхъ и ранѣе ставшихъ извѣстными исторіи человечества, наука должна переходить къ болѣе сложнымъ. Вотъ почему во главѣ научнаго изложенія особенной части уголовного права и должны стоять преступленія противъ гражданско-правовой сферы. Именно этой системы и держится почтенный проф. Фойницкій въ своемъ новомъ трудѣ, составляющемъ часть лекцій, читанныхъ имъ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ печати пока появилось изслѣдованіе о двухъ отдѣлахъ посягательствъ противъ частно-гражданской сферы отношеній: о преступленіяхъ противъ личности и противъ имущества;

посягательства же противъ правъ семейственныхъ, очевидно, войдутъ уже въ слѣдующій выпускъ, какъ стоящія на рубежѣ съ преступлениями общественными. Но и эти два отдѣла являются весьма интереснымъ трудомъ и солиднымъ вкладомъ въ нашу юридическую литературу, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ въ виду самыя распространенныя преступленія.

Предпославши введеніе о классификаціи преступныхъ дѣяній и объяснивши систему посягательствъ на частную сферу, почтенный авторъ останавливается, прежде всего, на преступленияхъ противъ личности, начиная съ направленныхъ на высшее благо, т.-е. противъ жизни, и переходя затѣмъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ, посягательствамъ на свободу, честь и цѣломудріе. Посягательства на имущество распадаются въ свою очередь на похищеніе, присвоеніе, поврежденіе, злоупотребленіе довѣріемъ и посягательства противъ отдѣльныхъ частей собственности, какъ, наприм., самовольное пользованіе, дѣсныя проступки. Обработка каждой рубрики отдѣловъ прекрасная, и изложеніе отличается ясностью и полнотою: имѣются указанія на литературу, приводятся противоположныя мнѣнія ученыхъ, дѣлается ссылка не только на дѣйствующее право, но и на судебную практику, дается возможность познакомиться съ обрисовкою того или другого преступленія не только по русскому законодательству, но и по важнѣйшимъ изъ иностранныхъ какъ настоящаго времени, такъ и отошедшихъ въ область исторіи; при этомъ постоянно видно критическое отношеніе къ изслѣдуемому предмету и желаніе научно обосновать каждый выводъ.

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ мелкихъ промахахъ уважаемаго ученаго, которые мы замѣтили при чтеніи его прекрасной книги и которые неизбежны для каждаго автора, укажемъ на одинъ, болѣе крупный и менѣе извинительный для проф. Фойницкаго—не только теоретика, но и практика. Именно, говоря о несостоятельности по русскому дѣйствующему праву (стр. 364), петербургскій профессоръ вездѣ приводитъ статьи устава торговаго, изданія 1857 года; между тѣмъ, XI т. свода законовъ (часть 2) вышелъ новымъ официальнымъ изданіемъ три года тому назадъ, т.-е. въ 1887 г., и въ этомъ изданіи содержится много измѣненій: нумерація статей совершенно иная, самый текстъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ отличается отъ прежняго. Подобныя промахи столь авторитетныхъ писателей, какъ проф. Фойницкій, легко могутъ ввести весьма многихъ въ серьезное заблужденіе.

Въ концѣ книги приложены два очень полезныхъ указателя, облегчающихъ пользованіе *Курсомъ*: алфавитный предметный и постатейный для уложенія о наказаніяхъ и для устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Заключившая замѣтку, мы должны снова напомнить о достоинствахъ *Курса*, общихъ и другимъ произведеніямъ того же неутомимаго автора, и пожелать этому труду самаго широкаго распространенія. Будемъ надѣяться на его продолженіе.

Памятная книжка московскаго архива министерства юстиціи. Москва, 1890 г. Главная цѣль *Памятной книжки*—„дать въ руки постороннимъ лицамъ, посѣщающимъ архивъ для ученыхъ занятій, пособіе къ первоначальному знакомству съ общимъ составомъ архива и въ частности съ тѣми видами историческихъ документовъ, которые въ немъ хранятся“. Составленіе такого пособия нельзя не признать дѣломъ вполне своевременнымъ. Матеріаловъ для него накопилось немало еще въ *Описаніяхъ* И. И. Иванова, затѣмъ въ томахъ I—II, IV—VI *Описанія документовъ и бумагъ арх. мин. юст.*, изданныхъ при Н. В. Калачовѣ и при

нынѣшнемъ директорѣ Н. А. Поповѣ. *Памятная книжка* подводитъ общій итогъ всей этой работѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ведетъ ее далѣе. Въ 1-й главѣ излагается въ сокращеніи (по V и VI томамъ *Описанія*) исторія трехъ составныхъ частей архива: именно архивовъ разряднаго, вотчиннаго и старыхъ дѣлъ. Затѣмъ, въ слѣдующихъ трехъ главахъ, дается описаніе документовъ каждой изъ этихъ составныхъ частей; при этомъ каждый родъ документовъ сопровождается короткою характеристикой: по разрядному архиву характеристики документовъ принадлежатъ Н. Н. Оглоблину и А. А. Говдаво-Голомбѣвскому, по вотчинному архиву—В. Н. Сторожеву, по архиву старыхъ дѣлъ—И. И. Шимко и А. А. Востокову. Относительно каждаго учрежденія, которому принадлежатъ характеризуемые документы, сообщается вкратцѣ его исторія, иногда же прилагаются и нѣкоторыя библиографическія указанія.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (5 и 6) сообщаются свѣдѣнія о составныхъ частяхъ архива, позднѣе присоединившихся къ тремъ названнымъ, именно о дѣлахъ сенатскаго архива, литовской метрики и упраздненныхъ екатерининскихъ губернскихъ учреждений. Если о первыхъ двухъ разрядахъ дѣлъ можно было и ранѣе имѣть свѣдѣнія изъ сообщений Калачева и описанія Пташицкаго, то сообщеніе о третьемъ разрядѣ—о дѣлахъ екатерининскихъ присутственныхъ учреждений—впервые, сколько мы знаемъ, появляются въ печати съ такою подробностью; и, однако же, въ виду огромной важности этого разряда документовъ, можно было бы пожелать, чтобы посвященная ему глава была еще гораздо подробнѣе: мы не требуемъ уже сколько-нибудь обстоятельной выборки изъ огромной массы сдаточныхъ описей, по которымъ приняты эти „новыя дѣла“, но хотя бы алфавитный списокъ городовъ, изъ которыхъ доставлены документы, съ указаніемъ присутственныхъ мѣстъ, приславшихъ эти документы, и хронологическихъ предѣльныхъ датъ документовъ, весьма полезно было бы имѣть подъ руками.

Изъ остальныхъ главъ (VII—X) имѣетъ интересъ для занимающихся глава VIII, въ которой содержится обзоръ описей, имѣющихся налицо въ архивѣ. Въ *Памятной книжкѣ* приложены 6 чертежей съ изображеніями зданій архива и земли подъ ними: прекрасное исполненное (въ краскахъ), они возбуждаютъ въ насъ только сожалѣніе о непроизводительно затраченныхъ средствахъ и недоумѣніе, кому бы и для какой цѣли они могли пригодиться. Самая же *Памятная книжка*, служа той же цѣли, какой до сихъ поръ удовлетворялъ болѣе краткій *Указатель документовъ и бумагъ*, открывавшій I томъ Калачовскаго *Описанія*, несомнѣнно, будетъ очень полезна всякому, кто имѣетъ дѣло съ документами архива министерства юстиціи.

Указатель свода законовъ, продолженій и позднѣйшихъ узаконеній. Составилъ Ф. Денисенко. 1890 г. Цѣна 40 коп. Отыскать надлежащее законодательное опредѣленіе, быть увѣреннымъ, что найденное—послѣднее по времени, у насъ весьма затруднительно вслѣдствіе разбросанности постановленій объ одномъ и томъ же предметѣ по разнымъ томамъ свода законовъ, вслѣдствіе громаднаго количества этихъ томовъ (пятнадцать), ихъ частей и всевозможныхъ къ нимъ дополненій и новыхъ узаконеній, являющихся ежегодно въ большомъ изобиліи. Вотъ почему указатели, подобные разбираемому, весьма полезны, лишь бы они были составлены съ должною осмотрительностью и отличались полнотой. Къ числу именно такихъ и относится *Указатель* г. Денисенко: въ немъ можно найти подробныя оглавленія частей, книгъ, раздѣловъ, главъ и приложений каждаго тома свода законовъ, также

указанія, какое изданіе того или другаго тома позднѣйшее, какія *продолженія* имѣются къ этимъ томамъ; въ концѣ же книжечки напечатанъ списокъ законоположеній, обнародованныхъ въ теченіе 1889 г. и началѣ текущаго.

Справочная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда. Часть 2-я. Составилъ Теляковскій. 1890 г. Ц. 1 р. О первой части труда г. Теляковского *Русская Мысль* имѣла уже случай высказаться; теперь надлежитъ сказать лишь нѣсколько словъ о второй, да встать и о другихъ всевозможныхъ неофициальныхъ изданіяхъ законовъ 12 іюля и 29 декабря 1889 года и разныхъ къ нимъ дополненій. Всѣ эти изданія, не исключая и настоящаго, страдаютъ двумя существенными недостатками: въ нихъ встрѣчаются такія ошибки, которыя исключаютъ почти всякую возможность (для человѣка осторожнаго) руководится ими; помимо того, они и дороги, наприм.: изданіе Пѣрснова (*Судъ и расправа*) стоитъ 2 р. 50 к., *Земскій Начальникъ*—Леухина—2 р., *Систематическій сборникъ узаконеній*—Чулкова—4 р. 50 к.

Вотъ почему мы и принуждены воздержаться отъ рекомендаціи пріобрѣтать подобныя изданія, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время имѣются уже въ продажѣ: 1). *Положенія и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ*, изд. государственною типографіей, цѣною 15 к. и 2). *Сборникъ узаконеній о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, преобразованныхъ по закону 12 іюля 1889 г.*, изд. Земскимъ Отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, цѣною 1 р. 50 к. Первое изъ этихъ изданій вполнѣ официальное, второе—стоитъ наравнѣ съ нимъ, потому что оно разсылается самимъ министерствомъ земск. начальникамъ и прочимъ судьямъ для руководства. Правда, первое изъ этихъ изданій не можетъ замѣнить собою разныхъ справочныхъ книгъ, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ текста тѣхъ статей закона, на которыя сдѣланы ссылки въ *Положеніи и Правилахъ*, но второе въ этомъ смыслѣ достаточно полно: въ немъ помѣщены не только текстъ законовъ 12 іюля и 29 декабря, но и законы, на которые сдѣланы ссылки въ вышеупомянутыхъ узаконеніяхъ. Кромѣ того, въ *Сборникѣ* имѣются нѣкоторыя пояснительныя указанія Земскаго Отдѣла; наконецъ, всѣ тѣ статьи закона 12 іюля, которыя дополнены или измѣнены закономъ 29 декабря, отмѣчены звѣздочкою, что также весьма важно. Текстъ же статей, на которыя сдѣланы ссылки въ новыхъ узаконеніяхъ, помѣщается въ *Сборникѣ* сейчасъ же подѣ „ссылочною“ статьёй, а это представляетъ не малое удобство сравнительно съ справочною книгой г. Теляковского, въ которой постоянно встрѣчаются разные „см. 1-ю ч. *Справочной кн.*, прилож. 1, стр. 3—7“, „прилож. 16“ и т. п., что значительно затрудняетъ желающаго получить ту или другую справку въ законахъ съ наименьшею затратой времени и труда.

Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte von Richard Schröder, Prof. in Heidelberg. Leipzig, 1889. Въ *Русской Мысли* въ свое время было уже отмѣчено появленіе нѣкоторыхъ трудовъ по исторіи нѣмецкаго права, преслѣдующихъ задачу объединенія въ цѣльномъ представленіи всѣхъ работъ германистовъ по объясненію развитія нѣмецкаго правообразованія и правосовнанія. Мы разумѣемъ *Институціи* Гейслера, посвященныя исторіи частнаго права, и трудъ Зигеля, представляющій краткій обзоръ всей нѣмецкой исторіи права. Начатая этими авторами работа нашла себѣ продолжателей среди самыхъ видныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Почти слѣдомъ за Гейслеромъ и Зигелемъ дали пер-

вые выпуски исторіи нѣмецкаго права Шредеръ и Бруннеръ, а теперь первый и вполнѣ закончилъ свою работу. Это стремленіе къ объединенію результатовъ предшествующихъ работъ вынуждается не простымъ желаніемъ дать руководство учащимся, а болѣе серьезными мотивами. Разработка частныхъ вопросовъ исторіи нѣмецкаго права такъ разрослась, а достигнутые результаты такъ цѣнны, что явилась настоятельная потребность подвести имъ итоги, чтобы успѣшно продолжать дальнѣйшую работу. Этимъ и опредѣляется интересъ появившагося труда Шредера: мы имѣемъ въ немъ не простой *Учебникъ*, какъ скромно говорить заглавіе, а ученый трудъ, представляющій собою результаты работы германистовъ, начиная съ Эйхгорна; по нему мы можемъ судить о томъ, что сдѣлали они для уясненія процесса нѣмецкаго юридическаго развитія и что остается имъ сдѣлать.

По качествамъ работы трудъ Шредера представляетъ въ высшей степени замѣчательное явленіе въ нѣмецкой литературѣ послѣдняго времени. Передъ нами огромный томъ въ 868 страницъ большаго формата и самаго убористаго, хотя изящнаго и легко читаемаго шрифта. И на протяженіи всего этого пространства мы встрѣчаемъ одинъ и тотъ же ясный, точный и сжатый языкъ, исчерпывающее изложеніе фактовъ, вскрытыхъ литературой, богатыя иллюстраціи изъ источниковъ и роскошную библиографію. Если въ содержаніи книги и замѣчается нѣкоторая неравномѣрность между періодами, то она зависитъ не отъ вины автора, а составляетъ отличительную черту всей литературы по исторіи нѣмецкаго права: древнѣйшіе періоды разработаны здѣсь съ несравненно болѣею подробностью, чѣмъ позднѣйшіе. Что касается библиографіи, то на нее авторъ обратилъ особенное вниманіе, воспользовавшись помощью нѣкоторыхъ ученыхъ друзей. Онъ постарался дать въ систематическихъ указателяхъ, помѣщенныхъ подъ каждымъ параграфомъ его книги, свѣдѣнія какъ объ изданіяхъ источниковъ, такъ и всѣхъ литературныхъ работахъ, посвященныхъ цѣликомъ и частью трактуемымъ авторомъ вопросамъ. Кромѣ этихъ систематическихъ указателей, изъ построчныхъ примѣчаній къ тексту читатель вмѣстѣ съ источниками повнакомится и съ различіемъ мнѣній писателей, относящихся къ тому или иному историко-юридическому вопросу, а въ самомъ текстѣ съ объединяющимъ это различіе мнѣній изложеніемъ автора. Если къ этимъ качествамъ присоединить еще подробный указатель предметовъ, трактуемыхъ въ книгѣ, и географическія карты разныхъ эпохъ исторіи Германіи, то о трудѣ Шредера можно будетъ сказать, что даже въ нѣмецкой литературѣ немного книгъ, исполненныхъ съ такою тщательностью и съ такою энергіей мысли и труда.

По своему содержанію книга проф. Шредера обнимаетъ собою вмѣстѣ съ обстоятельнымъ изложеніемъ общаго экономическаго и соціальнаго строя Германіи въ теченіе четырехъ періодовъ ея развитія исторію государственнаго, уголовнаго и частнаго права, судоустройства и процесса. Задача автора, какъ было уже упомянуто, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы дать объединяющее и исчерпывающее изложеніе фактовъ, относящихся ко всѣмъ этимъ отдѣламъ. Читатель не встрѣтитъ, поэтому, въ книгѣ общихъ выводовъ или характеристикъ, рисующихъ процессъ нѣмецкаго юридическаго развитія. Методъ изложенія автора строго-догматическій, соответствующій обычнымъ приемамъ изложенія юридическихъ наукъ въ систематическихъ нѣмецкихъ учебникахъ. Но это обстоятельство не вредитъ качеству сочиненія, а, можетъ быть, является его большимъ достоинствомъ. Этотъ методъ у

Шредера, несомненно, не проистекает из того взгляда на служебную роль истории права по отношению к догматикѣ, о которомъ упомянуто въ рецензїи на труды Шульна, а является лишь выраженіемъ желанія облегчить читателю пользование огромнымъ историческимъ матеріаломъ: привычныя рубрики систематическаго учебника сразу вводятъ читателя въ нужную ему часть предмета. Масса фактическаго матеріала, предлагаемаго Шредеромъ въ этомъ порядкѣ, иногда, дѣйствительно, ведетъ къ тому, что общее впечатлѣніе исторической роли института теряется въ массѣ подробностей. Для примѣра можно указать на § 43, посвященный Шредеромъ характеристикѣ юридическаго положенія средневѣковаго нѣмецкаго короля. Читая этотъ §, мы узнаемъ о титулѣ короля, о знакахъ его отличія, объ основаніи королевской власти, покоящейся на соединеніи избирательнаго и наследственнаго принципа, о порядкахъ выборовъ, о подачѣ голосовъ, объ обрядахъ, сопровождающихъ избраніе, и т. д., но не получаемъ общаго представленія о значеніи королевской власти въ средніе вѣка. Но, въ общемъ, у Шредера читатель всегда найдетъ нужныя ему данныя для чисто историческаго освѣщенія юридическихъ институтовъ. Это справедливо даже по отношенію къ такимъ сухимъ отдѣламъ, какъ исторія частнаго права, гдѣ волей неволей приходится говорить техническимъ догматическимъ языкомъ. Вотъ, наприм., опредѣленіе авторомъ понятія вещныхъ правъ въ франкскій періодъ, которое мы приведемъ и какъ образецъ изложенія автора: „Римское право признавало только собственность, какъ право господства надъ вещью, какъ непосредственное вещное право; владѣніе было только „фактическимъ существомъ собственности“, „фактическимъ констатированіемъ намѣренія быть собственникомъ“, всѣ остальные права были простыми *jura in re aliena*, обременяющими собственность,—правами, обладатель которыхъ имѣлъ вещь только *in detentione*, а не *in possessione*. Въ противоположность этому для нѣмецкаго права, вслѣдствіе особаго пониманія имъ владѣнія, всякое право, содержащее въ себѣ, какъ одно изъ полномочій, пользование недвижимостью, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и правомъ полнаго господства надъ нею. Отдѣльныя вещныя права были въ немъ равноцѣнны по своему качеству вещныхъ правъ и различались только по объему полномочій. Не различная юридическая природа, но большая или меньшая продолжительность основывала различія между наследственной и пожизненною собственностью, леннымъ и аренднымъ правомъ, залогомъ и опекунскимъ правомъ требованія... Всѣ вещныя права на недвижимыя вещи были *правами пользованія*, которыми соотвѣтствовало, какъ фактическое выраженіе, понятіе *Gewere*“. Это, несомненно, римскій догматическій языкъ и римскія отвлеченныя догматическія опредѣленія. Но у автора они не являются простыми мертвыми формулами. Стоитъ только сопоставить эту характеристику вещныхъ правъ съ тѣми §§ его книги, которые носятъ заглавіе *das Grundeigentum*, чтобы вложить жизненный смыслъ въ эти опредѣленія. Подъ послѣднею рубрикой читатель найдетъ у Шредера превосходное фактическое изложеніе порядковъ первоначальнаго общинаго владѣнія и исторію постепеннаго его разложенія. Сопоставляя находящіяся здѣсь факты съ приведеннымъ догматическимъ опредѣленіемъ, читатель легко пойметъ, почему въ раннемъ возрѣннн нѣмцевъ вещныя права были *правами пользованія*, и понятіе *Gewere* стояло впереди понятія собственности. Синхронистическій способъ изложенія, принятый и по отношенію къ частному праву, облегчаетъ это сопоставленіе.

Благодаря такому составу содержания, несмотря на догматическій методъ изложенія, изъ труда Шредера читатель выноситъ цѣльное историческое впечатлѣніе. Не задаваясь задачей выяснитъ цѣль причинъ и слѣдствій, соединяющихъ социальна-экономическія и юридическія явленія, авторъ даетъ такую группировку и изложеніе ихъ, которыя помогаютъ читателю въ достиженіи этой задачи и, во всякомъ случаѣ, даютъ ему въ руки всѣ средства къ восполненію пробѣловъ. При современномъ положеніи науки иного отношенія къ дѣлу, можетъ быть, и нельзя требовать. Проф. Бруннеръ, правда, задался иною задачей. Онъ обращаетъ главное вниманіе на выясненіе этихъ причинъ и слѣдствій, „на изученіе политическихъ, хозяйственныхъ и социальныхъ отношеній, какъ основъ и творческихъ силъ правообразованія“, какъ онъ выражается въ своей *Исторіи нѣмецкаго права*. Но онъ успѣлъ дать только первый выпускъ своего труда и, повидимому, принужденъ былъ перейти къ самостоятельной обработкѣ частныхъ вопросовъ. Шредеръ же успѣлъ закончить свой трудъ такъ, что его книга станетъ, несомнѣнно, настольной при занятіяхъ исторіей права вообще и больше всего будетъ способствовать довершенію и той работы, которая начата Бруннеромъ для нѣмецкаго права и Шулинымъ для римскаго.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ И ЭТНОГРАФІЯ.

„Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха“. Акад. А. Н. Веселовскаго. — „Новая сборка народныхъ малорусскихъ преданій“. Комарова. — „Одиссея“ Гомера.

Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. Акад. А. Н. Веселовскаго. Вып. V. Спб., 1889 г. Новый трудъ академика А. Н. Веселовскаго отличается обычными достоинствами его работъ: живымъ научнымъ интересомъ затрогиваемыхъ вопросовъ, выдающеюся эрудиціей, широкою постановкой и тонкостью анализа. Въ нашей ученой литературѣ г. Веселовскій занимаетъ совершенно особенное мѣсто: въ то время, какъ другіе русскіе историки литературы отмежевываютъ себя узкое поле дѣятельности, занимаются исторіей литературы одного какого-нибудь народа или даже одною какою-нибудь литературною эпохой, дѣлая рѣдкія и случайныя вылазки въ другія литературныя области, — г. Веселовскій, пользуясь замѣчательнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и европейскихъ литературъ, привлекаетъ для рѣшенія каждаго заинтересовавшаго его вопроса массу самаго разнообразнаго матеріала, освѣщаетъ литературные факты историческими данными и т. д. Такія работы, какъ *Вила Амберти*, *Соломонъ и Китоврасъ*. *Изъ исторіи романа и повести*, *Южно-русскія былины* и т. д., по цѣнности добытыхъ результатовъ, по строгости метода, по разносторонней эрудиціи, могутъ занять почетное мѣсто въ любой европейской ученой литературѣ, въ русской же онѣ занимаютъ исключительное положеніе. *Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха* начали выходить отдѣльными выпусками нѣсколько лѣтъ тому назадъ; это — рядъ очерковъ, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ народной поэзіи и обряда, связанныхъ одною чрезвычайно плодотворною идеей — выясненіемъ того громаднаго значенія, которое имѣетъ греко-славянскій міръ для разработки сравнительной исторіи западныхъ литературъ. Изучая все то, что сдѣлано по извѣстному вопросу на Западѣ, часто попопная ускользнувшій отъ вниманія западныхъ изслѣдователей матеріалъ, г. Веселовскій привлекаетъ совершенно почти не затронутыя греко-славянскія данныя,

находить новыя точки зрѣнія и часто вносить неожиданный и яркій свѣтъ въ тѣ вопросы, которые до него составляли „stich historicogum“. Настоящій выпускъ открывается очеркомъ: *Дуалистическія повѣрья о мірозданіи*. Вопросъ о дуалистическихъ космогоническихъ преданіяхъ давно уже интересуетъ изслѣдователей; г. Веселовскій затрогивалъ его не разъ въ своихъ предъидущихъ работахъ, но мимоходомъ, интересующимися настолько, насколько они относились къ богомильству и другимъ ересямъ дуалистическаго характера, насколько они указывали на роль этихъ ересей въ дѣлѣ перенесенія литературныхъ сюжетовъ. Въ настоящемъ очеркѣ онъ ставитъ вопросъ гораздо шире: анализируя великорусскіе, малорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе, сербскіе, болгарскіе, инородческіе варианты космогонической легенды, г. Веселовскій выясняетъ не только богомильское теченіе, но и встрѣчное ему тюрко-финское (языческое) вліяніе. Такимъ образомъ, въ тѣхъ версіяхъ, которыя были записаны въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, мы, въ большинствѣ случаевъ, имѣемъ дѣло съ почти неразлагаемымъ соединеніемъ двухъ разныхъ теченій. Авторъ сдѣлалъ очень удачную попытку раскрыть первичный дуалистическій элементъ (тюрко-финскій) въ *Калевалѣ*, — элементъ, который подвергся впоследствии всевозможнымъ превращеніямъ. Весь подлежащій матеріалъ охваченъ г. Веселовскимъ съ замѣчательною полнотою и только относительно Польши представленъ довольно слабо, благодаря, конечно, малозвѣстности и малодоступности польскихъ фальклѣрическихъ изданій. Будемъ надѣяться, что *Wisła*, сдѣлавшая такъ много для дѣла польской этнографіи, пополнитъ этотъ пробѣлъ, мы же съ своей стороны укажемъ на ускользнувшіе отъ вниманія автора *Symbolika wiosenna* Уляновской, *Świat w wyobraźni chłopca* Матнаса и *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*.

Мы не думаемъ, однако, что г. Веселовскій окончательно рѣшилъ вопросъ. Не говоря уже о томъ, что могутъ подискутироваться европейскія и азіатскія версіи, которыя дадутъ новый матеріалъ для пересмотра вопроса въ предѣлахъ, намѣченныхъ г. Веселовскимъ, возможны, кажется намъ, и другія точки зрѣнія, не затронутыя авторомъ. Краткое вліяніе и возможность его *посредственною* перехода не исчерпывается однимъ богатствомъ: это вліяніе замѣтно на Кавказѣ, въ Средней и Сѣверной Азій; переходъ иранскихъ сказаній этими путями допускается и даже доказывается многими изслѣдователями, — вполне, значитъ, возможенъ и заносъ оттуда (болѣе поздній, чѣмъ богомильство) дуалистической космогонической саги. Дуалистическій элементъ игралъ роль и въ ересяхъ болѣе позднихъ, чѣмъ богомильство; возможно, что эти ереси подновляли или распространяли ранѣе занесенный, захожій и мѣстный дуализмъ. Крімъ того, дуалистическая сила, близкая къ европейской, существуетъ въ Америкѣ (ей, какъ мы слышали, будетъ посвящено одно изъ слѣдующихъ *Розысканій* г. Веселовскаго); существуетъ она и въ Полинезій (см., наприм., *Benjamin Danks: „Marriage Customs of the New Britain Group“*, *The Journal of the Anthropological Institute of Great-Britain and Ireland*, 1889, February, стр. 281—2). Это поднимаетъ вопросъ о возможности „самозарожденія“ дуалистической космогоніи, — о томъ, что можно слезить въ данномъ случаѣ сферу того, что объяснялось пока только заимствованіемъ, хотя бы и находившимъ себѣ „основу“. Допущеніе изначальныхъ, равноправныхъ представителей добра и зла, вѣчной борьбы между ними, рѣшаетъ для первоуказаннаго ума просто и естественно вопросъ о происхожденіи зла; до послѣдняго времени монополія такого допущенія была отдана почти исключительно Ирану.

Г. Веселовскій нанесъ сильный ударъ этому мнѣнiю, выяснивъ турко-фянскую „основу“. Не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ съ нашей стороны предположенiе, что дальнѣйшее изученiе выяснитъ и другiя „основы“,—покажетъ, что дуализмъ былъ одной изъ ступеней развитiя многихъ народовъ, что извѣстныя въ настоящее время европейскiя космогоническiя повѣрья дуалистическаго типа—плодъ разновременныхъ и разнородныхъ наслоенiй.

Слѣдующiе очерки посвящены: *Безразличнымъ и обоюднымъ въ житiи Василiя Новаго и народной эскапалои, Судьба-домъ въ народныхъ представленiяхъ славянъ, Генварскимъ Русалиямъ и ютскимъ играмъ въ Византии, Валькириямъ и Виламъ, Легендамъ объ Иродѣ и Иродадѣ и изъ народнымъ отраженiямъ, Амфилоху-Enalachъ въ легендѣ о св. Грамѣ.* Эти очерки, кромѣ втораго, имѣютъ специальный интересъ, и мы останавливаться на нихъ не будемъ. Очеркъ *Судьба-домъ въ народныхъ представленiяхъ славянъ* поднимаетъ очень любопытный, но мало разработанный до сихъ поръ вопросъ, который слегка былъ затронутъ лѣтъ 20 тому назадъ г. Потембей. Съ тѣхъ поръ увеличился материалъ, измѣнились точки зрѣнiя. Г. Веселовскiй сдѣлалъ замѣчательную попытку новаго пересмотра вопроса и сдѣлалъ много для выясненiя его. Считаеь не лишнимъ пополнить подлежащiй материалъ: разбирая извѣстную *Побывальщину о женитьбѣ Святогора*, авторъ упустилъ изъ вида малорусскую параллель къ ней, помещенную въ IV томѣ *Сказокъ Аванасьева* (2-е изданiе).

Нова сборка народныхъ малорусскихъ приказокъ. Комарова. Одесса, 1890 г. Что народное творчество не перестаетъ—въ формѣ пѣсни, сказки, пословицы—рости постоянно, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнiя; пока народъ живетъ, до тѣхъ поръ онъ и творить. Творчество народа въ своемъ ростѣ и развитiи измѣняетъ лишь содержанiе сообразно времени и условiямъ жизни. Доказательствомъ этого можетъ служить и *Нова сборка народныхъ малорусскихъ приказокъ*, изданная недавно въ Одессѣ г. Комаровымъ. Въ сборникъ г. Комарова вошли тѣ только пословицы, которыя до сихъ поръ не встрѣчались въ печати и которыя въ послѣднiе 25 лѣтъ записаны, случайно, въ разныхъ мѣстахъ Украйны гг. Пчилкою, Орловскимъ, Конисскимъ, Нейманомъ и др. Небольшой сборникъ г. Комарова (X+124 стр., цѣна 50 к.) представляетъ большой интересъ для наблюденiя, какъ съ ходомъ прогресса вообще, съ проведенiемъ реформъ покойнаго императора, съ возникновенiемъ новыхъ явленiй общественной и народной жизни—росла и народная пословица, расширился и кругъ народнаго мiросозерцанiя. Въ новыхъ пословицахъ не встрѣтите уже, конечно, нi одной, касающейся крѣпостнаго права, панщины и т. п.; за то встрѣтите взглядъ народа на новыя реформы; наприм. объ отбыванiи воинской повинности народъ говоритъ: „і мужикъ, і паня поставили в одинъ радъ“, или: „і мужикъ, і дворянинъ—усі стали під аршинъ“. Явилась, наприм., штунда, и о ней сложились въ народѣ поговорки: „штунда хоч без пола, та с папкою“ (папка—хлѣбъ). По пословицамъ и поговоркамъ можно видѣть тѣ народныя нужды и потребности, которыя болѣе всего и непосредственно чувствуетъ масса. Само собою разумѣется, что чаще всего и ярче всего обрисовываются нужды экономическiя, преимущественно же между ними зависящiя отъ недостатка земли, наприм.: „ни одному покосі сіемо гречку, ячмiвъ і просо“; или: „хто б его рад чуже орать, т от горе сваго плуг не оре“, и т. д.

Къ сборнику г. Комарова приложенъ библиографическiй указатель

литературы народныхъ украинско-русскихъ пословиць, начиная съ 1829 г. Литературу эту составляютъ семьдесятъ три статьи, изданныя или отдѣльными сборниками, или помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Одиссея Гомера. Редакція ежемѣсячнаго русинскаго журнала *Правда* издала въ Львовѣ прекрасный переводъ размѣромъ оригинала *Одиссеи*. Первая часть (12 пѣсень—162 стр.) снабжена предисловіемъ, составленнымъ, какъ видно, челоувѣкомъ, хорошо знакомымъ съ литературою критическихъ изслѣдованій о поэмахъ Гомера. Если мы вспомнимъ, что галицкіе русины за послѣднія 20—25 лѣтъ приобрѣли на родномъ своемъ языкѣ Евангеліе, часть Ветхаго Заветъа, дѣянія Апостольскія, переводы: историческихъ монографій Иловайскаго, Костомарова; переводы: Шекспира, Гомера и т. д., то должны признать фактически разрѣшеннымъ вопросъ о способности украинско-русскаго языка для развитія на немъ литературы и науки. Мы не можемъ не согласиться съ авторомъ предисловія къ *Одиссеи*, что „тотъ народъ, который достигъ возможности перевести на свой родной языкъ произведенія великихъ гениевъ, тѣмъ самымъ и несомнѣнно доказалъ, что онъ имѣетъ не только право, но способности и средства для самостоятельнаго духовнаго развитія.

Привѣтствуя столь цѣнное приобрѣтеніе украинско-русской литературы, пожелаемъ скорѣйшаго изданія и остальныхъ двѣнадцати пѣсень *Одиссеи*. Языкъ переводчика Петра Байды чистый, свѣжій народный и весьма близко, мѣстами *вполнѣ* дословно передаетъ подлинникъ; жаль только, что въ книгѣ довольно много типографскихъ ошибокъ. Цѣна книги довольно дешевая — 1 гульд. 20 кр. за 11 листовъ хорошей бумаги.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Современная теорія состава электролитическихъ растворовъ“. С. Аррениуса. — „Метеорологическое обозрѣніе“. А. Кюссовскаго.

Современная теорія состава электролитическихъ растворовъ. С. Аррениуса. Переводъ съ французскаго Н. С. Дрентельна. Съ рисунками въ текстѣ. Спб., 1890 г. Въ рецензіи статьи проф. Оствальда *О растворѣхъ* (см. „Библиографическій отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1889 г.), переведенной тоже Н. С. Дрентельномъ, мы уже указали на сущность теоріи Вантъ-Гоффа, показавшаго, что состояніе тѣла въ разведенныхъ растворахъ подобно ихъ газообразному состоянію. Аналогія эта касается не только качественной стороны, но и количественной. Оказывается, что осмотическое давленіе раствора какого-либо тѣла равно тому давленію, какое имѣло бы это тѣло, если бы оно, будучи газообразнымъ, занимало тотъ же объемъ, какой занимаетъ растворъ. На основаніи этого легко вычислить осмотическое давленіе какого-либо раствора, стоить только знать его процентный составъ.

Теорія Вантъ-Гоффа обратила на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ, благодаря ей, можно было уже чисто-аналитически, основываясь на законахъ механической теоріи теплоты, вывести соотношеніе между такими величинами, какъ осмотическое давленіе, пониженіе температуры плавленія, повышеніе температуры кипѣнія растворовъ и т. под. Такимъ образомъ, зная какую-либо одну изъ этихъ величинъ, легко вычислить всѣ остальные. Но при подобныхъ вычисленіяхъ оказалось, что во многихъ случаяхъ осмотическое давленіе получается больше то-

го, какого бы слѣдовало ожидать, судя по процентному составу. Для того, чтобы объяснить эти отступленія, молодой шведскій ученый Свантъ Арреніусъ предложилъ гипотезу, по которой принимается, что всѣ тѣла, для раствора которыхъ осмотическое давленіе больше теоретическаго, находятся въ растворахъ въ диссоцірованномъ состояніи. Не оставиваясь долѣе на изложеніи этой гипотезы, такъ какъ желающіе могутъ познакомиться какъ съ ней, такъ и съ наиболѣе важными выводами этой гипотезы изъ книги, заглавіе которой мы выписали выше, мы скажемъ только, что хотя гипотеза эта еще не принимается многими химиками, такъ какъ она противорѣчитъ до сихъ поръ существовавшимъ взглядамъ на природу растворовъ, тѣмъ не менѣе, по нашему убѣжденію, она заслуживаетъ внимательнаго изученія въ виду того, что, благодаря ей, указана взаимная связь между многими свойствами растворовъ, наприм., между электропроводностью водныхъ растворовъ органическихъ кислотъ и величиной ихъ химическаго сродства и т. д.

Статьи Арреніуса печатались въ различныхъ специальныхъ журналахъ; но для того, чтобы обратить на свою теорію болѣе вниманіе, онъ помѣстилъ въ журналѣ *La Lumière électrique* за 1889 г. рядъ статей, въ которыхъ въ болѣе популярной формѣ изложилъ теорію Вантъ-Гоффа и свою, а также и главнѣйшіе выводы изъ нея. Кромѣ того, онъ привелъ результаты работъ проф. Оствальда, Нернста и др., подтвердившихъ выводы изъ его теоріи. Что касается русскаго перевода этихъ статей, то онъ отличается отъ оригинала тѣмъ, что въ немъ исправлены недосмотры и опечатки французскаго оригинала, отчасти при любезномъ содѣйствіи автора. Таблица распределенія основаній между двумя кислотами измѣнена авторомъ по новымъ даннымъ проф. В. Оствальда. Переводъ вездѣ хорошъ, отмѣтимъ только одну опечатку: на стр. 21 въ заглавіи главы XIII напечатано: „изотомическій коэффициентъ электролита“, а слѣдуетъ „изотоническій“.

Метеорологическое обозрѣніе. (Труды метеорологической съѣздки юго-запада Россіи въ 1889 году). А. Клоссовскаго, проф. Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса, 1890 г. Начиная съ мая 1886 года, на юго-западѣ Россіи, по почину и при ближайшемъ руководствѣ профессора Клоссовскаго, возникла довольно обширная метеорологическая сѣть, объѣвшая собою губерніи Херсонскую, Таврическую, Бессарабскую и части губерній Подольской, Екатеринославской, Киевской, Волынской, Черниговской, Полтавской и др. Едва ли возможно отрицать всю необходимость и полезность подобныхъ мѣстныхъ организацій метеорологическихъ станцій. Какъ бы ни было блестяще обставлено центральное метеорологическое учрежденіе Россіи или наша главная физическая обсерваторія, какую бы напористую дѣятельность оно ни обнаруживало, все-таки, оно не въ состояніи охватить съ надлежащею полнотой всѣ разнообразныя метеорологическія особенности нашего обширнаго отечества и такихъ его окраинъ, какъ Кавказъ или сѣверныя побережья Чернаго моря, еще совершенно не изученнаго въ физико-географическомъ отношеніи. Къ тому же, и практическія потребности по отношенію къ метеорологическимъ знаніямъ далеко не одинаковы въ различныхъ частяхъ Россіи. Отсюда очевидно, что детальное изученіе физико-географическихъ особенностей отдѣльныхъ районовъ должно быть предоставлено мѣстнымъ группамъ спеціалистовъ или мѣстнымъ метеорологическимъ организаціямъ. Къ числу такихъ организацій и принадлежитъ юго-западная метеорологическая сѣть, учрежденная и руководимая трудами профессора Клоссовскаго.

Располагая сравнительно ничтожными средствами, не превышающими 1,500 рублей въ годъ, какъ руководители, такъ и всѣ участники этой организаціи блестящимъ образомъ выполняютъ добровольно принятые ими на себя обязанности, о чемъ профессоръ Клоссовскій и даетъ отчетъ въ своемъ *Метеорологическомъ обзорѣ* за 1889 годъ, представляющемъ значительный интересъ по своему разнообразному и серьезному содержанию.

По счету, это уже четвертый сборникъ общихъ трудовъ участниковъ метеорологической сѣти юго-западной Россіи, и, какъ предыдущіе, онъ обращаетъ на себя вниманіе своею обстоятельностью и быстротою научной обработки довольно обширнаго матеріала за истекшій 1889 годъ. Насколько матеріалъ этотъ обширенъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ отчетномъ году метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета получала наблюденія изъ 204 пунктовъ юго-запада Россіи, а именно: 1) наблюденія надъ количествомъ и продолжительностью осадковъ изъ 179 пунктовъ; 2) наблюденія надъ ходомъ грозъ изъ 184; 3) наблюденія надъ температурой, облачностью и воздушнымъ теченіемъ изъ 84; 4) полныя наблюденія по программамъ станцій 2-го разряда изъ 27; 5) наблюденія надъ высотой и состояніемъ снѣгового покрова изъ 31; 6) наблюденія сезонныя надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣкъ, весенними половодьями и т. п. изъ 42; 7) сельско-хозяйственныя и фенологическія изъ 15; 8) описаніе ударовъ молній изъ 22, и 9) спеціальныя наблюденія надъ движеніемъ облаковъ изъ 2 пунктовъ.

Разработкой и вычисленіемъ присылаемыхъ матеріаловъ, при постоянномъ участіи и руководствѣ профессора Клоссовскаго, были заняты гг. Трещинъ, Орловъ, Габье и Панченко. Помимо этого, доставлялись и со стороны болѣе или менѣе обработанные матеріалы, изъ числа которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) *Актинометрическія наблюденія въ Бисопъ* г. Савельева, 2) *Наблюденія надъ содержаніемъ влаги въ почвѣ* г. Блянина изъ Елисаветграда; и 3) *Наблюденія надъ колебаніемъ уровня и температуры въ 17 прибрежныхъ пунктахъ Чернаго моря съ 1873 года*, полученныя отъ главнаго командира портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Наблюденія эти и послужили основнымъ матеріаломъ для составленія г. Клоссовскимъ очерка: *Общій обзоръ физическія свойства Чернаго моря. Колебанія уровня и температуры въ береговой полосѣ*. Сверхъ всего этого, въ теченіе 1889 года выдано различнымъ лицамъ около 25 справокъ и проверено нѣсколько приборовъ.

Изъ этого краткаго перечня работъ метеорологической сѣти юго-запада Россіи уже не трудно усмотрѣть, насколько дружно и дѣятельно работаютъ всѣ участники этой мѣстной метеорологической организаціи, добровольно и безвозмездно принявшіе на себя трудъ по производству наблюденій. Въ настоящее время, повидимому, дѣло уже поставлено здѣсь на достаточно твердую почву и нѣтъ основаній опасаться, что оно рухнетъ, воль скоро не будетъ его теперешнихъ руководителей. Достаточною порукой этому служатъ неутомимая энергія профессора Клоссовскаго и его ближайшихъ помощниковъ, добросовѣстность и любовь къ дѣлу наблюдателей и сочувствіе публики, успѣвшее уже оцѣнить всю важность и пользу работы метеорологической сѣти юго-запада Россіи и оказывающей ей посильную матеріальную поддержку и дѣятельное содѣйствіе.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Объ условіяхъ разведенія домашней птицы въ Россіи“. П. И. Елагина.— „Бесѣды о молочномъ хозяйствѣ“. А. Калантара.— „Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельско-хоз. машинъ и орудій“. В. В. Чернышева.— „Основы улучшающаго землю хозяйства“. Э. Лекутъ.— „Крестьянскій садъ“. Э. Яковскаго.— „Связокъ винокуренныхъ заводовъ Россійской имперіи“.— „Труды Императорскаго кавказскаго общества сельскаго хозяйства“.

Объ условіяхъ разведенія домашней птицы въ Россіи. П. И. Елагина. Съ рисунками и чертежами. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. Авторъ этой книги — учредитель опытнаго птицеводнаго хозяйства, помѣщающагося въ Лѣсномъ, вблизи Петербурга, а также редакторъ новаго журнала *Вѣстникъ Птицеводства*. Содержаніе книги по преимуществу техническое; описаны: устройство птичниковъ, нѣкоторыя породы домашнихъ птицъ, уходъ за птицами, отвармливаніе, болѣзни птицъ и искусственное высиживаніе цыплятъ. Во вступительной главѣ авторъ разсматриваетъ вкратцѣ вопросы о значеніи „домашняго“ птицеводства и торговлѣ продуктами птицеводства. По отношенію къ коренному вопросу о важнѣйшихъ задачахъ русскаго птицеводства авторъ впадаетъ въ противорѣчіе: мѣстами онъ сѣтуетъ (стр. 1) о томъ, что яйцо для нашего крестьянскаго ребенка зачастую является лакомствомъ, но большею частью настаиваетъ на необходимости развитіи отчужденіи яицъ и хотя признаетъ, что дѣйствительныя куры не несутъ золотыхъ яицъ (стр. 18), но рисуетъ для предприимчивыхъ русскихъ птицеводовъ возможность получать рубли на рубль (стр. 24).

Прозорливый Щедринъ давно уже рассказывалъ о томъ, какъ русское яйцо попадаетъ на элеваторъ; въ послѣдніе годы это движеніе приняло колоссальныя размѣры, но едва ли можно изъ этого заключить, какъ то дѣлаетъ г. Елагинъ, объ оживленіи русскаго „домашняго“ птицеводства (стр. 2). Въ обзорѣ вывоза слѣдовало остановиться на распределеніи вывоза по границамъ. Большимъ затрудненіемъ для распространенія русскихъ яицъ за границу служить, какъ оказывается (стр. 5), обычная нечистота нашихъ яицъ, а между тѣмъ, мыть вывозимыя яйца нельзя. Породы распределены г. Елагинымъ по цѣлямъ птицеводства; для полученія значительнаго количества яицъ рекомендуются куры испанскія, итальянскія и шотландскія доркинги (послѣдніе изображены на рисункѣ). На разведеніи гусей, утокъ, индѣекъ и цесарокъ авторъ останавливается меньше, чѣмъ на куроводствѣ. Каталогъ аптечки для птицъ (стр. 172—173) изъ 33 предметовъ вызоветъ, вѣроятно, улыбку у многихъ читателей. Библиографическій указатель русской литературы по птицеводству (45 отдѣльныхъ сочиненій и 28 статей) является несомнѣнно полезнымъ прибавленіемъ къ книгѣ. Въ общемъ явновѣдъ, несмотря на нѣкоторую отрывочность, неравномѣрность, а мѣстами и неточность изложенія, книга г. Елагина заслуживаетъ вниманія, особенно для первоначальнаго знакомства съ птицеводствомъ.

Бесѣды о молочномъ хозяйствѣ. Составилъ Александръ Калантара. Выпускъ I. Молоко и масло. Съ политипажамъ. Тифлисъ, 1889 г. Цѣна 40 к. Хотя брошюра г. Ал. Калантара назначена для кавказскихъ хозяевъ, но по своему общедоступному содержанію она окажется небезполезною и для хозяевъ Европейской Россіи. Азбука молочнаго хозяйства пользуется у насъ еще столь слабою извѣстностью, что каждое элементарное пособие по этому предмету можетъ подать новыя совѣты хозяевамъ особенно черноземной полосы, гдѣ обращеніе съ молокомъ зачастую не вышло изъ примитивнаго состоянія. Брошюра

состоить изъ 5 бесѣдъ. Первая бесѣда — вопутительная; во второй разсматриваются средства, предохраняющія молоко отъ порчи: охлажденіе, провѣтриваніе и частое содержаніе. Третья бесѣда описываетъ два способа отстаиванія молока (Шварцевскій и Гуссандеровскій), въ четвертой и пятой бесѣдахъ рѣчь идетъ о маслодѣліи.

Напечатана брошюра не безъ неловкихъ выраженій; нѣкоторыя промахи оговорены въ предварительномъ примѣчаніи, другія остались не исправленными. Таковы, напримѣръ, выраженія: „отъ того, теплы ли сливки или холодны, многое зависитъ температуры“ (стр. 49); „отъ плавающего (вмѣсто тающего) льда воздухъ въ молочной охлаждается“ (стр. 27); „маслодѣль съ любовью услѣживалъ за каждымъ золотникомъ масла“ (стр. 67).

Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. В. В. Черняева. Съ 285 рисунками въ текстѣ. Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. Сельско-хозяйственный календарь, редактируемый г. Баталиннымъ и издаваемый г. Девриеномъ, съ 1877 года ежегодно помѣщалъ составлявшееся г. Черняевымъ приложение о машинахъ и орудіяхъ; въ послѣдніе годы приложение это сдѣлалось иллюстрированнымъ, а въ нынѣшнемъ году («по независимымъ отъ составителя обстоятельствамъ») вышло въ свѣтъ совершенно отдѣльно отъ календаря съ значительными дополненіями противъ прежнихъ лѣтъ. *Пособіе*, какъ и прежде, носитъ характеръ каталога съ весьма краткими описаніями устройствъ и качествъ машинъ и орудій; но, повидимому, составитель не руководился пристрастіемъ къ какимъ-нибудь отдѣльнымъ формамъ. На четырехъ страничкахъ изложены общія соображенія, которыя рекомендуются хозяину при выборѣ мертвого инвентаря. Пахотныя орудія, молотилки и сортировки занимаютъ относительно наибольшее число страницъ. Приборамъ по молочному хозяйству отведено слишкомъ мала мѣста, меньше, чѣмъ приборамъ, относящимся къ плодоводству. Книжка заканчивается погубернскими списками русскихъ механическихъ заведеній и складовъ. Рисунки значительно вознаграждаютъ краткость описаній. Съ внѣшней стороны изданіе можетъ быть названо изящнымъ.

Основы улучшающаго землю хозяйства. Эдуарда Лекутэ. Переводъ съ 4-го французскаго изданія М. Ш., подъ редакцію А. Я. Энгельгардта изъ Батищева. Спб., 1889 г. Изд. Девриена. Цѣна 2 р. Книжка Лекутэ написана давно. Во Франціи она встрѣтила сочувственный приемъ, что доказывается появленіемъ оригинала въ четвертомъ изданіи. Книжка посвящена различнымъ вопросамъ общаго земледѣлія (кореннымъ улучшеніямъ, обработкѣ, удобренію, посѣву, уборкѣ), причѣмъ наибольшій интересъ представляетъ глава о раздѣлкѣ ландъ (Лекутэ самъ хозяйничаетъ на ландахъ). Въ виду того, что русская литература не богата хорошими книжками по земледѣлію, сочиненіе Лекутэ окажется не безполезнымъ и для русскихъ читателей. Предисловіе къ переводу и заключительная глава („известкованіе или фосфоритованіе“) написаны А. Н. Энгельгардтомъ. Нѣкоторыя мѣста предисловія вызовутъ сильное недоумѣніе въ читателяхъ. Таково, напр., противопоставленіе „агрономіи“ и „сельской экономіи“ (мы привыкли думать, что сельская экономія одна изъ составныхъ частей агрономіи). Далѣе отиѣтимъ утвержденіе автора, что „хозяйство наше должно быть экстензивно“. Слова „экстензивный“ и „интензивный“ не должны употребляться въ положительной степени, иначе они теряютъ всякій смыслъ. Примѣры неясности, которая вызывается употребленіемъ этихъ словъ, имѣются въ самой книжкѣ Лекутэ. На стр. 37 говорится: „интензивная

система дѣйствуетъ капиталомъ, экстензивная временемъ"; на стр. 52: „интензивное хозяйство есть эксплуатация земли, доведенная до высшей степени интензивности“; что можно вынести изъ подобныхъ опредѣлений? Упрекая русскихъ хозяевъ въ неразумномъ подражаніи иностраннымъ приемамъ хозяйства, А. Н. Энгельгардтъ говоритъ: „Заводили англійскій или иной иностранный скотъ, устраивали англійскіе парки и пр.; всѣ такія хозяйства погибли“ (стр. X). Какое отношеніе имѣютъ „парки“ къ выгодности хозяйства, и будто бы ужъ все англійское не годится для Россіи? вѣдь, держитъ же самъ авторъ англійскихъ свиней.

Переводъ хорошъ, хотя не лишень неудачныхъ выраженій („пашни“ въ смыслѣ „пахоты“, „заложение луговъ“ и др.). Сдѣланъ переводъ безъ сокращеній, хотя мѣстами излишняя болтливость автора могла бы вызвать сокращенія безъ ущерба для внутренняго содержанія.

Крестьянскій садъ. Эдмунда Янковскаго. Съ 22 рисунками и 1 таблицю. Переводъ съ польскаго М. Р. съ 3-го исправленнаго изданія. Варшава, 1889 г. Въ виду того вниманія, которымъ стали пользоваться въ послѣднее время древесные питомники при народныхъ школахъ, слѣдуетъ признать полезнымъ появленіе небольшой книжки г. Янковскаго въ русскомъ переводѣ. Два первыхъ изданія оригинала разошлись въ 10,000 экземплярахъ. Переводъ сдѣланъ подъ наблюденіемъ автора, который написалъ къ русскому изданію специальное предисловіе. Въ книжкѣ описана культура яблони, груши, вишни и сливы и поданы совѣты относительно устройства небольшихъ плодовыхъ садовъ при крестьянскихъ хозяйствахъ. Языкъ мѣстами отзывается излишнею искусственностью; книжка какъ бы предназначается для простоватыхъ читателей. Рассказывается, напримѣръ, о томъ, что „нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ царствовалъ въ Германіи очень строгій государь и издалъ повелѣніе, чтобы всякому, кто сломаетъ дерево, отсѣкали руку; только немногіе подверглись этому жестокому наказанію, и уничтоженіе деревьевъ прекратилось“ (стр. 13). Несмотря на подобныя мѣста, мы не задумываемся назвать книжку г. Янковскаго полезнымъ приобретеніемъ учебной литературы.

Списокъ винокуренныхъ заводовъ Россійской имперіи съ указаніемъ ихъ характера, размѣровъ производства и условій сбыта вина за періодъ 188⁷/₈ и 188⁷/₈ гг. Спб., 1890 г. Книга, напечатанная подъ этимъ специальнымъ заглавіемъ, представляетъ не малый интересъ въ смыслѣ характеристики не только нашего винокуреннаго производства, но и сельскаго хозяйства. Данныя, заключающіяся въ ней, собраны съ цѣлью разработки вопроса о мѣрахъ къ поддержанію сельско-хозяйственнаго винокурения, и потому неудивительно, если въ программѣ изслѣдованія находятся вопросы, характеризующіе сельско-хозяйственное значеніе винокуреннаго завода: объ общей площади имѣнія, въ коемъ расположенъ заводъ, пространство пахотной земли вообще и въ частности подъ картофелемъ; о сѣвооборотѣ имѣнія, о бардѣ и ея утилизаціи, количествѣ стоящаго на бардѣ скота и объ употребленіи навоза.

Свѣдѣнія по этимъ вопросамъ, вмѣстѣ съ другими относящимися собственно къ винокуренному производству и условіямъ сбыта вина, сгруппированы для каждаго отдѣльнаго завода Европейской и Азіатской Россіи, и такимъ образомъ получилось 2,765 данныхъ для каждаго изъ вопросовъ программы, въ томъ числѣ и для пунктовъ программы, относящихся къ выясненію сельско-хозяйственнаго значенія винокуреннаго производства. Но, заключая богатый матеріалъ по содержанію, назван-

ное изданіе недоступно для общаго пользованія, потому что данныя приводятся въ немъ отдѣльно для каждаго изъ 2,765 заводовъ и не сведены въ общіе итоги. Такимъ образомъ, всякому интересующемуся выясненіемъ какого-либо вопроса, относящагося specially къ винокуренному производству или къ его отношенію къ сельско-хозяйственному, приходится самому заняться утомительнымъ подсчетомъ, для большинства такихъ лицъ совершенно невозможнымъ. Будемъ, однако, надѣяться, что когда-нибудь намъ будутъ даны и желательные итоги. Надежду свою основываемъ мы на томъ, что свѣдѣнія, сгруппированныя въ рассматриваемомъ изданіи, собирались не ради того, чтобы имѣть полныя данныя о самихъ заводахъ для какихъ-либо административныхъ усмотрѣній, а съ цѣлью выясненія ихъ сельско-хозяйственнаго значенія. А если такъ, то эти данныя, вѣроятно, сводились по предметамъ, районамъ и т. п. и въ такомъ, а не сиромъ видѣ представлялись въ учрежденіе, рассматривавшее вопросъ. Названное учрежденіе, конечно, не станетъ держать въ архивѣ свѣдѣнія, имѣющія такое важное значеніе и, притомъ, требующія разработки специалистами предмета. Пока же появятся эти итоги, лица, интересующіяся дѣломъ, благодаря рассматриваемому изданію департамента неокладныхъ сборовъ, имѣютъ, все-таки, возможность, хотя бы съ затратой большаго количества времени, выяснить кое-какіе вопросы, относящіеся какъ къ винокуренному производству нашей страны самому по себѣ, такъ и его отношенію къ сельскому хозяйству.

Труды Императорскаго кавказскаго общества сельскаго хозяйства, январь—декабрь 1889 г. Кавказское сельско-хозяйственное общество находится въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ подобныя же общества въ Европейской Россіи. Послѣднимъ приходится дѣйствовать въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе обследованныхъ и однообразныхъ, въ предѣлахъ района общества, по характеру; кавказскому же обществу—въ мѣстностяхъ малоизслѣдованныхъ и до крайности разнообразныхъ по характеру во всѣхъ отношеніяхъ: здѣсь встрѣчаются уже съ чисто-тропическою природой о-бокъ съ райономъ, въ которомъ суровый климатъ—обычное явленіе. Крайнее разнообразіе свойствъ природы влечетъ за собою и разнообразіе въ дѣятельности кавказскаго общества, а отсюда и разнообразіе или разнохарактерность статей въ *Трудахъ* общества. Особенно интересны оригинальныя статьи и корреспонденціи по изслѣдованію и описанію различныхъ явленій и состояній въ области экономической жизни Кавказа. Къ подобнаго рода статьямъ слѣдуетъ отнести: *Источники благосостоянія крестьянъ Ленкоранскаго уѣзда* (Д. Кистенева) и *Очерки северной части Черноморскаго побережья* (В. Старосельскаго). Въ первой статьѣ обстоятельно, шагъ за шагомъ, излагаются присущія ленкоранскимъ крестьянамъ отрасли сельско-хозяйственной промышленности, среди которыхъ важное мѣсто занимаетъ скотоводство; къ сожалѣнію, и здѣсь малоземелье и пр. недуги народнаго хозяйства, какъ и вездѣ, нашли пріютъ. Въ статьѣ о Черноморскомъ побережьи г. Старосельскій издался цѣлью ознакомить публику о степени сельско-хозяйственной пригодности края, условіяхъ и современномъ положеніи поселенческаго хозяйства, крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, причинахъ неудачъ въ дѣлѣ колонизаціи края и пр. Изъ статей съ болѣе или менѣе специальнымъ изслѣдованіемъ по той или другой отрасли сельско-хозяйственной культуры отиѣтимъ статьи: *Вспѣвъ о молочномъ хозяйствѣ* (А. Калатара), *Нѣкоторыя интересныя промышленныя растенія Закавказскія*

края (Н. Шаврова) и *Къ вопросу о возможности разведенія маслины въ Закавказьи* (Н. Шаврова). Статьи г. Калантара о молочномъ хозяйствѣ весьма обстоятельны и толковы; онѣ всесторонне знакомятъ читателя съ правильнымъ веденіемъ и надлежащею постановкой молочнаго хозяйства; къ статьямъ прилагаются рисунки и чертежи. Извѣстность г. Н. Шаврова, какъ труженика по изслѣдованію различныхъ вопросовъ въ области кавказовѣдѣнія, освобождаетъ насъ отъ необходимости высказаться по поводу положительности его изслѣдованій въ упомянутыхъ выше статьяхъ. Укажемъ, между прочимъ, что къ числу наиболѣе интересныхъ промышленныхъ растений Закавказья г. Шавровъ относитъ *сахарное сорго*, извѣстное у населенія болѣе подъ названіемъ „мазандаранскаго сахарнаго тростника“; изъ этого сорго вырабатывается сахаръ, употребляемый туземцами какъ приправа къ кушаньямъ, на приготовленіе лакомствъ и т. п.; затѣмъ, дыни и тыквы Ленкоранскаго уѣзда, цѣнные грибы, каперцы, прядильныя растенія и, наконецъ, пробковый дубъ — вотъ „интересныя растенія Закавказья“, правильная эксплуатация которыхъ, однако, принадлежитъ будущему. „О возможности разведенія маслины въ Закавказьи“ побудили написать г. Шаврова тѣ обстоятельства, во-первыхъ, что возможность разведенія маслины въ Закавказьи „долгое время подвергалась сомнѣнію“, и „даже... вовсе отрицалась“, во-вторыхъ, что маслина „съ давнихъ поръ произрастаетъ въ Закавказьи“ и, въ-третьихъ, что это растеніе служитъ источникомъ благосостоянія населенія побережья Средиземнаго моря; необходимыя данныя г. Шавровъ собралъ какъ въ южной Европѣ во время своего пребыванія тамъ (1885 г.), такъ и на мѣстѣ (въ Закавказьи). Кромѣ оригинальныхъ статей, въ *Трудахъ* помѣщены и переводныя, преимущественно по винодѣлію и шелководству. Затѣмъ, въ видѣ приложенія къ *Трудамъ*, въ концѣ cadaго выпуска (или нумера) переводъ книги *Теоретическое и практическое руководство къ облагораживанію, воспитанію и размноженію деревьевъ и кустарниковъ* Н. Гоше, съ рисунками. Подписная цѣна изданія за годъ 4 руб. съ пересылкою.

М Е Д И Ц И Н А.

„Вѣстникъ общественной гигиены, судебной и практической медицины“. — „Зубы и ихъ сохраненіе“. П. Ф. Федорова. — „Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ“. Н. Негел'а. — „Электротехника и электродиагностика въ медицинѣ“. А. Х. Ремана. — „Краткій курсъ оперативной хирургіи“. Вл. Попова. — „Руководство къ влиятельному пользованію дѣварствами для врачей и студентовъ“. Фр. Пенцольда.

Вѣстникъ общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый медицинскимъ департаментомъ. 1890 г. Т. V. Январь—апрѣль. Въ январской книгѣ обращаетъ на себя вниманіе статья К. К. Толстаго: *Очеркъ современнаго состоянія медицины въ Англии*. Англійскій медицинскій міръ, развивавшійся вполне самобытно и самостоятельно, можно понять лишь при помощи хотя бы краткаго взгляда на исторію его развитія, что авторъ и дѣлаетъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, когда впервые въ Лондонѣ образовалась особая корпорація, по обычному образцу цеховъ и гильдій. Въ 1272 году эта корпорація, изъ которой возникла нынѣшняя College of Surgeons of England, получила отъ короля Эдуарда I хартію, уполномочивавшую ее экзаменовать желающихъ заниматься медицинскою практикой въ городѣ и слѣдить за ея дѣятельностью. Въ XVI столѣтіи, въ Лондонѣ возникли еще двѣ подобныя существующія коллегіи, на ряду

съ которыми, тоже по частной инициативѣ и на частныя средства, развились университеты—Oxford и Cambridge, обратившіе, однако, вниманіе на медицину лишь позднѣе, когда она стала приобретать научный характеръ. Въ названной статьѣ дается подробная характеристика современныхъ образовательно-медицинскихъ учреждений Англій, которыя могутъ быть раздѣлены на слѣдующія, различныя по значенію, категоріи: 1) *учебныя* учреждения разнаго рода (коллегіи, лабораторіи, музеи, госпитали, больницы и амбулаторіи, причѣмъ одни даютъ полный медицинскій курсъ, другіе учатъ лишь своей спеціальности); 2) учреждения *ремесленно-экзаменаціонныя*; 3) учреждения *учено-экзаменаціонныя*, къ которымъ принадлежатъ 11 университетовъ; 4) учреждение *контрольное*—Medical Council. Особенностью англійскихъ медицинскихъ школъ является то, что всѣ оныя учреждения *частныя* или существующія на проценты съ капитала, пожертвованнаго кѣмъ-нибудь, или представляющія частную собственность небольшого кружка лицъ, или же представляющія акціонерныя предпріятія. Правительство и общество не тратятъ на нихъ ни копейки и только университеты, особенно шотландскіе, получаютъ отъ правительства довольно значительныя субсидіи, да и то съ недавняго времени. Описывая систему экзаменовъ, общіе порядки и національныя особенности врачебнаго дѣла въ Англій, авторъ, видимо, съ большимъ сочувствіемъ относится къ тому, что медицинское образованіе требуетъ здѣсь, чтобы врачъ былъ, прежде всего, хорошимъ ремесленникомъ, и полагаетъ, что „въ Англій нѣтъ и быть не можетъ перепродукціи врачей“. По словамъ его, англійскій врачъ разнобразенъ, какъ тѣ потребности, которымъ оныя призванъ удовлетворять (ни фельдшеровъ, ни акушеровъ тамъ нѣтъ). „Вудучи, во всякомъ случаѣ, умѣлымъ ремесленникомъ, для бѣднаго деревенскаго округа оныя является въ видѣ дешеваго, нерегистрованного *common-practitioner'a*, получившаго дешевое образованіе въ аптекахъ и амбулаторіяхъ; для спеціальныхъ хирургическихъ или терапевтическихъ случаевъ въ томъ же округѣ оныя является опять-таки не регистрованнымъ лиценціатомъ *одной* какой-нибудь коллегіи (что, конечно, стоить гораздо дешевле); для практикн въ городѣ, для государственной службы оныя долженъ быть уже лиценціатомъ двухъ коллегій, а въ воинствующую (!?) науку входитъ докторомъ медицины, то-есть *не только ученымъ врачомъ, но и высокообразованнымъ и хорошо воспитаннымъ человекомъ*“. Хотя это послѣднее и напечатано курсивомъ въ подлинникѣ, но является, однако, совершенно непонятной связъ съ предъидущей посылкой. Вообще, автору, видимо, правится, что въ Англій существуетъ вѣльное и безнравственное подраздѣленіе медиковъ по достатку заболѣвшаго, а не по свойствамъ его болѣзни, доступности лечебныхъ средствъ и т. п. „А всѣ врачи вмѣстѣ,—замѣчаетъ въ заключеніе авторъ, хотя мы въ правѣ отнестись скептически къ его оптимизму,—отъ *common-practitioner'a* до fellow лондонскаго или оксфордскаго университета, составляютъ profession—врачебное сословіе, пользующееся большимъ почетомъ и не малою степенью благосостоянія, раздѣленное на множество клубовъ, обществъ и другихъ социальныхъ группъ, другъ съ другомъ соперничающихъ, другъ друга контролирующихъ, но являющихся солидарными по вопросамъ, которые касаются интересовъ всей profession и которые разрабатываются недавно образованнымъ союзомъ—Британскою медицинскою ассоціаціей (*British medical association*)“.

Въ результатъ изслѣдованія *О связи смертности отъ чахотки ле-*

кихъ въ С.-Петербургѣ съ густотою и скученностью населенія и метеорологическихъ явленіями д-ръ Н. Н. Лазаренко слѣдующимъ образомъ формулируетъ выводы изъ своихъ наблюденій: антигигиеническій бытъ населенія составляетъ великую причину распространенія и смертности отъ чахотки, причѣмъ видную роль играетъ скученность населенія и размѣщеніе его въ кубическомъ пространствѣ, хотя, впрочемъ, недостатокъ послѣдняго можетъ иногда быть замѣненъ хорошимъ устройствомъ жилища; густота населенія, не имѣя такого непосредственнаго отношенія къ силѣ смертности отъ чахотки, какъ скученность, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, вліяетъ на нее; недостатокъ квадратнаго пространства еще легче, чѣмъ недостатокъ кубическаго, скрадывается благоустроенными жилищами. Непосредственный практическій интересъ для рѣшенія вопроса о вліаніи деревянныхъ жилыхъ помѣщеній на здоровье ихъ обитателей, относительно чего въ наукѣ пока еще мало опредѣленныхъ данныхъ, представляютъ экспериментальныя изслѣдованія д-ра В. Д. Орлова (приватъ-доцента Казанскаго университета), изложенныя въ статьѣ *Матеріалы къ рѣшенію вопроса о гигиеническихъ достоинствахъ древесныхъ породъ, употребляемыхъ для построекъ въ среднихъ полосахъ Россіи*. Изъ другихъ специальныхъ статей по общественной гигиенѣ, представляющихъ, однако, общій интересъ, слѣдуетъ указать: П. О. Смоленскаго — *О тряпичномъ промыслѣ въ санитарномъ отношеніи*; С. М. Ершова — *Санитарныя условія кожевеннаго производства*. Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщены: *Обзоръ эпидеміи азиатской холеры въ Мезопотаміи и Персіи въ 1889 г. и мѣры, принятыя противъ заноса ея въ предѣлы Россіи*; *О современномъ состояніи грязелѣчебницъ близъ г. Одессы и на Крымскомъ полуостровѣ*. Изъ области судебной медицины большой юридическій и бытовой интересъ возбуждаютъ статьи по поводу до сихъ поръ такъ и оставшагося не выясненнымъ загадочнаго дѣла о смерти жандармскаго капитана Гиджеу въ 1889 (убійство или самоубійство), а именно статьи проф. А. И. Таренцева и д-ра А. И. Смирнова: *Рѣшеніе судебно-медицинскихъ вопросовъ по дѣлу о насильственной смерти Гиджеу*.

Зубы и ихъ сохраненіе. Публичныя лекціи П. Ф. Федорова. (Съ 7 рис.). Спб., 1889 г. Цѣна 60 к. Лекторъ (д-ръ медицины) въ указанной брошюрѣ излагаетъ въ общедоступной формѣ правила ухода за зубами, устройство зубовъ, ближайшія и отдаленныя причины ихъ порчи, способъ чистки зубовъ и предохранительныя средства противъ дурнаго запаха изо рта. Такъ какъ полость рта имѣетъ громадное значеніе для всего организма и пренебреженіе къ зубамъ ведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ, слѣдуетъ пожелать большаго распространенія гигиеническихъ софтовъ, изложенныхъ въ этой небольшой книжкѣ и подѣржанныхъ серьезными научными основаніями.

Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. Н. Nagel'a. Спб. Вып. 5 и 6-й, 1889 г., вып. 7-й, 1890 г. О первыхъ выпускахъ русскаго изданія обширнаго трактата по фармацевтической и медико-химической практикѣ, выходящаго выпусками, по 10 листовъ каждый, подъ редакціей профессоровъ В. К. Апреа и А. В. Пеля, было уже сказано въ свое время. Послѣдніе три выпуска заключаютъ въ себѣ алфавитное продолженіе: *arsenium—bismuthum, bismuthum—capsulae и saagaheen—chelidonium*. Какъ и въ предыдущихъ выпускахъ, въ текстѣ помѣщена масса рисунковъ; изложеніе мѣстами кратко, мѣстами слишкомъ подробно, такъ что, наприм., по поводу бобровой струи (*castoreum*), относительно которой давно уже высказано

пожеланіе, чтобы она вовсе была выброшена изъ фармакопей, какъ совершенно лишній препаратъ, упоминается, между прочимъ, что „какой-то ученый нашелъ даже, что ношеніе бобровой шубы укрѣпляетъ память“. Не лишнее будетъ замѣтить, что капитальный трудъ Hager'a представляеть интересъ не для однихъ медиковъ и фармацевтовъ, но и вообще для справокъ по различнымъ предметамъ, употребительнымъ въ домашнемъ быту.

Электротехника и электродиагностика въ медицинѣ. А. Х. Репмана. Москва, 1890 г. (съ 43 рис. въ текстѣ). Ц. 1 р. 50 к. Особенное вниманіе въ названной книжкѣ обращено на указаніе громадныхъ успѣховъ физики въ области электротехники въ примѣненіи къ медицинѣ, которые до сихъ поръ почти игнорировались въ немногихъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненіяхъ по электроterapiи. Послѣ краткихъ свѣдѣній по исторіи электроterapiи, авторъ во второй главѣ, о теоріи электричества, излагаетъ свой собственный взглядъ на сущность электрическихъ явленій, столь разнообразныхъ, что, по его мнѣнію, „объяснить ихъ всѣ одною какою-либо гипотезой, безъ малѣйшей натяжки, еще никому не удалось до настоящаго времени“. Для каждаго рода электричества (положительнаго и отрицательнаго) онъ принимаетъ особое вещество; оба они обладаютъ всѣми физическими и химическими свойствами веществъ, подчиняясь всѣмъ химическимъ законамъ элементовъ, причѣмъ положительное электричество будетъ играть роль щелочей, а отрицательное роль кислотъ. По гипотезѣ автора, оба эти элемента (положительнаго и отрицательнаго электричества), соединяясь между собою, даютъ химически-сложное тѣло, которое и есть тотъ эфиръ, который наполняетъ собою всю вселенную и существованіе котораго, по необходимости, принимается для разъясненія явленій свѣта и лучистой теплоты. Далѣе, онъ предполагаетъ, что мы дышемъ не исключительно однимъ воздухомъ, но, главнымъ образомъ, *вдыхая эфиръ*, вводимъ въ организмъ то вещество, которое, разлагаясь внутри организма на положительное и отрицательное электричество, даетъ ту энергію и тѣ проявленія, которыя составляютъ нашу жизнь. „И подобно тому, — замѣчаетъ авторъ, — какъ рыба въ водѣ не подозрѣваетъ, что обязана своимъ существованіемъ растворенному въ водѣ воздуху, мы въ свою очередь не подозрѣваемъ, что столь обязаны присутствію эфира“. Вообще, авторъ придерживается взгляда на электричество, какъ на матеріальное вещество. Въ концѣ второй, меньшей части (электро-диагностика), излагаются: значеніе электрической реакціи при распознаваніи болѣзней, а равно нѣкоторыя практическія указанія относительно выбора аппаратовъ и примѣненія электричества на живомъ организмѣ.

Краткій курсъ оперативной хирургіи. Вл. Попова. Спб., 1890 г. Изд. К. Рикера. Цѣна 2 р. Въ основу своего курса авторъ (приват-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи и старшій судовой врачъ 2-го флотскаго экипажа) положилъ не подлежащую сомнѣнію мысль, что оперативную хирургію можно изучить только занимаясь практически. Въ силу этого, составленное имъ руководство предназначается *только для повторенія* ранѣе практически усвоенныхъ операцій для студентовъ и врачей. Въ текстѣ книги помѣщено до 200 отчетливыхъ рисунковъ, большую часть по готовымъ клише, явившимся въ распоряженіи издателя отъ его другихъ изданій. Не касаясь специальныхъ достоинствъ и случайныхъ недостатковъ книги, можно замѣтить, что она явится прекраснымъ пособіемъ для справокъ и повторительныхъ занятій на группѣ.

Руководство къ клиническому пользованію лѣкарствами для врачей и студентовъ. Фр. Пенцольдта. Перев. д-ра Г. А. Шапиро (прив.-доц. Император. воен.-мед. акад.). Спб., 1890 г. Изд. К. Рикера. Цѣна 3 руб. Особенностью новаго сочиненія одного изъ выдающихся фармакологовъ-клиницистовъ, открывшаго и популяризовавшаго много новыхъ важныхъ медикаментовъ, ординарнаго профессора и главнаго врача медицинской поликлиники въ Эрлангенѣ, является критическая оцѣнка дѣйствительной пригодности у постели больного массы лѣкарственныхъ средствъ, загромождающихъ излишнимъ балластомъ аптеки и напрасно обременяющихъ память врачей и студентовъ. Субъективные взгляды автора относительно нѣкоторыхъ лѣкарствъ, понятно, не всѣми клиницистами могутъ быть приняты, такъ какъ до сихъ поръ далеко не всегда методы изученія дѣйствія медикаментовъ на больной человѣческой организмъ являются безупречными и не оставляющими сомнѣній по отношенію къ эмпирически рекомендуемымъ средствамъ, тѣмъ не менѣе, критическіе попытки подвести итоги положительнымъ, отрицательнымъ и гадательнымъ свойствамъ фармакологическаго фанала никогда не являются лишними и бесполезными. Изложенію фармакологическихъ и терапевтическихъ свойствъ различныхъ лѣкарственныхъ средствъ, сообразно химической ихъ классификаціи, авторъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ вступительныхъ замѣчаній относительно собиранія и оцѣнки клинико-фармакологическихъ наблюдений. Способы примѣненія лѣкарствъ приурочены въ русскомъ переводѣ къ третьему изданію отечественной официальной фармакопеи.

ДѢТСКІЯ КНИГИ И УЧЕБНИКИ.

„Двѣ сказки Уйда“. Перев. В. М. Гаршина. — „За чужимъ горбомъ“. А. В. Крылова. — „Гайавата“. Лонгфелло. — „Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника“. В. О. Крылова. — „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи“. Е. Крылова. — „Враткія бесѣды о томъ, какъ люди стали грамотными“. П. Полякова.

Двѣ сказки Уйда въ переводѣ Всеволода Михайловича Гаршина. Изданіе второе. Спб., 1890 г. Къ сожалѣнію, только первая маленькая сказка безукоризненно хороша: повѣствованіе о честолюбивой розѣ, которая посредствомъ прививки сдѣлалась изъ *Розы Дамасцена Розой Индикой* и возгордилась, — повѣствованіе, полное неподдѣльной, яркой поэзіи и сильной мысли, производящее впечатлѣніе и способное будить чувство, свидѣтельствуя о тщетѣ человѣческихъ, земныхъ, низменныхъ вождѣльній. Жаль только, что въ переводѣ, который покойному Гаршину вообще очень удался, особенно переводъ повѣсти *Нюренбергская печь*, не сдѣлано для новаго изданія исправлений нѣкоторыхъ странностей и неровностей, отмѣченныхъ критикомъ еще при появленіи перваго изданія сказокъ Уйда (наприм., „Съ каждымъ послѣдующимъ лѣтомъ *Rosa Damascena* становилась все болѣе, интегрально (?) и абсолютно (!), *Rosa Indica*“). Несравненно слабѣе большой рассказъ *Нюренбергская печь*. Въ немъ, при многихъ достоинствахъ отдѣльныхъ деталей, свидѣтельствующихъ о громадномъ талантѣ англійской писательницы, тѣмъ не менѣе, самая суть, самая нить рассказа проведена съ такою изумительною дѣланностью, что онъ представляетъ собою нѣчто прямо противоположное бочкѣ меду и ложкѣ дегтю, напоминающая собою скорѣе бочку дегтю съ ложкой меду. Девятилѣтній мальчикъ такъ полюбилъ случайно попавшую въ квартиру его отца

печку работы знаменитаго нюрнбергскаго художника Гиршфогеля, что когда его отецъ, тѣснимый страшною нуждою, рѣшается продать эту печь собирателямъ художественныхъ рѣдкостей, мальчикъ бранится съ отцомъ, дерется съ покупателями и, не желая разстаться со своимъ сокровищемъ, тайкомъ забирается въ печку; его увозятъ въ Мюнхенъ; нѣсколько сутокъ онъ сидитъ въ печкѣ безъ питья и почти безъ пищи, но терпитъ все ради того, чтобы не различиться со своимъ неодушевленнымъ другомъ; наконецъ, печь продаютъ баварскому королю и, когда этотъ послѣдній приходитъ осматривать ее, мальчикъ выскакиваетъ изъ своего друга, рассказываетъ все королю и... оканчивается рассказъ вполне благополучно: король оставляетъ мальчика у себя во дворцѣ и даетъ ему разрѣшеніе топить своего любимца каждое утро. Очень ужъ это все приторно и мелодраматично; русскимъ дѣтамъ рассказъ этотъ покажется скорѣе смѣшнымъ, чѣмъ трогательнымъ.

За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей А. В. Круглова. Изданіе книжнаго магазина М. Д. Наумова. М., 1890 г. Ц. 80 к. Изъ объявленія, приложеннаго къ новой книгѣ г. Круглова, видно, что авторъ этотъ написалъ уже 19 книгъ для дѣтей. Онъ дѣлаетъ ихъ (именно *дѣлаетъ*) замѣчательно быстро, слѣшно и небрежно. О слѣшности его писанія свидѣтельствуетъ многое множество его сочиненій, изданныхъ въ какія-нибудь 10—12 лѣтъ; о небрежности его работы можетъ съ достаточною ясностью и несомнѣнностью засвидѣтельствовать его новая книжка *За чужимъ горбомъ*. Начинаете вы читать эту повѣсть и, прежде чѣмъ доберетесь до сути, до самаго рассказа, вамъ приходится перебираться черезъ множество ненужныхъ, ничѣмъ не типичныхъ разговоровъ, представляющихся въ повѣсти пустою болтовней, и чрезъ множество сухихъ, скучныхъ описаній, вродѣ слѣдующаго:

Верстаки были завалены разнымъ сапожнымъ инструментомъ. Тутъ находились и различнаго рода шила (тонкія для тачки голенища, толстія для шиванія стелекъ), форштики (тонкіе, чтобы подбивать подошву, и толстіе для набивки каблуковъ), клещи, клепанки (инструментъ для тасканія гвоздей), гладилки (гладить подошвы), рапшики (для поддевки гвоздей на подошвахъ) и т. д.

Можно подумать, что это—страничка изъ какой-нибудь книги подъ заглавіемъ: *Самоучитель сапожника* или *Руководство къ сапожному мастерству*, а не изъ беллетристическаго произведенія. Разговоры персонажей г. Круглова также не отличаются живостью. Нетипичны они и даже невыразительны, вялы, растянуты. Напримѣръ:

- Здравствуй, Макаръ Алексѣичъ.
- Здравствуй, Андрей Ивановичъ. Присядь, только вотъ кончу. Какъ живешь-жешь?
- Слава Богу, Макаръ Алексѣичъ. Ты какъ?
- Благодаренье Господу. Сейчасъ я... Пожди чуточку.
- Ну, здравствуй еще, Андрей Ивановичъ, здравствуй. Какъ Богъ носитъ? Къ намъ зачѣмъ пожаловалъ?

Наконецъ, Макаръ Алексѣичъ и Андрей Ивановичъ перестали здороваться и начинаютъ говорить о дѣлѣ. И опять тянутся эти безпрестанные и безконечные абзацы:

- А?
- Что?
- Ну?
- Какъ?

Впрочемъ, иногда встрѣчаются и варіаціи:

- Что же?
- Ладно!
- Вѣрно!
- Такъ!

Изъ такихъ скучныхъ описаній, характеристикъ и разговоровъ со-

стоитъ первая половина повѣсти, и только съ VII главы замѣчается въ разсказѣ хоть сколько-нибудь движенія. Но тамъ, гдѣ автору представляется возможность дать множество сценъ, полныхъ драматизма, онъ ограничивается тѣмъ, что просто-на-просто перечисляетъ факты:

Митрофанъ разсказалъ все. Отправились въ барку и наши метавшагося въ бреду Клема. Его взяли и свезли въ больницу, а Митрофана урядникъ на первомъ же повѣздѣ увезъ въ Чудово. Остальные обитатели барки, услышавъ о поимкѣ Митрошки, скривились. Напрасно ихъ караулили два дня: они не возвращались въ свое гнѣздо. Семень убѣждалъ вѣстѣ съ ними; однако, въ этотъ же день оставилъ ихъ. Онъ узналъ о поимкѣ Митрошки и бросился дальше, къ Вишерѣ, надѣясь тамъ переждать время поисковъ. Пройдя пѣшкомъ до станціи Гради, онъ тутъ проскользнулъ въ вагонъ пассажирскаго поѣзда. Но проѣхать даромъ ему не удалось, и на Малой Вишерѣ оберъ-кондукторъ сдалъ мальчика начальнику станціи.

Получилось нѣчто вродѣ репортерской замѣтки. А въ общемъ оказалась повѣсть съ растянутымъ началомъ и скомканнымъ концомъ, — нѣчто небрежное и безалаберное. Авторъ не сумѣлъ воспользоваться пришедшимъ ему благодарнымъ и заслуживающимъ тщательной обработки сюжетомъ. Назвавъ свою повѣсть *За чужимъ горбомъ*, онъ, однако, не показалъ, чтобы ея лѣнивый герой, Сенька, когда-либо (кромя развѣ первой главы) прятался за чужой горбъ и выѣзжалъ бы на немъ: Сенька ограничивается лишь тѣмъ, что мечтаетъ быть за чужимъ горбомъ; но на всемъ протяженіи разсказа авторъ не поставилъ его въ то положеніе, въ которомъ онъ его только воображаетъ. Повѣсть не продумана настолько, что заканчивается несимпатичнымъ поступкомъ Сеньки, тогда какъ авторъ увѣряетъ, будто ужъ онъ сталъ „тихій такой, работаетъ, всѣ эти дни выгружалъ дрова“, будто ужъ „исправляется сынъ, одумался и будетъ человекомъ“. Но всѣ эти увѣренія г. Круглова говорятъ намъ очень мало, и его Сенька остается для насъ такимъ же лодыремъ, какимъ и былъ до своего, кажущагося г. Круглову, исправленія. Вотъ какое Сенька принимаетъ рѣшеніе, свидѣтельствующее о томъ, что авторъ сильно ошибается въ оцѣнкѣ нравственныхъ стремленій своего героя:

— Знаешь ли что, Сена? Я думаю тебя къ столару здѣшнему отдать... Какъ те, а?

— Нѣтъ, матушка, — отвѣчалъ онъ, — я не хочу къ столару... Я съ Петербурга хочу ѣхать...

— Какъ въ Петербургъ? Это чѣмъ? — испугалась мать.

— А съ магазинъ къ Ильину... Мы съ Костюгой ѣздимъ... Его отецъ везетъ говорить, что и меня устроить. Это лучше.

— Да чѣмъ же, Сена?

— Лучше: работа легче.

И такъ, авторъ надѣется, что его „одумавшійся“ и „исправляющійся“ герой ѣдетъ въ Петербургъ за дѣломъ. Наивныя надежды! Намъ же думается, что изъ словъ Сеньки рисуются мечты далеко неприглядныя: теперь-то именно и намѣревается онъ спрятаться за чужимъ горбомъ и пристроиться въ легкой работѣ для легкой наживы, такъ какъ онъ находитъ, что „это лучше“. Рисуются намъ и будущность этого героя, любителя легкой работы. Но мы не станемъ рисовать эту будущность читателямъ: она и безъ того ясна всѣмъ и каждому. Пожалѣемъ только, что неясна она автору повѣсти *За чужимъ горбомъ*.

Гайавата (The song of Hiawath). Сказка изъ жизни сѣвероамериканскихъ индійцевъ. Генри Лонгфелло. Съ 30-ю рисунками Н. Н. Каразина. Переводъ и предисловіе Д. Л. Михаловскаго. Спб., 1890 г. Ц. 2 р. *Гайавата* — одно изъ крупнѣйшихъ произведеній знаменитаго Лонгфелло и считается однимъ изъ лучшихъ его твореній. Намъ думается, что названіе „сказки“ слишкомъ мелко для *Гайаваты*, которая по значенію, характеру и силѣ творчества близкаго подходитъ

къ великимъ народнымъ эпопеямъ, какъ, напримѣръ, *Намъ и Дама-янти, Рустемъ и Зорабъ, Романдъ*. Заимствовалъ ли ее Лонгфелло изъ мѣстныхъ индѣйскихъ сказаній, или это—произведение его личнаго творчества,—не можемъ утверждать навѣрное; несомнѣнно, однако, то, что поэма дышетъ народностью, жизненною правдой, въ ней нѣтъ и тѣни поддѣлки подъ чуждый культурному поэту тонъ, она полна той примитивной наивности, той обаятельной мягкости красокъ, колоритности картинъ и прелести образовъ, которыя отличаютъ произведенія народнаго творчества. Поэтъ, очевидно, проникся народными мотивами, и у него создалась эпопея истинно-народная. Описываемыя въ поэмѣ событія происходятъ въ сѣверной Америкѣ; дѣйствующія лица — сѣверо-американскіе индѣйцы, краснокожіе дикари, раздѣленные на множество враждующихъ между собою племенъ. Въ одномъ изъ этихъ племенъ рождается пророкъ Гайавата, которому суждено нести миссію примиренія народовъ и насажденія у нихъ началъ культуры. Начинается дѣйствіе съ тѣхъ временъ, когда дикари не имѣютъ еще понятія ни о скотоводствѣ, ни о земледѣліи, а занимаются охотой, рыбной ловлей и т. п. Описание жизни и пріключеній Гайаваты составляетъ содержаніе этой прекрасной поэмы. Нѣкоторыя главы (Трубка мира, Друзья Гайаваты, Сватовство Гайаваты, Голодъ, Слѣдъ бѣлаго) представляютъ собою жемчужины поэзіи. Надо замѣтить, что въ этой книгѣ, предназначенной для дѣтскаго чтенія, сдѣланы въ педагогическихъ видахъ нѣкоторыя урѣзки, не вредящія, однако, цѣлостности впечатлѣнія и красотѣ общей картины. Самая мысль г. Михаловскаго перепечатать для дѣтей эту поэму изъ его известной книги *Иностранные поэты* заслуживаетъ уваженія и признательности: въ *Гайаватѣ* дѣти найдутъ много здоровой пищи для своего духовнаго существа, много хорошаго подскажетъ она ихъ уму и сердцу; они нуждаются именно въ такомъ чтеніи, которое давало бы имъ гуманныя идеи добра, любви, мира, ласкало бы ихъ воображеніе свѣтлыми, привлекательными образами и воспитывало бы ихъ эстетическій вкусъ хорошими стихами. Для образца приводимъ нѣсколько стиховъ. Пусть по нимъ читатели наши составятъ себѣ хоть нѣкоторое понятіе о достоинствахъ поэмы и ея перевода.

У дверей вѣтра, молча,
За своей сидѣлъ работой
Стрѣлодѣлатель почтенный.
Дѣлалъ онъ головки къ стрѣламъ,
Острия изъ халцедона;
Рядомъ съ нимъ сидѣла тоже
Миннегага за работой,
И плела она циновки
Изъ тростинъ и травъ болотныхъ.
Оба думали въ молчаньи,
Онъ—о томъ, что прежде было,
А она—о томъ, что будетъ.

Думалъ онъ о дѣяхъ минувшихъ,
Какъ подобными стрѣлами
Убивалъ онъ на охотѣ
И оленей, и бизонныхъ;
Какъ однажды подстрѣлилъ онъ
Гуса Везу, влетѣ ударивъ,
И о волнахъ онъ думалъ,
Что толпами приходили
Покупать такія стрѣлы,
И безъ нихъ не шли сражаться.

„Нѣтъ такихъ бойцовъ ужь нынче,
 Не найдешь ихъ въ дѣломъ свѣтѣ!
 Намъ оружїа не надо:
 Всѣ теперь мужичны стали
 Точно бабы, и работать
 Лянкомъ однимъ горазды“.
 Отдохнувши, всталъ, и долго
 Послѣ медлил у порога,
 И, отправясь въ путь обратный,
 Оборачивался часто.
 И слыхала Миннегага,
 Какъ отецъ хвалилъ ей гостя,
 Восхвалялъ въ немъ умъ и храбрость.
 „Не придетъ ли за стрѣлами
 Молодой охотникъ снова
 Къ водопадамъ Миннегаги?“
 И, при этой мысли, праядно
 Руки дѣвушки лежали
 На неконченной циновокѣ;
 Взглядъ докотанки прекрасной
 Былъ задумчивъ и расбѣянъ.

Нельзя не пожелать, чтобы книга эта нашла себѣ мѣсто въ любой дѣтской библиотекѣ.

Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. В. О. Крижа. Выпускъ I, содержащій въ себѣ 27 статей для самостоятельнаго чтенія сельскаго школьника. Каждая статья можетъ быть выдаваема ученику на домъ отдѣльно отъ прочихъ. Для вкладыванія и сбереженія статей изданъ особый корешокъ съ полезными для ученика свѣдѣніями. Москва, 1889 г. Ц. книги 18 коп., цѣна корешка 2 коп. Книжка эта представляетъ довольно много удобствъ и по содержанію своему, и въ матеріальномъ отношеніи. По содержанію—такъ какъ изъ 27 статей, помѣщенныхъ въ ней, большая часть пригодна и полезна для сельскаго школьника; въ матеріальномъ отношеніи—такъ какъ ею могутъ сразу пользоваться 27 учениковъ, а между тѣмъ, цѣна ей всего 18 коп. Все это—большая заслуга, особенно если принять во вниманіе, съ одной стороны, бѣдность школьной литературы вообще и относящейся къ домашнему чтенію въ частности, а съ другой—скудость денежныхъ средствъ въ сельскихъ школахъ.

Жаль, однако, что г. Крижа не совсѣмъ ясно, повидимому, представляетъ себѣ значеніе своей книжки. Въ „замѣчаніяхъ для учащихся“, брошюрѣ, приложенной къ разбираемой книжкѣ, онъ совершенно вѣрно перечисляетъ (стр. 3—4) результаты цѣлесообразнаго домашняго чтенія; но такъ какъ результаты эти слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны, то при настоячивомъ и, пожалуй, навязчивомъ перечисленіи г. Крижа невольно можетъ явиться вопросъ, не чрезмерно ли авторъ убѣжденъ въ особенномъ достоинствѣ своей книжки, и не думаетъ ли онъ, что книжка его произведетъ нѣчто вродѣ переворота въ школьно й литературѣ?

Въ Между тѣмъ, хотя дѣйствительно большая часть его статей (собственныхъ и передѣланныхъ) удобна, какъ уже сказано, для чтенія всякаго школьника, однако, есть и совершенно недоступныя для этого послѣдняго. Таковы, напримѣръ, біографіи Кольцова и Крылова. Цѣль г. Крижа — познакомить крестьянскихъ дѣтей съ народными писателями, конечно, хороша, но она, все-таки, не оправдываетъ средствъ. Все идетъ отлично, пока авторъ просто рассказываетъ; но чуть только онъ начнетъ философствовать — ниши пропало. Онъ пускается въ такія отвлеченности, что ни одинъ крестьянскій мальчишъ не только

не пойметъ ихъ, но и не дочитаетъ статьи до конца. Ну, можетъ ли ученикъ, крестьянскій мальчикъ, проникнуться такимъ опредѣленіемъ поэта: „Поэтомъ называютъ такого человѣка, который видитъ больше, чѣмъ всѣ видятъ, чувствуетъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенные люди чувствуютъ“, и т. д. все въ томъ же духѣ (статья 18, стр. 3)?

Вообще пока еще нельзя сказать, чтобы книжка г. Крижа произвела какой-нибудь переворотъ, несмотря на особенное устройство корешка. Будемъ ожидать слѣдующихъ выпусковъ.

Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII класса гимназій. Выпускъ I. Исторія Греціи и Рима. Составилъ Евстафій Крыловъ. Москва, 1890 г. Мысль издать систематическій повторительный курсъ, излагающій тѣ отдѣлы исторіи, которые требуются въ болѣе значительномъ объемѣ на экзаменѣ зрѣлости, весьма полезна и остроумна. Существующіе учебники не только не удовлетворяютъ этому требованію, но даже являются плохими произведеніями и въ другихъ отношеніяхъ, такъ что составителю перваго выпуска повторительнаго курса, посвященнаго Греціи и Риму, предстояло: во-первыхъ, написать учебникъ, удовлетворяющій научнымъ и педагогическимъ требованіямъ лучше, чѣмъ это дѣлаютъ авторы вродѣ гг. Иловайскаго, Белларминова, и т. д., и, во-вторыхъ, выполнить свою спеціальную задачу, которой его предшественники не имѣли въ виду. Ознакомившись съ книжкой г. Крылова, мы пришли къ убѣжденію, что какъ по подготовкѣ, такъ и по своимъ дарованіямъ авторъ могъ бы написать хорошій учебникъ, но, повидимому, онъ не обладаетъ еще необходимыми для подобной работы качествами: педагогическою опытною и тактомъ.

Новый учебникъ исторіи Греціи и Рима для учениковъ, готовящихся перейти изъ средней школы въ университетъ, долженъ отличаться серьезнымъ тономъ и осторожною сдержанностью въ сужденіяхъ. Составитель подобнаго учебника имѣетъ передъ собою трудную и щекотливую обязанность стать выше фактическаго матеріала, избѣгая излишнихъ подробностей и, притомъ, не вдаваться въ ненужныя разсужденія, т.-е. заставлять учащихся привыкать къ повторенію чужихъ словъ и сужденій. Искусная группировка фактовъ, стройность изложенія и здравья, лишенная эффектности обобщенія должны осмыслить для учащихся матеріалъ, извѣстный изъ предшествовавшихъ курсовъ, и приготовить ихъ къ пониманію важнаго значенія выдающихся событій и явленій въ исторіи развитія человѣчества и роднаго народа. Хлесткія фразы, блестящія, рѣзкія характеристики должны быть исключены изъ учебника. Прямыя вышесказанныя требованія къ повторительному курсу г. Крылова, мы, прежде всего, считаемъ долгомъ выразить несогласіе съ общимъ тономъ учебника. Онъ написанъ отъ начала до конца языкомъ бойкимъ и смѣлымъ, но языкъ этотъ, умѣстный въ публичныхъ чтеніяхъ и въ статьяхъ, имѣющихъ цѣлью возбудить извѣстный вопросъ въ публикѣ, вполне подходящій къ требованіямъ минуты и публицическимъ задачамъ, слишкомъ легкокъ, поверхностенъ для подведенія итоговъ историческаго курса и для формулировки серьезныхъ, основныхъ историческихъ знаній, которыя учащійся долженъ вынести изъ школы въ жизнь. Это замѣчаніе нисколько не связано съ требованіемъ какой-нибудь педантичности, оно не выказываетъ желанія видѣть въ нашей школѣ тяжеловѣсный и замысловатый учебникъ, подобный многимъ произведеніямъ нѣмецкой педагогической литературы, какъ, наприм., цитируемый авторомъ въ предисловіи учебникъ Гербета. По-

нашему крайнему разумѣнію, составителямъ русскихъ руководствъ и учебниковъ не мѣшало бы заглянуть въ соотвѣтственныя сочиненія англійскихъ ученыхъ и педагоговъ, которыхъ руководства знаменитый нѣмецкій историкъ Нибуръ считалъ образцовыми. Увлекаясь бойкостью изложенія, г. Крыловъ строить фразы, употребляетъ выраженія и дѣлаетъ ошибки, которыхъ бы онъ избѣжалъ при болѣе хладнокровномъ и обдуманномъ изложеніи. Мы бы не рѣшились сказать по поводу языка Софокла, что „языкъ Софокла чистый, изящный, перлъ созданія греческаго гения. По изяществу языка, изъ новыхъ поэтовъ съ Софоломъ можетъ соперничать развѣ только нашъ Пушкинъ, поэтъ во многомъ конгеніальный Софолу“, или: „Новая гегемонія Спарты, начавшаяся съ паденія Аѳинъ послѣ пелопонесской войны, наполнена явлениями, свидѣтельствующими о быстромъ вырожденіи эллинизма“. Последняя фраза заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора. Во-первыхъ, гегемонія, т.-е. первенство Спарты, не можетъ быть наполнена явлениями; во вторыхъ, эллинизмъ употребленъ здѣсь неумѣстно; выраженіе это употребляется какъ понятіе, характеризующее извѣстную культуру, и въ такомъ смыслѣ эллинизмъ оказывалъ сильное всемірно-историческое вліяніе не только въ александрійскую эпоху, но и во времена Римской имперіи. Авторъ въ этомъ мѣстѣ хотѣлъ говорить о быстромъ вырожденіи греческаго общества, греческой государственной жизни, но не о вырожденіи культуры греческой, давшей послѣ пелопонесской войны произведенія Аристотеля, системы эпикурейцевъ и стоиковъ, труды Эратосена, Птоломея, научныя открытія Архимеда.

Въ сочиненіи, подобномъ книгѣ г. Крылова, непріятно дѣйствуютъ многочисленные промахи, происходящіе отъ поспѣшнаго писанія. „Термопильское ущелье“ перешло къ автору изъ учебника г. Иловайскаго безъ измѣненія (слово ущелье означаетъ тѣсное мѣсто въ горахъ, узкую долину между отвѣсными горами, а не тропинку между горой и болотистымъ, морскимъ берегомъ, которую слѣдуетъ назвать проходомъ). „Корцира (Корфу) съ университетскимъ (?) городомъ“. Какое это имѣетъ значеніе для Древней Греціи? Деміурги названы рабочими пролетаріями (среди нихъ были лица, занимавшіяся торговлей, но не владѣвшія землей). Теты времени Гомера именуется „лично свободными наймитами“. „Остатки персовъ“ (т.-е. армія въ нѣсколько сотъ тысячъ) „были разбиты при Платеѣ“. „Сократъ выступаетъ противъ нихъ“ (софистовъ) „и другихъ недостатковъ аѳинской жизни“. „Всемірно-историческое значеніе Рима опредѣляется главнѣйшимъ образомъ сохраненіемъ, распространеніемъ и обогащенною передачей эллинскаго образованія новымъ народамъ“. „Настоящіе италики безпримѣсно уцѣлѣли только въ средней части полуострова“. Тутъ же авторъ разрѣшаетъ, не разрѣшенный наукой, вопросъ объ этрускахъ; они не только индоевропейцы, но даже италики. Образование рода объяснено такъ: „Малопомалу семья разрослась въ родную общину“. О кліентахъ сказано: кліенты (cliens—послушникъ). Народное собраніе по куріямъ у г. Крылова—вѣче. „Какъ первоначальное государственное устройство Рима преданіе приписало Ромулу, conditor'у urbis, такъ слѣдующій царь Нума Помпилій является въ роли auctor'a juris divini“. Эти уродливыя латинскія слова съ русскимъ окончаніемъ представляютъ продуктъ классической системы, которой авторъ, повидимому, поклоняется. Учебникъ его испещренъ греческими и латинскими терминами и фразами.

Изложеніе неравномѣрно. Въ географическомъ обзорѣ Греціи городовъ немного и названія ихъ написаны по-русски. Въ географическомъ

обзоръ Италиі городовъ значительно больше: въ одной Верхней Италиі—9 городовъ и почти всѣ они поименованы по-латыни. Сократу посвящено только 7 строкъ, причемъ о казни его повѣствуется, что онъ „не нашель въ обществѣ поддержки и палъ жертвой демократической реакціи Аениъ, которой также были враждебны его возвышенныя мысли“.

Мы бы не распространились въ такой степени по поводу учебника г. Крылова, если бы онъ не имѣлъ достоинствъ, ставящихъ его выше бездарныхъ компиляцій, которыми такъ богата наша учебная литература. Надѣмся, что не лишенный дарованія авторъ, поработавъ болѣе усидчиво и приобрѣта педагогическій опытъ, напишетъ современемъ хорошій и серьезный учебникъ всеобщей исторіи, а пока его первую попытку мы не можемъ считать удачною и пригодною для нашей средней школы.

Краткія бесѣды о томъ, какъ люди стали грамотными. Учитель Петра Полякова. Спб., 1889 г. Цѣна 10 коп. *Краткія бесѣды о томъ, какъ люди стали грамотными*, написаны не совсѣмъ грамотно въ смыслѣ самого же автора, „по которому слово *грамотный* выражаетъ понятіе о чловѣкѣ образованномъ, книжномъ, начитанномъ“ (см. стр. 7). Въ самомъ дѣлѣ, доказываютъ ли большую книжность, начитанность и образованіе замѣчанія г. Полякова, вродѣ того, будто „*борьба за существованіе*—самый первый источникъ нашихъ грѣховъ передъ Богомъ“ (стр. 5)? Но и помимо этого, г. Поляковъ, какъ кажется, вовсе не выясилъ себѣ, что собственно занимаетъ центральное мѣсто въ его бесѣдахъ: повидимому, въ маленькой брошюрѣ онъ хотѣлъ сказать объ очень многомъ, и его изложеніе выходитъ по временамъ сбивчиво и запутанно. Таковы разсужденія объ „*героглифахъ*“. Впрочемъ, подобныя разсужденія, кромѣ несомнѣнной сбивчивости, странны и по другой причинѣ: г. Поляковимъ руководило, какъ онъ говоритъ, „желаніе дать народу назидательное и полезное чтеніе“ (см. стр. 6),—спрашивается, на какой же народъ разсчитываетъ г. Поляковъ и неужели *Краткія бесѣды* могутъ быть дѣйствительно назидательны и полезны, а не скучны и непонятны для народа?

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Путеводитель по московской святынь“. Ф. И. Рычина.—„Таблицы для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно“. П. А. Гетье.—„Обиходная рецептура“. Эмпе.—„Словарь кавказскихъ дѣятелей“.

Путеводитель по московской святынь. Пятое, дополненное изданіе Ф. И. Рычина. Москва, 1890 г. Ц. 1 р. 75 коп. Мы не знаемъ, когда вышла эта книга первымъ изданіемъ и во сколько времени разошлись четыре ея изданія; но уже одно то, что книга печатается пятимъ изданіемъ, доказываетъ большой спросъ на описанія святынь московскихъ. Только этимъ, да невысокими требованіями публики, раскупающей подобныя описанія, можно объяснить успѣхъ книги г. Рычина. Въ ней повѣствованія о житіяхъ святыхъ, списанныя съ *Прологовъ* и изложенныя языкомъ, недалеко упедшимъ отъ подлинника, чередуются съ длинными лирическими отступленіями въ такомъ родѣ: „На колокольнѣ повѣшенъ большой колоколъ въ 915 пудъ, который въ воскресные и праздничные дни гудитъ на всю окрестность. Сколько въ этомъ святомъ звукѣ чудеснаго обаянія, духовнаго озаренія, церковной сладости! Какое православное сердце, слыша этою дорогою звукъ, не забьется

благоговѣйнымъ трепетомъ, чья рука не поспѣшитъ сложиться въ крестное знаменіе? Какъ онъ неотразимо влечетъ къ себѣ; какое успокоеніе, отрезвленіе, сколько нравственной бодрости и силы вливаетъ онъ въ душу! Нѣтъ той немощи, которая не почувствовала бы силы и укрѣпленія; нѣтъ того горя и печали...“ и т. д. „Рука злодѣя, поднятая на страшное преступленіе, при ударѣ колокла, бессильно опускается и бросаетъ смертоносное орудіе“... И такъ на цѣлыхъ страницахъ. „Россіянинъ, вступившій въ Кремль! вспомни тѣ тяжкія времена, которыя переживали наши предки, когда буйныя страсти и беззаконія людей требовали наказанія, дабы ущѣломудрить людей, за что Господь Богъ неоднократно предавалъ Русскій народъ врагамъ, разнымъ болѣзнямъ, смертности, неурожаямъ и другимъ наказаніямъ“... „Соборъ Архангельскій—это Иосафатова ядоль Россіи, миренъ, тихъ да булетъ царственный сонъ твой до послѣдняго утра; когда, по лицу всея земли, кости сухія услышатъ слово Господне, и, вмѣстѣ съ глаголомъ Божиимъ, будетъ гласъ и землетрясеніе, стануть совокупляться кости“... и т. д. Въ перечисленіи коронацій, происходившихъ въ Успенскомъ соборѣ, пропущены, не безъ умысла, конечно, коронаванія Лже-Димитрія и Марины Юрьевны, хотя въ другомъ мѣстѣ говорится объ этомъ, причемъ Самозванецъ названъ, по старинѣ, „инокомъ Григорьемъ, сыномъ галицкаго боярина Богдана Отрепьева“. Въ перечисленіи же самыхъ святыхъ есть существенные пропуски: не упомянуто о греческомъ Николаевскомъ монастырѣ на Никольской, о нѣкоторыхъ часовняхъ съ иконами, высокочтимыми москвичами, о нѣкоторыхъ церквахъ, имѣющихъ историческое значеніе, какъ, напримѣръ, пропущены церкви: Вознесенія Господня, оставшаяся отъ Варсонофьевскаго монастыря, св. Николая Чудотворца въ Столпахъ, въ Армянскомъ переулкѣ, съ усыпальницей семейства боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, Успенья Богородицы въ Крутицахъ, одна изъ древнѣйшихъ церквей Москвы, и другія. Вообще приходскія церкви только перечислены составителемъ, да и то далеко не сполна, какъ сказано выше; а между ними есть не мало такихъ, о которыхъ стоило бы поговорить не менѣе подробно, чѣмъ о нѣкоторыхъ монастыряхъ, исключивши изъ книги лирическія мѣста о „красномъ звонѣ“ и иное умиленное пустословіе. А впрочемъ, мы не возьмемъ на себя утверждать, что не этимъ, именно, мѣстамъ книга обязана своимъ успѣхомъ среди извѣстной части московской публики, готовой и теперь еще заслушиваться всякимъ благочестивымъ враньемъ странницъ и трепетать при словѣ „жупель“. Къ книгѣ приложено 38 гравюръ на деревѣ, воспроизводящихъ изображенія соборовъ, монастырей, святыхъ иконъ и іерарховъ, занимавшихъ святительскій престолъ московскій. Рисунки эти прекрасно исполнены типо-литографіей И. Н. Купшерева и К^о.

Таблицы для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно. Составилъ инженеръ П. А. Гетье. Москва, 1889 г. Книжка весьма полезная для тѣхъ, кому приходится часто переводить метрическія мѣры въ русскія и обратно. Содержаніе слѣдующее: таблицы для перевода дюймовъ отъ 1 до 100 миллиметровъ, футовъ (отъ 1 до 500) въ метры, саженей (отъ 1 до 500) въ метры, аршиновъ (1—100) и вершковъ въ метры, верста — въ километры; затѣмъ слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ таблицы для перевода ввадратныхъ и кубическихъ мѣръ. За таблицами, показывающими, какъ перевести четверики, четвертки и ведра въ литры, авторъ приводитъ таблицы для перевода русскихъ мѣръ вѣса въ метрическія доли, въ миллиграммы, золотники въ грам-

мы, фунты и пуды (аптекарскій и гражданскій) въ килограммы, граны, драхмы и унціи въ граммы. Последнія таблицы въ первой части показываютъ, какъ давленіе, выраженное въ фунтахъ или пудахъ на квадратный дюймъ, выразить въ килограммахъ на квадратный сантиметръ. Закончивъ первую часть таблицей для перевода пудо-фунтовъ въ килограмметры, авторъ во второй части помѣстилъ таблицы для обратнаго перевода метрическихъ мѣръ въ русскія.

Обиходная рецептура. Эльпе. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ книжкѣ г. Эльпе 263 рецепта, върѣе же—наставленія по „домоводству, гигиенѣ, распознаванію фальсификацій, садоводству, огородничеству и цвѣтоводству, скотоводству, птицеводству“ и т. д. Такія наставленія печатаются обыкновенно въ модныхъ и въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Г. Эльпе собралъ свои „практическія“ указанія изъ газеты *Новое Время*. Практически большинство его рецептовъ никому и ни на что не нужно. У издателей Никольской улицы находятся въ продажѣ цѣлыя энциклопедіи подобныхъ наставленій съ тысячами и даже съ десятками тысячъ всевозможныхъ способовъ сохранять продукты, выращивать необыкновенные плоды и цвѣты, предсказывать погоду и продѣлывать всякіе забавные пустяки въ кладовой, въ саду и въ огородѣ. Въ глуши провинціи находится и теперь не мало добровольцевъ-экспериментаторовъ, охотно покупающихъ подобныя вздорныя книженки въ упованіи, что почерпнуть изъ нихъ вѣрнѣйшія указанія, какъ продѣлывать „чудеса въ рѣшетѣ“. Въ этомъ смыслѣ „никольскія“ энциклопедіи много обширнѣе, разнообразнѣе, занимательнѣе и смѣшнѣе *Обиходной рецептуры* г. Эльпе. Во всякомъ случаѣ, надо имѣть совершенно исключительную склонность къ „обиходной“ пустяковинѣ для того, чтобы платить полтора рубля за *Рецептуру* г. Эльпе, да и вообще тратить деньги на вздорныя книженки этого сорта.

Словарь кавказскихъ дѣятелей. Приложение къ справочной книгѣ старожила: „Кавказъ“—№ 1. Тифлисъ, 1890 г. Справочная книга старожила—*Кавказъ* издана была первоначально въ 1887—1888 гг., въ прошломъ 1889 г. она начала издаваться вновь, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, причѣмъ въ томъ же году были уже изданы I и II выпуски книги. Какъ справочная книга, *Кавказъ* старожила весьма полезное изданіе; она заключаетъ въ себѣ разныя свѣдѣнія о Кавказѣ, изложенныя сжатю, но толково и систематично. Программа „справочной книги“ довольно полна; а именно: I и II выпуски вмѣщаютъ въ себѣ общій очеркъ, населенные пункты и дороги; III вып.—историч. очеркъ; IV вып.—населеніе, происхожденіе его, языкъ, религія и обычай; V вып.—литература о Кавказѣ, туземная литература, театр; VI вып.—учрежденія и законы; VII вып.—сельское хозяйство, промышленность и торговля. *Словарь кавказскихъ дѣятелей* есть приложение къ справ. книгѣ *Кавказъ*. Кромѣ *Словаря*, предполагается издать особыми, самостоятельными выпусками также приложенія, въ которыхъ войдутъ: списокъ сочиненій о Кавказѣ, лексиконъ общеупотребительныхъ на Кавказѣ словъ и проч. Польза подобныхъ изданій очевидна сама собою, конечно, при условіи рациональной постановки дѣла.

Что касается *Словаря*, то онъ на 85 страницахъ (въ 8-ю л. л. м. ф.) мелкаго, убористаго штрифта вмѣщаетъ въ себѣ сжатія біографическія данныя о множествѣ кавказскихъ дѣятелей,—о дѣятеляхъ, впрочемъ, „только нынѣшняго столѣтія“. Въ числѣ дѣятелей видное мѣсто, по числу, занимаютъ лица, въ большей или меньшей степени причастныя

къ литературному дѣлу. Тутъ встрѣчаются Лермонтовъ и Грибоѣдовъ, съ одной стороны, и съ другой—Давида-пвили—грузинскій народный поэтъ, по профессіи столяръ, и Гуріели, вн. Мамаіа, который „по сжатости и силѣ стиха имѣеть нѣкоторое сходство“ съ Лермонтовымъ. Насъ удивило, что въ *Словарь*, на ряду съ Лермонтовымъ и Грибоѣдовымъ, составители не отвели мѣсто Пушкину. Въ 1829 г. Пушкинъ проживалъ въ Тифлисѣ; въ этомъ городѣ названа улица его именемъ, а на домѣ, гдѣ поэтъ проживалъ, красуется мраморная доска съ соотвѣтствующею надписью.

Попадаютъ въ *Словарь* и такіа біографіи: „Лордъипанидзе—груз. княз. и двор. родъ въ Имеретіи (Кут. у.)“...

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европа“, июль.—„Русскій Вѣстникъ“, апрѣль—май. „Кіевская Старина“, ноябрь 1889 г.—май 1890 г.

Вѣстникъ Европы, июль. Оконченный въ настоящей книгѣ *Вѣстника Европы* романъ г. Боборыкина *На ущербъ* преслѣдуетъ обширную задачу,—задачу, быть можетъ, слишкомъ обширную и трудную для писателя, но, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно любопытную. Несмотря на множество страницъ весьма „легкаго“ содержанія, несмотря на хитрую романтическую интригу во французскомъ вкусѣ, произведеніе г. Боборыкина въ его цѣломъ носитъ серьезную идейную подкладку, уже чисторусскаго, отечественнаго происхожденія. И она заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

Идея романа *На ущербъ* сказывается уже въ самомъ заглавіи его. Г. Боборыкинъ, какъ извѣстно, любитъ описывать все самое новенькое, все, въ чемъ, по его мнѣнію, еще бьется пульсъ жизни именно сегодняшняго дня, — будь это порою хотя бы не болѣе, какъ модная парижская картинка, или модная теорія, или кака-либо матеріальная мелочь. Къ слову сказать, это пристрастіе къ *модѣ* ради моды и эта неразборчивость сильно повредили таланту нашего романиста. Но въ данномъ своемъ произведеніи, которое тоже описываетъ *сегодняшній* день въ буквальномъ смыслѣ, авторомъ взята не одна мелочь, не одни модные моральные игрушки и пустяки, а затрогиваются самыя серьезныя и чувствительныя стороны современности.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, нашъ *сегодняшній* день? Это, дѣйствительно, свѣтъ *на ущербъ*; это—замираніе умственныхъ интересовъ, охлажденіе нравственной температуры, скука и апатія; это—разложене старыхъ связей и союзовъ, отсутствіе новыхъ талантовъ, уменьшеніе спроса на стыдъ и совѣсть. Въмѣсто проповѣди моральной отвѣтственности передъ прошлымъ и передъ будущимъ, на поверхность самоувѣренно выступила проповѣдь, приглашающая удовлетвориться настоящими сумерками, проповѣдь утѣхъ и самоуслажденій всякаго рода,—утѣхъ любовью, карьерой, спортомъ, наслажденіемъ, красивыми формами. Ни оглядки, ни смущенія, ни колебаній не замѣчается у тѣхъ представителей интеллигенціи, которые исповѣдаютъ это новѣйшее теченіе...

Вотъ эти-то сѣрые тоны нашей дѣйствительности, этою убывающимъ свѣтъ и старается отразить г. Боборыкинъ въ своей картинѣ *На ущербъ*; онъ стремится показать, насколько и какимъ образомъ наше регрессивное время воплотилось въ представителяхъ молодаго поколѣнія 80-хъ годовъ, какіе типы оно создало. Поэтому главными дѣйствующими лицами романа являются исключительно люди интеллигентнаго круга,

причастные наукѣ и искусству: на ихъ поведеніи или на ихъ положеніи, разумѣется, полнѣе и точнѣе отразилась смѣна времени, на нихъ можно нагляднѣе прослѣдить общую убыль свѣта. Правда, нашъ авторъ, по обыкновенію, распространялъ свои наблюденія не столько вглубь, сколько вширь: вѣсть его захватила чрезмѣрную массу лицъ, нарисовала пропасть всевозможныхъ сценъ,—краски неминуемо должны были получиться жидковатыя; но, все-таки, въ обширномъ калейдоскопѣ романа найдется нѣсколько очень удачно схваченныхъ фигуръ и положеній, мѣтко характеризующихъ современное интеллигентное общество и его настроеніе. Особенно удалась г. Боборыкину наиболѣе цѣльные и яркіе выразители нашего „ущербнаго“ времени, взятые изъ молодаго поколѣнія, фигурирующаго въ университетской, студенческой и литературной средѣ. Таковъ, на примѣръ, маленькій „юркій“ доцентикъ, а вскорѣ профессоръ, Куликовъ, который со всѣми ладитъ и вездѣ поспѣваетъ. Малая величина сія, не имѣющая ни таланта, ни самостоятельныхъ взглядовъ, ни вѣрныхъ убѣжденій, умѣетъ быстро пробиться впередъ, во-время пристать, во-время отстать,—словомъ, ловко лавировать въ пучинѣ сталкивающихся теченій или же просто личныхъ интригъ въ своей средѣ. Куликовъ умѣетъ и жениться какъ слѣдуетъ на образованной и вѣстѣ состоятельной „бояршнѣ“ съ Патриаршихъ прудовъ, которая своимъ умомъ и талантами поможетъ ему сдѣлать блестящую карьеру. Она, въ свою очередь, хотя и превращаетъ молодаго доцента, вида насквозь его мелкую душонку и ничтожество, однако, обуреваемая честолюбіемъ, охотно связываетъ съ нимъ свою судьбу: она вѣритъ, что приличная бездарность эта, юркій Куликовъ, добьется всегда своей цѣли,—достигнетъ степеней высокыхъ на учено-административной лѣстницѣ. А этой развращенной интеллигенткѣ больше ничего отъ мужа и не нужно.

Но самымъ темнымъ пятномъ описываемой среды является, конечно, профессоръ Сохинъ. Этотъ нѣкогда либеральничалъ, примыкалъ къ тѣсному кружку искреннихъ друзей науки и прогресса, а нынѣ занялъ такую позицію, что честные люди изъ его бывшихъ товарищей не въ состояніи выносить его присутствія. Одинъ изъ нихъ не можетъ сдерживать чувства омерзенія и прямо-таки выпроваживаетъ всюду втирающагося безстыднаго Сохина съ товарищескаго обѣда. Создается такъ называемая „исторія“, не на шутку напугавшая и разстроившая мирно благодушествовавшихъ мужей науки... Глѣбнѣе и нравственною немощью отдаетъ также отъ образа, служащаго представителемъ современныхъ молодыхъ поэтовъ, графа Загарина. Хилый душою и тѣломъ, слабенькій „поэтикъ“ живетъ вымышленными, а не живыми впечатлѣніями, преклоняется передъ „формой“, передъ богатою римой и вычурнымъ слогомъ. Загаринъ является восторженнымъ послѣдователемъ французской школы декадентовъ, въ духъ которой и сочиняетъ свои сонеты. Онъ благоговѣнно культивируетъ свое я, слѣдитъ за „эманациями“ этого я, восторгается ими какъ художникъ; единственное, что нарушаетъ его созерцательный экстазъ, это—скорбь о хрупкости „прекраснаго“. Дѣтски-суевѣрный и, въ то же время, тронутый моднымъ пессимизмомъ „эклектикъ“, Загаринъ ничего не отвергаетъ и силится все согласать: догматы съ Спинозой, съ Шопенгауэромъ, съ законами природы, романтизмъ—съ натурализмомъ и даже съ парижскою школою „декадентовъ“. Таковъ „поэтъ“ нашего вѣка. Но наиболѣе законченнымъ и яркимъ образомъ въ романѣ г. Боборыкина является представитель современной учащейся молодежи, студентъ Гриша Канцевъ. Ха-

рактически его заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться подробнѣе. Это юноша, всю душу свою полагающій въ приманки матеріальной жизни. Внѣшность, костюмъ имѣютъ для него огромное значеніе. Его ухватки свѣтскаго офицера, изученныя въ партерѣ Михайловскаго театра, манера, съ которой онъ носитъ студенческую форму, шлягу, спортукъ съ бѣлою шелковою подкладкой и проч., дѣлаютъ изъ Гриши Канцева какъ бы образецъ особой новой породы, — „бѣлоподкладочника“, какъ называетъ его родной отецъ, который съ удивленіемъ и горечью наблюдаетъ на собственномъ сынѣ нравственную метаморфозу, происшедшую въ рядахъ учащейся молодежи. Старикъ Канцевъ — простая душа, честный труженикъ-чиновникъ, безъ отдыха работающій на свою эгоистическую, расточительную семью. Онъ чувствуетъ, что лучше ужъ не присматриваться къ душевнымъ качествамъ сына, его поведенію, идеаламъ и правиламъ... „Наука для этого „красавца“ существуетъ только какъ средство выдержать государственннй экзаменъ; читаетъ онъ однѣ порнографическія вещи, что вовсе и не думаетъ скрывать; если онъ и бываетъ въ какомъ-то кружкѣ молодыхъ литераторовъ, то „смѣху ради“; искусство сводится для него къ игрѣ на гитарѣ и посѣщенію, изрѣдка, общества мандолинистовъ, а пристрастіе имѣетъ онъ, съ дѣтства, только къ спорту, во всѣхъ его видахъ; онъ считается однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ велосипедистовъ... Не хочется отцу допытываться и до характера, его отношеній ко вдовѣ Мещериной... Она старше Гриши лѣтъ на двѣнадцать, а, кажется, у нихъ что-то очень похожее на интимность... Эта Мещерина — богатая женщина, пустая, довольно непорядочная, съ цыганскимп замашками, „кутилка“, какъ она сама себя прозвала. Съ нѣкоторыхъ поръ Гриша не проситъ что-то денегъ, сверхъ того, что получаетъ отъ отца впередъ, перваго числа каждаго мѣсяца. Когда Порфирій Николаевичъ раздумается объ этомъ, у него даже потъ выступитъ на вискахъ“. Сынъ въ свою очередь относился къ отцу свысока, говорилъ съ нимъ, точно онъ старшій братъ, снисходительно и суховаты, съ особенными интонаціями, въ которыхъ сквозили скептицизмъ и *сознаніе превосходства своего поколѣнія* и всего того, что Гриша считалъ стѣпущимъ, что входило къ его философію жизни. Отца онъ, даже въ разговорѣ съ матерью и сестрой, называлъ не иначе, какъ „фатеръ“, и участвовалъ въ ихъ постоянномъ заговорѣ противъ добряка, обреченнаго на роль дойной коровы. „Философія“ же студента Канцева была очень не замысловата. „Чувство увлеченія, энтузіазма было ему совершенно чуждо. Онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь на лекціи загорѣлись у него глаза, краска прилила бы къ щекамъ, въ груди сперлось бы отъ мозгового обаянія. Слышалъ онъ рассказы про то, какъ аудитория увлекалась профессорами, хлопала имъ, носила ихъ на плечахъ... даже въ зданіи университета. Но когда?... Въ „невозможное“ время, — любимое слово Григорія Порфирьевича, — когда по корридорамъ расхаживали „стриженыя“, когда Богъ знаетъ изъ-за чего всѣ бѣсновались, собирали сходки, кричали, спорили, дѣлали демонстраціи на улицахъ, ходили въ смазныхъ сапогахъ и красныхъ рубашкахъ, смотрѣли не то дворниками, не то наборщиками.

Все это было... Теперь увлекаться некъмъ, выходить изъ себя — глупо, мечтать и строить фразы — смѣшно и неприлично... Надо жить и устраивать себѣ пріятную жизнь, что онъ и дѣлалъ. Гимназія съ ея зубреніемъ и письменными работами все въ одномъ направленіи какъ бы сдѣлалась для него своего рода спортомъ, пріучила къ напряженію

мозга и мышцъ, къ искусственному вниманію, къ одолеванію трудностей, отъ которыхъ ему не было ни тепло, ни холодно... Голова его работала основательно и къ двадцати годамъ усвоила себѣ почти законченное пониманіе жизни, гдѣ отвлеченныя идеи, порывы, стремленія и „вопросы“ отнесены были къ разряду „пустяковъ“, не стоящихъ вниманія, и опасныхъ формъ убиванія времени... Онъ цѣнилъ только фактическое преимущество въ товарищахъ и во всѣхъ, кого встрѣчалъ дома и въ обществѣ. Знаешь всѣ греческіе неправильныя глаголы—„молодецъ“; можешь писать прямо итогъ восьми столбцовъ цифръ, по десяти въ каждомъ—„лихо“; пройдешь верхомъ изъ Петербурга въ Москву въ трое сутокъ—„завидно“; выдержишь полдня стоя въ водѣ, выше колѣнъ, для уловки хитрой рыбки—„честь тебѣ и слава!“ И, главное, чтобы все это тебѣ самому доставляло пользу и удовольствіе, чтобы ты жилъ какъ тебѣ хочется, чтобы ты чувствовалъ полное равновѣсіе и довольство собой, а не вряхтѣлъ изъ-за какихъ-то идей, или по слабости характера, для другихъ изображая изъ себя поленщика, не имѣющаго настолько чувства своего я, чтобы его не эксплуатировали“.

Словомъ, образъ студента Канцева оставляетъ въ читателѣ романа г. Боборыкина наиболѣе тягостное, даже жуткое впечатлѣніе. Нельзя думать, чтобы Канцевы составляли преобладающій типъ студенчества 80-хъ гг.,—это было бы слишкомъ,—но и въ качествѣ „разновидности“ они достаточно рельефно иллюстрируютъ собою печальный фазисъ общаго регресса интеллигентныхъ слоевъ. Подобная молодежь,—холодная, разсчитливая, грубо-эгоистичная, чуть не торгующая собою,—если бы она составляла большинство, то свидѣтельствовала бы о полномъ нравственномъ вырожденіи мыслящаго общества, а этому нельзя, невозможно вѣрить. Но Канцевъ, какъ одинъ изъ многихъ новыхъ *фактовъ* нашей современности, особенно выпячивающійся нынѣ впередъ, заслоняя собою остальные типы и факты,—этотъ „студентъ Канцевъ“ представляетъ дѣйствительно живое типическое для своего времени явленіе. И оно настолько удачно схвачено и мѣтко обрисовано авторомъ, что отъ студента „новаго образца“ читателя беретъ „оторош“, и у него, какъ о старика Канцева, готовъ „выступить потъ на вискахъ“... Недалеко онъ Гриши стоитъ и сестра его, дѣвица Канцева,—пустая, праздная, ту имѣющая никакого Бога за душой и съ такимъ же цинизмомъ относящаяся къ труженику отцу...

Далѣе встрѣчается въ романѣ еще цѣлый рядъ фигуръ съ болѣе или менѣе выраженными животными инстинктами, вплоть до отвратительныхъ фигуръ заграничной тли, вѣчныхъ завсегдатаевъ рулетки, откровенныхъ смакователей цивилизованнаго разврата... Но, конечно, и однихъ Куликовичъ, Канцевыхъ и Сохиныхъ вполне достаточно, чтобы оправдать заглавіе романа *На ущербѣ*. Быть можетъ, не всѣ они въ полной мѣрѣ самоновѣйшаго происхожденія, но дѣло въ томъ, что всѣ эти лица чувствуютъ себя нынѣ, какъ рыба въ водѣ,—легко и привольно. Всѣ они, вѣдь, „у дѣлъ“, тогда какъ люди выше ихъ головой и талантомъ, и по нравственнымъ устоямъ стоятъ въ тѣни, въ сторонѣ отъ непосредственнаго вліянія на жизнь. Эти лучшіе люди, фигурирующие въ романѣ, почти всѣ находятся „за штатомъ“. Не у дѣлъ, напримѣръ, бывший профессоръ Кустаревъ, человекъ прямыхъ путей, исповѣдующій идеалъ чести и служенія народу. Жена его, честная, хорошая женщина, „ходячая совѣсть“, какъ выражаются про нее другіе, страдаетъ и, наконецъ, гаснетъ отъ скорби, что испорчена жизнь горячо любимаго мужа, насильственно оторваннаго отъ живой дѣятельности,

въ которую онъ нѣкогда вкладывалъ всю душу. „Не у дѣлъ“ и представитель иныхъ, нежели Канцевъ, слоевъ молодежи, талантливый юноша Благомировъ съ дѣтски-чистою душою и порываніями къ правдѣ и добру. Онъ—невольный недоучка, неудавшійся сельскій учитель, отчасти потому, что „не было возможности безъ подхалимства оставаться на этомъ посту“.

Участь всѣхъ этихъ людей, т.-е. тѣхъ, въ комъ не угасло чувство отвѣтственности передъ родиной, это — постоянно внутренне страдать и терзаться отъ того, что они не въ состояніи дать этому чувству реальный разумный исходъ. Терзаются слабохарактерные, какъ старикъ Канцевъ, которые, видя окружающее безобразіе, не могутъ бороться съ нимъ даже въ собственной разлагающейся нравственно семьѣ и кончаютъ тѣмъ, что, заткнувъ уши, зашмутивъ глаза, обращаются въ бессловесныхъ батраковъ этой семьи. Терзаются и болѣе сильные Кустаревы, какъ только могутъ терзаться люди, пассивно наблюдающіе съ берега стремительное теченіе всезатопляющаго потока, и видя крушеніе многихъ плотинъ и сооружений, воими онъ и друзья его стремились сдерживать эту стихійную силу и направить ее къ осмысленной дѣли. И на всѣхъ этихъ людяхъ, на всѣхъ „бывшихъ“ романа г. Боборыкина лежитъ печать раздвоенности. Да и нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, удовлетвориться пассивнымъ созерцаніямъ жизни: есть потребность хоть что-нибудь дѣлать, потребность, все-таки, жить, а не умирать отъ неудовлетворенности, какъ жена Кустарева. Весьма естественно, что раздвоенность сказывается особенно сильно на молодыхъ и способныхъ личностяхъ, вродѣ бывшаго учителя Благомирова. Обладая огромнымъ артистическимъ талантомъ, онъ долго колеблется и самоугрызается, прежде чѣмъ выступить на служеніе искусству, путемъ котораго хочетъ достигнуть цѣлей пользы и возможности помогать другимъ. Онъ боится развращающей среды, боится сопряженнаго съ музыкальною карьерой за границей и дома „гешефтмахерства, торговли собою, подлаго хищничества, которое въ два-три года выѣстъ изъ души все, что въ ней есть великодушнаго и человѣчнаго“... Для „народника“ Благомирова искусство, хотя онъ его и любитъ, не можетъ стать источникомъ самоуслажденія, какъ для Загарина и ему подобныхъ идолопоклонниковъ „прекраснаго“; онъ не можетъ отдать ему всю душу, какъ того требуютъ цѣльные представители противоположнаго лагеря.

Въ этой душевной раздвоенности лучшихъ людей заключается нѣкоторый якорь спасенія: „Можетъ быть, что у насъ тамъ, на Руси, дѣлается сноснаго—и держится вотъ за это самое раздвоеніе“,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Благомировъ тѣмъ, кто упрекаетъ его за неравновѣшенное душевное настроеніе. Въ этихъ словахъ заключается, конечно, много правды, но, съ другой стороны, раздвоеніе, какъ обоюдоострый мечъ, являетъ большую опасность для людей слабыхъ, нерѣшительныхъ или самолюбивыхъ. Иные, какъ старикъ Канцевъ, всеѣмъ гибнутъ, засасываемые средой, несмотря на полное сознаніе окружающей гнусности. Самъ сильный волею, Кустаревъ, „чистая душа“, чуть было не пошелъ по наклонной плоскости примиренія съ дѣйствительностью ради пріобрѣтенія вліянія и власти, склоняемый къ этому пути сладкорѣчивою, соблазнительною сиреною, профессоршей Кудиковой, которая стремится во что бы то ни стало покорить въ своимъ ногамъ „добродѣтельнаго народника“. Да и самъ симпатичный юноша, Благомировъ, уѣзжающій дебютировать въ Америку, представляетъ, въ сущности, вопросительный знакъ относительно своего буду-

щого. Вѣдь, „хорошіе люди, которые послали его учиться, которые ободряли его, когда онъ колебался вступить на коварный путь артистическихъ усѣховъ, дѣлали это не изъ убѣжденія въ удовлетворительности и безопасности для него этого пути, а просто изъ гуманнаго чувства: имъ *жалъ* было этого симпатичнаго, талантливаго юношу, — что ожидало его, въ противномъ случаѣ, впереди, оставаясь онъ въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу въ наше ущербное время? Какъ не жалѣть, въ самомъ дѣлѣ, подобной молодежи?...

Наконецъ, уже совершенно въ сторонѣ, въ качествѣ простыхъ, равнодушныхъ наблюдателей, стоятъ въ романѣ нѣсколько тоже „бывшихъ“ узко - либеральнаго направленія. Они выставлены авторомъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Они не принимаютъ участія въ какой-либо дѣятельности, но они не чувствуютъ и „раздвоенія“ и приливовъ гражданской тоски, — они лишь брезгливо фыркаютъ на всѣхъ и вся и отмахиваются отъ всего, что нарушаетъ ихъ дворянско-эпикурейскій скептицизмъ. Таковъ, на примѣръ, богатъ Званцевъ, живущій постоянно за границей.

Какіе же выводы вытекаютъ изъ сопоставленія въ романѣ тѣхъ ролей, которыя играютъ въ немъ, съ одной стороны, Куликовы, Гриши Канцевы, Сохины и т. п. и Кустаревы, Благомировы — съ другой? Выводы, разумѣется, самые неутѣшительные и, пожалуй, черезъ чуръ энергичные, — о невозможности плодотворной работы, о ненужной гибели, о необходимости „годить“ и т. под. Да и вообще романъ *На ущербъ* производитъ очень невеселое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе невеселое, что многія изъ картинокъ его написаны авторомъ очень живо, со всею убѣдительною реальнаго факта. Однако, авторъ не отчаивается въ будущемъ и въ выведенныхъ имъ лучшихъ людяхъ. Онъ вѣритъ въ „чистую душу“ Кустаревыхъ и Благомировыхъ и въ плодотворность ихъ симпатій къ народу, *во имя котораго* они выступаютъ впоследствии на болѣе широкую арену дѣятельности, нежели нынѣ. „Имъ принадлежитъ будущность родины, а не Загаринымъ, не Канцевымъ, не Ермаиловымъ и не Куликовымъ“, — говорится въ романѣ.

Мы выбрали до сихъ поръ изъ романа г. Боборыкина все то, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается его главнѣйшій смыслъ. Къ сожалѣнію, для читателя довольно не легко произвести подобную операцію, — очистить здоровое зерно даннаго произведенія отъ постороннихъ примѣсей, чуждыхъ основной идеѣ, отдѣлить жилку реальной жизни, бьющую въ немъ, отъ той избитой манерности, съ какою г. Боборыкинъ описываетъ женскій элементъ романа и любовныя отношенія своихъ героинь. Постороннихъ примѣсей здѣсь такъ много, что онѣ часто совсѣмъ заслоняютъ главную тему *На ущербъ* и значительно искажаютъ общее впечатлѣніе; читатель иногда совсѣмъ забываетъ объ основной идеѣ и, вмѣсто живаго интереса, начинаетъ скучать какъ отъ избытка однородныхъ, повторяющихъ себя сценъ, такъ и отъ того, что на глазахъ его постоянно мечется одна и та же мелкая личность, почему-то поппашая въ главные герои романа. Между тѣмъ, послѣдній, нѣкій европействующій петиметръ Ермаиловъ, и его личные интересы не имѣютъ никакого отношенія къ основной темѣ. Очевидно, авторъ ея не хотѣлъ удовлетвориться. Г. Боборыкинъ, какъ извѣстно, имѣетъ слабость къ французско-натуралистическимъ темамъ нѣсколько пранаго характера и, къ сожалѣнію, остался вѣреть этой слабости и въ послѣднемъ своемъ романѣ. Здѣсь тоже есть такая тема и хотя, по замыслу, ей предоставлено второстепенное мѣсто, однако, иной разъ

авторъ увлекается до того, что позволяет ей заслонять главную картину. Эта соблазнительная тема заключается въ томъ, чтобы представить всепоглощающую страсть старѣющаго ловеласа, представить всѣ перипетіи униженія, порабощенія, паденія стараго сенсуалиста, исполненнаго нѣвогда „скептической чувственности“ и пребывавшаго дотѣдъ въ полномъ благодушіи, довольствуясь скорыми и легкими побѣдами надъ „фаммой“. Таковъ-то этотъ главный герой, Ермиловъ, изображающій диллетанта - барича, рабскаго поклонника Европы и всякихъ новинокъ парижскаго умственнаго рынка, насмѣшливо и свысока озирающій нашу сѣренькую жизнь, идущую „на ущербъ“, и вдругъ неожиданно появившійся на „прочную цѣпь“ къ профессоршѣ Куликовой.

Въ pendant къ нему выведенъ еще нѣкій Гремущинъ, уже совсѣмъ не живая личность, а какой-то загниотизированный манекенъ, долженствующій своею мистическою серьезностью отгнѣнить и осмыслить безнадежную, смѣшную страсть легкомысленнаго Ермилова. Этотъ Гремущинъ, похожій на патера, тоже на старости лѣтъ влюбился до потери ума въ какую-то пѣвицу и, бросивъ на вѣки огромную семью, послѣдовалъ за своимъ „предметомъ“ за границу, не имѣя никакой надежды на взаимность. Эти два собрата по несчастью состоятъ у своихъ „барынь“ на постоянномъ дежурствѣ, исполняютъ ихъ порученія, даже весьма не красиваго свойства, терпятъ униженія и насмѣшки. Положеніе ихъ весьма картинно характеризуется размышленіями европейски-утонченнаго Ермилова: „одинъ барбосъ побѣждалъ за своею барыней, другой сейчасъ побѣжитъ“... Эта суетливая бѣготня двухъ психонатовъ за своими „повелительницами“, повторяющаяся во множествѣ сценъ, ихъ обоюдныя изліянія производятъ чрезвычайно комическое впечатлѣніе. Между тѣмъ, авторъ, повидимому, не замѣчаетъ всего комизма двухъ странныхъ фигуръ, наклонѣнъ лѣтъ погружившихся въ какую-то любовную нирвану; напротивъ, онъ старается объяснить „стадію поглощенія ихъ личности женщиной“ соображеніями высшаго порядка, — какою-то особою эстетическою теоріей гипноза, навѣваемаго на мужчину „вибраціей звуковъ“, „сочетаніемъ линий“ — не тѣла, Боже сохрани, — увѣряетъ Ермиловъ, — а „всею болѣе лица, до пустыхъ деталей, до разрѣза глазъ, до оскала зубовъ!“ — „Въ этомъ собственно и сидитъ душа женщины“, — глубокомысленно добавляетъ его наперсникъ, Гремущинъ. Далѣе идетъ ужъ цѣлая кабалистичка старческой страсти, причемъ объясняется, будто сознаніе собственнаго паденія, потеря мозговыхъ запросовъ, являющіеся слѣдствіемъ „поглощенія ихъ женщиной“, наполняетъ этихъ факировъ „какою-то благодатью; но цѣлымъ часамъ уходятъ они во внутреннее созерцаніе своего гипноза“... и т. под. ерунда. Странно, что для объясненія любви другихъ дѣйствующихъ лицъ романа, болѣе свѣжихъ или болѣе чистыхъ душою, г. Боборыкинъ не находитъ; однако, нужнымъ прибѣгать въ подобнымъ хитросплетеннымъ объясненіямъ. Между тѣмъ, этою теоріей, по которой явствуетъ, что оба старичка „оказались предназначенными (?) на служеніе силъ прекраснаго, которая исходитъ отъ женщины въ какихъ-то линіяхъ и звукахъ“, — этою теоріей снимается съ нихъ всякій смѣхъ, стыдъ и отвѣтственность за свое зазорное поведеніе. Они даже гордятся своими „цѣльями“, ибо у другихъ, молъ, „и этого нѣтъ“... И вотъ эти-то чудаки, по волѣ автора, попали чуть не на первое мѣсто въ романѣ и еще припилены имъ къ либеральному лагерю, рядомъ съ Званцевымъ, челоуѣкомъ дѣйствительно передоваго европейскаго знанія и недюжиннаго ума, тогда какъ они всегда „стояли въ сторонѣ отъ русской жизни: одинъ базконечно

писалъ свою книгу о возможности счастья на землѣ; другой не зналъ ничего, кромѣ женщинъ, меда, литературнаго диллетанства“.

Надо сказать вообще, что отношенія партій обрисованы въ романѣ не совсѣмъ удачно и тутъ встрѣчается немало наивностей. Таково, напримеръ, отношеніе либераловъ къ народникамъ, какъ якобы къ *разрушителямъ*, которые „воображаютъ, что они спасутъ міръ послѣ того, какъ не оставятъ камня на камнѣ“. Не настолько же поютъ съ чужаго голоса умные Званцевы, и не такіе же они иностранцы въ дѣлахъ своего отечества, чтобы выпаливать подобными шаблонными обвиненіями, сыпавшимися, къ тому же, нерѣдко и въ ихъ собственный лагерь. Впрочемъ, вообще нѣкоторый „иностранный“ колоритъ часто сказывается въ романѣ. Имъ, напримеръ, овражены женскія фигуры *На ущербѣ*, „повелительницы“ Ермилова и Гремушина. Такова московская профессорша Куликова, которая должна, по мысли автора, изобразить типъ русской женщины послѣдней формаціи, ибо „женщина опять почувала свою демоническую власть и давно уже переходитъ отъ увлеченія наукой, идеями, общественными идеалами къ „ублаженію“ себя всѣмъ, что заставляетъ мужчину терять разумъ и становиться ея данникомъ“. Эта интеллигентная соблазнительница, испорченная до мозга костей, маракующая тоже въ „декандентахъ“ и разныхъ модныхъ теоріяхъ, занимается совращеніемъ съ истиннаго пути „чистой души“ Кустарева, — словомъ, нѣчто вродѣ стариннаго Мефисто въ юбкѣ. Но хотя авторъ выводитъ ее изъ среды высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ и вообще пріурочиваетъ ее вкусы къ „Патріаршимъ прудамъ“, но это не придаетъ героинѣ мѣстнаго характера: передъ нами не новый русскій типъ, а героиня современнаго французскаго романа, развращенная и избалованная женщина — *fin de siècle*, какъ говорятъ французы. А между подобными героинями и „высшими женскими курсами“ пропасть, кажется, порядочная... Другой экзотическій типъ — артистка Карузь или „повелительница“ Гремушина. Эта ужъ и вовсе выведена какъ „каботинна“ — парижскій эгогонный терминъ, который у насъ и перевести трудно. Въ описаніи этихъ дамъ и ихъ кавалеровъ г. Боборыкинъ даетъ колную волю своей французоманіи со всѣми ея внѣшними атрибутами. Передъ читателемъ такъ и мелькаютъ „ульстеры“, „сьюты“, „вэстонны“, „смокинги“, — словомъ, цѣлый прейсъ-курантъ французскаго моднаго магазина. Но, разумѣется, не столько эта манія дѣйствуетъ непріятно на русскаго читателя, сколько всегдашняя манера г. Боборыкина „списывать съ натуры“, ставить точки на і, пріурочивая дѣйствіе къ извѣстной обстановкѣ такихъ-то именно лицъ, — словомъ, прибѣгать къ сомнительному и дешевому способу, чтобы дѣлать свои романы „пикантно“-интересными. Странно, что даже въ данномъ произведеніи, которое должно, по мысли автора, преслѣдовать широкія цѣли, которое должно имѣть общественный интересъ, г. Боборыкинъ, все-таки, не могъ отрѣшиться отъ этой принижющей творчество манеры и поступиться иными банальностями и мелочами.

Тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали вначалѣ, въ романѣ *На ущербѣ* есть серьезная положительная сторона. Это — широкая картина несомнѣннаго упадка современнаго интеллигентнаго общества. Для освѣщенія этой картины и для выясненія роли, какую играютъ въ ней разныя категоріи дѣйствующихъ лицъ, г. Боборыкинъ сдѣлалъ все, что могъ, въ предѣлахъ своего дарованія и условій художественнаго творчества. Надо быть благодарнымъ автору за то, что онъ смѣло и прямо воспользовался нѣкоторыхъ язвъ, и въ лицѣ Сохиныхъ, студентовъ Канце-

внѣхъ, Буликовыхъ обнажилъ во всей неприглядной наготѣ результаты умственнаго и нравственнаго *ущерба*. Такими смѣлыми концепціями не багуютъ насъ даже болѣе свѣжія литературныя силы. Это даетъ роману г. Воборыкина значеніе выдающагося произведенія настоящаго литературнаго сезона, и даже тѣ, кто не сочувствуетъ его художественной манерѣ, должны признать это.

Факты, рассказанные въ юньской книжкѣ *Вѣстн. Европы* г. О. В., авторомъ замѣтки *Сельское общественное призрѣніе*, служатъ новымъ доказательствомъ той истинѣ, что удовлетворительное разрѣшеніе многихъ культурныхъ задачъ, давно уже стоящихъ на очереди, легко достижимо при условіи, если болѣе образованная и болѣе культурная часть русскаго общества пожелаетъ оказать содѣйствіе сельскому населенію, даже просто *ознакомить* послѣднее съ надлежащими средствами улучшенія тѣхъ или другихъ сторонъ его быта.

Несмотря на всю государственную важность правильнаго устройства дѣла общественнаго призрѣнія потерявшихъ способность къ труду вслѣдствіе ли старости, или по разнымъ несчастнымъ случайностямъ, если что и писалось или говорилось по этому вопросу въ печати и въ общественныхъ учрежденіяхъ, то преимущественно въ интересахъ городского населенія. Нужды деревни въ этомъ отношеніи были почти забыты. Между тѣмъ, рядомъ точныхъ фактовъ авторъ показываетъ намъ, что общественное призрѣніе у сельскихъ жителей совершенно не устроено.

Въ 1888 г. впервые въ трехъ губерніяхъ были составлены волостными сходками списки лицамъ, не имѣющимъ ни собственныхъ средствъ къ существованію, ни способности къ труду, ни родственниковъ, обязанныхъ и могущихъ ихъ призрѣвать. Такихъ нуждающихся въ призрѣніи крестьянъ въ 30 уѣздахъ тѣхъ губерній съ населеніемъ въ $4\frac{1}{2}$ милліона оказалось всего 17,362 чел. Изъ нихъ крестьянскими обществами призрѣвалось 551 чел. и около 10 тысячъ чел. были лишены всякой помощи общественной благотворительности, въ какой бы то ни было формѣ. Чтобы показать читателямъ всю ничтожность цифры призрѣваемыхъ крестьянскими обществами для $4\frac{1}{2}$ милліоннаго населенія трехъ губерній, авторъ приводитъ данныя изъ статистики Финляндіи за 1888 годъ. Сельскими обществами Финляндіи, съ населеніемъ въ 2 милліона, содержалось въ благотворительныхъ заведеніяхъ или за плату у частныхъ лицъ около 11 тыс. взрослыхъ и 10 т. дѣтей, а временныя пособія получали 30,820 взрослыхъ и 19,600 дѣтей.

Въ прежнее время беспомощные члены крестьянскихъ обществъ призрѣвались болѣею частью, такъ сказать, въ натуральной формѣ, причѣмъ призрѣваемый долженъ былъ по очереди переходить изъ одного двора деревни въ другой, чтобы воспользоваться ночлегомъ и прокормленіемъ.

Такая примитивная форма общественнаго призрѣнія оказывалась слишкомъ неудобною и тяжелою для обѣихъ сторонъ.

Но новыя, болѣе соотвѣтствующія современнымъ, формы устройства общественнаго призрѣнія распространяются до сихъ поръ въ деревняхъ очень медленно. И не потому, чтобы сельское населеніе не желало или было лишено всякихъ матеріальныхъ средствъ придать общественному призрѣнію лучшее устройство.

Подробно рассказанная авторомъ исторія успѣшнаго устройства сельскаго общественнаго призрѣнія въ Псковскомъ уѣздѣ указываетъ намъ и тѣ условія, какія помогаютъ удачному разрѣшенію этой задачи.

Оказывается, что „предсѣдатель псковской уѣздной земской управы, Д. И. Ивановъ (по происхожденію крестьянинъ), зная бѣдственное положеніе безродныхъ крестьянъ, не получившихъ надѣла или почему-либо отъ него отказавшихся, и массу слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, калѣкъ, дряхлыхъ стариковъ и круглыхъ сиротъ, вынужденныхъ скитаться по міру и кормиться подаяніемъ, принялъ на себя инициативу устройства болѣе правильнаго общественнаго призрѣнія крестьянъ своего Псковскаго уѣзда и предложилъ крестьянскимъ обществамъ устройство особыхъ домовъ призрѣнія для немощныхъ крестьянъ, неспособныхъ къ труду, съ отдѣленіями для крестьянскихъ сиротъ“.

Г. Ивановъ указалъ крестьянамъ, какъ строить дома дешево и цѣлесообразно, изложилъ въ *Псковскомъ Листкѣ* проектъ положенія о домахъ призрѣнія, далъ мысль объ учрежденіи волостныхъ попечительствъ изъ людей добросовѣстныхъ и сочувствующихъ дѣлу и посоветовалъ, чтобы крестьяне для учрежденія домовъ призрѣнія установили сборъ не менѣе 20 к. съ каждой души въ годъ.

Въ 1888 г. псковское уѣздное земское собраніе учредило особое уѣздное попечительство „съ цѣлью руководить дѣятельностью волостныхъ попечительствъ“, „наблюдать за правильностью призрѣнія въ уѣздѣ и обобщать полезныя мѣропріятія по этому дѣлу“.

Полезная инициатива Д. И. Иванова встрѣтила полное сочувствіе крестьянъ и къ 1889 г. въ 14 волостяхъ изъ 18 Псковскаго уѣзда общественное призрѣніе получило правильное устройство, открыто 10 сельскихъ богадѣленъ, составлены капиталы изъ сборовъ съ крестьянъ и изъ частныхъ пожертвованій для содержанія призрѣваемыхъ и т. д.

Такимъ образомъ, для достиженія весьма значительнаго улучшенія въ дѣлѣ призрѣнія, въ 14 волостяхъ Псковскаго уѣзда требовалась лишь инициатива предсѣдателя уѣздной земской управы и учрежденіе особыхъ органовъ въ видѣ волостныхъ и уѣзднаго попечительствъ. „Благодаря волостнымъ попечительствамъ,—замѣчаетъ авторъ,—собраны и собираются необходимыя для учрежденія домовъ призрѣнія средства и возбуждается живое участіе къ дѣлу общественнаго призрѣнія, а уѣздное попечительство руководитъ волостными и заботится о цѣлесообразномъ употребленіи собранныхъ средствъ“.

Насколько важно и необходимо для крестьянскихъ обществъ подробное ознакомленіе ихъ съ испытанными уже на практикѣ въ другихъ мѣстностяхъ формами лучшаго устройства того или другаго общественнаго полезнаго предпріятія, указываютъ и другіе примѣры, приводимые авторомъ.

„Въ іюлѣ 1888 г.,—разсказываетъ г. О. Б.,—мы имѣли случай сообщить представителямъ крестьянскихъ обществъ Смоленскаго уѣзда о достойномъ подражаніи фактѣ, каковымъ именно образомъ крестьяне Псковскаго уѣзда устраиваютъ крестьянское общество призрѣнія. Выслушавъ насъ, смоленскіе крестьяне обѣщались послѣдовать благому примѣру и въ февралѣ 1889 г. сдержали свое обѣщаніе. Во всѣхъ волостяхъ Смоленскаго уѣзда состоялись приговоры объ устройствѣ „богадѣльни на 70 человѣкъ. Предположенный сборъ по 10 коп. съ каждаго крестьянскаго надѣла составитъ ежегодно около 2,800 руб., причемъ первоначальный сборъ предназначается на устройство богадѣльни, а послѣдующій—на ея содержаніе. Помѣщица Волларларская безвозмездно уступила одну десятину земли подъ эту богадѣльню“.

Въ настоящее время, по словамъ автора, вопросъ объ устройствѣ такой же богадѣльни рѣшенъ окончательно и въ Краснинскомъ уѣздѣ,

Смоленской губ. Оно налаживается и въ нѣсколькихъ другихъ уѣздахъ этой губерніи.

Всѣ приведенные факты касаются только двухъ губерній, но и ихъ, намъ думается, достаточно для подтвержденія того, что въ дѣлѣ правильного устройства общественнаго призрѣнія, какъ и во многихъ другихъ культурныхъ задачахъ, успѣхъ дѣла весьма часто зависитъ именно отъ инициативы, отъ степени содѣйствія отдѣльныхъ лицъ и земскихъ учреждений.

Но въ такой спорной задачѣ, какъ устройство сельскаго общественнаго призрѣнія, необходимо также и участіе законодательства, которое должно расчистить почву для свободной дѣятельности земскихъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ и регулировать положеніе общественныхъ органовъ призрѣнія вродѣ волостныхъ и уѣздныхъ попечительствъ.

Статья г. П. Чихачева *Калифорнія и Уссурійскій край* снова и снова обращаетъ вниманіе русскаго общества на давно уже назрѣвшій вопросъ, что правильное устройство переселеній на дальнія наши восточныя окраины вызывается самими насущными и разнообразными государственными потребностями.

Разсматривая ходъ колонизаціи Калифорніи и Уссурійскаго края, этихъ двухъ мѣстностей, лежащихъ почти другъ противъ друга на берегахъ Тихаго океана, авторъ даетъ двѣ рѣзкихъ картины, гдѣ прѣтущее состояніе Калифорніи еще болѣе отгвѣняетъ неудовлетворительное настоящее положеніе почти безлюднаго Уссурійскаго края, обладающаго, между тѣмъ, значительными естественными богатствами.

Авторъ доказываетъ, что весь ходъ международной политики представляетъ насъ дорожить Уссурійскимъ краемъ, укрѣпить за русскимъ населеніемъ эту отдаленную окраину на берегахъ Тихаго океана, которому, по мнѣнію автора, предстоитъ блестящая будущность. Коренное населеніе Россіи давно уже выставляетъ ежегодно цѣлыя арміи переселенцевъ, стремящихся на „свободныя“ земли, но болѣе чѣмъ за тридцатилѣтній промежутокъ времени мы сумѣли довести цифру русскаго населенія въ Уссурійскомъ крайѣ лишь до 35 тыс. человекъ. Эта важная окраина такъ и остается до сихъ поръ почти пустынной, малоисслѣдованной.

Русскій Вѣстникъ, *апрѣль—май*. Въ апрѣльской книжкѣ журнала встрѣчаемъ нѣсколько весьма любопытныхъ страницъ въ воспоминаніяхъ г. Никитина, озаглавленныхъ *Изъ прошлаго нашихъ гимназій*. Трудно понять, впрочемъ, заглавіе этихъ очерковъ—*изъ прошлаго*: хотя воспоминанія автора относятся къ 70-хъ гг., но они написаны именно съ цѣлью показать дѣйствіе существующей гимназической системы. „Я—креатура реформы начала семидесятыхъ годовъ“,—заявляетъ г. Никитинъ и ставитъ себѣ задачу—ознакомить съ состояніемъ учебнаго дѣла во время дѣйствія этой реформы, чтобы въ поднатою недавно спорѣ о ней былъ услышанъ также голосъ бывшаго „гимназиста“. Тонъ воспоминаній самый добродушный и снисходительный по отношенію къ пережитому „креатурой“ въ стѣнахъ гимназій. Авторъ съ самаго начала утверждаетъ, что никакого переутомленія, слѣбноты (должно быть, близорукости?), самоубійствъ и пр. гимназія у своихъ питомцевъ не вызвала. Лишь вскользь упоминается, что она принудила автора два года пользоваться морскими купаніями, что иные ученики дежурили въ стѣнахъ заведенія одиннадцать лѣтъ, поступивъ во 2-й классъ; наконецъ, тяжесть только что введенной тогда реформы характеризуется кратко и вразумительно: „болѣе слабые—ушли, болѣе силь-

ные—кончили свое дѣло“. Куда „ушли“ эти слабые, что съ ними стало, когда надъ ними въ стѣнахъ школы неожиданно сбился законъ Дарвина, добродушный г. Никитинъ о томъ не говорить. Посмотримъ же, чему и какъ учились „сильные“. Мы, разумѣется, должны ограничиться лишь нѣсколькими выписками изъ „исторической картинки“, какъ характеризуетъ авторъ свои воспоминанія. Несмотря на умолчанія и лаконизмъ ихъ относительно самыхъ интересныхъ пунктовъ, картина эта все же является свидѣтелемъ *практики* дѣйствующей системы, о которой намъ столько говорили со стороны теоріи.

Одна итальянская пословица гласитъ: „если это роза, то она раздѣляется“. Посмотримъ же, какъ „дѣли розы“ въ одной изъ *лучшихъ столичныхъ* гимназій, которую описываетъ г. Никитинъ.

Авторъ начинаетъ съ *естественныхъ наукъ*, преподаваніе которыхъ существовало еще до введенія гимназической реформы въ низшихъ классахъ. Велось оно, по словамъ его, искони самымъ небрежнымъ способомъ. Какъ относилось начальство къ этому общеобразовательному предмету еще до введенія реформы, видно изъ того, что шкафы съ чучелами животныхъ и изображеніями изъ папье-маше никогда не отпирались и не показывались ученикамъ. „Держать экзаменъ по „естественной исторіи“ было очень легко. Спрашивали: что такое корова?— и на это отвѣчали: „жвачное животное, съ раздвоенными копытами, рогами, пучкомъ волосъ на концѣ хвоста“. Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ: „какое корова имѣетъ отличіе отъ травы, которую питается?... На это гимназистъ отвѣчалъ, что одно—животное, а другое—растеніе, что корова можетъ самовольно передвигаться, а трава не можетъ. Далѣе этого наши свѣдѣнія по зоологіи не шли, да и начальство ихъ не требовало“.

Физика въ старшихъ классахъ проходила тоже замѣчательно, строго согласуясь съ постановкой предмета въ среднеучебной программѣ. „Положеніе учителя физики среди прочихъ учителей,—говоритъ г. Никитинъ,—было весьма жалкое: экзаменовъ по переходу въ восьмой классъ, равно какъ и выпускнаго экзамена по физикѣ не было,—поэтому кому же была охота заниматься предметомъ, завѣдомо признаннымъ отъ самого начальства не нужнымъ и не подлежащимъ контролю? Съ учителемъ говорили о театрахъ, актрисахъ, играли между собою въ пиветъ и въ банкъ,—иногда, кто желалъ, отвѣчалъ уроки. Иногда учитель „объяснялъ дальше“, причѣмъ если въ классѣ было очень ужъ шумно, говорилъ: „Господа, я не прошу васъ слушать, но прошу не мѣшать мнѣ объяснять, можетъ, кто-нибудь желаетъ чему-нибудь научиться“. „Физикъ“ понималъ свое нелѣпое положеніе и нисколько не былъ въ претензіи, когда у него откачивались отвѣчать. Онъ прямо такъ и ставилъ вопросъ: „Никитинъ, будете отвѣчать сегодня?“ И если ему отвѣчали „нѣтъ“, онъ вызывалъ другаго“.

Географія преподавалась также „блѣдно, сухо и черство“. Мало кто занимался и интересовался предметомъ,—такъ, кое-какъ, заучить города, рѣки и горы, чтобы получить отмѣтку. „На моихъ глазахъ переимѣнилось три учителя, и всѣ трое были въ высшей степени скучны и безсодержательны. Сухіе учебники Смирнова и Вѣлоха еще болѣе увеличивали антипатію къ предмету“.

Преподаваніе *Закона Божія* г. Никитинъ находитъ поставленнымъ лучше, ибо, по его наблюденію, среди учителей чаще встрѣчается толковый законоучитель, чѣмъ преподаватель другаго предмета. Съ особенною симпатіей вспоминаетъ авторъ объ одномъ „батькѣ“, котораго

всѣ любили, потому что у него не было любимцевъ, во всѣмъ онъ относился одинаково. „Этотъ „батьюшка“, — рассказываетъ г. Никитинъ, — терпѣть не могъ разсужденій, и если ученикъ говорилъ, что не понимаетъ чего-нибудь въ данномъ символѣ, то пугалъ его: „вотъ я тебѣ единицу поставлю, такъ и поймешь“; но, тѣмъ не менѣе, никогда единицы мы у него не получали и жили въ полномъ согласіи. Онъ очень любилъ „страшные“ разказы про чертей, вѣдьмъ, колдовство и проч. Даже имъ напечатано было нѣсколько статей по поводу „сверхъестественныхъ видѣній“ въ двухъ духовныхъ журналахъ того времени: *Странникъ* и *Мирскомъ Слово*, которые, ради шутки, назывались имъ всегда *Срамникомъ* и *Мерзкимъ Словомъ*. Онъ утверждалъ, что и съ нимъ было дивное явленіе, и онъ однажды былъ „восхищенъ нечистою силой на воздухъ“, о чемъ не разъ намъ разсказывалъ. Отъ разсказовъ его вѣяло доброю сказкой старой няни“.

Преподаваніе *русскаго языка* и въ связи съ нимъ церковно-славянскаго шло „довольно вяло“, — прямо заявляетъ г. Никитинъ. „Какъ разъ передъ моимъ поступленіемъ былъ исключенъ за либерализмъ учитель русскаго языка въ какой-то изъ гимназій, и требованія, предъявляемыя начальствомъ къ преподавателямъ, не восходили далѣе того, чтобы ученики выучились правильно писать по-русски. Писать, правду сказать, насъ выучили правильно. Диктовки въ младшихъ классахъ были постоянныя, разборами и корнями насъ морили достаточно. Память взошрлялась до того, что мы безъ особеннаго труда въ 3-мъ классѣ отчитывали навзустъ *Василия Шибанова*, огромную балладу А. Толстаго, или рубли гекзаметрами *Овсяннй кисель* Жуковского... Правильное правописаніе, пріобрѣтенное въ низшихъ трехъ классахъ, въ сущности, было уже все, — дальнѣйшее преподаваніе и исторія литературы шли какъ-то между прочимъ. Мы клевали носомъ надъ *Задонщиной*, *Словомъ о полку Игоревѣ*, *Остромировымъ евангелиемъ*, неумолявая, къ чему намъ знаніе мѣстныхъ надеждъ, если никто, кромѣ самого преподавателя, милѣйшаго и скучнѣйшаго человѣка, этимъ не интересуется. Мы спали надъ Кантемиромъ, въ подробностяхъ изучая его біографію; мы спали надъ твореніями Екатерины, надъ Ломоносовымъ, надъ Державинымъ. Но кто насъ сводилъ съ ума—это Карамзинъ, особенно съ его *Письмами русскаго путешественника*. Вообще надъ Карамзинимъ мы сидѣли мѣсяца три подрядъ и подъ конецъ такъ-таки ровно ничего не знали, кромѣ *Разстался я, милая, разстался*. Когда однажды въ седьмомъ классѣ, во время чтенія *Горя отъ ума*, одинъ изъ учениковъ спросилъ у этого преподавателя, была ли Софья въ любви съ Молчалинымъ (не надо забывать, что большинству изъ насъ было по двадцатому году), онъ задумчиво прошелся, посмотрѣлъ въ потолокъ и очень искренно сказала: „А чортъ ихъ знаетъ! — потому, помолчавъ, прибавилъ:—Не безпокойтесь, на экзаменѣ объ этомъ не спрасятъ!...“ Милѣйшій преподаватель былъ неумолимъ въ правописаніи до жестокости. Бѣда была написать *имянина*, вмѣсто *именитыя*, *памихида*, вмѣсто *паннихида*, и т. п. Одинъ изъ моихъ сотоварищей еле-еле окончилъ курсъ, сдѣлавъ одну ошибку въ буквѣ ѣ, и то только выдали ему аттестатъ потому, что онъ далъ обязательство поступить въ медикъ. Изъ насъ были нѣкоторые, которые провѣряли по словарю Рейфа слово за словомъ въ своихъ сочиненіяхъ, причемъ рейфовское правописаніе нерѣдко доставляло имъ двойку“.

По-французски и *по-италіански*, какъ свидѣлствуютъ воспоминанія г. Никитина, гимназисты рѣшительно ничему не могли научиться.

Практическою стороною языка учителя не занимались и говорили ломанымъ языкомъ по-русски, а, между тѣмъ, гимназисты должны были переводить на французскій языкъ тургеневскія *Записки охотника* или гоголевское описаніе *Украинской ночи*. Учитель нѣмецкаго языка былъ глухой и слѣпой старикъ, ничего не понимавшій и ничего не желавшій понимать. Мѣсто его заступилъ его сынъ, строгій нѣмецъ, ненавидѣвшій русскихъ и съ особеннымъ удовольствіемъ ставившій нули и единицы.

На *исторію* тоже не много обращалось вниманія. Требовалось знаніе того, что въ учебникѣ, да и учебникъ Иловайскаго былъ значительно сокращенъ. Учитель особенно любилъ восклицанія и изреченія великихъ людей, которыя ученики заучивали на нѣсколькихъ языкахъ. „Однажды,—разсказываетъ г. Никитинъ,—въ четвертый классъ пріѣхалъ попечитель и вызвалъ меня. Урокъ былъ о сиссахтін въ Аеннахъ. Я, какъ нарочно, записалъ предъидущее объясненіе учителя и потому отвѣтилъ съ такимъ обиліемъ греческихъ словъ, что самъ Шлоссеръ позавидовалъ бы. Народъ дѣлился не на классы, а на тимемы: первая была пентаквозіо-меднымъ, вторая—гипсейсъ, третья—зевгиты и голиты и проч., и проч. Попечитель былъ упоенъ восторгомъ. Учитель поставилъ мнѣ пять и дѣлалъ годъ болѣе уже не спрашивалъ. На внѣшній и внутренней бытъ даннаго народа обращалось вниманія очень мало. Религіи касались поверхностно. Преподаватель требовалъ отъ насъ фактовъ и хронологическихъ таблицъ, не заботясь даже о томъ, имѣется ли прагматическая связь въ дѣли событій, изучаемыхъ нами. Никакихъ пособій къ учебнику не полагалось...“

Преподаваніе *математики* велось въ полномъ смыслѣ образцово, ибо ее преподавали учителя, любившіе свой предметъ и умѣвшіе пріохотить къ нему учениковъ. Это единственное свѣтлое пятно въ воспоминаніяхъ „бывшаго гимназиста“.

Въ концѣ г. Никитинъ переходитъ въ главнѣйшимъ, наиболѣе пугавшимъ учениковъ предметамъ—*греческому* и *латинскому* языкамъ. Преподаваніе латинскаго языка въ низшихъ классахъ велось крайне педагогично. „Несмотря на то, что учитель былъ молодой человекъ, недавно кончившій курсъ,—разсказываетъ авторъ,—въ немъ сидѣла завскаса преподавателя добраго стараго времени, и если онъ не порогъ насъ по субботамъ, то только въ силу того обстоятельства, что розги были отиѣнены. Онъ нерѣдко съ наслажденіемъ говаривалъ: „Ахъ, какъ хорошо бы, душевѣка, васъ розочкой по спинѣ—разъ, разъ, разъ!—Классъ у него сидѣлъ съ единицами, двойками и нулами. Тетради были у всѣхъ въ идеальномъ порядкѣ, перья и класкъ-папиры—тоже, тишина въ классѣ была могильная, боялись его ужасно и, въ то же время, никто ничего не зналъ. Половина класса проходила въ наставленіяхъ и поученіяхъ, причемъ нѣсколько человекъ ежедневно были доводимы до слезъ, множество наказано и т. д. Уронить перо было великимъ преступленіемъ, забыть его дома—тоже. Выходить изъ класса не позволялось вовсе; на обычный возгласъ: „позвольте выйти“ преподаватель требовалъ свидѣтельство отъ врача о необходимости. Это тѣмъ болѣе казалось намъ жестокимъ, что другіе преподаватели совершенно невзбранно позволяли выходить изъ классовъ. Грамматика Коенера была намъ противна до послѣдней степени,—мы просто ничего не могли подѣлать съ нашими знаніями и переваливались изъ класса въ классъ какимъ-то чудомъ“. Въ четвертомъ классѣ явился другой преподаватель, который зачитывалъ учениковъ Цезаремъ, причемъ оиать-таки ни о Цезарѣ, ни о Гальской войнѣ они не имѣли никакого понятія. Въ пятомъ ихъ встрѣтилъ

новый учитель—философъ, который заставлялъ ихъ зазубривать наизусть гекзаметры, но вскорѣ былъ смѣненъ опять новымъ учителемъ—чехомъ. Тутъ-то оказалось, что гимназисты ничего не знаютъ по древнимъ языкамъ и имъ нужно переучиваться вновь. „Теперь впервые мы познали тонкости классическихъ языковъ, о которыхъ не имѣли понятія. Съ появленіемъ преподавателя-чеха наступилъ періодъ строгаго классическаго режима, къ которому мы, однако, совсѣмъ не были подготовлены. Шестой классъ встрѣтилъ насъ двумя новыми преподавателями-чехами, опять измѣнившими весь строй занятій и систему. Но и это было еще не послѣднимъ испытаніемъ: въ седьмомъ мы перешли къ новому чеху, къ сожалѣнію, плохо знавшему русскій языкъ. Такимъ образомъ,—заканчиваетъ г. Някинъ,—начиная съ V класса и кончая VIII, мы послѣдовательно перешли къ пяти разнымъ учителямъ по греческому языку. Учителей же латинскаго языка переимѣнилось пять на пространствахъ шести классовъ“.

Г. Някинъ ничего не говоритъ о педагогическихъ результатахъ преподаванія древнихъ языковъ, коихъ приходилось въ недѣлю по *тринадцати часамъ*. Вообще воспоминанія его по данному предмету отличаются неполнотой. Главную тяжесть классической системы онъ видитъ не въ ней самой, а въ указанной частой смѣнѣ учителей и въ непоимѣрной требовательности послѣднихъ, въ особенности въ письменныхъ работахъ, въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ, на что обращалось въ гимназическомъ курсѣ самое главное вниманіе. „Требовательность въ чистотѣ латинскихъ оборотовъ,—говоритъ онъ,—доходила у нашего преподавателя до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, что имъ за ошибку считался оборотъ, заимствованный изъ Тита Ливія, на томъ основаніи, что Титъ Ливій писалъ недостаточно чисто. А какъ же намъ, подгода читавшимъ его творенія, было избѣжать его оборотовъ, набившихъ уже значительно оскомину?...“

Въ заключеніе своихъ дѣйствительно живыхъ и поучительныхъ воспоминаній, авторъ дѣлаетъ нѣсколько выводовъ и указаній относительно недостатковъ постановки учебнаго дѣла и необходимыхъ улучшеній. Всѣ недостатки онъ приписываетъ цѣликомъ неудовлетворительному составу учителей, ихъ формализму въ преподаваніи и отсутствію у нихъ педагогическихъ способностей. Если у насъ будутъ хорошіе учебники, а гимназическія кадры займутъ „хорошіе люди“, смотрящіе на свою службу какъ на миссію, тогда, по мнѣнію г. Някина, наступитъ „золотой вѣкъ“ для гимназій...

Замѣтимъ только, что, какъ свидѣтельствуютъ сами же „воспоминанія“ автора, учительскій персоналъ всегда лишь строго сообразовался съ требованіями программъ и начальства, что всякія отступленія отъ программы или личная инициатива учителя могли быть приняты за „либерализмъ“, изгоняемый съ кадры. Самъ же г. Някинъ описываетъ, чѣмъ остался доволенъ попечитель въ преподаваніи исторіи, что требовалось отъ гимназиста на экзаменѣ по русскому языку, по латинскому, *каково* было положеніе несчастнаго учителя физики...

Но воздержимся отъ комментариевъ. Предлагаемъ читателю снова мысленно пробѣжать картину постановки учебнаго дѣла въ 70-хъ гг. въ одной изъ лучшихъ столичныхъ гимназій, нарисованную въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и отыскать въ этомъ дѣлѣ „душу живу“.

Въ майской книгѣ *Русскаго Вѣстника*, въ статьѣ *Семейные участки въ бытовыхъ отношеніяхъ*, авторъ ея, г. Баратынскій, возвращается къ излюбленной имъ темѣ—введенію у насъ единонаслѣдія дворянскими

земельными участками. На этотъ разъ онъ пытается возражать противъ высказанныхъ въ дворянскихъ собраніяхъ и въ печати замѣчаний о непримѣнности къ Россіи этого чуждаго принципа наследованія.

Статья г. Баратынскаго обратила на себя наше вниманіе не по сущности и новизнѣ аргументаціи, — уже достаточно извѣстныхъ, — но потому, что намъ припомнилась другая статья того же автора, помѣщенная ровно два года назадъ (*Русскій Вѣстникъ* 1888 г., май), подъ заглавіемъ *Недѣлимые дворянскіе участки*, которая была нами своевременно отмѣчена (*Русская Мысль* 1888 г., кн. VIII).

Сравнивая обѣ статьи г. Баратынскаго на одну и ту же тему, можно не безъ удовольствія отмѣтить, что два года не прошли для автора даромъ, что въ 1890 г. онъ находитъ нужнымъ умѣрить свои желанія по данному вопросу. Въ настоящей статьѣ г. Баратынскій не повторяетъ уже громкогласно своихъ положеній о необходимости организованной раздачи мелкопомѣстнымъ дворянамъ казенныхъ земель на основѣ недѣлимаго участковаго владѣнія и съ приуроченіемъ къ такому переселяющимся крестьянъ. Не возобновляетъ онъ и домогательствъ, выставленныхъ имъ въ 1888 г. относительно дароваго для вторыхъ и третьихъ сыновей дворянъ, за счетъ государства, воспанія и обязательной раздачи имъ мѣстъ на государственной службѣ. Правда, и теперь, какъ и прежде, г. Баратынскій умалчиваетъ о весьма важномъ пунктѣ, какъ превратить *заложенные* дворянскія имѣнія въ наследственные участки, но это умолчаніе, все-таки, отличается болѣею скромностью, нежели выставленныя авторомъ два года назадъ требованія о необходимости *жертвъ* со стороны государства въ пользу дворянскаго сословія.

Такимъ образомъ, примѣръ г. Баратынскаго, плодовитаго составителя всякихъ „дворянскихъ“ проектовъ, подаетъ нѣкоторую надежду, что съ теченіемъ времени могутъ нѣсколько умѣриться расходившіеся аппетиты отдѣльныхъ представителей дворянскаго сословія...

Кіевская Старина, ноябрь 1889 г. май 1890 г. Самая значительная и по объему (уже теперь 150 стр.), и по научному интересу статья этихъ книжекъ есть изслѣдованіе г. Я. Н. Шульгина: *Очеркъ колевщини по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ*. Основнымъ (неизданнымъ) источникомъ послужила для автора принадлежащая проф. Антоновичу рукопись, заключающая въ себѣ показанія гайдамакъ и крестьянъ, судившихся за возстаніе 1768 г., передъ польскою военно-судною комиссіей; на основаніи этихъ показаній явилась возможность освѣтить съ новыхъ сторонъ исторію этой послѣдней народной вспышки на Украинѣ. „Ходячія мѣтніи о колевщинѣ, — говоритъ авторъ, — будто центральнымъ ея пунктомъ, затмѣвавшимъ все остальное, была уманская рѣзня, будто все движеніе сводилось на одну партизанскую войну при отсутствіи въ рядахъ возставшихъ всякой организаціи, будто кровавыхъ дѣлъ въ это движеніе было больше, чѣмъ во всѣ предъидущія народныя движенія, причѣмъ звѣрство природы малорусскаго крестьянина вполне дѣлами такими доказано, и, наконецъ, будто движеніе это было очень значительно, — все это... заключенія на основаніи польскихъ мемуаровъ“. Уже по этой выпискѣ читатель чувствуетъ, что характеристика колевщини у автора будетъ въ значительной степени и ея апологіей. По мѣрѣ чтенія опасеніе это отчасти оказывается преждевременнымъ, но только отчасти. Авторъ очень хорошо видитъ темныя стороны движенія, отмѣчаетъ разнузданность нѣкоторыхъ примкнувшихъ къ нему элементовъ; но въ основѣ своей движеніе представляется ему

хорошо обдуманнѣмъ, цѣлесообразнѣмъ и даже,—не вмѣшайся посторонняя сила русскаго правительства,—имѣвшимъ полную возможность расчитывать на успѣхъ. Прежде всего, Я. Н. Шульгинъ находить, „что общій планъ дѣятельности у коливъ былъ, что планъ этотъ состоялъ въ намѣреніи завладѣть кievскимъ воеводствомъ или, по крайней мѣрѣ, значительною частью его, путемъ дѣйствія болѣе или менѣе значительными силами въ четырехъ углахъ этого района: 1) близъ Умани, 2) близъ Чигрина и вообще въ Приднѣпровьѣ, 3) близъ Вѣлой Церкви и 4) въ виду Радомысля на границѣ кievскаго полѣсья, причемъ ватажки Желѣзнякъ, Неживый, Швачка и Бондаренко были завѣдующими тѣми силами, которые были направлены въ завладѣнію означенными пунктами“. Дѣйствительно, выдѣленіе этихъ четырехъ главныхъ ватагъ составляетъ несомнѣнную заслугу автора, но чтобы всѣми ними была связь и заранѣе обуманный образъ дѣйствій, этого изъ приведенныхъ имъ свѣдѣній не видно. Неживый, правда, состоитъ въ сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ, но сперва онъ только приводитъ къ нему новыя силы вновь завербованныхъ гайдамакъ, а потомъ онъ дѣйствуетъ совершенно своеобразно, по возможности легально, на основаніи извѣстнаго подложнаго указа Екатерины II, и послѣ уманской неудачи Желѣзнякъ не связываетъ, повидимому, дѣла его съ своимъ. Бондаренко сносится со Швачкой или, точнѣе, люди его ватаги доставляютъ Швачкѣ пойманныхъ шляхтяноу; но съ двумя предыдущими ватагами не видимъ никакихъ сношеній. Главное же, что говоритъ противъ предположенія о существованіи общаго плана, это совершенно случайный, партизанскій образъ дѣйствій отдѣльныхъ предводителей; если даже Швачка на допросѣ показывалъ правду, что они „отъ запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ“, то очевидно, что ничего, кромѣ этой общей цѣли, они и не имѣли въ виду, вполне полагаюсь, можетъ быть, относительно дальнѣйшаго на тотъ апокрифическій указъ русскаго правительства, по которому Желѣзнякъ „чинилъ сію посылку“. До изслѣдованія г. Шульгина Швачка и Неживый считались даже непосредственными сподвижниками Желѣзняка и Гонты въ самой Умани; доказавъ ихъ отдѣльность, авторъ самъ помогаетъ намъ сдѣлать выводъ объ ихъ малой зависимости другъ отъ друга. Ярко очертивъ какъ личности главныхъ предводителей, такъ и второстепенныхъ вожаковъ отдѣльныхъ загоновъ, и даже множество типичныхъ представителей крестьянства, вовлеченныхъ въ движеніе, Я. Н. Шульгинъ лучше всего уясняетъ намъ ту почву, то общее состояніе умовъ, при которомъ волненіе вспыхивало самостоятельно въ различныхъ мѣстностяхъ при первомъ слухѣ о появленіи гайдамакъ.

Остановимся затѣмъ на небольшой, но весьма цѣнной работѣ П. А. Шафранова *О статьяхъ Богдана Хмельницкаго*. Вопросъ о томъ, каковы были въ дѣйствительности тѣ условія, на которыхъ Малороссія приняла въ 1654 подданство, оставался до сихъ поръ невыясненнымъ; г. Шафрановъ, какъ намъ кажется, разрѣшилъ его вполне убѣдительно. Оказывается, что документъ, до сихъ поръ считавшійся обыкновенно подлинными статьями Богдана Хмельницкаго; принадлежитъ нѣскольکو болѣе позднему времени, именно 1659 (при Юріи Хмельницкомъ) г.; въ немъ права гетмана ограничены, сравнительно съ первоначальными условіями, тѣмъ, что гетману запрещено вести самостоятельныя дипломатическія сношенія; послѣ избранія онъ долженъ ѣхать въ Москву, тогда какъ прежде дѣло ограничивалось письменнымъ сообщеніемъ; митрополитъ кievскій окончательно подчиненъ патриарху московскому,

мимо константинопольскаго; воеводы московскіе, кромѣ Кіева, получили право находиться еще въ 5 городахъ: Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, Брянскъ и Умань; подтвержденіе старыхъ правъ и привилегій войска запорожскаго, данное прежде въ *особой* грамотѣ, вовсе не возобновлено. Любопытно, что въ самой Малороссіи эта новая редація въ 1659 г. принята была за подлинныя статьи Богдана Хмельницкаго, введена официально по просьбѣ самого войска запорожскаго и распространена по всей Малороссіи путемъ печатнаго изданія.

Отмѣтимъ здѣсь еще интересную статью А. А. Востокова *Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 г.*, составленную на основаніи статейнаго списка этого посольства, найденнаго составителемъ въ столбцахъ Сибирскаго приказа (московскій архивъ мин. юстиціи). Статейный списокъ ярко очерчиваетъ роль Мазепы въ подготовкѣ втораго крымскаго похода. Шакловитый является къ нему съ вопросомъ, какъ отнестись къ предложенію молдавскаго господаря—идти на Дунай и на Балканскій полуостровъ, гдѣ предполагается общее возстаніе сербовъ, болгаръ и волоховъ, „и будетъ путь до Царяграда безъ помѣшки“. Мазепа съ большимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и международныхъ отношеній разбиваетъ этотъ планъ; отчасти не совсѣмъ добросовѣстно подтасовывая доказательства, онъ настаиваетъ на походѣ противъ Крыма, но необходимымъ условіемъ его считаетъ своевременное выступленіе въ февраль, такъ чтобы можно было перейти въ Крымъ еще по льду, минуя Перекопъ.

Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ г-жи Е. Θ. Юнге, не представляя ничего особенно новаго, дополняютъ нѣсколькими индивидуальными штрихами въ общемъ уже достаточно выяснившуюся біографію знаменитаго историка. *Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ* г-жи Над. М. Кибальчичъ, напротивъ, сообщаютъ любопытныя новости объ интимной жизни знаменитаго поэта: дѣло идетъ объ его сближеніи и потомъ ссорѣ съ невѣстой, простою малороссійскою крестьянкой, польстившеюся сначала на его подарки, потомъ вызвавшюю раздраженіе со стороны разочаровавшагося, очевидно, въ ней Шевченка, и въ свою очередь раздражившеюся на его грубое обращеніе, которымъ онъ ей мстилъ за свое разочарованіе... Исторія довольно некрасивая и грязная. Отмѣтимъ здѣсь еще біографическій очеркъ писательницы—Анстасіи Яковлевны Марченко, составленной Е. С. Некрасовой, и обстоятельную біографію извѣстнаго администратора А. А. Веклешова, лифляндскаго губернатора, потомъ намѣстника Орловскаго курскаго намѣстничества при Екатеринѣ II, черниговскаго, потомъ подольскаго и минскаго, потомъ кіевскаго и малороссійскаго ген.-губернатора и, наконецъ, генераль-прокурора—при Павлѣ, московскаго военнаго губернатора—при Александрѣ. Біографія составлена проф. В. С. Иконниковымъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ статьяхъ археологическаго характера: Н. Θ. Вѣляшевскій въ статьѣ *Первобытннй человекъ на берегахъ р. Днѣпра вблизи г. Кіева* описалъ нѣкоторыя находки каменнаго вѣка въ указанныхъ мѣстностяхъ; г. В. З. Завитневичъ напечаталъ рефератъ, читанный на VIII археологическомъ съѣздѣ: *Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ*. Объ этомъ рефератѣ, впрочемъ, сообщено было въ *Русской Мысли* при обзорѣ дѣятельности московскаго съѣзда (апрѣль). Изъ приложеній отмѣтимъ *Черниговскую летопись (1587—1725)*, переизданную А. М. Лазаревскимъ по новому списку, болѣе исправному, чѣмъ текстъ, изданный Вѣловскимъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

І. Книги.

Стр.

- Веллетристика:** „Сочиненія“. *М. Е. Салтыкова*. — „Темное дѣло“. *Я. Вас-
келя* 295
- Публицистика:** „Безъ заглавія“. *А. Кугеля* 302
- Политическая экономія, финансы и статистика:** „Основныя начала фи-
нансовой науки“. *И. И. Янжула*. — „Das Problem der Grundbesitzvertheilung in
geschichtlicher Entwicklung“ von *Miaskowski*. — „Краткій историческій очеркъ
подворно-статистическихъ изслѣдованій въ Россіи“. *Е. С. Филимонова* 303
- Юридическія книги:** „Курсъ уголовного права“. *И. Я. Фойницкаго*. — „Па-
мятная книжка московск. архива мнн. юстиціи“. — „Указатель свода законовъ, про-
долженій и поддѣльныхъ узаконеній“. *Ф. Демисенко*. — „Справочная книга для зем-
скихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уѣздныхъ
членовъ окружнаго суда“. *Теляжковскаго*. — „Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte“
von *Richard Schröder* 307
- Языковѣдѣніе, этнографія:** „Розысканія въ области русскаго духовнаго
стиха“. *Акад. А. Н. Веселовскаго*. — „Пова сборка народныхъ малорусскихъ пры-
казокъ“. *Комарова*. — „Одиссея“. *Гомера* 313
- Естествознаніе:** „Современная теорія состава электролитическихъ раство-
ровъ“. *С. Арениуса*. — „Метеорологическое обзорѣніе“. *А. Клоссовскаго* 316
- Сельское хозяйство:** „Объ условіяхъ разведенія домашней птицы въ Россіи“. *П. И. Елачина*. — „Бесѣды о молочномъ хозяйствѣ“. *А. Каламтара*. — „Пособіе
при выборѣ и покупкѣ сельско-хов. машинъ и орудій“. *В. В. Чермлева*. — „Осно-
вы улучшающаго землю хозяйства“. *Э. Лекута*. — „Крестьянскій садъ“. *Э. Янковскаго*. —
„Списокъ винокуренныхъ заводовъ Россійской имперіи“. — „Труды Императорскаго
кавказскаго общества сельскаго хозяйства“ 319
- Медицина:** „Вѣстникъ общественной гигиены, судебной и практической ме-
дицины“. — „Зубы и ихъ сохраненіе“. *П. Ѡ. Федорова*. — „Руководство къ фарма-
цевтической и медико-химической практикѣ“. *Н. Hager'a*. — „Электротехника и
электродиагностика въ медицинѣ“. *А. Х. Репмана*. — „Краткій курсъ оперативной
хирургіи“. *Вл. Попова*. — „Руководство къ клиническому пользованію лѣкарствами
для врачей и студентовъ“. *Фр. Пенцолмта* 328

Дѣтскія книги и учебники: „Двѣ сказки Уйда“. *Перев. В.-М. Гаршина.* — „За чужимъ горбомъ“. *А. В. Крумова.* — „Гайавата“. *Лотфелло.* — „Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника“. *В. О. Крижа.* — „Опытъ систематическаго повторительнаго курса во всеобщей и русской исторіи“. *Е. Крумовъ.* — „Браткія бесѣды о томъ, какъ люди стали грамотными“. *П. Полякова.* 327

Справочныя книги: „Путеводитель по московской святинѣ“. *Ф. И. Рымина.* — „Таблицы для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно“. *П. А. Гетье.* — „Обиходная реченатура“. *Эмме.* — „Словарь кавказскихъ дѣателей“. 344

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, июнь. — „Русскій Вѣстникъ“, апрель — май. — „Кіевская Старина“, ноябрь 1889 г. — май 1890 г. 347

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

„ПОСРЕДНИКЪ“

(С.-Петербургъ, Лиговка, д. № 29)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ:

№ 511. Про пчелъ и про уходъ за ними. (Описаніе жизни пчелъ и руководство къ разумному пчеловодству): Составилъ учитель—пчеловодъ С. Красноперовъ. Ц. 10 коп.

№ 94. Два разсказа крестьянина С. Семенова: I. Мароуша сирота. II. Поднасокъ Федька. Ц. 8 к. № 49. Маленькія ребята. Разсказъ и стихи. Съ рисунками Е. Бѣмъ. Ц. 1½ к. № 77. Александръ Македонскій, знаменитый завоеватель, прозванный Великимъ. Изъ древней исторіи. Ц. 10 к.

Красенная картина: Царь Кануть и его придворные. Ц. 5 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ НОВЫЯ КНИЖКИ И КАРТИНЫ.

КРОМЪ ТОГО, ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

№ 18. Жизнь и ученіе Сократа. Ц. 3 к. № 81. Римскій мудрецъ Эпиктетъ, его жизнь и ученіе. Ц. 7 к. № 68. Размышленія римскаго императора Марка Аврелія. Ц. 5 к. № 75. Французскій ученый Власъ Паскаль, его жизнь и труды. Составилъ А. Орловъ. Ц. 5 к. № 45. Гоголь, какъ учитель жизни. Составилъ Орловъ. Ц. 8 к.

Разсказы Н. С. Лѣскова: № 80. Фигура. № 91. Совѣстный Даніло. № 92. Прекрасная Аза. Ц. 1½ к. № 96. I. Левъ старца Герасима. (Съ рисункомъ И. Е. Рѣпина). II. Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ. Ц. 1½ к.

Разсказы крестьянина С. Т. Семенова: № 47. „Два брата“. Ц. 3 к. № 48. „Въ городъ“. Ц. 1½ к. № 53. „Не въ деньгахъ счастье“. Ц. 1½ к. № 70. „Вино“. Ц. 1½ к. № 90. Три разсказа: I. „Наслѣдство“. II. „Дворникъ“. III. „Сонъ Максима“. Ц. 1½ к.

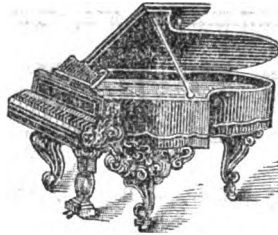
№ 74. Грѣхъ и безуміе пьянства. Сборникъ поученій противъ пьянства. Ц. 1½ к. № 76. Какъ живутъ китайцы. Ц. 3 к. № 79. Василиса Марковна или правда и въ сарафанѣ сильна. Сцени въ лицахъ Н. А. Полушина. Ц. 1½ к. № 82. На память внукамъ. Сборникъ стихотвореній А. Бариковой. Ц. 3 к. № 83. Собака. Разсказъ Е. Шелеметьевой. Ц. 1½ к. № 84. Спасенный. Повѣсть въ стихахъ (изъ Тенисона). А. Бариковой. Ц. 2½ к. № 86. Три разсказа: I. Совѣсть. II. Орехъ. III. Какъ въ старину судили. Ц. 3 к. № 87. Флутъ. Сцени въ лицахъ Н. А. Полушина. Ц. 1½ к. № 88. Питомка. Разсказъ В. С. Ц. 1½ к. № 89. Дикіе подарки. Разсказъ О. Руновой. Ц. 1½ к. № 93. Земля—кормилица. Сборникъ пѣсней, стиховъ, пословицъ и загадокъ. Состав. И. Горбуновъ—Посадовъ. (Съ рисунками Е. М. Бѣмъ). Ц. 10 к.

Красенныя картины: Искушеніе Господа нашего Иисуса Христа. Ц. 25 к. Страданія Господа нашего Иисуса Христа. Ц. 25 к. Два брата и золоте. (Рисов. И. Рѣпина). Ц. 25 к. Вражье дѣло, а Божье крѣпко. (Рисов. И. Рѣпина). Ц. 5.

На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ новый каталогъ всѣхъ изданій (различныхъ издательствъ), продающихся въ складѣ. Желающіе получить этотъ каталогъ подъ простой бандеролью должны выслать въ складъ 4 коп. почт. марками, заказн. бандеролью—11 к. почт. марками. Сельскимъ школамъ каталогъ будетъ высылаться бесплатно.

МАГАЗИНЪ

РОЯЛЕЙ и

ПИАНИНО

С. К. МАЕВСКАГО.

Москва, Петровка, Петровскія линіи.

ИНСТРУМЕНТЫ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ.

ЦѢНЫ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТАМЪ.

ПИАНИНО:

РОЯЛИ:

— Будуарь — Кабинетъ — Салонъ — Концертъ —
375, 380, 400, 425, 450, 475, 500, 525, 550, 600, 650, 750,
550, 600 и 700 рублей. 500, 525, 550, 575, 600, 650, 750,
900, 1100 и до 1800 рублей.

NB. Принимаются особые заказы на пианино по доставленнымъ рисункамъ и въ требуемомъ стилѣ.

Д Е П О

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

СТАРѢЙШЕЙ ИЗЪ РОССИЙСКИХЪ, ОБРАЗЦОВО ПОСТАВЛЕННОЙ
ФОРТЕШАННОЙ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

БРАТЬЕВЪ

Р. и А.

ДИДЕРИХСЪ

DIDERICHS FRÈRES

существующее съ 1810 г.

Единственный представитель фабрикъ

ЛИНДЕ и ВЕЙНБЕРГЪ, А. МАЮРЪ и друг.

Продажа, прокатъ, настройка, ремонтъ, упаковка, транспортировка.

Пріемъ на комиссію и на храненіе. Осмотръ и оцѣнка инструментовъ по порученію гг. желающихъ пріобрѣсти таковые изъ частныхъ рукъ.

ДОСТАВКА НА ГОРОДА СЪ ПОЛНЫМЪ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ И ОТВѢТСТВЕННОСТЬЮ ЗА КАЧЕСТВО ВЫСЫЛАЕМЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

	Стр.
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— В. А. Г.	131
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Географическія новости.— В. М. Михай- ловскаго.	139
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Сессія IV международнаго тюрем- наго конгресса въ Петербургѣ. — Новое «положеніе» о зем- скихъ учрежденіяхъ.— Состоявшіяся измѣненія въ росписаніи уроковъ въ гимназіяхъ.— 25-тилѣтіе взятія Ташкента.— От- крытіе памятника Тютчеву на «Братской могилѣ». — Рѣшеніе вопроса о коммерческомъ портѣ въ Феодосіи. — Освобожденіе севастопольскихъ домовладѣльцевъ отъ поземельнаго сбора .	165
XVII. Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ—В. КРЕСТОВСКІЙ-ПСЕВДОНИМЪ. (Биб- ліографическій очеркъ).— Я.	191
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.— Политическая экономія, финансы и статисти- ка. — Юридическія книги. — Языковѣдѣніе и этнографія. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Дѣт- скія книги и учебники. — Справочныя книги. II. Периоди- ческія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль.— «Русскій Вѣст- никъ», апрѣль—май.— «Кіевская Старина», ноябрь 1889 г.— май 1890 г.	295

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1890 годъ

(одинадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во				
всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 >	7 >	3 > 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Б°, Невскій Пресн., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.**

NOV 22 1975
IN STACKS

CLERK (N)

FEB 16 1976

REC. CIR. MAR 4 '76

JUN 27 1984

REC. CIR. APR 3 '88

LD 21-85m-7,'37